529004
К

НАРТҰЛҒА

Медеу
Сарсеке

ЕВНЕЙ БУКЕТОВ

НАРТҰЛҒА

Медеу Сарсеке

ЕВНЕЙ БУКЕТОВ

(ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ)

"Фолиант" баспасы
Астана
2007

ББК 63.3 (5 Каз)
С 20

Автор благодарит
акима Северо-Казахстанской области
Таира Аймухаметовича Мансурова
за оказанное содействие в издании настоящей книги
о выдающемся ученом, академике Е.А.Букетове

Рецензенты:
Савченко Т.Т. – доктор филологических наук, профессор;
Малышев В.П. – доктор технических наук, профессор

С 20 **Сарсеке М.**
Евней Букетов. – Астана: Фолиант, 2007. – 648 с. + 16 с. вкл.

ISBN 9965-35-145-7 529004

За свою не столь долгую, но яркую жизнь академик НАН РК Евней Арыстанулы Букетов внес огромный вклад в развитие отечественной науки и создал свою научную школу. Выдающийся ученый, талантливый педагог, глубокий, вдумчивый писатель, литературный критик, обладавший острым пером, одаренный переводчик – вот неполный перечень незаурядных способностей Евнея Букетова.

В данном своем труде известный казахстанский писатель М. Сарсеке, хорошо знавший Е.А.Букетова и поддерживавший тесные отношения со своим наставником на протяжении многих лет, сумел правдиво и образно раскрыть разносторонние грани неординарной, уникальной личности и крупного ученого.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

С $\frac{0503020905}{00(05)-07}$ **ББК 63.3 (5 Каз)**

ISBN 9965-35-145-7

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА г. Петропавловск

© Сарсеке М., 2007
© Издательство «Фолиант», 2007

УРОКИ УЧИТЕЛЯ

Еще в молодые годы я испытывал восхищение разносторонними талантами Евнея Арыстанулы Букетова, который был не только признан неоспоримым авторитетом среди наших ученых-металлургов и химиков, но обладал еще и замечательным литературным даром. Из русской истории я знал о такой исключительно редкой личности, как А.П.Бородин, который весьма успешно занимался не только медициной и химией, но и создал подлинные музыкальные шедевры — романсы, симфонии. Вершиной его творчества в искусстве, как известно, явилась знаменитая опера «Князь Игорь», где он, кстати, глубоко проник в мотивы музыки народов Востока. Переплетение русских и восточних тем характерно и для его симфонии «В Средней Азии», чем его творчество стало особенно близким мне. Евней Арыстанулы напоминал мне этого прославленного человека, особую гордость у меня вызывало то, что он был наш, являлся живой частью нашей казахской земли, веткой могучего дерева, из которого произросли Абай, Ауэзов, Шакарим и другие великаны национальной культуры. Потому я всей душой стремился хотя бы раз увидеться с ним. Подходящий для этого случай выпал в 1975 году. В тот год Евней Арыстанулы приехал в командировку в Чимкент, в Казахский химико-технологический институт, где я, тогда еще кандидат наук, работал на кафедре химии. Во время встречи между нами как-то сразу завязался задушевный разговор. Узнав, что я начал подготовку к защите докторской диссертации, Ебеке дал мне конкретные рекомендации, горячо одобрив выбранное научное направление.

Меня покорили простота и скромность известного ученого, его дружеская манера общения с молодыми научными сотрудниками, полное отсутствие высокомерия и снисходительности по отношению к ним, и я с той поры старался держаться ближе к этому замечательному человеку. Судьба была в этом благосклонна ко мне — мы оба занимались научными изысканиями в области химических наук и наши встречи стали довольно частыми.

Одна из них произошла в Москве, где в январе 1981 года на ученом совете в Химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева состоялась защита моей докторской диссертации. Узнав, что Букетов прибыл в Москву и устроился, как и я, в гостинице Академии наук на Октябрьской площади, я поспешил к нему на встречу. Он был не один, вместе с ним в номере находился наш земляк – известный поэт Какимбек Салыков, работавший в то время на ответственной должности в аппарате ЦК КПСС. Евней Арыстанулы обрадовался моему визиту. Знакомя меня с Салыковым, он так отозвался обо мне: «Вот, настоящий батыр, не испугался Москвы и блестяще защитил здесь докторскую диссертацию!» Затем с истинно казахским радушием и гостеприимством усадил меня за стол и стал угощать домашними яствами, национальными кушаниями – казы, карта... Беседуя с Ебеке, я обнаружил, что он был в курсе моих научных исследований. Мы обсудили некоторые вопросы. Поразительно, уже тогда он предвидел бурное развитие электрохимии и рекомендовал мне сосредоточить свои исследования на этой отрасли. Благожелательный совет Евнея Арыстанулы, прозорливые слова ученого впоследствии стали моим жизненным ориентиром, главным вектором в моей профессиональной деятельности.

В ноябре следующего года по рекомендации ЦК КП Казахстана я был назначен проректором КарГУ. По прибытии в Караганду отправился к Букетову. Евней Арыстанулы радушно встретил меня, выразив удовлетворение тем, что я направлен в университет, основателем которого являлся он сам.

В Караганде мы стали дружить семьями. Особой любовью Евнея Арыстанулы пользовался мой младший сын Галымжан, бойко говоривший на родном языке. «Этот батыр словно вырос в древней казахской степи – такая у него самобытная речь, для нынешней молодежи это редкость» – удивлялся Ебеке иной раз. Помнится еще один поучительный эпизод из нашего с ним общения: дело было в больнице, он извлек из-под подушки толстую книгу. «Мурат, – сказал он, протягивая ее мне, – эту книгу я взял у одного ученого-москвича, на днях должен вернуть хозяину. Хотел почитать ее, да врачи не разрешают. Предлагаю просмотреть на досуге, если имеешь желание...». Книга называлась «Путеводитель для русского человека по Средней Азии и Алтаю». Была издана в Санкт-Петербурге в 1901 году. Она оказалась весьма любопытной по содержанию, я быстро прочитал ее от корки до корки. В ней было много статистических

данных, документального материала о различных губерниях и уездах, о численности населявших их казахов и русских, подробно описывались быт и нравы, царившие в те далекие времена в аулах и селах. Я переписал для себя наиболее примечательные места и вновь отправился в больницу, чтобы вернуть Букетову книгу. Узнав, что я сделал выписки, улыбаясь, он заметил: «В этой книге кладезь полезных сведений. Свет ведь не сошелся клином на одной химии. В общем, в книге много информации для ученого, который не ограничивается узкими рамками одной науки. Я тебе ее и дал не просто так, а с умыслом. Я рад, что ты меня правильно понял!..»

Надо сказать, Евней Арыстанулы мог иногда озадачить окружающих его людей, что некоторыми воспринималось как чудачество, странность его своеобразного характера. На самом деле в его кажущихся резких высказываниях всегда содержалось рациональное зерно, остроумный намек на конкретную ситуацию, отеческий совет, как проникнуть в научные тайны.

Весной 2004 года ко мне с просьбой поделиться воспоминаниями об Евнее Арыстанулы обратился писатель Медеу Сарсеке из Семипалатинска. До этого мы с ним не были знакомы. Я лишь знал, что он был автором документальной книги о Каныше Сатпаеве. Как оказалось, он был также учеником Букетова, ему посчастливилось не только слушать в студенческие годы лекции ученого-металлурга, но и защитить свою дипломную работу под его непосредственным руководством.

Наша беседа постепенно перешла к трудной и переменчивой судьбе Евнея Букетова. Мой собеседник сказал, что он работает над документальной книгой о нем, за это неимоверно трудное дело взялся по просьбе близких людей покойного ученого, ему активно помогают беззаветно преданные учителю питомцы и продолжатели научной школы Е.А.Букетова. Он знал о наших добрых отношениях с ним, оказалось, читал мои воспоминания о нем. Было заметно, что писатель основательно подготовился к встрече со мной, задал мне заранее заготовленные свои вопросы. Я дал на них по возможности полные и точные ответы. Должен сказать, что говорить о человеке, которого высоко чтишь и безмерно уважаешь — огромное удовольствие.

Мне импонировало и то, что Медеу Сарсеке не только знал Букетова с 1953 года, со своих студенческих лет в стенах Казахского горно-металлургического института, но и продолжал поддерживать с ним тесные отношения в последующие после окончания учебы годы.

Именно это представляло автору будущей биографической книги об Евнее Арыстанулы весьма редкую, можно сказать, уникальную возможность достоверно, выпукло, зримо воссоздать средствами художественного слова образ ученого. По профессии Медеке – металлург. А перо в его руках, как говорится, от Бога. Такое редкое сочетание писательского призвания и технической профессии обещало автору будущей книги верный успех. Преисполненный благих надежд и добрых ожиданий, я, конечно, выразил желание ознакомиться с рукописью будущей книги. Писатель обещал по завершении своего произведения представить мне такую возможность...

И вот передо мной лежит готовый к изданию экземпляр увесистой рукописи «Евней Букетов (Феномен личности)». С нетерпением я приступил к ее чтению. Скажу честно, что у меня сразу же возникло ощущение новой встречи с Ебеке, с которым я часто общался, которого хорошо знал и очень уважал. Как читатель и ученый-химик, не понаслышке знакомый с научной деятельностью Евнея Арыстанулы и являвшийся его учеником, могу с уверенностью сказать, что автору книга несомненно удалась, с ее страниц Ебеке как бы снова пришел к нам таким, каким мы его знали. Жизнь есть жизнь. Она не всегда совпадает с нашими планами и желаниями, а подчас грубо навязывает свои условия, заставляет жертвовать чем-то дорогим. Все это испытал Ебеке. Автор сумел не только воссоздать достоверный образ своего героя, но и раскрыть разносторонние грани неординарной личности, крупного ученого. Писатель убедительно пишет о Букетове как о талантливом переводчике и вдохновенном поэте, глубоком, вдумчивом писателе и одаренном ученом, причем выходце из аула. Увлекательно рассказывает о нелегком пути Букетова к вершинам науки, подкрепляя свой рассказ документами и свидетельствами очевидцев. В этом весьма занимательном и обстоятельном рассказе отражена сама жизнь во всех ее красках – свет и тени, без малейшего отклонения от истины.

Не скрою, возможно, в книге слишком обнажены неприглядные факты и события прошлых лет. Но такова правда жизни, и ничего тут поделать нельзя. Как говорится, из песни слова не выкинешь.

Не секрет, что казахстанская наука намного запаздывала в становлении, тем не менее, такие опережавшие свое время личности, как Каныш Имантайулы Сатпаев и его талантливые последователи со своими основополагающими трудами и замечательными открытиями не дали ей оказаться в хвосте мировой науки.

Кстати, и сегодня наша наука занимает достойное место. Вот только обществу об этом известно непростительно мало. Главная причина этого упущения кроется в недооценке обществом роли науки, а журналисты и писатели мало пишут о творцах науки, у нас почти нет специалистов-литераторов, интересующихся научными достижениями, глубоко понимающих ее значение в развитии государства. Я знаю немного примеров литературы такого рода. Это прекрасные эссе Евнея Букетова «Святое дело Чокана» и его «Шесть писем другу», книга воспоминаний академика Ш.Ч.Чокина «Четыре времени года», известные произведения Медеу Сарсеке об академике Сатпаеве, документальная книга Нурмахана Оразбека «Шапык Чокин», недавно вышедшая в издательстве «Казахстан» в серии «Личность и время». Теперь к ним добавилось новое произведение «Евней Букетов (Феномен личности)». Думается, нам стоит всерьез позаботиться о систематическом издании таких добротных книг весьма интересной серии.

Что касается данного произведения, допускаю неоднозначность его восприятия читательской аудиторией. В книге много документального, кто-то, вероятно, найдет в ней себя, своих коллег и знакомых. Кому-то покажется спорным изложение определенной драматической части материала. Тем не менее, нужно признать несомненную заслугу автора, создавшего довольно смелое, главное — правдивое произведение, достойное высокого имени Евнея Букетова, отражающее масштабную, уникальную, разностороннюю деятельность крупного ученого и Человека с большой буквы. Писателю удалось, основываясь на подлинных документах, по-своему и по-современному взглянуть на сложную судьбу своего героя с позиций сегодняшнего дня и реалий нынешнего времени. Уверен, читателям, а особенно тем, кто решился идти в своей жизни по тернистому пути научных изысканий, как воздух, нужна одна лишь правда, как бы горька и тяжела она ни была. И в этих дерзаниях во имя науки «Евней Букетов (Феномен личности)», несомненно, им окажет услугу, особенно всем тем, кто дорожит истинно национальными ценностями нашей культуры.

***Мурат ЖУРИНОВ**, президент НАН РК*
Алматы

«... Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каныша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди – наша национальная гордость – долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы с любовью и чувством неизбывной вины возвращаем народу имена репрессированных, оболганных... Да, поздно, надо было раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...

Нурсултан НАЗАРБАЕВ,
Первый секретарь ЦК КП Казахстана,
«Правда», 23 февраля 1990 г.

«Перед Евнеем Букетовым, как две нитки рельсов, было два пути: науки и литературы. Он не разделял их, старался пройти по обоим... Одолев пятидесятилетний рубеж своей жизни, в расцвете сил, он без задержки и издержек, по-прежнему уверенно идет к вершинам науки и искусства. В добрый путь, дорогой друг!..»

Зейнолла КАБДОЛОВ, академик НАН РК,
1975 год

«Дорогой Евней Арстанович, Караганда стоит над громадной толщей угля, и Вам судьбой предначертано заниматься проблемой ожижения ее... Конечно, получить дешевый бензин из угля – не так уж просто, все-таки откладывать это дело из-за сложности на будущее не стоит и времени терять нельзя...»

В.И.СПИЦИН, академик РАН,
Герой труда,
Москва, 1979 год

«В XX веке жили и творили пять великанов казахской научной мысли – Каныш Сатпаев, Алькей Маргулан, Шапык Чокин, Шахмардан Есенов и Евней Букетов...»

Азильхан НУРШАИКОВ,
Народный писатель Казахстана, 1997 год

ГЛАВА
ПЕРВАЯ

К УРАЛЬСКИМ ПРЕДГОРЬЯМ - С БЕРЕГОВ ЕСИЛЬ-РЕКИ, КАТИЛСЯ ГОЛОДНЫЙ ЛЮД В НАДЕЖДЕ СПАСТИ ДУШИ

**Есиль* - казахское название реки, позднее русские поселенцы переименовали ее в Ишим, в дальнейшем мы будем употреблять первоначальное название реки.

«Дорогой, любимый мой брат Еслямбек!.. Знаю, нет рядом с тобой умного друга, способного дать тебе дельный совет. Что ж, в таких случаях приходится рассчитывать только на себя. Наш отец никогда ни на кого не обижался и был добрым, житейски мудрым человеком. Мать наша, покойная Бальтай, добрейшей души женщина, хотя жила бедно, всегда спешила чем-то помочь нуждающимся людям...»

Евней БУКЕТОВ,
1 ноября 1983 года

I

Из шанырака* Арыстана, сына Бокета (Букета) доносился звонкий крик новорожденного младенца, девятого по счету. Это случилось на рассвете нового дня первого месяца года Коровы по мусульманскому летосчислению. Об этом событии сам новорожденный, став уже взрослым человеком, писал в своей автобиографии: «Я родился 23 марта 1925 года в ауле Баганаты Октябрьского района (в годы советского правления этот район назывался Тонкерис, затем долгие годы Октябрьским, с 1962 года – Сергеевским, а в 1992 году получил имя Шалакына – М.С.) в семье бедного шаруа**».

Однако в эту запись мы вынуждены внести существенные коррективы.

Дело в том, что в своей книге воспоминаний «Друг мой, брат мой» Камзабай Арыстанулы, десятый ребенок этого шанырака, вносит вот такое уточнение: «Мы с Евнеем родились в небольшом ауле – «У мечети», названном так после появления в нем деревянной мечети. Через три двора от нее пролегала проселочная дорога, которая, огибая наше зимовье, тянулась вдоль старого русла реки и приводила путника в соседнее селение – «Большой аул»... На небольшом холме расположился третий аул, который назвали «Аул у родника». В воспоминаниях, написанных Камзабаем Букетовым в преклонные годы, после кончины старшего брата, воспроизведен план местности: среди широкой, неоглядной степи, как островок в океане,

---

* *Дословно*: крыша дома, в данном случае означает родной дом.

** Крестьянин.

высится небольшой холм, на западном склоне которого темнеют каменные бугорки – места захоронения людей из рода Алыпкаша; чуть ниже – возвышается мечеть с деревянной крышей и тремя окнами, выходящими на север, минаретом, верхушку которого венчает изогнутый полумесяц; недалеко от мечети располагался невысокий домик с хозяйственными постройками, обнесенный частоколом; между мечетью и сопкой ютились три домика, один из них, с более просторным двором, художник-любитель отметил звездочкой – в этом доме и родился Евней Букетов. Камзабай Арыстанулы далее с грустью вспоминает: «Прошли годы и трудно поверить в то, что от аула, близкого моему сердцу, где когда-то жили наши предки, проходили их трудовые будни, не осталось и следа. На месте «Большого аула» в настоящее время бушуют волны рукотворного Сергеевского водохранилища, а через «Аул у родника» проходит подземная водопроводная трасса в кокшетаускую сторону. И только бугорки на месте исчезнувшего аула «У мечети» да родовое кладбище на возвышенности неподалеку, где похоронено несколько поколений наших предков, напоминают о том, что здесь когда-то жили люди...»

Из той же книги мы узнаем, что три обособленных аула имели общее название Алыпкаш. Алыпкаш – имя воина, проявившего беспримерную доблесть и стойкость в сражениях с джунгарами. Согласно преданиям, он до глубокой старости не сходил с коня и не выпускал свое копье из рук. А когда батыр был смертельно ранен, то соратники вынесли его, истекающего кровью, с поля боя и привезли, перекинув через седло боевого коня, в родной аул. На правом берегу Есиля, в местности Аютас, что вблизи и поныне стоящего здесь аула Каратал, тело его предали земле. Старожилы с тех пор чтят это место как святое, проложенная к нему тропа никогда не зарастает травой. А народная молва о ратных делах Алыпкаш-батыра передается из уст в уста, из поколения в поколение. В память о батыре его именем назван не только аул, где проживают многие его потомки, но и степное озеро, раскинувшееся в двухстах верстах от этих мест. На южном берегу озера жили люди

из рода атыгай, на северном – сибанцы из большого рода керей. В автобиографической книге известного казахского писателя, потомка сибанцев, Сабита Муканова «Школа жизни» есть упоминание об этом озере: «В семи-восьми верстах от нашего родного аула Жаманшубара раскинулось поросшее высоким и толстым, как жерди, камышом озеро Алыпкаш. Вокруг нашего поселения из этого камыша делались защитные ограждения от снежных наносов, по мере их роста они наращивались, в некоторые годы ограждения напоминали стены неприступной крепости, не давая приезжим прохода в аул...»

В памяти потомков сохранилось множество легенд о батыре. Одна из них рассказывает о происхождении имени Алыпкаш: будто бы его отец Нак-батыр обладал недюжинной физической силой, но омрачало ему жизнь отсутствие наследника, которому он мог бы передать свое боевое оружие – рождались только девочки. И вот, гласит легенда, когда отважному Наку уже было под семьдесят, его младшая жена родила, наконец, сына. Известно, что батыры отличаются крутыми нравами, а Нак к тому же был неслыханным упрямцем. «Уа, тугоухий Бог мой! Не внимавший моей мольбе на протяжении целых пятидесяти лет, решил-таки потешиться надо мной, когда мне остался до могилы всего лишь один шаг?! – вопрошал он. – Аллах несправедливо поступил со мною, ну, нет, я никому не позволю насмехаться над отпрыском бесстрашного Нака, не быть ему сиротой, лучше его зарублю!.. – и, вынув из ножен саблю, поскакал в свой аул. Зная крутой нрав батыра, аульчане увезли младенца в соседний аул и спрятали.

По этой причине его сына назвали Алыпкаш (дословно: бери и убегай).

По словам очевидцев, могучий Нак дожил почти до 120 лет и превратился, в конце концов, в немощного дряхлого старца. Он стал так слаб и стар, что уже не мог самостоятельно сесть в седло. Потеряв все зубы, Нак не мог есть твердую еду и вынужден был питаться лишь жидкой молочной кашей. Во время летней откочевки на джайляу для старого батыра изготавливали специальную волокушу из прочных березовых стволов, на нее стелили молодые ветви, а поверх них – мягкую

кошму. На подготовленное ложе укладывали обессилевшего старика, в волокушу впрягали пару быков, которые тянули ее в конце каравана. И вот ведь как складывается порой жизнь – погонщиком этих волов был не кто иной, как младший внук Нака, родившийся от шестого сына Алыпкаша по имени Кашкинбай...

Из воспоминаний Камзабая Букетова мы узнаем, что жители всех трех названных аулов, к началу XX века составившие самостоятельный род, являются потомками семи сыновей Алыпкаша Накулы. В августе 2003 года, путешествуя в тех местах, я, автор этой книги, посетил старый курган, расположенный на восточной стороне бывшего аула Алыпкаш. На высоком могильном камне была высечена полная печали эпитафия:

«Здесь, в широкой степи,
Под синими небесами, за Есиль-рекой –
Потомки Алыпкаш-батыра обрели покой:
АЛИМБАЙ, ТОКА, КАШКИНБАЙ,
ТАСЕН, КОСТАНАЙ, ТОКБОЛАТ,
БОСТАН – ровно семь его сыновей...»

От пятого сына Алыпкаша, упомянутого на памятнике – КОСТАНАЯ – родились сыновья – Кошимбай, БОКЕТ* (нареченный при рождении Тумырза) и Сактаган. У БОКЕТА было шестеро детей: сыновья – АРЫСТАН, Ыбырай, Маутай, Канапия и две дочери – Казипа и Даляпраз.

В своей книге «Шесть писем другу» Евней Букетов вспоминает напутствие-благословение одного из аксакалов родного аула – Аягана (Алжигана), которое тот высказал ему перед отъездом на учебу в Алматы: «Наш род был прославлен не только гремевшими по всей степи именами батыров, но еще нерушимой в веках крепкой дружбой между собой. Береги свою честь и достоинство, сын мой, как твой славный предок Алдакаш! Батыром можешь не быть, но не позволяй никому

* При оформлении советского паспорта в 30-е годы прошлого века в Курганской области Российской федерации имя Бокета исказили, переделав в Букет.

унижать себя! Да будет в пути конь твой рысист и помогут тебе великие духи наших предков, аминь!..»*

Когда сватали Кенжетай, будущую жену Бокета, ее свекор Костанай был во здравии. По словам Кенжетай-апа**, умершей в 1951 году, в возрасте 93 лет, он был высоким, худощавым, кареглазым жигитом. Был он бедным шаруа, имевшим лишь небольшое хозяйство, едва позволявшее содержать семью. Несмотря на это, Костанай держался независимо, с достоинством. Выручали его золотые руки, был он настоящим умельцем – мог сшить сапоги, сплести плетку для коня, смастерить инкрустированную металлом и костью кровать, изящный сундук, выковать подкову и саблю, он мял железо, словно тесто из муки. Сыновья Костаная унаследовали его ремесло. Средний сын Бокет, живший скромно, довольствуясь малым, умер от неизвестной и продолжительной болезни в возрасте пятидесяти двух лет от рождения, когда его старшему сыну Арыстану исполнилось лишь четырнадцать лет. Другой сын Бокета – Канапия – умер молодым. Дочь Даляпраз была выдана замуж в пятнадцать лет, через два года она умерла при родах. Четверо детей Бокета, со временем создав семьи, жили отдельными домами и счастливо продолжили его родословную.

* * *

Алыпкаш-батыр, прапрадед детей Арыстана в пятом колене, жил в середине XVIII столетия, в конце долгого 250-летнего казахско-калмыцкого противостояния. То был период объединения сил для защиты своих территорий, период побед хана Аблая, сопровождавшихся постепенным вытеснением джунгарских завоевателей с северных и восточных окраин – с берегов благодатных рек Есиля, Нуры, Тургая, Кенгира, Сарысу – и, наконец, окончательного изгнания извечных врагов с

* В своем автобиографическом произведении Евней Арыстанулы изменил имена некоторых своих героев. Например, свой род он назвал Алдакаш, себя – Мажитом Мукановичем Нурбаевым, мать Бальтай – Умсын, бабушку Кенжетай – Патшайым...

** Бабушка.

обширных земель Прииртышья, богатых пастбищами. После этих побед почти все роды, рассеявшиеся в годы «великих бедствий» вдоль западных берегов Сырдарьи, Жема, Ойыла, Жаика, в окрестностях Бухарского ханства, возвратились в исконные места обитания. Именно в эти годы произошли решающие сражения с калмыками, десятилетиями совершавшими грабительские набеги на казахские аулы, которые, встретив ожесточенное сопротивление, потеряли бывший воинственный дух. Молва гласит, что Алыпкаш-батыр в этих сражениях проявил исключительное бесстрашие и мужество. Освободив от ненавистных врагов плодородные земли северной границы казахских степей вдоль Есиля, он вместе со своими сородичами, везде и всюду следовавшими за ним, окончательно расположился в этих местах. Местность была богата пастбищными угодьями, сенокосами, обширными черноземами. В ту пору земля между Есилем и Нурой была настоящим раем. Молоком и медом сочились берега ее рек. В лесах заливались соловьи, и по зеркальной глади озер величаво, как облака, плыли еще не пуганные никем белые лебеди. И люди, живущие здесь, были здоровыми и крепкими, красивыми, храбрыми воинами. Разрозненные сведения, дошедшие до наших времен из «Шежире» – родовых летописей, гласят, что сам Алыпкаш происходит из рода атыгай, ставшего многочисленным в середине XVI века и представлявшего собой одну из главных семи ветвей – Жети Момун (имя матери, считавшейся родоначальницей) племени Аргын. Он является потомком БАИМБЕТА, который был наследным сыном КАЛКАШ-батыра, а тот – прямой наследник БЕГИМА, отцом последнего был ДАУТ. От БАИМБЕТА идет ветвь ЖОЛАМАН, от него рожден ДАУЛЕТЕЙ, а затем идет КАЙДАУЫЛ (прозванный народом ЖЕКЕ-батыр, иначе говоря, постоянный победитель в личных поединках). Далее продолжателем этого клана является СЫРЫМБЕТ, породивший ХАНКЕЛДИ. У Ханкелди было несколько сыновей, один их них – достопочтенный НАК-батыр.

По своей численности потомки Баимбета, компактно проживающие поныне в Северо-Казахстанской области, уступают лишь роду керей. В XIX веке, до размежевания нынеш-

них границ с Россией, земли баимбетовцев территориально входили в состав Акмолинской области, в частности, обширного Петропавловского уезда и именовались Баимбетской волостью. В научной книге казахстанских историков В.Вострова и М.Муканова «Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX веков)» конкретно указана территория проживания рода атыгай между пограничными землями, переданными западно-сибирскому казачеству, угодиями Кокшетауского уезда и небольшим перешейком, всего в 150–200 км от Петропавловской крепости, по берегам Есиля и севернее его, вплоть до Томского уезда. На одной из страниц этой книги приводятся сведения о летовках аулов отделения Таузар, ветвей Кошебе, рода ашамайлы и керей в окрестностях озер Шошкалы, Сасыккошкар, Когалы и Алыпкаш. Можно предположить, что многочисленный род керей (пять волостей) и атыгай, племена канжыгалы, уак и кипчак этого же уезда в начале XVIII века между собой по-братски делили берег Есиля на зимне-весенние стойбища. Летом часть родов передвигалась до Атбасара, тогда как другие двигались на север до Томского уезда, а третьи – до лесов и озер Менкесер на расстояние примерно 400-500 верст.

Как видим, усилия степных богатырей по защите родных земель не пропали даром, на протяжении почти ста лет никто их не тревожил. Наступил долгожданный покой, аулы разрослись, множились табуны лошадей, овечьи отары, больше стало и другого скота. Но когда на северном берегу Есиля, над Красным яром, названным так из-за красного цвета береговой глины, была построена русскими войсками Петропавловская крепость, кончилось затишье. Известно, что новые хозяева сразу же стали укреплять так называемую Новоишимскую пограничную линию. Ясно, что близкое соседство с ними ничего хорошего для казахских аулов не сулило. Пограничная крепость уже в 1808 году получила статус города (коренные жители сразу же назвали его Кызылжаром). Через тридцать лет город стал центром Ишимского (Есильского) дуана (округа), а с 1868 года уезд со всеми волостями был передан вновь созданной Акмолинской области. Разумеется, за эти

годы новый округ усиленно заполнялся переселенцами из глубины России и казачьими войсками. За первые десять лет XX века число вновь прибывших составило более ста тысяч человек, их количество почти сравнялось с численностью коренного населения. Каждая новая волна переселенцев широко использовала особые привилегии – льготные условия, специально предоставленные царской администрацией. Незваные гости располагались на лучших, благодатных черноземах вдоль Есиля с лесами и озерами, богатыми рыбой, при этом вытесняя казахские аулы на окраины со скудными пастбищами, на безлесные и безводные территории. В результате в последней четверти XIX столетия в сотнях аулов, ранее благоденствовавших, количество поголовья скота резко снизилось, значительно сократились пути кочевок на весенне-летние пастбища, сотни аулов вынуждены были переходить на оседлый образ жизни. В числе их оказался почти весь род Алыпкаш-батыра, а также аулы рода атыгай (Куттыкадам, Маркаш, Аккошкар, Баганаты, Самбет и др.), которые были вытеснены со своих издавна обжитых мест.

В период весенних паводков воды Есиля, выходя из берегов, заполняли низины, и только через пару недель река возвращалась в основное русло. С наступлением тепла в поймах рек поднимались густые травы. Потомки батыра Алыпкаша под зимовку выбирали поляну на возвышенности, окруженную с юга лесом. Они закрепились здесь окончательно во второй половине XIX века. С тех пор, можно сказать, алыпкашовцы забыли о летовке на джайляу. Да и раньше этот аул не отличался многочисленными косяками лошадей, а поголовье коров и овец в каждом дворе не превышало десятка. На скудном пастбище вокруг аулов летом паслись овцы. А на зиму приходилось заготавливать сено в пойме реки. Некоторые семьи занимались земледелием. Они снимали небольшой урожай, в их закромах достаточно было своего хлеба, да и животноводство давало молоко и мясо, так что идти батрачить к русским не было необходимости...

Родственные три аула Алыпкаш, как сказано выше, расположились на правом берегу Есиля. А на противоположном бе-

регу реки находилась деревня Коноваловка, именуемая казахами Канабал. Жители этой деревни по своему благосостоянию особо не отличались от соседних оседлых казахов, если не считать того, что русские ежегодно белили известью стены своих саманных домов с покатой крышей из камыша. Они так же, как и местные казахи, с утра до вечера, не разгибая спины копались на своих небольших наделах, ухаживали за немногочисленным домашним скотом, еле сводя концы с концами. Повседневная нужда заставляла жителей русских деревень и казахских аулов общаться между собой. О крепкой дружбе отца с «Рыжим Иваном» из соседнего села Двойники, прозванного казахами «тамыром», о его советах во время сева с добрыми чувствами вспоминает в своей книге Камзабай Букетов...

* * *

Отличительными чертами Алыпкаш-батыра был и высокий рост и физическая сила, именно они по наследству передались его потомкам. Арыстана природа также не обидела ростом. Рассказывают, что его дед – Костанай – был крепкого телосложения, настоящим богатырем и, по словам бабушки Кенжетай, его внук – Арыстан – будто бы в точности перенял не только высокий рост и внушительную фигуру деда, но еще и его отличительное качество – умение изготовлять домашнюю утварь – корытца, кувшины, деревянные ступы для талкана – кели*. Он был наделен практической смекалкой, острым умом, да и разговаривая, слов на ветер не бросал. Арыстан выделялся из своих аульчан не только ростом, но и природным интеллектом, рассудительностью, трезвым взглядом на жизнь и пользовался у всех уважением.

На долю четырнадцатилетнего Арыстана выпало вывести в люди оставшихся без отца пятерых сирот-погодков. День и ночь трудился он в поте лица, терпеливо влача свою тяжелую ношу, следуя заветам предков, поддерживая теплые челове-

* Сосуд для изготовления талкана, пищи из зажаренной пшеницы.

ческие отношения с близкими. Всемилостивый Аллах послал ему спутницу Бальтай, которая была немногословна, заботлива, от зари до зари хлопотала по хозяйству, храня тепло и уют семейного очага. Ни в чем не мог он упрекнуть супругу, великую труженицу, которая за тридцать четыре года совместной жизни, прожитых в любви и согласии, произвела на свет четырнадцать детей!

В год, когда появился девятый ребенок в семье, Арыстану было уже за сорок. Рождение подряд шестерых сыновей, следовавшее один за другим, и еще двух дочерей – были по сердцу отцу, однако его радости были недолгими. Разве встанешь наперекор предначертанной судьбе: все его дети умирали друг за другом в малолетнем возрасте от неизвестных степнякам болезней... Бабушка Кенжетай, жившая в доме своего младшего сына Маутая, по-своему утешала подавленных горем Арыстана и Бальтай, когда они лишились и седьмого ребенка: «Бе-еу, милые, не теряйте веры в милость Аллаха. Он, давший вам семерых детей, даст и еще. Позаботьтесь только об оставшемся в живых младенце...».

То был мальчик по имени Зейнел-Габиден, которого весь аул звал ласково – Зейкен, он отличался необычайными способностями, будто был рожден для поэтического творчества. Мальчик уже в пятилетнем возрасте пел и играл на домбре. В семь лет он посещал аульную мечеть, уже читал некоторые суры* Корана и, конечно, благодаря этому прослыл одаренным шакирдом** муллы. Заметив ранние музыкальные склонности сына, отец смастерил ему маленькую домбру. Зейкен стал частым участником аульных праздников, его уже приглашали на различные торжества в соседние аулы, где он виртуозно исполнял народные песни, научился играть на самодельной сыбызге***. Его называли мальчик-певец с ноготок. Со временем в нем раскрылся поэтический дар, он стал сочи-

---

* Главы Корана.

** Ученик.

*** Самодельный инструмент наподобие флейты, изготовленный из тростника.

нять юмористические стихи на бытовые темы. В отроческом возрасте Зейкен легко запоминал наизусть пространные кисы* и дастаны** о батырах, что было удивительным – затем почти всю ночь напролет читал их аульчанам своим звучным голосом.

Когда Зейнел-Габидену исполнилось девять лет, Всемилостивый Аллах снова снизошел к молитвам родителей-горемык – в их семье родился ребенок. Мулла в мечети нарек младенца Ибн-Габиденом, а они очень хотели, чтобы младенец был похож на своего одаренного брата, потому вопреки желанию муллы младенца между собой прозвали *ЕБНЕЙ-ҒАБИДЕН* (что потом, видоизменяясь в документах, заполненных в русской школе, стало звучать как Евней).

Когда малыш стал откликаться на зов и радовать родителей своей детской лучезарной улыбкой, неожиданно скончался его талантливый брат Зейкен, проболев всего лишь три дня. В те далекие годы ранняя детская смерть в казахских аулах была привычным явлением. Наверное, поэтому слова соболезнования произносились обычно однообразно: «Аллах забирает к себе всегда лучших, но он милостив в своих деяниях и подарит вам еще ребенка...» Бабушка Кенжетай считала, что в смерти одаренного ребенка повинна не болезнь, а сглаз недоброго человека.

Арыстан и Бальтай, у которых часто умирали дети, не спускали глаз с маленького Евнея, не отходя от колыбели младенца. Когда его отняли от материнской груди, Евней был передан на попечение бабушки, которая к тому времени из-под шанырака своего младшего сына перебралась в дом старшего сына. Властная Кенжетай, привыкшая управлять сыновьями, как и снохами, объяснила причину своего поступка по-житейски просто: «Евнейжан с сегодняшнего дня будет моим, а если вы хотите иметь своего – тогда уж снова молитесь Аллаху и просите у него другого...». Наученные горькой судьбой супруги не стали противостоять напору старой матери, как-никак она стояла у истоков рода Букетовых.

Воспитывавшийся у заботливой бабушки Евней называл своего отца – «ага» (дословно: старший брат), а мать по имени –

---

* То же самое, что поэма.

** Поэтические сказания.

Бальтай. Такое непривычное поведение ребенка в роду Букетовых не пресекали. Братья Арыстана – Ибрай и Маутай, сестра Казипа признали маленького Евнея младшим сыном своей матери, баловали его, постоянно носили на спине. Он рос, не зная запретов близких. Но не стал трудным ребенком. С малых лет не переступал границ дозволенного, потому сызмальства прослыл, как «умное дитя».

II

Год Коровы, под знаком которой появился на свет Евней, по сравнению с предшествующим временем смуты ознаменовался в Степи воцарением спокойствия и благодати. Как говорили в старину, наступило время, когда воробьи откладывали свои яйца на спине овец.

А ведь сумятица в их прежней, относительно спокойной жизни началась со дня Февральской революции 1917 года, затем переросшей в Октябрьскую – в бунт вечных пролетариев, матросов и солдат, умело разжигаемый большевиками. Как пламя, он перекинулся и на казахские степи, все перевернув вверх дном. Последствия этих событий оказались тяжелыми особенно для казахских аулов на северных окраинах Степи, находившихся вблизи границы с Россией. Вначале они вынуждены были платить дань правительству Колчака, созданному в Омске, потом постоянно терпели наезды голодных войск атамана Дутова, изымавших последние запасы еды и реквизировавших лошадей. Позднее через аулы бежали в Китай и Монголию белые войска, превратившиеся в разрозненные, разутые, раздетые дикие банды. Чего можно было ожидать от толпы вооруженных и озлобленных поражением солдат, брошенных командованием, оторванных от родных мест и от близких? За малейший отказ в крове и пище они убивали безвинных степняков, бесчестили молодых девушек и женщин, оставляя глубокие травмы в душах людей. Наконец, досталось им и от местных белогвардейцев и сочувствующих им элементов, окопавшихся в Петропавловске...

Расхваленная большевиками Красная армия, пришедшая по пятам белых, под лозунгом освобождения кочевых казахов

от многовековой эксплуатации, не принесла ожидаемого облегчения: красных также приходилось обеспечивать лошадьми и провизией, выгребая последнее зерно из кладовых. Верно говорят: «Любому зарвавшемуся придет когда-нибудь конец». Все долго измывавшиеся над народом ушли в небытие. Насилие прекратилось и настало мирное время для степняков. Советское правительство объявило автономию Степного края.

Трое сыновей Букета и их близкие родичи выстояли в этих испытаниях, не дав погаснуть своим очагам. Слава Аллаху, не исчезли, не сгинули без следа, как некоторые семьи во время тех лихолетий. Теперь снова надо было впрягаться в работу – пахать, сеять сообща, объединив хозяйственный инвентарь. Постепенно их жизнь стала налаживаться, единственная кобыла Букетовых и мелкий скот, тщательно прятавшиеся от чужих глаз, чудом уцелели, на них и была вся надежда. Во время появления на свет Евнея в 1925 году семья Арыстана считалась более-менее обеспеченной, не испытывала особого недостатка в питании. С весны до глубокой осени доили кобылу и пили целебный кумыс, заимели и рабочую лошадь, в общем, относились к разряду среднезажиточных шаруа.

Евней рос и мужал. Его отличали неординарность мышления и редкая врожденная память, все его поступки были по-взрослому взвешенны, обдуманны, видимо, эти качества он унаследовал от отца, а необычную тягу к лошадям – от дяди Маутая. Но некоторые привычки малыша удивляли старших: например, он не залеживался в постели до обеда, что присуще маленьким ребятишкам, а обычно с раннего утра вырывался из горячих объятий бабушки, чтобы не пропустить, как отец или дядья седлали своих коней, и, конечно, просился прокатиться с ними. Больше всех Евнея баловал дядя Маутай. Он неплохо играл на домбре, прекрасно пел. Аульчане превозносили музыкальную одаренность жигита-гуляки, иногда называли его Маутай-сэре*, то ли хваля за артистические спо-

* Разносторонне талантливые люди – они же поэты, акыны-импровизаторы, певцы, выделявшиеся из общей среды также своей привлекательной внешностью, всегда одевавшиеся красиво, с иголочки, настоящие степные щеголи.

собности, то ли иронизируя. Но все же ни одно торжество в окрестности не проходило без Маутая, на некоторые гуляния он брал с собой и неугомонного Евнея. Домочадцы особо не возражали, зная, что с мальчиком ему не загулять до утра...

Если дядя Маутай уезжал на несколько дней по своим делам, привыкший к вниманию старших ребенок повсюду следовал за другим дядей – Ибраем-ага. Его Карагер – вороной конь был крепким, статным, быстроногим и норовистым. На него невозможно было сесть с лестницы, как на других смирных лошадей. Даже взрослые боялись крутого нрава коня. Однажды ранним утром Евней, увидев Карагера под навесом, приблизился к нему, пытаясь погладить по гриве, но дотянуться до нее не мог. И тогда раздосадованный малыш ухватил коня за переднее копыто. Вороной не шелохнулся, спокойно разгоняя мух длинным хвостом. В этот момент бабушка, озабоченная исчезновением внука, вышла во двор. Увидев его у ног вороного, она остолбенела от страха, потеряв дар речи. Евней между тем, как ни в чем не бывало, на четвереньках перебрался к задним копытам. У бабушки подкосились ноги, помутнело в глазах. А упрямый конь, никого не подпускавший к себе, кроме Ибрая, проявив невероятное смирение, тихо потрусил прочь...

Жизнь казахского аула, связанная с животноводством, была полна подобных случаев с маленькими детьми, когда они только начинали учиться ходить и познавать окружающий мир. Однако многое стерлось из памяти людей. В те времена жизнь и быт в ауле были менее разнообразны, скорее всего, протекали монотонно. Как и все его ровесники, Евней до первого снега ходил босиком, играл в асыки*, гонял самодельный мячик, изготовленный из шерсти коров...

Время, подобно скакуну, неумолимо мчится вперед. В первые годы советской власти жизнь степных жителей протекала, можно сказать, вполне размеренно, если не считать разных перегибов, допускавшихся слишком ретивыми активистами-белсенди, вообразившими себя истинными представи-

* Игра в кости.

телями государственной власти. Они постоянно выступали с речами о необходимости перестройки жизни. И, разумеется, тем самым вредили больше, чем приносили пользы. Тем более, что особых крутых изменений в укладе жизни степного народа не происходило. Оседлое население трех аулов Алыпкаша, как уже было сказано выше, постепенно поправляло свое материальное положение и было довольно установившимся затишьем...

1928 год все три семьи Букетовых встретили с большой радостью. Евней оказался счастливым ребенком, в тот год он заимел сразу трех братишек: новое пополнение пришло в шанырак Арыстана, в его доме снова приняли младенца, его нарекли Камзабаем; вслед за ним и в семьях Ибрая и Маутая также зазвенели детские голоса...

III

Заняв должность ответственного секретаря краевого комитета ВКП(б) Казахстана, сталинский посланец Ф.И.Голощекин, которого тогдашняя казахская интеллигенция презрительно окрестила *«Кужақ»* (дословно: худощавая щека; по смыслу – «Голый король»), объявил о необходимости проведения в Казахстане «Малого Октября» с целью ускорить классовое размежевание своеобразного степного общества. Сказано – сделано. Летом 1928 года в автономной республике была развернута политическая кампания по уничтожению крупных баев, приведшая к тяжелым социальным последствиям.

В ауле Алыпкаш и раньше не было богачей, не было косяков лошадей, которые исчислялись бы даже сотнями. Семьи же со средним достатком образовались в самые последние годы, но и над ними нависла опасность экспроприации. Потому что запал красного актива – «белсенди», вооруженного лозунгом искоренения байства, был очень силен и требовал незамедлительных жертв. Воинственность голытьбы вылилась в поиск пособников, «прихвостней» баев и подкулачников. Всех охватила волна всеобщего кооперирования, объединения в так называемые «ТОЗы» (товарищества по совместной

обработке земли), впоследствии перешедшая в лихорадку колхозного строительства. Земля стала общей, частная собственность на скот и имущество была отменена.

Эти надуманные кампании, направленные на коренное изменение прежнего уклада кочевого народа, подорвали устои и традиции, складывавшиеся в степях веками, они ввергли в отчаяние всех степняков. Одним из таких горемычных был Арыстан Букетов. Как самостоятельный человек он не понимал сути нововведений, не мог согласиться на то, чтобы свою единственную кобылу с жеребенком отдать в общее стадо. И в один из погожих летних дней 1930 года он объявил сородичам, что покидает родные места. Его решение сорваться с насиженного места было воспринято аульчанами с недоумением: «Что же случилось, кто тебя здесь притесняет, куда ты собираешься переехать?» Но Арыстан был непреклонен и в одну из сред (этот день недели по народным приметам считается удачным) он сложил самое необходимое в арбу и тронулся в путь. Шестилетний Евней, взобравшись на своего молодого коня, погонял корову с теленком. Трехлетний Камзабай вместе с братишкой Маратом, который родился этой зимою, расположились в коробке телеги.

Одинокий, небогатый их обоз, медленно двигаясь, переправился на другой берег Есиля, к вечеру остановился на ночлег в ауле Баганаты (этот населенный пункт указан Е.А.Букетовым в автобиографии как место рождения). Семью Арыстана приютили в своей землянке знакомые люди, позже она перебралась в отдельную юрту.

Главе очага и это место не приглянулось: и здесь также начали организовывать колхозы, из-за которых он распрощался с родным аулом, здесь тоже всех вынуждали нажитое имущество сдавать в общий котел. Именно в то лето в окрестностях Баганаты образовались два колхоза – Аккошкар и Куттыкадам. Человеку, освоившему много ремесел и привыкшему работать только на себя, за короткое время измениться и привыкнуть к ведению общего хозяйства было тяжело. Бедняга Арыстан по-житейски рассуждая: «Чем общий бык, лучше отдельный теленок», решил подальше уносить ноги. Раз-два

съездив в аул Акан-Барак, где проживали родители жены, он объявил, что зимовать они будут в том ауле. Не находя подходящего жилья, Букетовы поселились в землянке тестя. Было тесно, но все же поместились, как-никак близкие люди...

Классик казахской литературы Габит Мусрепов в своем замечательном произведении «Улпан – ее имя» не случайно, упоминая имена своих знаменитых земляков-поэтов, дает о них такую исчерпывающую информацию: «Шарке сал*, слепой Тогжан, Нияз сэре, Сапаргали ... все они наследники знаменитого из знаменитых Сегиз сэре (Мухаммед-Канафия Бахрамулы Шакшаков – М.С.)».

А Сабит Муканов в первой книге своего широко известного произведения «Школа жизни» также повествует: «Атыгаец слепой Тогжан однажды посещает рынок в местечке Болатной. Торсан в то время, женившись на дочери Есенея (родившейся от вышеупомянутых Улпан и старшего султана этого округа – Есенея), был чрезмерно кичлив и горд... Стоявшие холуи вокруг Торсана вдруг обращаются к Тогжану: «Эй, слепой, разве ты не знаешь Торсана?» Тогжан тут же, вспылив, на ходу выдает вот такое четверостишие:

«Я тебя знал еще с младенческих лет,
В молодости твоя мать потеряла честь,
В Кургане с есаулом спутавшись,
Ты появился от бородатого на свет».

Смущенный прямым обвинением, Торсан якобы повелел: «Чтобы этот слепой больше не болтал лишнего, дайте ему одного коня и прогоните прочь!..»

Корни Бальтай, суженой Арыстана, восходят к роду атыгай, а аул, расположенный на берегу реки Есиль, состоял полностью из людей подрода этого племени – баимбетовцев, точнее сказать, потомков его подразделения – Акан-Барак. От одного из ответвлений последнего подрода родился Ендибай, его сыновья – Акжан, вышеупомянутый слепой ТОГЖАН

* Те же сэре, они исполняют свои выступления в более утонченном виде, как цирковые клоуны.

и Тайжан. У Тогжана было три сына – АКЖИГИТ, Байжигит и Ахмет. От Акжигита появился БАЙЖАН, а БАЛЬТАЙ (нареченная от рождения Умсын) – его единственная дочь.

Тогжан, о котором с уважением упоминали Габит Мусрепов и Сабит Муканов в своих произведениях – широко известный поэт-импровизатор, поэтическое наследие его представлено во всех сборниках прошлого века. В одном из них, например, в поэтическом состязании с известным акыном Орынбаем, он представляет себя такими словами: «Я, Тогжан, ослеп в тринадцать лет. Аллах, отняв мое зрение, обрек меня слезы лить...». В другом же стихотворении акын-импровизатор также откровенно говорит о себе: «У атыгайца язык острый, слова печальные», – далее он продолжает: «Я – сын Ендибая, зовут меня Тогжан, опережавший всех, есть еще родной брат Акжан...». Из этих емких слов понятно, что Акжан тоже был даровитым акыном, но лидерство в поэзии он уступил более талантливому, острому на язык младшему брату, а сам сочинял шуточные сатирические стихи, славился острословием в бытовых спорах.

«Бабушку мою по материнской линии звали Меруерт. Я ее еще застал живой... – отвечал на мой запрос Камзабай Арыстанулы. – Эти данные в 2003 году я узнал из подробных расспросов от Кайыржамал – старухи Тайжана. В том году ей стукнуло 82 года, она была в полном здравии и памяти. Короче говоря, мы, дети Арыстана, одновременно являемся прямыми потомками знаменитого в народе акына Тогжана, то есть праправнуками по материнской линии в пятом колене...».

Условия жизни в бедном ауле родственников жены также не устраивали Арыстана. Может быть, его больше и больше беспокоили подрастающие трое малолетних сыновей и их дальнейшая судьба? А как их сохранить и вырастить? Потому он снова в кругу своих начинает разговор о переселении в Россию. Свое окончательное решение об отъезде Арыстан объявляет в тот день, когда потерялся их двухгодовалый жеребенок пегой кобылицы. Гнедую четырехлетку, коня Евнея, пришлось продать. «Евней долго плакал, когда лишился своего

коня. Но вскоре ожеребилась наша кобылица, на свет появился симпатичный маленький жеребенок, который быстро вытеснил из его памяти боль по утрате того коня...» – вспоминает Камза-еке о последних днях пребывания в ауле Акан-Барак.

Третий переезд семьи Арыстана начался весной 1931 года. Загруженный в арбу домашний скарб на этот раз стал намного меньше, прошлогодняя обуза в пути – привязанная к оглобле корова с теленком – тоже отсутствовала, что заметили даже дети (а куда она подевалась, не могли никак додуматься и в поздние годы). День за днем шагала пегая кобыла. Дети постоянно находились под навесом безворсового домашнего алаша* (родители попеременно шли за телегой пешком). Евней и Камзабай впоследствии вычислили тот долгий путь, пролегший по территории нынешней Курганской области, вблизи многих поселений – Пресновка (районный центр Северо-Казахстанской области РК), Петухово, Макушино и Мокроусово. И выяснили, что они ехали, значительно отдаляясь от родных берегов Есиля, в глубь предгорий древнего Урала.

События, происходившие в годы ранней молодости, обычно остаются в памяти навсегда. Старшему из братьев было в том году семь лет, другому чуть больше четырех, и все пережитое в дороге им запомнилось, особенно необычные события. Например, как в русских деревнях иной раз угощали отбившуюся от своих казахскую семью, ехавшую с тремя малыми детьми неизвестно куда, помогали чем могли: кто даст ведро картошки, буханку хлеба, нальет молока, кто вынесет овощи. «Мать, видимо, из-за гордости про себя ворчала, что их еда отдает солью, но наш молодой родич – племянник дедушки Кошумбая по имени Исках, тоже ехавший с нами, наоборот, все нахваливал овощи, которыми угощали русские женщины, он ел с таким хрустом и смаком, так аппетитно, что и нам хотелось их отведать...» – пишет в воспоминаниях Камзабай Арыстанулы.

Братьям запомнилось, что всю дорогу отец был задумчив и молчалив. За многие дни он лишь один раз улыбнулся, когда Евней неожиданно закричал во весь голос:

---

* Предмет обихода, которым накрывают земляной пол жилой комнаты или юрты.

– Ага, смотрите! Заяц, заяц! – Встрепенулись сидящие в телеге дети: «Где, где же он, длинноухий?» А заяц уже пересек дорогу, быстро забежал в гущу леса. Отец, шедший за телегой, приблизился к всполошившимся детям:

– Откуда, куда пробежал?

– Прямо спереди, вон с того леска выбежал и исчез там, – показал Евней, указывая на левую сторону дороги.

– Это хорошая примета, если пробежал с правой стороны на левую, мои милые!.. А ну, Бальтай, Аллах сопутствует нашему намерению. Значит, будем живы-здоровы и в здравии когда-нибудь присоединимся к своим! Если хоть капля молока осталась на дне торсыка*, капни на землю! – распорядился Арыстан, громко выражая свою радость.

Слишком долгие скитания на чужбине, да и полная неизвестность впереди, должно быть, порядком угнетали уставшую в пути и от жизненных невзгод женщину. Мать к удивлению детей взорвалась:

– Как будто кто-то гнал тебя в эту глухомань, что нам теперь остается – вернуться к своим?! Чтоб сдох этот заяц, что пересек нам дорогу, пропади пропадом длинноухая тварь!.. – Излив всю кипевшую в душе злость, Бальтай вдруг замолкла.

Лишь через некоторое время Арыстан спокойно возразил супруге:

– Беу, Бальтай, видать, тебя одолела усталость. Ведь мы страдаем ради наших же троих птенцов, потерпи, скоро кончатся наши мучения... Зря не расстраивайся, будь спокойна, байбише!**

Арыстан угадал. Перед сумерками пегая кобыла, выбившаяся из последних сил, неожиданно прибавила шагу, густой лес начал редеть и, наконец, извилистая дорога вывела их на широкую поляну. Путники наткнулись на небольшую деревню, видать, зажиточную, потому что все дома в ней были срублены из толстых, вековечных сосен. Остановившись у крайнего двора, глава семьи начал обходить деревню пешком в надежде найти ночлег.

---

* Кожаный сосуд.

** Жена.

Перед тем, как отправиться в путь, Арыстан, заранее обдумав, сделал кое-какие приготовления. У них фактически не было никаких документов (паспортная система в Казахстане была введена лишь в 1933 году). А у Арыстана весь запас русских слов исчерпывался несколькими фразами: «Здрасти, тамыр», «Хлеба продай», «Спасибо», «Бог тебе в помощь!» – и не больше. Поэтому, отправляясь в неведомый край, он предусмотрительно запасся запиской на клочке бумаги, где было сказано: «Предъявитель сего – может работать с железом, изготавливать деревянные изделия, сапожничает, подшивает валенки. Жена его мастерица-швея». Видимо, это и помогло, в той деревне нашелся добрый человек. Через некоторое время он возвратился к своим домочадцам не один, а вместе с высоким, как он сам, здоровым черным мужиком...

«Дядя Иван был человеком крепкого сложения, с густой черной бородой, вьющимися длинными волосами. Мы прозвали его «Черным Иваном», знаю, что у него были сын и дочка примерно нашего возраста. Его белолицая супруга всегда ходила в чистой одежде, была очень опрятна и аккуратна. Вся семья Ивана встретила нас дружелюбно. Хозяйка усадила нас за стол, а потом разрешила поиграть с детьми», – вспоминает Камзабай Арыстанулы о днях пребывания в этой деревне.

Им повезло: по существу изгои, бедняги, не нашедшие надежного пристанища в своей необъятной казахской степи, далеко от родных мест, в предгорьях Урала, в деревне Малкизяк (так называли ее братья Букетовы) они встретили живое человеческое участие и сострадание. Иван оказался добрейшим человеком, в тот же вечер он отвел бедствующим инородцам свою пристройку во дворе, ставшую для них и домом, и мастерской. И соскучившийся по работе Арыстан, предусмотрительно захвативший все нужные инструменты, начал шить сапоги, настилать полы, кому-то делать ремонт в доме. Бальтай тоже не сидела без дела, и ей нашлось занятие: помогала всем, кто не знал как держать иголку – шила платья, оконные занавески, даже вышивала на них затейливые узоры (через годик-два она даже приобрела швейную машинку «Зингер» с ножным приводом, после этого и вовсе прослыла масте-

рицей-рукодельницей). И Арыстан, и Бальтай за свою работу брали то, что приносили: одни – каравай хлеба, другие – яички, некоторые – кур... В общем, делились всем, что имели. А что переселенцы-казахи не говорили по-русски, не было помехой, через месяц-другой супруги научились мимикой объясняться с жителями деревни, они быстро привыкли к новой обстановке. Пегая кобыла, не зная теперь упряжки, нагуляла жир на сочных лугах, стала обильно приносить молоко. Короче говоря, семья Арыстана возблагодарила Аллаха за то, что он избавил их от постоянной заботы – чем же завтра накормить детей... Не стоит забывать, что все это было в преддверии огромного масштаба голода, обрушившегося впоследствии на тысячи аулов, от которого бескрайние территории приходили в запустение.

Опасения главы семьи по поводу того, что дети замкнутся в незнакомой обстановке, оторванные от своих сверстников-игроков в асыки, оказались напрасными. Посреди деревни протекала небольшая речушка. Евней уже на следующий день после переезда стал купаться в ней. Вскоре он подружился с деревенскими мальчиками-одногодками, а повседневная игра с ними пошла на пользу: он начал понемногу выговаривать русские слова: «здрасти», «дай хлеб», «мячик», «играть будем», «пей молоко»...

* * *

Осенью того же года Евней, повесив на плечо сумку, сшитую матерью из лоскутов кошмы, переступил порог сельской школы. Школа, в которую он пошел, находилась на краю села, на противоположной стороне речки, разделявшей село на две части. Этот очаг знаний был открыт на средства земства, размещался в здании, построенном специально для учебных целей, с большими, светлыми окнами. Наверное, это было знаком судьбы. Единственная учительница школы оказалась достаточно образованной и опытной, которой не чужды были «души прекрасные порывы», говоря словами А.Пушкина.

Августина Устиновна родилась в 1885 году в семье польского аристократа Каминского, сосланного в город Ялутор

Тобольской губернии за участие в восстании поляков ради освобождения Родины от ига жандарма Европы, русского царя. В шестнадцать лет она закончила в Екатеринбурге женскую гимназию с Большой золотой медалью. Видимо, подражая передовой русской интеллигенции того времени, считавшей своим долгом идти в народ, молодая девушка добровольно поехала в самое глухое захолустье Урала, в Мокроусово (современный районный центр нынешней Курганской области), оттуда – в сельскую школу, открывшуюся в том же году в Малом Кизяке (вот откуда искаженное Малкизяк в воспоминаниях братьев Букетовых. Кстати, и речка, протекающая посреди села, называлась Малый Кизяк. Евней Арыстанулы узнал эти подробности во время посещения этих мест лишь в 1981 году).

Августина Устиновна Тарасова в этой школе работала до 1935 года, пока позволяло здоровье, то есть целых 34 года. И это убедительно показывает, что она честно и до конца жизни (она скончалась в 1936 году) служила просвещению простого народа. Выйдя замуж за крестьянина этого же села Федора Тарасова, родив ему пятерых детей, она навсегда связала свою жизнь с Малкизякской школой. Старший из сыновей Тарасовых – Герман выбрал профессию военного, дослужившись до звания генерал-майора, погиб смертью храбрых в одном из последних сражений Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками, был удостоен звания Героя Советского Союза. Все дети Тарасовых имели высшее образование...

«Евнея в школу постоянно провожал кто-нибудь из родителей, они же и забирали его по очереди после уроков. Такой обычай завели после того, как однажды он вернулся домой весь в снегу, мокрый, заплаканный и сильно перепуганный. Оказывается, когда он переходил речку, деревенские детизозорники долго не давали ему прохода, сталкивали с высокого обрыва. Все они были старше его... Увидев совсем обессилевшего ребенка, один из взрослых мужиков разогнал глумившихся над первоклашкой пацанов, – вспоминает тот случай Камзабай Арыстанулы. – К сожалению, такое преследование чужака повторялось за зиму несколько раз...».

Как-то, увидев обиженного своего ученика, Августина Устиновна привела утиравшего слезы Евнея к родителям хулиганов, озорники получили хорошую трепку, наказание подействовало, но ненадолго...

Из письма Е.А. БУКЕТОВА Б.Ф. ТАРАСОВУ
(4 июля 1982 г.):

«Августину Устиновну знаю постольку, поскольку может знать семилетний мальчик, учившийся у нее в сельце Малый Кизяк. Я должен рассказать вам, глубокоуважаемый Борис Федорович, все, что сохранилось в памяти с того времени. Учительница моя была дородная, пожилая женщина, говорившая громко и очень внушительно. Русским я не владел совершенно и, думаю, долго не мог выговорить правильно ее имя: так и сохранилось в памяти Агустастина, потом уже, повзрослев и разобравшись в тонкостях русского языка, стал догадываться, что должно быть: Августина Устиновна. О фамилии ни у меня, ни у отца и представления не было.

... Почему через годы я не могу забыть об Августине Устиновне? Потому что в трудное время для нашей семьи помогала выжить доброта и сердечность вашей матери. Вот тому пример: однажды отцу с одним из его друзей вздумалось поехать в станицу Лебяжье, чтобы обменять немногие имевшиеся у них золотые и серебряные вещички на съестное. Но в тот злополучный день их задержал бдительный милиционер. Моя мать, потерявшая единственного кормильца, со слезами на глазах, взяв меня за руку, направилась в школу, услыхав от нее о постигшем нас несчастье, Августина Устиновна велела вашему отцу запрягать лошадь и немедленно выехала в районный центр, сумела освободить ни за что оказавшихся за решеткой горе-коммерсантов... Если бы не вмешалась Августина Устиновна, мой отец мог не вернуться и моя судьба, может быть, была бы совершенно другой...

...Короче говоря, у меня постоянно было желание побольше узнать о моей первой учительнице, оставившей навсегда самые теплые воспоминания в моем сердце. Хотя упущено много времени, но все равно для себя поставил цель – разузнать.

В прошлом году я поехал посмотреть местечко, где впервые взял в руки букварь. Приехав в Мокроусово, зашел к начальнику милиции, чтобы он помог добраться до села Малкизяк, он переспросил меня и поправил: Малый Кизяк. От села осталось несколько нежилых изб да дуб возле школы, который я помнил. Нас сопровождал молодой милиционер, сам из бывших жителей Малого Кизяка, но об Августине Устиновне он ничего не знал. На обратном пути в Мокроусово, рассматривая экспонаты в краеведческом музее, в отделе, посвященном... генералу Г.Ф. Тарасову, увидел фотографию молодой, красивой женщины с маленьким Германом на руках; спрашиваю у музейного работника полное имя, отчество матери героя, отвечает: Августина Устиновна, значит, это моя Агустастина. Вот как я нашел свою первую учительницу, спасительницу моего отца...»

Все, кто часто общался с Евнеем Арыстанулы, прекрасно знают, что большинство своих литературных произведений и научных трудов, а также критические статьи, путевые заметки он писал на русском языке, которым владел в совершенстве. Автор этих строк наглядно убедился в этом при встречах с ним в Алматы и Караганде. Вникнув в суть проблемы, Ебеке с каким-то веселым азартом хлопал своими, как лопаты, большими ладонями, призывая собеседника помолчать. Брал авторучку, заправленную всегда черными чернилами, некоторое время в раздумье вертел ее в руке и у своего виска, а затем начинал строчить, быстро летая пером по листу бумаги, свободно излагая мысли. И не поднимал головы, пока не поставит точку. Писал он четко, разборчиво, без ошибок, просто и ясно.

Такой миг вдохновения я наблюдал летом 1981 года, в конце мая, в его домашнем кабинете. Мы договорились в тот день отправить совместное письмо известному московскому писателю, уже обсудили детали и содержание. Вдруг Ебеке предложил:

– Давай напишем два варианта, каждый по-своему, а пошлем тот, у кого лучше получится...

Я корпел над бумагой более получаса, а мой учитель свое письмо закончил за несколько минут. Конечно, лучшим оказался его вариант.

Признавая свое поражение, я откровенно заметил:

– Ебеке, ваш язык намного лучше, чем у некоторых писателей...

Ебеке прервал мою оду в его адрес, явно протестуя: «Но, но!»...

– Это влияние той среды, где я рос, – сказал Евней Арыстанулы примирительно. – С первого класса я учился в русской школе, моими наставниками были прекрасно образованные люди, истинные педагоги... Особенно первая учительница по имени Августина, она была человеком исключительной чуткости, доброты. С семи лет она обучала меня русскому языку. Она была для меня второй матерью, благодаря ей я научился читать, полюбил русский язык, у меня открылись глаза на мир. В то время нас учили писать изложения о том, что мы видели и слышали. Это были «Уроки на запоминания». Например, к доске прикрепляли картинку, вырезанную из какой-то книги, что мы видели на этой картинке – описывали, каждый по-своему. Августина Устиновна постоянно похваливала меня, а я, окрыленный ее поощрительными словами, старался писать еще больше и лучше. Уже в первые годы учебы я начал запоем читать Пушкина, Толстого, Тургенева, Фета, Тютчева, позднее и Лермонтова. Казахская литература, поскольку я находился в русской среде, была мне неведома. И только в Алма-Ате, в студенческие годы я начал для себя открывать своих соотечественников: Абая, Ауэзова, Мусрепова...

IV

С начала марта 1932 года в Малый Кизяк, где обосновалась семья Арыстана, начали прибывать большими группами степняки не только из бывшего Петропавловского уезда, но и из довольно отдаленных отсюда густонаселенных мест – Атбасара и Кокшетау, бросившие свои дома и шедшие куда глаза глядят. Обессиленные, голодные люди обходили деревенские дома с просьбой дать хоть что-нибудь съестное, многие из них рылись на помойках, видно было, что на протяжении многих дней они во рту не держали ни крошки хлеба. Охва-

ченные безумной паникой, люди не останавливались здесь, шли дальше. Ясно, они стремились скорее попасть в промышленные города Урала: Курган, Свердловск, Златоуст, Ирбит, Челябинск, чтобы не умереть с голоду. По дорогам трупы отмечали это шествие. Местные жители иногда находили младенцев, завернутых в старые тряпки...

В той волне пеших беженцев иногда встречались знакомые Арыстана. Увидев, что его семья особо не нуждается, дети накормлены, гонимые голодом бедняки выражали удивление: «Эй, Арыстан, ты оказался хитрее всех нас, догадавшись переехать к русским, где легче добыть пропитание. Ты всех нас опередил». Они же рассказали ему о тяжелом положении оставшихся в Алыпкаше аульчан и его близких родственников. Пастбища остались без скота, его отобрали еще в прошлом году. И куда-то отправили. Оказалось, что тот родственник, который помогал им с переездом сюда, средний сын деда Кошимбая, по имени Исках, пропал без вести, наверное, где-то умер. А взрослый сын родной сестры Казипы, проживавший в том же ауле, тоже неизвестно куда подевался, и судьба других близких людей – в руках Всевышнего. В родном краю свирепствует голод, люди готовы грызть землю и, чтобы как-то спастись от голодной смерти, бегут в сторону русских поселений. Но многие от истощения падают в пути и их некому даже похоронить. Беспомощные старцы, которые не смогли покинуть аулы, погибли либо уже не поднимаются со своих постелей...

После таких жутких известий домочадцы Арыстана потеряли покой и сон, они стали чаще смотреть на дорогу, ведущую на восток, откуда в толпе беженцев могли появиться их близкие. Исчерпав терпение, Арыстан запряг пегую кобылу в легкие сани, загрузил туда муку, мясо, крупы и тронулся в путь. Ни уговоры семьи, ни предостережения рассудительных людей о том, что степь полна голодающими и опасна для одинокого путника, не смогли его удержать.

Когда Арыстан собрался в путь, еще лежал нетронутый снег, вернулся он в Малый Кизяк, когда уже начиналась весенняя распутица. Он привез старую мать, младшего брата Маутая и

его жену с их единственным сыном Саматом, ровесником Камзабая. Позднее он рассказывал, что нигде не останавливался, ехал день и ночь, достиг аула Алыпкаш; увидев своих родственников живыми, сразу же отдал привезенные продукты семье Ибрая, так как ее положение оказалось совсем невыносимым, и в тот же день, не мешкая, отправился в обратный путь. Появился он вовремя, все родичи держались на пределе сил, опоздай еще на неделю, неизвестно, застал бы их в живых или нет. Арыстан будто бы чувствовал наступающую беду...

Добросердечный Иван снова проявил широту души: разрешил и родичам жить в том сарае, где ютилась семья Арыстана. Сарай разделили перегородкой, и все Букетовы временно разместились там.

Через месяц вся семья Ибрая Букетова тоже перебралась в Малый Кизяк. Он с сестрой Казипой и ее детьми малость подкрепились теми припасами еды, которые им подбросил старший брат. А затем, дождавшись наступления весны, с двумя детьми, уповая на всесильного Аллаха, вчетвером пустились в дорогу. Они рассказывали, что вряд ли бы выжили, понапрасну ожидая государственной помощи в Алыпкаше, перспектива погибнуть и остаться не похороненными была уже реальной. В трех, прежде многолюдных аулах Алыпкаша не осталось почти мужчин, уже к весне 32-года трудно было найти людей, чтобы предать земле умерших. В некоторых дворах не было ни одной живой души, не видно было даже кошек и собак – их давно съели. Некогда щедрая на урожай, плодородная земля не возделывалась, богатые рыбой берега Есиля за короткое время обезлюдели.

Всеобщая насильственная коллективизация привела и русские деревни к обнищанию, но по казахским шаруа она ударила убийственно. В Степи из-за спешных и необдуманных действий, притеснений местных белсенди, принудивших их сдать в колхозы свой скот, являвшийся единственным источником существования, они лишились всего, что имели раньше. Колхозный же скот пошел под нож. Известно, что целые табуны гнали на мясокомбинаты, часть скота порезали сами

хозяева. Не хочется так говорить, но все же напрашивается невольный вывод, что в своей основе эти преступные распоряжения имели одну лишь цель: уничтожить степняков или, по крайней мере, намного сократить их число... В действительности так и вышло. Комиссией Верховного Совета Казахской ССР, специально занимавшейся этим вопросом лишь через шестьдесят лет, в 1991 году, было установлено, что в период 1931-1933 годов в Казахстане было уничтожено более 3-х миллионов человек, то есть половина всего численного состава степного народа; многие спаслись от голода (точнее сказать, от массового геноцида) бегством в Сибирь, на Урал, а некоторые – в Китай и Среднюю Азию. В их числе были братья Букетовы...

Ситуация в русских деревнях тоже была беспросветной. Тем менее, в них положение было лучше. Там не произошли такие массовые перемещения, основная масса сельчан осталась в обжитых местах. К тому же смекалистые русские мужики, вступая в колхозы, сумели что-то припрятать на черный день из нажитого многолетним трудом, оставить в амбарах и погребах овощи, картошку и хлебные припасы, не полностью сдав их государству. Это и спасло их.

А волны пеших переселенцев, накатывающие из степи, не прекращались, но не всех же могли выручить русские деревни, тем более что сами доедали последние, черствые корки хлеба пополам с отрубями и лебедой. Все лето не было им отбоя от толп переселенцев, просивших милостыню. Страдальцам, покорно стоявшим у порога дома, трудно было отказать. Они надоели всем, а более напористые тащили не только телят и кур, но даже собак и кошек, тем самым выводя население деревень, расположенных на их пути, из терпения. Тяжелые испытания выпали и на долю коренных малкизяковцев. Особенно трудно было простоватому от природы Черному Ивану. А он, устроив у себя бедствующую казахскую семью, по существу превратил свой дом, как корили его свои же сельчане, в советскую коммуну. Ведь с середины лета в его сарае уже жили не один, а все три брата с семьями... Не выгонять же их на улицу, тем более во всех трех семьях – дети-малолетки. При-

шлось к сараю делать пристройку. Хорошо еще, что все три семьи Букетовых оказались уживчивыми, дружными и честными, они делили поровну все, что зарабатывали за день вместе с женами и детьми, без лишнего шума, гама и ссор. Благо, никто из взрослых не сидел на шее у другого: кто пахал землю, кто валил деревья на лесозаготовках, кто пас общий скот. Расплачивались с ними не деньгами, а продуктами, хоть и перепадали им жалкие крохи, все же это была действенная помощь.

В голодное лето 1932 года Букетовы кое-как перебились. Приходилось во всем себя ограничивать, потуже затянуть пояса. А в тот год у них было ртов более чем достаточно: в семье Арыстана – трое детей-погодков, у Ибрая – малолетний сын Жамбай и еще кроха-девочка, ровесница Марата; у Маутая также рос малыш... В общем, под одной крышей был небольшой детский садик. И у бабушки Кенжетай и ее трех снох, присматривавших за отпрысками, хватало хлопот...

Братья Букетовы, привыкшие рассчитывать только на себя, на свои силы, не ожидая милости Всевышного, работали от утренней зари до позднего вечера, не отставая от кряжистых русских мужиков. Их усердие не прошло даром, их признали за своих, ровнями себе, что помогло братьям удержаться в Малом Кизяке. Осенью они, от души поблагодарив Черного Ивана, отделились от него, переселившись в разные концы деревни: Арыстан и Маутай со своими семьями наняли отдельное жилье у одной вдовы; семья Ибрая поместилась в одной комнате большого дома русского мужика на окраине, рядом с лесом.

Бесконечный поток переселенцев, наконец, иссяк. Прибившиеся к деревне уже пообвыклись в ней. Правда, в то лето на поляне в лесу у Малого Кизяка появилось огороженное мусульманское кладбище, где нашли последнее успокоение гонимые, как ветром перекати-поле, степные странники. Здесь же – могилка младшего сына Арыстана – Марата (по сведениям Камзабая Арыстанулы трехлетний малыш погиб случайно, играя с детьми, ударился о косяк двери и, проболев всего три дня, скончался)...

Летом 1933 года все казахи, которые обосновались в Малом Кизяке и его окрестностях, объединились и организован-

но выехали на зеленый луг, находившийся в десяти верстах от села, где заранее каждой семьей был сооружен шалаш. Между собой они называли новое пристанище аулом. Скорее название это было данью привычке, никакого аула там и в помине не было, так как никто не имел ни одной юрты, все они остались на старых зимовках. Вместо них строили примитивные шалаши, втыкая в землю пять-шесть жердей и соединяя их наверху. Укрытием служила солома с дерном. Жить в таком шалаше было все-таки лучше, чем под открытым небом – он защищал от палящего солнца и от дождя.

Взрослые работали в «Коммуне». Все мужчины трудились в поле, женщины – в столовой. В столовую и к шалашам приходили группами, распевая новые песни. По мнению новоиспеченных агитаторов, часто приезжавших из районного центра, это были первые задатки коллективного труда, открывавшего дорогу в коммунистический рай. Доклады агитаторов воспринимались степняками, как сказка Шехерезады из «Тысячи и одной ночи». Неизвестно, наедались ли трудяги досыта, но молодость брала свое, и песни над лугом не умолкали. Все были довольны тем, что остались-таки живыми, сохранив себя и детей...

Но, увы, районное начальство, очевидно, понимало, что до настоящего коммунизма еще далеко и осенью того же года «Коммуну» распустило. Братьям Букетовым снова пришлось скитаться по деревням соседнего Макушинского района, чтобы где-то перезимовать и найти хоть какую-нибудь работу. Арыстана еще беспокоила и другая забота, как и куда устроить Евнея, который должен был идти в третий класс. После долгих мытарств они переехали в Куприно – русское село, расположенное далеко от районного центра. Благо, там была приличная школа. «Мы жили в светлой комнате с четырьмя окнами», – рассказывает Камза-еке, вспоминая те далекие времена. Однако и здесь деревенские мальчишки не упускали возможности поиздеваться над единственным среди них беззащитным «басурманом». Евнея спасали длинные ноги, выходя из школы, он ударялся в бег и редко кому из тех озорников удавалось его догнать.

Однако тот дом, который Арыстан нанял для своей многодетной семьи, не стал надежным жильем (к этому времени в его семье прибавился еще один ребенок – мальчик Жартас). Хозяйка дома оказалась вовсе не вдовой, как представилась во время знакомства, у нее был муж. Он находился в розыске за какое-то совершенное преступление, и тайком, по ночам, наведывался к жене, мало того, однажды прихватил с собой все ценные вещи и часть одежды своих квартирантов. Опасаясь худшего, Букетовы решили переехать подальше от греха. Они нашли подходящее жилье на окраине села. Евнея пришлось снова провожать в школу и встречать после окончания уроков. Но это продолжалось недолго. Выход из этой непростой ситуации нашел сам ученик. Он подружился с соседским мальчиком-ровесником Васей, они стали ходить в школу вместе. Тем сорванцам, которые старались показать им силу своих кулаков, теперь они давали надлежащий отпор вдвоем.

Все же и этот дом для Букетовых не стал спокойным обиталищем. Однажды семья Арыстана лишилась последней одежды, осталась почти ни с чем. «Найти вора через местную власть родители не захотели. К тому же как-то Евней пришел из школы заплаканный, значит, с кем-то он подрался или же озорники опять его обидели и набили», – вспоминает Камзабай Арыстанулы последние дни, проведенные в Куприно.

Этот непрятный случай стал последней каплей, переполнившей терпение Арыстана и в середине зимы он с семьей переезжает в село Сахалин (видимо, названное так из-за большой отдаленности от районного центра), где было много казахов, откочевавших с Северного Казахстана. Подходящая работа сразу нашлась. Но возникла другая проблема: в селе не было школы и Евнею пришлось все второе полугодие просидеть дома.

С наступлением весны жители Сахалина вышли в поле: целинные земли вокруг села, не знавшие прежде плуга, были для них сущей благодатью... Власти решили здесь организовать государственное зерновое хозяйство, для чего создали специальное отделение «Опытное поле». Для переселенцев-казахов это было «манной небесной»: занятие нашлось не только взрос-

лым, но и детям; Евнею и Камзабаю, а ему уже пошел седьмой год, на пшеничном поле поручили прополку от сорняков; и что замечательно – всем работающим детям в виде трудооплаты ежедневно выдавали буханку хлеба. Как-то Евней с поля возвратился с целой буханкой, а Камзабай принес полбуханки хлеба. Не отщипнув от них ни крошки – мальчики с гордостью вручили свои дары бабушке. Суеверная бабушка несказанно обрадовалась их первым заработкам и громко запричитала: «Вот мои маленькие жеребята тоже уже стали кормильцами!» – и, конечно, с радостью раздала весь хлеб соседям...

В то лето на «Опытном поле» произошло неординарное событие, потрясшее всех его обитателей. Однажды летом, в ясный день, в небе послышался гул, напоминавший раскаты грома, все находившиеся в бараке люди высыпали наружу: в небе, как птица, парило какое-то чудовище с крыльями и парой колес, похожих на тележные; они, разинув рты, не успели даже рассмотреть, что это за чертовщина, как диковинный аппарат сделал круг над толпой и, пролетев над головами, сел на краю пшеничного поля. Зеваки толпой ринулись к этой «чертовой телеге».

Однако, прибежав, остановились на почтительном расстоянии – кто знает, чего можно ожидать от этого чуда-юда. Из «чертовой телеги» вдруг выскочил обычный человек в кожаном шлеме, с огромными очками на глазах, а когда он поздоровался настоящим человеческим языком, стоящие вдалеке степняки вовсе растерялись. Мало того, он, приветливо махая рукой, позвал всех к себе, но наблюдатели остались на месте. В этот момент всех взрослых удивил маленький Евней.

– Это – аэроплан, я видел его снимок в учебнике, смотрите какие у него крылья, как у птицы, – закричал мальчишка. – А этого дядю в шлеме – летчиком называют...

Один из взрослых недовольно прикрикнул на него – надо же, шпендик Арыстана поучает нас, взрослых.

Летчик между тем молча стал таскать мешки, сложенные на краю пшеничного поля и заносить их – по одному в открытую дверь своей «железной птицы».

– Вот это да! Смотрите! Наш Евнейжан умница, он сразу разобрался, что к чему. В мешках – яд, который вчера привез

из города наш бригадир. Это для обработки пшеничного поля, глушить сорняки, – сказал кто-то из взрослых.

Вдруг Евней взял за руки Камзабая и, подбежав к аэроплану, как взрослый, подал руку летчику. Взрослые, тоже осмелев, приблизились к нему, стали помогать. Евней же стал объясняться с неожиданно «свалившимся» с неба незнакомым человеком, когда закрутились пропеллеры перед отлетом, подросток быстро поднялся на крыло «тележки». Аульчане не успели ахнуть, как он уже сидел внутри этой «чудо-телеги».

К удивлению всех мальчуган поднялся в небо на этом белокрылом, как только что выпавший снег, аэроплане, покружил над их головами, махая рукой и улыбаясь от радости. Видно было, что в тот миг у него не было страха. Конечно, земляки его стояли в растерянности, думая, чем же все это кончится. Однако путешествие в небо Евнея закончилось удачно, как первый полет сокола-птенца, вылетевшего из своего гнезда. Белокрылая «птица», закончив опыление, приземлилась на том же месте.

Мальчик был в восторге от своего воздушного путешествия, хотя, кажется, для современного читателя в нем нет ничего сверхъестественного. Но надо учесть то, что это событие произошло в 1934 году. Тогда на поля стали выходить первые трактора, автомобили, в небе появилась сельскохозяйственная авиация. Поэтому приходится лишь удивляться отваге девятилетнего мальчика. После этого полета он стал среди рабочих «Опытного поля» героем, всеобщим любимцем. Взрослые ему предрекали: «С малых лет видно, что из этого мальчугана будет толк, если будет жив-здоров, его ждет большое будущее...» Евней взахлеб рассказывал всем о своем приключении, а через годы, повзрослев, днем и ночью мечтал и всех убеждал, что непременно станет летчиком...

Похвалы, расточаемые сельчанами в адрес Евнея, подававшего большие надежды, не прошли мимо ушей его родителей, и осенью Арыстан отвез старшего сына к своему шуряку Касыму Акжигитову (младшему брату тестя Байжана), работавшему секретарем парткома в совхозе поблизости от Петропавловска. Отцом руководило желание, чтобы ребенок не от-

стал в учебе, как бы трудно ни было. В прошлом году он не смог закончить третий класс, упущенное надо было наверстывать. Итак, Евней сел за парту средней школы Шаглинского совхоза. Здесь все ему понравилось.

Между тем казахи-переселенцы, временно осевшие в Макушинском районе, стали постепенно здесь укореняться, обрастать добром. Все работали. К этому времени Арыстан и многие другие уже купили дойных коров, некоторые заимели кобылиц, так что молока было вдоволь. Хватало картофеля и урожая зерна. Большинство, поняв цену образования и знания русского языка, потянулось жить поближе к городу, с целью дать своему подрастающему поколению возможность учиться.

Но Евнею опять не повезло. Касыма Акжигитова перевели на другую работу, притом далеко от города, где не было школы. Оказавшись в безвыходном положении, отец отвез сына в Петропавловск, где после долгих поисков нашел земляка, тот взял мальчика к себе... Через пару месяцев, когда он приехал с провизией в город, обнаружил своего дитятю совершенно неухоженным, немытым и больным. Прежде нормального мальчика было не узнать — одежда его была вся истрепана, сам он осунулся, похудел. Оказывается, хозяева заставляли его с утра до вечера работать в своем дворе, так что ему некогда было готовиться к урокам. К тому же к ним часто приезжали многочисленные гости и иной раз Евнею негде было спать. Неудивительно, что он клевал носом на уроках, не в силах бороться с дремотой. Прежний интерес к учебе у него пропал, да еще какие-то недомогания одолели.

Арыстан решил покончить с учебой сына. «Зачем ему образование, если он здоровье подорвет?..» — негодовал он. Но Евней на этот раз воспротивился решительно: «Ага, не трогайте меня, как-нибудь перетерплю. В этом году я должен закончить третий класс. Не поеду я в аул!..»

В расстроенных чувствах Арыстан отправился на базар. И тут, когда ходил по базару, не зная, что предпринять, от случайного встречного он услышал, что в Петропавловск недавно перебрался его сват Султангазы, брат мужа родной его сестры. У него еще не было детей, и можно было предположить, что

они с удовольствием возьмут под свою опеку маленького Евнея. Потратив два дня на поиск, Арыстан узнал-таки их адрес, нашел их дом в старой части города, называемой Ойкала, на окраине Петропавловска, где в то время компактно проживали городские казахи. Все получилось так, как он задумал. Устроив Евнея у сватов, он возвратился в приподнятом настроении, распевая свою любимую песню – «Аккум».

Житье Евнея и учеба с тех пор наладились. То, что он учится в уездном городке, радовало не только родителей, но и всех родственников, которые с упоением и надеждой смотрели на него. Мальчик часто им посылал письма, где сообщал о здоровье и успехах в школе. Он писал на русском языке, а родители по-прежнему не могли их прочитать без толмача. По-казахски он не писал, так как не знал ни латинского, ни арабского алфавита. Его письма с трудом разбирал и отвечал на них только Маутай. А он владел только латинскими буквами, все же мальчик со смекалистым умом ответные сообщения малограмотного Маутая-ага кое-как разбирал, в конце концов, сам начал отвечать по-казахски, разумеется, употребляя русские буквы.

Зиму 1935 года семьи Арыстана и Маутая провели в отделении совхоза «Красногвардейский». Ибрай же, наслышавшись долетавших сюда вестей, что на родине продовольственное положение поправилось, стал скучать, захандрил, навязчиво повторял мотив старой песни «Елим-ай»*, если не пелось, то ходил в подавленном настроении, будто бы что-то потерял, в конце концов, не выдержав долгой разлуки, отправился с семьей на родину.

А два брата – Арыстан и Маутай пасли овец. Овчарня и землянка, где они проживали, находились на берегу озера Менкесер. Вода в озере была соленая, берега его летом покрывались налетом, похожим на снег желтоватого цвета, казахи с давних пор вывозили отсюда соль. После переселения сюда русских крестьян вся территория обширной Менкесерской волости отошла к ним, как и это озеро. Но добыча соли, пригодной для пищи, не прекратилась. Отчасти соль стала пред-

* Ностальгическая казахская песня о потерянной родине.

метом обмена между кочевыми казахами и новыми поселенцами. Зимой и летом из Менкесера везли соль на лошадях и верблюдах, за нею приезжали даже из окрестностей Петропавловска, Пресновской станицы и других мест. Кстати, от приезжих братья получали свежие новости о Родине, передавали весточки о себе. Землянка гостеприимных Букетовых и в летние месяцы никогда не пустовала, в ней останавливались добытчики соли, да и они сами в погожие дни заготавливали соль, делали запасы, чтобы реализовать ее приезжим за определенную плату – этот промысел приносил им некоторый доход. По воспоминаниям Камзабая Арыстанулы, отец, расставив из проволок петли, всю зиму отлавливал зайцев, которые в изобилии водились в камышах вокруг озера.

В воспоминаниях его есть описание и таких эпизодов: «С наступлением лета Евней приехал в сопровождении дяди Султангазы с женой. Они были хорошо одеты, в том числе и мой брат. На Евнее был выглаженный темно-синий костюм, на брюках стрелки, как у тех родственников, которые прошлым летом приезжали к нам из Челябинска. Фуражка под цвет костюма, белая сорочка завязана красным галстуком с блестящим зажимом. Все жители зимовья побежали им навстречу, я тоже бежал, но, увидев шикарно одетого своего повзрослевшего брата, растерялся. Вместо того, чтобы подбежать к нему и обняться, как все родные, я залез на металлическую бочку, валявшуюся здесь же, и оттуда подглядывал, как вместе с сопровождающими приезжими мои родители его обнимают. Потом, когда сам Евней подбежал ко мне, стащил с бочки, начали обниматься, у нас обоих потекли слезы: мы так соскучились за долгую зимнюю разлуку».

Конечно, для братьев-подростков эта встреча была настоящим праздником. Тем более событие на самом деле было исключительное: в роду Букетовых Евней был первым обучавшимся целых три года в специальной школе, сам Арыстан и два младших его брата, когда проживали в ауле Алыпкаш, одну-две зимы подряд ходили в мечеть, но их учеба ограничивалась заучиванием наизусть двух-трех стихов священного Корана и не продвинулась дальше. А Евней оказался не толь-

ко в роду Букетовых, но и во всем обширном клане Алыпкаша единственным юношей, который учился в русской школе.

Маутай сразу же потребовал от Евнея надлежащие бумаги об его успехах в школе, и, взяв их в руки, он долго, любовно рассматривал пятерки в свидетельстве об окончании третьего класса. А затем, размахивая им, громко, во всеуслышание объявил: «Вот Евнеяжана успехи! Гляньте на эту бумагу, как он всех ровесников своих опередил! Если учиться, так уж, ей богу, надо учиться! Черт побери, а, каков наш отпрыск?! Молодец, ты всех нас превзошел, ты настоящий Букетовский внук, достойный славы самого Алыпкаш-батыра. Будь всегда таким, мы гордимся тобою!..» – Слова Маутая вызвали у всех сидящих в доме всплеск бурного одобрения. Родители также выразили мальчику свое удовлетворение, говоря: «Лишь бы Аллах помог ему!..», а бабушка Кенжетай начала причитать в своей манере: «Сразу видно, что мой жеребенок похудел, думаете, так легко учиться, притом долгие три зимы...»

* * *

В то же лето Маутай, младший из Букетовского рода, также направил свои стопы в отчие края. Мать Кенжетай уехала с ним. Ее возраст уже приближался к восьмидесяти годам, она забеспокоилась: как бы навсегда не остаться на чужбине, ведь, ее заветное желание – быть похороненной рядом с давно умершим мужем...

А Арыстан не захотел возвращаться назад. Теперь он понял, что один уже не сможет справиться с целой отарой овец, пасти их и вдобавок сторожить всю ночь. Потому, сдав отару, он переехал на железнодорожную станцию Макушино. Проблему жилья на зиму решил по-своему просто: поблизости от станции, в лесу, из тальника соорудил испытанный в прошлые годы шалаш, а сам нанялся возчиком на стройку. Рядом с шалашом, в бараке, жили такие же рабочие, как и он. Все казахи. Всего их было около тридцати семей. Дети их тоже ходили в школу. Евней пошел в четвертый класс, Камзабай – в первый. Единственной трудностью было то, что школа нахо-

дилась на расстоянии четырех-пяти километров от их жилья. Другого выхода не было. Семьи, где имелись дети школьного возраста, договорились между собой, что школьников будут подвозить по очереди. Лишь у Арыстана было двое учеников, потому ему пришлось в неделю два раза отпрашиваться с работы. От этого он терял в заработке, но что поделаешь – пришлось ради детей терпеть и это. Однако из обременительного положения его выручили братья: в октябре приехал Ибрай и заявил, что бабушка не может жить без Евнея, потому велит отдать любимого внука на ее попечение, видимо, этого захотели и дяди. Убедительным их доводом было и то, что там, в родных местах можно было спокойнее учиться. Ибрай после переезда на Родину обосновался в селе Марьевка, в районном центре Октябрьского района, где действовала приличная средняя школа.

А дни на чужбине шли своим чередом, постоянной работы не было, жилья тоже, и все переселенцы-казахи перебивались случайными заработками. Пора уже было осесть на одном месте, как те, что добрались до больших городов Урала, где была развитая промышленность, и уже приобрели приличные специальности и, соответственно, кров. Потому обитатели шалаша однажды собрались, чтобы обсудить, как им быть дальше. Судили-рядили долго и пришли к мнению, что все вместе весной 1936 года переберутся на Родину. Сказано – сделано. Ранней весной тридцать семей поднялись спозаранку и, быстро собравшись, на подводах отправились – теперь уж не на север, как было в тяжелом 32-м году, а на восток, в сторону родных земель. Понятно, что это не был богатый караван с сотнями навьюченных верблюдов. По издавна проторенной дороге мерно шагали лишь кобылы с жеребятами, некоторые телеги были запряжены дойными коровами. Многие гнали свой мелкий скот пешком. Они находились в пути несколько суток. Наконец, усталые и измученные переселенцы достигли желанного берега Есиля вблизи Петропавловска. Здесь их ждали. Прибывших приняли руководители стройки, разместили в заранее подготовленном палаточном городке, семьи с детьми – в отдельных палатках, а малосемейных – в

общих. Словом, все были довольны. По правде говоря, эти люди за пять лет бесконечных скитаний на чужбине уже привыкли ко всяким передрягам, ведь бывало еще хуже. Они уже притерпелись к тесноте и лишениям, при этом уже знали, что вместе любые беды не страшны... А здесь, на берегу близкой сердцу реки их ждал хороший заработок.

Правительство приняло решение о строительстве второй линии железной дороги Москва–Владивосток, в связи с этим на всех участках бывшей Великой Сибирской стальной магистрали в том году закипела работа. Здесь, куда прибыли новобранцы из Курганской области, возводилась плотина, чтобы направить течение Есиля-реки по другому руслу для сооружения моста. Все, у кого имелись подводы, возили грунт на лошадях или быках – разницы не было, лишь бы гравий, песок, земля из карьеров доставлялись на ту площадку, где должна быть плотина. Единственная кобылица Букетовых стала и рабочей лошадью. Между прочим, кто нанимался на стройку со своим гужевым транспортом, получал дополнительную плату.

В конце мая приехал Ибрай Букетов вместе с Евнеем. Мальчик закончил четвертый класс на «отлично». К удивлению домочадцев, за зиму он порядочно вымахал, заметно подрос. Несколько дней побыв дома с младшими братьями, Евней заявил по-взрослому, что он тоже пойдет в карьер, помогать отцу. Кстати, испокон веков казахи тринадцатилетнего подростка считали мужчиной, уже достигшим совершеннолетия, иногда без его согласия даже женили. В тот год Евнею исполнилось полных двенадцать лет, и родители считали, что ему можно трудиться, зарабатывать себе на хлеб. Он присоединился к строителям плотины в качестве возчика земли, а отец, передав ему вожжи пегой кобылы, взялся за привычную для себя работу: ремонтировать порванную обувь рабочих... Незаметно пролетело лето. Перед началом учебного года приехал Маутай, чтобы забрать Евнея. По договоренности трех братьев он должен был продолжить обучение при их всемерной поддержке. По мнению самого ученика, Марьевская школа была самой лучшей из всех, какие он знал...

А с наступлением осени стройплощадка замерла. Засыпку плотины отложили до следующего года. Все жители палаточ-

ного городка получили расчет и разбрелись, кто куда. Тридцать семей, приехавших из Курганской области, решили остаться здесь, другие отправились в свои бывшие аулы, некоторые поехали искать счастья в Петропавловске.

Арыстан не захотел следовать их примеру, хотя два его родных брата уже жили на центральной усадьбе родного района. Он по своей натуре был суеверным человеком, верил в старозаветные, зловещие приметы. Дело в том, что два его брата, переехавшие в родные места, уже потеряли своих детей от какой-то случайной болезни, и это неприятное обстоятельство, видимо, его насторожило. Ясно, ему не хотелось рисковать детьми...

В конце концов он снова тронулся на запад, задумав возвратиться в зерносовхоз «Макушинский». Остановился Арыстан в райцентре, где устроился сапожником в ОРС железной дороги, а жена там же – портнихой.

С наступлением лета Ибрай снова привез Евнея к родителям. «Теперь заберу в аул Камзабая, – решительно заявил он. – Ведь он уехал из родных мест несмышленышем, совсем не знает тамошних родственников, пора его представить всем близким....». Второклассник Камзабай своим цепким, острым смолоду умом хорошо запомнил те назидания дяди Ибрая, высказанные слишком выразительно в день отъезда. «Пора уж, мол, перебираться в родные места». Ибрай же всегда любивший говорить пословицами, внушал им: «Настоящего джигита всегда тянет к земле отцов, и лишь безродные бродяги живут, где их сытно кормят», а затем еще продолжил: «Ты, Арыстан, уже приближаешься к возрасту зрелости, своему пятидесятилетию, пора тебе осесть в одном месте...». Но Арыстан то молча шевелил губами, то кусал их, в общем, всячески уклонялся от утвердительного ответа, сказал лишь, что главная его забота в том, чтобы вырастить достойными людьми своих детей. Потому, мол, он не может решиться на скорый переезд. Ибрай же, покачав головой, опять заметил: «Это только твои отговорки, мы три брата, здоровые и взрослые, твоих четверых птенцов, даже если их на себе будем носить, выкормим и вырастим. Бог нам детей не дал и все наши помыслы с Маутаем теперь будут сосредоточены на воспитании твоих

сыновей. Ты нас, пожалуйста, с ними не разлучай, если ты действительно нам единокровный брат!..» – закончил он. «Но мы не можем до осени никуда отсюда уйти, у нас же контракт со стройкой...» – отговаривался Арыстан в ответ на настойчивые просьбы брата. А на самом деле он все еще тянул с отъездом, наверное, потому, что заняв незаселенную чужую землянку, все лето латал ее, подготавливая к зиме...

Ибрай же был упрямым человеком, если он что-то задумал, то всегда добивался своего. Он и Евнея подговорил подействовать на родителей. И неспроста он со дня приезда на каникулы постоянно хвалил свою новую школу и учителей, как все там замечательно. И было бы совсем хорошо, если бы и Камзабай учился вместе с ним. В Марьевке и жизнь интереснее, чем здесь. Мать Бальтай, сильно истосковавшаяся по родственникам и снохам, поддакивала, постоянно вторила сыну.

В конце концов все эти навязчивые уговоры сломили сопротивление Арыстана. В октябре 1938 года семья Арыстана спешно собралась в дорогу.

Из глубины седого Урала снова возвращалась она к тому месту, откуда начала отъезд и скитальческую жизнь ровно семь лет тому назад. Будет ли этот шаг счастливым, закончатся ли с этим переездом его злоключения – на то воля Аллаха... В 1931 году старшему сыну было лишь семь лет, нынче же ему перевалило уже за четырнадцать. Сейчас, взяв за руку младшего брата Камзабая, он повел его за собой. Куда же деваться бедным родителям: когда не один, а двое сыновей уже тянутся туда, где они родились? Когда они прощались с аулом Баганаты, у них было трое малышей. Маратик остался там, на чужбине, не суждено было мальчонке вернуться в родные места. Но Аллах милостив: он подарил ему еще двух сыновей – Жартаса и Шабдана.

Возблагодарив Всевышнего, семья Арыстана возвращалась в отчие края.

ГЛАВА
ВТОРАЯ

ВОЗВРАТИЛИСЬ К БЕРЕГАМ ЕСИЛЯ СНОВА, НЕТ МИЛЕЕ СЕРДЦУ БЕРЕГА РОДНОГО

«...Однажды кто-то из пришедших стал слишком жалеть нас, детей, гладил каждого из моих братьев по голове, называя сиротами, мать утерла слезы и, спокойно глядя на него, сказала:

Ушел наш кормилец, муж и отец,
Аллаха любимец — на земле — не жилец.
Разве оставит Всевышний детей,
Того, кто уже в благодати небес.
Жалость земная им совсем не нужна,
Без милости их не оставит творец...»

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»

I

Судьба семьи Букетовых в то время не была исключением, она повторяла изменчивые судьбы тысяч таких же семей, пытавшихся вырваться из сетей вечной нужды и кочевавших в поисках лучшей доли в края, где нет ни слез, ни зависти, ни вражды.

Переехавшие в родные места раньше Арыстана его братья Ибрай и Маутай жили здесь вместе, поделив между собой небольшой двухкомнатный домик. А когда собрались все Букетовы под одной крышей, стало очень тесно. Вместе со старой бабушкой одних взрослых было семь человек, да еще четверо детей, двое из которых – школьники. За одним дастарханом* не размещались не только дети, но и взрослые, приходилось питаться поочередно, а на ночлег ложились, кто куда мог протиснуться, даже под стол... Младшие братья со дня приезда Арыстана с семьей усердно искали подходящее жилье, заодно и работу в райцентре. Но зима была на носу, и семье с четырьмя детьми устроиться на квартиру в эту пору оказалось невозможно. Потому Арыстан решил обосноваться в селе Двойники – центральной усадьбе колхоза «Красная планета», вблизи бывшего их родного аула – Алыпкаш. На краю села он нашел сносное жилье, оно находилось рядом со скотобазой, куда он устроился охранником.

Евней остался у дядей в Марьевке, он учился в шестом классе, Камзабай пошел в третий класс начальной школы села Двойники. Мизерных трудодней, которые зарабатывал Арыстан охранником, не хватало на то, чтобы прокормить семью. Пришлось вернуться к старому ремеслу – принимать заказы на пошив сапог и изготовление предметов домашнего обихода.

---

* Дословно: скатерть.

Бальтай тоже подрабатывала, все выжимая из своего старенького «Зингера». И это их выручало: дети были одеты и обуты, накормлены...

Все заказы Арыстан выполнял на совесть, не гоняясь за выгодой и барышом. Поэтому о нем шла по селу добрая слава, да и сапоги он шил по моде тех лет, особенно женские на высоких каблуках, для жен и дочерей колхозного и районного начальства с особыми узорами на голенищах и медной пластинкой на заостренных носках, которые шли нарасхват. Между срочными заказами занимался тонкой, прямо-таки ювелирной работой: резьбой по дереву, из костей животных выпиливал чудные фигуры. Занимался чеканкой меди и серебра. (Из этих образцов его искусства у детей в настоящее время сохранились только четыре вещи: футляр из кости для зубочисток, изящная трость из березы, рукоятка которой отделана серебром, и костяные инкрустированные четки).

Сам Арыстан производил на всякого неизгладимое впечатление, был он высок и крепок, как дуб. И взгляд его карих глаз был ему под стать: пристальный и тяжелый – так что не каждый мог его выдержать. Между тем, его суровость была лишь кажущейся, в жизни он был снисходительным, мягким человеком, что свойственно сильным людям. Речь свою он уснащал пословицами и поговорками, при кратких ответах попадая не в бровь, а в глаз. Народные песни он неплохо сопровождал игрой на домбре, и из этого простейшего инструмента с двумя струнами лилась чистейшая, чарующая, навеянная степными мотивами и ковыльным раздольем музыка. Когда на сердце бывала грусть, он пел, и эти песни поднимали ему дух. Закончив пение, он иногда разговаривал сам с собой: «Беу, этот бренный мир полон загадок. Творцов этих песен давно нет. А песни летят и летят над степью...»

«У Аккума есть дочка по имени Инкар,
Слова ее слаще меда и шербета.
Буду слагать песни о ней без устали,
В жизни не встречал такую красивую...»

Арыстан почему-то любил петь во весь голос только в лесу, когда его песня повторялась далеким эхом. Сидящий рядом с ним в телеге маленький Камзабай иной раз интересовался у отца: «Коке*, кто сочинил эту песню? Где живет эта девушка Инкар?» – Отец, глядя в сторону, нехотя ронял: «Сынок, откуда мне знать». И снова уходил в себя. Чувствовалась нотка усталости в настроении отца, и это подтвердил позднее Камзабай в своих воспоминаниях: «Говорил отец всегда ровным, спокойным голосом, но когда произносил очередное слово, в его голосе ощущался оттенок грусти. Всякие неприятности, подстерегавшие его каждодневно, накладывали на его поведение свой отпечаток... – И он же, уже перешагнувший возраст отца, так дополнил свое повествование: – Позже, когда в стране наступили иные времена, я понял причину умолчаний, недомолвок отца. Оказывается, он пел широко известные песни таких знаменитостей, как Ахмет, Магжан, Миржакуп, а мы еще были несмышлеными мальцами, чтобы понять смысл тех песен, но отчетливо запомнили их мотивы...»

Арыстана, как всех Букетовых, природа одарила немалой физической силой, подводила его лишь искривленная правая нога: как говорят очевидцы, в годы юности Арыстан объезжал молодую лошадь, она сбросила его, он сломал ногу, которая потом неправильно срослась.

II

Евней приезжал в Двойники все реже. Видимо, не хватало времени. Когда же выпадали свободные дни, то он вырывался в село, и тогда там поднимался веселый и радостный шум, это был настоящий праздник – не только для родителей, но и для младших братьев. Еще в бытность в Приуралье Камзабай старшего брата стал называть «бапа», что приблизительно соответствует обращению «коке», или «старший брат». Для Жартаса и Шабдана Евней также стал «бапой». Разумеется, он

* Дословно: папа, в прямом смысле уважительное обращение сына к отцу или старшим.

был достоин того: его знания и кругозор были намного обширнее, чем у младших братьев, всех его сверстников и даже многих взрослых аульчан...

Явившись в родительский дом, он, долго не рассиживаясь, переодевался в рабочую одежду и принимался чистить сараи, колоть дрова. Между этими делами Евней успевал поиграть с младшими братьями, проверить тетради Камзабая, исправить его ошибки и поучить его уму-разуму.

Евней никогда не забывал посетить и почтительно поздороваться со всеми родственниками в ауле. В один из таких дней бабушка Кенжетай, которая проживала у Маутая в Баганаты, неожиданно приехала в Двойники, устроила всем младшим и старшим взбучку: «Мой бота* и так устает от долгой учебы, а вы еще заставляете его работать!» – возмущалась она, жалея и оберегая своего любимца. Семья Арыстана, привыкшая к ее постоянным таким наскокам, не особенно обращала на нее внимания. Евней, исподтишка посмеиваясь над выходками и заступничеством старой бабушки, также пропускал ее воркотню мимо ушей. В иные приезды аульчане собирались на огонек у Арыстана, чтобы послушать рассказы Евнея, так как он из Марьевской библиотеки привозил с собой интересные книги. Пожилым землякам он вслух читал такие былины про богатырей, как «Кобланды», «Алпамыс», в которых повествуется об отважных, справедливых, сильных батырах. В его чтении народный эпос приобретал торжественность и драматичность. Вместе с ним слушатели восхищались подвигами батыров и переживали за них, когда они вступали в смертельные поединки с врагами, бурно приветствовали победу этих героев: «Какой удар! Какая сила!..» Некоторые слушали его не один раз и не один вечер, в знак уважения к чтецу приглашали его к себе домой.

Евней, не привыкший к праздности, легкой жизни, начал помогать отцу с шестого класса средней школы. На летних каникулах, после недельного отдыха дома, он шел к колхозному бригадиру Михаилу Козлову просить работу. Бригадир, прозванный сельчанами «Беспалым Мишей» из-за искале-

* Верблюжонок.

ченного пальца руки, давал Евнею задания наравне со взрослыми: подросток пахал землю, погоняя двух быков; садился на конную сенокосилку; клал скирды — и так все летние месяцы, постоянно находясь на полевом стане... В тот период неожиданно выявился поэтический талант юноши: на доске показателей стали появляться стихи на русском языке, едко и остроумно высмеивающие отстающих, явных сачков, лентяев и лежебок, а рядом с ними — хвалебные в адрес передовиков. Некоторые обиженные, глубоко уязвленные насмешками юного критика даже пытались проучить его с помощью кнута. но бригадир Мишка, как говорят, строго осек этих «воспитателей».

Екатерина ТАТАРНИКОВА:

«С Евгением Букетовым мне довелось учиться в Марьевской средней школе в пятом классе. Сидели мы с ним за одной партой в течение года. Очень развитый, не по годам смышленый и в то же время обыкновенный с виду мальчишка. Самыми примечательными были, конечно же, его исключительные, феноменальные способности. Кстати, это обстоятельство порой оборачивалось против самого «вундеркинда». Вступить в спор с учителем и одержать победу для Жени ничего не стоило. Не каждому учителю такие дискуссионные выпады юного эрудита были по душе.

Сейчас уже не помню конкретных ситуаций, но знаю, что его конфликты с педагогами привели даже к тому, что Женя был вынужден оставить школу и сдавать экзамены экстерном...»

Иван БЕЛЕТЧЕНКО:

«Наше сближение произошло летом 1939 года. Группу отличников учебы премировали туристическими путевками по Алтаю. В нее вошли ученики 9-10-х классов — школьные активисты. Евней был единственным «младшим» школьником, он перешел в 8-й класс и путевки удостоился за особые успехи в учебе. Уже тогда стали проявляться его выдающиеся способности в точных науках и литературе.

Туристический лагерь был разбит на реке Катунь. В жаркий день все мы стремились быть ближе к воде. Течение в реке быстрое, изредка несло спиленные деревья. Они-то и стали нашей приманкой. Большое удовольствие доставляло прокатиться верхом на бревне по шумной реке. Однажды наш взор привлекла проплывавшая недалеко от берега сосна с ветвями и корнями. Оседлали мы эту лесину и не заметили, как понесло ее к водопаду. Это увидели взрослые на берегу. Они начали кричать, махать руками, Евней первым бросился в воду, увлекая за собой остальных ребят. Трагедии не произошло. Но охотиться за бревнами мы перестали. Это маленькое приключение еще больше сплоти́ло и сдружило нас в течение почти сорока лет жизни.

Воспитывался и рос Евней в среде, где могли подтолкнуть его на путь творчества. Ему не приходилось общаться с инженерами, учеными, агрономами. Их в то время не было ни в родных Баганатах, ни в Марьевке. Мы видели для себя идеал в наших школьных учителях, нам очень повезло в этом плане. Перед Великой Отечественной войной в Марьевской средней школе, единственной в районе, сложился хороший коллектив учителей, замечательных воспитателей и профессионалов. Среди них выделялись сестры Ольховые: Анна Гордеевна – химик и Варвара Гордеевна – географ, окончившие ленинградские вузы, доцент ашхабадского университета – Аминулла Максенович Мирзоев вел физику, а его супруга, Анна Михайловна, преподаватель того же университета – математику; Петр Михайлович Старцев был большим знатоком русской и зарубежной литературы; Анастасия Куприяновна Бурлакова – историк, ее супруг – первый секретарь райкома партии, из ивановских рабочих, пользовался большим уважением населения, много внимания уделял школе».

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«В пятом классе семилетней школы я полюбил учителя истории. Он имел обыкновение требовать от учеников, чтобы они вспомнили и записали рассказанное им на уроке (наверное, оттого, что не было учебников). И я самозабвенно предавался этому делу, стараясь перенести на бумагу все то, что излагал этот крепкий, статный, чуть выше среднего роста, широколобый, со

стрижкой ежиком русский человек, говоривший рокочущим басом. Он, по-видимому, обладал педагогическим даром, ибо ученики его слушали внимательно, хотя наш класс представлял собой разновозрастное сборище, так рядом со мной, двенадцатилетним мальчиком, сидел Кривенко, большой конопатый юноша девятнадцати лет. И охотников поозорничать было достаточно.

Но когда Иван Антонович приступал к уроку, даже баловники прекращали свое озорство, умнейшего учителя слушали, впитывая каждое его слово, потому что он говорил что-то новое.

И вот я в мечтах видел себя учителем, причем непременно учителем истории, и представлял себя, будто слегка наклонившись вперед, как Иван Антонович, картинно размахивая руками, рассказываю о завоевательных походах Александра Македонского и восстании Спартака против вечного, гордого Рима. Я хожу в темном костюме, сатиновой косоворотке и фабричных ботинках с выдавленными на резиновой подошве затейливыми рисунками. Словом, иду на уроки, одевшись, как мой учитель. Но у меня нет того ежика, что у Ивана Антоновича, у меня бритая голова, потому что я – казах. И этот недостаток, я считал, не помешает мне стать, как Иван Антонович, учителем.

Эта мечта сидела во мне крепко почти до десятого класса, иногда перемежаясь различного рода мимолетными желаниями стать, например, летчиком-полярником (начитаешься о Чкалове, Потанине) или поэтом, подобно Пушкину или Джамбулу (случайно обнаруживаешь, что и ты мог бы рифмовать казахские и русские слова). В целом все мечты сходились к тому, чтобы окончить среднюю школу или педагогический техникум. Я уже в седьмом классе считал себя достаточно ученым, потому что до этой ступени образования в нашем ауле никто тогда не дошел. Я полагал, когда я окончу техникум или среднюю школу, стану настолько недосягаем в своем аульном окружении, что никакой необходимости учиться дальше не будет...»

Иван ТРОФИМОВ:

«Казахских учащихся в нашей школе в то время было мало, особенно в старших классах. Поэтому я очень хорошо помню Женю Букетова: высокого роста, щупленький и с бритой головой, очень скромен. Он был очень любопытен, проявлял нена-

сытный интерес к химии, математике и другим предметам. С большим прилежанием изучал русский язык, принимал активное участие в школьных олимпиадах, его работа по химии была представлена на районную педагогическую выставку.

Его часто можно было видеть в нашей школьной, хотя и небольшой библиотеке склонившимся над книгой. Часто беседовал с Агриппиной Федоровной Коробкиной, которая вела русский язык и литературу. Она очень ценила интерес Евнея к русской литературе...»

Ребенок, одинаково любимый всеми тремя семьями Букетовых, оправдал их надежды: он не только оказался впереди своих сверстников, но и стал лучшим учеником Марьевской средней школы; Евней самостоятельно постигал знания по основным предметам; постоянно участвуя в драматическом кружке, он стал его руководителем... Когда готовили в школе трагедию по А.Пушкину «Каменный гость», он стал не только режиссером, но и одновременно сыграл роль главного героя – Дона Гуана. Ее показали в Марьевке несколько раз. Затем Евней перевел это произведение на казахский язык, и спектакль увидели жители Баганаты. Сейчас в это верится с трудом, но это было осуществлено благодаря энтузиазму пятнадцатилетнего подростка. В эти годы он с упоением зачитывался произведениями А.С.Пушкина, знал наизусть многие стихи великого поэта. Увлечение шедеврами русской поэзии, включенными в школьные программы, в дальнейшем привело Евнея к творчеству Лермонтова и Некрасова, а затем Сергея Есенина, поэтического сердца России, повторившего горькую и гордую судьбу А.С.Пушкина. Не миновало его и творчество Владимира Маяковского, которого красная идеология в то время превратила в идеал, во всех республиках почитали его как лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи.

Камзабай БУКЕТОВ, «ДРУГ МОЙ, БРАТ МОЙ»:

«Однажды он приехал из Марьевки на зимние каникулы и привез большую сумку, наполненную бумагами. Точно не помню, в каком классе он тогда учился: в 7-ом или 8-ом, оказывается, он перевел на русский язык уже почти полкниги Сабита Муканова

«Загадочное знамя», которая позже вышла в свет под названием «Ботагоз». Аульная молодежь заинтересовалась его переводом, желающим он зачитывал страниц десять, а потом насильно выпроваживал их из дома, умоляя не мешать ему. Этот его труд позднее пропал бесследно. Однажды я спросил Евнея: где же тот перевод? Он засмеялся, сказав, что это был детский лепет молодости».

Летом следующего года, после переезда в село Двойники, Арыстан на южной окраине деревни купил старый деревянный дом, все лето ремонтировал его и привел, наконец, в божеский вид, теперь у него было свое жилье, семейство его к этому времени разрослось – детей, вместе с последышем Еслямбеком, стало пятеро.

Всех их надо было накормить, одеть. Мальчики же ни с чем не считались. В пылу игр забывали обо всем, возвращались домой возбужденными, чумазыми, нередко с разорванными рубашками или брюками. Мать ругала их на чем свет стоит, иногда награждала подзатыльниками, громко сетуя на то, что Всевышний не дал ей хотя бы одну девочку. Конечно, такие слова вырывались в минуты слабости и отчаяния из-за тяжелой жизни. В этих ситуациях свекровь Кенжетай успокаивала сноху: «Беу, милая моя, не гневи понапрасну Аллаха, не забывайся. Будут живы-здоровы твои сыновья, вырастут и приведут тебе пятерых невесток и тогда успеешь отдохнуть». Свекровь, которой шел девятый десяток, несмотря на преклонный возраст, держала внуков и детей своих, тоже уже немолодых, в строгости. Жалела она и защищала лишь Евнея. И еще заступалась за своего сына – Арыстана, когда сноха начинала выражать недовольство мужем: «Прекрати, если супруги ладят – счастье им светит. Не перечь мужу, не командуй им – это дурной обычай, угодившая мужу – угодит и всему аулу», – властно заявляла она и ставила сноху на место, высказывая житейскую мудрость.

Все предшествовавшие годы глава семейства без устали трудился, некоторые свои затеи ему удалось осуществить, но много энергии пришлось потратить впустую. Когда же возраст перевалил за пятьдесят, Арыстан почувствовал, что быстро

устает, что силы его истощаются и уже не такие, как прежде, сердце стало шалить, давать сбои, беспокоили колющие боли в груди. Работа уже не так спорилась в его руках, как раньше. Шитье сапог только на первый взгляд легкое занятие, на самом деле сидеть в полусогнутом положении часами, день за днем, притом без движения, на низкой табуретке, мять и гнуть грубую кожу до кровавых мозолей на руках – тяжелый, изнурительный труд. От напряжения сильно устают глаза, немеет поясница. Невесело вздохнув, Арыстан говорил домочадцам: «В нашем роду не было мужчин, которые прожили бы более шестидесяти. Отец мой Бокет скончался в возрасте пятидесяти двух лет. А я уже приближаюсь к его возрасту. Наверное, тоже не перешагну этот порог...» – делился он своими опасениями.

Старая мать ему запрещала даже думать об этом и резко прерывала его:

– Сын мой, на все воля Аллаха и знать нам ее не дано, зачем зря пугаешь своих?

Чтобы замять неприятный разговор, посмеиваясь, Арыстан продолжал:

– Хорошо бы дождаться свадьбы Евнея, поцеловать родившегося внука и передать его на воспитание Бальтай, вот тогда уже можно спокойно отправляться на тот свет.

– И на это воля Аллаха, только, сын мой, и на это терпение нужно.

Этот разговор неожиданно вознобился глубокой осенью 1941 года.

Эхо гремевшей в тысячах километров Великой Отечественной войны с германским фашизмом докатилось и до казахских степей: большинство мужчин призывного возраста надели солдатские шинели, и сразу же все заботы в тылу легли на хрупкие плечи женщин и детей-подростков. Учителей-мужчин и раньше было мало, да и те ушли на фронт, а женщин-учителей не хватало: из-за этого отдел народного образования вынужден был направлять старшеклассников учителями в начальные классы, даже шестиклассники стали вести географию, историю, русский язык и литературу; бывало, почти ребенок, уче-

ник седьмого класса, проучившись до обеда, после обеда шел преподавать четвероклассникам, конечно, такие «учителя» выбирались из числа отличников учебы.

В том году Евней перешел в десятый класс. Осенью он приехал в Двойники, чтобы помочь отцу копать погреб. В то лето они впервые на родине вырастили картофель, нужно было подготовить место для хранения урожая. Во время этой работы Евней, понимавший, как несладко приходится отцу, завел неожиданный разговор.

– Ага, – обратился он к отцу, – ты часто стал говорить, что здоровье становится неважным. Содержать большую семью непросто... Может мне повременить с учебой и тоже подыскать работу? И тебе легче...

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«...Когда я это сказал, отец перестал копать, уперся левой рукой об лопату, указательным пальцем правой руки в растерянности провел по лбу, стирая пот, и грустно посмотрел на меня своими карими глазами. Это меня поразило. Взгляд отца всегда становился таким, когда он бывал чем-то недоволен. В этих случаях тонкие губы его под свисающими редкими усами сжимались, глаза темнели, брови, сдвигаясь к переносице, принимали строгие, четкие и суровые очертания и красивый нос с горбинкой, казалось, горбился еще больше, легкий румянец с нешироких скул сползал вниз во впадины щек. Особенно тяжело было выдержать этот взгляд, когда он смотрел сверху, положив свою седеющую бородку на грудь. Этого неодобрения взглядом нам, детям, было достаточно, чтобы понять его неудовольствие и поступать так, как он желает. Но видеть таким отца мне было нелегко, в нем появились не то отрешенность, не то бессилие, что, в общем-то, не было присуще этому человеку, очень полагавшемуся на казахское «тәуекел»: это слово звучит даже более оптимистично, чем русское «авось». «Как хочешь, мой мальчик, – сказал он, вздохнув, – я так хотел, чтобы ты кончил десятый класс, но, видно, не судьба. Девять классов тоже неплохо, учиться девять лет подряд никому не удавалось в нашем роду, в нашем ауле я таких не знаю, – уже бодрее добавил он.

– Аллах дал тебе разум, и ты неплохо учился. Теперь тебе нужна удача, да поможет Аллах». Потом правой ступней вдавил лопату в землю, пошутил, глядя на меня: «А там, авось, и хорошая невеста найдется...»

Таким образом, когда ему оставалось шесть месяцев до исполнения семнадцати лет, Евней Букетов стал учителем русского языка и литературы в старших классах Ольгинской неполной средней школы. Так началась его трудовая биография. «Всю первую четверть школа не работала. Урожай выдался хороший, а убирать было некому – все мужики были на фронте. Женя работал на лобогрейке, а я вместе с другими женщинами днем копны на бричках возила, а ночью складывала скирды, – вспоминала эти тяжелые военные годы Александра Шумцова, работавшая вместе с Евнеем учительницей в Ольгинской школе. – ...Наступали холода. Надеть нечего, а у Жени одни «штиблеты» – туфли парусиновые и пиджачок. Женщины жалели его, кто носки, кто шапку, кто «фуфайку» принес, а он стеснялся, не брал. А деньги, которые он зарабатывал, на себя не тратил, посылал родителям».

Было холодно и голодно, но дети в школах продолжали заниматься. Рослого, худощавого, плохо одетого молодого учителя уже звали по имени-отчеству – Евней Арстанович. Несмотря на то, что он менял разные школы, учась с перерывами, знания его не были поверхностными, а наоборот, отличались систематичностью и глубиной, говорил он внушительным басом. Дети не сводили с него глаз, когда он читал им наизусть разные стихи, свои увлекательные уроки он сопровождал конкретными примерами, событиями из истории наук.

«Ученики не пропускали ни одного его слова, у него была такая содержательная речь – невольно заслушаешься. Он завораживал любую аудиторию, независимо от возраста. Людей к нему тянуло, как магнитом. Там, где он появлялся, всегда царило оживление, слышались смех и шутки», – свидетельствует та же Александра Шумцова. – *Когда находился в учительской, Евней наизусть декламировал стихотворения и спрашивал у своих*

коллег: «А ну-ка отгадайте, чье это произведение?» Конечно, откуда могли сельские учителя знать корифеев мировой поэзии? Слушатели, разведя руками, сдавались: «Сам скажи». Евней, улыбаясь, говорил: «Александр Блок, из поэмы «Двенадцать», третья глава». Слушатели удивленно качали головами: «Откуда все это знаешь, когда ты успеваешь выучить?» – спрашивали. По его словам, однако, ни одно стихотворение он специально наизусть не заучивал. Ему было достаточно прочитать два-три раза понравившееся произведение, и оно оставалось в памяти. Для того, чтобы не забыть, перед сном, мысленно еще раз его повторял. Иногда после таких упражнений, которые продолжались месяц или несколько дней, целые поэмы, циклы стихов оставались навсегда в его мозгу, как в хранилище – надежном и всеобъемлющем...»

В то время школа была единственным заведением, где собирались грамотные люди. Сельские и аульные советы, партийные организации находили здесь себе агитаторов. Без них не обходились ни выборы в местные органы власти, ни собрания, ни митинги. Учителя Ольгинской школы были самыми образованными среди здешних служащих, именно они стали бойцами идеологического фронта (Шумцова в 1941 году окончила Марьевскую школу с отличием, получила Золотую медаль за успехи в учебе. Она готовилась поступить в МГУ, но начавшаяся война помешала ее поездке в Москву). У других учителей образование было не выше семи классов. Поэтому Е.Букетов, окончивший девять классов, и А.Шумцова в дальней Ольгинке слыли профессорами. Однажды секретарь партийной организации поручил Евнею Букетову выступить с лекцией в избе-читальне. «Я, как старшая, посоветовала Жене подготовиться по газетам и рассказать о войне, – вспоминает Шумцова. – Каково было мое удивление, когда на первой лекции он выступил без всяких бумаг и записей, при полном зале, в котором, кроме школьников, собрались и местные жители...» Эти лекции, приуроченные к литературным вечерам, скрашивали сельские будни. Для Евнея они стали работой, приносящей радость и удовлетворение, тем более он мог

целыми часами читать стихи, поэмы любимых поэтов.... Однако не все субботние вечера он мог посвятить избе-читальне Ольгинки, иногда ему приходилось навещать родных братьев в Двойниках. Тогда его заменяла Александра Шумцова. «Доченька, тебе большое спасибо! В будущую субботу не забудь привести с собой того рослого «хлопчика», что уже выступал, пусть он разъяснит нам все события, все разложит по полочкам», – говорили сельчане.

В военные годы в селах все острее ощущалась нехватка учителей. Молодых учителей, таких, как Евней Букетов, отдел народного образования Октябрьского района каждый год направлял в новую школу, чтобы не сорвать там учебный процесс. В автобиографии Е.Букетова указано, что за четыре года войны после Ольгинки он работал учителем в неполных средних школах сел Соколовка, Двойники, Жалтыр и Городецк. В некоторых из них он исполнял обязанности заведующего учебной частью школы.

Иногда ему приходилось вести уроки по географии, истории, физике и математике, иной раз по всем этим предметам подряд. Тем самым любознательный молодой человек пополнял свои знания...

III

До каждого хозяйства в районе доводилось задание по заготовке пушнины. В колхозе «Красная планета» для этих целей держали двух охотников. С осени до весны их освобождали от всяких работ, только бы они сдали в заготконтору определенное количество шкурок. Одним из колхозных охотников был Арыстан Букетов.

В те годы вокруг села на многие километры простирался густой лес. В нем водились зайцы, корсаки, хорьки. Немало было и волков. Проезжающие ночью могли увидеть, как в чащобе горели их глаза. Хищники враждовали с людьми, они не всегда добровольно уступали дорогу, а часто и сами пользовались тропами человека и его добычей. Еще с молодых лет пристрастившийся к охотничьему промыслу Арыстан обычно ста-

вил петли на зайцев, на более крупных зверей – капканы. Ружья у него не было, так как иметь личное оружие запрещалось, бывшую у него двустволку конфисковала милиция. Незаменимого в погоне за зверем колхозного коня Тортобела* тоже забрали для нужд фронта. Но Арыстан не отказался от привычного занятия и как прежде добывал зверя. Он выезжал на охоту на собственной кобыле, в сопровождении дворняги по кличке Алакус. Иногда он отправлялся вместе с напарником Иваном Колесниковым. Им везло, в капканы попадались зайцы и корсаки, иногда хорьки...

В начале декабря 1942 года снег шел подряд несколько суток, сразу же затрещали морозы. На третий день лунного месяца Арыстан, не вытерпев долгого сидения дома, отправился в лес, который местные жители называли Карашок. За несколько дней до этого пал колхозный бык и тушу его закинули в яму на опушке леса, где был вырыт специальный скотомогильник. Арыстан в тот день пошел туда и, вырезав кусок мяса, прикрыл его соломой и там же поставил капкан на волков.

На следующий день он решил проверить капкан. Долго пробирался к нему по глубокому снегу. Собака бежала впереди. Когда приблизились к месту, где лежала приманка, собака стала вертеться, беспокойно нюхать воздух и громко лаять. Арыстан, чувствуя добычу, подстегнул кобылу. Конечно, собака беспокоилась не зря: на месте, где лежал капкан, все было переворочено; на глубоком снегу отпечатались следы крупного зверя; но капкана не было, как будто его и не ставили... Присмотревшись, Арыстан понял, что в его сети попал не самец хорька, а матерый волк, вырвавший даже березовый кол, которым был закреплен капкан. Видимо, с тяжелой ношей на железной цепи зверь не мог уйти далеко. Поэтому Арыстан, пришпорив кобылу, отправился вдогонку. По следам он видел: серый уходил в глубь леса. Так он преследовал его без остановки почти три версты, наконец, увидел хищника на краю березовой рощи. Верный пес, осмелев, кинулся в атаку, но не на волка, а на цепь, которая волочилась за ним. Лязгнув зубами, волк чуть не вцепился в горло собаки...

* Кличка коня, дословно: гнедой конь со звездочкой на лбу.

Арыстан хотел подъехать на выручку своей дворняжке, но кобыла закапризничала и не шла вперед, несмотря на понукания. Пришлось привязать поводок к березе, скинуть полушубок на землю и бежать к зверю, схватившемуся с собакой. Еле преодолевая доходивший до колен снег, он подбежал к волку вплотную.

Хотя мороз час от часу крепчал, со лба его градом катился пот. Чувствуя конец, серый присел на зад и жутко и протяжно завыл, как бы призывая стаю своих сородичей на помощь. В этот момент Арыстан, резко вскрикнув «Ах!», со всего размаху ударил зверя дубинкой по морде. Хищник сразу сник и упал замертво. Охотник ударил еще раз. Похоже, что второго удара и не нужно было. Зверь уже испустил дух.

Отдышавшись, Арыстан снял капкан, повесил его на сучок рядом росшего дерева. Вначале он подумал туда же повесить и волка, чтобы под вечер не таскаться с тяжелой ношей. Но с таким трудом добытого зверя оставлять в лесу не хотелось – не каждый день он попадается. Для любого охотника это завидный трофей. И волоча по снегу, Арыстан перетащил тушу волка туда, где оставил кобылу. Однако с намерением переложить зверя на спину кобылы ничего не вышло, животное захрапело, встало на дыбы. «Ну, милая, не бойся, он же мертвый», – уговаривал охотник. Но прежде смирная кобыла, кося глазом на оскаленную волчью пасть, дрожала всем телом и вырывалась из рук. Что делать, пришлось вытащить из дорожной сумки топорик, смастерить из ветвей березы волокушу. Погрузив на нее добычу, он привязал ее к седлу. Пока возился с ней, уже опустилась ночь, в морозном небе ярко сверкали звезды. Когда он, наконец, сел в седло, почувствовал, что его трясет от холода, жуткий озноб сковывал тело. Где-то к полуночи впереди тускло засветились редкими огоньками избы, ветер донес лай собак. Арыстан еле добрался домой и, едва переступив порог, свалился со словами: «Ой, мне тяжело, байбише, помоги раздеться!» Все дальнейшее ему, больному, и всем его близким помнилось как в тумане: он весь горел в жару, грудь сжимало, дыхание стало прерывистым. Вызванная на следующий день фельдшерица, прослушав легкие, ус-

тановила диагноз: «Двухсторонняя пневмония»; она сделала укол, дала какие-то лекарства; но с каждым днем состояние больного ухудшалось...

Высокая температура держалась на протяжении шести дней и ночей, видимо, больной почувствовал, что смерть стоит уже за плечами, и девятого числа того месяца где-то на заре он позвал к себе богом нареченную супругу, взял ее руку, положил себе на грудь и еле слышным, слабым голосом сказал: «Единственная опора моя, Бальтай, я благодарен тебе и на том, и на этом свете. Ты подарила мне четырнадцать детей. Девять из них давно лежат в сырой земле, лишь пятеро – в твоих объятьях. Будь им ангелом-хранителем. Двигателем нынешней жизни является ни имущество, ни богатство, а лишь – знание, если надо, продай единственную нашу кобылу и даже корову, непременно дай доучиться Евнею. Если он получит хорошее образование, за собой потянет всех своих братьев. Запомни это и обещай мне, что так и сделаешь. Тогда я буду лежать в сырой земле спокойно. Прощай, моя милая, суженая Аллахом», – сказав это, перед восходом солнца он навсегда закрыл глаза.

К тому времени Арыстан еще не достиг и пятидесяти восьми лет. Разве это предельный возраст для мужчины? Едва появившись на свет, он начал свою борьбу за существование, пережив немало черных дней и горьких утрат, он одолел бедность, но никогда досыта не ел, волей и трудами победив очередную преграду, тут же натыкался на следующую. Неукротимая его душа не знала покоя и потому раньше времени износившееся его сердце, не выдержав переутомления и простуды, перестало биться.

Все близкие родственники и знакомые, жившие в этом селе и его окрестностях, пришли проводить Арыстана, сына Бокета, в последний путь. Семья по мере возможностей справила поминки. Отвезли покойного на санях туда, где находилась родовая могила рода алыпкаш, предали земле с подобающими почестями. После него остались престарелая мать Кенжетай, сестра Казипа с семьей, родные братья Ибрай и Маутай. Днем и ночью рыдали пятеро сыновей, старшему в марте сле-

дующего года должно было исполниться лишь восемнадцать лет; Камзабаю было четырнадцать, Жартасу – семь, Шабдану – пять лет, а самому младшему Еслямбеку – два годика... Можно представить, какое горе настигло в ту зиму его шанырак. Несмотря на свалившуюся беду, Бальтай, когда прощалась с супругом, что всех и удивило, не стала биться головой об стенку, вырывать свои волосы, она словно окаменела. Потеря мужа буквально подкосила ее. Старший сын ее, Евней, пишет в книге «Шесть писем другу»: «Я заметил, через месяц после смерти отца мешком повис на ней бархатный камзол-безрукавка, так ладно облегавший ее плотное тело... А ведь ей едва минуло сорок пять лет. В такую старушку превратилась... она в заботах, чтобы я и мои братья не выглядели оборванцами-сиротами...» Ясно, что у нее был сильный характер и, соответственно, воля. Тому свидетельство – отрывок стиха-плача, который мы приводили в начале этой главы. Свой ответ, скорее всего презрение к родственнику, выражавшему излишнюю жалость к детям покойного Арыстана, она выразила такой импровизацией:

«Есть братья отца, есть у них я –
Сиротливой не будет Арыстана семья.
Без милости их не оставит творец,
Жалость земная им совсем не нужна».

Кстати, из этих коротких стихов видно, что Бальтай, дочь Байжана, отчасти переняла поэтический дар славного предка своего, Тогжана Ендибайулы. Думается, через нее поэтический дар передался ее сыну – Евнею...

Вся тяжесть жизненных забот о рано осиротевших четырех братьях-малолетках и матери-вдове теперь легли на плечи Евнея, как самого старшего в семье. Преподавание его в средних школах в какой-то мере выручало Букетовых, но теперь зарабатывать надо было больше. Кроме того, ему приходилось заниматься и домашним хозяйством. Между прочим, об этом идет речь в письме Евнея Арыстанулы младшему брату Еслямбеку, написанном 16 сентября 1981 года:

«...1943 год. Весна, где-то март. Все запасы еды без остатка израсходовали на поминки отца. Словом, обеднели до крайности, как говорится, покойник даже богатого разоряет, а бедного совсем оголяет. Покойная наша мать без оглядки, все, что было во дворе нашем, вложила в похороны. Не смогли содержать красную корову – она сама пала весной. То же случилось с серой кобылой. Я учительствовал в соседнем селе Ольгинке, кроме зарплаты ежемесячно получал спецпаек – около пуда зерна – вот все, что было на всю семью для существования. Да еще по талонам выдавали кое-какую одежду. На один талон я однажды купил маленькие ботинки и принес домой. «Ой, мой вороненок, – сказала Бальтай сердито, – зачем купил ботинки, лучше бы материал на рубашку...» Тебе было 2,5 года, не ходил, ножки тоненькие – это результат плохого питания, взял тебя на колени, твои ноги обул в эти ботинки. Не успел завязать шнурки, ты начал нечленораздельно выкрикивать: «Эй-эй!..», выражая свою детскую радость, что-то по смыслу похожее на то, что очень красиво... Быстро сполз с моих колен, встал на ноги и начал, покачиваясь, делать первые шаги. У покойной нашей матери потекли слезы, она начала плакать навзрыд, тут же и я не выдержал, присоединился к ней. Конечно, это были слезы радости за тебя. Поэтому сразу забылось наше сожаление, что не купил материал на рубашку. В тот момент пришла наша тетя Жудырук, увидев новую покупку, начала ворчать: «Даже мальчики, живущие со здравствующим отцом, не покупают такие ботинки, к чему эта непозволительная роскошь?!..»

Лето того же года. Пятнадцатилетний Камзабай с раннего утра до заката солнца ходит за колхозным стадом, к тому же полуголодный, на ногах его деревянные башмаки – наподобие обуви. Он ежедневно вставал до восхода – и плелся на базу. Я уже учительствовал в Двойниках, как-то приехал домой. Пораньше встав, пошел в лес. Хотел починить ограду нашего огорода – через поломанную часть проходил скот и там пасся. Пока нарубил длинных жердей, отсучковал, перевалило за полдень. Еле передвигая ноги, добрался до дома. Покойная Бальтай приготовила для меня немного иримшика, укрыв кастрюльку*

* Творог

полотенцом, подмигнув мне, чтобы я его съел, а тебя, Шабдана и Жартаса выпроводила на улицу... Я не успел взять ложку в рот, вы все трое ворвались в дом. Короче, все, что было в кастрюльке, мы съели вчетвером. «Ах, эти кутята, когда успели?..» – ахнула Бальтай. А я усталый, голодный, притворившись сытым, свалился на кошму. Должен объяснить тебе, что наша мать, трудясь в поле и дома, постоянно ходила полуголодная, иной раз крошки хлеба не беря в рот, страшно уставала. Вот так мы жили и росли...»

Кстати, в таком тяжелом положении были почти все, в некоторых аулах вовсе не осталось мужчин. Многие семьи, получив так называемую «черную весть», похоронку, остались без кормильцев. На сенокосе и хлебной ниве работали в основном женщины-вдовы и дети-подростки. На полевые работы выходили все, невзирая на возраст, потому что, не выработав нормы-минимума трудодней, нельзя было получить даже пуда пшеницы; а она была единственным пропитанием населения; прожарив ее и смолов на ручной мельнице, делали талкан*...

Никто не знал, когда же этому придет конец, когда у людей появится хотя бы маленькая передышка. Одно было ясно: терпеть придется до победы над заклятым врагом. И все желали, чтобы скорее закончилась эта ненавистная война, как молох, ежедневно тысячами пожиравшая мужчин – опору семей. Военкоматы ежемесячно призывали на погибель сотни зеленых юнцов, еще ничего не видевших в жизни...

Весной 1943 года, когда Евнею исполнилось восемнадцать лет, ему тоже пришла повестка. Собравшись на призывной пункт, он мысленно попрощался со школой, братишками, а мать почему-то по-мужски, сильно хлопнув по плечу старшего сына, сказала лишь: «Иди, значит судьба! Пусть тебя бережет великий аруах славного деда-батыра!..». Наверное, всемилостивый Аллах услышал страстные мольбы сирот и старой бабушки, которая молилась в те дни с особым усердием: врачи, тщательно осмотрев вроде бы здорового, рослого парня,

* Смолотая поджаренная пшеница.

признали его негодным к военной службе из-за каких-то нарушений в функционировании легких и сердца. Случившееся сильно огорчило самого парня, хотя никаких болезненных симптомов он не ощущал. А домашние были рады, особенно бабушка Кенжетай. Словом, он вернулся к своим занятиям в школе. Между прочим, больше его в военкомат не вызывали...

Справедливости ради следует сказать, что больше всего забот по дому выпало на долю Камзабая, а не на старшего брата, который значительную часть времени находился в школе. Пятнадцатилетний парнишка, надев отцовский рабочий фартук, разложив вокруг себя его инструменты, садился шить сапоги; кроме того, он пас скот, заготавливал лес, пилил и строгал, сколачивал из дерева то скамейки, то табуреты. Итак, целыми днями, не разгибая спины, трудился парень. Оплаты как таковой не было, но он был доволен тем, что с ним рассчитывались продуктами, и он приносил домой что-нибудь поесть... Закончив четвертый класс школы в Двойниках, он сам прервал учебу, намереваясь устроиться на постоянную работу. Близкие и дальние родственники одобряли его поступок: «Молодец парень, он настоящий продолжатель дела покойного Арыстана. Ему нет даже шестнадцати лет, а он уже стал кормильцем бедствующей семьи...», – говорили взрослые, похваливая подростка. Уставшая от постоянной нужды мать соглашалась с ними. Но приехал Евней и все переиначил:

– Нет, так не пойдет! Он и без этого урывками учился, а теперь совсем хочет бросить учебу, это значит – отрезать ему дорогу к будущему. Осенью он пойдет в среднюю школу в райцентре, будет жить у дяди Ибрая... – заявил Евней непререкаемым тоном, показывая, что он берет всю полноту власти в семье в свои руки.

Авторитет мужчины в семье Букетовых был абсолютным. И Камзабай начал посещать Марьевскую школу. «Брат, приезжая в райцентр по служебным делам, обязательно заходил в школу, справлялся о моих успехах и советовал мне, какие книги читать...», – говорит, вспоминая минувшие дни Камза-еке.

1943 год не закончился победой, как надеялись, война затянулась надолго. Одно было утешение: фронт продвинулся к

западным границам Советского Союза... Но от этого в тылу не стало легче.

Зимой 1944 года Евней после неоднократных обращений в РОНО сумел-таки перевестись учителем в начальную школу в Двойники. В это же время он был избран секретарем комсомольской ячейки колхоза «Красная планета». Молодой вожак молодежи активно участвовал во всех мероприятиях, проводимых правлением колхоза, ему давали ответственные поручения, к удивлению взрослых, парень выполнял их точно в срок и всегда аккуратно.

А время брало свое: уже возмужавший джигит, естественно, начал заглядываться на местных девушек. Имя красавицы, растревожившей сердце молодого учителя, нам известно из устных воспоминаний земляков Евнея Арыстанулы. В конце войны она училась на русском отделении филологического факультета КазГУ, родом была из соседнего села. Мы не будем упоминать ее настоящее имя, назовем условно – Карагоз. В те трудные годы девушка отправилась учиться в Алматы, сам по себе этот факт говорит о том, что она была более продвинутой среди своих сверстниц и, конечно, ее родители, вероятно, жили тоже намного лучше других.

Известно, что первая любовь пронзает сердце, как молния. Она приходит, когда ее совсем не ждут, нежданно-негаданно. Они встретились на берегу Есиля. И, казалось, знали друг друга давным-давно. Так слились в одном – он и она. Их связь продолжалась около двух лет, даже после отъезда Карагоз в Алматы, на учебу. Но потом... красавица с берегов Есиля вдруг перестала писать...

Нам неизвестно, как перенес наш джигит неожиданное охлаждение к нему первой возлюбленной. Но знаем, что он не смирился с таким поворотом сердечных дел, решил бороться за нее до конца. И это дало ему толчок, чтобы изменить планы на будущее...

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Как рассказывала мать: было начало лета,.. она сидела у костра и пекла лепешки. Вдруг легонько скрипнула дверь и тихо

открылась; оглянувшись, она увидела высокую, стройную чернявую девушку... незнакомую, но такую приятную лицом, что даже обрадовалась. Девушка стояла робко и молчала. Мать и говорит ей: «Садись, дитя мое. Рассказывай, кто ты, откуда?» Она присела, от стеснения мяла подол пиджака, не знала, куда девать свои руки. Девушка еще немножко помолчала, вытащила из кармана какую-то связку бумаг и сказала: «Передайте эти бумаги вашему старшему сыну, апа, это его письма...». Встала, подала, а у самой слезы на глазах...

Мать моя положила письма в свой сундучок, ежедневно перебирала и снова складывала их, сгорая от любопытства как-то узнать содержание. Она никого не хотела просить в ауле прочитать их, не желая, чтобы чужие языки обсуждали секреты ее сына. И вот, однажды заходит в нашу шушалу пожилая русская женщина в белом халате, на ломаном казахском языке приветствует и неумело садится на корточки далеко от очага. На полурусском, полуказахском справляется о здоровье детей, хозяйки дома; мать также на полурусском, полуказахском отвечает ей. Эта женщина – врач, а может быть, и фельдшер (для матери тогда были все «дохтурами») так понравилась, что она решила доверить ей мои письма. Она передала связку и попросила «дохтура» прочитать и рассказать содержание, но только чтобы ни с кем об этом не делиться. Она пришла вечером и за маминым чаем рассказала, что ничего особенного в этих письмах нет, такие письма пишут все молодые люди, объяснение молодых о симпатиях, о любви, беседы о будущей жизни и так далее. Но когда она добавила, что автор письма очень грамотный парень, что таких грамотных по-русски в аулах она не встречала, мать возгордилась и сказала, что иначе и не может быть, ибо ее сын чуть не десять классов окончил. «Дохтур» на это ответила, что ей, наоборот, показалось, что автор писем окончил не менее учительского института, что это очень способный парень. «Скоро кончится война, грамотные люди стране очень нужны. Чтобы он время не упустил, надо его дальше учить», – посоветовала она.

И после этого мать только о том и думала, как учить меня дальше...»

Для всей семьи это стало самым важным, святым делом. Об этом сам сочинитель тех писем подробно говорит в своей автобиографической книге:

«Однажды мать, сидевшая за шитьем, посмотрела на меня своими зеленоватыми, слезящимися глазами, потом закрыла их. Она всегда делала так, когда хотела сказать что-то серьезное.

– Евней, тебе надо учиться. Отец так хотел, чтобы ты учился, но у него не хватило сил, да и война началась... А теперь близко ее конец, жизнь будет хорошей, и ты должен учиться. Аллах в этом тебе поможет.

– Ты это, Умсын, с Аллахом сама договорилась? Учиться еще успеем, надо хозяйство наладить, этих четверых братишек обуть, одеть надо... – сказал я тоном старшего, чуть насмешливо и назидательно.*

...Мать наклонилась и иголка в ее руках продолжила свой бег, я же, считая разговор законченным, стал было натягивать на ноги сапоги, как заметил, что мать снова выпрямилась, отложив шитье в сторону, и снова закрыла глаза, что означало продолжение разговора.

– Послушай, сын мой! – сказала она, и в ее голосе я почувствовал незнакомую до этого твердость, хотя он звучал так же ласково, как обычно, но в нем появилась иная интонация, по-иному, в растяжку звучали слова, в особенности – «сын мой», которые она в мой адрес произнесла впервые. – Я теперь тебе – и отец, и мать. Это моя воля. Ты о нас не беспокойся, наша власть... никому не даст ни голодать, ни умереть. Мечтой отца не пренебрегай, Евней!

И мать, как ни в чем не бывало, снова взялась за шитье. Я засунул портянки в голенища и отбросил сапоги. Я понял, что это говорит не тетя Умсын, а моя мать, которая ни разу не напомнила мне о том, что она выносила меня девять месяцев, вскормила своей грудью и поставила на ноги... На этот раз она говорила об этом тоном, не терпящим возражения, кратко и жестко, так что не прислушаться к ее словам было нельзя».

---

* Бальтай, в книге ее сына она названа по имени, данному ей при рождении.

IV

Камзабай БУКЕТОВ, «ДРУГ МОЙ, БРАТ МОЙ»:

«Когда выехали за деревню, Евней остановил подводу, посадил меня на свое место и сказал: «Трогай». Кони шли мерным шагом, а ехали по той самой дороге, по которой в тридцать первом году впервые тронулись с насиженных мест в поисках лучшей доли в предгорья Урала. И вот, спустя четырнадцать лет, мы снова едем той же дорогой, возвращаемся в те же места. Одного жаль – среди нас нет нашего предводителя – отца. Перед моими глазами ожили родные скалы, но они уже были ниже тех, что запомнились и казались высокими в малолетстве. К вечеру приехали в Баганаты. Здесь встретили нас радушно. Сначала мы обосновались в просторной землянке Маутай-ага, а к зиме, благодаря настойчивости Евнея, у нас был собственный дом с небольшим подворьем для скота. Евней работал в русской школе в восьми километрах от Баганаты. Я как-то не задумывался, почему же наша семья, бросив обжитый, хорошо подготовленный к зимовке дом в Двойниках, который сам отец выбрал, переехала в Баганаты. И только после смерти брата, размышляя над событиями тех лет, пришел к открытию, которое никогда не приходило мне в голову: война шла к победному концу, он решил ехать учиться. Вся затея с переездом, срочным сооружением жилья – все было подчинено одной мысли: не оставить нас далеко от родственников с надеждой, что те не дадут голодать нам. И его план полностью осуществился. А ведь в то время ему еще не было и двадцати лет...»

Теперь главной его целью стала дальнейшая учеба, остальные житейские проблемы отодвинулись на второй план. И тут, нам думается, неожиданный разрыв с девушкой Карагоз, сыграл свою роль. Ведь он понимал, что умная девушка, студентка единственного университета в республике не захотела продолжать переписку с ним, простым аульным учителем, даже не окончившим десятилетку. Ясно же, между ними была целая пропасть. Потому она решила с ним по-доброму расстаться (по мысли Камзабая Арыстанулы: «Она не хотела связать свою судьбу с нами – быть снохой бедствующей вдовы и пятерых

сирот, которые еле-еле сводили концы с концами»). И гордый парень вознамерился во что бы то ни стало добраться до Алматы, поступить в вуз и восстановить связь с нею, доказать красавице, что он достоин ее внимания.

В начале 1945 года он обратился к директору Марьевской средней школы Семену Ивановичу Шабанову, фронтовику, вернувшемуся из армии после ранения, с просьбой разрешить ему сдачу экстерном экзаменов за 10-й класс. Директор школы был рад пойти навстречу бывшему своему ученику, сказал, что этот вопрос согласует с заведующим РОНО. Вскоре он пригласил Евнея и сказал: «Вопрос улажен».

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Анна Агеевна (Анна Гордеевна Ольховая – М.С.) *среди наших преподавателей отличалась, так мне казалось, какой-то необычной одухотворенностью, на красивом, чуть вздернутом лице с тонкими чертами ее большие, карие глаза смотрели холодно и строго, к ее стройной, среднего роста фигуре очень шла независимая быстрая походка. Судья, конечно, я тогда был плохой, но у меня сложилось впечатление, что Анна Агеевна выражала мысли так ясно, четко, точно и красиво и так умела обходиться без обычных междометий, без слов-паразитов, что ни один из наших учителей не выдерживал с ней сравнения. Речь ее не имела вынужденных пауз и остановок, казалось, нужные слова, образные и четкие, приходили к ней лично, сами собой. Преподавала она нам химию и биологию, предметы казались куда более скучными, чем, например, литература или история, но когда Анна Агеевна говорила мягким и мелодичным голосом о вечном движении в естественном мире, о том, что поведение какого-то ничтожного атома имеет для мироздания такое же значение, как и поведение планет, и что законы этого вечного и неустанного взаимодействия больших и малых, живых и неживых частиц должен человек познавать, изучать, искусственно разбив целое и неразъемное на бесконечно малые частицы, – мы слушали, разинув рты.*

...Строгая была женщина Анна Агеевна, она не позволяла себе на перерывах или встречах вне школы каких-либо разговоров

или шуток, проходя мимо, лишь легким кивком головы отвечала на приветствие. Это мы воспринимали как надменность — от того, что она жила в таком знаменитом и большом городе, как Ленинград. Не было в ней той простоты, которая отмечалась и нравилась нам в большинстве наших учителей.

И вот, затаив дыхание и стараясь быть как можно спокойнее, стучусь в ее комнату. Слышу, как подходит к двери: «Вы — Букетов? Погуляйте и зайдите минут через двадцать!» — говорит она, по-видимому, увидев меня в окно. Сразу отметил про себя, что она обратилась ко мне на «вы». Вхожу через двадцать минут, она встает навстречу и подает мне руку, но каких-либо движений на ее лице, придающих хотя бы какую-то теплоту ее приветствию, не вижу: эта холодность гасит проявление радости на моем лице.

— Я уже все знаю, меня Семен Иванович предупредил, — говорит она, садится сразу же за стол, покрытый ветхой, но чистой скатертью, указывая мне на табуретку с противоположного конца стола, и приступает к делу. Рассказывает, что я должен знать по химии, чтобы сдать на аттестат зрелости, при этом она изредка откидывает движением головы густые, волнистые темно-русые волосы, спадающие на узенькие плечи. Потом начинает спрашивать и убеждается, что пройденное когда-то я знаю твердо на тройку; это ее, кажется, успокаивает, но никаких эмоций по этому поводу она не выражает, только отмечает, что имеющиеся у меня знания по химии — достаточно хорошая база, чтобы теперь заниматься тем, что проходят в десятом классе — «Органической химией». Затем предлагает мне приезжать по воскресеньям, примерно с двенадцати до двух. Она, как в школе, будет меня сначала спрашивать, а потом рассказывать новый материал и давать домашнее задание на следующую неделю.

Десять, а может быть, пятнадцать (сейчас точно не помню) подобных занятий, ровно по два часа каждый раз, провела она со мной, и где-то в начале мая, в дни празднования Победы в Великой Отечественной войне, она мне сказала, что я могу свободно сдавать экзамены и ее дальнейшая помощь вряд ли необходима. Я неумело и робко стал благодарить. Это были, пожа-

луй, первые мои слова, относящиеся к области чувств, за эти несколько месяцев регулярных встреч с ней. Она прервала меня:

– Не надо благодарить. Лучшей благодарностью для меня будет, если вы действительно поступите в вуз и ... окончите его.

...Я искренне, безмерно благодарен многим своим учителям, помогавшим мне в том году, передо мной, как наяву, и сегодня встают их дорогие образы: нашего физика, больного, угрюмого на вид кавказца (доцента Аминуллы Максеновича Мирзоева – М.С.), *заброшенного к нам не то из Западного Прикаспия, не то из Причерноморья, как потом выяснилось, по чьим-то злым и неправедным наветам; нашей учительницы математики* (Анны Михайловны Мирзоевой – М.С.), *изможденной, преждевременно постаревшей женщины, обремененной большим семейством и мужем-инвалидом, настолько занятой, что я теперь удивляюсь ее терпению и выносливости».*

После нескольких месяцев тщательной подготовки Евней Букетов успешно сдал экзамены на аттестат зрелости. Конечно, сказался четырехлетний перерыв, оценки, проставленные в аттестате, были несколько ниже, чем он рассчитывал.

Первый этап поставленной матерью задачи пройден. Второй этап – поступить в высшее учебное заведение. Но куда пойти, какую профессию выбрать? Не откладывая на поздний срок, это необходимо было решать до наступления августа.

Ему уже исполнилось двадцать лет, четыре года он был учителем. К тому времени он был достаточно зрелым человеком, чтобы видеть перспективы своей будущей жизни. И выбрал он город Алматы неслучайно, там в то время был сосредоточен весь цвет национальной интеллигенции, слава ее высших учебных заведений дошла до самых окраин казахской степи. Он сразу же выбрал местом учебы не университет, как он указывает в своей автобиографической книге, а единственное в Казахстане техническое учебное заведение – Казахский горно-металлургический институт (КазГМИ). Почему?

Не надо забывать, что прежде отсталая республика с кочевым скотоводством переживала стремительный взлет и к 1945 году уже превратилась в высокоразвитую индустриально-аграр-

ную республику. Казахстан вышел на одно из первых мест в СССР по добыче и выплавке цветных металлов. Караганда стала третьей после Донбасса и Кузбасса угольной базой Советского Союза. Всему миру были известны гиганты цветной металлургии Рудного Алтая, Жезказгана, Балхаша и Чимкента. В республике были открыты богатейшие запасы черного золота – нефти, свинца, меди, марганца, золота, серебра, хромитов. Замечательный вклад в разведку, освоение месторождений внесли казахстанские ученые, специалисты. На предприятиях полиметаллической и химической промышленности выросла целая плеяда своих инженеров, ученых, командиров производства, которые могли руководить этими отраслями промышленности. Все это хорошо знал Евней Букетов, он же был с детства любопытным человеком, «ходячей энциклопедией», как прозвали его школьные друзья и учителя.

И, наконец, приведем свидетельство самого Букетова:

«Стихи великого Абая: «Будь разборчив в пути своем, если ты талантлив – гордись. И надежным лишь кирпичом в стену строящуюся ложись...» как будто специально сказаны обо мне. К поступлению в горно-металлургический институт, видимо, подтолкнули меня эти крылатые слова», – говорил Евней Арыстанулы своему земляку Мукашу Елеусизову , который учился в 60-е годы в алматинской высшей партийной школе (газета «Северный Казахстан», 11 марта 1995 года, «Незабываемая личность»). Далее автор воспоминаний пишет: «В нашем народе к ремеслу инженера, особенно горно-металлургической профессии, до сих пор неоднозначное отношение. Бытует мнение, что профессии металлурга и горняка – опасные, добыча ископаемых и их освоение очень вредны для здоровья... Когда я в 1945 году готовился к отъезду на учебу в Алма-Ату, к нам домой приехал младший брат отца Маутай-ага и сказал матери: «Ей, Бальтай, ты знаешь, куда твой сын едет поступать на учебу? И дядя сразу же мне: «Ты брось такую вольность, не нужно нам, чтобы ты из-под земли добывал какие-то железяки, уголь и тому подобное. Как все аульные джигиты выбери себе профессию учителя, агронома, зоотехника. Чуждой казахскому хо-

зяйству профессии нам не надо, так что выполняй то, что я тебе сказал!» — заключил дядя свою назидательную тираду. Однако мать Бальтай тут же поддержала меня: «Нет, дорогой деверь, то, что мы узнали за всю жизнь, наверное, не сравнится с тем, что он вычитывает в газетах или в книгах за один день. Не будем ему перечить, пусть сам решает. Где бы ты ни находился, сын мой, будь здоров, пусть благословит твой путь Аллах! Поручаю Всевышнему твою судьбу! — сказав, она предоставила мне свободу выбора...»

Поэтому мы вправе утверждать, что Евней Букетов, когда отправился из Баганаты на учебу, твердо знал, кем он завтра станет. Между прочим, его ссылки в автобиографической книге на повышенную стипендию в КазГМИ как решающий фактор в выборе будущей профессии — правдивы отчасти. Здесь надо учесть вообще манеру его письма, его стиль изложения, в книге он постоянно подтрунивает над своими поступками, описывая их с высоты прожитых лет с веселым юмором и лукавыми намеками...

ГЛАВА
ТРЕТЬЯ

В АЛАТАУ ОН ОТПРАВИЛСЯ... ТОГДА, С ЮНОСТЬЮ ПРОСТИВШИСЬ НАВСЕГДА

«По-моему, двадцатилетний возраст человека – самый интересный, важный и, конечно, он полон загадок. В этот период молодой человек, как говорил поэт, «и жить торопится и чувствовать спешит». Это время поиска, впереди много путей, а выбирать надо один и такой, чтобы потом не сожалеть.

Все пути жизни интересны, все профессии требуют знаний, вдохновения, воли. И еще, пылкое молодое сердце требует удовлетворения страсти, любви, чувств, разделенных близким другом. Если путь выбран правильно, думаю, впоследствии будет меньше ошибок, считай, что будущее твое будет плодотворным».

Евней БУКЕТОВ, «КОГДА ТЕБЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»
«Лениншіл жас», 22 марта 1975 года

I

Евней Арыстанулы в своем автобиографическом произведении подробно описывает, что перед тем, как отправиться в дальний путь, обошел подряд всех – аксакалов и бабушек Баганаты. Этой традиции казахи придерживаются испокон веков. Есть неписаный закон предков: если издалека прибывает шестилетний мальчик, то шестидесятилетний старик обязан прийти к нему поздороваться; наоборот, если тот же юноша отправляется в дальнюю дорогу, то он должен обойти всех старших аула, получить от них благословение... А тут именно тот случай – старший из шанырака покойного Арыстана надолго покидал родные места, уезжая в далекие предгорья Алатау, на учебу...

По понятиям аульчан он поступил не очень порядочно: ему следовало быть опорой матери, младшим братьям, вначале поставить их на ноги, да и оставлять девяностолетнюю бабушку на произвол судьбы – тоже никуда не годилось. По всему видать, сетовали старшие, проучившись много лет в русской школе, он перенял там холодное отношение к своим домочадцам. Не думая о них, он отправляется на учебу на целых пять лет, и неизвестно, чем это кончится?..

От страстного желания учиться Евнея никто не смог отговорить. Мать сшила ему новую рубашку с короткими рукавами из голубой ткани. Евней надел ее и военные брюки-галифе, которые ему подарил родственник, положил учебники в солдатскую брезентовую сумку (тоже подарок земляка-фронтовика), накинул на плечи старую фуфайку и был готов джигит отправиться в путь. Перед дорогой он присел у порога дома,

наказал обоим матерям, что с этой минуты главным лицом в их шанираке будет Камзабай и все житейские проблемы надо решать с ним. В этот год Камзабаю исполнилось семнадцать лет, он закончил седьмой класс и, прервав учебу в школе, уже работал в райцентре.

* * *

В своей книге «Шесть писем другу» Евней Арыстанулы скупо описывает первые годы студенческой жизни. Поэтому, чтобы не сбиться на ложную стезю выдумок, приведем лишь некоторые факты и то взятые из официальных источников, сохранившихся в архивах института: почему-то абитурент приехал в Алматы с опозданием на много дней (тут надо заметить, что в то время поезда с севера республики ходили в столицу Казахстана окружным путем; например, из Петропавловска надо было вначале попасть в Новосибирск, а затем уж – по Турксибу в Алматы, значит, провести в дороге более пяти суток). Вступительные экзамены он начал 28 августа, а последний сдал лишь 6-го сентября. По русскому языку и литературе, против ожидания, он получил четверку, по математике (письменно) – тоже четыре, а устно – кое-как натянул на тройку; по физике – четыре. По химии также отхватил тройку, по иностранному языку – то же самое. Для бывшего отличника, одного из первых учеников Марьевской школы – показатель, как видим, был не очень высоким... Но, невзирая на такие низкие баллы, он был принят в институт: абитуриента выручило то, что в те годы в КазГМИ вовсе отсутствовал конкурс, экзамены устраивались для проверки знаний поступающих; принимали всех, кто подавал заявления; и потому Евней Букетов уже в первой декаде сентября 1945 года стал студентом металлургического факультета.

В первые годы в этом институте был лишь один факультет – геологоразведочный, в дальнейшем он стал Казахским горно-металлургическим институтом и был переведен в 1934 году из Семипалатинска в Алматы, в следующем году в нем открылись еще два факультета – горный и металлургический. В год

поступления Евнея это единственное в Казахстане высшее техническое учебное заведение закончили 782 человека, получив дипломы инженеров, все они выехали на заводы, рудники, шахты. Если бы не война, этот показатель был бы, по крайней мере, в два раза выше, потому что за четыре года из стен института отправились на фронт сотни студентов. Кроме того, резко сократился прием на учебу, а возвратившихся с фронта на студенческие скамьи было немного. Вместе с тем, сохранившийся костяк преподавателей института не ослабил учебный процесс, а по некоторым показателям опережал прежние темпы: например, в 1945-1946 учебному году на дневном отделении в 39 группах обучались 748 студентов. Евней Букетов попал в группу МЦ-45-1 (в технических вузах Советского Союза была принята такая шифровка в названиях групп, например, МЦ означало, что в группе готовятся инженеры-металлурги по цветным металлам, следующая цифра обозначала год поступления, и последняя — номер группы). В это время в КазГМИ насчитывалось 25 кафедр, в них читали лекции 10 профессоров и 31 доцент...

После переезда в Алматы институту предоставили огромный пустырь на пересечении широкой улицы Головной арык (ныне проспект Абая) с проспектом Ленина (сейчас переименован в Достык). Здесь было несколько старых зданий, КазГМИ занял эти помещения, постепенно к ним прибавились два учебных и несколько корпусов общежитий, столовая, жилые дома для преподавателей и аспирантов. Все они были сооружены на скорую руку, не приспособлены для учебного процесса, не хватало в них и уюта, простейших удобств. Жили, как говорили тогда, в тесноте, да не в обиде, на бытовую сторону не обращали особого внимания, все помыслы профессорско-преподавательского состава были нацелены на организацию подготовки инженеров для растущей горнорудной и металлургической промышленности в республике. Разразившаяся война принесла новые трудности. Осенью 1941 года в институт для подкрепления из центра России, с Украины и берегов Балтики прибыли десятки профессоров и доцентов. Всех их кое-как обустроили, всем нашли сносное жилье. Ко-

нечно, пришлось уплотнить студенческие общежития – в них поставили двухъярусные кровати, таким образом, вместо четырех или шестерых человек в одной комнате размещалось в два раза больше. В следующем году по приказу Народного комиссариата цветных металлов СССР в Алматы был переведен Московский институт цветных металлов и золота, который объединили с КазГМИ. Численность студентов увеличилась в два раза, значительно возрос профессорско-преподавательский состав. Теперь здесь были настоящие корифеи науки, авторы учебников, широко известные в Советском Союзе. С 1942 года КазГМИ получил статус вуза первой категории, сравнявшись с другими высшими техническими учебными заведениями Союза. И труд преподавателей теперь оплачивался по высшему разряду, стипендии студентам также были высокими. Это резко повысило престиж казахского технического вуза, повысился уровень преподавания и знаний студентов. Перед руководством города была поставлена задача: дополнительно изыскать жилье для сотен вновь прибывших преподавателей и студентов, с ходу организовать и учебный процесс...

Автор этих строк поступил в КазГМИ, на тот же металлургический факультет в 1953 году, когда уже были ликвидированы последствия войны, когда промышленность Казахстана, выполнявшая военные заказы, перешла на выпуск товаров народного потребления, а вокруг широким фронтом развернулось мирное строительство. Но, увы, несмотря на огромные перемены в республике, на громкую славу института, условия жизни, которые я видел своими глазами и испытал сам на собственной шкуре, были нелегкими. Занятия шли в две-три смены, они начинались с восьми часов утра, а заканчивались иногда в девять вечера. В аудиториях не хватало мест, мы ездили готовиться к зачетам в публичную библиотеку города. За неделю вперед занимали очереди в чертежном зале, кое-как заполучив чертежную доску к вечеру, до утра просиживали за выполнением курсовых заданий. В столовой было не протолкнуться. На везение всегда полуголодных студентов, на улице Головной арык, где она сейчас упирается во Дворец Республ-

лики и где установлен памятник Абаю, в то время стояли в одном ряду многочисленные общепитовские ларьки, почему-то прозванные «американками», в которых продавались дешевые чебуреки. Где-то в половине одиннадцатого звенел звонок на большую двадцатиминутную перемену, и мы гурьбой мчались к этим «американкам» и наспех начинали насыщаться...

Евней Арыстанулы поступил в КазГМИ на восемь лет раньше меня. Понятно, что в годы его учебы положение было еще более незавидное. С трудом преодолевалась послевоенная разруха. Рабочих рук не хватало. Производство едва поднималось. Это можно было наблюдать и в тогдашней столице Казахстана. На продукты питания, хлеб и на другие виды продовольствия еще распространялась карточная система, цены на рынке были баснословными, найти где-нибудь приличный ночлег невероятно сложно. Правда, было одно облегчение: хозяйственная часть института, заключая договоры с частниками, обеспечивала своих питомцев, которым не доставалось места в общежитии – квартирами, выдавала постельные принадлежности. На первом курсе и Евнею Букетову, у которого в городе не было знакомых и близких, приходилось ютиться в одной из таких квартир (кстати, я и мои сокурсники также прошли через тесноту и грязь таких обиталищ, часто похожих на дровяные сараи, которые мы называли «курятниками»).

Камзабай БУКЕТОВ, «ДРУГ МОЙ, БРАТ МОЙ»:

«После первого курса он приехал на каникулы. На нем – военная гимнастерка из дорогого материала, подпоясанная широким офицерским ремнем, хорошие офицерские брюки-галифе, хромовые сапоги. В руках клеенчатый чемодан, в общем, по тому послевоенному времени он был одет с шиком. Оказывается, один из его довоенных друзей, фронтовик-офицер Каиржан Рыспаев, был проездом в Алма-Ате. И, увидев, во что одет Евней – студент высшего учебного заведения, подарил все это из своих армейских запасов. Когда брат собрался обратно туда, он оставил мне гимнастерку, брюки и ремень. Я долго носил их и, конечно, только по праздникам...»

Среди студентов немало было и фронтовиков. В документальной книге, вышедшей к 50-летию КазГМИ, приводятся такие данные: в первые месяцы войны из стен института на фронт добровольно ушли 200 студентов, 22 преподавателя и 3 сотрудника; таких добровольцев было немало и в последующие годы... По отчету отдела кадров института из них 45 человек погибли на полях сражений, шестеро студентов стали Героями Советского Союза. Многие фронтовики после победы вернулись в родное учебное заведение. В 1945-1949 годах в институте обучались 302 студента-фронтовика из тысячи студентов пяти курсов, то есть около одной трети всего студенческого состава. Впоследствии сам Е.А.Букетов в своих воспоминаниях «Первое занятие» отмечал: «В год, когда закончилась Великая Отечественная война, поступившие на учебу были в возрасте от 18-ти до 35-ти лет. Взрослые, среднего возраста, уже семейные, имевшие детей, сидели рядом с нами, с безусыми юношами...»

Дирекция института, да и весь коллектив преподавателей к фронтовикам-студентам, вернувшимся живыми и здоровыми, относились с особым уважением: считали, что право учиться в престижном учебном заведении они заслужили тем, что проливали кровь в боях. За прошедшие четыре года ветераны многое подзабыли, и все без исключения старались помочь им нагнать товарищей. И эти возмужавшие и закаленные в огне битв люди показывали молодым пример настойчивости и упорства в овладении знаниями.

Один из них – Орынсеит Нурекин (в книге «Шесть писем другу» он назван Баекином). Перед войной он, молодой парень, уже закончивший первый курс военно-морского училища, прервав учебу, принял участие в финской войне, а затем все четыре года сражался на фронтах Великой Отечественной. Нурекин демобилизовался осенью 1946 года и сразу же приехал в Алматы. К тому времени прием студентов на первый курс уже закончился, надеясь на снисхождение, орденоносный фронтовик зашел в кабинет директора КазГМИ, профессора М.К.Гришина. Выслушав боевого офицера, тот сказал: «Все предметы, которые изучаются на первом курсе, вы

прошли семь лет назад. Поэтому я вас приму на второй курс. Обстрелянному в боях фронтовику преодолеть программу за два курса, думаю, будет под силу. Конечно, все зависит от ваших усилий и воли...». Итак, в конце сентября 1946 года Орынсеит Нурекин становится студентом второго курса металлургического факультета. Разумеется, в голове фронтовика сохранились только четыре действия математики, а вспомнить законы и сложные формулы физики и химии оказалось нелегко...

«Из тех, кто мне помогал, это Евней, — пишет в своих воспоминаниях о нем **Орынсеит НУРЕКИН**. — *Из-за нехватки мест в общежитии мы жили в одном доме одного учреждения на улице Калинина. Кровати были двухъярусные, в одной комнате жили по 30-40 человек. После лекции готовиться к занятиям в общежитии не было возможности, некуда поставить стол, стулья. Место подготовки к занятиям — публичная библиотека. И вот с такими трудностями я кое-как закончил второй курс.*

Когда начался третий курс, мы стали жить в новом общежитии (во дворе института, 6-ой корпус), построенном силами студентов. Комнаты были лучше, чем прежде, в нем было два этажа. Жили вчетвером в одной комнате: Евней Букетов, Жанабатыров Есентай, Федор Вернигор и я...

В то время продукты питания отпускали по талонам. Не хватало всего. Сами по очереди готовили пищу. Евней не умел, и когда подходила его очередь, всегда говорил: «Вы мне дайте какое-нибудь другое поручение», — и начинал искать причину, чтобы не готовить. Они все, молодые, были не привычны еще к общественной жизни, я их начал приучать, чтобы в комнате была чистота, чтобы ходили в опрятном виде, утром как встали — так убирали свою постель. Что хорошо, к моим строгим требованиям они прислушивались. Были очень дружными, как дети одной семьи.

По сравнению с нами Евней во многом нуждался, он плохо одевался, постоянно носил старую, износившуюся одежду. У меня была ткань, полученная на талоны, так называемое «пионерское сукно». Из этого материала Федя Вернигор сшил Евнею

неплохой костюм. Этот костюм он носил до окончания института. Однажды смотрю на его обувь: кирзовые сапоги до того износились, что даже невозможно их ремонтировать. Моя обувь, которую носил на бокс, как раз пришлась ему впору...»

Будни тех лет **Е.А.БУКЕТОВ** так описывает в письме младшему брату Еслямбеку:

«Студенческие годы. Покойная Бальтай вдвоем с Камзабаем иногда присылали мне продуктовые посылки. Зачастую там было домашнее сливочное масло, его я не ел, нес на базар, на вырученные деньги покупал чай, высылал им в Баганаты. В одной из таких посылок в масле завелись черви, видимо, его не совсем просолили (помнится, это была осень 1947 года). То масло растопил на электроплите, топленку продал на базаре. Опять же купил чаю и отправил домой. Месячный заработок Камзабая — 300 рублей, а у меня стипендия более трехсот рублей. Мать шьет одежду и чаще всего бесплатно, иногда какая-нибудь сердобольная душа отблагодарит деньгами или вещами, она и этим довольна, что заработала. Зная честную, бескорыстную натуру матери, ясно представляю их положение, но Камзабай постоянно в своих письмах пишет, что у них почти райское житье, всего в достатке, этой надуманной похвальбой он поддерживает меня духовно. Во время летних каникул после второго курса мы двоем с ним накосили сена, сложили в поле в скирду и оставили до осени. Зимой при перевозке у Камзабая отобрали это сено, якобы, мы накосили его на колхозном поле (это сделал наш родич по имени Карашолак, брат тебе известного Кубая, он был ярым активистом в колхозе). Камзабай пережил немало мук, по крайней мере, не меньше моего, чтобы как-то прокормить вас. Какие бы трудности ни испытывал, он ни разу не писал мне: «Прерви учебу эту окаянную...». Отсюда делай заключение, что до середины пятидесятых годов наша жизнь была очень тяжелой...»

II

Первые выпускники металлургического факультета, их было всего 25 человек, получили дипломы в 1940 году. Когда поступил на этот же факультет Евней Букетов, уже состоялся шестой выпуск инженеров-металлургов, таким образом, к этому времени здесь сложились определенные традиции.

Процесс подготовки высококвалифицированных кадров сложен и длителен. На это уходят годы. Для этого требуются настоящие наставники, подлинные энтузиасты своего дела. Фундамент первого казахстанского технического вуза закладывали именно такие незаурядные, широкообразованные педагоги, видные ученые-металлурги. Первым деканом факультета был доцент В.И.Лукашов, после его ухода добровольцем на фронт обязанности декана исполнял второй доцент этого факультета А.И.Лайнер (впоследствии доктор технических наук, профессор, признанный специалист в области металлургии легких металлов). В 1945-1946 учебном году на этом факультете преподавали известные в то время профессора: В.И.Трушлевич, Х.К.Аветисян, Ф.М.Лоскутов, В.В.Стендер... Здесь же в годы войны и послевоенные работал крупный специалист того времени профессор В.А.Ванюков (этот человек в 30-е годы был научным экспертом Наркомата тяжелой промышленности СССР, известен факт, что нарком и член Политбюро ЦК ВКП(б) Г.К.Орджоникидзе очень высоко ценил его рекомендации).

В те годы на факультете было шесть кафедр. Профессор В.В.Бутов возглавлял кафедру общей и аналитической химии. Кафедрой металлургических печей и технического оборудования производства цветных металлов руководил профессор Б.Н.Резников, эвакуированный с Украины. Ведущим подразделениям факультета, таким, как кафедры цветных, тяжелых, драгоценных и редких металлов ставились особые задачи: именно здесь будущий инженер постигал азы производства, секреты плавок металлов...

КазГМИ, как и пять родственных с ним институтов Союза, подчинялся Наркомтяжпрому (позднее Министерству

цветной металлургии СССР), и высокопоставленные чиновники, работавшие в этом ведомстве, с учетом запросов действовавших в стране заводов, рудников и геологоразведочных служб на инженеров, регулировали подготовку специалистов в этих шести вузах. В вузы каждый год спускался конкретный заказ на инженеров того или иного профиля, отчего зависело и количество принимаемых студентов. Фактически и в КазГМИ учебные программы на всех трех ведущих кафедрах металлургического факультета были подчинены разнарядке Москвы. Скажем, кафедра благородных и редких металлов, руководимая доцентом Б.Н.Лебедевым, вела подготовку небольшой группы инженеров, которые в будущем должны были работать только на выплавке из руды золота, серебра и платины. Образованной в 1939 году кафедрой «Электрометаллургия и физическая химия цветных металлов» руководил доктор технических наук, член-корреспондент АН КазССР, профессор В.В.Стендер. Самой крупной на факультете была кафедра тяжелых цветных металлов (свинец, цинк, медь, никель и другие элементы), так как почти все металлургические заводы СССР выплавляли эти металлы, соответственно, на них работали тысячи инженеров-металлургов. Эту кафедру в нашем институте возглавлял профессор Х.К.Аветисян.

Доктор технических наук, профессор Хосров Курганович Аветисян (1900-1954) с первых дней по прибытии в Казахстан после эвакуации с Кавказа работал в КазГМИ, он еще руководил лабораторией цветных металлов научно-исследовательского института Металлургии и обогащения, открытого в годы войны в составе Казахского филиала АН СССР. На первом же учредительном собрании АН Казахской ССР (июнь 1946 года) он был избран членом-корреспондентом, а звание заслуженного деятеля республики в области науки и техники Хосров Курганович получил также одним из первых среди ученых Казахстана. Коллеги считали его крупнейшим теоретиком металлургии цветных тяжелых металлов, главный труд Х.К.Аветисяна «Основы металлургии» в 1940-1980 годы был основным учебником по металлургии, его, как говорится, изучали от корки до корки во всех технических вузах СССР. В

50-е годы этот труд был переведен на несколько иностранных языков.

Хосров Курганович читал свой курс лишь на третьем году учебы, когда студенты нашего факультета после прохождения основ общих наук приступали к постижению тайн будущей профессии. К сожалению, когда мы учились на втором курсе, в начале 1954 года он трагически погиб. Говорили, что какие-то бандиты-воры его убили в собственной квартире.

Евней Букетов учился, естественно, по тем же учебным программам, которые формировались на факультете годами: после первого курса со своей группой он был направлен в Прииртышье, на двадцатидневную практику, которая проходила на Лениногорском (ныне Риддерском) и Иртышском заводах, где выплавляли черновую медь и свинец. Во время практики студенты побывали и в Усть-Каменогорске, где познакомились со старым и новым производством по выпуску свинца и цинка, здесь же воочию увидели профессиональных металлургов. которые выглядели, как сказочные богатыри в своей огненной стихии на площадках печей. Формулы, чертежи, описания оборудования, технология плавок, с которыми целый год они знакомились теоретически в аудиториях института, теперь как бы ожили. Перед ним предстали громады цехов, печей, ковшей. В одном месте, зачаровывая зеркальным блеском, бежал ручеек жидкого свинца, а в другом цехе из ванны с раствором вынимались металлические пластины цинка. Золотом и красными сполохами сверкала в огромных ковшах жидкая медь... Разумеется, все это, увиденное первый раз в жизни, ошеломляло, оставляло незабываемые впечатления. Все чувствовали себя здесь совсем маленькими и беспомощными, было даже немного страшновато. Во время экскурсии студентам раздавали специально изготовленные защитные повязки с ватой – респираторы, которыми наглухо прикрывали дыхательные органы, им уже было ясно, что эти респираторы предохраняют человека от вредных газов. А войлочные или суконные костюмы, шапки и рукавицы, которые постоянно носят рабочие металлургических цехов – лучшая защита от невыносимой жары, особенно если восемь часов подряд

стоишь у огнедышащей печи. Словом, студенты при первом же посещении металлургических заводов поняли и намотали себе на ус, насколько опасна, трудоемка и сложна избранная ими профессия...

В конце второго курса у студентов металлургического факультета была вторая производственная практика на действующих казахстанских заводах, но на этот раз их разделили на группы по 10-15 человек. Перед ними ставилась задача поработать на этих заводах месяц-другой, таким образом познать технологию получения того или иного цветного металла, участвуя в одной из операций разделения рудного концентрата. Кстати, это давало возможность будущему специалисту на деле испытать знания, полученные в институтских аудиториях. Производственную практику 1947 года Евней Букетов прошел на знаменитом Балхашском медном гиганте, построенном в годы второй сталинской пятилетки на берегу озера Балхаш – Голубого моря, как издавна называли его казахи. На этом комбинате он работал целых два месяца, наверное, заслужил хорошее вознаграждение, потому что своим домочадцам в Баганаты он привез кучу денег.

В конце следующего курса он отправился уже в третий раз на производство. На этот раз Евней Букетов ехал не туда, где его уже знали, а на Чимкентский свинцовый завод. Кстати, такая переориентировка предусматривалась учебным планом, делалось это для того, чтобы будущий инженер имел ясное представление о всех казахстанских металлургических заводах. Кроме того, он уже на этом курсе сам, без подсказки преподавателей, мог выбрать себе профессию, по которой хотел бы специализироваться. Каждый практикант по возвращении должен был представить письменный отчет о технологии получения металла на заводе, о работе цеха, где трудился летом... За три года учебы Евнею Букетову удалось познакомиться почти со всеми действующими металлургическими заводами, которые были расположены на востоке, в Центральном Казахстане и на юге республики. И, конечно, эти поездки не прошли впустую, они заметно расширили кругозор любознательного джигита. У молодого человека, до этого видевшего

лишь как пашут и сеют в поле, как собирают юрту, как запрягают лошадей и пасут баранов, теперь как бы открылось «третье зрение», он с жадностью голодного человека стал с интересом впитывать в себя все новое, что ему попадалось на глаза.

Он уже понимал, в чем соль производства и ему уже было ясно, что стать настоящим инженером-металлургом сможет не каждый. Для этого нужно, как таблицу умножения, знать всю технологию производства, быть способным стойко, безропотно, без жалоб и нытья переносить адскую жару, в любых случаях сохранять самообладание и выдержку. Ведь придется ежедневно часами вкалывать вместе с теми плавильщиками, которые стоят у огнедышащих печей, где кипит горячий свинец и откуда течет жидкий, как вода, поток шлака, окутанный едкими клубами вредного для дыхания сернистого газа... Недаром некоторые его сокурсники, пару раз побывав на этих заводах, кинулись переводиться в другие институты, разумеется, придумав разные причины ухода...

У Букетова даже мыслей не было о таком дезертирстве, наоборот, чем больше углублялся в производство, тем больше он убеждался, что правильно выбрал будущую профессию. Каждый курс он заканчивал с хорошими оценками. Эти успехи отражены в приложении к его диплому: только по двум предметам – тройки («Общая химия» и «Механизмы по поднятию на высоту и транспортировке грузов»), а оценок пять – около тридцати, лишь по 12-ти предметам – четверки. Глядя на эти довольно высокие показатели, можно заключить, что он не был студентом-середняком, а был на голову выше общей массы своих сверстников...

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Если честно сказать, с самого поступления в институт я думал о том дне (мне постоянно тот день снился), когда я стану инженером, поеду работать, получу квартиру, заберу к себе мать и братьев, создам им условия для нормальной жизни (с этой мечтой я учился и жил все время). И, конечно, необходимы были какие-то посторонние усилия, чтобы что-то противо-

поставить этой мечте, чтобы заронить в мою душу семя антимечты.

И здесь я должен рассказать о человеке, который сыграл в моей жизни такую роль. Он впервые дал мне понять, что кроме производственной, инженерной работы есть еще научная работа и что научным трудом могут заниматься и такие молодые люди, каковым в то время являлся я. Владимир Фридрихович руководил так называемой выпускающей кафедрой, на которую студент приходил уже на старших курсах и оформлялся там как специалист. Поэтому почти до окончания третьего курса профессора Пенера (речь здесь идет о профессоре В.В.Стендере – М.С.) *приходилось видеть только издали...Однажды мне сказали, что вызывает к себе профессор Пенер. Оказалось, что вызывал он не только меня одного, а нескольких студентов из тех, кто попал при распределении на его кафедру...*

– Теперь вы пришли на кафедру, откуда, как говорят, выпорхнете специалистами. И нам надо сейчас поговорить, чем и как будем заниматься, вплоть до предварительного определения темы дипломного проекта. Это нельзя оставить на потом, молодые люди...

После этого он спросил:

– Пробовали ли вы участвовать в кружках, думать в научном плане над какой-либо проблемой?

Я напрямик ответил, что этого не было, потому что никто подобных заданий не давал. Это вызвало у него улыбку, которую я тогда не понял. Теперь же я думаю, что он улыбался моему простодушному признанию в том, что я приучен работать только по заданию. В конце беседы он вынул из стола брошюру и, назвав имя известного ученого, сказал, что книжка является частью его докторской диссертации, и что он просит меня внимательно прочитать, не торопясь, свести содержание в конспект.

Дело в том, что я на основе своих знаний, после тщательного просмотра брошюры, решил покритиковать некоторые положения этой книги. Я был уверен, что действительно обнаружил в ней существенные недостатки и критиковал ехидно, с чувством превосходства. Доцент Гулах, давший краткую рецензию на мой первый «научный труд», написал, что студент Буке-

тов показал себя умеющим изучать научную литературу, подходить критически к исследовательскому материалу. Однако студенту впредь необходимо быть очень осторожным в критических оценках, более тщательно и всесторонне изучать объект критики, ибо в данном случае он не совсем правильно понял критикуемые положения, и его критика, по существу, относится к версии, вытекающей из заблуждения рецензента, а не к той подлинной версии, которая присутствует в обсуждаемой книге.

Когда я прочитал деликатно написанную рецензию, то понял, что научная работа не для меня, и было мне так стыдно. Но утешил себя тем, что не собираюсь быть научным работником.

Хотя в жизни, оказывается, бывают такие повороты, и этот реферат сыграл в дальнейшей моей судьбе такую роль, которой я не ожидал.

...На четвертом курсе кафедра профессора Пенера стала для нас уже своей. Мы здесь проводили много времени, выполняя лабораторные работы. Он посещал лабораторию, подходя к каждому из нас, расспрашивал о работе. Мы его визитов и ждали, и боялись, потому что надо было говорить что-то конкретное в ответ на его расспросы, а дела у многих из нас ладились не сразу. Тем не менее, мы этими лабораторными работами гордились и занимались с увлечением, потому что они выполнялись не по шаблонной прописи, а по специальному плану, разработанному преподавателями кафедры и утвержденному самим профессором.

Автор книги «Шесть писем другу» с особой теплотой пишет, как уважаемый ученый однажды пригласил его к себе домой, и вечером за чашкой чая они беседовали о будущей жизни. Между разговорами профессор встал, подошел к стенке с книжными полками, достал довольно толстую книгу, автором которой являлся сам, и подарил ему. Затем Евней Арыстанулы продолжает:

«Мне довелось впервые стоять рядом с автором такого капитального печатного труда. Потом он достал еще несколько книг объемом поменьше, автором которых был тоже он, я был вообще поражен этим. В конце профессор вынул из стола тол-

стую папку, исписанную густым, твердым, отчетливым почерком хозяина. Это была, как он пояснил, рукопись новой книги, над которой он работал уже почти восемь лет. Я удивился тому, как буднично и просто профессор сказал об этих восьми годах».

По ходу разговора незаметно перешли к биографии профессора: он родился в семье научных работников, под влиянием родителей начал увлекаться химией; знал массу подробностей о становлении и развитии научных учреждений, вузов Ленинграда. В 1939 году по заданию правительства он приехал в Казахстан для организации в новом институте кафедры металлургии редких металлов...

Создание кафедры, ее лаборатории оказалось более сложным делом, чем он предполагал, потому что все делалось на голом месте, и собрать всех тех, кто сейчас преподает, было не просто. Самое удивительное, казахские степи богаты разнообразными полезными ископаемыми. Очень дорогие, редко встречающиеся металлы не выделяются, безвозвратно уходят в отвалы. Стоит подумать, как их использовать в будущем. Это перспективная тема для научных поисков – было бы лишь желание.

Затем профессор перешел к характеристике деятелей нашего народа, сыгравших выдающуюся роль в развитии науки в республике. Обо всех он говорил с теплотой и уважением, особо отмечая глубину научного прозрения и организаторский талант академика-геолога, президента Академии наук.

« – Я пригласил вас не для того, чтобы рассказывать о себе, – сменил тему беседы хозяин дома. – *Это, как говорится, присказка. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что существует Академия наук республики, открываются новые вузы, партия борется за то, чтобы в каждой республике интенсивно развивалась национальная наука. Поэтому мы должны приложить максимум усилий, чтобы выращивать научные кадры из коренного населения. В этой области науки, которой занимаюсь я, пока еще немало трудностей. Первая трудность – не каждому предложишь заниматься научной работой. Вторая – требуется большое трудолюбие, без него успехов в научной ра-*

боте не будет. Есть еще одна трудность. В науке новое открытие не так просто приходит, для того, чтобы что-то доказать и достичь цели, иногда требуются десятки лет. Это может выдержать только человек, преданный науке. Четвертое – если бы вы, молодой человек, не теряя времени, с сегодняшнего дня занялись бы наукой, было бы отлично. По этому поводу ваш мыслитель Абай сказал: «Бестолково учась, я жизнь прозевал. Спохватился, да поздно, вот он привал!..»

Профессор чуть грустно посмотрел на меня, и, по-видимому, заканчивая свою речь, подытожил:

– Все это я говорю к тому, что... вы уже, наверное, начали догадываться ... что хочу вас, если вы согласитесь, рекомендовать к себе в аспирантуру. Как вы на это смотрите?

Увидев, что я призадумался, профессор ушел из комнаты... Что надо сказать? Мне действительно надо было хоть немного подумать, настолько было неожиданным предложение. Это предложение разрушило все, что было заранее запланировано и обдумано. И вот теперь милый профессор Пенер предлагает мне остаться в аспирантуре, уже уверен в том, что не откажусь от его предложения, ибо почему бы он стал делать слишком прозрачные намеки на то, чтобы я не вел себя, как тот его аспирант, которого кровь предков призвала бездельничать... Профессор имел, конечно, достаточно сведений обо мне от руководства факультета, от преподавателей, иначе он не вел бы со мной такие серьезные переговоры. И когда вернулся хозяин и сел на свое место рядом со мной, я сказал: «Вам виднее, я сделаю так, как вы скажете».

Так я решил свою дальнейшую судьбу...»

Завершен четвертый курс. В своей автобиографической книге Евней Арыстанулы указывает, что после того случая он был у заведующего кафедрой редких металлов еще дважды. Первый раз, чтобы определить тему дипломной работы и посоветоваться, где ему проходить последнюю производственную практику, второй раз – сдавал экзамен по предмету, который преподавал профессор. На экзамене получил высокую оценку, а для дипломной работы профессор предложил совер-

шенно новую, ранее не исследованную тему. Заведомо зная, что это будет каторжный труд, подобный сооружению египетских пирамид, дипломник все же не стал просить заменить тему на более легкую. Должно быть, здесь взыграло самолюбие студента-отличника, ему хотелось оправдать надежды своего руководителя, доказать, что он способен покорить и такую кручу, которую еще никто не покорял. Постепенно он увлекся, тема захватила его целиком.

Темой, предложенной профессором В.В.Стендером, Евней Букетов занимался более полугода. Вот название ее: «Проект алюминиевого завода с выпуском высокочастотного металла, полученного электролитным способом». Такого производства в Казахстане в то время не было (нет и поныне). Поэтому дипломнику пришлось искать его за пределами республики. Подобный завод, где можно было собрать необходимый материал, он нашел на Урале. Выехав туда, на Уральский алюминиевый завод, построенный еще в годы 3-й пятилетки, пробыв там несколько месяцев, он сумел-таки подготовить дипломную работу. Через пару месяцев после возвращения с Урала, летом 1950 года Евней Букетов защитил свой проект. Комиссия оценила его дипломную работу на «отлично».

III

Годы, когда Евней Арыстанулы учился в Алматы, были золотой порой духовного подъема, расцвета национальной культуры. Следует подчеркнуть, что то было время, наполненное бурными, захватывающими, неповторимыми событиями во всех видах искусства и литературы. Интеллигенция столицы зачитывалась первыми двумя книгами эпопеи «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, уже удостоенного Сталинской премии, в Казахском театре оперы и балета имени Абая главные сольные роли исполняла знаменитая на весь Союз, дважды лауреат той же Сталинской премии Куляш Байсеитова, создавшая яркие реалистические образы в музыкальных драмах и операх «Кыз-Жибек», «Абай», «Чио-Чио-Сан» и других, кумиром зрителей стал молодой певец этого театра Ермек Серкебаев. В столице

ставили спектакли, давали представления уже несколько театров: русско-казахские драматические (ныне им. М.Ауэзова и им. М.Лермонтова) и театр юного зрителя, Государственный театр оперы и балета им. Абая, филармония, национальный оркестр имени Курмангазы. В творческих коллективах трудились замечательные мастера, основоположники национального искусства, которые ныне составляют славу казахской театральной и музыкальной культуры.

...Неустроенность быта, нехватка жилья, недостаток питания, даже мизерные стипендии не мешали студентам алматинских вузов наслаждаться игрой чародеев искусства, быть в гуще культурной жизни города. Надо заметить, что студенческая молодежь тех лет умела отдыхать и веселиться. Не побывать хотя бы один раз в месяц в театре, пропустить очередную премьеру драматического театра или постановку классической оперы – считалось позором. Такому домоседу сразу навешивался ярлык отсталого человека и скряги. Бывало, тот же профессор Аветисян начинал свою очередную лекцию по металлургии с вопроса: «А, ну-ка, поднимите руки, кто вчера побывал на новой постановке оперного театра «Чио-Чио-Сан». Как Элла Епонешникова замечательно пела арию мадам Баттерфляй. Изумительно!..» – Если никто не поднимал руку, Хосров Курганович огорчался по-настоящему, говоря: «Очень жаль, молодые люди, что вы любите лишний час поспать, я не учел вашу лень, извините уж!» Разумеется, такие каверзные вопросы могли задать не только профессор Аветисян, но и другие преподаватели КазГМИ (среди нас, студентов 1953-1958 учебных годов, ходил слух о том, что как-то член ГЭК срезал одного дипломника вопросом: «Сколько раз за пять лет учебы вы побывали в театре, какие спектакли смотрели за студенческие годы?»)

Находясь в такой атмосфере, насыщенной, как электричеством, событиями, Евней Букетов не отставал от своих сверстников, а, наоборот, был зачастую застрельщиком походов в театры, концертные залы. Вскоре оказалось, что он уже побывал во всех учреждениях культуры Алматы. А к концу студенческих лет он стал настоящим театралом, не пропускавшим

ни одной премьеры Казахского академического драмтеатра. Здесь были у него свои кумиры, любимые артисты, чью игру он особо ценил. Тому были причины, о чем мы расскажем в следующей главе...

И тут у нашего героя повествования начали проявляться странные пристрастия: он не пропускал ни одного литературного вечера, что проходили в аудиториях КазПИ имени Абая, так как, где он учился, в КазГМИ, такие мероприятия проводились нечасто; причины этого объяснимы: педагогический и горно-металлургический институты располагались на одной улице, всего-навсего в десяти минутах ходьбы друг от друга.

В КазПИ встречи с поэтами и писателями стали традицией. К тому же в этом институте учились земляки Евнея, а потом он заимел там близких друзей. Получив от них весть о встрече, он спешил туда. На первых порах был внимательным слушателем, но, заражаясь происходящим, стал задавать каверзные вопросы, иной раз загоняя гостя-литератора в самим же расставленную ловушку, после чего вспыхивали горячие споры.

В своих воспоминаниях о Сабите Муканове под заглавием «Он писал просто и доступно, а говорил всегда легендами», опубликованных впоследствии в избранных произведениях, Е.А.Букетов пишет: «Весна 1946 года. Нам удалось выследить, где будет выступать Сабе, чтобы хоть один раз увидеть, услышать его. Узнав, что состоится встреча с ним в республиканской центральной библиотеке имени А.С.Пушкина, мы с Кажикумаром Куандыковым, впоследствии ставшим известным искусствоведом и критиком, пришли сюда заранее и расположились ближе к трибуне. Сабе больше двух часов увлеченно говорил о становлении казахской литературы, о своем творчестве, отвечал на многочисленные вопросы и даже не забывал развлечь слушателей своими шутками. Кажикумар задал вопрос: «Сабит-ага! Скажите, как вы думаете, читатели больше читают ваше первое произведение «Загадочное знамя» или написанное Вами позже «Сырдарью»?» Кажикумар вообще любил задавать всем такие коварные вопросы. Сабит-ага, немного замешкавшись, ответил: «Эй, балашка*, на

* Малыш.

этот вопрос сам должен дать ответ. Честно говоря, я сам больше люблю «Загадочное знамя»... В старину старики больше любили самого младшего, родившегося от токал*, в отличие от тех стариков, я больше люблю своего первенца...».

Конечно, частые хождения на литературные вечера, а также и встречи с известными деятелями литературы и искусства расширяли взгляды молодых на мир, природу, окружающую действительность, помогали общему развитию. Романом одного из признанных корифеев казахской литературы Сабита Муканова «Загадочное знамя» Евней зачитывался еще в школьные годы. С юношеско-романтической увлеченностью когда-то, в школьные годы пытался перевести его на русский язык, тем более родные места знаменитого писателя находились недалеко от их аула Алыпкаш. Об этом же Евней Арыстанулы пишет в своих воспоминаниях: «Осенью 1946 года мой друг Турсун Уалиханов, приехав в Алматы, пришел ко мне в общежитие. Поздоровавшись, он сказал: «Одевайся поприличнее, мы с тобой пойдем домой к Сабит-ага». Отец Турсуна – Идирис (сын родного брата Шокана, Макы Уалиханова) был приятелем с писателем, они жили когда-то в одном доме, были добрыми соседями. Поэтому отец поручил Турсуну: «Не возвращайся домой, не увидевшись с почтенным писателем». Сабит-ага в то время жил по улице Артиллерийской (ныне Курмангазы). Пришли. Было вечернее время, хозяин, усадив нас в своем рабочем кабинете, начал говорить: «Е, балашки, живы-здоровы? Откуда вы, не узнал я вас?» – и тут же в доме погас свет... Для нас зажгли свечи, и мы продолжили разговор...»

Увлечение театром для восприимчивого, все схватывающего на лету джигита не прошло даром. Он не просто с восторгом созерцал и запоминал все происходящее на сцене, но както особенно наслаждался мастерством исполнителей, слушая их с упоением, отдыхал от ежедневных неурядиц жизни и быта. Ему там было весело и радостно, Евней не пропускал выступлений своих любимых артистов – корифеев казахского ис-

* Младшая жена, более молодая, чем первая.

кусства: Куляш Байсеитову он вообще обожал, голос ее был неподражаем, божествен. Бедный студент КазГМИ всякий раз после посещения спектакля оперного театра приходил в общежитие крайне воодушевленным и радостным; в «академтеатре», так назывался Казахский драматический театр в то время, он видел игру таких кудесников сцены, как Калибек Куанышбаев, Серке Кожамкулов, Елубай Умирзаков, Камал Кармысов, Хадиша Букеева, Шакен Айманов... Тогда он еще не мог в полной мере понять и оценить этот феномен, но сердце его билось в восторге, чувства переполняли грудь, и, казалось, будто сказочная сила поднимала его ввысь на крыльях мечты и песни. В те годы в этом театре была замечательная традиция: в осенние месяцы в течение трех-четырех дней давались спектакли по драме В.Шекспира «Укрощение строптивой» на казахском языке, в прекрасном переводе Мухтара Ауэзова. Роль жениха Петручио играл Шакен Айманов, строптивой красавицы Катарины – Хадиша Букеева. В сценах этого спектакля в ответ на капризы Катарины: «А что на шлеме – петушиный гребень?» Петручио дает ей такую отповедь: «Ни за кого другого ты не выйдешь. Рожден я, чтобы укротить тебя. И сделать кошку дикую – котенком, обычной милой, домашней киской... Так велит твой отец. Отказывать – не вздумай! Я должен мужем быть твоим – и буду!..» Разве можно забыть этот монолог, произносимый пылким, страстным голосом с грозным, львиным выражением лица бесподобного Шакена Айманова и не менее зажигательную, интригующую игру Хадишы Букеевой, истинной красавицы в жизни и на сцене?! Нет, конечно, и вполне объяснимо, почему алматинские театралы ходили на эти спектакли по многу раз. В том числе – Евней Букетов, за компанию тянувший за собой и своих сверстников. Это было зрелище, никого не оставлявшее равнодушным. А тех, кто приехал в столицу Казахстана за знаниями, после обыденной и скучной аульной жизни, эти постановки поражали необыкновенной гармонией, фантастической красотой, поэзией чувств, торжеством и трагедиями любви.

Абдильда ТАЖИБАЕВ, из книги «ВОСПОМИНАНИЯ»:

«Если память мне не изменяет, в июне 1947 года мы, человек десять писателей с семьями, жили в доме отдыха Совмина, по-домашнему расположившись в дачных домиках...

– Вот летнее пристанище вашего брата, – раздался голос Шахмета (Кусаинов – М.С.). *Тут же к нам зашли и поздоровались Букетов Евней и Шахмардан Есенов. Поприветствовав, я попросил их сесть.*

– Вот два студента жаждут встретиться с тобой. Один – шурин тебе, другой же – брат. Пиши расписку, что получил их в полном здравии, – Шахмет по своей привычке, все делавший быстро и шутливо, криво водрузив кепку на голову, по какому-то срочному делу поехал обратно в город...

Мы втроем пошли к расположенной чуть повыше двухэтажной даче, где жил Мухтар Ауэзов. На веранде сидели трое: Мухтар, Габит, Габиден (Ауэзов, Мусрепов, Мустафин – М.С.).

Габит, скорее восхищаясь заметно высоким ростом молодых, пошутил:

– Он привел одних великанов, наверное, нас устрашить хочет...

– Вид у них не такой уж грозный, вроде бы смирные парни, – улыбнулся Габиден.

С почтением поздоровавшись со знаменитыми старшими, двое высокорослых джигитов встали рядом... Сидевшие за столом писатели смотрели на них с восторгом, как будто ждали еще чего-то необычного от будущих инженеров.

– Я знал русского инженера, который наизусть читал «Грозу» Островского, – вымолвил Габит.

– В среде русской интеллигенции такая традиция существует с давних пор, – поддержал его Мухтар. – В Ленинграде был у меня друг – химик, который самозабвенно читал наизусть «Дядю Ваню» Чехова от начала до конца...

– Вы, наверное, хотите вдвоем замучить моих братишек, – заступился я за молодых гостей.

– Дорогой жезде, не надо нас защищать. Мы тоже не лыком шиты, – сказал Евней, вызывающе посмотрев на своего дру-*

* Зять, муж сестры.

га...И тут же встав, как бы на сцене, поклонился Шахмардану. Сам же изобразил Нысана Абыза... и начал декламировать его монолог: «Отважный джигит мой, ты ростом, как возвышенный пик горный, а лицо твое яркое, как у птицы райской, кто ты такой, удививший меня?» Его друг, не замешкавшись, тут же изобразил Кебек-батыра, как истинный артист и грозным, богатырским голосом ответил словами Мухтара-ага. Их чтение отрывка из драмы «Енлик-Кебек» продолжалось недолго и исполнено было с блеском, притом молодые студенты политехнического института ни разу не ошиблись, не пропустили ни одного слова, как профессиональные исполнители этих ролей.*

— Замечательно получилось, дети мои! — произнес Мухтар, встав с места, он крепко поцеловал двух великанов.

— Как будто родились для ролей Абыза и Кебека! Настоящие степные богатыри! Даже если специально искать, не найдешь такой идеальной пары для сцены. В степи — истинные горняки, в городе — вот такие фанаты искусства, разве не так, друзья мои!?»

Воспоминания старейшего поэта, который в то время, когда происходили эти события, по возрасту годился бы тем обоим в отцы — невольно наводит на мысль, что два будущих академика, впоследствии ставшие достойными соратниками великого Каныша Сатпаева (Евней Арыстанулы был чуть старше своего друга, хотя Шахмардан Есенулы учился на геологоразведочном факультете КазГМИ на один курс выше его), уже тогда выделялись среди своих сверстников не только специальными знаниями, но и высокой духовной культурой. Сам по себе этот случай красноречиво показывает и то, что они, учась в одном институте, близко знали друг друга, были друзьями, мало того, оба вращались в среде известных поэтов и писателей. И эти встречи, знакомства с выдающимися людьми, представителями творческой интеллигенции для них не проходили бесследно...

---

* Один из персонажей классической драмы М.Ауэзова «Енлик-Кебек».

Рахманкул БЕРДИБАЙ, академик НАН РК:

«В 1945-1946 учебном году я учился на первом курсе КазГУ. Проживал в университетском общежитии, которое находилось по улице Калинина, 115. Однажды в нашу комнату пришел рослый, бледнолицый парень. Познакомились. Оказался студентом горного института. Он был земляком Турсуна Махметова, который жил с нами в одной комнате (что он родственник Евнею по материнской линии покойный Турсы-еке сказал мне, когда он работал в Семипалатинске – М.С.)... *Евней стал приходить к нам почти каждую неделю, видимо, он искал собеседников.*

Однажды, когда он пришел снова, я почитал ему свои стихи. Он сразу проявил заинтересованность, одно стихотворение даже переписал в свой блокнот. Через некоторое время он принес свой перевод на русский язык этого стихотворения. Конечно, мои творения были далеки от истинной поэзии, это были лишь первые пробы на поэтическом поприще... Перевод Евнея я долго хранил в записной книжке, а потом вместе с блокнотом потерял. Но отчетливо помню две строки:

«Мир – ручей, журчащий в блеклом мираже,

В нем нет спокойных, теплых рубежей...»

Эти строки я привожу в подтверждение того, что Евней Букетов со студенческих лет неплохо знал казахскую и русскую поэзию и у него были задатки поэта...»

Далабай ЕШПАНОВ, горняк, ветеран труда:

«Если мне не изменяет память, шел 1946 год, я в то время был студентом третьего курса горного факультета, в нашей студенческой стенгазете, которая вывешивалась в коридоре первого корпуса один раз в месяц, в одном номере был опубликован «Гимн КазГМИ» одного русского парня. Написан он был в ура-патриотическом духе того времени: завтра, мол, став инженерами, поднимем мы советскую промышленность... и так далее и в таком стиле... Нам показалось, что стихи неплохие, хорошо рифмованные. Студенты ими зачитывались, хвалили и восхищались. Все говорили: «Замечательно написано!»

Через месяц в той же газете появилась критическая статья, в пух и прах разнесшая это же стихотворение, в статье гово-

рилось, что в нем нет ни капли истинной поэзии, только пустые рифмованные слова, а содержание — на уровне пятиклассника и так далее. Мало того, в конце статьи автор предложил свой вариант институтского гимна. Читаем и снова удивляемся. В новом тексте гимна — прекрасные, точные слова, свежие эпитеты, образные сравнения. Там отражено все: энтузиазм студентов КазГМИ — будущих командиров тяжелой промышленности, наши мечты о будущем, стремление во что бы то ни стало достичь высот в жизни, даже наше полуголодное существование с трудностями быта. Словом, мы восприняли новый текст гимна с энтузиазмом, почуяв в авторе истинного поэта, главное, он воспел нашу жизнь восторженно и правдиво. В припеве того стихотворения были такие строки:

«Разбудив спящих медведей, мы перевалим за Саян,

Потревожив безоглядную степь, новую жизнь начнем...»

Конечно, что может остаться в памяти после пятидесяти лет? Может быть, кое-что я уже позабыл. Но знаю, что этот «гимн» мы приняли и не раз распевали на вечеринках на мотив какой-то песни.

Теперь расскажу об его авторе. Это был наш Евней, всем знакомый Букетов. Надо отметить, что в те годы казахской молодежи в КазГМИ было очень мало, на каждом факультете — едва с десяток человек. Ну, а во всем институте, думаю, было не больше пятидесяти. Среди них многие не то, чтобы слагать стихи на русском языке, кое-как писали по-русски. Все это было связано с нашим окружением, где мы выросли... Тогда мы страдали от языкового барьера, у Евнея же были возможности не только раскритиковать стихи русского парня, но и дать ему достойный ответ. Наш джигит с берегов Есиля поправляет русского парня, как не восхищаться им!?..

Короче говоря, я, учившийся на один курс выше его, можно сказать, сразу же влюбился в Евнея, мы быстро сблизились и последние два курса были неразлучны, постоянно ходили вместе, даже на вечеринки. По человеческим качествам он был чистым, честным и открытым со всех сторон товарищем, и кого бы то ни было он мог увлечь за собой, был настоящим лидером молодежи. И, конечно, он знал много, и это давало ему право быть нашим вожаком.

Дружба с Евнеем, начавшаяся в студенческие годы, продолжалась долгие годы, ничто — жизненные невзгоды, взлеты и падения, неурядицы семейной жизни, неудачи в работе — не омрачило наши отношения, не поколебало наши первоначальные жизненные устои, мы оставались вечными друзьями и единомышленниками, разумеется, пока он, истинный мой друг, внезапно не покинул нас..»

* * *

Как в детстве, в школьные годы, так и в институте Евней всегда был первым. То же самое наблюдалось в институте. В группе МЦ-45-2 (на втором курсе деканат перевел Е.А.Букетова во вторую группу) было всего два парня-казаха – Евней и выше названный нами Орынсеит Нурекин. Между тем, данное обстоятельство нисколько не помешало им стать лидерами в группе, позднее даже и на факультете. Ясно, что это прежде всего зависело от их поведения и человеческих качеств. И, конечно, от успехов в учебе.

Относительно Нурекина все понятно: он был намного старше всех их, студентов, демобилизованный воин, целых шесть лет сражавшийся на передовой в 1939-1945 годы, мало того, этот человек, прошедший огонь и воду, с первых дней крепко взялся за учебу и к удивлению сокурсников в первый же год успешно одолел программу двух лет, а в дальнейшем не давал никому перегнать себя: и в этом, и не только в учебе, но и в других делах он всегда был впереди и примером для всех...

Что касается Евнея Букетова, то и он с первых дней поступления в институт с особой жадностью набросился на учебу, и не каждый преподаватель – будь то доцент или профессор, мог удовлетворить любопытство студента, такова была его натура – все знать, во всем разбираться. Скажем, задавал такие вопросы: почему эта химическая реакция идет медленно, нельзя ли ее ускорить и тому подобные... Если у математика он сидел молча, временами покусывая свои ногти, решая сложные алгебраические уравнения, то в часы занятий химией неугомонный, напористый студент доводил ассистента прак-

тических занятий, низкорослую женщину А.Н. иной раз до слез, явно чувствуя свое превосходство в знаниях. По своей натуре он был общественником, всегда активно и аккуратно выполнял порученную работу: ежедневно по газетам знакомил однокурсников с политическими новостями, иной раз выводил всю группу на институтскую стройплощадку или на спортивные соревнования... Что характерно для него, любую работу, за которую он брался, доводил до конца. Сверстники в воспоминаниях о нем однозначно отмечают, что Евней умел увлекать людей за собой, у него со студенческих лет выработались организаторские способности. Наверное, потому он в первый же год учебы был избран комсоргом группы, а потом секретарем комсомольской организации металлургического факультета. Активность, проявленную в выполнении общественных работ, энергичность студента заметили старшие, именно поэтому уже на третьем курсе Е. Букетова приняли кандидатом в члены ВКП(б), а в 1948 году Фрунзенский райком партии г. Алма-Аты вручил ему партийный билет. Скажем прямо, таких успехов в институте добивались лишь единицы...

Время бежит так быстро, иной раз не заметишь даже, как прошел день или месяц. Казавшиеся когда-то слишком долгими пять лет учебы промчались, как скакун на конных состязаниях – байге. Евней Букетов, приехавший осенью 1945 года за своей мечтой – получить высшее образование в предгорье Алатау, летом 1950 года уже успешно окончив престижный горно-металлургический институт, получил желанный диплом инженера-металлурга.

ГЛАВА
ЧЕТВЕРТАЯ

О БОЖЕ, ГДЕ ЖЕ ЭТИ ГОДЫ, ПОЛНЫЕ РАДОСТИ И ЛЮБВИ

«Научная работа, научные изыскания – высшие проявления творческой деятельности. Это, я вам скажу, очень интересная работа. Истинное творчество одухотворяет, окрыляет человека. Нет большего удовлетворения, чем удовлетворение в творческой работе. И здесь я особо хотел бы отметить, что нужное изыскание ведет и должно вести к открытию, обнаружению новых, ранее неизвестных закономерностей, явлений природы, повторяю, ранее неизвестных, но существующих в природе закономерностей и явлений».

Евней БУКЕТОВ,
«ВЕЧНОГО ЛЮБОПЫТСТВА ТЕБЕ, СТУДЕНТ»
«Ленинская смена», 18 мая 1976 года

I

Когда Евней Арыстанулы окончил институт, ему было двадцать шесть лет. Это возраст возмужания. Только закоренелый холостяк мог в эти годы оставаться один, не думать о создании своего очага. По казахскому обычаю такое поведение считалось постыдным, неприличным, за это безжалостно осуждали. Евней запоздал с женитьбой из-за учебы. Однако все родственники, особенно бабушка Кенжетай и мать Бальтай, постоянно намекали ему об этом, когда он приезжал на родину. Евней не был привередлив, да и, честно признаться, девушки тоже занимали его ум, но ему некуда было привести избранницу сердца.

Когда он впервые приехал в Алматы и стал студентом, сразу же начал поиск Карагоз, своей первой возлюбленной. Было страстное желание хотя бы раз увидеться с нею, с глазу на глаз напрямик спросить: «С чем связан твой разрыв, в чем я виноват перед тобою?» Необъяснимое возвращение всех его писем можно было понять только так, что более к нему она не вернется. Но все же Евней не находил покоя, его грызли обида и ревность: «Почему она отвергла меня?» Ясно, что у него появился более сильный соперник. Но времена героев Чернышевского, когда один совершенно спокойно уступал свою подругу другому, безвозвратно прошли. И, считая себя обойденным, Евней начал наводить справки через знакомых... В конце концов он узнал всю правду: оказывается, она еще в прошлом году вышла замуж за фронтовика-офицера, вся грудь которого была в орденах и медалях; ей пришлось бросить уче-

бу, сразу же выехать куда-то, кажется, на запад республики... Отвергнутый джигит впал в уныние, он был растерян и убит печальной вестью, не то от злости, не то с горя он пошел к «американкам», что выстроились у пустыря Головного арыка, и до беспамятства напился. И в таком состоянии придя в общежитие, подрался со студентом, с которым делил двухъярусную койку. О драке первокурсника стало известно дирекции института. Профессор М.К.Гришин издал приказ: «За организацию распития спиртных напитков в общественном месте зачинщика драки, студента первого курса Е.А.Букетова выселить из общежития».

Так потерпела крах его первая любовь, которую он про себя впоследствии с иронией назвал «Трагедией без крови»...

Но судьбой было предначертано, что со временем его ждет полный успех и «на фронте любви». Онайбек Кудышев, друг молодых лет Евнея Букетова, в своих воспоминаниях о нем приводит такой эпизод: «Когда я учился в Москве, в Высшей комсомольской школе, часто ходил в так называемый «Дом коммуны», в многоэтажное здание, где размещались объединенные общежития Института стали и сплавов и Московского горного института, там же обитала моя будущая супруга Зылиха Сабитова. В этом же доме я близко познакомился с тремя ее подружками – девушками-казашками, которые также учились в московских вузах. Одну из них звали Зубайра Ондасынова...». Далее узнаем и такие подробности: из Москвы комсомольский активист возвратился не один, сыграл там же скромную свадьбу; молодожены после приезда на родину познакомили Зубайру со своим неразлучным другом Евнеем...

Милая Зубайра воспитывалась в семье известного государственного деятеля Нуртаса Дандыбайулы Ондасынова, долгие годы работавшего председателем Совнаркома Казахской ССР. Она была дочерью его родного брата Дуйсена. Родилась Зубайра в Туркестане, училась там же, со школьных лет она выделялась среди своих сверстниц особой тягой к учебе. Разумеется, не без помощи брата Нуртаса, взявшего ее на попечение с малых лет, Зубайра оказалась в Москве, притом она выбрала техническую специальность. Надо признать оче-

видное, в то время это был необычный выбор для казашки. Само по себе это говорит о том, что девушка была с характером и с головой на плечах. И тут, наверное, на счастье, ее познакомили с Евнеем. Они встретились в Алматы, в летние месяцы, когда она приезжала в столицу Казахстана, чтобы повидать домочадцев дяди Нуртаса. Это было летом 1948 года. Как говорится, первая встреча – знакомство, вторая – уже приятное общение, молодых людей потянуло навстречу друг другу, и, расставшись, они стали переписываться...

Несколько месяцев спустя, Евней первым сделал шаг к сближению, он предложил Зубайре перевестись в Алматы. И откровенно объяснился ей в своих чувствах, в том, что хотел бы связать с нею свою жизнь, но для этого им надо жить в одном городе. Высокий, статный, симпатичный джигит, который за словом не лезет в карман, сразу понравился девушке из Москвы. У него приятное, открытое, светлое лицо. Евней доброжелателен и интересен, вдобавок ко всему он – отличник учебы, уже готовится после окончания института остаться в аспирантуре, значит, перед ним открываются большие перспективы. Такая целеустремленность импонировала ей... В общем, осенью 1949 года Зубайра Ондасынова, дочь Дуйсена, перевелась в Алматы. Ее приняли на четвертый курс металлургического факультета КазГМИ, а Евней уже завершал пятый курс.

После возвращения Евнея с Урала с готовым для защиты дипломным проектом, в последних числах декабря 1949 года, они, взявшись за руки, направились к дому Нуртаса Дандыбайулы, где, кстати, проживала Зубайра, чтобы просить его благословения на будущую совместную жизнь. Дядя девушки хорошо знал национальные обычаи, обряды венчания, но как глава правительства строго придерживался советских установок по семейным делам. Нуреке без лишних слов горячо одобрил союз молодых и в знак этого, обняв их, поставил перед ними одно условие: «Поживите, дорогие мои, у нас, пока не закончите учебу, а когда завершите учебу – пожалуйста, не задержу ни одного дня.... Как получите свидетельство о браке – сразу же к нам, будем готовить комнату Зубайры – для вас, молодых...»

Евней, видимо, не ожидал такого радушного приема, к тому же он не хотел жить в апартаментах правительственного дома, где все подчинено строгим правилам «чиновничьего этикета». Он по-прежнему был аульным парнем с своеобразной психологией и разными замашками – все делать по своему разумению. Очевидно, кислое лицо будущего зятя выдало его внутренний протест, реакцию на сказанное хозяином дома...

– Джигит мой, я же тебе не сказал, чтобы ты постоянно жил у нас, как «кушик куйеу»*, раз ты пришел просить руки моей любимой племянницы, ставшей мне как бы родной дочерью, естественно, я и к тебе так же отношусь, как к своему сыну. Я уже посвящен в бедное положение твоей матери и братьев... Сам подумай, как я отпущу Зубайру в общежитие горного института, где в каждой комнате живут по 10-20 человек, там так тесно, что яблоку негде упасть... – сказал Нуртас Дандыбайулы.

Пришлось без возражений принять предложение старшего человека. Когда до наступления 1950 года оставались считанные дни, Зубайра и Евней стали обживать выделенную для них комнату в обширной квартире, специально оборудованной для председателя Казсовнаркома (этот дом сохранился по сей день, он находится на пересечении улиц Курмангазы и Фурманова, стоит особняком, где до недавнего времени была правительственная резиденция для приема высоких лиц, приезжавших из-за рубежа). В тот же день началась их семейная жизнь, которая продлилась с немногими перерывами около тридцати лет. У молодых не было возможности провести с размахом шумную свадьбу в ресторане, как сейчас это делается, так как оба жили на студенческие стипендии. Их покровитель Нуреке, подчиняясь партийной дисциплине, не стал устраивать для них большое веселье, с приглашением сотен людей. Но, соблюдая обычаи предков, позвал родных и близких друзей к домашнему дастархану, угостив всех как следует, все они пожелали молодым счастья и успехов в жизни.

---

* Дословно «приемный зять», в подтексте содержится оскорбительная интонация, так как казахское общество с давних времен строго осуждало, когда жених поселялся в доме невесты. Смысл осуждения: любой мужчина должен иметь свой очаг...

Из письма **Камзабая Арыстанулы** автору этой книги:

«Когда пришло известие о женитьбе Евнея, мать сказала: «Поезжай, ближе познакомься со своей снохой». Поэтому в середине июня 1950 года я отправился в Алма-Ату. В это время они уже жили отдельно, им выделили одну комнату в многоквартирном доме... Сноха мне понравилась: простая, вежливая, немногословная, заметно было, что она получила в семье приличное воспитание. Она обрадовалась, что я специально приехал, тепло встретила. Когда поживешь не один день, а дней десять в одной комнате, любого человека можно узнать поближе и определить его характер. Я в душе благодарил Всевышнего за то, что он нам послал такую воспитанную и милую сноху, как Зубайра. Я ведь вырос в семье, которая состояла только из мальчиков, а они, в том числе и я, по характеру были не ангелами. но она, наша сноха, находила общий язык со всеми нами. Это был подарок Бога нам, всем Букетовым. Что я не ошибся в своем предположении, показала жизнь...

Однажды Зубайра Дуйсеновна повела меня в дом своего дяди. Я, конечно, сам никогда бы не пошел в квартиру человека с таким высоким положением, но мне передали, что Нуреке распорядился так, чтобы меня пригласили в его дом. По обычаю казахов нужно угостить приехавшего издалека человека, а я, хотя молодой еще, но для них как-никак был сватом. Пришли. Я никогда не думал, что люди могут так роскошно жить. Выросший в бедной землянке, я как будто попал в царские хоромы, о которых рассказывалось в сказках... Я вначале растерялся. Там было много обставленных мебелью и коврами комнат. Помню только, что долго сидели в одной из больших комнат и смотрели кино, а какой фильм показывали — в памяти стерлось».

II

Евней заведомо знал, что материальное положение аспирантов не так уж отличается от студенческого. «Знал, что существуют так называемые аспиранты, люди, как шутили студенты, постоянно ищущие и домогающиеся. Видел двоих из них в нашем институте, — так отзывается о них автор книги

«Шесть писем другу». – Внизу, в нашем полуподвале, в тесной комнате под кабинетом Владимира Фридриховича возились с тиглями, что-то плавили. Говорили, что они – аспиранты. Особой зависти к этим людям не испытывал, потому что о сногсшибательных достижениях, мировых открытиях того или иного аспиранта в науке мы не слышали...»

Теперь по воле непостижимой судьбы он сам оказался одним из тех аспирантов, на которых смотрел, как на бедных сирот, обделенных жизнью, лишенных земных, будничных радостей. В этом он винил своего профессора, увлекшего его своим красноречием на научную стезю, убедив, что он будет первопроходцем, пионером казахстанской науки в области редких металлов, пойдет непроторенными путями. Какое заблуждение, какие иллюзии, какая непоправимая, мальчишеская глупость – поверить в это. Главное – досадно, до слез обидно, что друзья, которые учились вместе, уже работают на производстве – в Балхаше, Усть-Каменогорске, некоторые обосновались в Чимкенте. Все они преуспевают, получают солидные оклады, премиальные, семейным сразу дали квартиры, щедро оплатили подъемные. Ведь в те годы цветная металлургия была на подъеме. И на инженеров был большой спрос. Естественно, все сокурсники получили хорошие места, участвуют в производительном труде, устраивают свой быт. А он сидит в полуподвальном помещении лаборатории, куда даже не проникает солнечный свет и свежий воздух. Подобно алхимику, пытающемуся превратить все металлы подряд в золото, с утра до позднего вечера он колдует над приборами, ретортами, стеклянными колбами, жаропрочными тиглями. Хорошо, что не один, рядом с ним – пожилая лаборантка Варвара Кондратьевна, она ему помогает ставить многочисленные опыты. Стипендия аспиранта – восемьдесят рублей, но за нее надо париться здесь сутками, чтобы оправдать эту «дармовую» государственную поддержку. И так целых три года...

Но того человека, который его уговорил остаться в аспирантуре, в Алматы уже не было. Профессора В.В.Стендера неожиданно пригласили в один из крупных институтов Украины, когда Евней заканчивал четвертый курс. Там он возгла-

вил кафедру, где готовились специалисты по редким металлам, хотя и здесь занимался тем же, а ведь Казахстан несравнимо богаче этими сырьевыми ресурсами, как он сам с пафосом провозглашал в своих лекциях. Тем не менее профессор В.В.Стендер, не только преподававший в КазГМИ, но и заведовавший специальной лабораторией в Институте металлургии и обогащения АН Казахской ССР, по приказу какого-то высокопоставленного чиновника из Москвы внезапно уехал...

* * *

Осенью 1949 года вместо профессора В.В.Стендера заведующим кафедрой легких и редких металлов был назначен Виктор Дмитриевич Пономарев.

В то время ему было сорок лет. Он родился в Оренбурге, окончив среднюю школу, поступил в Свердловский (ныне городу возвращено прежнее название – Екатеринбург) горно-металлургический институт. Здесь, на Урале, еще при Петре I зачинатель горного дела в России тульский кузнец и оружейник Демидов заложил первые чугунно-литейные заводы. На протяжении веков Урал был опорой державы – «оборонной броней» Российской империи и Союза в годы Великой Отечественной войны. Славился этот край золотом и медью, самоцветами и еще непревзойденными мастерами чугунного литья. Талантливый от природы молодой человек здесь получил основательные знания. Перед началом Отечественной войны он успешно закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. Затем по направлению Наркомата цветной металлургии СССР В.Д.Пономарев прибыл в Алматы в качестве старшего преподавателя КазГМИ. Это было в 1939 году. В возрасте тридцати девяти лет он стал доктором технических наук. Уже в 1948 году ему было присвоено звание профессора. Наряду с преподавательской деятельностью в КазГМИ он руководил в академических институтах исследовательскими лабораториями, был заместителем директора по научной работе Института металлургии и обогащения АН КазССР. «Надо заметить, что его исследования физико-хи-

мии сложных пиро- и гидрометаллургических процессов являются основополагающими. Равно как исследования, связанные с многокомпонентными химическими системами, высокими температурами и давлениями, с влиянием различных типов энергий на механизм и кинетику химических реакций. Говоря о научном наследии академика, необходимо заметить, что наиболее важные аспекты его исследований – это шаг в третье тысячелетие, это уже элементы химии надмолекулярных структур, химии XXI века...» – было написано в одной из статей, опубликованной в 1999 году в академическом вестнике, когда ученые РК отмечали его 90-летие со дня рождения.

Труды выдающегося ученого-металлурга (он скончался в 1968 году) были достойно оценены: почетное звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР он получил в 1954 году; через четыре года В.Д.Пономарев стал членом-корреспондентом АН Казахской ССР, а в 1962 году его избрали действительным членом Академии наук; ученый неоднократно награждался правительственными орденами. В 1973-1974 годах выпущены его избранные труды в трех томах. Казахстанские ученые-металлурги и питомцы КазГМИ считают его основателем научной школы цветной металлургии в республике.

В годы учебы в КазГМИ, когда наш поток, разделенный на три группы – МЦ–53, дошел до третьего, а потом и четвертого курса (1955-1956 гг.), нам посчастливилось слушать два раза в неделю его оригинальные лекции по технологии выделения из руды меди, никеля, алюминия. Профессор был плечистый, кряжистый, крепкого, как цирковой борец, телосложения, но ходил почему-то сгорбившись, поэтому нам казалось, что он человек пожилого возраста (я лишь теперь, когда пишу эти строки, узнал, что тогда ему было всего 44 года)... Лекции он читал тихо, как будто шепотом, несмотря на это, студенты слушали его с вниманием. Войдя в аудиторию, профессор сразу подходил к кафедре, не глядя на студентов, у него была такая необычная привычка, иной раз забывал поздороваться с нами и без всяких вступлений начинал излагать свою тему...

«На прошлой лекции мы остановились на особых качествах медных соединений, сегодня рассмотрим их свойства

подробнее...» Открыв свои пухлые общие тетради, мы находили последнее предложение, произнесенное профессором в прошлый раз, и удивлялись его феноменальной памяти – он в точности повторял те же слова, на которых закончил лекцию три дня тому назад. И началось: напрягаясь, несмотря на его тихий голос, старались все записать. Мы знали, что Виктор Дмитриевич заткнет за пояс любого из ученых, которых нам приходилось слушать. Между прочим, по этому поводу его ученик, академик Е.А.Букетов в своей автобиографической книге «Шесть писем другу» (он здесь слегка изменил его имя, назвав Дмитрием Викторовичем) высказывается более конкретно: «... мы особенно придирчиво вслушивались в то, что он читает, сличали прочитанное им с тем, что писалось по этому поводу в учебниках, и с удивлением обнаруживали, что он владеет своим предметом в такой степени, что многое излагает не по-книжному, а более оригинально и доходчиво. На лекциях он был строго вдумчив и напряжен и не позволял никаких отступлений для разрядки, к которым мы привыкли у других лекторов. Когда ему хотелось как можно проще сказать о чем-то трудном для понимания, Дмитрий Викторович сосредоточено морщил лоб, отчего в межбровье вздувался бугорок, и говорил в этом случае, растягивая слова и строя четкие предложения для записи, и как будто виноватый смотрел под ноги: «Пока это научная загадка, разгадка ее – дело будущего, может кому-нибудь из вас придется трудиться над этим», – говорил он... ».

Евнею Букетову, решившему окончательно посвятить себя науке, необыкновенно везло, так как вели его к намеченной цели такие знающие, творчески мыслящие наставники.

Как правило, обыватели думают, что научный руководитель преподносит, как на блюдечке, готовые решения своим подопечным. Может быть, в жизни и бывают такие фанатики, что на руках носят своих аспирантов, все им разжевывают, оставив только проглотить готовое. Но подход В.Д.Пономарева к аспирантам был совершенно иным: он предлагал им трудные задачи, без всяких скидок, был очень строг к ним, требовал работать над темой месяцами, иногда годами. При-

том никому из них не делал подсказок: что и как конкретно исследовать. Это, кстати, ученик Виктора Дмитриевича в «Шести письмах другу» описывает более подробно, приводя конкретные факты.

«На первую лабораторную работу, начатую осенью 1950 года, где пришлось досконально изучать выбранное сырье для исследования и выделение из его сложных химических соединений необходимого элемента, ушло полгода, потому что руководитель дал такое задание, которое до этого ни один лаборант не выполнял. Чтобы узнать все свойства и поведение в разных реакциях того сырья, надо было проделать уйму черновой работы, – писал Евней Арыстанулы и затем сообщал об успешном окончании первого этапа исследования, в результате чего были выявлены характерные свойства химического соединения, из которого хотели выделить редкий элемент (в данном случае речь идет о молибдене – М.С.). По результатам эксперимента аспирант опубликовал нёбольшую статью в научном журнале, что обрадовало его чрезвычайно, как-никак это была первая публикация Е.А.Букетова в авторитетном издании.

Спустя немного времени руководитель как-то мимоходом заметил, что пора ему определиться с темой диссертации. После долгих раздумий, советуясь с Виктором Дмитриевичем, Евней выбрал тему, которая звучала так: «Извлечение молибдена из вторичных отходов редких металлов».

Изматывающие, выжимавшие все соки опыты продолжались целую зиму. Евней приходил в лабораторию ровно в восемь утра, а уходил поздним вечером, работая почти до десяти часов. Наступила весна, у подножия белоснежных гор расцвели яблоневые сады. Сладкий аромат их пьянил и навевал мечты о чем-то несбыточном и прекрасном. Пришло и лето. А желаемого окончательного результата все еще не было. Не было даже отдаленных проблесков того, что исследование завершится удачей. Одна реакция следовала за другой, а желанный элемент не хотел выделяться из раствора, словно испытывая терпение экспериментатора. Десятки раз аспирант опробывал теоретически правильную методику во всевозможных вариантах: менял температуру раствора, добавки – все

шло насмарку, не шел в руки обманчивый, неуловимый молибден. Институтская лаборатория была не приспособлена для таких опытов, нужные реактивы приходилось доставать в академических институтах, иной раз он был вынужден идти к коллегам в университет, чтобы выпросить на время нужный прибор для измерений. Желая во чтобы то ни стало добиться положительного результата, он высиживал дни и ночи в своем полуподвальном заточении, но, увы... В такой маете прошел год. А тот элемент будто дразнил, то маячил перед глазами, то пропадал без следа. Пора было менять методику, направление поиска, но таинственные твердые осадки, иной раз оседавшие на дне лабораторных сосудов, удерживали молодого исследователя от последнего шага к отступлению. А ответ руководителя всегда был кратким: «Ищите, молодой человек!..»

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Однажды тот металлический элемент, над извлечением которого я малоуспешно трудился, приснился мне в виде поросенка. Я увидел его в водоеме, наполненном раствором щелочи, применяемым мной в опытах. Когда же он вылез из него и отряхнулся, я прочитал в поперечных полосах на белом его теле латинское название моего металла. Я был рад тому, что металл, наконец, выделился, но мне было неприятно, что он был поросенком и что теперь, вопреки наставлениям матери, должен держать это поганое животное в руках. От ласкового хрюканья поросенка мне стало не по себе, и я проснулся...

Когда рассказал свой сон Гайнетдину (видимо, Халет Нурмагамбетов – коллега Евнея Арыстанулы, он поступил в аспирантуру КазГМИ на год раньше еге. Впоследствии став профессором, долгие годы преподавал в этом же институте. – М.С.), *он от души посмеялся и всерьез добавил:*

– Этот поросенок не случайно тебе приснился. Тебе не меньше, чем на два месяца, надо завалиться в тартарары и постараться забыть все, пока мысли не вернутся в каком-то свежем виде. Видно, что ты, как говорят, дошел.

И в самом деле, на улице было лето, а я торчал в мрачном, затхлом полуподвале над малоудачными опытами. Я вдруг почувствовал, что мне эта лаборатория осточертела. Меня ох-

ватило какое-то равнодушие ко всему, что делал, потянуло в родные края, к матери, братьям, в свой аул. Решил обратиться к профессору, чтобы он дал мне положенный двухмесячный отпуск. Дмитрий Викторович, потирая руки (это свидетельствовало о хорошем настроении), посмотрел на меня и сказал:

– Что ж, отдых всегда необходим. Поезжайте и будьте до тех пор, пока не потянет снова в лабораторию. От отдыха тоже часто влечет к работе. Пожалуйста, счастливого пути!»

Будто бы на крыльях он помчался на север, в родной аул. Оказывáется, все близкие сильно соскучились по нему, Евней уже не был в родных местах полных два года, в последний раз он приезжал сюда на отдых после окончания четвертого курса. Тогда прожил он здесь целый месяц. На этот раз он приехал не один, а со своей избранницей, молодой женой Зубайрой. Она тоже закончила в этом году КазГМИ, получила диплом инженера-металлурга.

Разумеется, семья Арыстана с нетерпением ждала его приезда с женой, для всех родственников это была великая радость.

После своей поездки в Алматы Камзабай восторженно рассказывал о снохе, расхваливал ее кроткий нрав, веселый, мягкий характер, даже то, что она вкусно готовит разные кушания. Все Букетовы вроде бы успокоились, что им попалась такая замечательная невестка. Но все же иногда старшие высказывали опасение: «Этот наш баламут Камзабай, молодой же еще, раз его хорошо встретили там, в Алматы, наверное, оттого так и поет. Она училась среди русских в далекой Москау, вовсе забыла наши казахские обычаи. Ее воспитывали по-русски (жена Н.Д.Ондасынова была русская, звали ее Валентина Васильевна), значит, у нее не наш, казахский характер; тем более дядя ее – недосягаемый для нас, большой шенеунік*; будет ли она признавать нас, неотесанных аульных стариков и все еще бедствующих сыновей несчастной Бальтай?..»

---

* Чиновник.

К тому времени семья Арыстана жила в райцентре в селе Марьевка, где Камзабай работал. Погостив у матери неделю, молодожены поехали к брату отца – Маутаю в Баганаты, где в начале года бабушка Кенжетай, прожив девяносто три года, через пятьдесят лет после смерти мужа, скончалась.

К удивлению баганатинцев своим уступчивым характером, вежливым поведением Зубайра опровергла все опасения, понравилась всем, даже крайне щепетильным аульным старушкам: ее лицо светилось добротой, лучистый взгляд карих глаз, румяные щеки – все дышало свежестью юности. Она была всегда предупредительна и учтива, каждый раз вскакивала с места, когда приходили домой старшие, не садилась, пока сами взрослые кивком головы не разрешали ей сесть; ко всем старшим она обращалась со словами «ага», «ата», «апа» и даже младших Букетовых называла ласкательными именами; словом, в первые дни пребывания в Баганаты она завоевала расположение критически настроенных и порою придирчивых аульчан.

Все близкие родственники, жившие в ауле Баганаты, по народному обычаю должны были показать молодой снохе свой дом, поэтому молодоженов ежедневно звали в гости. Светски воспитанная сноха и в гостях вела себя безукоризненно, так что нигде и никто не смог ее ни в чем упрекнуть. И это поведение не было показным, оно было заложено ее окружением с малых лет. И все, младшие и старшие, удивленно и даже некоторые с белой завистью, покачивали головами:

– Прошлого не вернуть, а как жаль, что не дожил бедный Арыстан до этих дней?! Его заветной мечтой было породниться с хорошим человеком и увидеть в своем доме вот такую милую и благонравную невесту; а он, человек от роду мудрый, видимо, сердцем чувствовал появление этого доброго создания... – говорили везде сующие свой нос старики, считавшие себя во всем правыми... – Молодец наш Евнейжан, он, как две капли воды, похож не только ростом и лицом, но и здравым умом на своего покойного отца. А ведь поступки какие!.. Корень от корня знаменитого Алыпкаша-батыра. Ни в Алматы, ни в Кызылжаре он не стал искать себе спутницу жизни,

аж из далекой Москау вызвал ее к себе!.. Эх, поехать бы нам, троим-четверым старикам к почтенному Нуреке, который вырастил для нас такой степной цветок, такую невестку-красу, сесть у него на самом почетном месте, посреди дорогого персидского ковра, лежащего на блестящем, как зеркало, полу. Погостить бы дней десять, чтобы все знали и видели, что мы для него – сваты. Не церемонясь, иногда поднимать край дорогого ковра, чтобы выплюнуть остатки насыбая... Этот безалаберный Камзабай, когда его позвал государственный человек к себе в гости, не смог в многолюдной Алматы найти ни одного достойного аксакала из нашего рода, прихватил бы с собой хотя бы пару таких, вроде нас, стариков и айда на дастархан... Почтенный Нуртас, сын Дандибая – большой чин в республике, у него дома бесплатно показывают кино, какое хочешь, а нас принял бы достойно. Ну, конечно, что возьмешь с бедного парнишки Камзабая, молодо-зелено... Ах, жаль!..

– Ау, что бы вы ни говорили, беспросветный женский труд всегда вознаграждается Аллахом, ведь бедняжка Бальтай всю жизнь маялась, чтобы вывести в люди своих пятерых сирот. Теперь-то оправдался ее неимоверный. беспросветный труд. Еще помянете мои слова: эта сноха будет опорой всем ее сыновьям, чует мое сердце, – рассуждал вслух другой родич, восхваляя примерное поведение Зубайры.

То лето прошло для Букетовского рода, а он насчитывал в Октябрьском районе уже более десяти шанырaков со всеми разросшимися ответвлениями, необычно весело и почти праздничнo. Между прочим, к тому времени в этих местах жизнь пошла в гору, остались в прошлом горести горькой военной годины – во что одеться, чем накормить семью. Кстати, эту перемену заметил сам Евней: «В ауле жизнь стала веселее, чем раньше. Проблемы насущного были почти решены, и люди теперь были полны дум о многом таком, что возвысило бы их завтрашнее над сегодняшним. И у нас в семье наступило время достатка. Младший брат повзрослел, стал серьезным джигитом, и все младшие братишки неплохо учились и их условия жизни тоже начали нормализоваться...» – заключает автор «Шести писем другу».

Когда наступила пора сенокоса, у Евнея раззуделось плечо и, забыв свою образованность, он захотел, как в юности, выйти в степь с острой, сверкающей в утренней, росистой траве косой. Дядю Ибрая смущало – как на это посмотрит сноха, выждав день-два и не заметив с ее стороны возражений, начал готовиться к выезду. Наконец, запряг свою кобылу с жеребенком, и вдвоем с Евнеем они отправились к пойме реки, где весной широко заливались водой прибрежные низины, а теперь по пояс стояли высокие травы.

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«... Старая отцовская коса! Она сточилась настолько, что стала узенькой. Я не могу ее заменить новой, я привык к ней, удобной для моих рук рукоятке, к ее звуку, становящемуся звонче. Прерывистый звон от соприкосновения бруска с косой приятно раздается в ушах и возбуждает меня. Кошу, размахивая картинно косой, и со спокойным достоинством, как бывалый косарь, но это мне дается с трудом, сердце бьется часто и тяжело, дышу, как будто не хватает воздуха. Пришлось раздеться, снять рубашку, потом и майку. Чувствую, что надо сделать передышку, но стыдно перед дядей, потому что кошу-то всего минут десять-пятнадцать. Иду на хитрость: точу косу, хотя она еще не успела затупиться. Хитрость эту дядя легко улавливает, но делает вид, что не замечает моего состояния. Пока выкосил поляну вокруг шалаша, с меня сошло три пота.

– Располнел ты, галчонок мой, в нашем роду таких не было. Придется делать тебе выстойку – таң асу – сказал дядя Ибрай и с жалостью посмотрел на меня.*

...Что такое хороший сон? Это, когда утомленный человек добирается до желанной лежанки и бездумно быстро и легко окунувшись в небытие, тут же, через мгновение раскрывает глаза, обнаруживая, как стало необыкновенно ясно в голове, как упругая бодрость овладела телом, как улетучились всякие сомнения в счастливом целесообразном предназначении жизни. А потом выясняется, что это мгновение растянулось не менее

* Набравшую вес лошадь после небольшого бега несколько дней подряд выдерживают на приколе, чтобы подготовить для большого похода или бега.

чем на треть суток, восемь-девять часов проспал человек на одном боку, не шелохнувшись, что не только не было каких-либо перерывов во сне, но и не было никаких сновидений. Такой сон может быть только в селе, в поле, на сенокосе.

Подходила к концу третья неделя моей жизни на сенокосе. Приятное разнообразие внесли выезды в аул по воскресным дням, рыбалка, беседы с наезжавшими ко мне товарищами, купания. А потом произошло следующее. Купался я однажды в Старице, испытывая то особое наслаждение, которое, наверное, знакомо лишь человеку, всхрапнувшему часок-другой после напряженного трудового утра, спрятавшись от полуденной жары в прохладном шалаше, и затем тут же попавшему в бодрящие объятия мягкой, прохладной воды. Помню, как плавал, и осторожно вынырнув из воды, с улыбкой стал считать круги, расходящиеся от меня. И вдруг именно в этот момент... водяные круги «превратились» в химические уравнения и формулы, и с этого мгновения они не покидали меня, возвращаясь все чаще и чаще. Меня поразила ясность, установившаяся в голове и позволяющая мне здесь, на лугах, без помощи книг, к которым прибегал там, дома и на работе, без помощи товарищей, с которыми обсуждал свои научные злоключения, легко анализировать все, что мною сделано и с уверенностью находить те пункты, где допустил ошибку и сделал лишнее и ненужное вместо того, чтобы делать совершенно другое, нужное и необходимое. Как это проверить? И вот с этого дня я потерял всякий интерес к сену и ко всей жизни на сенокосе, которой до сих пор с упоением наслаждался.

Словом, дней через десять после памятного купания, когда меня внезапно обступила моя химия, я оказался в своем полуподвале...»

После этого автор «Шести писем другу» с уверенностью и радостью посвящает читателя в события, что произошли с ним в той же полуподвальной комнате, где он корпел уже второй год подряд среди тех же колб и реактивов, после двухмесячного отдыха в родном ауле. Идея, которая пришла ему в голову на поле во время сна, после непрерывных опытов, продолжавшихся еще шесть месяцев, наконец-то, дала ему возможность

успешно завершить задуманное. Он получил стоящие внимания коллег хорошие результаты. Это, конечно, было только начало большого, фундаментального исследования по теме диссертации. Чтобы довести его до победного конца, аспиранту понадобился еще год. Он считал, что ему невероятно повезло. Другие, потратив на бесплодные поиски десяток лет, вдруг убеждались, что это мартышкин труд, насовсем отказывались от научной деятельности, поняв, что не в коня корм. Иной раз и он готов был забросить эту осточертевшую аспирантуру и идти на производство. Что скрывать – были минуты малодушия и дикого отчаяния. Все же он выстоял, не сломался, проявив упрямый Букетовский характер и рассудив, что все равно верблюду не убежать от вьюка...

«Эти два года мне ныне вспоминаются как годы наиболее интенсивного обогащения знаниями, как годы сиюминутных радостей от результатов научного труда» – с удовлетворением отмечал Евней Арыстанулы в своих автобиографических записях. Однако в подробности проделанных исследований он не вдается, что было – быльем поросло. Да и мы не станем скрупулезно их расписывать. Скажем об итоге всего проделанного словами самого аспиранта: «К концу третьего года обучения в аспирантуре мой шеф, суммируя полученные научные данные, нашел, что пора поставить точку и оформлять диссертационную работу... Но если признаться честно, я был не очень доволен результатами своего труда. Я знал, что мною изучены основы совершенно нового принципа извлечения металла из сырья, но этот принцип по всем данным не был таков, чтобы говорить об его неоспоримом преимуществе перед существующими...»

В конце третьего года, скорее всего это случилось в начале четвертого года с начала исследований, профессор В.Д.Пономарев сказал ему, что с текстом готовой диссертации надо ехать в родственный КазГМИ институт, в Москву, к профессору Науму Соломоновичу Гликману, заведующему кафедрой редких металлов (по-видимому, это был Наум Соломонович Грейвер, широко известный в научном мире. В «Шести письмах другу» фамилия московского ученого изменена).

Диссертант уже прошел предварительное обсуждение на заседании своей кафедры, мало того, на научной конференции академического института он выступил со специальным докладом, получил положительный отзыв и допуск к защите диссертации. А теперь ему предстояло пройти новые испытания у московских коллег, неизвестно еще, как они его встретят. Там ведь проводились схожие исследования...

Словом, направление в Москву отодвигало защиту его диссертации на неопределенный срок. К тому времени он уже был ассистентом кафедры в родном институте (срок обучения в аспирантуре уже кончился). По мнению близких друзей, поездка в Москву – не особо нужное дело, это, по сути, излишняя осторожность, перестраховка Виктора Дмитриевича, видимо, он делает это из соображений, чтобы после защиты не было случайных осложнений... Однако об этом не скажешь профессору, который всегда стоит на своем. Короче говоря, хочешь-не хочешь, надо было ехать.

Евней Арыстанулы первый раз в своей жизни попал в Москву и, посчитав, что сразу по приезде обращаться к знаменитому ученому неприлично, избрал окольный путь и зашел вначале к его ассистентке – Елене Васильевне Белецкой («к светлокудрой... симпатичной красавице» – как описал ее автор автобиографической книги), она приняла его вежливо, выяснив суть дела, сказала, что профессор, у которого каждый час и минута расписаны, примет его только на третьи сутки.

Профессор Н.С.Грейвер принял его точно в то время, которое было оговорено с его ассистенткой, встав с места, приветливо поздоровался. Узнав цель приезда Евнея, он порекомендовал нескольких ученых, чтобы они ознакомились с материалами диссертации, а день обсуждения они должны согласовать с ним. Весь разговор со светилой отечественной науки продлился не больше десяти минут. Джигит из Степи, привыкший к долгим церемониальным приветствиям и подробным расспросам аксакалов о том, о сем, был шокирован таким сухим, кратким приемом. В своих записях он признается: «Я удивился, что он не поинтересовался жизнью, здоровьем. У нас такой холодный прием воспринимается как

невнимание к гостю. Наверное, это правильно – не тратить впустую свое рабочее время...»

Молодой казахстанец с жадным любопытством приглядывался к новой для него обстановке. Каждое посещение ведущего в Союзе института, его лабораторий, каждая встреча со столичными коллегами – аспирантами и ассистентами, младшими научными сотрудниками, как он сам, давали ему пищу для наблюдений и раздумий: «Видел, что у них больше традиционного порядка, разнообразнее и лабораторное оборудование. На последнее я смотрел с завистью: сколько мне приходилось бегать в институты нашей Академии, чтобы поработать на их приборах. А здесь все было под руками. Между тем, мне показалось, что молодые коллеги с этой кафедры не выглядят такими самостоятельными и уверенными в себе в постановке и решении научных задач, как мои коллеги. Прогоняю от себя эту горделиво-нескромную мысль, считая, что недостаточно долго знаю своих новых знакомых, чтобы судить так строго...»

Итак, в назначенный день на заседании кафедры он сделал доклад по своей теме. Может быть, он слишком надеялся на успех, в общем, казахстанец вышел на трибуну без какого-либо текста. Голос его креп, когда встречал одобрительные кивки и взгляды внимательно слушавших профессора Грейвера и уже знакомых – доцента О.Е.Штейна и Е.В.Белецкой. Но в середине доклада случилось нечто непредсказуемое: «В комнату вошел невысокий, опрятно одетый человек с густой гривой седых волос, сел в дальнем углу и смотрел на меня сквозь толстые очки, язык мой во рту и вовсе превратился в соленую воблу и двигался настолько неуклюже, что я, выдавливая слова, делал невероятные паузы... Дело в том, что на лацкане пиджака этого пожилого человека блестели два лауреатских значка, и я сообразил, что он и есть таинственный профессор Теплов Григорий Иванович, который руководит в каком-то секретном ведомстве настолько большими делами, что успевает бывать на кафедре только два раза в неделю. Причиной волнения было то, что в своем исследовании в некоторых местах я повторял ранние исследования этого знаменитого ученого, но

конечные результаты были другими. По этому поводу я прошелся с критикой по его адресу... Профессор Наум Соломонович заметил мое смущение и в одном месте подсказал мне слово, которое у меня никак не произносилось».

Наш исследователь, наконец, завершил свой доклад. Как ему казалось, слушатели прониклись доверием к нему, задавали много вопросов. Первоначальное волнение молодого Букетова исчезло, он отвечал обстоятельно, четко, аргументированно. После него содокладчиком по его же диссертации выступила доцент этой же кафедры Штейн, она отметила, что подробно ознакомилась с работой и осталась довольна как новизной темы, так и грамотным проведением экспериментов, да и в дополнительной беседе с автором убедилась в его компетентности в избранной области исследования. «И вообще, представленная работа с научной стороны представляет значительный интерес...» – завершила она свой доклад. И другие выступающие признали полученные соискателем результаты удачными, лишь указали на погрешности, допущенные диссертантом в оформлении текстовой части работы. И когда Грейвер уже хотел подвести итоги обсуждения, неожиданно профессор Теплов, до этого перелистывавший текст его диссертации, подняв руку, попросил слова.

– Пожалуйста, Григорий Иванович! Милости просим, – сделал широкий приглашающий жест председатель.

Наш джигит побледнел, у него перехватило дыхание, чаще застучало сердце, он уже со страхом смотрел на последний ряд, откуда поднялся патриарх отечественной науки. Сидящие в аудитории коллеги, которые до этого дружно поддерживали его, то ли с жалостью, то ли с укоризной и ехидством поглядывали теперь на растерявшегося диссертанта: «Эх, степняк, надо же было тебе выскочить с критикой на этого «живого бога», что ты натворил? Вот наивная молодость, не знающая и не понимающая, куда падать, впрочем, что возьмешь с провинциала?!..» – как бы говорили их лица.

– Я был у вас в республике, – произнес Теплов, – лет десять тому назад, в конце войны. Тогда о подобных исследованиях не могло быть и речи. Я знаком с вашим руководителем

профессором Виктором Дмитриевичем. Меня в первую очередь радует ваша смелость, молодой человек. Раз вы взялись за такую сложную проблему – значит, в Казахстане уровень знаний по металлургии поднялся до уровня европейского центра страны. Это стремительный шаг вперед, настоящий прорыв. Не останавливайтесь, удачи всем вашим замыслам. Это во-первых. Во-вторых, хочу сказать, я полностью поддерживаю выступивших товарищей. Исследование проведено на достаточно хорошем уровне. Когда-то я в своих исследованиях из-за спешки допустил небольшой прокол. Молодой коллега его заметил и внес исправление, спасибо...

Все сидящие в аудитории вздохнули с облегчением или это Евнею только показалось. У него от сердца отлегло, и он уже спокойнее смотрел на старшего коллегу.

Профессор Теплов, чуть улыбнувшись, продолжал:

– Только одно замечание! Евней Арстанович, вы, по-моему, ход одной из реакций трактуете чересчур субъективно. Здесь ваши выводы мне кажутся сомнительными... При защите кто-нибудь из оппонентов или экспертов ВАК может к этому под благовидным предлогом попросту придраться. Поэтому я бы посоветовал вам еще раз вернуться к эксперименту и проверить ваш результат. Может быть, я ошибаюсь, но не мешает проверить эту реакцию... Не зря говорят: семь раз отмерь – один раз отрежь...

Евней не стал возражать и оправдываться, что у него не было возможности проделать все опыты так чисто, чтобы комар носа не подточил, наоборот, он понял, что в этом деле допустил поспешность, и, отвечая Григорию Ивановичу, заверил, что по возвращении срочно сядет за проверку...

Обсуждение в Москве закончилось полным признанием работы казахстанского исследователя. И, конечно, уже уверенный в своих силах, он заехал на химический комбинат, чтобы и здесь заручиться поддержкой производственников, ведь он открыл новый способ извлечения из руд молибдена, редчайшего металла, рапространенность которого в природе и то в соединениях всего 0,0003 процента. Без него немыслимы выплавка спецсталей и развитие электропромышленности.

В среде производственников бытовало вредное мнение: что кандидаты наук, доктора – это важные, напыщенные талмудисты-белоручки, никогда не державшие в руках лопату. За государственный счет они учатся, делают свои опыты, получив почетные звания, всю жизнь доят корову под названием наука, привыкли получать дармовые деньги в виде академических доплат и премий, а производственники – как рабы Древнего Египта, добывают им все блага. Видимо, такая позиция сказалась и на обсуждении: ведущие инженеры комбината выдвинули множество контраргументов против применения нового способа казахстанского исследователя, объясняя это тем, что не все лабораторные результаты приемлемы на производстве, здесь нет возможностей выделить чистый металл в необходимых объемах. Все выступления свелись к тому, что внедрение в производство экономически нецелесообразно, так как замена старого оборудования на новое потребует больших затрат и в результате произведенный металл себя не окупит... «Мне, признаться, нелегко все это было выслушивать, потому что многое на самом деле было неясно из-за новизны самого принципа, на котором базировалась вся работа. Было досадно, что никто здесь не обращал внимания на то, что получило особое признание и высокую оценку в научных кругах. Здесь был совершенно другой подход, другой критерий оценки работы. Я уже волновался, чувствуя, как тону в болоте непонимания, сознавая в то же время, что не могу произнести в свою пользу ни слова, ибо оно было бы так же вредно, как барахтанье человека, засасываемого болотной жижей. Но все-таки, как бы ситуация ни складывалась, находятся люди, которые понимают тебя. Это почувствовалось в заключительном слове главного инженера комбината: «Наши инженеры обязаны хорошо знать действующую технологию, – подчеркнул он, – всячески совершенствовать ее, но это не означает, что мы должны быть глухи и немы ко всему тому, что предлагает наука... – Немолодой человек с рыжим ежиком волос с проседью, наконец, вразумил своих коллег и внес дельное предложение: – ...Конечно, заслушанная работа имеет много неясного с нашей точки зрения, по высказываниям на-

ших товарищей, но имеем ли мы основание исходя из этого, относиться к ней отрицательно? Наверняка, не имеем. Многие недостатки технологии, имеющие место на нашем предприятии, вполне могут быть устранены. В этой работе подкупает совершенно новый подход, попытка решить вопрос принципиально иным путем, не как у нас на комбинате. Поэтому работу нам следует одобрить...»

III

На литературных вечерах Евней каждый раз находил новых друзей. Сегодня известные широкой общественности Казахстана Зейнолла Кабдолов, Музафар Алимбаев, Сырбай Мауленов, Калтай Мухамеджанов, Рахманкул Бердибаев, Турсунбек Какишулы – видные писатели, поэты и ученые-литературоведы, сблизились с Евнеем Букетовым с молодых лет и до последнего дня жизни оставались его истинными, добрыми, задушевными друзьями. Зейнолла Кабдолов, как и он, приехав в Алматы, поступил в КазГМИ, чтобы стать инженером. А потом, по его же словам, «влюбившись» в Мухтара Ауэзова, бросил престижный институт, через год перевелся в КазГУ, на филологический факультет. Разница в возрасте у них была всего два года (Зеке был моложе), дружба двух будущих академиков началась в 1945 году, в аудиториях горно-металлургического института...

Зейнолла КАБДОЛОВ, «СЕЛЕН И СТИХИ»:

«Евней с молодых лет владел в совершенстве двумя языками, всегда достигал намеченной цели, был человеком слова и дела. Он ни на что не смотрел равнодушно, живо интересовался всем тем, что происходило вокруг. Такие черты нашего друга, великолепного товарища всегда были примером для нас. Корни этого, наверное, надо искать в литературе. Евней, целью которого было стать инженером-металлургом, никогда не считал, что физика и лирика разные, далекие друг от друга понятия, он их считал близнецами, как Есиль и Нуру. К доказательствам формул и теорем он приступал с вдохновением поэта. Когда он ставил

химические опыты, одновременно читал стихи Абая, а по таблице Менделеева он поднимался и спускался, как «по лестнице» Маяковского. «Путь Абая» для Евнея был настольной книгой, ученого-писателя М.О.Ауэзова считал не только старшим братом всех литераторов, а учителем-устазом. В творчестве академика Букетова любовь к редкому элементу селену и стихам были одинаковыми, секрет его целостной натуры — именно в этом...»

Повторное увлечение Евнея Букетова литературой, которое на этот раз продолжалось до конца жизни, началось с парадоксального на первый взгляд случая. Это был тот период, когда он женился и, конечно, как глава семьи Евней должен был подумать о материальном обеспечении, устройстве своего домашнего быта. Жена – студентка, сам он аспирант, к тому же летом 1951 года они по собственной воле освободились из-под опеки Нуртаса Дандибайулы. Теперь они могли рассчитывать лишь на свои скромные стипендии. А денег явно не хватало. Поэтому Евней вынужден был искать дополнительный заработок, который не был бы помехой занятиям в лаборатории. Вскоре такая работа нашлась. Он стал редактором в издательстве «Казгосиздат». Издательство в то время выпускало и техническую литературу, в том числе брошюры, пропагандирующие пятилетние планы, строящиеся новые гиганты индустрии, серия называлась «Всеобщая библиотека». Брошюры выпускались не только на русском, но и на казахском языке. Специалистов-редакторов, владеющих двумя языками, было очень мало, а такие, если даже и находились, то с горем пополам могли лишь исправлять орфографические ошибки в казахском тексте и не больше. Издательству же нужны были люди не только технически подкованные, но и безупречно знающие казахский язык. И выходит, что Евнею Арыстанулы как инженеру, к тому же владеющему еще обоими языками, сам Аллах велел стать редактором. Словом, с ним заключили договор и в порядке исключения разрешили рукописи брать домой, с ними приходилось сидеть в часы досуга, в вечерние часы, включая и воскресенье, а возвращать уже от-

редактированными... Что ж, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Этот воз, как ни был тяжел, пришлось Евнею тянуть более трех лет. Для молодого ученого это была неблагодарная работа, как он сам впоследствии с иронией вспоминал – чистая «поденщина». Но деваться было некуда, ради хлеба насущного приходилось заниматься и этим.

Разумеется, и в этом деле он выкладывался до конца, иначе не мог, это было заложено в его характере, аккуратно исправляя неточности, выправляя всякие несуразности в тексте, со временем он вошел во вкус редакторской работы, иной раз стал брать небольшие брошюры для перевода. К выпуску каждой брошюры он подходил честно, со знанием дела, с душой и, увидев ее отпечатанной, испытывал истинное удовлетворение. Все больше и больше втягиваясь в редактирование, он отточил стиль и язык. В конце концов эта практика привела его в казахскую литературу, правда, вначале в качестве переводчика романов и повестей русских писателей, об этом мы подробнее скажем чуть позже. Надо признать, его литературные переводы были уже более достойным занятием, чем исправление ошибок в чужих рукописях. А гонорары, которые он стал получать, явились неплохим подспорьем в его семейном бюджете, он уже мог помогать матери и младшим братьям...

* * *

23 февраля 1953 года в молодежной газете «Ленинская смена» была напечатана критическая статья Евнея Букетова под названием «О халтурном переводе и невзыскательных издателях». Это оказалось, между прочим, лишь дебютом доселе неизвестного публике критика, в дальнейшем таких статей будет много. Буквально через месяц, 29 марта того же года республиканская партийная газета «Казахстанская правда» опубликовала его большую, по своему содержанию разгромную рецензию на художественный перевод поэтических произведений В.Маяковского на казахский язык. Это были пока цветочки, через неделю главный орган Центрального Комитета КПСС – газета «Правда», в номере за 6 апреля под рубрикой

«Из последней почты» напечатала одобрительный отклик на эту статью под названием «Легкомысленное отношение к стихам великого поэта», что вызвало большой резонанс в среде литературной общественности...

«Казахское учебно-педагогическое издательство выпустило в переводе на казахский язык сборник высказываний Н.Г.Чернышевского по педагогическим вопросам. Такая книга нужна педагогам республики. Но переводчик Т.Б. (в статье имя названо – М.С.) подошел к делу настолько легкомысленно, что, читая перевод, трудно представить себе, что автор оригинала – Н.Г.Чернышевский, глубокий мыслитель и замечательный мастер слова» – так начинается вышеназванная первая статья Е.Букетова, далее автор свои уничтожающие выводы о неумелом переводе «Избранных педагогических высказываний» известного демократа-революционера доказывает конкретными примерами. В заключение он пишет: «Книга изобилует грамматическими ошибками, опечатками. Многие примечания перепутаны, они не соответствуют высказываниям. Переводчик, редакторы книги Ш.Байжанов и Е.Утебаев халатно подготовили книгу к печати. По их вине казахские читатели вынуждены знакомиться с высказываниями великого мыслителя в извращенном виде...»

А во второй статье «О переводах на казахский язык произведений Маяковского», вроде бы не так броско озаглавленной, как первая, до этого вовсе никому не известный критик, перечисляя недостатки переведенных на казахский язык тридцати стихотворений и известной поэмы «Владимир Ильич Ленин» поэта-трибуна, поднятого советской идеологией на пьедестал славы, высказывает такую смелую мысль: «Своеобразие стиля, ритмики Маяковского, его ступенчатая строка, частое применение слов и выражений, принятых только в самобытном русском языке, требуют большого, творческого труда переводчика, но если переводчик будет относиться к творчеству Маяковского как сам поэт относился к своему творчеству, очевидно, можно добиться очень близкого к подлиннику звучания произведений Маяковского на казахском языке».

Фактически это только начало, далее Евней Букетов, указывая на недостатки увидевших свет переводов, так же, как и

в первой статье, приводит конкретные примеры, изобличая все, что кажется ему вздорным и кощунственным. При этом он не признавал никаких авторитетов, даже тех, кто считал себя уже классиком казахской поэзии. По поводу Т.Жарокова, которого за переводы стихов того же Маяковского местные литературоведы, неумеренно восхваляя, возносили до небес, называя «талантливым подражателем поэта», критик отмечает: «Но он, известный переводчик, не зная тонкостей русского языка, не счел необходимым долго задумываться и перевел по-своему. Есть ли в казахском языке возможности для выражения ярких мыслей – образов Маяковского? Есть. Они не использованы переводчиком только в результате крайне легковесного отношения к творчеству великого поэта».

– Кто он такой, этот новоявленный критик? Судя по необычной фамилии – Букетов, наверняка из наших обрусевших казахов. Откуда взялся этот всезнающий выскочка?

– Его мысли скандальные. Он критикует таких столпов казахской поэзии, как Таир Жароков, Касым Аманжолов, Абу Сарсенбаев, Калижан Бекхожин, Гали Орманов... А вот, смотрите, кого он противопоставляет им – молодых поэтов, едва вылупившихся, якобы только они правильно поняли поэзию Маяковского и справились с переводами. Для этого критика-на, наверное, заслуги и авторитеты не играют никакой роли, он не имеет никакого понятия об уважении к старшим.

– Вот смотрите, расхваливает перевод Касыма Тогузакова, а Кабула Боранбаева тут же втаптывает в грязь.

– Нет, он силен, пишет по-русски блестяще, а казахский знает также отлично. Видишь, несуразные переводы наших именитых поэтов расщелкал, как орехи. Всем досталось от него. И поделом, молодец этот Букетов... Ничего не скажешь, критика его справедливая, кривое дерево не выпрямишь. В его рассуждениях и в анализе нет изъянов.

– Если он такой умный, почему он сам не переводит Маяковского?

Словом, вторая статья неизвестного Е.Букетова вызвала полный переполох в среде столичной общественности: все читали «Казахстанскую правду», читали и не только литераторы;

мысли их разбегались нараскоряку, уж слишком резкие выпады, и в то же время автора нельзя опровергнуть; да и понятно, он вскрыл давний нарыв, показав подлинное лицо литераторов, превративших святое дело в ремесло, источник наживы...

«Нужно признать, что перевод, сделанный Т.Жароковым, довольно убедительно передает живые интонации поэта... Очевидно, это результат напряженной и вдумчивой работы. Переводчик хорошо усвоил ритмику Маяковского и умеет применять ее в переводе. Однако и здесь встречаются места, где поэт-переводчик не понял мысль, выражаемую Маяковским, и когда хорошее соседствует с плохим, это, конечно, удручает читателей. В поэме есть место (речь идет о поэме «Владимир Ильич Ленин» – М.С.), *где Маяковский раскрывает в полемическом тоне свое назначение как певца «атакующего класса»:*

«Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
– А где ж душа?!
Да это ж –
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!»

В переводе Т. Жарокова эта строфа звучит так (подстрочный перевод с казахского мой – М.С.):

«Знаю,
лирик разъярится,
не стерпев,
критики
ринутся
с хлыстиками:

– Где же душа?! –
Одна проза же!
Где же песни?
Скажут: нет в словах складности».

«Нельзя согласиться с таким переводом, в корне извращающем мысли великого поэта, и поэтому выражение «одна публицистика» имеет стержневое значение в этой строфе. Не случайно оно и зарифмовано. Следуя Маяковскому, необходимо было оставить слово публицистика на месте, а к нему, как говорил поэт, «достать рифму во что бы то ни стало»... Т.Жароков сделал наоборот – перевел точно первые две строки, а остальные кое-как приладил к первым, чем приглушил в переводе полемическую остроту строфы Маяковского, изуродовал ее».

«Самый неудачный перевод сделан К.Боранбаевым, стихи «Киев», напечатанные в сборнике 1950 года в оригинале:

Эй!
Пуанкаре!
Возьми нас?..
Черта!»

Поэт главному врагу нашей страны заявляет: «Нас взять не хватит у тебя силы» – а переводчик говорит (подстрочный перевод с казахского мой – М.С.):

Эй!
Пуанкаре!
Возьми нас...
Чертей!»

Короче, переводчик доходит до такой нелепости, что мы – черти!? Перевод с начала до конца полон таких нелепых «перлов»... В.Маяковский – создатель новой системы стихосложения. Его стихи – ораторская речь, они звучат «весомо, грубо, зримо». Но некоторые казахские поэты стихи Маяковского стараются втиснуть в устаревший песенный размер, очень удоб-

ный для импровизации, но не для серьезной и углубленной работы над словом. Так переведено К.Бекхожиным замечательное по-своему лиризму стихотворение «Юбилейное». Из стихотворения совершенно выхолощен ритм Маяковского. Обезображено стихотворение «Сергею Есенину»...

Знакомясь с переводами Маяковского, невольно приходишь к мысли, что на казахском языке нет еще пока настоящего Маяковского, который бы с нами, как «живой с живыми, говорил».

«Во многих произведениях поэта, горлана, главаря воссоздаются политические события революционной поры, периода НЭПа, во многих он во весь голос говорит о времени и о себе. Все это можно перевести на казахский язык, – подчеркивает Е.Букетов. – Было бы лишь желание...». И всем, кто молчал три года, с того дня, когда был выпущен данный сборник стихов, он бросил нелицеприятный упрек: «Созданию полноценных переводов мешает отсутствие глубокой, принципиальной критики со стороны литературной общественности. Появившиеся в журнале «Литература и искусство» статьи Турганбаева и Нуркатова, а в альманахе «Казахстан» статья Нуркатова, посвященные переводам произведений Маяковского, написаны поверхностно, без глубокого анализа ошибок, допущенных переводчиками. Понятно, что такая критика не поможет поэтам-переводчикам в их дальнейшей работе». – Эти слова были приведены в реплике «Правды» по поводу выступления казахстанской газеты, а это свидетельствовало о том, что молодой критик своей статьей попал в самую больную точку. В конце статьи Е.Букетов так резюмирует свои мысли: «Хочется надеяться, что дальнейшее вдохновение и взыскательная работа поэтов-переводчиков дадут казахским читателям полноценного, полнокровного, многогранного Маяковского. Для этого у казахских поэтов есть все возможности...»

Публикации эти увидели свет в непростое время. Это были годы жестоких расправ с самым святым, что было у народа. То был очень тяжелый и кризисный период для национальной интеллигенции, когда многое охаивалось, оскверналось, предавалось проклятию, повсюду и везде среди ученых выиски-

вали националистов, травили и преследовали их, выдворяли за пределы республики, высылали в холодные края Сибири видных историков и литераторов, объявив их чуждыми советскому строю элементами. Такое уж было время...

К заслуге Е.Букетова надо отнести то, что он не поддался массовому психозу, своего рода ослеплению, в своей критике молодой человек ограничивался проблемами только художественного перевода, хотя статья отличалась своей боевитостью, язвительностью, сарказмом и больно задевала известных литераторов, но в ней не было, как у некоторых рьяных критикан, даже намеков на неблагонадежность, тем более – политических обвинений. В ней шел чисто литературный разбор. И только. Честно говоря, наша интеллигенция давно нуждалась в таком в деловом, открытом обсуждении положения дел в литературе. Ведь неискушенные в дрязгах люди давно устали от взаимных наскоков литераторов, сведения счетов через печать.

Проблемы, поднятые Е.А.Букетовым, нашли понимание и поддержку у общественности, были сделаны надлежащие выводы: учебно-педагогическое издательство, признав замечания критика совершенно правильными, решило заново перевести и издать книгу Н.Г.Чернышевского; секретариат Союза писателей Казахстана также в ответ на выступление партийной газеты принял постановление о наведении порядка в издательствах. На ближайшее время был намечен пленум СП Казахстана, первым докладчиком на него пригласили аспиранта КазГМИ Евнея Букетова.

Таким образом, за одно лето двадцативосьмилетний джигит, целиком сосредоточенный на проблеме выделения молибдена из коунрадской руды, совершенно неожиданно был вовлечен в литературные баталии. «Наш пострел везде поспел» – говорится по такому случаю в русской пословице. Вступил на тернистый путь литератора Е.Букетов стремительно быстро, как бы оседлав степного скакуна. С первых его выступлений, вызвавших небывалый общественный резонанс, профессионалы литературного цеха признали его своим. К такому дебюту он готовился с юных лет, с первого прикосновения к поэти-

ческой музе, с открытия для себя великих творений Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Блока, Есенина, Маяковского. Он тоже мечтал стать поэтом. Жизненные перевалы заставили юношу свернуть с этого пути, однако божья искра, наследственно переданная ему акыном-предком, в нем не угасала, страсть к художественному слову со школьных лет неизменно жила и копилась в нем, и вот однажды она выплеснулась и воплотилась в горячие строки. Мы еще в предыдущей главе говорили, что читать и заучивать произведения В.Маяковского он начал с пятнадцати лет. А когда ему в руки совершенно случайно попались эти же произведения в виде перевода на родной язык, он был глубоко возмущен тем, что они искалечены до неузнаваемости, чистая душа правдолюбца не вытерпела, он не мог сдержать негодования и взялся за перо...

Вот вся история публикации этих критических статей. Правда, он не знал, к чему это приведет. А привело к тому, что в нем проснулся дар литератора.

В результате Евней Букетов приобрел прочный, непререкаемый авторитет в литературных кругах. 14 и 19 июля того же года в «Казахстанской правде» вышли две его статьи: первая называлась «Грозное оружие» и посвящалась творчеству В.Маяковского; вторая была рецензией на комедию драматурга Шахмета Хусаинова «Весенний ветер», которая шла на сцене Казахского драматического театра.

Видимо, алматинские русскоязычные газеты просили его писать почаще статьи на литературные темы. Даже сами заказывали, о чем писать. Причины этого таковы: русских критиков было в Алматы немало, но все они не понимали по-казахски, они знакомились с произведениями национальных поэтов и писателей после того, как их произведения переводились на русский язык. С другой стороны, многие казахские литераторы не могли писать критические статьи на русском языке. А Евней Букетов владел обоими языками, образно говоря, мог писать обеими руками. Потому он стал желанным автором печатных органов республики.

Еще одна большая его статья была опубликована осенью 1953 года в солидном журнале ЦК КП Казахстана «Қазақстан

коммунисі», в 9-ом номере под названием «Критика и библиография на страницах журнала «Литература и искусство».

В советской идеологии в те годы было незыблемое правило: вся партийная печать во главе с газетой «Правда» время от времени печатала обзоры, в которых давалась оценка произведениям отдельных писателей (конечно, выбирались известные), или публикациям литературных журналов, конечно, при этом постоянно выявлялись «политические ошибки». Следить и ставить «в угол» тех, кто посмел свернуть с классовых марксистско-ленинских позиций, они считали своим святым долгом. Правильны ли эти проработки – об этом никто не задумывался; в результате ломались судьбы, иногда трагически обрывалась жизнь попавших под идеологический каток. Но практика поучать всех продолжалась постоянно...

Вышеназванная обзорная статья Е.А.Букетова, опубликованная на нескольких страницах главного политического журнала республики, безусловно, тоже была написана по заказу редакции... Но молодой критик не изменил своим жизненным принципам, когда делал этот обзор примерно двенадцати рецензий, опубликованных на страницах литературного журнала за 1952 год, он не приклеивал позорные ярлыки никому, кого коснулось его перо в том обзоре, никого не обвинил в классовом перерождении, на все смотрел с позиции непредвзятого, не зомбированного красной пропагандой литератора и читателя. Однако, критикуя, он не молился на литературных богов, потому его обзор получился принципиальным, острым и содержательным, плохое критик называл плохим, хорошее – хорошим. Например, Мукашу Сарсекееву, превозносившему «Избранные стихи» Таира Жарокова, Евней Букетов, конкретно указав на определенные недостатки в поэмах «Нарын», «Хлеб», «Песня о Зое», задает вот такие вопросы: почему известный критик умалчивает об этих недостатках, кстати, присущих Жарокову, они ведь были заметны в его ранних произведениях, они остались и в поздних; и эти огрехи у зрелого поэта стали нормой; потому что он зачастую, в разгар вдохновения, отходя от основной темы, начинает расписывать мелкие, вовсе не нужные детали событий, притом часто использует

бессмысленные, трафаретные, избитые сравнения. А почему обо всем этом критику прямо не сказать? Причина в том, что в течение последних двадцати пяти лет у Таира Жарокова печаталось все, что бы ни писал, как бы ни писал. В его адрес пелись хвалебные оды и никогда не высказывалось критики.... «Но почему так неровно творчество Таира Жарокова, почему рядом с хорошими произведениями он публикует примитивные, серые, почему поэт не только не растет творчески, но даже не может достигнуть уровня тридцатых годов, когда им была создана, например, поэма «Поток»?.. – вопрошает обозреватель и, снова обращаясь к коллеге, завершает свою мысль укором: – Но, рецензируя сборник избранных произведений поэта, Мукаш Сарсекеев об этом предпочитает промолчать...»

Такое же замечание обозреватель журнала делает ученому-литературоведу Искаху Дюсенбаеву по поводу его рецензии на роман «Караганда» (автор известный писатель Габиден Мустафин). По мнению Е.Букетова, это даже не рецензия, просто слабый пересказ содержания произведения, роман же заслуживает всесторонней оценки. Далее обозреватель обращает внимание читателей на статью писателя Мукана Иманжанова, опубликованную в журнале «Литература и искусство», в первом номере за 1952 год, о положении в детской литературе и, одобрительно отозвавшись о поднятых им проблемах, тут же замечает: «Автор, занимающийся детской литературой, хорошо знает тему, и поэтому о достижениях и о недостатках говорит честно и прямо». В своем обзоре критик особо останавливается на двух рецензиях С.Кирабаева. Евней Букетов, соглашаясь с положительной оценкой рецензентом сборника стихов под названием «Огни Магнитной горы» Сырбая Мауленова, тут же недоумевает, как он, имеющий несомненно высокий интеллект, мог бездоказательно расхвалить заведомо слабый прозаический сборник С.Саргаскаева «Рассказы о дружбе», утверждая, что он хорошо знает детскую жизнь, школу. «А где доказательства такого утверждения? – спрашивает Е.Букетов. – В статье критика их нет. Между тем С. Саргаскаев как раз плохо знает жизнь, психологию детей. Об этом говорится и в указанной выше статье М.Иманжанова».

Конечно, в статье, опубликованной пятьдесят с лишним лет тому назад, могут быть не совсем соответствующие се-

годняшним дням понятия и взгляды. Время-то изменилось и мы тоже. Несмотря на это, проблемы, поднятые молодым критиком, особенно его высказывания о необходимости постоянного духовного роста литераторов, повышении их мастерства не потеряли своей актуальности и сейчас. Например, вот такие строки: «Критика и библиография у нас значительно отстают от поступательного движения вперед всей казахской литературы. Наши критики рассматривают отдельные произведения писателей вне связи со всем творчеством, вне связи с развитием общества. Большинство критико-библиографических статей, опубликованных в журнале, написаны бесстрастным, сухим языком... Это приводит к тому, что совершенно не раскрываются причины отдельных удач или неудач писателей и поэтов, причем критики забывают, что от них требуется не простая констатация фактов удачи или неудачи автора, а раскрытие причин их для того, чтобы помочь писателю в его дальнейшем росте...»

Мы не без причины углубились в содержание трех литературных трудов Евнея Букетова, чтобы показать сегодняшнему читателю его мировоззрение, интеллект. Прожив в Алматы всего восемь-девять лет, обучаясь в техническом вузе, он вдруг в течение года стал известным в славной когорте литературных критиков. Его боялись и уважали. Его бойкое перо удивляло многих, и, безусловно, обладая безупречным литературным чутьем, он внес в казахскую литературу свежий ветер перемен и здоровую атмосферу.

IV

Над проверкой химической реакции, что рекомендовал московский ученый Г.И.Теплов, соискателю из КазГМИ пришлось потрудиться почти шесть месяцев. По правде говоря, можно было вовсе не делать этого. Во время обсуждения сам Виктор Дмитриевич Пономарев небрежно бросил реплику: «Это на ваше усмотрение, уважаемый Евней Арстанович, как хотите, ведь, Григорий Иванович Теплов не настаивал на этом». Соискатель слишком хорошо знал своего руководителя: его «на ваше усмотрение» было равносильно приказу:

делать! Поэтому исследователь, засучив рукава, снова сел за опыты. Они затянулись на месяцы. Московский ученый не зря выразил свои сомнения, правда, сильно их завуалировав. Как он предполагал, так оно и вышло. После нескольких экспериментов все потвердилось. В результате к тексту диссертации добавилась полуторастраничная схема...

Хотя это заняло порядочное время, соискатель не пожалел, что на проверку этой загадки потратил столько времени и энергии, это приучило его, как бы то ни было, работу выполнять всегда аккуратно и добросовестно, того же самого он требовал впоследствии от своих учеников.

В июне 1954 года на заседании ученого совета Института металлургии и обогащения АН КазССР Евней Букетов предстал со своей кандидатской диссертацией.

Евней БУКЕТОВ, «Шесть писем другу»:

«...Первым оппонентом был один из старейших профессоров нашего института, он особо серьезных замечаний мне не сделал, хотя все же сумел выискать не совсем правильно интерпретированную одну из найденных мной зависимостей. Некоторое замешательство вызвал старый академик нашей Академии, задав ехидный вопрос: «Кто составил вам доклад?» Чтобы нечаянно не запутаться, я решил доклад свой написать и во избежание того, прочитать его. Читал, лишь изредка отрываясь от текста при необходимости показать то или иное место на развешанных демонстрационных чертежах. Старому академику, это, очевидно, не очень понравилось.

Из всех участвовавших в голосовании против меня было четыре голоса из двадцати одного, таким образом, защитился удачно. Четыре человека, которые показали себя «врагами», — как ни говори, были предвестниками хорошего, потому что все-таки не зря четыре года я мучился, за это время, видимо, по крайней мере, «вытоптал» урожайное поле четверых...»

ГЛАВА
ПЯТАЯ

ПТИЦА МЕЧТЫ ПАРИТ В ВЫШИНЕ, С НЕЮ ХОТЕЛ ОН БЫТЬ НАРАВНЕ

«Дома, в столе, среди бумаг мне дорогих
Лежат странички с робкими стихами.
Когда раскрою, чувствую я в них –
Детства неподдельное дыхание.
Не рифмы влекут меня к этим страничкам,
Стихи лишь начало дальней, туманной мечты...
В них дочуркино сердце трепещет, как птичка,
В постижении света, добра, красоты...»

Евней БУКЕТОВ. «Асе».
13 сентября 1976 года

I

Успешная защита диссертации намного укрепила положение Евнея Арыстанулы в институте. Но считать себя полноправным членом коллектива он еще не мог: постановление ученого совета должна была утвердить Высшая аттестационная комиссия; а это было довольно бюрократическое учреждение. в комиссию поступали со всех концов Советского Союза подобные работы, их – сотни, тысячи, они могли пролежать там годы, и бедным соискателям приходилось набираться терпения, чтобы дождаться результата... Эти же испытания пришлось пережить и нашему герою. Но ему повезло: через полгода он получил официальный документ, где было сказано, что он отныне кандидат технических наук. Однако это не поднимало служебного статуса институтского преподавателя. Вести занятия, читать лекции он мог, но чтобы подняться на вторую ступеньку преподавательского звания, требовалось еще два-три года и нужно было опубликовать несколько трудов в научных изданиях...

Эти правила давным-давно в высших учебных заведениях были узаконены соответствующими актами, и Евней Букетов не мог через них перешагнуть. Лишь чуть быстрее, осенью 1956 года он получил с нетерпением ожидаемое звание доцента...

* * *

В тот же год я учился на четвертом курсе КазГМИ. Евней Арыстанулы читал нам курс «Металлургия редких металлов».

В это время ему был тридцать один год. Нам тогда он казался намного старше, и судили мы об этом не только его по внушительному виду, но и по занимаемому им положению...

Помню, на первом курсе нам преподавали супруги К... Оба доценты, знали свои предметы неплохо, отличались обширной эрудицией, прекрасно выглядели, даже стиль одежды у них был на зависть другим преподавателям. Словом, мы, студенты, смотрели на супругов с восхищением... Особенно на супругу Ш.Б., когда она грациозно входила в аудиторию с легкой улыбкой и начинала писать химические формулы на доске своими тонкими, изящными пальцами пианистки, с накрашенными длинными ногтями, мы невольно любовались ею, будто бы перед нами выступает знаменитая актриса. Она читала курс о цветных тяжелых металлах, увлеченно рассказывала о производстве свинца и цинка, мы, казахские парни, выросшие на степных просторах, далеких от промышленных городов, воспринимали произносимые ею технические термины как откровения, как признания в любви. Завороженно смотрели мы на ученую красавицу, не переставая изумляться – как и когда эта симпатичная казашка, чистейше говорившая на русском языке, сумела набраться стольких знаний...

Однако с супругами К... мы не смогли близко общаться. Они для нас были недосягаемыми людьми. Оба держали нас на определенном расстоянии. На вопросы отвечали кратко, по существу, не допуская ничего личного, лишних разговоров. Мы, казахская молодежь, ни разу не слышали от них родной речи. Может быть, они так вели себя, чтобы мы, приехавшие из аулов, скорее привыкли к русскому языку. Но когда не возьмешь в толк некоторые понятия, или не можешь членораздельно выразить свои мысли на русском языке, естественно, ждешь, что на выручку утопающему придет преподаватель, но, увы, супруги-доценты были в таких случаях как бы глухи и немы.

А Букетов? Если сказать, что и он был бессердечным, это было бы против истины. Он с нами разговаривал запросто, порою грубовато, иногда мог и такое отколоть, что хоть стой, хоть падай. Бывало, он, не сдержавшись, ругал нас, окружавшую его молодежь. Его питомец по КарГУ М.И.Жумабеков в

очерке, написанном для биобиблиографического указателя трудов Е.А.Букетова, приводит его откровенное высказывание: «Я всегда ругаю того человека, из которого что-то получится, а того, от которого нечего ждать, как от козла молока, я, похлопав по спине, посылаю подальше...» И мне вспоминается подобное: если у доцента Букетова о чем-то начинаешь спрашивать, он, окинув осуждающе-строгим взглядом, укажет на стул: «Садись», затем отвечает на вопрос. Выслушав, благодарим его. А он опять на тебя так взглянет, как водой холодной окатит, и спросит с усмешкой: «Эй ты, батыр, когда я подробно объяснял, это где ты был, наверное, свою девушку мысленно обнимал, а?». Или: «Что ты такой унылый? Деньги кончились? Какие вести из твоего аула?» – обо всем мог расспросить, даже о житье-бытье. И наши беседы с ним обычно заканчивались наставлениями: «Смотри, батыр! Не пропускай занятий, битье баклуш, праздные шатания могут обернуться бедой. Вылетишь из института – живьем закопаешь своих родителей!»...

Такие слова Евнея Арыстанулы мы всегда воспринимали без обиды, они не вызывали у нас протеста, ибо мы понимали: его нагоняи – это добрый совет старшего брата, предостерегавшего младшего, чтобы не оступился. Некоторые студенты, когда бывали в затруднении, брали у него взаймы деньги. Мы, не стесняясь, делились с ним сокровенным, советовались или просили оказать помощь и не считали это зазорным. Ебеке, расположившись удобнее, как в ауле, начинал неторопливую беседу. На наши вопросы, заданные на родном языке, он отвечал только по-русски. А во время экзаменов, когда кто-то не мог точно передать мысль и переходил на казахский – он не перебивал, лишь потом делал замечание: «Ау, ты, батыр, когда пойдешь на производство, тоже так будешь поступать?» Но никогда не снижал оценку. На оценки он был не жадным...

К нему тянулись не только казахские юноши, но и немногочисленная русская молодежь тоже была с ним в дружбе. Они шли к нему не только с вопросами о металлургии, с ним было интересно говорить на отвлеченные темы, скажем, о литературе и искусстве, мировых новостях. Дело в том, что он был превосходным, умным собеседником, с ним можно было спорить,

не боясь последствий, потому коллеги его называли «ходячей энциклопедией».

Между прочим, читать курс лекций по предмету «Металлургия редких металлов» не так-то просто – он один из самых сложных, так как технология извлечения металлов не очень поддается какой-либо систематизации, по мере развития производства она меняется, причем существенно. Если бы я знал об этом раньше, то никогда не выбрал бы себе специальность, которую получил. Дело в том, что она очень узкая. В природе редкие металлы встречаются в мизерных количествах, добывать их – все равно, что искать иголку в стоге сена, в тысяче тонн руды их может набраться лишь с десяток килограммов; чтобы извлечь их из этой громадной массы, приходится работать несколько месяцев; участвуют в этом процессе сотни людей; а всю годовую добычу редких металлов из недр Рудного Алтая можно увезти на одном автомобиле...

И поэтому производственники, имеющие задание по выпуску того или иного редкого металла, стараются делать это в последнюю очередь, у них главное – дать тысячи тонн свинца, цинка, меди, кадмия и других, более выгодных для предприятия металлов. А цеха редких металлов существуют на всех заводах как вспомогательные. Каким быть такому цеху – обычно целиком зависит от воли директора комбината, от его интуиции, коммерческой жилки, а также от объема государственных заказов, в общем, порой овчинка выделки не стоит... Отсюда и низкий спрос на специалистов такого профиля, найти им работу трудно, куда пойдешь? Инженерам по выпуску тяжелых цветных металлов всегда проще устроиться. Эти тяжелые элементы в Казахстане выпускались многими тысячами тонн, только в Восточном Казахстане действуют несколько комбинатов-гигантов. Они соответственно требуют специалистов-инженеров сотнями.

Что поделаешь, молодость плечами покрепче, а старость головою. Как бы то ни было, в начале нашей учебы на четвертом курсе из 75 студентов металлургического факультета более двадцати, в том числе и я, изъявили желание специализироваться по металлургии редких металлов. Сейчас я понимаю, что здесь не обошлось без влияния доцента Е.А.Букетова.

Лекции Евнея Арыстанулы отличались от лекций других преподавателей, он читал свой курс увлекательно, я бы сказал, с задором, эмоционально. Ведь не секрет, некоторые наши доценты, даже профессора вызывали у студентов зевоту и наводили непреодолимую скуку своими бесконечными уравнениями и химическими формулами. Они ни на йоту не отступали от учебников. А Букетов, хотя и был намного моложе своих коллег по факультету, не придерживался слепо буквы и параграфа учебника, вносил в каждую лекцию живую мысль.

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«...Чтение лекций в русских университетах и институтах считалось самой почетной обязанностью профессора. Сохранилось немало воспоминаний о том, как ответственно относились к этой обязанности такие выдающиеся деятели русской культуры, как Менделеев, Сеченов, Тимирязев и многие другие. И я возмечтал подняться до их уровня... Я считал, что хорошее чтение лекций не только способствует легкому восприятию и дальнейшему усвоению трудного материала студентами, но и полезно для самого преподавателя, ибо дисциплинирует его мысли, чеканит словесные формулировки.

... Мой шеф учил меня, что фразы должны быть афористично-краткими, экономными на слова и в то же время совершенно полно и точно выражающими данное понятие, данную мысль. Впоследствии я понял, лекция должна была собирать и синтезировать главное, что написано у других авторов с возможными дополнениями от себя, и излагаться с точки зрения самого лектора...

Я старался на своих лекциях быть академически строгим, рассчитывал каждую минуту, подражая в этом Дмитрию Викторовичу. И все же не всегда был доволен собой, в особенности в первый год чтения. Например, в самом тщательно подготовленном материале, очень для меня ясном по содержанию и сути, вдруг обнаруживал пункты, где мои толкования оказывались не очень правильными. Покрывшись холодным потом, со стыдом должен был признаться студентам в ошибочности преподнесенных мной определений. Но именно эти тяжелые признания вспоминаю с благодарностью, ибо они внесли в мою самоуверенную

тать лишним еще раз обсудить самые ясные вещи. Молодежь это понимает, а недостатки можно исправлять в последующем».

– По заказу музейных работников французские ученые изобрели «хитрый» замок, который не откроешь никаким ключом. Каждое великое открытие – обыденное и простое – это аксиома в науке. А секрет замка очень прост: действующий механизм его был изготовлен из селена, пропускающего электрический ток тогда, когда его освещают ярким светом. И вот, когда музейные работники, кто был посвящен в этот секрет, карманным фонариком светили в отверстие замка, через потайную деталь проходил электрический ток – и замок мгновенно открывался... – Эту детективную историю Евней Арыстанулы как-то привел в своей лекции, перечисляя редкие свойства селена. И такие занимательные факты нередко украшали его лекции. Конечно, после таких характеристик металлов свойства их запечатлевались в памяти надолго.

Когда Евней Арыстанулы учился в аспирантуре, дополнительной работой его не загружали, а с началом преподавательской деятельности он уже со всем молодым жаром включился в общественную жизнь института. Кстати, в то время, когда у него силы били через край, он только перешагнул тридцатилетний рубеж, и мир перед ним открывался во всю ширь – он по-прежнему увлекался литературой, регулярно ходил в театры, не пропуская премьеры постановок, пользовавшихся шумным успехом. Как коммунист повышал свои политические знания. И все это было ему под силу.

Мы, учившиеся в 1953-1958 годах в этом учебном заведении, свидетели тому: он был членом бюро первичной партийной организации металлургического факультета, отвечал за воспитательную работу среди молодежи; Евней Арыстанулы редактировал многотиражную газету «За инженерные кадры», выходившую один раз в неделю. Это означало, что каждую неделю надо было прочитывать десятки страниц черновых материалов, исправить, переделывать, иные дополнять. Не зря говорят: «Плохой редактор безжалостно сокращает, уничтожая замечательную мысль, а хороший редактор, наоборот, добавляет, делая текст обширнее и лучше».

* * *

В 1957 году, мы, группа студентов четвертого курса, специализировавшихся по редким металлам, вместе с Е.А.Букетовым отправились на производственную практику в Лениногорск (ныне Риддер), на старый свинцовый завод. Мы поселились в гостинице «Алтай». Евней Арыстанулы жил там же, в одноместном номере. После недельного осмотра заводских цехов некоторые из нас изъявили желание устроиться на работу. Руководитель практики посоветовал нам попроситься в экспериментальный цех завода. «Там вы сможете конкретно изучить процесс производства одного из редких металлов из сульфидов свинца», – сказал он. Итак, четыре джигита – Токен Габдуллин, Нуртолеу Мыкишов, наш шустрый друг К... и я устроились в опытный цех, где занимались выделением таллия из отходов свинцового завода. Наша обязанность – получить чистый таллий из раствора. Добытый синевато-серый, очень мягкий, быстро тускнеющий на воздухе таллий мы сушили на электроплите и, сложив его в пластмассовое ведро, столько его набиралось за неделю, сдавали на склад, где он хранился в герметически закрытом контейнере. Занятие, надо заметить, вредное для здоровья, так как соединения таллия ядовиты, во время работы приходилось надевать защитные очки, респираторы, на руки – резиновые перчатки, спереди повязывали еще клеенчатый фартук. В летнюю жару в небольшом, слабо проветриваемом помещении на четвертом этаже трудно было находиться подряд восемь часов. Да и зарабатывали мы там совсем мало, гроши...

Редко встречающийся в природе таллий в основном сопутствует соединениям свинца (это так называемые сульфидные руды). Окиси таллия применяются в оптике, цветной фотографии и в медицинской промышленности, в 60-е годы прошлого века спрос на него значительно возрос.

От выпуска таллия завод не имел никакой выгоды, а, наоборот, затратив много энергии и времени, нес одни убытки. Увеличивать выпуск, очевидно, не имело смысла. Поэтому тем, кто работал на небольшой установке, назначили самую

низкую оплату. До нас здесь работали одни женщины. Когда мы, четверо студентов, присоединились к ним, они, быстро подучив нас управлять установкой, с радостью перешли на другой участок цеха, где можно было заработать больше.

Начальник цеха по фамилии Папондапуло, грек по национальности, почему-то не любил студентов (как выяснилось позже, он окончил лишь техникум и терпеть не мог людей с высшим образованием, боялся, что они подсидят его, отберут у него должность, поэтому по-своему мстил нам, студентам). В общем, мы не очень ладили с ним. Начальник цеха присвоил нам самый низкий разряд, а после окончания рабочего дня заставлял заниматься еще уборкой. Подметать двор приходилось только нам, троим. Наш шустрый друг К... сразу подружился с начальником цеха, вечером, после работы он с ним направлялся в пивнушку, которая находилась за оградой завода.

Свободное после работы время мы, трое неразлучных друзей, постоянно проводили вместе с Ебеке (в студенческие годы мы его называли так, а позднее все питомцы величали его «агай», что означает «старший брат»). Если мы не шли к нему, он сам приглашал нас к себе в номер (хорошо помню, в то время он переводил какой-то роман на казахский язык). На ужин мы ходили вместе с ним в ресторан или в столовую, где питание было приличное. Наш напарник К... почему-то сторонился его, посещал реже, чем мы. Руководитель практики спрашивал причину такого его поведения. Мы отделывались разными отговорками, вроде: «Ему некогда, ищет красавицу-татарочку». Ебеке хохотал так, что стекла окон дрожали, такой был у него неповторимый громкий смех, и говорил: «Как так? Он же казах? Почему не жалует наших девушек, что за каприз или вы шутите?» Мы объяснялись полушутя, что у нашего сокурсника есть серьезный довод по этому поводу, он считает татарских девушек более красивыми, культурными и выше интеллектом, чем казашки, самое главное, они всегда, мол, деликатны, нежно ухаживают за своими мужьями; значит, если женишься на татарке – считай, жизнь удалась на славу... Евней Арыстанулы, должно быть, не очень верил в это, и, опять смеясь, качал головой.

Однажды мы рассказали Ебеке об отношении к нам начальника цеха и о том, что мы помимо основной работы стали постоянными уборщиками мусора. Реакция его была для нас совсем неожиданной: «Два месяца – не такой уж большой срок, потерпите!»

Все же, думаю, то, что его питомцы стали подметалами у зарвавшегося начальника цеха, заставило задуматься Ебеке, почувствовал он и то, что мы уже разочаровываемся в будущей своей профессии, словом, через день-два он пригласил нас в свою комнату, разложил перед нами исписанные листы с рядом химических формул. Когда мы внимательно рассмотрели их, поняли, что это рационализаторское предложение об изменении технологии выделения таллия, чем мы каждый день занимались в цехе. Новая схема давала возможность ускорить процесс извлечения металла и увеличить его количество.

– Уже исполнился месяц, как вы работаете в цехе, – обратился к нам Ебеке, – значит, вам надо показать этому жалкому вельможе, что вы не простые рабочие. А мыслящие люди... Если написанное на этих листах дошло до ваших мозгов, подайте его как рацпредложение...

– А как же так, идея-то ваша?..

– Не моя, это я прочитал давненько в одном научном журнале. Если я предложу, мне могут сказать, что я плагиатор и выйдет эта рационализация мне боком, а вы, как рабочие этого цеха, имеете полное право улучшать технологию...

Еще раз обсудив все нюансы рацпредложения, составив необходимые расчеты, мы переписали суть идеи на чистую бумагу. Каким-то образом это дошло до Папондапуло, и он, вызвав нас в свой кабинет, стукнув кулаком по столу, отчитал нас: «Вы хотите вставить мне палки в колеса, ничего не выйдет у вас!.. Если не бросите эту затею, я вас всех четверых уволю с работы и напишу в характеристике, что вы все отъявленные лентяи, проходили практику плохо!..» Из кабинета начальника цеха мы вышли, как побитые, и когда понуро плелись по территории цеха на свой участок, Токен Габдуллин неожиданно накинулся на К..., к нему присоединился Нуртолеу, они вдвоем повалили его на землю, приговаривая: «Ще-

нок собачий, это ты нас этому греку продал, подхалим несчастный...» – И начали его колотить. Токен был отъявленным матерщинником (но делал он это без злости, о нем мы еще скажем в будущих главах) и горячим по характеру парнем. Я начал разнимать их, заступаясь за К.., так как уже понял, что мои друзья сговорились без меня и затеяли эту драку с умыслом. «Ты не вмешивайся, отойди!» – крикнул Токен и, оттолкнув меня, раз-другой ударил беднягу К... В общем, на обед мы пошли без него, побитый наш сокурсник ушел в гостиницу.

Токен Габдуллин, самый настырный из нас, решил не отступать от своего. После обеда, переписав заново последнюю страницу нашего рацпредложения, теперь уж подписав только втроем, мы занесли его в технический отдел. Начальник техотдела, русский инженер, выпускник нашего института, видимо, от того, что ему наша «идея» понравилась, весело буркнул: «Хорошая затея, ребята, если Евней Арстанович, он же большой спец по этим делам, одобрит – может быть, испытаем на днях...»

На следующей неделе главный инженер пригласил нас троих на заседание техсовета. После небольшого обсуждения все согласились с нашим предложением, приняли постановление о немедленном его внедрении в производство. Самое курьезное, организовать все это поручили тому же Папондапуло. По справедливости сказать, он не стал вредить, думаю, «воспитательная работа», проведенная с нашим другом, преподнесла ему подобающий урок, наверное, решил с нами более не связываться, короче говоря, он активно помогал в проведении опыта. В результате намного увеличился выход таллия... После окончания практики начальник цеха дал нам похвальные характеристики и в конце даже написал, что мы «внесли рационализаторское предложение, в результате ускорился технологический процесс». И особенно в веселое настроение мы пришли, когда все трое в день отъезда получили на руки солидные премиальные, так что сразу забылись все мытарства двух месяцев практики. Евнея Арыстанулы уже не было в Лениногорске, он уехал раньше нас в Алматы.

По приезде мы трое, договорившись заранее, пришли к нему в комнату, где он проживал в то время в нашем институтском

общежитии. Мы считали, что мы у него в долгу и его надо как-то отблагодарить за услугу. Движимые этим благородным чувством, половину той премии мы выложили на стол. Он, подробно расспросив о результатах осуществления эксперимента, оттолкнул конверт с деньгами в нашу сторону и сердито произнес: «Джигиты, все это обратно положите в свои карманы». Мы же в те годы были неискушенными, простодушными юнцами и тут же стали настойчиво приглашать его в ресторан. Ебеке иронически улыбнувшись, покачал головой: «Всему свое время, батыры. Следующим летом вам предстоит защита дипломов, на эти деньги купите себе приличные костюмы, так будет правильнее. Эти костюмы, считайте, я вам подарил...» Как можно было возразить при этом? Мы без спора согласились и уже хотели уйти, когда Ебеке вдруг спохватился: «Эй, вы, подождите, кажется, рацпредложение вы оформляли вчетвером, куда делся ваш четвертый товарищ?» Два моих друга со значением посмотрели на меня, дескать, «выручай». И я с серьезным видом ответил: «Ебеке, он же в Лениногорске в ту пору встретил зазнобу-татарку, до рационализации ли ему было? Сам отказался». Ебеке явно заподозрил здесь какой-то подвох и зная, что я немного сочиняю в таких случаях, стал допытываться: «А что вышло из его ухаживаний?» Мои друзья тут же в один голос подтвердили мою версию: «Ой, агай, все получилось замечательно, думаем, где-то в преддверии защиты дипломного проекта он будет справлять свадьбу...» Евней Арыстанулы не очень поверил нашему вранью, но, ради справедливости скажу, насчет свадьбы сокурсника наше предположение полностью оправдалось...

II

Евней Арыстанулы в эти годы не забывал своей музы, это у него было навсегда. Недаром Александр Блок, один из его любимых поэтов, писал: «Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней...» Из-под его пера в этот период вышел ряд статей. Одна из них, на наш взгляд, самая серьезная и глубокая, была опубликована в «Казахстанской правде» (4 апреля

1954 года) под названием «У истоков великой дружбы» и была посвящена разбору первой книги романа известного казахского писателя Габита Мусрепова «Пробужденный край». Литературная общественность столицы снова всколыхнулась, прочитав два газетных подвала его нового выступления. «Смотрите, что себе позволяет этот партизан-бузотер из горного института, опять полез в чужой огород!» – говорили они. «Неужели он не нашел более подходящего для себя занятия, чем пускание крови наших корифеев?» – возмущались интеллектуалы.

Между прочим, после ознакомления с этой статьей, помещенной в «Избранных сочинениях» Е.А.Букетова под названием «Сокровенное», я пришел почти к такому же мнению. То ли время было такое, то ли кичливая, беспощадная молодость в нем бурлила, как бы то ни было, под огонь его критики попал патриарх казахской литературы, замечательный писатель. Честно говоря, я поразился резкому тону статьи, как мне кажется, в нейдопущены необоснованные выпады...

Статья начинается словами: «Такой эпический роман для казахского общества – большое событие, огромное достижение национальной литературы». – Далее, анализируя произведение, Е.Букетов отмечает: – «Роман написан образным, сочным языком. Это несомненное достижение автора, свидетельствующее не только о широких возможностях казахского языка, но и о большом значении вдумчивого изучения писателем лучших творений русской литературы». Затем в статье анализируется, как в романе отражено классовое расслоение в Степи, как ранее занимавшийся животноводством кочевой народ в XIX веке вступил в новый этап исторического развития. Описывая тот период, критик берет для разбора типичные судьбы двух бывших кочевников – Буланбая и Сугура, то, как они попали в Караганду и Акбуйрат – в те годы открывшиеся промышленные объекты, и отмечает, что автор, мол, правдиво описывает в своем романе изменение их психологии. Фактически такие добрые отзывы продолжаются почти до середины рецензии «У истоков великой дружбы». А после?

Листая страницы дней минувших, мы зачастую не придаем значения бушевавшим тогда страстям, политическим

установкам, особенностям характеров отдельных личностей и преследуемым ими целям... А ведь из этого складывается лицо эпохи. Может быть, критик желал отличиться перед ЦК, следуя господствовавшей в то время идеологии, или таков был заказ партийной газеты, кто знает, в общем, другая половина рецензии – это сплошное перечисление недостатков этого значительного произведения национальной литературы. Недостатки, отмеченные критиком, особенно выпирают. Словом, получилось как в пословице: «Плохое колесо сильней хорошего скрипит...»

Евней Букетов нашел изъяны в образах вначале незаметных персонажей, а впоследствии играющих значительную роль в романе некоторых русских людей. К особенно неудавшимся он отнес образ Елизаветы Быковой, подвергнув сомнению ее революционную убежденность. Автор статьи свои выводы аргументирует следующим суждением: марксизм в годы, описанные в романе, еще не получил широкого распространения... Поэтому Елизавета Быкова – нереальная фигура. При этом автор не учел противоречивости деятельности и духовного облика революционно настроенной русской интеллигенции того времени, не имевшей правильной и ясной теории и конкретной цели, что и нашло отражение в этом образе.

Второе действующее лицо из русских – Никон Ушаков, так же, как утверждает критик, исторически неверно раскрыто. Несмотря на то, что он капиталист, зарабатывающий деньги на чужом горбу, в романе он всем помогает, всегда старается облегчить труд казахских рабочих, даже, как щедрый филантроп, он стремится к тому, чтобы казахские дети учились в технических школах. Якобы он все это делает для того, чтобы всех казахов превратить в рабов для еще большей эксплуатации. Но ведь Никон Ушаков не смог противостоять таким магнатам, как Рязанов, не проявил твердости характера, свойственной русским купцам. В конечном счете, сострадальный купец потерпел поражение. И поэтому в романе идущий вроде на подъем образ легко выпадает из поля зрения читателя.

«Группируя так события и ситуации, писатель не смог глубоко, всесторонне показать подлинный облик предпринимателей, не создал цельных, психологических образов рыцарей

наживы, объективно прогрессивная роль деятельности которых не является результатом их мнимой филантропии, – замечает критик. – Их деятельность была прогрессивна вопреки личным стремлениям...»

Окончательное мнение критика сводится к тому, что зарождающаяся казахская интеллигенция в романе показана очень бледно, поверхностно, дальше слабых попыток высветить ее общественную деятельность у писателя дело не пошло. И доходит даже до того, что навязывает свое мнение автору, рекомендуя учесть его при создании второй книги романа. «Хочется надеяться, что, работая над продолжением романа, Г.Мусрепов еще вернется к первому тому и сумеет исправить и дополнить то, что в первом издании книги вызывает неудовлетворенность. Такая работа сделает произведение еще более значительным, художественно ценным» – заканчивает он свою статью.

Пересказывая содержание этой статьи, мы, наверное, не смогли передать и одной десятой доли из того, что критик хотел сказать. Однако и без того ясно: из статьи следует, что образы русских персонажей описаны в романе слабее казахских, даже неверны. Это, кстати, очень тяжелое обвинение. Молодой критик, к тому же любитель-литератор, указывает маститому писателю и советует пересмотреть некоторые художественные концепции его выстраданного детища.

Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Тем более, если оно растиражировано республиканской газетой. Мы уже говорили о разном восприятии этой статьи литературной общественностью. Но читателю нынешнему, думаю, гораздо интереснее узнать, как поступил сам Габеке в этой весьма щепетильной ситуации.

«Однажды Габит Махмудович, позвонив домой Евнею, сообщил ему, что хотел бы встретиться с ним. Евней не растерялся, пригласил его к себе домой. Разумеется, в его доме был переполох, ведь известного писателя надо было встретить достойно. Естественно, мы успели кое-что подготовить, с волнением стали ждать гостя... Он пришел точно в назначенное время. Полноватый мужчина, среднего роста, в темных очках, в лет-

нем костюме, с портфелем в руках. Поприветствовал нас, расспросил по исстари заведенному обычаю о здоровье наших родных и близких. Потом спросил: кто я? Услышав от Евнея, что я его младший брат, вроде бы успокоился и начал обстоятельную беседу с Евнеем. Вначале разговор шел о наших родных местах, ведь, мы с ним земляки, наши аулы расположены близко друг от друга... И вот, наконец, они переключились на ту тему, что послужила причиной встречи. Это было уже после традиционного чая, поданного хозяйкой. Габит-ага достал свою книгу «Пробужденный край» и рецензию моего брата «У истоков великой дружбы». Я, чтобы не мешать, уединился подальше, в угол квартиры. Но я внимательно слушал их разговор, который продолжался два с половиной часа.... – вспоминает автор книги «Брат мой, друг мой». Надо учесть и то, что в это время Камзабаю Букетову было двадцать пять лет, он хорошо понимал суть разговора и все запомнил... – *Затем они стали долго и скрупулезно разбирать каждое предложение той статьи и соответствующие страницы в книге. Беседа их шла спокойно, на вежливом, светском языке, свои эмоции они сдерживали и разговаривали очень уважительно. Из всего, что происходило, мне понравились такт, степенность именитого писателя, он ни разу не повысил голос, не ввязался в спор, как аксакалы нашего аула, каждое слово Габит-ага было взвешенным, доверительным, ровным...»*

Как видим, ожидания обывателей того, что между писателем и критиком произойдет свара, не оправдались. Почтенный писатель – он был на целых двадцать три года старше своего критика – не посчитал для себя зазорным направиться с визитом к Евнею Букетову. А молодой преподаватель КазГМИ, восприняв этот шаг старшего как проявление дружеского отношения к нему, не стал упираться, стоять на своем, признав, что в статье допущены некоторые сугубо личные суждения, видимо, попросил извинения, в результате и старший, и младший поняли друг друга...

Нам известно, что после той встречи между ними завязалась большая дружба, которая продолжалась около тридцати

два хороших человека, то расходятся друзьями». И напрашивается поучительный вывод: именно в этом проявились их неординарность и дальновидность, зрелость и возвышенность ума и сердца.

* * *

В архиве ученого, конкретно в списке «Литературные труды» Е.А.Букетова, отмечено, что в период 1954-1958 годов он активно участвовал в литературной жизни республики, в частности, в газете «Казахстанская правда» были опубликованы его рецензии на спектакли по произведениям казахской драматургии. Вот некоторые из них: о драме Сабита Муканова «Чокан Валиханов», которую показал Чимкентский драматический театр на гастролях в Алматы; о «Поэме о любви» турецкого поэта Назыма Хикмета, поставленной на казахском языке; статья о новой драме Шахмета Хусаинова «Вчера и сегодня», которую ставили в Казахском академтеатре; здесь же его отчет о новой пьесе Абдильды Тажибаева «Майра»; а под рубрикой «Творческий портрет» помещен его очерк, посвященный жизни и творчеству народного артиста Казахстана Серке Кожамкулова. Далее мы читаем его заметки о новом спектакле республиканского русского театра им. М.Ю.Лермонтова по пьесе З.Шашкина «Степное зарево». В них он бегло коснулся содержания исторической драмы, рассказывающей о народном герое, революционере Токаше Бокине, зато по косточкам разобрал неубедительную игру русских актеров, выступавших в роли казахов, отмечая фальшивость игры и слепое копирование театральных штампов. С досадой критик отмечает, что только по одежде, чапанам и головным уборам – тымакам, можно догадаться, что на сцене – казахи, во многих эпизодах степняки говорят и выглядят, как разнаряженные куклы. В общем, получился не театр, а балаган.

Помимо названных статей, благодаря рецензии Е.Букетова русскоязычные читатели получили возможность ознакомиться с содержанием нашумевшей в те годы комедии узбекского драматурга Абдуллы Кахара «Больные зубы», поставленной Казахским драматическим театром...

Просматривая перечень рецензий и заметок, мы заметили одно обстоятельство: число публикаций, начиная с 1953 года, постоянно увеличивалось в течение четырех лет, а с 1957 года резко пошло на убыль. Скажем, за 1957-1958 годы Евней Арыстанулы написал всего три небольшие рецензии, притом последняя из них – лишь обзор «Два спектакля наших гостей» (о гастролях Чимкентского театра в Алматы). Ясно, все они были написаны по заказу редакции «Казахстанской правды», скорее всего по просьбе авторов драматических произведений.

Разумеется, на сценах театров иной раз ставились и такие произведения, где не было острых конфликтов, никаких столкновений, все было обыденно и скучно. Кто сейчас вспомнит спектакли, которые мы перечисляли, и кто скажет, какие из них вошли в золотой фонд казахского искусства? Значит, критик был связан по рукам и ногам, волей-неволей он должен был написать добрый отзыв, закрывая глаза на существенные пробелы в самой драме, расхваливая явно слабые пьесы, а если спектакль получился неудачным – то уж здесь «вину» приходилось валить на режиссера-постановщика и участвующих в ней актеров, которые не смогли из настоящего произведения создать очередной шедевр. Например, в известной драме А.Тажибаева знаменитая певица Майра Увалиева-Шамсутдинова была превращена в пламенную революционерку, большевичку, бичующую своими песнями баев – ярых противников советской власти. А на самом деле она была лишь профессиональной певицей, мастерски исполнявшей под аккомпанемент гармони казахские, русские и татарские песни на базарах и ярмарках. Она была, безусловно, талантлива и пользовалась любовью публики, в жизни же, бросив вызов обычаям и семейным традициям, она осталась глубоко несчастной женщиной и умерла в нищете... Драматург же все исказил драму, конфликт, заложенный в ее основу, был искусственным, ничем не отличался от прежних – избитых социальных схем, потому и сценическая жизнь «Майры» была недолгой. При этом Евней Букетов, при всей своей напористости и раскованности не мог открыто говорить плохо о произведениях своих бывших покровителей Ш.Хусайнова и А.Тажибаева, иначе эти

аксакалы могли смертельно обидеться. Видимо, это обстоятельство вынудило критика отойти не только от театрального жанра, но и вообще от литературной критики (не будешь же постоянно нарываться на неприятности, писать злые, бичующие чьи-то пороки статьи), поэтому он свои увлечения направил в другой жанр, тем более у него там неплохо получалось...

В 1953 году из печати вышла повесть И.Василенко «Артемка», переведенная на казахский язык Евнеем Букетовым. В следующем году Казгосхудлитиздат выпустил в его переводе сборник произведений классика французской литературы Эмиля Золя «Рассказы и статьи». Сатирическая комедия В.Маяковского «Клоп» в его переводе вошла в сборник «Пьесы», выпущенной в 1957 году. Через два года он издал перевод романа известного мастера болгарской прозы Ивана Вазова «Под игом».

Между прочим, все они были переведены, как мы выше отметили, всего за четыре года. Читатель уже знает, что в эти годы он закончил аспирантуру, успел получить диплом кандидата технических наук, мало того, еще опубликовал многочисленные критические статьи, вел преподавательскую работу в КазГМИ, успешно справлялся с другими нагрузками, активно выполнял общественные поручения. Невольно подумаешь, как он везде успевал?

В статье «Как дела, художественный перевод?», опубликованной в газете «Лениншил жас» за 4 июля 1975 года, Евней Арыстанулы, ведя речь о переводе лучших произведений национальной прозы на русский язык, с болью и возмущением говорит о том, как московские писатели искалечили образный, сочный, колоритный язык казахских мастеров пера: «Давайте прочитаем первые два предложения знаменитого романа Габита Мусрепова «Пробужденный край», кстати, наши читатели наизусть знают начало замечательного произведения классика. Потому что именно эти два предложения сразу же втягивают читателя в водоворот событий, это бесспорная аксиома. Переводчик А.Садовский в своем переводе, изданном в Москве в 1962 году, эти предложения подает так: «Аулы двух баев жили и кочевали в яростном соперничестве и непримиримой вражде, никогда не теряли один другого из виду и

остановились на этот раз в самом соседстве...» А в новом переводе, выполненном Н.Гордеевым и В.Дудинцевым (издан в 1972 году), эти же строки звучат: «И опять сошлись и теснят друг друга в яростном соперничестве два богатых аула, расположенные на очередной стоянке по пути к осенним пастбищам. Белые юрты пока не поставлены...»

О переводе лишь двух предложений Габеке на русский язык в двух публикациях можно говорить долго, оба перевода не только не доводят до читателя самую соль первоисточника, но еще и сильно обедняют мысль автора. Значит, оба перевода не сохранили подлинную суть этих двух предложений, их содержание и художественную красоту. А такого, скажем прямо, достигает только подлинный мастер слова».

Автор статьи сознательно берет для сравнения два перевода преуспевших в этом московских писателей. И Садовский, и Дудинцев, и Гордеева в то время были на коне, тем не менее они не справились с переводом лучшего казахского романа. Почему? По мысли автора, высокохудожественные произведения казахской литературы доходят до русского читателя в неузнаваемом, уродливом виде, значительно уступают оригиналу, зачастую перевод их поставлен на поток, для галочки, с тем, чтобы не говорили, что в Москве вовсе не занимаются ими. «В основном у нас не так мало переводится. Но как переводится?» – с горечью вопрошает Евней Букетов.

Дело еще и в том, что переводчики с казахского на русский язык вообще не знают ни слова по-казахски, и перевод сводят к художественной обработке подготовленного для них подстрочника, а его делают люди, которые знают оба языка, но у них не достает словарного запаса, они не могут проникнуть в глубину текста, у них отсутствует художественное чутье. Посредник между автором и переводчиком не знает и не совсем понимает скрытый юмор, манеру письма Мусрепова, потому он толкует все по своему разумению, меряет на свой аршин. А понимает он не так уж много, да и торопится скорее закончить подстрочный перевод и получить гонорар за свой труд, свои жалкие гроши. Можно ли требовать от него полноценной работы и высокого качества при таком отношении к переводу

классических произведений? Фактически несправедливо на них обижаться. Но как выйти из этого круга неудач? Вот главная мысль автора: профессиональный переводчик должен быть представителем того народа, к которому принадлежит переводимое произведение, и он обязательно должен знать оба языка в совершенстве, кроме того, обладать литературными способностями, быть опытным писателем!..

И тут невольно напрашивается крамольная мысль: почему наши маститые литераторы, тот же Габит Мусрепов, Сабит Муканов или руководители Союза писателей Казахстана, отлично зная несомненный талант Евнея Букетова, в совершенстве владевшего русским языком, зарекомендовавшего себя высококвалифицированным переводчиком романов, повестей с русского, не предложили ему: «Евней, не попробовать ли тебе переводить с казахского на русский кого-либо из нас?..» Досадно, но он ни разу подобного предложения ни от кого из них не услышал, а сам не напрашивался, наверное, считая это неуместным. По-видимому, здесь сыграла свою роль наша закоренелая и вредная привычка не замечать, не ценить рядом находящиеся таланты, а искать авторитетных переводчиков за тридевять земель, в Москве («Как же, мои произведения переводят московские литераторы!»), и эта, по сути, ложная самооценка многие годы была преобладающей в среде казахских писателей, что нанесло непоправимый вред становлению доморощенных переводчиков...

Хотя, справедливости ради, следует сказать, что однажды в 1955 или 1956 году его пригласили в ЦК КП Казахстана и предложили стать собственным корреспондентом союзной «Литературной газеты». Но он отказался, мотивируя свой ответ тем, что он научный работник и желает таковым остаться.

– А литература? – спросил партийный чиновник.

– Это мое хобби, в свободное время увлекаюсь, в основном для души... – лукаво ответил Букетов.

И это было истинной правдой. По этому поводу он позднее писал: «Как я смотрю на свои литературные труды? Смотрю хорошо, с удовлетворением. Это переводы и рецензии. Причины, толкавшие писать много, возникли от духовной потребности... заниматься переводами начал из желания помочь сво-

им соотечественникам, которые плохо владели русским языком, вследствие этого не могли знакомиться с шедеврами мировой литературы. Мне нравился процесс переводческой деятельности: он неимоверно труден, зато получаешь творческое наслаждение... Большое счастье иметь возможность отказаться от того, в чем ты начал сомневаться, дать себе отдых и подумать над тем, что ты делаешь. Я имел возможность отказаться от писания. Вернулся к писательскому труду тогда, когда понял, что мне есть о чем писать, есть мысли, знания...»

III

Евней Арыстанулы и Зубайра Дуйсенкызы как будто друг друга нашли после долгих поисков. Такое сочетание супругов редко бывает в жизни, они жили в мире и согласии, у них совпадало почти все – избранная профессия, взгляды на жизнь, желания, спокойные характеры, гостеприимство. Они понимали друг друга с полуслова, довольствовались тем, что есть, не искали несбыточного, материального достатка сверх меры. Близкие, просто знакомые друзья-товарищи шли к ним с удовольствием, несмотря на то, что они в то время ютились в одной комнате многоквартирного дома, не очень удобного для жилья, но она им стала уютным семейным очагом.

Евней, с молодых лет поставивший перед собой высокую цель, ни на шаг не отступал от нее: получил высшее техническое образование, успешно начал научную карьеру. По его примеру все четыре младших брата, во всем подражая своему «Бапа», также закончили технические вузы. Материальное обеспечение матери, которая по-прежнему жила на родине, лишь попеременно отправляя младших сыновей по требованию Евнея в Алматы (последыша в Караганду), он полностью взял на себя. И, конечно, вслед за ним в Алматы первым приехал и поступил учиться Камзабай. Он вынужден был с юных лет работать и среднюю школу не смог закончить. Когда ему уже было за двадцать, старший брат потребовал: «Пока не обзавелся семьей, учись!..» В 1953 году Камзабай поступил в Алматинский строительный техникум. После него ехать в Ал-

маты подошел черед братьям Жартасу и Шабдану. Оба учились в том институте, где Евней работал, и успешно закончили горный факультет КазГМИ. В учебе всем им значительную помощь оказала и Зубайра Дуйсенкызы, она опекала младших Букетовых, заменяя всем им мать. Зубайра, сама выросшая в многодетной семье, никого из молодых Букетовых не упрекала ни в чем, по-матерински ровно и ласково относилась ко всем. А Шабдан постоянно жил у них, так как учился в алматинской средней школе...

Молодым супругам нелегко было вынести эти заботы, не зря говорят: дом с детьми – базар, но они не роптали...

А вот своих детей им Аллах не послал и от этого они чувствовали себя несчастными. Как бы они хотели, чтобы в их доме раздался звонкий детский смех... Но, увы... Со временем отсутствие дитя начало нарушать идиллию согласия, тепла и уюта в их очаге уже не было.

В книге «Родник Евнея» опубликовано стихотворение, вынесенное нами в эпиграф этой главы, оно посвящено «Асе». А она – первенец его брата Шабдана, смышленая девочка училась в школе только на «отлично», писала стихи уже в младшем возрасте. «Сейчас дочка нашего клана по воле судьбы живет под Миланом в Италии...», – сказано в автобиографической книге К.А.Букетова. «Мой младший Гайса тоже учился хорошо. Сейчас живет в Алматы со своей семьей, имеет детей, пошел по стопам брата Евнея, занимается наукой, пока кандидат химических наук, – пишет Камзабай Арыстанулы в ответном письме по моему конкретному запросу, касающемуся старшего брата. – Зимой брат два-три раза в неделю приходил к нам домой, особенно долго разговаривал с Гайсой, чему-то его обучал, и то, что раньше задавал ему, повторяли, посидев пару часов, затем довольный уходил в свою квартиру. За четырнадцать лет совместного проживания в одном доме он ни разу не изменил этой привычке. Мы с супругой Бикен, естественно, любили своих птенцов не меньше его, но мы поражались, что он любил детей как-то по-особому. Евнея обожали все дети, так как он проявлял нежность и человечность в отношении к ним, особенно много внимания уделял воспитанию ребят, у которых

были хорошие задатки к учебе, он их всегда и постоянно опекал. Поразительно было то, что он никогда не показывал, кого из детей любит чуть больше, чем другого...»

Здесь описано характерное для Евнея Арыстанулы поведение, когда ему уже перевалило за пятьдесят. Особая любовь к детям – черта характера Евнея Арыстанулы, можно сказать, приобретенная с рождения. Иметь ребенка, счастья стать отцом он так и не испытал, прождав его много лет. Не трудно понять всю глубину его душевной драмы. Одновременно эту драму переживала и Зубайра Дуйсенкызы. Ее страдания были еще тяжелее, чем у мужа: за долгие и унизительные обследования у врачей-гинекологов она уже поняла, что причиной бездетности является она сама. Мало того, она знала самое страшное, что поправить это – уже невозможно...

Эти мучения супругов становились с каждым днем все более невыносимыми, а терпение, несмотря на их природный такт и уравновешанность, начало все равно иссякать. Взаимная любовь и привязанность шли на убыль, из года в год они приближались к роковой черте.

«В то время я учился в техникуме. Было лето 1956 года. Однажды мать мне сказала: «Евней решил разойтись с милой Зубайрой. Причина развода – нет детей. Аллах свидетель, я очень полюбила ее, всегда думала, что строптивому по характеру Евнею сам Всевышний послал умную, спокойную женщину. Как услышала о намерении Евнея, лишилась сна... Единственный выход, чтобы они не развелись – эту маленькую девочку, которую я воспитываю, отдать им, чтобы они удочерили ее...» Она имела в виду трехлетнюю дочку дяди Маутая, у которого скоропостижно скончалась жена, девочка осталась сиротой, и наша мать взяла ее к себе, звали ее Асима. В то время ей было чуть больше трех лет. Короче говоря, когда я возвращался в Алматы на учебу, то взял ее с собой. Брат и сноха меня встретили на вокзале, и там я сразу почувствовал по их выражению лиц что-то неладное, – так в очередном письме мне писал Камза-еке в августе 2003 года. – *На следующий день начиналась учеба, поэтому я быстро ушел в общежитие. В субботу снова пришел к ним домой. Зуке ребенка искупала, подстригла ей волосы, одела*

во все новое. Асима стала маленькой красавицей. Смазливая девчушка, быстро привыкнув к Зуке, не отставала ни на шаг, везде следовала за ней. На душе у меня стало теплее. Я просто поразился мудрости нашей матери... Брата дома не было, я не стал спрашивать, где он, обрадовавшись, что дело пошло на лад, ушел в общежитие.

Через несколько суток я снова пришел, Зуке мне сообщает: «Отпросись с занятий, надо этого ребенка отвезти к матери. Асиму привезли к нам поздновато, с твоим братом мы окончательно решили развестись. Евней ушел жить в общежитие...» — сказала так, как будто мне по голове обухом ударила. Некоторое время мы оба сидели молча, потом как бы излив души, что-то друг другу сказали и даже прослезились. В тот час пришел Евней. Мне принес билет на прямой поезд в Петропавловск (в это время уже действовала прямая железная дорога Моинты-Чу, эта дорога сократила время проезда почти втрое. – М.С.). *Сходив к директору техникума, он попросил освободить меня от учебы на одну неделю. Что поделаешь, беспрекословно выполнять, что говорит брат — с малых лет для меня неписанный закон. Как побитый, захватив девочку, отправился в родной аул. Когда приехал, получил хорошую взбучку от матери: «Почему ребенка обратно привез, я же тебе сказала во чтобы то ни стало через Асиму их помирить?!..» — кричала она на меня и долго проплакала. Сейчас, я думаю, она очень любила свою первую сноху, с острой душевной болью переживала за тяжелую судьбу Евнея, верила в высокие человеческие качества Зуке, что она хорошая супруга сыну, и нам отличная сноха. Видевшая разные жизненные ситуации наша мать по этому поводу нисколько не ошиблась...»*

IV

Студенты часто окружали Евнея Арыстанулы, у него был притягательный, общительный характер. Кроме того, этому способствовало и то, что он в те годы, когда мы учились на последних курсах, жил в студенческом общежитии, был уже холостяком...

Однажды в один из вечеров я пришел к нему в комнату, чтобы показать свой новый рассказ. Иногда он собирал груп-

пу студентов в своей комнате и зачитывал нам отрывки из комедии В.Маяковского «Клоп», которую в это время переводил. На таких вечерах я, тоже грешивший сочинительством, нередко делился своими соображениями, и поэтому мой визит к нему со своим рассказом был неслучайным. Евней Арыстанулы, бегло перелистав мое «творение», изрек: «Приглашай джигитов, кого найдешь, сейчас же прочитаем». Я привел несколько своих дружков и начал читать свой рассказ.

Этот рассказ до сегодняшнего дня не опубликован. Видимо, не совсем достоин этого. В моей памяти запечатлелось его название: «Обманутая надежда», а сюжет был таким: алматинский студент, влюбившись в привлекательную девушку, которая проживала в другом городе, соскучившись по ней, неожиданно приезжает туда и, встретив любимую в объятьях другого парня, тут же уезжает обратно...

Прочитал его минут за двадцать. Кончив, жду суда товарищей.

– Ну, высказывайтесь, – требует Евней Арыстанулы.

– По-моему, герой рассказа – слишком хлипкий парень, за свою любовь надо бороться, а он, молча проглотив обиду, уезжает обратно, – сказал один из слушателей.

– Ну, как не уехать, если та красавица, которой он свято верил, оказалась склонной к измене и перемене, как ветер мая. Такую вертихвостку нельзя изображать красавицей, надо ее показывать кривоногой...

– Правильное замечание! Даже лучше, если еще и узкоглазой показать, у которой не все шарики в голове...

– По-моему, ты в нашем институте зря вертишься. Тебе нужно было поступать в университет, на филологический факультет, лучше на журфак... – заметил еще один из умников. – Вы же, Ебеке, не знаете, что он во время лекций иногда пописывает вот такие свои литературные опусы...

Понемногу мои знакомые, острые на язык, вместо того, чтобы обсуждать мой рассказ, перешли на подковырки и насмешки в мой адрес. Евней Арыстанулы пока молчал. Мои же друзья, войдя во вкус, уже сделали вывод, что «кто погонится за двумя зайцами, ни одного не поймает». В общем, разгорелся вечный спор о физике и лирике.

– Вы не по той тропе пошли, джигиты! – Громко хохоча, воскликнул Ебеке, наконец. – Вы же с удовольствием читали новый роман Даниила Гранина «Искатели»? Потому что в романе описывается близкая вам среда, люди производства. А вы знаете, что автор романа – технарь? Благодаря этому он сумел верно, изнутри показать производственную атмосферу, создать правдивые образы своих героев – ему это все знакомо, так как сам он когда-то работал в цеху. Так что, ребята, зря не критикуйте своего товарища...

Далее Ебеке по поводу моего рассказа высказал ряд замечаний, но в основном одобрил сюжетную канву, скорее мое стремление к творчеству, таким образом, тех, кто на меня ополчился, сразу утихомирил... Сегодня же я думаю, что Евней Арыстанулы, несмотря на заведомо слабый рассказ, меня не зря поддержал...

Позднее в одном из первых номеров нашей институтской газеты «За инженерные кадры» был опубликован мой очерк «Наш любимый профессор». Подтолкнул меня к написанию этого очерка Евней Арыстанулы.

– Тебе известно, что нашему математику Николаю Степановичу в ближайшее время исполняется семьдесят пять лет? – спросил он меня.

– Знаю.

– А если я тебе, как редактор, закажу очерк о нем?

– О, агай, не смогу, ведь надо писать по-русски... – замялся я. – Освободите меня от этого поручения...

– Пиши на казахском, вообще все, что думаешь об этом чудесном человеке. Ведь он ваш любимец... Если сумеешь создать стоящий очерк, за переводом дело не станет.

Профессор Старков был уважаемым человеком. На первых двух курсах он преподавал нам высшую математику, читал свой предмет прекрасно. Чудаковатый и бесхитростный по характеру, он одновременно был, когда требовалось, очень строгим человеком. Его биография просто поразительна: защитил кандидатскую диссертацию, когда ему исполнилось 66 лет; накануне своего 75-летия получил звание профессора; а по специальности, как ни странно, он был геодезис-

том, в 30-е годы он вдоль и поперек исколесил казахскую степь – от берегов Каспия до снежных вершин Алатау, производя топографические съемки для географических карт.

Разумеется, писать о таком необыкновенном человеке с уникальной биографией не составляло особого труда, Но я решил не повторять анкету по учету кадров, а начал свой рассказ с одного частного случая, произошедшего лично со мной.

Это произошло на первом курсе, в 1953 году, на первом же экзамене...

– Уважаемый, как это так! Ты не ответил на два вопроса билета. Знаний – ноль!.. – сказал профессор Старков, сердито толкнув мою зачетку. Я угрюмо молчал. – Как же с такими слабыми знаниями ты сумел поступить в наш институт?..

Понуро склонив голову, я еле слышно произнес:

– Я медалист.

– А-а. что ты сказал? – профессор почти закричал. – Какая медаль?

– Зо...зо-ло-тая...

Кинув зачетную книжку на стол, профессор удивленно взглянул на меня и сказал:

– Ну-ка, мил человек, проверим твою медаль на зубок. Настоящая или фальшивая?

Он тут же написал в моей тетради уравнение с двумя неизвестными. Это была задача для школьника. Я легко справился с ней. Николай Степанович, проверив решение, подкинул еще пару уравнений, притом писал их, не глядя в книжки, придумывая на ходу. Эти оказались более сложными. К счастью, потратив на них четверть часа или чуть более, я справился и с ними. Профессор мой несколько подобрел, покачав своей седой головой, продолжал испытание... Над следующими задачами я потел целый час. В общем, пока двенадцать человек из нашей подгруппы не сдали экзамены, я сидел возле Старкова почти три часа.

Наконец, мы остались в аудитории вдвоем.

– Уважаемый, медаль твоя действительно золотая!.. – буркнул Николай Степанович не то брюзгливым, не то умиротворенным голосом. – Вижу, голова твоя нашей закалки, но в чем

дело, почему ты не ответил на вопросы, поставленные в билете? Выходит, высшую математику ты не желаешь знать, что будем делать?

Я объяснил, что окончил аульную школу, его лекции в первые дни совсем не понимал...

– Ясно, мил человек, надо было подойти ко мне, остаться на дополнительные занятия, а ты, наверное, стеснялся... Попросить никогда не зазорно, а не знать предмет – это уже никуда не годится!.. Короче, сейчас я тебе поставлю авансом тройку. Если я так не сделаю, тебя исключат из института или, в лучшем случае, лишат стипендии. Словом, со второго семестра мы вдвоем с тобой заново возьмемся изучать основы высшей математики...

Куда же мне было деваться, оставалось только благодарить ставшего вдруг снисходительным экзаменатора. А во втором полугодии на изучение высшей математики я бросил все силы. И подстегивал меня сам профессор Старков. Короче говоря, к летней экзаменационной сессии по этому предмету я подготовился основательно...

Николай Степанович был доволен мною, я бойко ответил на все вопросы контрольного билета, но он в зачетке моей поставил оценку четыре. Я же рассчитывал на пятерку и, насупившись, попросил задать мне дополнительные вопросы. Николай Степанович вместо ответа громко рассмеялся, хитровато взглянув на меня: «Дорогой, ты уже забыл, как мы договаривались зимой! В тот раз я тебе один балл дал в долг, сейчас его возвращаю, значит мы уже квиты... Если и на следующем экзамене будешь отвечать так, как сегодня, считай пятерка тебе обеспечена, я не жадный на оценки!..» – закончил он.

Стержневым сюжетом очерка о Н.С.Старкове стал этот случай, честный мой рассказ о строгости и справедливости любимого наставника, и, конечно, не преминул я сказать и о других его высоких человеческих качествах, его богатой трудовой и преподавательской биографии...

Прочитав очерк, Евней Арыстанулы обронил только одну фразу:

– Правдивая вещь получилась. Будем переводить и печатать...

Ясно, что перевел его на русский язык сам редактор газеты «За инженерные кадры». На мой взгляд, очерк при переводе получился еще лучше, засверкал всеми гранями. Но это для меня обернулось дополнительной нагрузкой...

На следующей неделе, после публикации очерка «Мой любимый профессор», меня пригласил Евней Арыстанулы и сообщил, что партбюро института приняло решение выпускать четвертую страницу многотиражки на казахском языке, что на меня возлагается целиком готовить эту полосу. Готовить еженедельно полную страницу было не так-то просто и опытному журналисту, а каково мне, студенту технического института?.. Все же пришлось заниматься. Я ходил по комнатам общежитий, собирал стихи студентов, рассказы и фельетоны. разные занимательные и смешные истории из жизни молодежи, дружеские шаржи (среди студентов КазГМИ в те годы очень много было любителей рисовать)... Словом, четвертая страница газеты стала популярной среди казахской молодежи института.

По сути совместная работа с таким прирожденным литератором, как Е.А. Букетов, общение с этим разносторонне развитым человеком в конце концов привели меня на полную превратностей и тревог, страданий и быстро проходящей славы, одновременно захватывающую дух тропу писателя...

* * *

Со второй женой Евнея Арыстанулы Алмой Битеевой я познакомился в Алматы, летом 2003 года, когда уже писал эту книгу. Я пришел к ней домой, предварительно созвонившись, притом не скрывая цели своего визита, того, что разговор будет о ее молодых годах, когда они с Евнеем Арыстанулы жили под одной крышей, как говорят, дружно и весело, а также и о причинах их дальнейших разногласий. Аллах свидетель, я не скрывал от нее своих намерений отразить в документальном произведении и семейные проблемы, какими бы они ни оказались неприятными и тяжелыми для нее, ведь читателей интересует и эта сторона жизни Букетова, хотя разбираться в чужой жизни, скрытой от посторонних глаз – очень тяжело...

Что поделаешь, автору документального произведения надо знать и такие сугубо личные, интимные стороны жизни своего героя. Иначе не будет создана подлинно правдивая книга о нем. Надо сказать, что советская идеология постоянно скрывала всякие непопулярные факты, заставляя авторов обходить их стороной, тем самым создавались стандартные, однобокие образы идеальных и во всем «правильных» известных личностей, что в корне противоречило действительности. Зарубежные литераторы давно отвергли этот, по своей сути ложный метод так называемого «социалистического реализма» – создания мнимых, ходульных героев, наоборот, показывают человека без прикрас, таким, какой он есть со всеми его слабостями, потому что в жизни нет человека без греха, тем самым создается полнокровный, полноценный и настоящий образ того или иного государственного деятеля или ученого. «Почему же не поучиться у них, скажем, у известного французского мастера документально-биографического жанра Андре Моруа, создавшего такие шедевры, как «Жизнь Александра Флеминга» и другие?» – думал я, решаясь воссоздать «закрытые страницы» биографии своего героя.

Итак, при беседе с нею я выяснил, что она родилась в 1935 году в семье Битеева Бекжана, у него было восемь детей (четыре девочки, четыре мальчика). Окончив русскую школу, она поступила в КазГУ на русское отделение филологического факультета. Глава семьи Бекжан аксакал имел среднее образование, до 1940 года он сумел закончить еще какой-то техникум, благодаря этому в годы войны перебрался в Алматы, работал управляющим республиканской конторы по сбору утильсырья. Должно быть, своим практическим умом он хорошо усвоил житейскую истину, что успех детей в жизни зависит от образования. Потому Бекжан все свои силы и устремления направил на то, чтобы все дети без исключения закончили вузы. Но, к сожалению, он не увидел плодов своей мечты, умер в шестидесятые годы, и тяготы обучения младших детей легли на плечи его энергичной супруги...

– Евней в студенческие годы часто приходил к нам домой, я тогда была ученицей младших классов и еще ходила с длин-

ной косой и белым бантиком... – с улыбкой вспоминает свои молодые годы Алма Бекжанкызы. – А приходил он к нам, как оказалось, потому, что мы с ним из одного племени – даже из одной подгруппы рода атыгай. Его предки жили в Северном Казахстане, а наши – в бывшем Кокшетауском уезде... Отец наш был замечательным рассказчиком, прекрасно знал родословную-шежире своего рода. Кроме того, он высоко ценил родственные отношения, считал всех атыгайцев своими близкими. Словом, они с Евнеем взаимно друг друга уважали, наверное, потому в студенческие годы он часто заходил к нам... Однажды, когда он пришел, отца дома не было, ему пришлось долго ждать. Мне это сильно надоело и когда отец вернулся с работы, я, стремглав выбежав к нему навстречу, выплеснула накопившееся во мне недовольство: «Этот длинный, как жердь, твой родственник целый день ждет тебя», на что отец мне выговорил сердито: «Нельзя так говорить, доченька, когда джигит удался ростом – это очень хорошая примета: во-первых, это признак благородства! Во-вторых, он – из рода богатырей, предки у него – одни батыры...». Почему-то эти слова отца запали мне в память. Откуда я могла знать, что выйду замуж за него, которого я высмеивала за высокий рост...

Судьба распорядилась именно так: когда Алма повзрослела, они снова увиделись. Этому благоприятствовали некоторые обстоятельства: Евней Арыстанулы часто навещал своего друга, драматурга Калтая Мухамеджанова; их тянуло друг к другу, у них был общий интерес – оба обожали театр, к тому же Евней в те годы стал грозным для драматургов критиком; и, конечно, начинающему драматургу он представлялся этаким мэтром. Довольно долго ходивший в холостяках Калтай к тому времени женился на красавице Фариде, а она была старшей дочерью того же Бекжана Битеева. И однажды холостяк Евней в квартире друга встретил повзрослевшую, похорошевшую, стройную девушку, она училась на последнем курсе университета. Это была та самая озорная девчонка, школьница Алма, когда-то бегавшая в доме Бекжана-аксакала, с длинными, почти до пят косами.

В душе джигита что-то перевернулось, поднялась буря непонятных эмоций. Ему в какой-то миг показалось, что он, наконец-то, встретил ту Карагоз, давно потерянную. Лишившись дара речи, он стоял, как вкопанный. Девушка быстро ушла в другую комнату, а Евней все еще глядел ей вслед. Он уже понял, что влюбился в нее с первого взгляда. Сердечная тоска его продолжалось довольно долго. Подойти к ней, пригласить куда-нибудь, не говоря уж о танцах, на вечер отдыха, хотя бы на новую постановку театра, он не мог решиться. Все порывы сердца сдерживала разница в возрасте. Хорошо, если примет она приглашение, а если напрямик скажет: «Нет, что вы, с каким намерением приглашаете?..», что же он будет делать тогда?..

Любовные страдания друга заметил Калтай и однажды не то всерьез, не то в шутку, с присущим ему юмором заявил:

— Эй, холостяк, моя балдызка* уже заканчивает КазГУ, считай, что через пару месяцев ты ее потеряешь навсегда, ей уже за двадцать... Если заплатишь мне хороший калым** — посодействую в твою пользу, как-никак я — ее родной зять, и Алма будет твоя.

Намеки Калтая не прошли бесследно. Евней стал действовать смелее, и Алма не отвергла ухаживаний ученого джигита (разница в возрасте была всего десять лет), в конце лета они справили свадьбу.

Свадьба — всегда веселье, но оно быстро проходит, как весеннее половодье. А вся будничная жизнь, как говорится, впереди. В следующем, 1959 году, 26 июля в шанираке Евнея впервые раздалось детское «Уа-уа». Евней стал отцом, тогда ему исполнилось тридцать четыре года. Младенец огласил своим громким криком огромную квартиру (в это время Букетовы, покинув студенческое общежитие, получили четырехкомнатную квартиру в центре города). Счастливый отец, приоткрыв завернутую в одеяло дочь, долго всматривался в лицо крошки, потом удовлетворенно сказал: «Ух ты, уже качает свои права, как бы заявляя, вы меня узнаете? Истинная красави-

* Так зовется младшая сестра жены по отношению к мужу.

** Выкуп за невесту.

ца! Мать наша удачно назвала ее: имя ее звучное и громкое – Акслу*, только Акслу, не иначе!..» А потом, балуя малышку, нежно звал ее Аканай, с вариациями Акантай, чаще всего – Акакок. Последнее обращение к ней, по словам Алмы Бекжанкызы, вообще закрепилось за нею, отец в последние годы постоянно величал ее именно так.

В беседе с Алмой Бекжанкызы я поинтересовался: «А как вас звал супруг? Говорил, наверное, Алмажан? Или называл другим ласкательным именем?»

– О нет, хотя и любил страстно, никогда открыто не показывал свои чувства, в этом он был скуповат. Меня он называл Алмабай, видимо, чтобы сочеталось со звучным, ласкательным именем дочери – Аканай. Вообще, он был очень строг, требователен. Мне объясняли, что так его воспитала бабушка, он ведь с малых лет верховодил в своем доме. Покойная свекровь моя, Бальтай, была умной женщиной, она меня сразу предупредила, чтобы я ему ни в чем не перечила, что весь мужской род Букетовых привык командовать над женщинами. Она говорила, что от этого вреда не будет, и, если хочешь добиться чего-то от него, можно всегда это получить лаской и умом... Я молодая была, в те годы не очень слушалась старших, повидавших жизнь. Сейчас я думаю, она, свекровь моя, была во многом права... – заметила Алма Бекжанкызы, отвечая на вопрос.

* * *

В «Шести письмах другу» в ироническом тоне сказано: «Переход в положение хорошо зарабатывающего научного работника, преподавателя высшего учебного заведения (каковым стал сразу же после защиты диссертации) очень тешил мое самолюбие и, как я уже писал тебе, в определенный период я был очень доволен собой...»

К счастью, этот период благодушия и самодовольства продолжался недолго.

---

*Дословно: светлая красавица.

Его пытливый ум постоянно жаждал новых впечатлений, достижений, открытий, и он снова окунулся в науку. Теперь его целиком захватила идея внедрения в производство более эффективной технологии выплавки меди, при которой бы значительно увеличился выход сопутствующих металлов – молибдена, селена, теллура. Что касается молибдена, то ему уже казалось, что проблема извлечения его из шламов положительно решена им еще в 1954 году в кандидатской диссертации. Содержащиеся в ней расчеты просто надо проверить на производстве, скажем, на том же Балхашском медеплавильном гиганте. Что обещает огромную выгоду для государства. Параллельно этому он мечтал из гор отходов производства, на языке металлургов – отвалов, в бурю засыпавших пылью весь город Балхаш, повторно извлекать редкие элементы, что также принесло бы миллионные прибыли, так как потребность в них растет из года в год.

Этот замысел по своей значимости не только в то время, но и сейчас (спустя пятьдесят лет, в XXI веке) поражает своим размахом. В голову молодому ученому-металлургу пришла просто уму непостижимая мысль. Да и сам он признает это в своих воспоминаниях: «Это был, конечно, очень дерзкий план. Но почему-то ныне этого не стыжусь. Не стыжусь, вероятно, потому что ни тогда, ни после я ни минуты не сомневался, что добьюсь успеха... Я надеялся только на упорный труд, и верил, что он будет вознагражден. Мечты эти принимали, как теперь вспоминаю, просто глобальные размеры».

Итак, молодым ученым Букетовым была составлена программа комплексного извлечения многих редких элементов из отходов цветной металлургии. Подключив к реализации программы нескольких аспирантов института и даже лучших своих студентов, у которых были навыки и стремление к исследовательской работе, он хотел немедленно начать исследования, понимая и отдавая отчет в том, что они могут затянуться на добрый десяток лет, а то и больше. Но сроки его не пугали. Кстати, он не был голым фантазером, некоторые новшества надеялся внедрить в производство в ближай-

шее время, а за счет полученных от этого дивидендов и финансовых вливаний в широкомасштабную программу расширить тематику исследований. Государственных субсидий, выделяемых для высших учебных заведений на такие исследования, было явно недостаточно (они тратились на подготовку аспирантов и только мизерная часть – на незначительные исследовательские работы), потому весь расчет был на солидную помощь производственных комбинатов, которые очень нуждались в усовершенствовании своей технологии, ведь это было выгодно для них, было даже нужнее им, чем ученым...

Цель была ясна, все усилия сплоченной команды сулили успех. Однако...

Автор «Шести писем другу» приводит один случай, произошедший с ним в тот напряженный период. Когда он приехал вместе с практикантами-студентами на один из заводов Урала, как раз производственный цех завода, выпускавший редкий металл, переезжал в новое здание. Наш ученый, узнав, что там собираются работать по старинке, срочно набрал деловых и знающих помощников и в короткий срок произвел задуманный эксперимент в заводской лаборатории, после этого он предложил заводчанам изменить производственный цикл и перенести в новый цех обновленную технологию. Его предложение обсудили на техническом совете. Ни один из инженеров-технологов не был против, наоборот, все дружно одобрили, даже высказали благодарность за помощь. Но начальник цеха, красивая женщина средних лет (ее звали Манефа Максимовна К.), мило улыбаясь, привела такой неожиданный контраргумент, что им вначале надо переехать в новое здание, немного освоиться там, и тогда уж она с великим удовольствием возьмется внедрять новшество, предложенное уважаемым казахстанским ученым...

Такой компромисс устраивал обе стороны. Но? Когда Е.А.Букетов собирался уезжать, Николай Алексеевич (Алексей Николаевич Полукаров – М.С.) – опытный производственник и увлеченный рационализатор, потому и ставший близким приятелем Букетова, сказал ему напрямик: «Я хочу вас предуп-

редить, Евней Арстанович, чтобы вы не очень обольщались и надеялись на заверение этой красивой бабы, через день-два она о нем забудет, как это с ней бывало не раз. То есть хочу сказать, что из-за предложения какого-то приезжего, оказавшегося умнее ее, не будет она нарушать свою привычную, спокойную жизнь. Если вы спросите ее: почему же, она, снова сладко улыбаясь, что-нибудь вам наплетет и будет так тянуть кота за хвост изо дня в день, из года в год, пока вы сами от всего не откажетесь...». «Николай Алексеевич оказался прав. Идея моя была похоронена и именно таким образом, как и другие идеи, как предсказывал друг», – пишет Е.Букетов.

Между тем, это событие и другие случаи заставили Евнея Арыстанулы, наметившего комплексные исследования, скорректировать их в сторону сокращения. Такие заслоны науке создавались во всесоюзном масштабе, почти во всех отраслях промышленности Советского Союза, причина этого одна – бюрократизм. Отдельные энтузиасты десятками лет пробивали свои идеи, отдавая этому все силы, с горем пополам добивались желаемых результатов, но чтобы внедрить их в производство, приходилось начинать все заново. Самое печальное, что конкретно препятствовавших этому консерваторов никогда не находили и не наказывали...

А выпуск редких металлов для казахстанских металлургов был совершенно новым делом. Хотя они назывались «редкими», в рудах казахской степи их было немало, некоторые встречались даже в виде компактных скоплений. Учитывая все возрастающую потребность в них, Госплан СССР постоянно увеличивал объемы их выпуска, доводил до работающих заводов цветной металлургии, в том числе казахстанских. Но, увы, технология получения их была сложной, и до конца не отработанной. Намерения кандидата технических наук Е.А.Букетова направить это дело в нужное русло, диктовалось, таким образом, острой производственной необходимостью. Потому он, несмотря на большую загруженность, ежедневно час-другой, иной раз день-два в течение недели просиживал в лаборатории института. «Но как и в годы, когда был аспирантом, не смог уходить в

проблему с головой, думать о ней днем и ночью, на долгие эксперименты не было условий. Но я жаждал деятельности, я верил в свои силы, мечтал о популярности...» – признается он в своих записях.

По прошествии довольно долгого времени он понял, что находясь в высшем учебном заведении – осуществить задуманное почти невозможно: «Я уже начал приходить к скептической мысли, что планы мои относительно широкого проведения намеченных исследований останутся планами, после окончания... аспирантуры я так и не приблизился к научной цели, о которой мечтал...»

Что делать? Может, перейти в академический институт, попроситься в специальную лабораторию, там же найти сподвижников этого дела и ринуться в исследования?..

* * *

Осенью 1958 года по рекомендации тогдашнего директора КазГМИ Умирхана Аймагамбетулы Байконырова Е.А.Букетов был назначен заместителем директора по учебной части. На директорскую работу У.А.Байконыров был приглашен в 1952 году, до этого он работал в Жезказгане, где занимал различные должности: был главным инженером и начальником крупной шахты. Умирхан Аймагамбетулы, как говорили сослуживцы, на свою «бедную голову» занимался и научной работой, даже имел ученую степень. Вот почему он и возглавил единственный технический институт республики. Байконуров уже более десяти лет руководил престижным учебным заведением, стал доктором технических наук, профессором, избрали его и членом АН КазССР...

– В твои обязанности входит следить за успеваемостью студентов, создавать условия, чтобы они стали хорошими специалистами. Для этого, конечно, весь преподавательский коллектив института должен плодотворно трудиться, – наставлял директор учебного заведения своего нового заместителя.

– Как будет работать первый руководитель института – его дело, пусть это вас не касается. А заместитель должен тру-

диться беспрерывно. Чем больше трудишься, тем больше бывает ошибок, просчетов – это закон жизни. Все предугадать, запланировать невозможно, будем их исправлять совместно – если такое будет случаться... Сохранится ли мой заслуженный авторитет надолго или я лишусь его в один день – это также зависит от заместителей, таких как ты, от их умения работать... Один из путей добиться хороших результатов – стараться понравиться окружающим тебя людям, найти ключ к сердцам их, уметь ладить с ними и расставить кадры по их способностям. Это целая наука. Надо уметь верно определить характер каждого человека, его способности, дорогой...

После этих назиданий директора института Евней Арыстанулы крепко задумался, взвешивая свалившуюся на его голову ответственность. Тут же поняв, что обратной дороги нет, раз дал на это согласие, решил действовать. Тем более он был в расцвете сил. Поэтому с большим рвением и охотой приступил к новой работе. Однако до этого он был студентом, аспирантом, преподавателем, но ни одного дня не имел опыта руководящей работы. Конечно, если посмотреть со всех сторон, он прошел кое-какую школу жизни. Но не подозревал, что к институтским преподавателям совершенно нельзя подходить с обычной меркой, как ко всем остальным людям.

Приступив к исполнению своих обязанностей замдиректора по учебной части, Евней Арыстанулы решил послушать лекции некоторых коллег. Одной из первых он посетил лекцию доцента Р.А.Орманова (в автобиографической повести фамилия его изменена). Евней Арыстанулы убедился, что коллега преподает свой курс по физике на низком уровне. Хотя доцент Орманов неплохо знал свой предмет, его удивило то, что он не умеет донести свои знания до слушателей, причина – неподготовленность к лекции, кроме того, он мельтешил, суетился перед доской, выписав формулы, толком их не объяснив, тут же их стирал. Затем переходил к новым. Студенты не успевали записывать, не то, чтобы усвоить...

После окончания занятия, придя на кафедру, заместитель директора предложил разобрать прошедшую лекцию. Но за-

ведующий кафедрой, пожилой профессор, выгораживая преподавателя своей кафедры, сразу стал на дыбы: «Лекция прошла неплохо, только Рахат Ахметович несколько тороплив, но это дело поправимое...»

Евней Арыстанулы в тот же день с профессором-физиком продолжил разговор в своем служебном кабинете и прямо выразил ему свои претензии: «Вы, уважаемый профессор, несмотря на то, что доцент Орманов плохо читал свой курс, видя его значительные методические промахи, заступились за него. Я не понимаю вас...» – откровенно признался он. Заведующий кафедрой вскипел, даже до конца не выслушав его: «Когда я стал профессором, вы, молодой человек, еще под столом ползали, если забыли об этом, могу напомнить!..» – все это возмущенно выпалив, он хлопнул дверью. Так что благие намерения институтского руководителя, курирующего учебный процесс, потерпели поражение в самом начале. «Ты, только что пришедший в руководство недоучка, ничего не сделаешь, как мы преподавали, так и будет, таких, как ты, перестройщиков, мы видели на своем веку много...» – означали замечания старого преподавателя.

«Пришлось мне самому поговорить с Ормановым. Он не стал хорошим лектором, однако после беседы со мной начал лучше готовиться и читал довольно сносно. Зато, познакомившись со мной, Рахат Ахметович приобрел дополнительную возможность для изыскания нужных приборов, для обращения к нужным людям от имени института и периодически мобилизовал меня на эти дела. Словом, Орманов умел даже свои недостатки использовать в интересах своего дела» – такой вывод сделал автор «Шести писем другу».

Таких недобросовестных преподавателей в институте оказалось не так уж мало. В борьбе с ними заместитель директора института, как выше описано, хотя добился небольших успехов, но в основном он сам оказался пострадавшим. Одной из таких проигранных ситуаций, по словам автора, был печальный случай с одним из умнейших химиков института. «Я проявил рьяную активность, оказывается, не поняв провокаций его явных недоброжелателей, и это послужило причиной его

преждевременного ухода на пенсию...» – открыто и с глубоким сожалением пишет автор воспоминаний. Приведя такие жизненные ситуации, Евней Арыстанулы сетует тут же по поводу недовольства своего любимого наставника В.Д.Пономарева тем, что он так быстро пожертвовал научной работой, согласившись на престижную должность. Виктор Дмитриевич время от времени ему напоминал, что научные исследования – его жизненное призвание и тут же давал конкретные задания...

«Должность заместителя директора ничего не прибавила к моему научному положению, наоборот, только усложнила – говорит Евней Арыстанулы в своей книге «Шесть писем другу». – Кроме того, стал бывать в лаборатории намного реже, чем раньше. В то же время меня не покидала мысль о судьбе задуманных исследований...».

ГЛАВА
ШЕСТАЯ

ЧТО ДЕЛАТЬ — РАДИ НАУКИ ПРИШЛОСЬ ЖИТЬ С СЕМЬЕЙ В РАЗЛУКЕ

«Что же касается института, то он был представлен небольшим двухэтажным зданием бывшего общежития учебного заведения, комнаты которого, с редко расставленными канцелярскими столами и шкафами, даже отдаленно не напоминали научные лаборатории. Видимо, пословица «Пасу всего пять козлят, гонора на весь свет» – была сказана по такому поводу. Естественно, институт, несмотря на академическое название, таковым еще не являлся и при таком состоянии дел не скоро обещал быть таковым...»

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»

I

Сразу после окончания института Евней Арыстанулы стал полнеть, к сожалению, он связывал это с улучшением материального положения, а посторонние люди даже восхищались его мощью, высоким ростом, импозантностью.

Эти похвалы он вспоминал, когда при смене погоды, в пасмурные дни начинало покалывать сердце, подскакивало давление и на плечи наваливалась непонятная тяжесть. Сначала он не придавал этому особого значения, но все же пришлось обратиться к врачам: оказывается, чрезмерная полнота вышла ему боком; сердце начало давать сбои, не справляясь с восьмипудовой нагрузкой; что поделаешь, перешел на диету, стал умеренно питаться, каждый день утром по полчаса, а иногда по целому часу совершал пробежки. Врачи-кардиологи советовали сменить местожительство – переменчивый и влажный климат высокогорья для него был неподходящим, кроме того, они рекомендовали избегать конфликтов, ссор и стычек по работе и сменить обстановку...

Эти вновь открывшиеся обстоятельства наводили на невеселые мысли, заставили, когда уж сильно прижимало сердце, подумать о лечении и покое, а также о перемене местожительства.

Когда сопутствует удача, как говорится, сам случай бежит к тебе. Вскоре Е.Букетов, о чем не думал, не гадал, оказался в Караганде.

О событиях тех лет подробно рассказано в записке Жармаганбета (Жармака) Тюленова, направленной автором в редакцию журнала «Простор» в декабре 1978 года. В то время, о

котором идет речь, он в ХМИ заведовал лабораторией обогащения руд. (С этим человеком я уже знакомил читателей в своей книге «Сатпаев». Вкратце повторю некоторые сведения о нем: Жармак Тюленулы был одним из тех, кто закладывал фундамент тяжелой индустрии в Казахстане в 30-е годы; окончив Московскую горную академию, он еще в 1932 году начал свою деятельность в Карсакпае – директором обогатительной фабрики; затем трудился инженером на Балхашском медеплавильном комбинате; а ХМИ был его последним местом работы, где ветеран-производственник трудился с первого дня организации института и до выхода на пенсию... Кстати, его лично знали и уважали первый секретарь ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаев, который вместе учился с ним в московском вузе, а также и президент АН Казахской ССР К.И.Сатпаев).

Дадим ветерану слово.

«В те дни я болел, был дома. Ко мне на квартиру пришел Евней Арстанович Букетов в сопровождении преподавателя Карагандинского пединститута, ранее работавшего заведующим идеологическим отделом Балхашского горкома партии Кудышевым Онайбеком.

Я был знаком с Е.А.Букетовым по Балхашу, куда он приезжал со студентами-практикантами из КазГМИ. После взаимных приветствий я поинтересовался причиной их посещения.

– Жаке, я пришел к вам по делу, – начал Букетов. – Как вам известно, я работаю в Алма-Ате заместителем директора в КазГМИ, но по состоянию здоровья мне оставаться там нельзя. По заключению врачей мне больше подходит климат Караганды. Я узнал, что у вас в институте не хватает научных кадров, был бы удовлетворен, если доверите мне руководство лабораторией...

– Я с удовольствием выполню вашу просьбу, только не лабораторию, а должность директора института предложу вам. Вы не знаете, что мы ищем директора. Ваша кандидатура вполне устраивает нас, я буду рекомендовать вас президенту и уверен – он примет мое предложение. – сказал я. – Только не тяните с ответом, скажите прямо сейчас, мне нужно ваше согласие и делу конец...

Евней Арстанович дал согласие, в тот же день я позвонил Сатпаеву и сообщил о своих переговорах с Букетовым, на что тот сказал: «Хорошо, Жаке, я вскоре этим займусь».

В «Шести письмах другу» сам Евней Арыстанулы подробно описывает первую встречу с президентом Академии наук, которая фактически повернула все его помыслы на сто восемьдесят градусов. Заметим, что рассказ ведется от имени выдуманного героя повествования – Мажита Мукановича Нурбаева...

«...Когда, робко открыв дверь, вошел в просторный кабинет, высокий, величавый аксакал грузно поднялся с кресла, вышел навстречу мне, обогнул большой президентский стол и, подавая руку, сказал:

– А-а, вот вы какой, Мажеке! Мне о вас академики, работающие у вас в институте, говорили... И я решил с вами познакомиться...

Президент перевел разговор на обстановку в нашем институте, и я уже, перестав волноваться, совершенно свободно рассказал ему о нашей жизни и о работе. Внезапно аксакал сам спросил меня о моих научных интересах. Кратко изложив содержание научных начинаний, суть которых президент легко уловил, я было заикнулся, что в наших условиях трудно развернуть задуманное исследование, как он будто обрадовался этому, улыбнулся и сказал:

– Мажеке, как хорошо, что у вас продумана вся дальнейшая работа в научном плане, что не собираетесь останавливаться на достигнутом... что у вас нет такой беды, когда человек, уже имеющий диплом кандидата наук, а иногда и докторскую степень, все еще ищет, кто бы подсказал ему, чем дальше заниматься, а еще хуже, когда ничего не ищет... последнее бывает чаще, чем первое. Опасные явления, предвещающие застой... Вот я и пригласил вас, чтобы предложить вам работать в системе Академии наук, в этом случае будет возможность в любом масштабе проводить научные исследования...

Президент затем рельефными, убедительными мазками обрисовал задачи, стоящие перед этим научно-исследовательс-

ким институтом, при этом он указал на то, как совершенно естественно, без какой-либо натяжки мои личные начинания и интересы вписываются в проблемы по освоению минеральных богатств края, в котором находится институт. Меня приятно подкупило то, что академик сделал особый упор на необходимость моего личного научного роста, без которого невозможен, как он сказал, настоящий, неподдельный авторитет руководителя академического научного учреждения. Словом, мне не оставалось ничего для каких-либо расспросов, каких-либо суждений от себя, ибо все казалось жалким и ничтожным по сравнению с теми задачами, которые ставил передо мной этот большой человек. Улетучилось желание поскромничать, что такую ответственную работу смогу ли я выполнить,... и посчитал, что перед этим человеком нельзя было фальшивить, он видел меня насквозь. Я только сказал, что поеду в этот институт, если гожусь для работы под его руководством, и буду стараться оправдать его доверие!

...Не знаю, как теперь описать мое состояние, когда вышел от академика Сатпаева. Это было, по-видимому, состояние внезапного соприкосновения с чем-то недосягаемым, сказочно высоким, когда ты вдруг чувствуешь, что это соприкосновение произошло потому, что ты оказался каким-то образом достоин его, и что за этим следует та высокая ответственность, которая потребует от тебя истинного, глубинного понимания значения твоих будущих замыслов и действий. Ведь человек, который беседовал со мной более часа, все время старался подтянуть меня к своему уровню простотой и приветливостью, своим неизменным уважительным обращением «Мажеке» и на «Вы», что звучало для меня непривычно, ибо аксакал годился мне в отцы, состоял в составе президиума Большой Академии страны, числился среди тех имен, которые символизируют самое выдающееся место, занимаемое наукой моей Родины в мире. В его мягких ладонях, с такой добротой и радушием касавшихся моих рук, хранится тепло от пожатия самых выдающихся людей нашего времени и нашей эпохи.

Чего скрывать, вот такие мысли владели мной, когда я шел от президента Академии..»

* * *

Четырехкомнатную квартиру, которую молодая чета Букетовых получила в последние дни прошлого года, Алма, бегая по всем магазинам, призвав на помощь всех знакомых и незнакомых, наконец-то обставила добротной мебелью. Квартира их стала на загляденье красивой и уютной. Муж, довольный внезапно установившимся в своем шанырake приятным для глаз уютом, восторженно похвалил молодую жену: «Молодец, Алмабай, прекрасно получилось, пусть это будет на счастье! Теперь отдыхай» и, взяв на руки дочку, плюхнулся на новенький диван. Акслу уже узнавала отца, сидя на его коленях, дергала его за нос, уши, заливалась смехом и визжала от радости. Отец каждый день ей придумывал новые ласкательные имена, одно лучше другого: «Акботам» («Беленький верблюжонок») или «Аккызым» («Светлая дочурка»), «Акбикеш» («Беленькая моя дамочка»), «Аксауле» («Лучезарная моя») и никогда не уставал от своих бесконечных фантазий по этому поводу...

Что можно сказать, после появления на свет дочки солнце светило в этом доме не только днем, но как бы и ночью, согревая своим теплом.

Приподнятое настроение Евнея, спешившего домой после аудиенции у президента Академии наук, внезапно упало, едва подумал о том, как предподнести жене эту важную новость: придется оставить прекрасную квартиру в центре Алматы, в которую они кое-как вселились после долгого прозябания в тесной комнатке общежития; а деваться уже было некуда, на днях ему предстояло отправиться в Караганду. Конечно, в ожидании, пока дадут там квартиру, Алма и Акакок останутся в Алматы. Его угнетало и то, что он до этой встречи с президентом не делился своими планами с женой, еще не будучи уверенным, остановится ли Каныш Имантайулы на его кандидатуре – ведь еще ничего определенного не было известно, потому не стал заранее тревожить впечатлительную жену. И вот, наконец, дождался этого дня...

Торопливо шагая домой, он вдруг замедлил ход, будто бы споткнулся, чувствуя, что тяжелого объяснения не избежать, потом в уме промелькнуло: а может быть, пока не получит при-

каз о назначении, ничего не говорить?.. Но дома, присев на диван и взяв на руки Акслу, все-таки окликнул жену:

– Алмабай, сегодня меня пригласил президент Академии наук... – и в своей обычной манере говорить обо всем прямо, без долгих предисловий, выпалил все, что было на душе. – Видимо, нам придется переехать в Караганду...

Лицо жены вытянулось, исчезла ее всегдашняя, располагавшая к ней обворожительная улыбка, ямочки на щеках, которые так ее украшали, побледнели.

– Конечно, ты согласился с радостью, раз пригласил тебя к себе не кто-нибудь, а сам Сатпаев, которого ты боготворишь.

– Пойми, это же академический институт... Я буду заниматься только своей наукой. А это моя давняя мечта...

– Ну, и прекрасно!.. – *«Супруга произнесла это резко и язвительно, дав ясно понять, что она против того, чтобы я переходил с солидной должности в большом институте на руководство «конторой», где нет, наверное, ни одного нормального научного работника». Ты на это сразу же согласился?!.. – Ведь нет же никакого резона менять солнечную, теплую столицу на холодный и захудалый областной город...**

Не будем строго судить молодую женщину за ее саркастический выпад, она выросла в Алматы, в прекрасном городе у подножия Алатау, была с детства влюблена в этот город, в его яблоневые сады и журчащие арыки, аллеи пирамидальных тополей и мечтала жить только здесь. И потому понятен резкий протест романтически настроенной женщины, она не могла себе представить даже на миг, что навсегда расстанется с любимым городом... Кстати, не только супруга, не одобряли его поступок и близкие друзья: «Не надо уходить с престижного места, Евней, умные люди издавна подсказывали: «Чем вдалеке грести лопатой, лучше по чайной ложке брать вблизи...» А некоторые рассуждали: «В ближайшее время наш директор Умирхан Байконуров насовсем перейдет в систему академии. Он уже действительный член Академии наук. А ты первый кандидат на его место в институте. Это же проверенный и пря-

*Выделенные курсивом слова заимствованы мною из «Шести писем другу».

мой путь к избранию в академию. Только надо торопиться с защитой докторской диссертации...»

Но, увы! Евней Арыстанулы не поддался на уговоры и лесть, в своем автобиографическом труде он так выразил свою тогдашную позицию: «Я оставался один на один со своей «окрыленностью» и показал свою строптивость. Во мне заговорил характер моих аульчан, я вдруг почувствовал себя джигитом, мужчиной из нашего аула, и поэтому не стал менять своего решения, не стал отказываться от слова, данного президенту...»

II

Фактически ХМИ был открыт по инициативе академика К.И.Сатпаева. После своего второго возвращения в руководство АН (июнь 1955 года) он задумал расширить научные исследования, потому стал добиваться создания в нескольких крупных городах республики новых научных центров. НИИ появились в Усть-Каменогорске, Гурьеве (ныне Атырау). И ХМИ, открытый с помощью и при содействии вице-президента АН СССР И.П.Бардина в октябре 1958 года в Караганде, стал истинно его детищем. Он был призван содействовать развитию новой отрасли в Центральном Казахстане – горно-металлургической промышленности, внедрению новейшей технологии на действующих комбинатах. А Караганда была фактически географическим и индустриальным центром обширной Сары-Арки*, включавшей в себя Акмолинскую, Кокчетаускую, Карагандинскую, Павлодарскую, Костанайскую и Северо-Казахстанскую области, где были сосредоточены огромные сырьевые ресурсы полиметаллических и других богатств и на основе их уже были созданы горные и химические комбинаты. Для укрепления нового научного учреждения правительство республики специальным постановлением (1958 год, 27 сентября) выделило необходимые субсидии. Уже в следующем году в этом институте должны были

* Символическое название всей территории Центрального Казахстана, объединяющей восемь областей республики, расположенных в центральной части.

работать 300 человек. А руководство Карагандинской области должно было предоставить институту здание и обеспечить его всем необходимым для успешного начала научной работы. В пятом пункте того же постановления местные власти обязывались в ближайшие два года выделить сотрудникам института сто квартир. В том же году ХМИ получал пять легковых автомашин и один автобус... В правительственном документе был еще один немаловажный пункт: новый НИИ приравнивался к основным подразделениям АН, ему заранее присвоили первую категорию. Это позволяло руководству института приглашать в институт опытных научных сотрудников с высокой квалификацией, отбирать их, объявляя открытые конкурсы на замещение вакансий.

Первым директором ХМИ был Ерден Нигметулы Азербаев, выпускник Саратовского университета. Перед назначением Каныш Имантайулы ему дал такое напутствие:

– Ереке, вы можете по-прежнему заниматься синтезированием углеродных соединений и свою докторскую диссертацию завершите там, в буквальном смысле слова сидя над угольными пластами Карагандинского бассейна. Это даст вам уникальную возможность скорее внедрить в производство ваши научные разработки... – говоря это, он, видимо, старался заинтересовать новой работой старого коллегу, приводя в пользу ее неотразимые доводы, тем более что Ерден Азербаев не очень хотел отрываться от привычной научной среды и уезжать из Алматы. – Вы химик, а то, что институт называется химико-металлургический – не пугайтесь... Известный вам академик Иван Павлович Бардин уже уговорил одного из сильнейших ученых-металлургов с Урала, доктора технических наук, профессора М.И.Хайлова (фамилия и инициалы изменены, как это сделано у автора «Шести писем другу») переехать в Караганду, притом со своей группой научных сотрудников. Если двое ученых – вы химик, он металлург, возьметесь за дело в одной упряжке, я думаю, в новом институте изыскания сразу примут желаемое направление...

В начале октября 1958 года Ердену Азербаеву пришлось перебраться в Караганду. И он с ходу приступил к организа-

ции нового института: большинство научных сотрудников подобрал на месте, нашлись там энтуазисты, которые хотели заниматься наукой; некоторых пригласил из Алматы, обещав предоставить добротные квартиры и наилучшие условия для развертывания научных поисков; значительным подкреплением стал приезд большой группы уральцев из Свердловского политехнического института и из НИИ Уральского отделения АН СССР во главе с Михаилом Исаковичем Хайловым.

Ерден Нигметулы специализировался по органической химии, много лет занимаясь практической работой в этой отрасли, он приобрел громадный опыт и нужную закалку, в общей сложности ученый посвятил углеродным соединениям более тридцати лет своей сознательной жизни. А теперь в Караганде ему предстояло возглавить многоотраслевые исследования: по обогащению многозольного и мелкого угля, доразведке недр и добыче руд, выплавке стали и чугуна, а также улучшению технологии получения новых по составу ферросплавов... Широкие горизонты! Лишь бы хватило запала, знаний, умений, чтобы объять, казалось бы, необъятное. Может быть, и хватило бы, если бы прямой и горячий ученый-химик сразу не напоролся на двуличие, амбиции подчиненных и неприкрытое противодействие. В тот период, буквально в считанные месяцы под одной крышей собрались специалисты со всех уголков страны, и каждый из них воображал, что он пуп земли. Короче говоря, многие из них, особенно уральцы, вели себя независимо, самоуверенно, став своего рода кастой неприкасаемых, все замечания директора они с первых дней пребывания в институте принимали в штыки. Всячески они подчеркивали свое превосходство над местными специалистами, давая понять, что не зря приехали в такую даль из глубины России, притом из такого региона, высокий научный потенциал которого известен всему Союзу и даже миру. Некоторые из них открыто заявляли об этом Ердену Нигметулы. Самым странным руководителю института было то, что во главе, как сейчас говорят, оппозиции к нему стоял не кто-нибудь, а сам профессор М.И.Хайлов, его же первый заместитель по научной работе, ответственное лицо, призванное по долгу

службы во всех начинаниях и действиях быть правой рукой директора. Ведь его пригласили, чтобы он помог быстрее вывести ХМИ на союзный уровень.

– Вы, уважаемый директор, знайте свою органику и сидите тихо, не вмешивайтесь в мои распоряжения. Основные исследования здесь будут делать мои люди. Извольте слушаться! – говорил он в лицо директору.

А если Ерден Нигметулы вежливо отвечал:

– Но ведь, Михаил Исакович, извините, мы здесь не пасли овец, как-никак занимались наукой...

На это пожилой коллега откликался долгим нравоучительным монологом:

– Нет, дорогой, похоже, что вы на самом деле в иные годы пасли баранов... Это видно из вашей биографии, сами посудите, занимаясь тридцать лет органикой, вы до сих пор – всего лишь кандидат наук, а я свою докторскую степень получил в самое трудное для Родины время, в годы Великой Отечественной войны. Как вы думаете, вот эти мои награды – орден Ленина и Трудового Красного Знамени за что-то же дали?!.. Я ведь и Государственную премию получил в 1942 году, когда она еще называлась Сталинской!.. Так что, мил человек, прежде, чем со мной спорить о чем-то, надо заслужить хотя бы одну десятую доли того, что я сделал для Отечества... – И продолжал Михаил Исакович свою, видимо, излюбленную тираду по целому часу, а немногословный по характеру Азербаев сразу не решался его прервать.

Раздосадованный директор института все же не смог долго терпеть постоянные и все более грубые наскоки своего заместителя, и в иные дни их диалог заканчивался на повышенных тонах. Словом, с первых месяцев работы в коллективе назревал конфликт. Притом не только между двумя первыми руководителями, неприязнь друг к другу чувствовалась во всем коллективе. А неугомонный в перепалках Хайлов, наверное, желая утвердить здесь свое главенство, о каждом конфликте с Азербаевым доносил в канцелярию президента АН КазССР. Он жаловался на взрывной характер директора института, открыто писал также и о том, что Ерден Нигметович по своему низко-

му научному уровню не соответствует высокому званию первого руководителя многоотраслевого академического института, а научные знания его – весьма узки и так далее... Из Алматы академик-секретарь Шапык Чокин звонил в Караганду: «Ереке, что случилось? Канеке обижен на вас, неужели вы не можете поладить со своим заместителем, единственным доктором наук в вашем институте. Немедленно прекратите эти мелкие дрязги, пора уж взяться за работу!..» Ерден Нигметулы соглашался с ним, вроде бы мирился с Михаилом Исаковичем, стараясь уступать ему в спорах. Но проходил месяц-другой, неуживчивый Хайлов снова начинал атаки, каждый раз усиливая свои чрезмерные требования. Притом все больше и чаще подключал к сворам своих единомышленников, приехавших вместе с ним. Групповые жалобы теперь отправлялись не только в президиум АН, но и в партийно-советские органы...

Терпения Ердена Нигметулы хватило только на один год. Он отправил в Алматы заявление о добровольном освобождении с поста директора. Но президент академии его заявление не принял. И однажды вызвал Азербаева к себе.

– Потерпите, Ереке. Я в ваши научные способности верю, как в самого себя, организаторскими качествами вы тоже не обделены, знаю, потому настаиваю, чтобы вы продолжали уже начатое серьезное дело в Караганде... – твердо сказал Каныш Имантайулы, не допуская даже мысли об уходе Ердена Нигметулы, – а с Хайловым придется помириться. Кстати, то же самое и ему скажем...

Но Ерден Нигметулы на этот раз был непоколебим, как камень, ни на йоту не отступал от своего намерения – по-доброму уйти с поста первого руководителя.

– Если не освободите, Канеке, я никогда не завершу свою докторскую диссертацию, почти уже близкую к концу. Поверите ли, как приехал в Караганду, ни одной страницы к ней не добавил, мало того, ни разу не удалось спокойно посидеть в лаборатории... Вообще, я человек науки и никогда не был и не стремился быть чиновником. Не по мне это. Прошу вас, не лишайте меня великого удовольствия – ежедневно и ежечасно заниматься своими научными изысканиями... Вы же знае-

те, какой долгий и тяжелый путь привел меня в науку, а эти бесконечные споры и мелкие склоки для меня невыносимы. Боюсь, однажды вообще сорвусь и устрою драку. И тогда будет стыдно перед вами... – сказав это, Азербаев снова, теперь уж более решительно пододвинул свое заявление к Канышу Имантайулы.

Последние слова ученого-химика подействовали на президента. Он знал всю подноготную коллеги. Знал, что в печально знаменитом 1937 году, когда он был еще молодым исследователем и увлеченно занимался органической химией, по доносу своих бездарных завистников-коллег попал в руки безжалостных инквизиторов ОГПУ, и застрял в лагерях на много лет, почти до 50-х годов. Правда, и там, за колючей проволокой, в так называемой тюремной «шарашке», он занимался химией, принимая участие в изготовлении разных видов ядов. Ерден Азербаев освободился из этой подневольной «лаборатории» в годы «хрущевской оттепели», вот почему он задержался с защитой докторской диссертации, хотя по научному уровню он давно был доктором, настоящим классным органиком.

– Ладно, Ереке, уговорили, но уступлю вам с условием: пока Карагандинский ХМИ не встанет на ноги, будете работать там!.. – сказал президент. – Будете руководить своей лабораторией, которую вы уже там заново создали....

* * *

В «Шести письмах другу» Евней Арыстанулы довольно обстоятельно описывает свою первую встречу с ученым-металлургом Хайловым.

«Он вошел подпрыгивающей, нервной походкой, и, улыбаясь, подал суховатую руку. Я приподнялся навстречу, пожал его руку, но еще не успел вернуться в свое кресло, как увидел академика сидящим за приставным столиком напротив меня. Деловито доставая из футляра очки, он уже говорил, чуть окая.

– Погода-то у нас... не очень приветливо вас встретила... У меня жена, знаете ли, приболела, но теперь, слава богу,

поправилась... Надо бы мне полупромышленные испытания проводить, я ведь здесь большие дела затеял... Да, да, большие... Знаете, мне покойный академик Ванин (Е.А.Букетов, очевидно, не желая скомпрометировать имя известного ученого-металлурга И.П.Бардина, называл его другим именем. — М.С.) *говорил, чтобы я не оставлял это дело... Он очень меня, знаете ли, любил... Президент наш очень поддерживает меня...вернее мою идею... Умнейший человек!.. Тут я недавно с секретарем обкома говорил, большие задачи перед институтом стоят, очень большие... Нам с вами много придется работать, ох, как много... Используйте, пожалуйста, мой опыт, я ведь работаю в науке уже полных тридцать три года... А знаете, как трудно здесь приходится, людей не хватает. В таком далеком от науки захолустье, ой, не знаю, чего вообще можно добиться. Здесь ведь нет специалистов... Тут я недавно встретился с главным инженером завода, им наша помощь нужна, очень нужна... Он очень обрадовался мне и прямо поразился, что в такую даль приехал, «такой знаменитый ученый, как я, говорит, что это для нас — божий подарок судьбы!..»*

Все это он пересказывал просто, без натуги, с какой-то чуть ли не детской непосредственностью, перескакивая с темы на тему и повторяя слово «я тут», которое, как потом я убедился, было для него привычной частью речи. Он, по-видимому, вовсе не думал, что я его пригласил по делу и что необходимо осведомиться об этом.

— Михаил Исакович, разрешите вас перебить, я понимаю, как трудно здесь работалось, и думаю, не легче будет и теперь... но я хотел бы послушать об общем состоянии дел, о людях, тематике, планах, словом, обо всем, ведь нам с вами надо иметь общие взгляды на все, что здесь делается и будет делаться...

— Да, да, я с вами вполне согласен... Тут вот со мной приехали, вернее я их пригласил, очень толковые люди, — и он сбивчиво начал объяснять, чем и почему толковы эти люди, но почему-то ухватился за фамилию Федорова и стал подробно говорить о том, что этот Федоров, хотя и не имеет высшего образования, но мастер на все руки и что надо его беречь, он может принести большую пользу.

Я не был против Федорова, но академик настойчиво крутился вокруг его имени, не назвав больше ни одной фамилии из тех, кто подает надежды на научный рост. Потом, правда, перескочил на фамилию Холода, пожилого кандидата наук, тоже приехавшего вместе с ним и довольно долго хвалил его, называя своей правой рукой, при этом ни словом не упомянул о научных заслугах «правой руки».

Я в один момент, прервав коллегу, спросил, имеет ли он аспирантов, академик ответил, что как приехал в Караганду, по горло занят своей темой и над этим специально не думал, хотя никому не отказывает, кто желает у него учиться. От бывшего директора не было поддержки, все время уходило на добывание нужного оборудования и приборов, ездил в бесконечные командировки по этому же поводу.

Почувствовав тщетность своей попытки получить объективные, нужные сведения о людях, я заговорил о темах, разрабатываемых в институте. Михаил Исакович тут же подхватил мои слова и стал рассказывать о полупромышленных испытаниях, которые он намеревается проводить, и всю тематику института свел к проблемам, связанным с этими испытаниями. Я было деликатно напомнил ему, что заместителю директора надо было продумать необходимость решения многих других проблем, что широкий профиль института мыслится в плане организации в будущем научного центра республиканской Академии наук. Михаил Исакович посмотрел на меня своими серыми глазами, в которых я прочитал прямой укор своему неразумению, и сказал:

— Да, да, я вас понимаю... я никому не собираюсь мешать... и вам не буду мешать развивать свои идеи... Потому что, уважаемый, вы тоже мечтаете в ближайшие годы защитить докторскую, я это хорошо знаю... Короче, надо договориться сразу, пока мы выведем ХМИ на широкую дорогу, забот у нас двоих хватит, лишь бы мы не мешали друг другу».

* * *

Новый директор знакомство со своим институтом начал с обхода рабочих мест сотрудников, и там же, непосредственно

в лабораториях, завязались его первые беседы с ними. Он предпочитал такое общение, по себе зная, что когда начальство вызывает подчиненного к себе в кабинет, тот обычно чувствует себя настороженно, скованно, разговора по душам не получается, ибо младший по рангу человек всегда начеку, думает, как бы чего не вышло, опасаясь сказать не то, что надо. А на своем привычном месте он сам себе хозяин, и свободнее делится своими сокровенными мыслями и что его волнует, может выложить более откровенно...

На нижнем этаже, в одном из кабинетов Евней Арыстанулы вдруг встретил бывших своих студентов из КазГМИ. Девушка и парень, одетые в синие халаты, сидели у стола и переливали жидкость из одной колбы в другую, наблюдая за происходящей реакцией. Директор, заключив обоих в объятия, как старых знакомых, спросил, чем они занимаются. Оказывается, они проверяли одну химическую реакцию сложного соединения, известную по учебнику «Неорганическая химия».

– И что доказали? Не ошибся ли покойный Зелинский? – спросил Букетов.

– Нет, Николай Дмитриевич Зелинский – настоящий гений. Разве он мог какие-то нелепости внести в книгу? Проверяем, чтобы убедиться, как-никак нам надо навыки приобретать...

И оба, наверное, почувствовав неудобство, тут же отвернулись.

– А почему вы вдвоем проверяете одну и ту же реакцию?

– «Параллельная проверка – гарантия от ошибок» – это научное кредо нашего руководителя. Почему он так требует, спросите у самого Жаке, – заявили они. – Мы только исполнители его воли...

Жаке – это тот самый аксакал Жармаганбет Тюленов, который содействовал его назначению в этот институт. Он был прекрасным производственником. Но Букетов не знал его научных способностей, не знал, пригодятся ли знания опытного инженера при новых исследованиях ХМИ. А увиденное поразило его, шокировал сам по себе дилетантский подход к лабораторным экспериментам... Все же директор, соблюдая этикет, не стал делать замечаний, однозначных, преждевременных выводов о пожилом заведующем лабораторией по обогащению руды. А про себя подумал: видимо, мы в институте не смогли дать этим моло-

дым людям основательных знаний, раз они механически проверяют давно известную по учебникам реакцию...

В следующей комнате Евней Арыстанулы встретил еще одного своего питомца, который во время лекций всегда задавал сложные вопросы, не раз заставляя его краснеть. Потому этого молодого человека он хорошо запомнил, он был родом из этой области, кстати, учебу завершил намного лучше своих сокурсников.

– О, Жанторе батыр, любимец аксакала Нурлана, и ты тоже здесь?! – чуть ли не закричал Евней Арыстанулы. – Ну, рассказывай, тоже проверяешь учебник химии?

– О, да, примерно так и получается, но с другого конца. Нужно ведь доказать, что описанная в учебнике реакция дает отрицательный результат в производственных условиях... – сказал Жанторе, при этом рассмеявшись. Он, видимо, понимал, что делает бесполезный, скорее всего ненужный опыт.

– Не понял, выражайся яснее!

– Мой научный руководитель Порфирий Леонтьевич Холод (фамилия, отчество и имя изменены, так он назван в «Шести письмах другу» – М.С.) спит и видит, как выдать в мир научную сенсацию, он открыл одну нелепость в учебнике электрохимии...

Евней Арыстанулы тут же, не отходя, прочитал поданную ему статью, напечатанную во всесоюзном журнале «Химия», объемом всего лишь в сто строк. Статья была подана под рубрикой «Информация к размышлению». По мнению автора, в учебнике эта реакция описана неправильно, в производственных условиях она не идет, если идет, то чаще всего получается отрицательный результат...

До директора уже доходили разговоры о странном стиле работы заведующего лабораторией электрохимии, о том, что он постоянно проверяет интеллектуальный уровень своих подчиненных, задавая им кроссворды, ребусы и если они не могут их разгадать, начинает свои нудные воспитательные беседы – как нужно научному работнику много знать и читать, а кроссворды в этом деле значительно должны им помочь в части развития памяти и ума...

В общем, осадок на душе после обхода лаборатории остался самый неприятный: не институт, а богадельня. Единственным слабым утешением явилась лаборатория добычи руды и геологической разведки. Некоторые сотрудники рассказали директору о завершении кандидатских диссертаций, советовались, где защищаться. Директор не стал углубляться в их проблемы, считая себя некомпетентным в этой области, но в целом был рад за них, все-таки хотя бы по этим разделам науки что-то делалось.

* * *

После первых дней знакомств Евней Арыстанулы всерьез призадумался о том, куда попал, как и с кем придется поднимать новый научно-исследовательский институт в Центральном Казахстане. И чем больше он зацикливался на этих мыслях, тем острее чувствовал себя человеком, приблизившимся к самому краю пропасти. Все более убеждаясь в своем бессилии что-либо изменить, он уже понял, что зря переехал сюда, легко поддавшись на уговоры уважаемого президента Академии наук... Но ведь теперь ему обратной дороги – в Алматы – нет. «Самое важное для ученого, – говорил великий естествоиспытатель Чарльз Дарвин, – это бесконечное терпение». Поэтому остается лишь один выход: работать не покладая рук, засучив рукава, были бы лишь добровольцы, желающие вместе с ним тянуть эту лямку...

Придя к этой спасительной мысли, он распорядился собрать всех научных сотрудников института на общее собрание.

– Уважаемые коллеги, раз мы носим престижное название академического института, у нас не должно быть никакого разграничения исследовательских тем на большие и малые, все они важны и нужны. Как первый руководитель вверенного мне НИИ, должен предупредить вас, что я буду всегда отдавать предпочтение тем темам, которые будут решать проблемы производственных комбинатов. Учтите, это требование жизни. Значит, отныне и впредь не будем попусту тратить драгоценное время на проверку химических реакций, давно опи-

санных в учебниках. И такое времяпрепровождение, скажу прямо, отныне не будет считаться научной работой, заодно не будет за это и зарплаты младшего сотрудника – считайте это пройденным этапом. Это – во-первых... Второе, принятая ранее структура института – все отделы, лаборатории сохраняются без изменений. Электрохимия, металлургия чугуна и стали, геологическая разведка, добыча руды и обогащение, химия органического синтеза и процессы коксования по-прежнему остаются объектами ваших исследований; лаборатория огнеупорных материалов будет работать так же, как и прежде; а лабораторию аналитической химии, как наиболее важную, будем оснащать приборами и укреплять кадрами... Третье, я сам намерен здесь начать исследования по редким металлам, поэтому для этой цели собираюсь открыть новую лабораторию. В-четвертых, в ближайшее время в институте будет открыта аспирантура по специальностям: геология, добыча полезных ископаемых, черная и цветная металлургия. Отбор претендентов – по конкурсу... Пятое, отныне и навсегда я буду, как директор института, оценивать работу всех лабораторий по тому, сколько внедрил тот или иной исследователь новшеств в технологию производственных процессов, сколько получено официальных свидетельств и патентов за изобретения, сколько человек учится в аспирантуре, сколько сотрудников сумело защититься... Как вы это назовете: соцсоревнованием или научным соперничеством – это уже на ваше усмотрение, мне важен достигнутый результат и победителем будет тот, кто имеет лучший показатель по исследованиям...

Заявления нового директора не открывали ничего нового коллективу ХМИ. Все то, что говорил Евней Арыстанулы в тот день, всем сотрудникам, работавшим здесь уже второй год, было известно. Но то, что это произносилось жестко, вызвало среди присутствующих уверенность, что все это будет исполнено. Во всяком случае, они почувствовали твердую руку, скорее всего, прежние вольные выходки с ним не пройдут. Кстати, прежние совещания заканчивались обычно поздней ночью, зачастую они превращались в шумные дебаты, участники их возвращались домой уставшими. А сегодня? Почему-то преж-

ние словоохотливые ораторы вели себя тихо, будто бы выжидая чего-то, с опаской подглядывая по сторонам. Правда, было несколько опрометчивых выступлений, была попытка пропеть обычные дифирамбы новому руководителю, но Букетов сразу же резко прерывал их, задавая встречный вопрос: что вы конкретно хотите предложить? После чего все штатные говоруны разом притихли, тем самым на пустозвонстве был поставлен крест.

– Если кто не согласен с теми условиями, которые я поставил перед вами, или есть среди вас люди, считающие их слишком жесткими, прошу высказываться, выходите сюда и скажите. Есть желающие? – Однако прямой и бесхитростный вопрос директора остался без ответа. – Значит, вам все ясно... С завтрашнего дня жду от каждого конкретных предложений. Не ждите моего приглашения, подходите сами, какое бы сложное дело не было, решим, согласуя с вами. У меня не будет графика приема посетителей, я к вашим услугам – весь день, если нужно будет, останусь и на вечерние часы...

Конечно, как руководитель Евней Букетов был еще молод, не знал и не мог знать многих секретов управления людьми. Поэтому разговор с подчиненными начал «с позиции силы», что объясняется его горячим стремлением оправдать доверие президента АН и скорее навести дисциплину и порядок в институте. Но руководство людьми тоже наука и нельзя не считаться с ее законами. Понимание этого к нему придет позднее, когда он набьет себе шишек в столкновениях с коллегами.

Об этом же первом появлении Евнея Арыстанулы Букетова в институте вспоминает доктор технических наук, профессор, лауреат госпремий РК Виталий Павлович Малышев (в «Шести письмах другу» он выведен под именем Валерия Петровича Иванова) в своей книге «Поступью командора и пророка»: «В старом двухэтажном каменном здании бывшего общежития, первом пристанище Химико-металлургического института республиканской Академии наук, пол и лестницы были деревянными. Добротные деревянные же перила, толстые доски ступенек, многократно перекрашенные, вызывали странное ощущение основательности и допотопности. Зимой

1960 года, спустя полгода после начала моей работы здесь, я впервые услышал, как они заскрипели. Легкая тревога вынесла меня из комнаты первого этажа, рядом с лестницей, и я увидел нового директора – прямого, высокого, плотного – медленным, твердым шагом возносящего себя на каждую ступеньку, с устремленным прямо перед собой несколько отрешенным взглядом. Его рука только касалась перил, придавая всему движению упругий ритм и завершая впечатление, сходное с тем тревожным восторгом, какое создает зрелище подъема ввысь тяжелого летательного аппарата. Это были шаги Командора, и от них заскрипел весь наш действительно допотопный институтский уклад с бестолковым тыканием во все местные проблемы, пустословием и бесхозяйственностью. Старые ступени не годились, а новые нужно было возводить нам самим – это было ясно по той целеустремленности, которая исходила из каждого движения нашего нового лидера и всегда оставалась самой характерной его чертой. Новый лидер, переступив порог, сразу же нарушил «тишину и покой» и нам надо было активно в этом его поддержать или искать тихое, теплое место работы, мы это сразу поняли...»

III

По лаборатории органической химии, которой заведовал Ерден Азербаев, никаких споров не возникало. Оказалось, опытный ученый все заранее предусмотрел: у него на руках было подписанное президентом АН распоряжение об открытии филиала института в Темиртау, где находилась основная промышленная база; он даже сумел заполучить необходимые для исследования субсидии. Освободившись от директорской обузы, Ерден Нигметулы сразу же переехал в город металлургов, который находится в двадцати километрах от Караганды.

(Е.Н.Азербаев через два года успешно защитил докторскую диссертацию, в 1962 году был избран членом-корреспондентом АН Казахской ССР, а в 1969 году получил звание заслуженного деятеля науки республики. Он – автор многочисленных теоретических трудов (их более 250) по выделению аце-

тилена и по химии углеводородов. За всю жизнь он синтезировал около пятисот сложных соединений, многие из них в химической промышленности Союза приносили миллионы рублей прибыли, за свои новые разработки Ерден Нигметулы получил более тридцати авторских свидетельств).

Евней Арыстанулы был настроен сразу по прибытии в Караганду немедленно приступить к своим исследованиям. Но этого не получилось. В здании общежития горного техникума, которое выделили для института, не было никаких условий. Здесь было так тесно, что все сотрудники работали поочередно, занимая друг у друга столы, даже стулья. Кабинетов не хватало, оказалось, что до него уже пытались сотрудников пересаживать с места на место, но каждый раз, кроме уплотнения, ничего не выходило.

И новому директору также пришлось перераспределить комнаты в старом двухэтажном здании, тем более что помещение нужно было для вновь открываемой лаборатории. Понятно, новое уплотнение вызвало недовольство прежних сотрудников, привыкших к своим уголкам. У некоторых создалось впечатление, что директор за счет их создает комфорт для своих сотрудников. Честно говоря, все это было результатом тогдашней бедности. Постановление казахстанского правительства, как это часто бывало, осталось во многом на бумаге. Карагандинский горсовет пока тянул с выделением просторного помещения, откладывая решение вопроса на неопределенное время.

В действительности институт нуждался не только в просторных кабинетах, где могли бы свободно располагаться научные сотрудники, но и в самом элементарном – в лабораториях для проведения опытов.

Для проведения экспериментов Е.Букетову нужна была настоящая шахтная печь, которая используется в процессе обжига полиметаллических концентратов из руд, разумеется, не в натуральную величину, но хотя бы в масштабе 1:10. Идея о ее установке созрела в его голове еще в Алматы. Эскиз печи его сотрудники, которых он набрал здесь, уже набросали на бумаге. Однако даже во много раз уменьшенной в габаритах печи не хватало места во дворе здания, где располагался ин-

ститут. Ведь нужно было построить не только печь, но еще и высокую трубу, изнутри обложенную огнеупорными кирпичами. Фактически это – маленький завод. Но каким бы игрушечным он ни был – ему нужна площадь, а ее-то как раз во дворе бывшего студенческого общежития не было.

И во всем так – хоть разорвись, директор и рад бы был удовлетворить все запросы институтских сотрудников, но, увы – выше головы не прыгнешь. Он совсем измучился, едва что-то успевал достать, тут же выяснялось – нет другого, третьего...

Ему уже казались напрасными жертвы, которые он принес ради науки, покинув прекрасную Алматы, молодую жену с любимой дочкой. Изо дня в день откладывались на поздние сроки намеченные им исследования, порою они представлялись ему несбыточными, призрачными. Каждое утро, вставая с постели и торопливо шагая на работу, он в уме прикидывал, что на сегодня предпринять, где искать место для опытной печи? Мысль его постоянно вертелась вокруг того, что надо добиваться выделения обширного земельного участка, чтобы там построить и шахтную печь, и институтское здание с просторными кабинетами и лабораторными помещениями. Но на это потребуются годы и немалые средства. Поэтому он тут же отбрасывал эту задумку, как нереальную. Ведь для того, чтобы воплотить в жизнь такой проект, потребуются большие расходы – а для этого надо иметь вес в науке, и институту надо заявить о себе, доказать свою состоятельность. А пока он только начинает, ничего еще не создал и не доказал...

В тот день, когда был подписан приказ об открытии новой лаборатории, Евней Арыстанулы позвонил в Алматы, в КазГМИ, аспиранту своей кафедры Угорцу: «Марк, если хочешь быстрее стать кандидатом наук, перебирайся в Караганду, пока на должность младшего научного сотрудника...» – Е.Букетов нажимал на слабую сторону своего питомца. Марк Залманович Угорец отличался от всех своих сверстников особенным честолюбием. Он прилетел в Караганду на следующей же неделе, чтобы не терять времени на дорогу, даже снялся с военного учета в алматинском институте, а здесь в тот же день получил назначение в новую лабораторию. Правда, из-за нехватки мес-

та ему пришлось разместиться в кабинете директора, заняв там дальний угол.

Получив перевод в ХМИ, он знал, чем будет здесь заниматься, обговорив с руководителем института еще раз тему исследования, тут же засел за расчеты и составление плана действий. Скажем напрямик: он был одержим идеей открыть новое в производстве редких металлов, горел желанием довести это дело до победного результата; а как истинное дитя еврейского народа, Марк Угорец от природы был наделен исключительной предприимчивостью, чем и нравился Евнею Арыстанулы; наверное, потому юноша в отличие от некоторых своих коллег, которые каждый день ждут указания руководителя, что надо и как делать, никогда не задавал ему таких простейших и легких вопросов, наоборот, сам задавал темп в работе...

Видимо, и здесь Марк Залманович времени впустую не терял...

Однажды, это было в первый же месяц его пребывания в Караганде, он обратился к своему научному руководителю с сенсационным сообщением: оказывается, недалеко от институтского корпуса есть заброшенная котельная, он уже ее осмотрел со всех сторон, даже забрался внутрь; по его расчетам ее дымоход как раз то, что им нужно; а шахтную печь можно соорудить на месте котлов; и еще чем выигрывает этот вариант – в помещении котельной, перегородив ее стенками, можно оборудовать несколько просторных кабинетов... Разумеется, реконструкция заброшенного здания, если его дадут институту, займет уйму времени, но зато уже через несколько месяцев у них наверняка будет хоть и допотопная, но своя опытная установка!..

– У нас будет своя печь со всеми атрибутами, Евней Арстанович, – с жаром доказывал Марк Угорец, тут же положив перед директором аккуратно вычерченные эскизы будущей установки. – И мы ее будем использовать день и ночь, проводить там опыты сколько влезет...

Евней Арыстанулы устало пододвинул к себе эскиз Марка, посмотрел на него несколько секунд и отложил в сторону, потом снова вгляделся в него. В какой-то миг его озарило:

Марк предлагал фактически единственный разумный выход в той плачевной обстановке. Да, котельная им подойдет и не захотев оставлять на завтра ее осмотр, директор института нетерпеливо поднялся и стал одеваться...

Захватив с собой несколько человек из института, он тотчас пошел в котельную, мимо которой все каждый день проходили, но никто не обращал на нее внимания... Видимо, ею не пользовались уже несколько лет, с тех пор, как близко стоящие к ней жилые дома были подключены к магистральной линии центральной ТЭЦ. Ее вид был жалок: все, что можно было унести – давно растащено; везде и всюду валялись горы мусора и нечистот; на окнах и дверях все стекла, косяки выбиты; кругом гуляют сквозняки; на полу – пустые банки, бутылки, объедки; ясно, что в теплые месяцы она была пристанищем алкоголиков и бомжей... Молодые сотрудники, с испугом глядя на этот хлам, разбитые стекла и заржавевший металлолом, на голые, уже разрушающиеся стены, – никак не могли представить, как можно здесь разместить экспериментальную лабораторию. Считая своего предводителя Евнея Арыстанулы деловым, напористым человеком, теперь они бросали на него угрюмые взгляды, недоумевая, зачем он их сюда привел. А он своими большими шагами начал измерять котельную вдоль и поперек. Затем, прочертив палочкой по бетону, в одном месте «расположил» шахтную печь, возле нее, ближе к стене «поставил» пульт управления, а инженеру-специалисту, который будет управлять установкой, «выделил» отдельный кабинет, мало того, вяло следившим за ним молодым коллегам «показал» их кабинеты. После этого он попросил собрать охапку бумаг из мусора, сунул их в топку, кто-то из курящих ребят поднес к ним огонь, и, к удивлению всех, бумаги мгновенно вспыхнули, загудело в трубе...

Евней Арыстанулы раскатисто рассмеялся:

– Смотрите, как гудит, такая тяга нам и нужна! – С удовлетворением хлопнув в ладони, он подытожил: – Сам бог сохранил нам это здание, как раз подойдет для лаборатории!..

Никто из окружавших не проронил ни слова. Молодые люди, никогда еще не работавшие на производстве, не имевшие

навыков металлургов, стояли молча, не зная, верить или не верить в то, что это жуткое по виду здание, фактически свалка, развалюха без окон и дверей станет местом научных экспериментов.

– Самое сложное здесь – разобрать котлы, а убрать хлам и мусор, это мы и сами сможем... – заметил вдруг Угорец, он уже догадался, что директор ХМИ воспринял его идею, поэтому решил сразу же поставить точку в этом деле.

Коллеги, не совсем знавшие Марка Залмановича, посмотрели на него с удивлением, как бы осуждая, что, дескать,мы, научные работники, должны чистить отхожие места...

Евней Арыстанулы, поняв ситуацию, должно быть, решив сразу рассеять их сомнения, неожиданно заговорил в шутливом тоне:

– А вы знаете, что многие великие открытия были сделаны не в храмах научных и ни в дворцах, а в таких же неприглядных, неприспособленных условиях?.. Не верите? Джеймс Уатт сконструировал первую паровую машину на чердаке, где он скрывался от сварливой жены. А французские ученые, супруги Мария Склодовская и Пьер Кюри из-за неимения подходящего помещения, помните, два года подряд в сарае проводили опыты с радием и открыли явление искусственной радиоактивности, в дальнейшем их открытие привело к использованию атомной энергии. Они стали лауреатами Нобелевской премии!.. А у нас нет ни кола, ни двора. Когда будут, неведомо... Думаю, нам надо рискнуть и взяться за ремонт этого помещения, месяца за три справимся... Ну как?

– Главное – не нужно строить дорогостоящую трубу, она здесь, как видите, еще пригодна, будто бы по нашему заказу ее выложили и сохранили... – торжествовал Угорец.

Младший научный сотрудник лаборатории по обогащению руд Виталий Малышев неожиданно включился в разговор:

– Евней Арстанович, возьмите меня сюда старшим обжигальщиком, это помещение просторнее и крепче, чем убогий сарай супругов Кюри. Во всяком случае, я обязуюсь не посрамить вас, за мной и Нобелевская премия... – пошутил он.

– Смотрите, какой он прыткий, сразу захотел стать старшим печником. Виталий, ты сначала научись топить обыкновенную «буржуйку»! – съязвил кто-то из сверстников Малышева.

– В яблочко угодил: я пока и этого не умею. Но, друзья, меня тянет сюда, хочу себя испытать. Буду истопником, пусть так и будет, я согласен...

Так, в шутку и всерьез решили использовать появившуюся возможность. «Попытка – не пытка, получится – хорошо, не получится – горевать не будем...» – был итог этого незапланированного обсуждения. Действуя по принципу: «Куй железо, пока горячо», директор ХМИ обратился с просьбой в горисполком. А там даже обрадовались, что одним махом убьют двух зайцев – на какое-то время отделаются от постоянных просьб руководства нового НИИ, который был для них, как подброшенное дитя, и еще будет приведен в порядок сильно захламленный участок... Словом, горисполком нисколько не медля, вынес требующееся им решение о безвозмездной передаче бездействующей котельной по улице Связистов на баланс ХМИ. Мало того, на переоборудование ее еще и выделили деньги.

С места да в карьер начали реконструкцию. Котлы и металлолом сдали во Вторчермет, пока там работали газорезчики, подготовили проект на переустройство котельной. И сразу же туда пришли строители. Вслед за ними прибыли для оказания шефской помощи печеукладчики с Темиртауского металлургического комбината. Когда шахтная печь была готова, неожиданно выяснилось, что электрический кабель, ранее протянутый в котельную, мал по сечению и не выдержит возросшей нагрузки. Единственный выход – проложить новую линию от стоявшей невдалеке трансформаторной будки. Требовалось найти несколько сотен метров специального кабеля, проложить его надо было под землей, на метровой глубине. И тут, как назло, возникла еще одна загвоздка: по ходу прокладки кабеля из-за ограниченного пространства оказалось невозможно применить землеройную технику.

– Будем рыть вручную, другого выхода нет! – заявил директор института на очередной планерке.

Утром, придя на работу, он пригласил всех мужчин своей лаборатории и кое-кого из других отделений, и всем предложил выйти во двор института, направился туда и сам, переодевшись в спортивную одежду. Тем самым немало удивил

коллег: встав у начала будущей траншеи, уже отмеченной колышками, Евней Арыстанулы, улыбаясь, взял в руки лопату с длинным черенком, плюнул на ладони и громко сказал: «Ауп, бисмилла!*» – и начал копать неподатливую, затвердевшую, как асфальт, землю.

Мужчины, приглашенные во двор, ясно, не могли, засунув руки в брюки, просто со стороны созерцать действия первого руководителя института, всем им пришлось разобрать лежащие там же ломы и лопаты и последовать примеру Евнея Арыстанулы. В тот день они пробивали траншею до позднего вечера. Первоначально всем казалось, что прорыть ее на расстоянии триста метров – пара пустяков, надеялись управиться за одну-две недели. Тем более что ежедневно, по очереди, выходили на работу более двадцати человек. Но, увы! Грунт, где было расположено здание бывшей котельной, оказался на редкость твердым, его не всегда брала не только лопата, но и кайло. Местами попадались одни камни, как будто кто-то их сюда специально наложил и даже зацементировал. Притом по мере углубления каждый сантиметр грунта приходилось вырубать ломом. Парням, которые не привыкли к такому физическому труду, было особенно трудно, у некоторых на ладонях вздулись волдыри. Однако, хотя от усталости каждый день валились с ног, возвращаясь к себе домой, начатое не бросали...

Наконец-то траншея была готова, но тут же возник другой вопрос: где взять специальный кабель?

Высокая должность руководителя академического института и даже внушительный вид директора, которым многие в Караганде искренне восхищались, в данном случае явно не помогали. Видимо, здесь нужен был более высокий авторитет, солидное имя и звание. Может быть, предприимчивость?.. Как всегда, руководители промышленных предприятий, к которым обращался директор ХМИ, не отказывали: «Найдем, конечно, дадим, ради прогресса науки...» Но, к сожалению, все это были пустые обещания. Специальный кабель, рассчитанный на большую силу тока, оказался дефицитным материалом, его выделяли только лишь по разнарядке союзного Госплана.

---

* Слово из Корана, напутствие перед началом благого дела.

Евней Арыстанулы, много дней помотавшись по разным инстанциям и измучившись, под конец обратился за советом к своему заместителю, знавшему толк в таких тонкостях. Академик Хайлов (он был избран сразу же по приезде в Караганду действительным членом АН Казахской ССР) не стал церемониться, взяв трубку телефона, позвонил помощнику первого секретаря обкома КП Казахстана. К удивлению директора ХМИ оттуда ответили быстро, пригласили в тот же день к первому руководителю области.

О своем визите Михаил Исакович, смакуя подробности, рассказывал битый час – знайте, мол, наших. Не забывал лишний раз подчеркнуть, что он не зря занимает высокую должность в этом институте, что он незаменим в таких сложных хозяйственных ситуациях, с важным видом объяснил молодому коллеге секрет своего успеха: оказывается, нынешний первый секретарь Карагандинского обкома КП Казахстана ему знаком с Челябинска, что он учился у него в Уральском политехническом институте, еще студентом часто приходил к нему на кафедру, чтобы получить консультацию не только по научным вопросам, но и по житейским делам. Позднее, будучи секретарем Челябинского обкома партии, а потом председателем тамошнего совнархоза, Михаил Сергеевич Соломенцев никогда не забывал его заслуг, иной раз приглашал к себе и всегда говорил: «Я вас очень уважаю и ценю как большого ученого». И сегодня Михаил Сергеевич якобы встретил его у самой двери, пригласив в кабинет, подробно расспросил о работе, о жизни. Узнав о цели визита, сразу же позвонил генеральному директору главка «Карагандауголь», дал задание как можно быстрее доставить нужный кабель в ХМИ.

– Так что, дорогой, дефицитный кабель не менее чем через три дня будет у нас во дворе. Он, наш первый секретарь, и в молодые годы был предупредительный, деловой, и сейчас всегда готов пойти навстречу, сказал, если будет необходимость, чтобы запросто заходил к нему. Он мне никогда не откажет! – заключил академик свой долгий рассказ. – Видимо, нас и здесь, в Караганде свела судьба. Помяните мои слова, Евней Арстанович, мы еще не раз будем пользоваться помощью

Михаила Сергеевича. Только надо молиться богу, чтобы из Караганды его не забрали куда-нибудь, конечно, повыше. О, это человек дела, настоящий государственный муж!.. Самое главное, он высоко ценит мой труд в прошлом и мои знания!..

Евней Арыстанулы с почтительной улыбкой слушал своего заместителя, временами покачивая головой.

– Вот так-то, дорогой мой. наш президент, я говорю об уважаемом Каныше Имантаевиче, думаете, меня с Урала зря затащил в эту глушь, окаянную Караганду? Конечно, с расчетом. Видите, какую работу я провернул всего за час?!..

* * *

Долго ли сказка сказывается, а и она кончается. Завершились работы по строительству шахтной печи и по переделке котельной. Теперь уже можно было приступать к намеченным испытаниям, оставалось лишь провести пробный холостой нагрев печи, чтобы удостовериться в ее надежности.

Перед первым ее запуском для обсуждения всех его деталей было созвано внеочередное заседание ученого совета ХМИ. На него пригласили не только членов совета, но и всех, кто принимал какое-либо участие во введении в строй важного для института объекта.

Председатель совета, он же директор ХМИ огласил повестку дня. Кратко доложил о завершении строительства печи, с нескрываемым удовольствием сообщив, что теперь в институте появилась хотя и небольшая, но зато своя действующая установка, где можно проводить полупромышленные испытания не только сотрудникам его лаборатории, но и других подразделений, если у них в плане намечены опыты, связанные с высокой температурой. А затем, когда Евней Арыстанулы, сделав паузу, хотел перейти к изложению первого опыта, из того угла, где сидел М.И.Хайлов, послышались кряхтение и скрипение академика. Директор ХМИ удивленно смолк, он заметил, что заместитель по научной работе явно не в духе, пришел раньше всех, не поздоровавшись с ним, молча уселся в дальний угол и нервно постукивал пальцами по подлокот-

нику кресла, всем своим видом демонстрируя, что он чем-то недоволен.

– Уважаемый Евней Арстанович, прошу чуточку вашего внимания, – тихо подал голос Михаил Исакович. – То, что строил печь весь коллектив института, это истина, как говорится, не требующая доказательств. Но вы об этом ни словом не обмолвились, не сказали спасибо даже тем людям, которые все лето не разгибая спину, трудились на этом участке. И мне, имеющему солидный возраст, старому человеку, с седой головой тоже пришлось идти кланяться к первому руководителю области и выпрашивать дорогостоящий кабель. Я от вас ожидал, что вы хотя бы мимоходом поблагодарите меня за это. Для воспитанного человека ваш поступок просто дик и нетерпим. Вы, конечно, можете еще не знать таких тонкостей, вы же еще молодой, только недавно получили назначение на высокую руководящую должность. Тем более, что вы выросли в глухой степи, в юрте, среди неотесанных пастухов, все еще одевающихся в шкуры животных, как ваши предки-номады во времена вековых кочевок по вашей бескрайней степи. Откуда вам знать об этике и культуре при вашем таком воспитании, в принципе я вам даже сочувствую... Но вы, уважаемый Евней Арстанович, сегодня допустили еще одну досадную оплошность. И как старший по возрасту и как единственный доктор наук в нашем молодом коллективе я вынужден поправить вас: ведь эта печь – наша общая, значит, все мы должны ею пользоваться... – Профессор Хайлов уже понял, что своим неожиданным заявлением завладел вниманием присутствовавших в директорском кабинете и следующие слова он выговаривал, не торопясь, назидательным, менторским тоном. – Раз так, надо составить график на целый год и все лаборатории ХМИ должны ею пользоваться поочередно, не давая огню в печи погаснуть... Что мы видим? Уважаемый наш директор хочет пользоваться печью единолично, для этого он уже подготовил научную программу, рассчитанную на несколько лет. А когда же другие желающие смогут воспользоваться этой установкой? Например, лаборатория черной металлургии, которую возглавляю я, также намерена проводить на этой печи

важные опыты. Думаю, никто из вас не будет спорить, что это право я заслужил. Я ведь давно готовлюсь к таким испытаниям, по масштабу они намного значительнее, чем у других. И вам надо учесть и мое научное звание и заслуги. Вот так-то, мой дорогой! Короче говоря, я вынужден официально заявить, что моя лаборатория в первую очередь будет проводить свои опыты на этой печи. Да, да, в первую очередь! Коли так, стоит ли сегодня обсуждать предлагаемую программу нашего директора?

– Михаил Исакович, месяца три тому назад вы в этом кабинете нам долго толковали о начале подготовки полупромышленного испытания на Темиртауском металлургическом комбинате... – попытался заикнуться кто-то из молодых из задних рядов.

– Дорогой мой, – парировал академик, бросив уничтожающий взгляд на молодого, ершистого коллегу, задавшего неудобный для него вопрос. – Вы, видимо, не можете отличить производственное испытание от лабораторного опыта. То, что вы заявляете, это выдает вас с головой, вы в этом деле настоящий дилетант, попросту профан вроде Митрофанушки из комедии Фонвизина «Недоросль», знающего, сколько будет единожды один, и которому не постичь, сколько будет единожды два... Для того, чтобы провести масштабное испытание, сначала нужно все довести до кондиции на малой модели – это проверенный метод в науке. Это вы должны знать, если не знаете – запомните и постарайтесь более не задавать таких глупых вопросов... Я в Темиртау поеду тогда, когда перейду к более масштабным испытаниям!..

– И сколько времени вы собираетесь пользоваться этой печью? – спросил Евней Арыстанулы.

– Это, голубчик, зависит от того, как удачно пройдет испытание...

– Я вам, не голубчик, уважаемый Михаил Исакович, я директор академического института, в котором вы сами работаете заместителем директора, то есть моим... И поэтому прошу вас более не ставить себя выше всех, а остальных считать мальчиками на побегушках – это не красит вас, как интеллигентного человека, выходца из более цивилизованной страны,

как вы здесь соизволили охарактеризовать себя, а нас – грубыми кочевниками, вовсе отставшими от всего...

Букетов последние слова сказал с нажимом, но не повышая голоса и не выходя из рамок вежливости.

– А почему вы на меня кричите? Вы младше меня на двадцать три года. Со мной это не пройдет, голубчик. Не то, что вы, сам президент Академии наук со мной так грубо не разговаривает...

Присутствующие в кабинете уже поняли, что опытный спорщик Михаил Исакович оседлал привычного конька и специально затеял дискуссию, чтобы спровоцировать своего оппонента на скандал. Именно так он выводил из себя первого директора ХМИ. И их спор, возникавший по пустякам, зачастую заканчивался настоящей руганью, криками, когда оба покидали этот кабинет взвинченными и озлобленными друг на друга, а потом целый месяц не то что разговаривать, даже не здоровались между собою. Почему-то Хайлову и сегодня понадобилась такая стычка, чтобы потом сказать: «Меня здесь оскорбляют, не уважают не только мой возраст, но и ученую степень, как тот же Азербаев – человек, у которого вся научная «школа» исчерпывалась «тюремной шарашкой». А он, грубый, невоспитанный человек, на мне срывал свою злость...» – писал он прежде во все инстанции. Так, действуя на слабые стороны бывшего директора, он добился его ухода. Сегодняшняя его атака на нового руководителя ХМИ была пробной...

– Михаил Исакович, ради бога, я на вас голос не повышал. Грубить старшему по возрасту – вообще не в традиции нашего народа, мои слова слышали все здесь сидящие, они же живые свидетели, ничего грубого я вам не сказал – не берите грех на душу... Вы говорите: я никому не сказал «спасибо». Но ведь только позавчера я издал специальный приказ, всем, кто участвовал в строительстве печи, объявил благодарность, там же первой стоит ваша фамилия. Я думал, этого достаточно. Оказывается, надо было еще раз поблагодарить вас на таком представительном совещании, этого я просто не учел, как следует из этого вашего уместного замечания. Видимо, это

упущение с моей стороны, виноват, прошу извинить! – неожиданно директор дал задний ход, наверное, надеясь возникший конфликт спустить на тормозах. – Но меня удивляют ваши претензии относительно использования печи. Я согласен и готов вам предоставить эту установку даже в первую очередь. Хоть завтра начинайте опыты!.. Но я должен вам заявить, что не только внутренняя футеровка ее, но и весь корпус установки не выдержат плавку чугуна. Извините, уважаемый академик, хотя она называется металлургическая печь, но она – не домна, привычная для вас, на которой вы всю жизнь работали, это – всего-навсего маленькая модель шахтной печи, предназначенная для обжига полиметаллического концентрата при температурах не более пятисот градусов...

Коллеги поняли уловку директора и его попытки успокоить пожилого ученого дешевой похвалой бывших его заслуг и оставить ему путь к отступлению.

– Нет, дорогой, ничего у вас не выйдет, и зря вы стараетесь уговорить меня... Я не откажусь от своего намерения... – приподнявшись с кресла, Хайлов подошел к тому месту, где сидел Букетов.

Находящиеся в кабинете люди нетерпеливо заерзали на местах. Они уже догадывались, что произойдет через минуту. Им было ясно, уже наступал пик скандала.

– Вы, уважаемый, наверное, уже слышали, что я смолоду отчаянно рискованный человек. Между прочим, это всегда меня выручало. Я ведь этот золотой значок лауреата Госпремии получил в годы войны, за то, что не отходил сутками от доменной печи, где испытывалась первая плавка по моему методу, состав концентрата, объемы добавок и температурный режим всего процесса установлены были мною... – Хайлов тут же указал на лауреатский значок, закрепленный на лацкане пиджака. Это была всем известная его привычка. Коллектив ХМИ хорошо знал ту историю с опытной плавкой, о которой Михаил Исакович много раз им повествовал. Они слушали его избитую проповедь всегда с иронией, почему-то каждый раз прощая ему безудержную похвальбу, наверное, из-за его преклонного возраста... – На той плавке, – продол-

жал он с пафосом, – некоторые перестраховщики, вроде вас, Евней Арстанович, неоднократно предупреждали: «Вы взорвете домну. Состав концентрата превышает все предельные нормы. Ничего, мол, не получится!..» А я пошел на риск. Потому что я знал и был уверен в успехе и ради интересов Родины и отечественной науки пришлось рискнуть. Я сам стоял без перерыва и отдыха возле раскаленной домны. О, это был потрясающий и самый счастливый миг моей жизни!.. В результате я открыл новый ускоренный способ переработки феррохрома, тем самым многократно усилил обороноспособность страны в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Это надо понимать и ценить, дорогой. А вы меня пугаете этой печью-игрушкой, когда я рисковал покруче, мог, если провалится та плавка, оказаться там, где Макар телят пас... Нет, товарищ директор, для меня ваше заявление – просто легкомысленный лепет. Рисковать – мой испытанный метод!..

– А если печь, которую мы с таким трудом заимели, вы совсем угробите, скажите, что будет тогда? – осмелился возразить кто-то из сидящих.

– Тем более что установка находится на близком расстоянии от жилых домов...

– Не беспокойтесь, молодой человек, научное изыскание без риска не бывает!

Дискуссия, навязанная старым ученым, принимала новый оборот, она могла продолжаться целый день. Директор института, постучав карандашом об стол, тут же встал со своего места:

– Уважаемый Михаил Исакович, я никак не могу понять, из-за чего вы начали этот спор. Эта печь вам не нужна ни сегодня, ни завтра, вы в ней не сможете выплавить даже одного килограмма стали или чугуна. Вы это знаете лучше всех нас, сидящих здесь. Зная это, для чего-то раздули эту дискуссию... Если это делаете преднамеренно, чтобы показать, что вы в нашем коллективе главная фигура – считайте, что вы уже достигли своей цели. За то, что вы нам достали дефицитный кабель, я благодарен вам на всю жизнь! Только прошу вас: откажитесь от своего неуместного требования по этой

печи. Это – во-первых. Во-вторых, мы эту печь построили для отработки выделения редких металлов, которых в природе очень мало. Ведь она проектировалась с расчетом на малые объемы загрузки... Если, как вы требуете, лаборатория по обогащению руды в будущем подготовит свою программу испытания, рассчитанную на использование этой печи, пожалуйста, пользуйтесь. Кстати, я нисколько не против этого. «Каждому овощу – свое время»... В-третьих, инициативу постройки печи проявила наша лаборатория, мы ее проектировали... Я вам прямо скажу, иметь такую небольшую установку я поставил себе целью давно, еще в Алма-Ате: проводить опыты и разработать на их основе новую технологию извлечения редких элементов – это и есть моя главная мечта, потому я принял предложение руководства Академии наук и перевелся в Караганду... И должен признаться, Михаил Исакович и все здесь сидящие старшие и младшие коллеги, что мое пребывание в должности директора ХМИ будет зависеть от решения этого вопроса. Поэтому предлагаю бесполезные и пустые споры об этой печи, кто будет ее хозяином, прекратить...

Излив почти все, что волновало его в те минуты, Евней Арыстанулы взял какие-то бумаги со стола, по-видимому, хотел их зачитать, но в ту минуту стоявший рядом академик Хайлов снова сердито заговорил:

– Извините меня, вы, товарищ Букетов, опять нагрубили мне. Даже подряд два раза!.. Этого я вам не могу простить. И поэтому во всеуслышание вынужден заявить, что в этом кабинете более не могу оставаться ни минуту. Вы, вы, дорогой, опять грубите... – Взяв свой желтый потрепанный портфель, ученый направился к выходу. В этот момент Холод, который ему постоянно поддакивал, открыто поддерживал все наскоки академика, как будто его кто-то подтолкнул, вскочил с места, тут же вслед за ним поднялись все сидевшие в средних рядах научные работники, приехавшие с Урала, и гурьбой потянулись за своим предводителем.

Это наглядно показало, что в институте сплотилась группа спевшихся между собой сотрудников, новый директор потревожил их сонное царство, решительно выступил против ото-

рванных от производства мертворожденных тем исследований и пустопорожних занятий. Привыкшие к прежней вседозволенности явно хотели сделать «ручным» и нового директора, и вот почему они предприняли первый демарш против него. В директорском кабинете установилась гробовая тишина, только минуты через три кое-где послышались глубокие вздохи, но и они тут же затихли.

– Я ожидал, рано или поздно подобное должно было случиться. Даже лучше, что это именно сегодня произошло... – промолвил Евней Арыстанулы с кривой улыбкой на лице.

Все это время сидевший молча, не поддерживая и не показывая своего участия в возникших перепалках Жармак Тюленов, кашлянув, поднялся с места:

– Вам, Евней, я вынужден, как старший по возрасту и как секретарь партийной организации, сделать замечание: сегодня вы вели себя некорректно. Вот результат: что посеешь, то и пожнешь... Вы не учли, что Хайлов – единственный среди нас – доктор наук, академик, лауреат Госпремии СССР. Вам надо впредь быть с ним поделикатнее...

– Интересное заявление! Строим печь мы, а пользоваться будет Хайлов, переделав ее в домну... – неожиданно возник младший сотрудник лаборатории.

– Эй, молокос, помолчи уж, когда взрослые разговаривают, не люблю, когда безусые юноши лезут со своими советами! – усек его Тюленов.

Видимо, у Тюленова нервы тоже были на пределе.

– Начался новый спор! Вечная перебранка отцов и детей. Отец козыряет от избытка ума, сын доказывает, что время работает на него...

Директор ХМИ постучал пальцем по столу. Возмущавшиеся и расшумевшиеся люди несколько угомонились в ожидании последнего слова руководителя института.

– Видимо, сегодня – неудачный день... – улыбнулся с натугой Евней Арыстанулы, хотя было видно, что он растерян и не знает, что сказать. – И поэтому, пока окончательно не рассорились, быстрее расходиться... Жаке, вас прошу задержаться...

* * *

Для Евнея эта ночь была очень беспокойной, он толком не спал. А ведь до этого, как приехал в желанную Сары-Арку, настроение было бодрым, приподнятым, спокойным был и сон, каждое утро он вставал с постели хорошо отдохнувшим, посвежевшим. Все, что давило и угнетало в Алматы, осталось позади. Режима он придерживался прежнего: после просмотра по телевизору московской программы «Время», где-то в 10.30 вечера он уходил на покой, просыпался около шести часов утра, легко одевшись, выходил во двор. Здесь в течение получаса совершал пробежку, уже в доме делал гимнастические упражнения, затем, умывшись по пояс холодной водой, садился за рабочий стол, дописывал начатую монографию, а если в том не было необходимости, тут же переходил к литературным занятиям, иногда записывал в общую тетрадь неожиданно приходившие в голову сравнения и обороты, мысли, навеянные новыми встречами. К восьми часам просыпалась дочка Акслу, она всегда звала не маму, а его. Он шел к ее кроватке, больше всего любил поднимать ее с постели, умывать в ванне, а потом четверть часа поиграть с нею.

Когда он получил трехкомнатную квартиру удобной планировки в новом доме по Советскому проспекту, сразу же перевез семью в Караганду: Алма, надо отдать ей должное, как получили квартиру, быстро собралась в дорогу, поняв, что ее место там, где муж. По приезде она устроилась преподавателем в местный пединститут, включилась в кипучую жизнь студенчества, но надолго ее не хватило. Она опять была в положении...

Вчерашнее событие совершенно выбило Евнея из колеи, дома не мог найти себе места, прокручивая в памяти все, что произошло, он в первую очередь обвинял себя за то, что поддался на провокацию, устроенную академиком в сговоре со своими подручными. В душе понимал подоплеку спора, затеянного этой группой людей: наверное, хотели показать ему свою силу, что они верховодили в ХМИ и будут верховодить. Шахтная печь им не нужна, это всем ясно, им тоже. Тогда зачем Хайлову весь этот сыр-бор? А что, если бы он отказался

от этой печи и сделал бы благородный жест: «Пожалуйста, берите, делайте свои опыты...» Взяли бы, куда деться, провозились бы месяца два-три, может и полгода без всякого толка, и сами бы отказались. «Нет, не мог я так сказать, нет, тогда бы я сам, своими руками похоронил свою идею, которой уже заразил солидную группу молодых приверженцев. Они верят в идею, верят мне, что у нас со временем что-то получится. И мне никак нельзя отступаться от этого, нельзя медлить. Скорее надо браться за эти опыты, если не получится с первого захода, повторить во второй, третий раз. Вот почему я не мог пойти на уступки зачинщикам скандала... Скорее всего, Хайлов мстил мне из-за того, что я не посоветовался с ним по поводу своего главного замысла, – думал он, ворочаясь в постели. – Да, я допустил оплошность, надо было зайти к нему в кабинет, как бы невзначай спросить, как делать, с чего начать...»

Но угодничать, лицемерить, льстить, играть с людьми в «кошки-мышки» было не в его характере, с юных лет он говорил то, что было на уме. В Алматы он всегда поступал так, как подсказывала совесть, как воспитывали его наставники, солидные русские ученые, ни перед кем не лебезил, не ходил на цыпочках, сохраняя свое человеческое достоинство. В.Д.Пономарев во всем доверял ему, предоставляя полную самостоятельность, давая возможность поступать по своему усмотрению. По-видимому, это делалось для того, чтобы соискатель учился на своих ошибках, сам находил единственно правильный путь к истине. А тут?.. Академик Хайлов всех учит уму-разуму, во все вмешивается, хочет, чтобы все были на одну колодку. Если случаем что-то спросишь, начнет издалека ходит вокруг да около, с усмешкой, слова вроде красивы, а жгут, как крапива. И так все нервы истреплет, что потом не рад будешь, что с ним связался. Недаром многие сотрудники избегали оставаться наедине с этим занудливым человеком. Именно потому не захотел с ним советоваться по поводу своих намерений. Оказалось, что зря. Вот теперь он влип в этот скандал, наверное, он продлится не менее чем полгода, хорошо, если бы быстрее затух. А если затянется на долгий срок?..

«Нет, не вытерплю, это не для меня, лучше уйду с директорского поста, как честно поступил мой коллега Ерден

Нигметулы, заявив в лицо Хайлову: «Вот кабинет, почтенный Михаил Исакович, садитесь в кресло директора и командуйте, как вам заблагорассудится, а мне оставьте лишь свою лабораторию...» Да, однажды и я могу так сказать ему. А что может дать науке этот смотрящий только под ноги старик, кичащийся своими былыми заслугами?..»

«Чрезмерные почести, воздаваемые некоторым демагогам в науке, стали явлением очень распространенным в нашей стране, особенно в последние годы, что вообще трудно понять, – подумал он, в который раз поворачиваясь на другой бок. – Недавно одному молодому сотруднику я предложил стать аспирантом Хайлова, этот бедняга так испугался, будто я ему предлагаю сунуть голову в пасть кровожадного льва, и чуть не плача признался: «Что вы предлагаете мне? Что я вам плохого сделал, в чем моя вина? Неужели вы не знаете, что Михаил Исакович не читает современные издания по своей отрасли науки, поэтому его научный уровень остановился на достижениях аж 40-х годов». – оправдывался бедняга. Евней в какой раз уперся взглядом в темноту: «Не могу понять, почему такой умудренный жизнью человек, как Сатпаев, пригласил его в Казахстан, дав ему карт-бланш на создание своей научной школы. Мало того, как мог рекомендовать нам такого несносного гордеца и зазнайку, со столь скверным характером академик И.П.Бардин, замечательный ученый с мировым именем? Странно, что, по словам самого Михаила Исаковича, он-то, покойный Иван Павлович его «очень ценил и безмерно любил». В чем же тут секрет, за какие такие достоинства Бардин многие годы держал его при себе?.. Ведь Бардин не только внес неоценимый вклад в металлургическую науку Союза, но он еще был одним из тех больших государственных деятелей, кто высоко поднял уровень отечественной промышленности. Это был действительно в высшей степени класный специалист, долгие годы он работал главным инженером металлургических комбинатов-гигантов Кузнецка, Магнитогорска. Этих фактов достаточно, чтобы представить широкую, мощную натуру Ивана Павловича, но как-то не вяжется облик Хайлова рядом с ним. Непонятно и несовместимо...»

от этой печи и сделал бы благородный жест: «Пожалуйста, берите, делайте свои опыты...» Взяли бы, куда деться, провозились бы месяца два-три, может и полгода без всякого толка, и сами бы отказались. «Нет, не мог я так сказать, нет, тогда бы я сам, своими руками похоронил свою идею, которой уже заразил солидную группу молодых приверженцев. Они верят в идею, верят мне, что у нас со временем что-то получится. И мне никак нельзя отступаться от этого, нельзя медлить. Скорее надо браться за эти опыты, если не получится с первого захода, повторить во второй, третий раз. Вот почему я не мог пойти на уступки зачинщикам скандала... Скорее всего, Хайлов мстил мне из-за того, что я не посоветовался с ним по поводу своего главного замысла, – думал он, ворочаясь в постели. – Да, я допустил оплошность, надо было зайти к нему в кабинет, как бы невзначай спросить, как делать, с чего начать...»

Но угодничать, лицемерить, льстить, играть с людьми в «кошки-мышки» было не в его характере, с юных лет он говорил то, что было на уме. В Алматы он всегда поступал так, как подсказывала совесть, как воспитывали его наставники, солидные русские ученые, ни перед кем не лебезил, не ходил на цыпочках, сохраняя свое человеческое достоинство. В.Д.Пономарев во всем доверял ему, предоставляя полную самостоятельность, давая возможность поступать по своему усмотрению. По-видимому, это делалось для того, чтобы соискатель учился на своих ошибках, сам находил единственно правильный путь к истине. А тут?.. Академик Хайлов всех учит уму-разуму, во все вмешивается, хочет, чтобы все были на одну колодку. Если случаем что-то спросишь, начнет издалека ходит вокруг да около, с усмешкой, слова вроде красивы, а жгут, как крапива. И так все нервы истреплет, что потом не рад будешь, что с ним связался. Недаром многие сотрудники избегали оставаться наедине с этим занудливым человеком. Именно потому не захотел с ним советоваться по поводу своих намерений. Оказалось, что зря. Вот теперь он влип в этот скандал, наверное, он продлится не менее чем полгода, хорошо, если бы быстрее затух. А если затянется на долгий срок?..

«Нет, не вытерплю, это не для меня, лучше уйду с директорского поста, как честно поступил мой коллега Ерден

Нигметулы, заявив в лицо Хайлову: «Вот кабинет, почтенный Михаил Исакович, садитесь в кресло директора и командуйте, как вам заблагорассудится, а мне оставьте лишь свою лабораторию...» Да, однажды и я могу так сказать ему. А что может дать науке этот смотрящий только под ноги старик, кичащийся своими былыми заслугами?..»

«Чрезмерные почести, воздаваемые некоторым демагогам в науке, стали явлением очень рапространенным в нашей стране, особенно в последние годы, что вообще трудно понять, – подумал он, в который раз поворачиваясь на другой бок. – Недавно одному молодому сотруднику я предложил стать аспирантом Хайлова, этот бедняга так испугался, будто я ему предлагаю сунуть голову в пасть кровожадного льва, и чуть не плача признался: «Что вы предлагаете мне? Что я вам плохого сделал, в чем моя вина? Неужели вы не знаете, что Михаил Исакович не читает современные издания по своей отрасли науки, поэтому его научный уровень остановился на достижениях аж 40-х годов». – оправдывался бедняга. Евней в какой раз уперся взглядом в темноту: «Не могу понять, почему такой умудренный жизнью человек, как Сатпаев, пригласил его в Казахстан, дав ему карт-бланш на создание своей научной школы. Мало того, как мог рекомендовать нам такого несносного гордеца и зазнайку, со столь скверным характером академик И.П.Бардин, замечательный ученый с мировым именем? Странно, что, по словам самого Михаила Исаковича, он-то, покойный Иван Павлович его «очень ценил и безмерно любил». В чем же тут секрет, за какие такие достоинства Бардин многие годы держал его при себе?.. Ведь Бардин не только внес неоценимый вклад в металлургическую науку Союза, но он еще был одним из тех больших государственных деятелей, кто высоко поднял уровень отечественной промышленности. Это был действительно в высшей степени класный специалист, долгие годы он работал главным инженером металлургических комбинатов-гигантов Кузнецка, Магнитогорска. Этих фактов достаточно, чтобы представить широкую, мощную натуру Ивана Павловича, но как-то не вяжется облик Хайлова рядом с ним. Непонятно и несовместимо...»

«Может быть, я просто наслушался всяких сплетен и небылиц о нем и настроил себя против него? Не мог же такой человек долго быть рядом с Бардиным. Значит, у него были неведомые мне отличительные качества и заслуги. Нет, не простой человек он, скорее всего, я ошибаюсь, делаю скоропалительные выводы? Разумеется, кто-то из коллег, зная и пользуясь его человеческой слабостью, скажем, его наивной доверчивостью, специально против меня натравливает? Да, и это может быть...»

В голову лезли разные мысли, действуя, как соль на раны. Так и не смог заснуть всю ночь. Навязчивые рассуждения сверлили мозг. Только под утро, окончательно обессилев, уснул. И, надо же, приснился ему прескверный сон: Марк Угорец, приехавший в Караганду по его приглашению и уже активно работавший в его лаборатории, будто бы пришел к нему домой, сидит перед ним и плачет. «Что с тобой, ты же мужчина?» – сердито выговаривает хозяин дома, а он плачет еще сильнее. Слезы бегут ручьем: «Вы меня обманули, Арстаныч. Почему меня сорвали с хорошего места в Алма-Ате? У меня была в общежитии института отдельная комната, любимая девушка Анна, с которой я хотел связать свою жизнь. И вот я прилетел сюда. Что мне здесь делать?..»

Кто-то потряс его за плечо, открыв глаза, Евней понял, что уже настало утро, из окна лился солнечный свет.

– Ты всю ночь плохо спал. И мне не давал спать... – сказала Алма недовольно. – Уже десять часов утра. Вставай, в гостиной тебя ждет Марк. Уже два часа сидит, наверное, у него что-то неотложное. Да, еще вместе с ним пришел какой-то русский парень...

Окончательно проснувшись, хозяин дома вышел в коридор, вторым человеком оказался сотрудник лаборатории обогащения руд Виталий Малышев. Они вежливо поздоровались, тут же справились о здоровье. Видимо, опасались, что он заболел.

– Нет, молодые люди, я здоров. Вечером поздно лег и вот проспал. Если есть в нашем коллективе «штатные стукачи», то могут записать прогул – нечем мне оправдаться... – сказал он, смеясь. – Ну, рассказывайте, с чем пришли?

– Не такое уж срочное дело. Мы подождем, приведите себя в порядок...

Хозяйка пригласила всех на завтрак. Тогда и состоялся их разговор: они пришли, оказывается, обсудить вчерашний инцидент наедине с ним; по мнению Марка, к запланированному опыту нужно приступать немедленно, просто надо сделать вид, как будто никакого спора вообще не было... А Виталий пришел, чтобы попроситься перевестись в его лабораторию, а в своей он больше не желает работать.

– Виталий, не торопись с переводом ко мне, придется чуть повременить... – остудил его Евней Арыстанулы. – Я бы тебя принял хоть сейчас, но, знаешь, Жармак Тюленович тут же поднимет шум, мол, директор переманил у него перспективного сотрудника. Я не хочу давать лишний повод тем людям, которые уже ополчились против меня...

– А я, честно говоря, не хочу оставаться там ни одного дня. Целый год уже потерял зря. Жан Тюленович – хороший инженер, но не ученый... – Малышев вопрос поставил ребром. – Если не возьмете в свою лабораторию, то уйду совсем, на Урал, к своему наставнику Смирнову Василию Ивановичу...

Теперь задумался Евней Арыстанулы: ему не хотелось терять даровитого парня, страстно увлеченного наукой.

– Да, ты ставишь меня в неудобное положение. Виталий, прошу тебя, сделай так... Потерпи хотя бы пару месяцев и добейся сам согласия Жаке. Если поступишь так, ты меня избавишь от мелких дрязг между лабораториями. Ну как?

Малышев в расстройстве почесал затылок. А хозяин дома воспринял это, как знак согласия.

– А тебе, Марк батыр*, не знаю, что ответить...

– Мы пришли, Евней Арстанович, к вам домой, чтобы предупредить вас заранее. В институте к вам сразу привяжутся доброжелатели-советчики, как Холод и другие, чтобы помирить вас с Хайловым. Им это выгодно, наверняка, они хотят пойти на компромисс, чтобы вы терпели их, если они даже

---

* Е.А.Букетов своего питомца Марка Залмановича всегда называл так, отождествляя его с римским патрицием Марком Антонием – любовником египетской царицы Клеопатры.

ничего делать не будут... Запомните, они здесь привыкли углы подпирать, заниматься пустыми разговорами и получать солидные зарплаты... – произнес Угорец и, поняв, что директор института разделяет его позицию, осмелел еще больше. – Вы только нам предоставьте свободу действий, можете для вида на время отойти в сторону... Дело в том, что вчера вечером вернулась наша машина с рудника Кайракты, привезла полный кузов рудного сырья для опыта. Значит, печку можно загружать и сегодня...

Евней Арыстанулы знал деловую хватку своего подопечного, тот всегда видел конечную цель, никогда не откладывал на завтра то, что можно сделать сегодня. Конечно, ему было по душе то, что предлагал Марк. Честно говоря, ему самому не терпелось начать. Об этом же он думал всю ночь...

– Простите, если мое предложение будет неуместным, – вмешался Малышев. – Сегодня же уезжайте в командировку в Алматы или ложитесь в больницу, вам надо немного поправить свое здоровье. А Марк Залманович, раз ему не терпится, пусть приступает к эксперименту!..

Хозяину дома не понравилась их прыткость, чрезмерная торопливость, но располагала к себе их твердость духа, не сломленная вчерашней баталией. Встав из-за стола, внимательно посмотрел на обоих и закруглил разговор:

– Спасибо вам обоим, что пришли посоветоваться! Что можно предпринять, решу я сам, сегодня же. А вы идите, распорядитесь, чтобы сырье разгрузили возле печи, и сегодня же химики пусть возьмут пробы на определение его состава...

IV

Наверное, многое все-таки происходит по «закону подлости», в общем, ничего не получилось у них с обжигом вольфрамосодержащей руды. Никак не шел ожидаемый металл в их руки. Неясно, было ли неправильным вообще их теоретическое обоснование или ошиблись в расчетах с составом? Первое время печь не давала нужной температуры. Вроде бы с помощью техников с производственного комбината устрани-

ли этот недостаток, но ожидаемого выхода металла все равно не было. Вернее, выделились ничтожные граммы, о чем не стоило вообще говорить. Видимо, главной причиной неудачи была нехватка профессионального опыта. Что делать? Пришлось директору института звонить своим знакомым металлургам в город Балхаш и просить направить опытных обжигальщиков.

Настоящий друг никогда не откажет. Тот же однокурсник его Орынсеит Нурекин, уже проработавший на медном гиганте более десяти лет, ставший там начальником цеха, направил в ХМИ своего технолога. Было не совсем удобно, что рядовые технари берут на буксир ученых металлургов, но куда денешься – теория без практики мертва. Приезжий специалист, остановив печь, целый месяц разбирался в ее утробе, что-то поправлял, везде, где считал нужным, установил измерительные приборы. Теперь сама установка, хотя и невеликая по габаритам, стала походить на действительную обжиговую печь (иные из них были высотой с четырехэтажный дом). Снова нагрели установку, загрузили тем же концентратом. Но результат был прежний, как бы ни меняли состав загружаемого сырья... Что поделаешь, на нет и суда нет. И все уже смотрели на печь, как бы говоря: « На что нам ружье, если стрелять не умеем...»

Все попытки пересмотреть с теоретической стороны просчеты оказались бесплодными. Ясно было, не хочет даваться им этот дорогостоящий вольфрам, вернее его окисленное соединение. Естественно, исследователям подумалось, что они на ложном пути, пора прекратить эти испытания. Но тогда почему они находят «следы» того соединения в остатках обжига, а ведь это означает, что процесс теоретически продуман верно, значит, неправильно ведется сам обжиг. Как его улучшить?

Они понимали, что имеют дело с вольфрамом, одним из редких, мало встречающихся в природе тугоплавким металлом. Вольфрам был нужен не только для производства нитей накаливания для миллиардов электроламп, но и для других промышленных целей, например, как основа при выплавке высококачественной легированной стали. Однако эконо-

мически выгодного способа отделения его от вольфрамосодержащих соединений пока не было. Сколько исследователей в мире ломали копья в дискуссиях, сколько потратили энергии и сил! Все напрасно. В конечном счете всем исследователям, которые хотели поймать чертовски хитрую «серебристую лису», пришлось смириться со своим поражением. По-прежнему везде и всюду применялись допотопные методы. Нужное количество металла получали дорогостоящими способами. Если бы карагандинским исследователям улыбнулась удача и они подняли бы уровень извлечения вольфрама хотя бы на 10-20 процентов, это стало бы мировой сенсацией. Но что поделаешь, это только в сказках все делается быстро, по щучьему велению, по моему хотению...

Катились дни, недели, месяцы. Из тупика, в который попала горстка исследователей, руководимых самим директором ХМИ, она пока не нашла выхода. По мысли научного руководителя, с теоретической стороны все задумано достаточно смело и грамотно, об этом он уже неоднократно говорил в своем кругу, вся загвоздка в неправильном обжиге.

И в один из хмурых дней, когда все опять пошло насмарку, он вспомнил об исследователе со старого уральского завода с Верхней Пышмы, где он был со своими студентами-практикантами целый месяц, об Алексее Николаевиче Полукарове, который как-то сразу пришелся ему по душе. Он был цельным, целеустремленным человеком, такие пороки, как вранье, зависть, мздоимство ему были чужды, его честная натура не терпела никакой фальши. Именно он открыто сказал ему, что красивая дама, начальница цеха, обещая внедрить его метод извлечения редкого элемента, попросту обманывает его. Полукаров был прав, наверное, психологию своих сослуживцев он понимал и угадывал лучше. В тот раз они быстро сблизились, Полукаров был сущим кладом, знающим свое дело инженером и прирожденным, талантливым экспериментатором. И еще, как натура увлекающаяся, он наизусть знал много стихов Фета, Тютчева, Некрасова. По-видимому и это также сыграло свою роль в том, что эти два человека – отличный производственник и ученый из Ка-

захстана, мечтающий о своем звездном часе, быстро подружились. Потом они иногда обменивались поздравительными открытками в дни праздников, чаще всего в канун Нового года.

Евней Арыстанулы не зря вспомнил в те неудачные дни Полукарова (напомним, что в «Шести письмах другу» он назван Н.А.Полубричкиным), наверное, в какой-то мере положившись на интуицию, он послал ему телеграмму, приглашая на работу в Караганду. Ответ он получил не от Полукарова, а от его коллеги, который полунамеками объяснил ему, в какую ситуацию попал его слишком прямодушный приятель: оказывается, Алексей Николаевич не прижился в Верхней Пышме, так как не мог терпеть несправедливости, повздорил с инженерами, стоящими выше его рангом, которые, не совсем зная сути дела, отдавали нелепые команды, а он отказывался их выполнять: в результате ему указали на дверь...

Между прочим, такова доля всех талантливых людей, не умеющих приспосабливаться, гнуть спину перед начальниками, чванство которых – просто мыльный пузырь. А такие таланты-самородки, как Полукаров, нужны как воздух, чтобы двигать прогресс. Понятно, что они неудобны, тяжелы по характеру, как говорят, не лыком шиты, они мешают карьеристам, вообще тем, кто хочет жить спокойно. Разумеется, колючий на язык и себе на уме Полукаров не изменится в Караганде, хлопот с ним не оберешься. Но он фанатик, не думающий о личной, шкурной выгоде, честный трудяга. Короче говоря, Евней Арыстанулы после полученного не совсем приятного известия об одиссее прирожденного экспериментатора, не раздумывая, решил: «В нашем молодом и разношерстном научном коллективе он будет крайне нужен. Приняв его на работу, мы нисколько не проиграем. Для науки и моих некоторых коллег, которые часто и преднамеренно увлекаются пустопорожними, околонаучными демагогическими разговорами, он станет катализатором, ускоряющим прохождение реакции».

Словом, он отправил в Верхнюю Пышму повторную телеграмму с просьбой, чтобы ему во что бы то ни стало нашли Алексея Николаевича.

После долгих поисков Полукарова нашли в Одессе. Кандидат технических наук, прекрасный экспериментатор работал грузчиком на фабрике игрушек. Получал, конечно, мизерную зарплату, к тому же он не умел жить. Стал настоящим «бомжем» и, конечно, беспробудно пил горькую – у него не было постоянного места, где мог приютиться, в общем, оказался на дне жизни...

Евнею Арыстанулы не верилось, что такой умный и талантливый человек мог опуститься до такого состояния, каким-то шестым чувством он улавливал: что-то человеческое в нем должно сохраниться. Жалея его, вознамерился все-таки попытаться вернуть Полукарова к нормальной жизни.

...И вот осенью, к концу рабочего дня в кабинет директора ХМИ вошел прибывший из самой Одессы, как ее называют, жемчужины у моря, Алексей Полукаров – собственной персоной.

Евней Арыстанулы удивился, не поверил своим глазам: настолько он изменился за каких-то три-четыре года, в этом сгорбленном старике он едва признал прежнего неутомимого спорщика, готового до конца отстаивать свою точку зрения хоть по производственным, хоть по литературным вопросам, человека с обширным кругозором, всесторонне образованного. Безжалостная жизнь так его поломала, что если бы сопровождавший его сотрудник не предупредил заранее, что прибыл Полукаров, Евней Арыстанулы ни за что бы его не узнал. Целую неделю его приводили в порядок, чтобы институтские «стражи» не взяли так худо выглядевшего старика «на мушку» и потом бы не использовали в своих жалобах против директора этот факт, обвинив его в том, что он подбирает свои кадры среди бродяг, находя их на каких-то свалках.

Войдя в кабинет, Алексей Николаевич, чуть подавшись вперед, вдруг остановился у порога, даже не поздоровавшись, и потупился. На его изможденном лице застыла вымученная улыбка. Нет, это был не тот Полукаров, которого знал Евней Арыстанулы. Только иногда пробегавшая искорка в его голубых глазах напоминала, что это тот самый, знакомый коллега.

Евней Арыстанулы, обойдя стол, сам подошел к нему, неожиданно обнял пришельца. И долго не выпускал из своих сильных объятий побитого жизнью ученого, показывая тем самым, что он искренне рад встрече. Наверное, от того, что директор большого академического института, отбросив прочь всякие предрассудки, как подобает настоящему мужчине, показал свое особое уважение к нему и душевное расположение, бедняга совсем растерялся. Такая теплая встреча была для него неожиданна и похожа на сон, давным-давно с ним никто так по-человечески не обращался. Полукаров не смог сдержать себя, слезы брызнули из его глаз, и вдруг он расплакался навзрыд.

Евней Арыстанулы, ничего не говоря, потащил его за стол. Посидели, молча глядя друг на друга, лишь через некоторое время хозяин кабинета произнес:

– Ну, дружище Алексей, с приездом!.. Тебе уже рассказали, для чего я тебя разыскивал по всему Советскому Союзу?

– А это и так ясно, Евней Арстанович... Вы видите мое состояние – хуже не бывает... Деваться мне некуда, что прикажете, то и буду делать, откровенно говоря, я нуждаюсь в вашем милосердии...

Директор ХМИ уже решился на отчаянный шаг, потому он твердо заявил:

– Нет, Алексей, ты неправ, наоборот, мы нуждаемся в твоей помощи. У нас тут полный провал в смысле проведения экспериментов... Я тебя пока оформляю на ставку старшего научного сотрудника. В твоем распоряжении – минимум десять будущих кандидатов технических наук, все они будут делать то, что ты скажешь. Они все молодые, жаждут удивить мир, как когда-то мечтал ты, так что в твоих руках – их судьба, крепко подумай об этом... Опытную печь для обжига, построенную нами, тоже целиком отдаю в твои руки. Там ты будешь главным инженером или главным обжигальщиком, называй себя, как хочешь, и командуй, как тебе заблагорассудится... Теперь насчет житейских дел: пока поживешь в нашем аспирантском общежитии, а месяца через два-три горисполком должен выделить институту квартиры, одну из

них, трехкомнатную, в центре города, я распоряжусь, чтобы отдали тебе. Но до этого ты должен уговорить свою Анну, чтобы она с детьми переехала в Караганду, если, конечно, жена поверит в тебя, что ты взялся за ум. Ясно? Если у тебя есть вопросы, пожелания ко мне, скажи сразу, с завтрашнего дня мы приступаем к большой работе, свободного времени ни у тебя, ни у меня не будет, Алексей!..

Полукаров вел себя, как будто был оглушен и не верил своим ушам. Ему казалось, что он ослышался, «Откуда эта манна небесная посыпалась на его голову? Неужели все это директор ХМИ наговорил ему? Кто он такой, что ему, бродяге, вдруг оказывается столько почета и уважения? Здесь, в Караганде, казахстанской угольной столице, меня привечают, как родного, ведь до этого на огромном пространстве необъятной страны я не мог найти хоть какое-то пристанище, чтобы прислонить свою несчастную голову... Как кстати пришел мне на выручку этот человек-великан, напоминающий наших былинных богатырей, с таким добрым и отзывчивым сердцем, с которым я общался всего-навсего с месяц на Урале...»

Алексей Николаевич сидел, поникнув головой, все еще не веря в реальность происходящего.

– Вы поняли, Алексей Николаевич, что вам Евней Арстанович предлагает полную свободу действий? – подал голос Малышев, до того сидевший в кабинете молча, не вмешиваясь в разговор старших.

– Евней Арстанович, мылый, я согласен, всю жизнь буду перед вами в долгу. Как мне вас отблагодарить?.. – робко проговорил гость, наконец подняв голову.

Евней Арыстанулы громко рассмеялся.

– У меня к тебе, Алексей, одна просьба. Если обещаешь выполнить, скажу...

– Говорите, что от меня хотите?

– Если сможешь, бросай пить. Навсегда!.. Дай обет, что даже в тот день, когда будешь защищать докторскую диссертацию, ни грамма не возьмешь в рот. Алексей, я прошу тебя не как твой директор, а как коллега.

Полукаров закрыл глаза и в таком состоянии просидел довольно долго. Нетерпеливый Малышев заерзал, в какой-то миг он подумал: неужели бедолага никак не хочет расстаться с проклятой привычкой...

Вдруг Алексей Николаевич изменился в лице, оно стало чуть суровее, возможно, он еще никак не мог отойти от прежнего состояния отрешенности и безучастности, чуть пошатнувшись, дрожащим голосом ответил:

– Для того чтобы я снова не повернул на тот скользкий путь, сразу же впрягайте меня в работу.

Словом, с того дня началось возвращение Алексея Полукарова в науку и в жизнь. Было трудно, были моменты, когда он чуть не срывался снова в то болото, откуда его вытащили. Возможно, ему помогло то, что его постоянно окружали молодые люди, с чистой совестью, которые с энтузиазмом работали ради науки, кстати, еще не зараженные вирусом зазнайства. Это воодушевляло Алексея Николаевича, вызывало желание творить, постоянно искать новое, неизведанное в отрасли науки, которой он себя посвятил.

Естественно, всецело получив в свое распоряжение обжиговую печь, он в первый же день досконально рассмотрел ее со всех сторон и изнутри. Был чем-то недоволен, правда, об этом не стал распространяться. А тех, кто готовился провести очередной обжиг, придержал: «Подождите малость». И сев за стол, стал спешно чертить и делать расчеты. Через неделю по требованию Алексея Николаевича поставили печь на реконструкцию. Кое-что внутри нее изменили, например, в самом поду печи, куда закладывался концентрат, установили механический смеситель-лопату для перемешивания сырья во время обжига. Заменили и поменяли местами термопары, измеряющие температуру в разных местах. «Главный печник» – так Полукаров назвал свою должность, считал, что вытяжная труба, которая досталась исследователям от бывшей котельной, создает слишком сильную тягу, поэтому в горловину ее надо вмонтировать перегородку для регулировки процесса обжига. Об этом догадывались сами исследователи, но они понадеялись на авось, думали, и так сойдет. Оказалось, не сойдет.

Полукаров не пропускал никаких мелочей в научных экспериментах, он и здесь немедленно занялся расчетами. В конце концов, заручившись поддержкой директора института, сам поехал в Темиртау, к металлургам, просидел там целую неделю, пока в мастерской не соорудили по его чертежу перегородку с нужными регулировочными механизмами. Потом ее оперативно установили в горловину печи...

Наконец, настал день, когда злополучную печь снова поставили на обжиг. Первое испытание показало, что печь работает неплохо, она стала более управляемой, чем до этого, даже в три раза повысился выход металла. Это были уже не «следы» и не «признаки» вольфрама, а настоящий продукт. Исследователи обрадовались полученным результатам, фактически это было первым и значительным успехом после многих провалов. Они были готовы объявить Полукарова своим спасителем. Теперь испытания продолжались с большой интенсивностью, менялись параметры обжига, объем и состав руды. Где-то после 15-ой загрузки они добились 5-кратного увеличения выхода металла.

Но сам «главный печевой» Алексей Николаевич был явно неудовлетворен результатами. Марк Угорец, основной заказчик опытного обжига, тоже был от них не в восторге. А руководитель исследований Е.А.Букетов на очередном обсуждении даже сказал: «Процент выхода металла намного ниже, чем у производственников. А нам нужно как минимум достичь 70-80 процентов извлечения. Пока этого не достигнем – не остановимся».

Виталий МАЛЫШЕВ,
«ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА»:

«В его судьбе была трещина. Родители Полукарова были раскулачены, и это оставило неизгладимый след в душе безусловно одаренного мальчика, ставшего потом хорошим студентом, аспирантом и ученым. А как он знал Фета, Тютчева, Некрасова! Не потому ли, что они способны утешить, понять страдание и взывать к справедливости? Последнее не столь уж и субъективно в свете новейшего отношения к личному труду, подсобному хозяйству, семейному подряду. В наших, теперь уже бывших

братских странах, как-то обошлось без раскулачивания, и там продовольствием обеспечивают не хуже нашего, а то и лучше. Полукарова приняли на работу. Он сразу же адаптировался и вскоре начал выдавать научную продукцию – изобретения, статьи и так далее. Позднее его «слабость» сошла почти на нет и переключилась на бильярд, к которому его пристрастил все тот же Евней Арстанович.

...Евней Арстанович воспринимал его как чистый звук некоего общественного камертона, любил его рассказы о жизненных передрягах и многое прощал. Да, хороший человек Алексей Николаевич... Пока не ушел на пенсию, всегда работал с юношеским задором, оставаясь одним из наиболее продуктивных изобретателей и ученых. Самое удивительное, кто бы ни обращался к нему за советом или помощью, он бескорыстно всем старался помочь. И за это ничего не требовал. Даже тем, кто его по приезде в Караганду встретил недоброжелательно, впоследствии он и им никогда не отказывал в помощи...»

В лаборатории Букетова пирометаллургические изыскания (процессы, идущие при высокой температуре, при обжигах или во время выплавки металла) никак не налаживались, как хотелось. Металла по-прежнему отделялось мало. Группа Угорца несколько месяцев подряд боролась, чтобы увеличить его извлечение. Разумеется, такие непредвиденные осложнения в истории науки встречаются сплошь и рядом, иные трудятся десятилетиями и не достигают успеха. Вообще же, на подобные случаи в научных кругах есть и такое оправдательное объяснение, что «отрицательный результат – тоже результат для науки». Эту аксиому в пирометаллургической группе ХМИ знали хорошо. Они также знали, что замахнулись на нечто большое и сложное. И верили, что, в конце концов, желанная цель будет достигнута, так как нет такой крепости, которая бы им не сдалась...

И вот однажды вечером Алексей Полукаров заглянул в кабинет директора ХМИ:

– Евней Арстанович, я долго думал о преследующих нас неудачах и пришел к выводу, что с этим сырьем у нас ничего не получится. Надо менять его. И точка!..

Директору института трудно было признать свое поражение, притом в институте, руководимом им. Он сам догадывался: что-то идет не так, только не мог решиться на прекращение опыта, а теперь вот об этом завел речь коллега. Очевидно, он прав, придется признаться, что опыты потерпели крах. И это случилось в самое неблагоприятное для него время...

* * *

То, что молодой директор ХМИ открыто игнорировал замечания старшего по ученому званию и возрасту коллеги, привело профессора Хайлова в ярость. Распоряжения Евнея Арыстанулы он воспринял как выпад против него лично, и во всеуслышание объявил, что его эксперименты – сплошное дилетанство и скоро позорно провалятся. В своих очередных жалобах на имя президента АН академик М.И.Хайлов открыто писал, что «не отдающий отчета своим действиям всего-навсего кандидат наук поставил перед коллективом института непосильную задачу, чтобы скорее получить докторскую степень, при этом ни с кем не считается...» В пылу полемики, как правило, высказывается много разных обвинений, а здесь маститый оппонент разбивал своего противника сильной демагогической логикой, доказывая, что сам директор ХМИ человек, ни одного дня не работавший на производстве, потому недооценивает, но самое скверное – он не понимает важности его, Хайлова, исследований по усовершенствованию действующей технологии выплавки стали и чугуна, а это, кстати, обещает настоящий переворот в металлургии. Причина его противодействия – сугубо эгоистические амбиции, стремление поставить свое «я» выше интересов науки...

Конечно, Евней Арыстанулы и его сподвижники старались дать соответствующий отпор необоснованным обвинениям старого профессора и всех тех, кто его поддерживал в этой все разгорающейся распре. Но один случай порождал другой, со временем скандал стал нарастать, как снежный ком, и выплеснулся за пределы института. Жалобы жаждав-

ших крови мстителей дошли не только до руководства Академии наук, но и до райкома и далее, как в цепной реакции – до обкома партии. Раз поступали жалобы – значит, надо было их рассматривать, дать им надлежащий ход. Это было железным правилом тех времен. Тем более жаловался известный ученый, доктор наук, к тому же действительный член АН Казахской ССР. Второе лицо, подписавшее эти письма-доносы в вышестоящие инстанции, – тоже не рядовой сотрудник, а заведующий лабораторией электрохимии этого же института, кандидат технических наук, член партии и участник Великой Отечественной войны П.Л.Холод. А под иными жалобами были подписи десятка человек, все они были из той группы, которую привел сюда сам М.И.Хайлов с Урала. В общем, они ополчились на директора ХМИ дружно и очень активно...

Комиссий, проверявших деятельность ХМИ, поступки его директора «с диктаторскими замашками» было не счесть: из райкома, горкома партии, иногда из самого обкома; партийные органы держали под контролем каждый шаг Букетова; кого он принимает на работу, кого увольняет, как расходуются государственные средства, и, конечно, по каждому пустяку велось расследование... На все надо было давать ответ в письменном виде, сочинять объяснительные не на одну-две, иногда на десятки страниц. Некоторые комиссии, разумеется, более солидные и с большими полномочиями, устраивали публичный разбор. Поэтому приходилось уделять ему целый день. Такие собрания заканчивались поздней ночью, хотя, честно говоря, на них шла пустая перепалка сторон. Хочешь-не хочешь – всем участникам приходилось высказываться. В результате сотрудники, вместе работавшие в одной комнате, на следующий день смотрели друг на друга как на врага, подолгу не разговаривая, даже не здоровались. Порой кого-нибудь ни за что, ни про что обливали грязью. Кого-то сравнили с верблюдом – попробуй докажи, что ты не верблюд. В общем, кто, как мог, мутил воду. Разборки, кроме вреда, никому ничего не приносили. От них все устали. Особенно Евней Арыстанулы. И в суматохе этих скандалов он зачастую терялся, не зная, что дальше предпри-

нять, куда бежать от них. Он уже плохо ориентировался в том, что происходило в институте, не мог сосредоточиться на исследованиях, проводимых в лабораториях. К тому же, собственные неудачные опыты вовсе его обескуражили, и порою ему казалось, что хайловская группа абсолютно права, постоянно обвиняя его в том, что там, где путь прямой, он пошел по кривой.

* * *

Наверное, не случайно сказано: «Беда беду накликает». Но коли пришла беда, крепись, наберись терпения и выдержки. Беда и вымучит, беда и выучит.

Неудачи, начавшиеся в институте с осени 1961 года, продолжались всю зиму и лето, не давая спокойно работать Евнею Арыстанулы. И, как назло, к этим конфликтам прибавился и разлад в семье.

Вроде бы ничто не предвещало грозу. В Караганде они получили добротную квартиру в центре города. Алма разрешилась второй дочкой. Евней назвал ее Даляпраз, в память давно скончавшейся сестры отца. Она с каждым днем и месяцем подрастала, становилась шустренькой, как Акслу, ее ласково звали Дакенай. От ее голоса стало в доме веселее. Известно, что радость приходит в каждую семью с появлением ребенка, счастье любого шанырака – детские голоса, их беззаботный, звонкий, заливистый смех.

Евней приходил домой усталым, постоянно поздно. О неладах в институте он никогда не говорил дома. Алма, как женщина чуткая, догадывалась о них, скорее всего, была отчасти информирована из доходящих до нее разговоров. Муж же, возвращаясь домой, чувствовал себя как бы побитым. Временами у него не было даже желания поиграть с детьми, не то что разговаривать с женой. Было лишь одно желание завалиться в постель и отоспаться спокойно пять-шесть часов, забыть все раздоры, споры до потери пульса. И это хоть на время снимало нервное напряжение.

К сожалению, такое невнимание раздражало жену, она стала допекать его руганью и слезами, лишив покоя и дома. И со временем обстановка в семье все более накалялась...

На мой письменный запрос по этому поводу Камзабай Букетов из Караганды прислал вот такой ответ:

«Однажды ночью, когда мы уже спали крепким сном, проснулись от продолжительного звонка в дверь. Разбудил нас в два часа ночи мой брат – Евней. Оказалось, среди ночи наша молодая сноха опять затеяла ссору, и он, не выдержав, ушел из дома. Мы его уложили на диван в гостиной. Всю ночь он, ворочаясь, не сомкнул глаз, мы тоже с супругой Бикен не спали до утра. Утром брат объявил нам, что больше он с Алмой жить не сможет, что его терпение иссякло... Ушел на работу, поручив нам принести его одежду и все нужные деловые записи к нам домой. Мы хотели предотвратить эту семейную катастрофу. Вечером, пригласив Алму Бекжанкызы домой, расспросили ее. Она тоже сказала нам, что к прошлому нет возврата, примирения не будет, все решено окончательно. На наши доводы не разрушать семейный очаг, простить друг друга, не делать двух малышей при живых родителях сиротами... она не отозвалась. Евней взял материальную сторону обеспечения детей на себя, оставил квартиру целиком Алме, лишь забрал свои книги и все необходимые бумаги для работы, одежду. И пока временно поселился в нашей квартире...»

С Алмой Бекжанкызы, как было сказано в предыдущей главе, я встретился в Алматы, летом 2003 года. Краткое изложение ее немногословного рассказа привожу ниже:

«Евней был гостеприимным человеком, он любил не только в гости ходить, но и к себе приглашал очень часто: это были сотрудники института, просто знакомые или земляки с Северного Казахстана, которые заходили к нему в кабинет с различными вопросами. Раз пришел гость, надо прилично его встретить, есть или нет что-нибудь в холодильнике, он вовсе не думал об этом. Дети были маленькие, часто болели. Я очень уставала от

домашней бесконечной сутолоки. Как вышла замуж, фактически толком и не работала. Если говорила об этом Евнею, он отвечал: «Надо терпеть, дети должны расти здоровыми, а в садике они будут болеть, поэтому ухаживай за ними сама. Что я с дипломом университета сижу дома, не работаю, мужа вовсе не интересовало. Он только и говорил, что достаточно зарабатывает, на все расходы вполне хватает. В общем, он был склонен, чтобы я была только домохозяйкой. Короче говоря, на этих чисто бытовых спорах наши отношения разладились, часто стали ругаться... Нет, все-таки то, что мы разошлись еще молодыми, сейчас я думаю, это было правильно. Я стала кандидатом наук, здесь, в Алматы, в одном высшем учебном заведении преподаю, профессорского звания добилась. Можете оценить, что для одинокой женщины-казашки в современном мире эти достижения не так уж и плохи. После развода с ним мне в Караганде не было смысла оставаться, обменяв квартиру на Алматы, переехала сюда насовсем...»

Семейные неурядицы Букетовых на этом не кончились: в мае 1962 года тяжело заболела их мать Бальтай, ей уже исполнилось шестьдесят четыре года, неожиданно почувствовав недомогание, она слегла в больницу.

После того, как Камзабай получил здесь работу, она переехала к нему. Двое младших ее сыновей после окончания политехнического института здесь же женились, они жили отдельно со своими семьями. А младший сын Еслямбек учился на третьем курсе Карагандинского политехнического института, жил вместе с ней. Бальтай была довольна своей судьбой, и всегда благодарила Всевышнего за то, что все сыновья живы и здоровы, и все они, слава Аллаху, заняли свое место в жизни. Дом Камзабая, в котором она жила, по ее желанию стал «кара шаныраком» Арыстана, то есть главным очагом всех Букетовых. По сути она, простая, неграмотная женщина, оставшаяся в сорок два года вдовой, поставила на ноги пятерых сыновей. Из них четверо, кроме самого младшего, уже обзавелись семьями, у всех по двое-трое детей. Конечно, тяжелые переживания, неустанный, вечный труд без отдыха и сна –

ради благополучия детей теперь, в старости, дали о себе знать, запущенная болезнь печени вдруг к весне обострилась, и вот она первый раз в своей жизни оказалась в больнице. Срочная операция не помогла ей, а может, даже ускорила роковой час...

По-житейски мудрая мать, будто бы почувствовав близкий час расставания, одного за другим позвала своих детей в палату. Всем высказала свои думы и пожелания на их будущее. А потом, когда возле нее остались двое старших сыновей, Евней с Камзабаем, поочередно глядя на обоих, она начала непростой разговор: «Несмотря на то, что до нашего родного аула отсюда почти тысяча верст, прошу вас, милые мои, похороните меня возле вашего отца, сегодня я видела сон, он уже зовет меня к себе... – чуть передохнув, тяжело дыша, она снова посмотрела на старшего сына, который в тот момент тихо гладил ее похолодевшие руки и вздыхая, печальным голосом продолжила: – Евнейжан, внимательно выслушай меня, родную мать, мне очень больно, что у тебя в шанираке нет ладу... Сноху мою, которая не смогла оценить тебя по достоинству, и двух дочурок, которых ты так долго ждал и беззаветно любишь – нисколько не жалею. У них, наверное, Всевышним предначертанная своя судьба, лишь бы были живы-здоровы!.. Ты у меня – первенец, самый любимый и теперь самый старший в вашем роду, ты не похож на других, ни характером, ни умом. Чтобы родная твоя мать на том свете чувствовала себя спокойно и тихо спала в сырой земле, прошу тебя, сходись с прежней снохой моей – Зубайрой. Я чувствую и предрекаю тебе, твое семейное счастье и благополучие будет только с ней!..» – сказала и по своей привычке закрыла глаза, дав понять, что хочет отдохнуть.

Через несколько часов после этого разговора она отошла в мир иной.

Последнее ее пожелание дети выполнили с честью. Привезли ее тело на старый могильный курган у берега Есиля, где покоятся предки, и похоронили рядом с мужем. Все ритуалы, связанные с похоронами, провели в ауле Баганаты, где по-прежнему проживали родные и близкие. В то же лето установили возле могилки родителей два надгробных камня. На камне с

северной стороны были высечены слова: «Арыстан Тумырзаулы (Бокет), 1884-1942, атыгаец, из баимбетовского рода», а на камне рядом: «Умсын (Бальтай) Байжанкызы, 1898-1962, из рода Акан-Барак».

V

Охватывая мысленном взором все жизненные перевалы моего героя, я, как более-менее знающий его человек, могу твердо сказать, что 1962 год для Евнея Арыстанулы оказался самым тяжелым. Мне даже подумалось, как будто бы кто-то хотел испытать его на прочность, ибо со всех сторон в том году на него обрушились разные напасти, разумеется, не без последствий...

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Я решил отказаться от должности директора. Нельзя сказать, что пришел к этому решению внезапно. Я, казалось, много думал, но мою разгоряченную голову занимали почему-то разнообразные варианты тех решительных мер, которые должны были привести к немедленному успеху, но которые при серьезном обсуждении с самим же собой лопались, как мыльные пузыри. Я трусливо отталкивал от себя трезвые соображения о путях преодоления трудностей, потому что был в обиде на себя же самого, что совершенно не готов к достижению целей, требующих длительной выдержки, упорства, настойчивости и методичности. Я явственно обнаруживал свою беспомощность, и мне не оставалось ничего иного, как подать заявление на имя президента об освобождении от занимаемой должности, что немедленно и сделал...

Но как только отправил свое заявление, мне стало легче, я впал в безмятежность, даже мои научные дела, думать о которых не переставал ни при каких обстоятельствах, стали маячить в каком-то зыбком отдалении, и я впервые испытал невиданное блаженство от равнодушия к ним... Я приходил в институт, не особенно утруждая себя расспросами, легко подписывал бумаги и убивал время на пустые разговоры с Бокеновым

(с Тюленовым Ж.Т. – М.С.).... *Он сидел в кабинете довольный собою, находя, что молодой руководитель становится человеком, вполне оценивающим его достоинства. Начал нравиться и Хайлову, ибо вместо того, чтобы задавать заместителю беспокойные вопросы, я уезжал кататься на служебной машине по городу и окрестностям, занимая себя только одной мыслью, когда же придет ответ на заявление. О работе не думал, утешая себя тем, что у нас в стране безработных нет... Ждал почти месяц, пока, наконец, не получил телеграмму с приглашением приехать. Я понял, что эта телеграмма предвещала серьезный разговор, поскольку такие вопросы, как смещение директора института, с маху не решаются.*

...Пока ехал, передумал десятки вариантов, как себя вести, пока не пришел к заключению: следует просто сказать о своем решении кратко, четко, далее молча настаивать на своем...»

– Ебеке, расстроили же вы меня тем, что оказались не тем человеком, которого так расхвалили здесь ваши же наставники из ученого мира и некоторые неразборчивые друзья – поклонники вашего таланта... Вы оказались даже не тем, кого я в вашем лице хотел видеть после первой беседы. Мне всегда больно, когда я ошибаюсь в людях...

Президент, вынув из папки заявление Букетова, взглянул краем глаза на него и резко отодвинул листок подальше от себя.

– Академическому институту найти руководителя нетрудно... Но меня удерживает от этого шага и удивляет одно обстоятельство: вроде бы мы с вами при первой встрече договорились о многом, вы меня, помнится, в тот раз убедили в своих научных планах, о чем говорили с большим энтузиазмом. И от всего этого вы отреклись за один год. Почему так быстро разочаровались?

Когда Каныш Имантайулы устало посмотрел прямо в лицо молодому коллеге, Евней не посмел из-за стыда ответить, лишь молча опустил голову.

Президент академии продолжил свой монолог в том же духе. Каждое слово будто бы било в сердце.

– Прежде чем вас вызвать сюда, я еще раз просмотрел вашу автобиографию, пытаясь найти ответ на вопрос, в чем же я

ошибся. И, кажется, нашел: вы оказались уроженцем кочевого казахского аула... И мне стало понятно, отчего вы испугались тех временных трудностей, с которыми вы столкнулись там, в Караганде...

До этого сидевший задумчиво Евней Букетов впервые, как вошел в этот кабинет, поднял голову и, посмотрев удивленно на Каныша Имантайулы, подумал: «Неужели есть в моих предках какие-то недостатки или изъяны, на что же он намекает?..»

– Наш народ до двадцатого века в основном занимался животноводством, которое давало ему продукты для существования, иных забот почти не было. Степняки не думали особо о завтрашнем дне, хотя бы на год вперед. Были уверены, если есть у них десяток овец и коз, пара верблюдов, косяк лошадей и несколько коров, то не умрут с голода, проживут кое-как. В вашей биографии я увидел именно эту самоуспокоенность. Однако вы, несмотря на то, что родились в степном ауле, очевидно, не желая отстать от своего времени, решили получить техническое образование. Бог помог вам встретить хороших учителей-наставников. Природа вас одарила неплохими способностями, и они, вкупе с вашим трудолюбием, ввели вас в мир науки...

Евней Арыстанулы сидел молча. Он не мог ничем возразить весьма уважаемому человеку.

– Все это вы достигли малым трудом, ваш путь в науку был как будто усыпан цветами, сплошное везение! «Да, он рано повзрослевший джигит, из него будет толк!» – думали мы, доверяя вам руководство целым институтом... О том, что предстоит вам очень тяжелая работа, вы знали. Я хорошо помню ваш ответ насчет этого, Ебеке...

Канеке снова посмотрев на его заявление, которое все еще лежало на краю стола, покачал головой. На его широком лбу собрались морщины, светлое лицо его опечалилось. Вынув из стола агатовую шакшу*, высыпал на ладонь щепотку насыбая, аккуратно положил под нижнюю губу, потом твердо сказал:

---

* Сосуд для жевательного табака, вырезанный из камня, куда закладывается насыбай.

– Конечно, поднять новый институт непросто. Даже в цивилизованной Европе в этом случае долго раскачиваются. А нам, сынам бывших кочевников, только вчера, как говорится, занявшимся наукой, тем более это сделать очень трудно. Потому что все надо начинать с нуля. Мир науки – это путь в незнаемое и овладеть ее тайнами за каких-то пару лет намного сложнее, чем вы думаете. И ваше решение быстрее поставить на ноги ХМИ, притом чисто административными мерами – тоже наивно. Да, да, я знаю, мне уже рассказали, что вас спровоцировали некоторые мнимые специалисты, которые давно сделали науку дойной коровой, ничего не делая, вернее, создавая видимость исследований. К тому же вам не повезло с собственными опытами, которые вы начали в явной спешке, без надлежащей к тому подготовки. Все это вынудило вас, в конце концов, просить у меня отставку. Но, дорогой мой, сознайтесь, это же самый легкий путь, фактически вы хотите от тех трудностей спастись бегством... Вот так-то, Ебеке, правду, хоть она горькая, надо признавать. А как вы думаете, скажите напрямик, в Академии наук, которой я руковожу, совсем нет трудностей и проблем? Их очень много и разных, во всяком случае, на мою седую голову хватает, я давно по горло сыт ими! И что прикажете делать, я тоже, как вы, побегу к руководству республики с заявлением об освобождении с президентского поста?.. Нет, если я так поступлю, выйдет так, как думали наши предки в стародавние времена: «Аллах милостив, он не дает мне умереть с голоду сегодня, одарит и завтра. Была бы цела голова да живы дети, остальное переживем...» – вот вся жизненная философия их во все времена. Так нельзя делать, Ебеке! Долгий сон нашему народу боком вышел... Не так уж давно один наш большой акын, которого вы, наверное, не знаете, об этом случае четко сказал. Вот послушайте: «Спишь ты целый век, неужели за долгое время не выспался еще, а есть ли для сна причина круче?!..»*. Хорошо, что не исчезли с лица земли, кое-как дожили до двадцатого века. Со дня организации Академии наук скоро исполнится двадцать

* Из стихотворения А. Байтурсунова «Всякое о жизни», запрещенного в то время поэта, известного политического деятеля 20-х годов XX столетия.

лет. Но вы, как вижу, еще не избавились от той, крайне вредной привычки выбирать себе путь, что протоптанней и легче, да еще думать, пусть эту работу делает кто-нибудь другой, только не я... Тому наглядный пример – ваше заявление, не обижайтесь, что говорю очень резко. А я вам верил и доверял. Вы это знаете. А кому доверяешь – с того и спрос большой. Вы, наверное, не раз слышали нашу хлесткую пословицу: «У той страны, у которой нет будущего – никчемные ее сыновья всегда затевают пустые тяжбы». Вы тоже отчего-то затеяли тяжбу со стариком, не нашедшим себе до старости лет пристанища в необъятной России. Вступив с ним в спор, столько времени потеряли впустую, и чего вы добились?...

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Когда так сказал аксакал, я выпрямился, обратил взор на президента, спокойно спросил:

– Вы не могли бы вернуть мне эту жалкую бумагу?

– Пожалуйста.

– Вы разрешите мне ее порвать?

– Рвите... Все? А сказать есть что?

-- Есть много чего. Но все противоположное тому, что вам говорил до сих пор...»

– ...Хорошо, Ебеке, теперь-то мне ясно, – сказал президент после чистосердечных объяснений Евнея Арыстанулы. – Ведь эти трудности, которые вы сейчас изложили, не преодолеть за один день и даже за год. Что касается Хайлова, мы не в праве отнять у него докторскую степень и профессорское звание, а также лауреатскую премию... Также вы и я не можем уволить его за несоответствие, если подпишем такой приказ, он не прибавит авторитета ни вам, ни мне. Поэтому Михаила Исаковича и его группу единомышленников, признав де-факто, что они любители склок и ничегонеделания – придется терпеть до поры, до времени. Местная власть не знает настоящей их сути, смотрит на них с уважением, раз прибыли с древнего Урала, считает крупными специалистами, тем более у них солидные ученые регалии! Когда узнает истинную их цену, перестанет поддерживать их...

Каныш Имантайулы вдруг замолчав, как-то неестественно засуетился. Затем, улыбнувшись, продолжил:

– Иван Павлович Бардин был истинно крупным ученым, долгие годы стоял у руля АН СССР. Его вклад в основание и развитие казахстанской черной металлургии, также и вашего ХМИ – неоценим. Потому к его рекомендациям я относился с вниманием... То, что досаждавшего ему своими никчемными притязаниями Хайлова он с умыслом переправил к нам, я понял поздно. У больших людей и ошибки бывают большими! Покойному Бардину мы уже не можем предъявить претензии, так что придется и вам, и мне мыкаться с этим человеком... – признав свою оплошность, Каныш Имантайулы, видимо, хотел помочь коллеге, который согласился снова взвалить на себя тяжелую директорскую ношу, в конце беседы он сказал: – Михаил Исакович на днях был у меня, он вроде затеял большое исследование и просил у меня выделить средства. Я ему ничего определенного не ответил, а вам скажу: эти средства выделю, только через вас; пусть получится так, что вы оказали ему действенную помощь...

– Канеке, я вообще сомневаюсь, что он начнет эти испытания. Хотя я не знаток в черной металлургии, все же мне пришлось всесторонне изучить его программу и даже посоветоваться с его старыми коллегами с Магнитогорского и Челябинского комбинатов, их мнение отрицательное, все говорят, что он с этой идеей носится уже почти двадцать лет... Дело в том, что сырье, которое собирается использовать в эксперименте, он не совсем знает, вернее физическую, химическую специфику основного сырья толком не изучил, потому и предстоящие трудности почти не представляет...

– Ебеке, разве вы не знаете, что половина научных опытов в Советском Союзе проводится именно так, на авось?..

– Хорошо, Канеке, пусть будет так, как вы хотите...

Президент, сразу же приободрившись, заметил:

– Ебеке, намотайте на ус еще одно мое пожелание... Я не специалист по выделению редких элементов. Но мне подсказывает жизненный опыт, ваша лаборатория, занимаясь выделением только одного вольфрама, поставила перед собой су-

губо узкую задачу, и пока у вас это не получается... А наш Центральный Казахстан богат не только вольфрамосодержащими рудами, у нас там много другого, в том числе и для ваших исследований... Поэтому такие изыскания надо проводить комплексно. Это откроет вам широкую дорогу. Естественно, расширится поле деятельности. Это сложная работа, которая будет длиться десятилетия, по этой же тематике можно защитить десятки кандидатских, докторских диссертаций. И вам советую идти по этому пути, надо ведь вам также и в ученом звании расти...

– Об этом я уже думал, Канеке. Планов и мыслей много...

– Хорошо, Ебеке, считаю, мы поняли друг друга, сегодняшней беседой я доволен. Если что-то неприятное сказал, не обижайтесь. Примите как наказ любящего вас старшего брата... Желаю всем вам успехов в предстоящей работе, до свидания!

ГЛАВА
СЕДЬМАЯ

В НАУКЕ ТОТ ДОСТИГНЕТ ВЫСОТ, КТО СЕРДЦЕ И РАЗУМ ЕЙ ОТДАЕТ

«Научное исследование – это поиск, проникновение в тайны природы. Это удается тем, кто абсолютно честен, настойчив и решителен. Исследователь, прежде всего, должен быть честным перед своей совестью. Только такой человек может искать и находить новое, удивлять мир научными открытиями...»

Евней БУКЕТОВ,
«Лениншіл жас», 22 марта 1975 года

I

В ходе споров академик Хайлов всем внушал, что исследование, которое он наметил, важнее всех других, его нужно поставить во главу угла, и все институтские лаборатории должны, на время приостановив свои эксперименты, всячески ему помогать.

После беседы с Канышем Имантайулы и директор института также вслух стал утверждать то же самое. Правда, он не собирался сворачивать работу в других лабораториях. Михаил Исакович между тем развил кипучую деятельность, о своих авантюристических замыслах, которые он вынашивал долгие годы, он рассказывал не только ученым, но и чиновникам партийно-советского аппарата, убеждая всех, что осуществление его проекта станет большим событием в отечественной металлургии.

Однажды Хайлов в возбужденном состоянии, с раскрасневшимся лицом прямо влетел в кабинет директора ХМИ, и, потирая руки, сообщил, что на Урале он получил в свое распоряжение отработавшую срок старую доменную печь, и если бог позволит, то он на этой домне скоро начнет долгожданное испытание. Поэтому большую группу сотрудников из своей лаборатории хочет держать там, уже нашел временное жилье в рабочем общежитии. Разумеется, если институт на себя возьмет все расходы на дорогу и оплату суточных, он большего и желать не может.

Евней Арыстанулы несказанно обрадовался такому обороту дела: «О, вы это отлично провернули, от души поздравляю вас! Ведь об уральских металлургах идет добрая слава,

это замечательные специалисты. Вы на верном пути, коллега, желаю удачи, а о затратах не беспокойтесь. Сколько нужно – столько и получите!..» – Михаил Исакович, разволновавшись, даже прослезился и стал каяться в своих прежних грешках: «Эх, что теперь ворошить, я человек очень доверчивый, иногда принимаю наветы недобрых людей-шептунов за чистую монету, сколько я вам из-за этого навредил... А вы, Евней Арстанович, оказывается, незлопамятный человек, вы благороднее, чем я думал. Спасибо за ваши пожелания! Я тоже по мере возможности буду оказывать вам помощь и не останусь в долгу...»

Группа Хайлова, растрезвонив везде и всюду о своих грандиозных планах, наконец-то выехала на Урал. Коллектив института, уставший от бесцеремонных, развязных нотаций ученого, а также от смотревших, как и он, на всех свысока его сподвижников – суетных и шумливых, получил долгожданную передышку. Правда, к концу каждого месяца кто-то из группы приезжал за зарплатой и командировочными. Но сфинксовой загадкой оставалось поведение руководителя группы. Сам академик со дня отъезда ни разу не появился в Караганде. А его люди заверяли, что он якобы там бешено работает, не зная перерыва ни днем, ни ночью, не отходя от домны, где идет реконструкция по его заданию. Будто бы уже близок день испытаний, и он стал еще более беспокойным...

* * *

В первые дни 1962 года в кабинет директора зашел заведующий электрохимической лабораторией П.Л.Холод, как всегда, с кожаной, потертою папкой под мышкой, и начал с места в карьер, сделав многозначительную мину:

– Евней Арстанович, мне не нравится поведение сотрудницы моей лаборатории З..., слишком она вертлявая и ветреная...

– Молодая ведь? – удивленно поднял голову директор.

– Так-то оно так, но слишком легкомысленна, часто судачит в рабочее время в коридоре с К... А он – семейный человек, в прошлом году я несколько дней занимался устройством в детский сад его малыша...

Евней Арыстанулы знал, что он – человек строгих правил, по институту ходил особняком, по-военному печатая шаг, хмурым взглядом как бы оценивая каждого встречного. И если замечал, что в коридоре кто-то устраивает шум, травит соленые анекдоты, над которыми гогочут довольные дружки, он устраивал бедняге с ходу крепкую головомойку с назиданиями, как вести себя в общественном месте. И на этот раз, зайдя к директору, он завел душеспасительный разговор о том, что надо вовремя остановить тех двоих, любезничающих молодых людей, считая их поведение аморальным. А Евней Арыстанулы с некоторых пор сам стал опасаться вести с ним разговоры наедине. Дело в том, что Порфирий Леонтьевич постоянно писал жалобы на него в вышестоящие инстанции, самое скверное – сочинял всякие небылицы, выставляя себя гонимым и обиженным, упрекая директора в том, что он его не уважает как человека преклонного возраста и ветерана партии и войны, публично оскорбляет. В общем, как оса, всегда вился рядом и искал, куда бы вонзить свое жало.

Поэтому директор ХМИ пригласил к себе секретаря партийной организации, председателя профкома и ученого секретаря института. Холод, не ожидавший такой реакции на свое сообщение, беспокойно заерзал на месте, лицо его налилось кровью, большой нос зашевелился, как будто он к чему-то принюхивался. Достав из нагрудного кармана листочек, отдал директору. А в нем были четко зафиксированы все несанкционированные встречи двух любителей пошептаться наедине: дни, часы, минуты.

Когда все приглашенные расселись вокруг большого стола, Букетов сказал:

– Порфирий Леонтьевич, уже прошел месяц, как вы мне обещали представить письменный отчет о работе, проделанной руководимой вами лабораторией...

Холод не сразу нашелся, что ответить, стушевался, поняв, что разговор пошел по другому руслу. Лицо его стало покрываться темными пятнами.

– Вам же известно, комиссия Академии наук, проверявшая нас в конце года, по вашей лаборатории сделала очень серьезные замечания...

Холод обреченно начал рыться в папке.

– Я знаю, что вы будете показывать, там лежат ваши научные публикации. Но они меня совершенно не интересуют, так как все они десятилетней давности. Мне также известен список опубликованных вами трудов, он тоже старый. А нам нужен отчет о работе за прошлый год...

– Извините, Евней Арстанович, я зашел к вам не по этому поводу... – попытался изменить направление беседы Холод. – Я хотел предупредить вас о неблагополучном нравственном климате в институте, предосудительном поведении двух молодых людей. Мы с вами должны их поправить. Жан Тюленович, как вы думаете? – обратился Порфирий Леонтьевич к секретарю партийной организации, умоляюще глядя ему в лицо и явно надеясь на его поддержку. – Ведь мы должны воспитывать у наших сотрудников высокие моральные качества строителей коммунизма, они должны быть безупречны и в общественных отношениях, и в семье, и в быту. И я считаю с моральной точки зрения это более важным, чем выполнение ими взятых научных обязательств...

Но Жармак Тюленулы почему-то сегодня воздержался от поддержки коллеги. А Евней Арыстанулы хотел как-то вразумить этого своего рода отставного унтер-офицера Пришибеева, добровольного блюстителя порядка.

– Уважаемый Порфирий Леонтьевич, – проговорил он, – у каждого есть свои дела и право на личную жизнь, надо ли нам постоянно совать в них нос и вмешиваться? Я вам советую с сегодняшнего дня прекратить свои наблюдения из-за угла и вообще не тратить драгоценное время на слежку за сотрудниками института... Лучше займитесь своими прямыми обязанностями, ведь за это вы получаете зарплату, притом немалую. Это во-первых. Во-вторых, годовой отчет я прошу вас сдать срочно. Скажите сейчас, при всех, когда вы его принесете?

– Я собирался еще об одной проблеме предупредить вас наедине. Но теперь приходится говорить при всех...

Холод, догадавшись, куда клонит директор, начал вести себя более агрессивно, так как знал, что лучший способ защиты – нападение, на такой случай он всегда копил компро-

мат на директора и всех своих коллег. И теперь он готов был шантажировать настроенного против него Евнея Арыстанулы. И его понесло.

– Об этом я не могу молчать, как коммунист. Полукаров, которого вы, Евней Арстанович, притащили аж из самой Одессы, чуждый нашему обществу человек. Он постоянно клевещет на нашу советскую власть, передовую науку. Притом публично. По его мнению, в нашей стране – застой, нет условий для технического прогресса, и он по этому поводу часто критикует наше правительство, заодно и руководство Коммунистической партии. Кстати, об этом я и раньше сигнализировал. А вы не принимаете мер...

– А вы сами, Порфирий Леонтьевич, что сделали для ускорения технического прогресса? – спросил в пику ему недавно назначенный ученым секретарем молодой сотрудник Сагынтай Исабаев. – С тех пор, как вы защитили кандидатскую диссертацию, прошло двенадцать лет, за это время ни один ваш научный труд не появился в печати, ни одно из ваших научных новшеств, якобы подтвержденных свидетельствами, не внедрено в производство... А Алексей Николаевич, которого вы считаете вредным для общества человеком, в отличие от вас, после приезда в Караганду, только за прошлый год опубликовал две статьи в научном журнале, уже сделал одну заявку в Государственный комитет по изобретениям...

– Товарищи, я вас что-то не понимаю. Это похоже на сведение счетов или попытку удалить меня из ХМИ?!.. – возмутился Холод и с угрожающим видом стал собирать бумаги, всем своим поведением показывая, что хочет уйти.

– Товарищ Холод, не берите грех на душу, не передергивайте, – остановил его директор института, – как бы вы ни старались увильнуть от отчета об исследованиях, все-таки придется отчитываться. Недели достаточно для вас?

– Нет, потребуется не меньше двух недель...

– Так и запишу в календарь.

Тут же в разговор снова вмешался ученый секретарь института:

– Товарищи, все, что здесь было сказано, надо запротоколировать, потому что через некоторое время все наши слова

и ответы Порфирия Леонтьевича будут переиначены и могут дойти до руководства академии, до горкома партии в совершенно искаженном виде. Извините, товарищ Холод, эта привычка давно у вас в крови. И на Урале, оказывается, вы занимались доносительством. Таким способом вы и Ердена Нигметовича выжили из этого кабинета, а теперь стараетесь от меня отделаться, потому что я требую от вас положенное по инструкции. Например, в последней своей жалобе в горком партии вы обозвали меня директорской дубинкой...

Холод, с трудом встав с места, медленно поплелся к двери.

II

Большинство диссертаций, посвященных техническим исследованиям, имеет конкретную цель: взамен отжившего свой век, устаревшего открыть неизвестное, новое и поставить его на службу людям; но не всем соискателям выпадает такой успех...

Так было и с темой кандидатской диссертации Е.А.Букетова, которую он успешно защитил в 1954 году. Читатель знает, что она была посвящена извлечению молибдена из идущих в отвал отходов Балхашского медеплавильного комбината, но идея соискателя осталась невостребованной. Евней Арыстанулы и после защиты два-три года бился за свое детище, но прагматичные руководители комбината и металлурги, занятые выполнением государственных планов по меди, не желали возиться с сопутствующими металлами. Молодому ученому пришлось признать свое поражение. Однако «любовь» диссертанта к молибдену не угасла, она оставалась в каких-то закоулках его памяти, и когда в Караганде опыты извлечения вольфрама из руд зашли в тупик, он тут же вытащил из шкафа свою диссертацию...

Он вручил ее своим помощникам, указав, на что особо обратить внимание, потом все вместе обсудили важные моменты, после чего составили, как сами называли, «наиболее приближенные к промышленным условиям» варианты эксперимента. И вскоре на площадку все той же, будто бы заколдо-

ванной печи, были доставлены с Балхаша отходы, фактически молибденосодержащее сырье, благо их хватало – хоть бери десятками тонн, аж с конца второй пятилетки их накопились там целые горы...

Провели тщательный химический анализ «отходов»: определили количество молибдена в них – а его в отвалах было не очень и много, вычислили объем различных примесей, которые будут мешать при дополнительном обогащении и при обжиге. Евней Арыстанулы внимательно следил за действиями подчиненных, лишь в крайних случаях вмешиваясь в процесс изучения сырья. Он чувствовал себя в этом деле хорошо подготовленным, ведь недаром провел почти четыре года в институтском полуподвальном помещении, до тошноты возясь с этими вонючими отходами...

Молодые исследователи подошли к этому делу очень серьезно, старательно проработали возникшие побочные явления. Наконец, настал день первого обжига тщательно подготовленной шихты.

И произошло чудо: итоговый пирометаллургический процесс, длившийся почти полчаса, дал ошеломляющий результат!.. Даже на глаз было видно, что в остатке, осевшем на дне вертящегося пода печи, присутствует молибден, в новой форме. Он полностью отделился от общей массы отходов, притом в таком количестве, что хоть греби лопатой – килограммами, пудами. В тот час всем им, «молибденщикам» (так их впоследствии называли в самом ХМИ), много месяцев безрезультатно бившимся над прежним вольфрамосодержащим сырьем, это казалось сном наяву. В полученном молибденовом соединении, зачаровывая всех, блестел дорогой металл. Кое-как остыв от всплеска чувств и гордости, понесли пробу в химлабораторию...

Процент извлечения молибдена был намного выше, чем у производственников, занимавшихся этим металлом. Значит затея стоящая, надо закрепить успех, повторить обжиг многократно, чтобы производственники только ахнули. Не спеша загрузили еще раз шихтой, обжигали ее в тех же условиях. Результат был стабильным, не зря говорят: что в казан положишь, то и зачерпнешь из него... Пошла полоса везения и

сплошных удач. Но руководитель не унимался и требовал форсировать многообещающие опыты. Они уже были проведены более 20 раз с разным составом шихты при варьирующихся температурных режимах. Выход металла неуклонно повышался. Все свидетельствовало о том, что разработанная аспирантом Букетовым еще девять лет тому назад технология, к сожалению, не получившая путевку в жизнь из-за бюрократических заморочек производственников, очень эффективна в новом варианте исполнения. Она намного экономичнее применяемых на медных заводах страны. Значит, надо идти в атаку, стучаться во все двери и в первую очередь – в Министерство цветной металлургии, благо, в те годы в республике уже действовало такое самостоятельное ведомство. Между прочим, его предприятия давали почти одну шестую часть всего дохода Казахстана.

Чтобы довести успешно начатые исследования до победного конца, дирекция ХМИ создала специальную исследовательскую группу, которая стала заниматься только этой проблемой.

(Полупромышленные испытания в этом направлении позднее проводились в Балхаше, в экспериментальном цехе комбината (во всех исследованиях, касающихся извлечения молибдена, ответственным исполнителем был В.П.Малышев, с ним работали Л.И.Меклер, Б.М.Акимов. Все они впоследствии защитили кандидатские диссертации). Старания их не пропали даром: через годы в технологию Балхашского гиганта были внесены изменения – десятки лет уходивший без возврата в отвалы молибден стал приносить весомую часть прибыли комбинату, ежегодно исчисляемую миллионами рублей. «Молибденщики» Меклер и Акимов, понюхав «пороха» в цеху, когда «остепенились», пошли работать на производство и там сделали стремительную карьеру).

На этот раз ученым ХМИ крупно повезло. А сколько свежих, здравых, оригинальных идей похоронено в стенах книгохранилищ (в том числе и закрытых) в виде диссертационных разработок. Таких разработок и в жизни нашего героя было немало, о некоторых из них мы расскажем ниже...

* * *

На всех металлургических заводах привычной картиной являются громадные горы шлаков. С первых дней своего существования лаборатория, руководимая Е.А.Букетовым, занялась разработкой технологии их повторного использования.

...Осенью 1957 года в кабинет директора Карагандинского филиала Всесоюзного НИИ угольной промышленности вошел молодой парень, небольшого роста, на вид почти мальчишка с черными, взъерошенными, торчащими во все стороны волосами, коротким, вздернутым кверху носом. Он вел себя довольно дерзко, без приглашения уселся в кресло. Директор филиала с удивлением посмотрел на мальчишку, будто бы спрашивая: «Что нужно от меня этому пацану?» – взяв в руки бумаги, которые тот подал. Оказалось, он вовсе не мальчишка, а полноценный джигит, закончивший Казахский горно-металлургический институт, и приехал сюда по направлению. «Сразу видно, что-то в нем есть необычное. В неполных шесть лет пошел в школу, закончил среднюю школу с медалью, в шестнадцать лет он оказался в престижном высшем учебном заведении. Кроме того, он уроженец этих мест, родился в семье колхозника, в ауле, который находится вблизи от города, а среднее образование получил в одной из школ Караганды...» – читая поданные им бумаги, руководитель научного учреждения временами поглядывал на щупленького парнишку, его было еле видно из-за спинки огромного кресла, в котором он сидел.

– Ну, инженер-металлург, чем же ты думаешь заниматься в Угольном институте?..

Хозяин кабинета обладал громким голосом, но его рокочущий бас не смутил молодого человека.

– У вас есть лаборатория по обогащению руды. А в рудах Центрального Казахстана из-за малого содержания недоизвлекается огромное количество цветных металлов. Хочу заняться обогащением этих руд. В будущем эта проблема будет очень актуальна, например, когда будут исчерпаны запасы богатых руд... – спокойно объяснил выпускник КазГМИ.

На руководителя филиала произвели благоприятное впечатление его рассуждения, особенно то, что молодой инженер

заранее обдумал то, чем будет заниматься, видно птицу по полету – толк будет. Короче говоря, из кабинета Жанторе Нурланулы Абишев вышел уже оформленным в Угольный институт младшим научным сотрудником.

Должность младшего сотрудника во всех НИИ по сути – неблагодарная и рутинная, на них обычно сваливают все второстепенные поручения, и они фактически в любом институте выполняют роль «мальчиков на побегушках». Жанторе тоже немало погоняли. За два года пребывания в Угольном институте он ни на йоту не приблизился к своей научной цели.

Впереди тоже не виделось просвета, и когда он уже начал присматриваться, куда бы удрать, в его родной Караганде вдруг открылся Химико-металлургический институт. Радости Жанторе не было предела, его лабораторию по обогащению руды передали новому институту. Вскоре здесь открылась аспирантура. Такую возможность грех было не использовать. Несмотря на то, что он уже обзавелся семьей, отправился в Алматы, в КазГМИ, на кафедру своего наставника В.Д.Пономарева...

В молодости перед человеком мыслящим открывается обширнейшее поле деятельности: «Твори, выдумывай, пробуй» – как провозглашал поэт Владимир Маяковский. Жанторе Абишев по существу наметил себе прорыв в металлургии. Он научно доказал экономически выгодный способ выплавки ванадия, входящего в состав высококачественных сталей, из шлаков – отходов доменного производства. К этой тайне, как говорят его коллеги, он вплотную подошел на третьем году поиска... Но руководству Темиртауского комбината черной металлургии (Кармет) было не до фантазий никому не известного аспиранта, ему был нужен план и еще раз план по выпуску стального проката, как и балхашским металлургам, о чем мы вели речь чуть раньше.

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Однажды вечером, после работы, он, Торебай (Жанторе Абишев – М.С.) *зашел ко мне и начал рассказывать своим будничным голосом о том, что он давно думает о путях разложения одного распространенного природного минерала из хими-*

ческого и металлургического сырья, и стал толковать о найденном им способе. Я чуть не подскочил и уставился на него, как будто ко мне в виде этого Торебая спустился оракул и указует вещим перстом на то явление, которое до сих пор всем нам было известно, но никто не думал о том, что оно может быть использовано для решения казавшейся неразрешимой проблемы, как это предлагает этот невозмутимый молодой человек, продолжающий повествовать все так же спокойно о выполненных и задуманных опытах. На мои нетерпеливые вопросы и высказываемые тут же соображения он отвечал таким ординарным, ровным голосом, что я уже начал злиться и пенять на бога, наградившего меня таким учеником, как... этот Торебай, который родился, наверное, с какими-то природными огнетушителями, чтобы никто не заметил внутреннего горения.

С этого началось то большое дело, которым теперь занимается Торебай, успев втянуть в него немало энтузиастов, включая даже очень авторитетных ученых Москвы, Алма-Аты. Работа уже нашла промышленное применение, что является, по-видимому, лишь началом. Недавно Торебай со своими друзьями-москвичами ездил за границу, вызвав своим докладом большой интерес на международном научном симпозиуме...»

Евней Арыстанулы здесь тепло, со свойственной его перу легкой иронией описал сущность и историю крупного изобретения, сделанного на основе идеи, когда-то озарившей Жанторе Абишева...

(Группа ученых ХМИ (Ж.Н.Абишев, Е.А.Букетов, Н.З. Балтынова и В.П.Малышев) из концентрата, в составе которого есть и пирит (железная руда), сумели оригинальным способом, придуманным ими самими, выделить ряд полиметаллов, а после чего и сами металлы. Так была найдена совершенно новая, в корне отличавшаяся от старой, технология, более экономичная и очень выгодная для производства. Сотрудники института за это открытие получили пять свидетельств. Затем, в 1983-1984.годы право на обогащение руды их способом приобрели такие страны, как Канада, США и Австралия, а в последующие два года – Швеция, ФРГ и Франция, в 1987 году –

Япония и Италия (по опубликованным позже сведениям в целом около 14 стран).

Эти исследования, кстати, помогли Кармету использовать для своих доменных печей железосодержащие руды Лисаковского месторождения, где имелись богатые запасы руд, правда, бедные по содержанию основного металла. Между прочим, большая группа специалистов во главе с генеральным директором комбината за успешное внедрение прогрессивной технологии в 1984 году получила Государственную премию СССР.

Но самое удивительное и парадоксальное – первооткрыватель и все, с первых дней занимавшиеся разработкой новаторского способа обогащения руд – ученые ХМИ, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть исследований, не значились в списке лауреатов. И не менее странным было то, что когда эту работу выдвигали на премию летом 1983 года, в списке претендентов имя Ж.Н.Абишева, в то время директора ХМИ, стояло первым, но когда в газете «Известия» назвали награжденных, его фамилии среди них уже не было. А вместо него, кроме производственников, которые в какой-то мере участвовали во внедрении нового способа в жизнь, почему-то оказался другой ученый, директор Института металлургии и обогащения, президент АН КазССР А.М.Кунаев...

Случай сам по себе абсурдный и не совсем приличный, это было проявлением диктата, вседозволенности – использования своего служебного положения высокопоставленными лицами того времени, которые действовали по принципу: что хочу, то и ворочу. Они могли без зазрения совести даже присвоить чужие труды, не задумываясь о последствиях.

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Однажды, придя утром на работу, увидел в приемной аксакала, сидевшего, опершись на трость. Я по-старинному приветствовал его и пригласил в кабинет. Аксакал оказался отцом нашего аспиранта Торебая.*

– Свеча моя, говорят, ты ученый человек. Да сопутствует тебе и дальше удача (...) Беспокоит меня единственный корми-

* Уважительное обращение у казахов к пожилым, буквально «белобородый».

лец, мой сын Торебай, который здесь, внизу, под твоей комнатой, возится с утра до вечера с какой-то грязной водой, похожей на болотную жижу и разлитой во множество верблюдошеих склянок. Я смотрю на него и думаю: умру я вот так, ни на один день не освободившись от забот о собственном пропитании... Между тем, один из сверстников Торебая — директор совхоза, другой главный агроном, их отцы режут на согум не менее двух лошадей в зиму, а я еле наскребаю денег на поллошади... А ведь мой Торебай учился намного лучше их. Спрашиваю Торебая — он молчит и улыбается. Теперь у него учение такое, что Коран на моей могиле не прочитает, так хоть на земле перед смертью пожить бы в достатке...*

— Аксакал, — ответил я, — вы говорили все правильно. И, несмотря на это, вам надо радоваться, а не печалиться, что вам [illegible] такого одаренного сына.

Поняв, что аксакал не очень меня понимает, прекратив пустые хвалебные слова о сыне, перешел на понятную ему тему:

— Вы хорошо знаете великого Абая?

*— Казаху, свеча моя, стыдно его не знать... Он из рода Тобыкты, в большом перекрестном родстве с каракесеками**, а мы, в свою очередь, в родстве с последними... — старик оживился и начал рассказывать чуть ли не обо всей родословной Абая, пересыпая речь стихами великого поэта, и я даже позавидовал многознанию аксакала.*

— Вы аксакал, Абая не хуже меня знаете, но вы, наверное, не слышали, что стихи Абая были напечатаны лишь через пять лет после его смерти. А вот ваш сын еще только начал заниматься наукой, а напечатал уже статью. Русские буквы знаете? Давайте посмотрим: Жанпеисов Торебай Нуртаевич. Жанпеис — ваш отец, Нуртай — вы, Торебай — ваш сын. Это напечатано в толстой книге, которая никогда не пропадет. Через десятки, сотни лет какой-то неведомый наш потомок возьмет и прочтет мысли и думы вашего сына...Раньше казах, помните, хотел иметь сына, чтобы его упоминали хоть в одном поколе-

---

* Заготовленное на зиму мясо.

** Название рода, населяющего бывший Каркаралинский уезд.

нии. А сколько поколений теперь будут читать ваше имя, имя вашего сына и вашего отца... Теперь рассудите, стоит это того, чтобы на вашем дастархане одной лошадью было бы больше для угощения родных, близких и соседей... Ведь лошадь вам для этого требуется? Надо надеяться, и это ненадолго... Рассудите также, могли ли вы делать то, что делает ваш сын, когда вы были сами молоды? Не могли... Значит, надо радоваться и не всегда мерить жизнь по дастархану... Между тем, воспитав такого талантливого сына, и вы немало сделали для жизни.

Пока я говорил, старик, уставился в страницу журнала, где была напечатана статья сына, водил толстым указательным пальцем по своей фамилии, пока по еле знакомым буквам твердо не вывел ее. Я заметил, как с удовольствием прошептал он имя своего отца, как при этом разгладились на лице морщины. (....) Он посмотрел на меня и сказал:

– Спасибо, свеча моя, спасибо. Надоумил меня, старого и темного. По очень хорошим законам вы теперь живете. А это мы не всегда понимаем. Путь моего единственного сына, оказывается, правильный, с таким ученым человеком он не пропадет. Спасибо! Разреши, свеча моя, не занимать твое время. Да наградит вас обоих Аллах здоровьем, счастьем, пусть сбудутся ваши мечты! Больше ничего не могу сказать, теперь дома буду спать спокойным сном... – от души говорил он, почтительно прощаясь со мной»

В 1961 году на Павлодарском алюминиевом заводе открылась лаборатория по глинозему, ставшая подразделением ХМИ. Фактически она стала вторым после Темиртауского научным филиалом, открытом в другом городе, на этот раз далеко от Караганды, на берегу Иртыша, притом на новом алюминиевом гиганте, что сулило большие перспективы на будущее. Потому Евней Арыстанулы назначил заведующим новой лабораторией своего питомца Жанарыстана Садыкова, одного из первых среди его ровесников, защитившего кандидатскую диссертацию в КазГМИ.

Он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны еще со студенческих лет, отличаясь не только порядочностью, дру-

желюбием, но и преданностью науке, за что бы он ни брался, делал основательно, без спешки. Жанарыстан сразу же переехал в Павлодар и начал сколачивать творческую команду единомышленников. И результат превзошел все ожидания их руководителя: по тематике исследования глинозема за три-четыре года защитили кандидатские диссертации А.Шындаулетова, А.Рахимов, Ж.Абишев, С.Исабаев, С.Ахметов, А.Алькенов и другие... Самое главное – все они не отрывались от производственных нужд, содействовали решению возникавших проблем непосредственно в цехах завода...

III

Евней Арыстанулы, находясь в доме младшего брата, при всем желании не мог изменить привычный распорядок дня, которого придерживался с аспирантских лет. Он уходил на работу очень рано, а домой возвращался вечером, поужинав, иногда засиживался за своими бумагами до глубокой ночи. А у Камзабая были еще маленькие дети и хотя ему никто ничего не говорил, он чувствовал, что стесняет семью брата, целиком занимая одну комнату. С другой стороны, и хозяева находились в двусмысленном положении, особенно сноха Бикен, старавшаяся не обидеть одинокого брата мужа... Пришлось кое-кому из руководителей области дать знать, что он живет у брата на птичьих правах. Они отнеслись к нему с пониманием и вскоре выделили невдалеке от института двухкомнатную квартиру. Обустройством новой квартиры занялись опять же младший брат и сноха, они привели ее в порядок, поставили кровать, купили постельное белье, стол и стулья, туда же перенесли его книги и бумаги. Ради соблюдения обычая в новой квартире организовали дастархан. Во время распития первого чая разговор зашел о том, что он человек, неприспособленный к домашнему быту, со своим общительным характером вряд ли сможет жить тут один, поэтому Евнею тут же посоветовали на подмогу пригласить Касена, сына Маутая Букетова, с женой, которые лишь недавно создали семью, а жена его Багила – молодуха скромная, воспитана вроде бы в хорошей обстановке. К тому же они ищут себе квартиру...

Ответ Евнея был кратким:

– Я согласен...

После этого с его бытом положение вроде бы нормализовалось, жить с молодыми стало веселее. С тех пор прошло два года. Он не поддерживал намеки близких людей о создании своего семейного очага, кое-кто предлагал свою помощь в поиске невесты со спокойным характером, но он отделывался шутками, вроде бы, куда торопиться. Ясно, что у человека на уме были только исследования, он всецело отдавался им. Он шел на работу, как на праздник. Лишь в воскресные дни ходил на квартиру Камзабая (если не шел, то они сами настоятельно приглашали) или его забирали младшие братья, которые уже заимели семьи. У всех Букетовых было по двое-трое детей. Пока готовили дастархан, он с удовольствием играл с детьми, старшие из них уже ходили в школу. В летнее время он всех детей сажал в машину, выезжал за город на речку. Сам отдыхал и наслаждался покоем на лоне природы, и дети целый день купались, загорали, бегали наперегонки босиком по песку, резвились, играя друг с другом. Младшие Букетовы, переняв от Камзабая, называли его также «Бапа» (он привык к такому обращению и всякий раз смеялся, говорил, хорошо еще, что не зовут «Ата», что означает дед). Дети крепко привязались к нему, относились к своему «Бапе» с доверчивостью и трепетной, чистой любовью. Его отличало от других взрослых то, что с ними общался всегда на равных, даже с маленькими. Он много знал загадок, сказок на казахском и русском языках, стихов и песен. Чтобы подзадорить малышей, устраивал между ними соревнование, кто больше усвоил сказок или песен, кто лучше продекламирует стихи, победителей одаривал игрушками, книгами, иной раз раздавая и деньги на мороженое...

Все братья и снохи, особенно младшее поколение Букетовых понимали его состояние, щемящую сердце тоску по семье и своим крошкам-дочерям, видимо, играя с детьми, он как-то забывался, отвлекался от тяжелых дум. И поэтому все старались Бапе угодить, отвлечь, не оставлять его одного, наедине со своей печалью и тоской.

Из рассказа Алмы Бекжанкызы (август 2003 года):

«... После нашей размолвки прошло некоторое время. В один из своих приездов в Алматы Евней через мою маму передал свою просьбу, чтобы я дала разрешение на встречу с детьми, чтобы их не разлучала с ним, хотя и изредка он хотел быть вместе с ними... К этому времени я уже остыла от обиды к нему, решила не возражать на его просьбу. И после этого отношения между нами стали ровными и спокойными, наше внимание было сосредоточено на воспитании совместных детей.

И такие встречи стали его обязательным ритуалом: когда Евней приезжал в Алматы, постоянно приглашал дочек к себе в гостиницу или, приехав на машине, забирал их с собой, несколько часов играл с ними в саду, иногда вез их в горы. Потом, когда уже дети повзрослели, на зимних и летних каникулах он увозил их в Караганду. Дочери к нему привязались, ведь они всегда чувствуют истинную любовь к себе, часто беспокоились, если не было известий от отца два-три месяца, спрашивали меня, почему папа не приезжает, тосковали в ожидании, гадали, какой подарок он привезет...»

«А жизнь все прекрасна, – поется в песне, – течет и течет, состаришься ты или молод. И она всегда может преподнести сюрприз. Как растение, человек всегда тянется к солнцу, к радости жизни, к своему счастью...»

Вот и Алма снова встретила любовь. По беспроводному телеграфу «узун кулак» известие о том, что она вышла замуж за другого человека, дошло до Евнея. Что поделаешь, он не мог встать на ее пути к счастью, не имел права запретить ей – фактически чужой женщине снова сочетаться браком, ведь он сам пошел на окончательный разрыв с нею, хотя все близкие потом советовали им ради детей сойтись снова, смирив свои слишком упрямые характеры. Но этого не случилось, за годы раздельного проживания оба охладели друг к другу, а возможно, никак не могли преодолеть прежних обид. А теперь он остро переживал, поняв, что навсегда потерял и Алму, и дочерей. Несколько ночей подряд, просыпаясь, он как бы наяву видел перед собой всех их – Алму, Аканай и Дакенай, а

дочери, громко рыдая, тянулись к нему и жаловались, что вынуждены называть чужого человека «коке», они хотят быть только с ним, с родным папой; но Алма то отчужденным взглядом останавливала их, вставала между ними и отцом; потеряв сон, он лежал в темноте, не зная, что предпринять, воспаленное воображение рисовало самые бредовые картины, будто любимые его чада тиранятся отчимом, плачут и молят отца о защите. Посреди ночи он отчетливо слышал их голоса, будто бы они просят маму отпустить их к своему отцу... Порой, вставая с постели, он вслух звал дочерей к себе. Эти навязчивые мысли о детях преследовали его и днем, и ночью. Ясно, что после таких беспокойных ночей он чувствовал себя больным, совершенно разбитым. А что делать, как избавиться от этого кошмара – не знал...

Камзабай раньше и острее всех близких почувствовал мучения Евнея, разрывающие его больное сердце на части. Однажды утром, в воскресный день он пришел к нему домой под видом прогулки. Это было в то время, когда уже справили годовщину смерти матери, лето подходило к концу, приближалась осень. Начав ни к чему не обязывающий разговор, он как бы невзначай, напомнил ему последний наказ матери.

– Первое ее желание мы исполнили – отвезли на родину и похоронили рядом с нашим отцом, пусть земля будет ей пухом. А насчет второго... не знаю, как подступиться к тебе, боюсь сказать, может быть, не пожелаешь выслушать меня и ослушаешься ее наказа... Между прочим, мать наша была умная, справедливая, и мы никогда не перечили ей... Она для нас, пятерых братьев, в течение двадцати трех лет была и отцом, и матерью. – Младший брат говорил медленно, растягивая слова. Чувствовалось, что это у него давно обдуманное. – Младшие братья не решаются прямо объясниться с тобой, но у них желание то же самое, что и у меня. Короче говоря, мы хотим вместо матери иметь Зуке... Между прочим, наша Зуке женщина покладистая, она единственная могла бы терпеть твой далеко не ангельский характер, тщательно следила бы за твоим здоровьем, требующим особого ухода, и всегда находила бы подход к тебе... И мать, зная это, завещала, чтобы вы

вновь воссоединились. Чем скорее это сделаешь, тем лучше – тебе и нам, Евней. Это наказ и просьба всех нас, Букетовых. Мы все чувствуем, что ты оставаясь одиноким, всецело отдаваясь работе и ночным бдениям, напрасно губишь себя и мучаешь нас...

– Но откуда вы взяли, что Зубайра согласится на мое повторное предложение? Она сейчас кандидат технических наук, у нее хорошая работа, заимела приличную квартиру. Я ее жестоко обидел, первым объявив талак*...

Евней молча выслушал сердитую тираду брата, ни разу его не остановил, чего раньше не бывало. И Камзабай понял, что у него есть, хоть и слабое, намерение сойтись с первой супругой. Видимо, он опасается получить отказ от нее, панически боится, что она, благоразумная, рассудительная женщина, может просто отрезать: «Нет, уже поздно, между нами глубокая пропасть!» А это было бы для него унизительным ударом...

– Сколько лет прошло! Давно погасшую любовь и прежние симпатии друг к другу вряд ли теперь восстановишь...

– Эту проблему оставь нам! – отрезал Камзабай, видимо, он уже был готов, не откладывая, осуществить задуманное. – Лишь бы ты нам разрешил действовать.

– Ладно уж, делайте, как вам хочется...

Через пару месяцев после этого разговора Евней Арыстанулы по служебным делам оказался в Алматы, он всегда останавливался в гостинице «Алматы». По сложившимся обстоятельствам ему пришлось задержаться здесь дней на десять. Была суббота. И тут пришел к нему близкий родственник, потомок того же Алыпкаша-батыра, отпрыск его второго сына Тастена – Сураган Ерденов, и пригласил в гости. Пришлось идти, тем более приглашала молодая семья, только недавно создавшая свой очаг. Он думал, что будут и другие гости. Но оказался в единственном числе, хотя сноха Бахит накрыла щедрый дастархан. Изобилие стола и набор отменных напитков вызвали у него подозрение.

---

* Отречение от жены, а если приходится снова сойтись, то надо опять идти в мечеть и там закрепить повторный союз, держа руки на Коране.

– А где другие гости?

– Да вообще-то мы приглашали... но тут у нас вышла заминка... – смутился Сураган, переглянувшись с женой. – Угощайтесь, ага, берите мясо. А может и стопочку отменного вина выпьете... Разрешите открыть?

– А ну, выкладывай, что у тебя там за пазухой, какими-то загадками говоришь...

Зная крутой характер брата, Сураган виновато посмотрел на жену, словно не решаясь открыться. Она тоже отчего-то засмущалась, опустила голову, потом снова посмотрела на мужа, будто бы давая знать, чтобы он сам обо всем рассказал.

– Позавчера нам позвонил дядя Камзабай из Караганды и дал очень ответственное поручение. Значит, по этому поводу мы, то есть я и Бахит вчера разыскали нашу женеше Зуке, душевно, как могли, побеседовали с нею, ну а потом, как видите, хотели вас обоих свести за нашим дастарханом... – начавший обстоятельно говорить обо всем Сураган вдруг умолк, не решаясь дальше продолжать.

– И Зубайра отказалась встретиться со мной?! – Евней Арыстанулы хотел спросить об этом небрежно, но внезапно севший голос выдал его волнение.

– Нет, ага, – успокоила Бахит. – Сураган сегодня отправил меня к ней, чтобы я ее привела сюда, на обед. Но она отказалась... Вообще же встретиться с вами тетя Зуке не против... Мне думается, ей неудобно после всего случившегося объясняться с вами в нашем «отау уй», в доме молодых... Потому она сказала: «Если я вашему брату нужна, пусть приходит сам!..» Это ее истинные слова, ага.

Лицо Евнея Арыстанулы залила краска, он как-то встряхнулся и громко рассмеялся, затем с волчьим аппетитом набросился на угощение. Это были уже признаки радости.

– Евней ага, как-никак, Бахитка принесла приятную новость. Ради этого, думаю, стоит пропустить рюмку вина?

– Ладно, наливай уж чего-нибудь покрепче...

И с этого момента у него в душе всколыхнулось что-то давно забытое. Это почувствовали и хозяева. Молодые супруги, от всей душой любившие ученого родича, по-своему пережива-

ли его семейную неустроенность, длившуюся вот уже несколько лет, и сейчас обрадовались, что наметилась перемена в лучшую сторону и что они внесли в это тоже свою лепту. Когда встали из-за стола, они затараторили наперебой:

– Мы купили цветы и подарок, чтобы вы отнесли для нашей женеше. Мы сами донесем их до двери ее квартиры и тут же вернемся обратно, если, конечно, вы разрешите...

Осенью двухкомнатную квартиру в Караганде Евней поменял на трехкомнатную. Так получилось, что новую квартиру он получил в доме № 56 по улице Ленина, где жил брат Камзабай. Когда привели в порядок это жилище, он отправился в Алматы. Но на этот раз не один, а с тремя младшими братьями, кроме Камзабая. Все трое горели нетерпеливым желанием перевезти дорогую им женеше Зуке в новый дом, свою готовность во всем ей служить они проявляли такими словами: «Если прикажете – мы ее до самой Караганды можем нести на руках!»

Ясно, вновь восстановленный семейный очаг Евнея и Зубайры никогда не был без гостей, накрытый для них дастархан, можно сказать, никогда не убирался. Вместе с Зубайрой Дуйсенкызы в шанырак старшего Букетова вошли желанный уют, счастье, озаренное улыбками и многоголосым гомоном детей. Дело в том, что в ту же осень, ни с кем не посоветовавшись и никого не спросив, к ним неожиданно из Агадыря, рабочего поселка вблизи Кайрактинского рудника приехали Жартас с женой Шамшией и годовалым сынишкой по имени Мажит, гости буквально огорошили старших Букетовых таким заявлением:

– Ага и женеше, этот малыш с этой минуты – ваш! Вот свидетельство, вот наше письменное согласие на это... Поздравляем вас с сыном! Чтобы ваш Мажит был счастливым, стал хозяином и хранителем вашего очага. Теперь уж разрешите нам устроить для вашего сынишки шилдехану*...

(Доброе пожелание их исполнилось, можно сказать, полностью: в эти дни Мажит Евнейулы Букетов живет в Караганде, он уже отец двух дочерей – Альмиры и Динары).

---

* Вечеринка-той, устраиваемая по поводу рождения ребенка.

А когда Мажит уже вовсю бегал, поступок Жартаса повторили самый младший брат Ебеке Еслямбек и его жена Рымкеш. Младшие Букетовы работали в Жезказгане, на руднике, они тоже приехали без приглашения в Караганду со своим семимесячным малышом и сказали: «Бапа, чтобы ваш Мажит не рос одиноким, считайте и нашего мальчугана Рашида – вашим!..»

Об этом событии шестнадцать лет спустя, в первых числах октября 1983 года Евней Арыстанулы напишет в своем письме младшему брату:

«Еслямбек, Аллах свидетель, я не набиваю себе цену, говоря, что я тебя воспитывал с младенческих лет. Когда ты принес к нам своего первенца... мои заслуги с лихвой были возвращены. Наверное, никто лучше, чем ты сделал, не покажет уважение к старшему брату. Тогда я тебе выразил свою благодарность от всего сердца...», – а за два года до этого, 16 сентября 1981 года он писал тому же брату, делясь своими тревогами: *«Я этого ребенка у тебя не просил, но когда ты преподнес своего первенца, я понял, что ты ставишь меня на уровень с отцом... И сейчас так это понимаю... Его чистая душа и то наслаждение, которое мы с Зуке получаем от малыша, делают нас снова молодыми... Если этот ребенок будет впереди среди своих сверстников, буду бесконечно радоваться, если же он вдруг окажется не впереди – мне все равно, если буду жив, я постараюсь, чтобы он ни в чем не нуждался и ни от кого не зависел. Но я не знаю, как сложится его судьба, когда он останется один...»*

Преобразившийся и помолодевший шанырак Евнея Арыстанулы и Зубайры Дуйсенкызы, фактически созданный из обломков, благодаря благородным поступкам младших братьев, превратился в уютный семейный очаг, таким образом, были созданы все условия для плодотворных и спокойных занятий наукой.

IV

Коллектив института, насчитывавший 300 человек, проводивший химико-металлургические исследования, а также занимавшийся проблемами горной и геологической науки, в

1963 году неожиданно оказался как бы на распутье. Никто не знал, в каком направлении будет идти институт, что будет с ним завтра. Кое-кто в институте предполагал, что все это происходит из-за неразберихи в руководстве ХМИ, из-за вечных споров директора и его заместителя по научной работе за лидерство в коллективе...

(«Беспрерывный тяжелый труд во время становления института для меня не прошел без последствий, к этому добавился... конфликт с директором, который тоже повлиял на здоровье. После инфаркта, когда уже пошел на поправку, я прихватил двухстороннюю пневмонию, сопровождавшуюся удушьем. Врачи вынесли мне вердикт: «Нет у вас здорового места в организме, нервы износились совершенно. Надо вам бросать работу и выходить на пенсию!» – писал в своем письме в редакцию журнала «Простор» Жармак Тюленов. – Не было другого выхода, пришлось подчиниться...»)

П.Холод, строгий страж порядка и благопристойности в институте, по своей основной работе как заведующий лабораторией электрохимии, ничего не делал и после вторичного напоминания о необходимости представления научного отчета, очевидно поняв, что время синекуры, когда должность дает жирный кусок мяса и не требует труда, ушло для него безвозвратно, подал заявление об освобождении от обязанностей заведующего. Про себя Порфирий Леонтьевич надеялся, что его станут упрашивать, уговаривать еще пару лет поработать, но Евней Арыстанулы сразу же подписал приказ об его освобождении. Не ожидавший такого поворота Холод сник и чуть ли не плача стал говорить о тяжелом семейном положении... На Букетова это подействовало: как-никак Порфирий Леонтьевич – кандидат наук, а таковых в институте пока еще было немного, к тому же он человек в годах, участник войны... Пришлось оставить его рядовым научным сотрудником. Но потом Евней Арыстанулы пожалел о своем опрометчивом решении: на первых порах П.Холод вел себя покорно, держался тше воды, ниже травы, старался не высовываться, как раньше, со своими мелкими жалобами; но потом, должно быть, ему надоела такая пресная жизнь, он стал часто выступать на

собраниях в своем привычном амплуа, показывая прежнюю партийную активность, мало того, опять стал доносить в вышестоящие органы о беспорядках в институте, «о диктаторском методе руководства коммуниста Букетова»...

Когда исследовательская группа М.И.Хайлова с помпезным шумом отправилась на Урал, чтобы там, наконец, приступить к давно вызревшему большому эксперименту, в коллективе ХМИ почти на полгода установилась сущая благодать, каждый занимался своими делами. Некоторые даже стали шутить, что уже соскучились по байкам Михаила Исаковича.

На опыты группы была выделена солидная сумма из годового бюджета ХМИ, а как она расходуется, на что уходят десятки тысяч рублей из государственной казны, никто не знал, от руководителя группы не было ни слуху, ни духу. Чтобы навести справки о без вести пропавшем ученом, бухгалтер института однажды сам поехал на Урал...

Через пару недель он вернулся усталый, в совершенно подавленном состоянии, без того редкие и седые волосы на его голове, кажется, стали еще реже. Его рассказ об увиденном просто потряс директора института: оказывается, старая домна, полученная от уральских металлургов, ни разу не разжигалась, никаких опытов там не велось и не было даже намека на то, что они начнутся в этом году... Не без причины сомневающийся главбух увидел около старой печи лишь нескольких копошившихся рабочих и то всего до обеда, а потом и их след простывал, ни одного научного сотрудника он там, у печи, ни разу не застал. Когда же их ему удалось поймать, на его недоуменный вопрос: чем же они занимаются, горе-экспериментаторы уклончиво отвечали, что подолгу сидят в библиотеке или в техническом отделе завода за чертежными досками... Понаблюдав за ними, бухгалтер раскрыл и эту хитрость: после сытного обеда в столовой все они – и рабочие, и сотрудники института гурьбой подавались за территорию завода, в пивнушки... Бухгалтер ХМИ также установил источник их каждодневного веселья: оказывается, в их довольно длинную ведомость по зарплате, где указывались рабочие, участвующие в реконструкции домны, был включен добрый десяток «мерт-

вых душ»; кстати, многие из них вовсе не проживали в этом городе, а некоторые вообще не существовали. Самое занятное, все, кто числился на этих ремонтных работах, оказались членами семей тех же сотрудников, зачастую их женами или сыновьями. Ясно, никто из них ни одного дня не работал на восстановлении печи. Однако все они аккуратно получали зарплату в течение нескольких месяцев... И еще хуже того: бухгалтеру ни разу не удалось встретиться с руководителем группы, он словно в воду канул.

Вне себя от увиденного бухгалтер не поленился поехать в Свердловск. Но и там академика Хайлова не нашел. По разговорам выходило, будто бы он уехал в Москву для того, чтобы выбить дополнительные финансы у самого президента АН СССР на якобы уже начатый и успешно идущий эксперимент...

Доложив обо всем, главный бухгалтер поставил вопрос ребром:

– Ебеке, я дожил до седых волос, но такого безобразия сроду не видел. Это настоящая афера, расхищение государственных средств. В конце концов, за их махинации отвечать будем мы с вами, по уголовной статье как транжиры и ротозеи. Он – лауреат Государственной премии, академик, его никто не отдаст под суд. А мы, простые смертные, сядем в тюрьму...

Теперь задумался директор института. Преданный своему делу бухгалтер, честный труженик был абсолютно прав. Сам Хайлов и его группа – настоящие мошенники. Их обещания – это журавль в небе. В том, что они сделают переворот в черной металлургии, он сомневался с первых дней знакомства с Михаилом Исаковичем.

...В прошлом году Евней Арыстанулы вместе со своим аспирантом ездил в Москву. На базе Академии наук он сумел-таки удачно приобрести дефицитную и дорогую аппаратуру. Но ее опасно было сдавать в багажный вагон, могли повредить. Посоветовавшись со своим спутником, он решил купить не два билета, а четыре в одно и то же купе. Занесли аппаратуру в купе, расположив на нижней полке, охраняли ее днем и ночью и привезли в целости в Караганду.

И когда он отчитывался за командировку, возник конфликт. Главный бухгалтер отказался принять от одного человека два билета на одну и ту же поездку, так как это противо-

законно, поэтому согласился оплатить только один, а стоимость второго билета решил удержать с зарплаты.

– Но если бы мы отдали этот прибор в багажный вагон, то за страховку заплатили бы в два раза дороже! – доказывал директор, уламывая несговорчивого бухгалтера. Однако дотошный счетовод не сдавался и остался при своем мнении.

– Как директора я вас очень уважаю, но, извините, ради вас я не могу нарушить закон, который одинаков для всех!

Выход из этой курьезной ситуации подсказал аспирант:

– Ебеке, вы сами неоднократно говорили нам, что наука без жертв не продвинется вперед.. Оплатите один билет вы, а я – второй. В конце концов, наши расходы оправдаются! Потому что крайне нужную аппаратуру заимели....

Что поделаешь, так и поступили. Когда узнали об этом сотрудники, считавшие директора непреклонным, поразились, как он терпит такого «законника», а не отправит его восвояси на все четыре стороны, не подберет себе более покладистого человека... Евней Арыстанулы многозначительно произнес: «Нет, именно такой непоколебимый и честный бухгалтер мне и нужен».

И вот этот человек, наверное, интуитивно почуяв неладное и следуя неизменной своей привычке – никому не доверять и все лично проверять, специально съездил на Урал, развязал узел, завязанный именитым академиком... «Да, бухгалтер по-своему прав, – размышлял директор. – Но что мне делать, ведь ему не скажешь, что мошеннически растранжиренные Хайловым деньги – не институтские, они выделены по прямому распоряжению президента, а я обещал ему не мешать...»

– То, о чем вы сейчас мне доложили, подайте письменно. Я посоветуюсь наверху. Но пока об этом никому ни слова...

– Я знал, что вы так и скажете, потому уже написал требующийся отчет, – ответил бухгалтер. – Вот он, распишитесь на втором экземпляре, он останется у меня, а первый вы можете использовать, как вам заблагорассудится...

* * *

В начале 1963 года Н.С.Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС и глава Союзного правительства, возомнивший себя всезнающим специалистом во всех областях – в сельском хозяйстве, в промышленности, дипломатии, свои командные методы распространил и на науку: Тимирязевскую академию, несогласную с его рекомендациями, он приказал выселить из Москвы – нечего, дескать, ученым пахать на асфальте; затем провозгласил, что пора реорганизовать Академию наук: «Там ученые безрезультатно десятилетиями тратят государственные средства, а какую выгоду от их замшелой науки получает народное хозяйство страны? Надо немедленно сократить многие НИИ, некоторые передать в ведение производственников. В этом случае они будут ближе к жизни, а то ученые совсем оторвались от действительности, занимаясь десятилетиями теоретическими разработками, польза которых вообще сомнительна...» – примерно так рассуждал лидер Советского государства.

И, конечно, на местах, особенно в республиках, указание первого секретаря ЦК восприняли как директиву к действию. Сразу же повсеместно развернулась кампания по сокращению штатов в НИИ, соответственно свертывались начатые исследования, рассчитанные на многие годы.

По Академии наук Казахской ССР в этот так называемый «черный список» на сокращение первыми попали новые институты – нефтехимии в Гурьеве, ХМИ в Караганде и еще один НИИ в Усть-Каменогорске. Но зато в городе Темиртау, в соответствии с идеей Н.С.Хрущева – приблизить науку к производству срочно открыли филиал Всесоюзного института черной металлургии, теперь уж под эгидой одноименного Союзного министерства. Директором филиала был назначен М.И.Хайлов, наконец-то, осуществилась его давняя мечта возглавить крупное научное учреждение. И только тогда стало понятно его коллегам, почему он бросил на полдороге свои производственные опыты на Урале, и почему месяцами сидел в Москве. Чутье старого интригана не обмануло: он раньше всех угадал, откуда дует ветер... Разумеется, новый коллектив

составили те же люди, которые приехали с ним с Урала, кто ему безоговорочно подчинялся и поддакивал в ХМИ, в общем, более сорока сотрудников руководимой им лаборатории перевелись в новый филиал. И в этой суматохе, это кажется странным и сегодня, без проверки и отчетов, забыты истраченные на Урале многие тысячи рублей, они ушли безвозвратно, как вода в песок...

Евнею Арыстанулы радоваться бы такому исходу дела, одним махом он отделался от самого беспокойного и въедливого противника вместе с такими же его единомышленниками. Но директор ХМИ был огорчен случившимся, так как у института отняли самую значительную по составу лабораторию во главе с доктором наук. Это был ощутимый удар по коллективу. Мало того, почти сразу же он получил приказ о передаче производственным коллективам лабораторий по добыче руды, геологии и еще углехимии. Это была уже катастрофа, случившееся выбило из колеи не только директора, но и весь коллектив. Оставшиеся сотрудники приуныли перед неизвестностью, каждый думал, что будет завтра с ним. Некоторые уже заранее подыскивали себе место...

В течение каких-то четырех-пяти месяцев из коллектива ушли более двухсот человек. Повальное сокращение коснулось и лаборатории по цветным, редким и легким металлам. К осени 1963 года в Алматы, в родной КазГМИ уехал Жанарыстан Садыков, руководивший до этого глиноземной лабораторией в Павлодаре, его сотрудники перешли в ведение алюминиевого завода. Теперь, после сокрушительного разгрома научных подразделений, в ХМИ остались только две вышеназванные лаборатории и та самая, которой руководил Е.Н.Азербаев, лаборатория органиков, находившаяся в Темиртау.

Однажды к директору ХМИ без звонка и приглашений приехал Ерден Нигметулы. Евней Арыстанулы догадывался, о чем будет разговор.

– Евней, я знаю, тебе тяжело сегодня, как никогда. Будь мужественным до конца... Не обессудь меня, я пришел просить твоего разрешения: хочу подать свои документы на конкурс в КазГУ... – тихо промолвил старший коллега. – Как-никак я

прожил здесь более пяти лет, уступив просьбе дорогого Канеке. Пора уж мне возвращаться в Алматы. А здесь есть кому работать, кому меня заменить...

Мог ли он возразить человеку, который был намного старше его, отдавшему всю свою жизнь без остатка науке. Ерден Азербаев, успешно защитив докторскую диссертацию, уже готовился к участию в выборах Академии наук. Видать, его пригласили в единственный и престижный университет республики. Конечно, он достоин того, он настоящий ученый и ему пора передавать свои обширные знания учащейся молодежи. Обидно только, что и он покидает институт! Ерден Нигметулы сумел воспитать в своей лаборатории органической химии замечательные кадры. За немногие годы работы здесь он привил своим питомцам качества пытливых и настойчивых исследователей, которые уже оказывали практическую помощь здешним производственникам. Но задерживать маститого, много пережившего ученого в такое неопределенное время он не мог. Ведь сам директор ХМИ в эти дни был похож на капитана судна, потерпевшего кораблекрушение и идущего ко дну.

– Счастливого пути, Ереке, вы покидаете нас в нелегкое время, дай Бог встретиться нам в лучшие дни! – пожал Евней Арыстанулы ему руку, тепло, по-братски расставаясь.

А кампания по оптимизации научных учреждений, между тем, набирая обороты, напрямую задела и филиал ХМИ в Темиртау. Сотрудники филиала перешли в экспериментальные цеха или же стали ведущими специалистами технических отделов производств, находившихся в Караганде и Темиртау, таких, как заводы пластмассовых изделий, синтетического каучука (позднее слившиеся в объединение «Карбид»). В результате научная школа, заложенная Е.Н.Азербаевым, стала сдавать свои позиции. По сути «хрущевская перестройка науки» привела ее к печальному концу...

Уже всем понятно было, что в скором времени настанет черед и директорской лаборатории цветных, редких и легких металлов. И ждать «черную метку» не было смысла. Евнея Арыстанулы и горсточку его верных сотрудников уже обуял

пессимизм, они, правда, продолжали свои опыты, но без прежнего энтузиазма. И поэтому директор ХМИ в конце года, приехав в Алматы, начал искать ту соломинку, за которую можно было бы зацепиться. К сожалению, ничего у него не вышло. Члены президиума Академии наук, даже те, кто ему симпатизировал, не скрывали, что будущее его института в тумане, вопрос о его закрытии уже висит в воздухе. Между прочим, не только ХМИ, но и некоторых других НИИ. Единственным утешением было то, что такая свистопляска продолжается и у москвичей, и у ленинградцев, и у свердловчан, чем и когда она закончится – никто толком не знает. А близкие друзья даже посмеивались над ним: «Да что переживаешь, от судьбы не уйдешь. Вокруг Караганды и вообще в Центральном Казахстане столько металлургических заводов-гигантов понастроено, а в них столько цехов по твоей специальности. В крайнем случае, в одном из них откроешь лабораторию и будешь сидеть там, как король. Была бы шея – хомут найдется... Где это слыхано, где это видано, чтобы в Стране Советов кандидат наук был безработным?» «А что я скажу своим молодым сослуживцам, которых я с разных мест собрал, обещая им золотые горы? Тем более что сейчас мы приступили к очень важному этапу в исследованиях. Есть хорошие результаты, которые заинтересуют производственников, у некоторых научные труды уже готовы к защите...» – делился он переживаниями, огорченный услышанными недобрыми новостями. И тогда кое-кто из пожилых умников из Академии начинал философствовать: «Наш уважаемый Канеке, хотя и из благих побуждений, но явно перестарался; открыл в республике слишком много научно-исследовательских институтов, даже в областных центрах. Никита Сергеевич сто раз прав – наука у нас часто существует для науки, ученых много, умных мало, кандидатов, докторов наук, академиков – тьма, ими хоть пруд пруди, а толку нет. Он жизнь знает и всех видит насквозь... Евней, ты тоже, как простак, попался на удочку своего кумира, уважаемого Канеке, в результате потерял теплое место в Политехе, а теперь смотри, как бы не остаться вообще у разбитого корыта, крепко подумай!..»

Это подстрекательство по сути действовало на нервы, без того уже расшатанные последними событиями. Он не знал, куда идти, к кому еще обратиться.

И самое обидное для Евнея Арыстанулы было то, что советчиками были как раз те люди, которые раньше подобострастно взирали на президента АН, а когда земля стала уходить из-под ног, вдруг прозрели и взялись его осуждать, не стесняясь крепких выражений. Чуть позже он понял причину их поворота на 180 градусов: оказывается, Каныш Имантайулы был тяжело болен, он долгое время находился в Москве на лечении; и те же всезнающие сплетники уже толковали о его близкой кончине...

Услышав это известие, Евней Арыстанулы совсем затужил, у него уже не осталось никакой веры в будущее своего ХМИ. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он потерял отца-кормильца, и теперь как будто вернулись те наполненные скорбью дни, его душой снова завладело чувство безраздельного одиночества и сиротства. Посреди ночи, неожиданно проснувшись, мучаясь, он лежал без сна. Радости и печали в жизни, высокие звания и громкие похвалы, все, во что он свято верил в этом мире, теперь ему казались ничтожными. Стоит разразиться буре, и жизнь, как с корнем вырванная степная трава, полетит в тартарары...

«Кто такой Каныш Сатпаев для него и почему он так тревожится об этом человеке? Если так неблагодарно отзываются о таком гиганте мысли, как Канеке, то что скажут о нем, простом труженике науки?!..» – терзался Букетов, с болью в душе думая о своем наставнике.

Вдруг он вспомнил неожиданный приезд президента Академии наук зимой 1962 года в Караганду (в канун выборов в Верховный Совет СССР) и его посещение ХМИ.

...Президента сопровождали секретарь промышленного обкома партии и председатель местного совнархоза. Они на двух машинах заехали во двор института без предупреждения, ранним утром. Благо, он по своей привычке пришел в кабинет намного раньше их... Сотрудники высыпали в длинный коридор бывшего общежития. Каныш Имантайулы, что отличало

его от многих высокопоставленных деятелей, никого не пропуская, поздоровался с каждым за руку, спрашивая у всех имена и отчества, заодно интересуясь научными успехами. Сам Евней, услышав оживленный разговор в коридоре, выбежал из кабинета, почтительно встретил президента у порога.

Канеке вначале расспросил о здоровье, о жизни всех, кто столпился в небольшом кабинете директора ХМИ, затем неожиданно перевел разговор на стесненное положение института, разместившегося в ветхом здании.

И тут секретарь обкома начал оправдываться:

– Каныш Имантаевич, в этом нет ни малейшей нашей вины. Недавно директор института сам отказался от неплохого, на наш взгляд, намного большего по площади, чем это, здания. И вот теперь перед вами мы краснеем...

Президент удивленно взглянул на Букетова, как бы спрашивая, что это означает. Тот, немного смутившись, ответил:

– Нам предложили старый автопарк и старое общежитие, где отдыхали водители после ночной смены. Для того, чтобы там могли работать наши химики и металлурги, по крайней мере, надо было года два подряд вести капитальный ремонт. Канеке, нам нужно ведь не старое, а новое здание, построенное по специальному проекту, с современными лабораториями для проведения разнообразных исследований, опытов... – Это были его затаенные мечты. – А пока будет строиться такое здание, – закончил он, – мы хотим остаться здесь...

– Верно сказали, Ебеке, ваши мысли мне по душе. Это взгляд наперед – минимум на десять лет, это мысли ученого человека, который думает о будущем науки. Дорогие товарищи, то, на что намекает Евней Арыстанулы – будет построено в ближайшие десять лет, мы ведь планируем в Караганде создать академический центр всего Центрального Казахстана, он станет вашей гордостью, поднимет духовную культуру города, слава о нем пойдет по всему Союзу... – подчеркнул Каныш Имантайулы, поддерживая и развивая вглубь мысль младшего коллеги, а затем, назвав по имени и отчеству секретаря обкома и председателя совнархоза, обратился к ним: – Вы, дорогие, не совсем правильно оценили открытие этого

института в вашем городе, поэтому не уделяете должного внимания нуждам ученых, ограничились тем, что предоставили им это ветхое здание. А ведь когда-то здесь будут работать ваши же дети и внуки, будут продвигать технический прогресс, науку вперед. Вам надо пересмотреть свою позицию, взглянуть на это с высоты будущего. Старый автопарк – это то же самое, что и конюшня, и как можно шагать в ногу с веком, работая в конюшне?..

В тот день авторитет директора института в глазах у всех, особенно у руководителей области, неизмеримо вырос. Позднее в своих записках о К.И.Сатпаеве Евней Арыстанулы признавался: «Канеке, видимо, специально заехал в институт, чтобы поднять мой вес в глазах руководителей области, которые не только не удосуживались до этого зайти в ХМИ, но иногда подолгу у себя не принимали меня. На этот раз Канеке показал местным «богам», кто я, зачем в этот город прибыл... Это же пример на всю жизнь, достойный уважения...»

По иронии судьбы в наступивший 1964 год коллектив ХМИ вступил, имея всего две лаборатории. Работников в институте осталось 40-50 человек. Но громкое название академического института за ним пока сохранилось, смешно получилось, прямо как по казахской пословице: «Гонит всего несколько овец, а свистит на всю степь».

Перед директором опять во весь рост встал неотложный вопрос: «Что делать?»

Первого февраля союзное радио с глубоким прискорбием передало на весь мир трагическое сообщение о кончине Каныша Имантайулы Сатпаева. Евней Арыстанулы на следующий же день вылетел в Алматы, чтобы проводить в последний путь своего великого наставника. Во время траурного митинга он стоял в ряду ученых, почему-то постоянно думал о том, что волновало и всех: «Кто же заменит Сатпаева? За пятнадцать лет руководства академией Канеке довел численность научных институтов и вспомогательных научных учреждений в Казахстане до 47 единиц, благодаря ему были открыты ботанические сады, станции, расширены различные научные центры и увеличено количество работающих в них – до десяти

тысяч человек. Кто же сможет руководить этой громадой дальше, как он?..»

– Что бы ни произошло, будем выходить из положения вместе. Институт пока не закрыт, то, что было такое намерение – это правда, – сказал Евнею Букетову один из членов президиума АН в день похорон Сатпаева. – В Казахстане чисто химических институтов три. В основном они дублируют друг друга. Даже если мы сохраним два института в Алматы, которые открылись первыми и работают со дня создания Казахстанского филиала АН СССР, и то будет нормально. А о твоем, не знаю, дорогой...

Сокращение штатов в Академии наук уже началось: только в Институте геологических наук уволили 500 человек, по разговорам сведущих людей – это было началом превращения Академии наук в удобно руководимое учреждение...

«Как-то в одно воскресенье он пришел ко мне домой. Супруга Куляш приготовила мясо по-казахски. Чувствую, человек без настроения, потому на стол выставил спиртное. – О встрече с Е.А.Букетовым в это смутное время вспоминает ученый секретарь ХМИ С.М.Исабаев. – *Ебеке наотрез отказался от крепкого напитка, налил себе только слабого сухого вина. И пошутил:*

– Эй, батыр, ты тоже переходи на сухое. – Затем, не скрывая, выложил, что его тревожило. – Положение наше аховое, можем потерять, что имеем. Проект приказа о закрытии ХМИ, говорят, уже готов. Что будем делать?

– А вы сами что думаете? Куда пригласите – туда и поеду. В Караганде для меня подходящего ничего нет. От науки я не хочу отказываться, – говорю я. – Это мое сокровенное.

– А что будут делать твои друзья, я говорю о Жанторе и Токене...

– Они тоже от вас не уйдут. По-моему, и Малышев, и Полукаров присоединятся к вам, не задумываясь, – сказал я напрямик, – о Марке Залмановиче затрудняюсь сказать что-либо определенное. Но, наверное, он тоже не захочет с вами расставаться, он человек благоразумный, хотя и слабохарактерный, командует им его бойкая жена...

– Хорошо, батыр, я понял тебя. Спасибо за доверие! Но разговор этот держи при себе. Не надо всех вводить в панику! Есть два варианта: первый, выпросить себе отдельную лабораторию в столичном родственном институте, если дадут, вместе с группой переехать туда; но там я долго не смогу задержаться, сердце шалит, мне здешний климат больше подходит... Второй путь: открыть лабораторию на Балхашском комбинате, пока есть силы, пока молоды, надо поработать на большом производстве и скорее получить докторские степени и мне, и вам... А Балхаш – не окраина казахской степи, неплохой город на берегу пресного озера, и комбинат – один из мировых гигантов...

– Агай, как вы скажете, так и будет. Вам мы свою судьбу доверяем!

– Вот, черт побери, только по-настоящему приступили к исследованиям, и возникли такие преграды. Неужели на Хрущева нет управы в нашей огромной стране, а? Впрочем, такова вся наша система, если какой-то дурак доберется до вершины власти – будет делать то, что в голову взбредет. И весь 250-миллионный народ будет беспрекословно выполнять, что он прикажет, даже несуразное... Да еще будем угодничать перед ним: «Что, мол, еще прикажете?!» А какая сильная система!?..»

Но им неожиданно повезло: президентом Академии наук Казахской ССР избрали преданного соратника Каныша Имантайулы – Шапыка Чокыулы Чокина. На общее собрание Академии наук был приглашен и директор ХМИ. Когда он подошел поздравить нового президента с назначением, Шапык Чокыулы сказал ему: «Не уходи, в конце рабочего дня жду тебя в кабинете».

Евней Арыстанулы, услышав эти слова, заволновался, кое-как дождался вечера.

– Евней, я знаю, что у тебя скверное настроение... – сказал Шапык Чокыулы без обиняков. – Я это кресло занял, чтобы продолжить завещанное Канеке, сберечь для нашего народа его богатое наследие. Твой ХМИ – тоже его детище! Понятно говорю?... Короче, зря не волнуйся, исследования, которые начали в Караганде, продолжайте и доводите до победного конца!..

– Понятно, Шаке! Постараемся не подвести вас...

– Постараемся?!.. – повторил новый президент, видимо, ему не понравился уклончивый ответ коллеги. – Нет, ты соверши такое, чтобы это прогремело бы на весь Союз, тогда я никому не позволю тронуть твой ХМИ и тебя также, подумай об этом, Евней! Крепко подумай!..

ГЛАВА
ВОСЬМАЯ

УСПЕХ В НАУКЕ ПРИНЕСЕТ БОГАТСТВО, СЧАСТЬЕ И ПОЧЕТ

«Много ли надо человеку? Совсем не много.

Стоит это понять, как человек перестанет врать и обманывать, главное – честность к самому себе, друзьям, людям. Честность и бескорыстие».

Евней БУКЕТОВ, «ДЕТСКИЕ ГОДЫ КАНЫША»

I

Неожиданная потеря неизменного покровителя и благодетеля Каныша Сатпаева на какое-то время выбила у Евнея Букетова почву из-под ног, но, к счастью, ненадолго. А назначение на место Сатпаева Шапыка Чокина фактически было для него подарком судьбы, так как именно он по поручению президента АН Казахской ССР четыре года тому назад привел в Караганду и представил Е.Букетова коллективу ХМИ в качестве нового руководителя института. Много значили и слова, сказанные доверительно лично ему новым президентом в день вступления в должность.

Именно эти обстоятельства позволили Евнею Арыстанулы вновь обрести уверенность в себе. Вернувшись из Алматы, он немедленно собрал оставшихся сотрудников, которых к весне 1964 года была буквально горсточка, и бодро с задором заявил:

– Друзья мои, наш новый президент надеется на нас и просит активнее, с удвоенной, утроенной энергией внедрять результаты своих исследований в производство. И это главное условие – чтобы мы остались в составе Академии наук. Так что, коллеги, времена неизвестности, блуждания в потемках, разочарований и безысходности прошли. До сего дня вы показывались в институте, чтобы только отметиться... После обеда ваш след простывал, найти вас можно было лишь на даче, за установкой огородных пугал или на четвереньках ползающих за прополкой грядок. Это не может быть основным занятием ученого-химика. Считайте, что эти золотые деньки канули безвозвратно в прошлое... Лично я буду работать

ежедневно десять, если нужно, даже и по пятнадцать часов. Кто решил посвятить себя науке, должен выдержать такую нагрузку, а те, кто не может и не хочет – пусть скажут мне открыто, я готов без обид расстаться с ними...

(На всякое зло всегда находится противодействие – это вечный закон жизни. Преобразования, которые очертя голову проводил в жизнь Никита Хрущев, нехорошо аукнулись в мире: его безудержная болтовня привела к охлаждению отношений с Китаем; грубая выходка с трибуны ООН со стучанием туфлей вызвала всеобщее презрение; зрело недовольство им и внутри страны. И, наконец, нашлись в его окружении люди, почувствовавшие, что дальше терпеть его самоуправство опасно...

13 октября 1964 года он в одночасье стал персональным пенсионером. Как известно, эту перемену в руководстве страны все советское общество восприняло с радостью и огромным облегчением).

Изменение политической обстановки в стране ощутили и в коллективе ХМИ: статус института стараниями нового президента был сохранен, сферой его деятельности по-прежнему оставались исследования по химии и металлургии; но отнятые у него в ходе прошлогодних перетурбаций лаборатории назад не были возвращены, а в качестве компенсации – в лаборатории цветных металлов и редких металлов штат удвоился. Перед институтом была поставлена конкретная задача: в ближайшие годы обеспечить комплексное извлечение всех металлов, в том числе цветных и редких из полиметаллических руд Центрального Казахстана; вместо лаборатории черной металлургии было рекомендовано дополнительно открыть лабораторию ферросплавов*, так как применение их в качестве специальных добавок при выплавке мартеновской стали в местной металлургической промышленности из года в год нарастало.

Директор ХМИ вскоре решил еще одну существенную проблему: для института были выделены солидные средства для обучения аспирантов в центральных городах.

---

* Техническое название сплавов железа с марганцем, хромом, вольфрамом, молибденом и другими элементами.

– Ну, вот, молодежь, перед вами открыты все дороги – в Москву, Ленинград, Свердловск, Новосибирск, Алма-Ату – всюду, где функционируют солидные научные центры, – объявил директор. – Все финансовые расходы берет на себя президент АН, за три года вам предстоит защитить диссертации и вернуться в ХМИ вооруженными знаниями... Без этого у нас не будет роста! Эти слова я обращаю к тебе и к тебе... – Евней Арыстанулы поименно назвал каждого, кого лично хотел отправить в аспирантуру...

По инициативе Ш.Ч.Чокина в Академии наук был составлен перспективный план развития научно-исследовательских институтов в Центральном Казахстане на ближайшие десять лет. На базе ХМИ намечалось подготовить кадры для создания 5-6 новых институтов, с тем, чтобы в будущем в Караганде открыть отделение Академии наук. В связи с этим значительно должен был расшириться состав коллектива: вновь организованы отделы органического синтеза и углехимии, фитохимии (научный центр по разработке природных веществ из лекарственных трав и растений), лаборатории по комплексному исследованию земной коры, научного обоснования торговых связей и счетно-математической обработки материалов исследований...

Пошел обратный процесс: не было бы счастья, да несчастье помогло; вместо сокращения – укрупнение института. Что примечательно, сразу же прекратилось растаскивание НИИ по промышленным обьектам. Заодно бесславно почили пресловутые совнархозы, передав свои полномочия вновь созданным отраслевым министерствам. В общем, произошло то, что должно было произойти. Политическое руководство страны решительно повернуло к давно испытанным административным рычагам управления хозяйственными объектами и научными учреждениями. Конечно, возвращение взад пятки не обошлось без жертв: Карагандинский филиал Всесоюзного института черной металлургии после полуторагодичного функционирования был закрыт за ненадобностью...

Летом 1966 года академик М.И.Хайлов, оставшийся без работы, пришел к директору ХМИ и попросил принять его

хоть в каком-либо качестве в институт. Теперь уже не было у него прежней спеси, горести и невзгоды согнули ему шею, ученый безутешно жаловался, что на старости лет оказался один на обочине жизни, все его ученики и коллеги отвернулись от него.

Директор ХМИ задумался: что делать с именитым человеком, покинутым всеми прихлебателями, ему по-человечески стало жаль одинокого старого человека; с другой стороны, отчетливо понимал, что институту от него не будет никакой пользы, ведь за годы пребывания здесь он не подготовил ни одного кандидата наук, не имел на своем попечении ни одного аспиранта, не внес никакого вклада в науку.

Михаил Исакович, уловив двойственное настроение коллеги, тут же перешел в атаку:

– Евней Арстанович, я знаю, что вы в составе ХМИ создаете новую лабораторию, которая будет заниматься разработкой новых видов ферросплавов... Возьмите туда хотя бы консультантом, вынужден признаться, что, кроме вас, у меня здесь не осталось никого, к кому бы я мог обратиться за помощью. Я не требую от вас, чтобы вы вновь восстановили мою лабораторию и приняли в нее всех специалистов, приехавших вместе со мной с Урала... Но я как-никак – доктор наук и вам пригодится мое научное звание... Мне уже за семьдесят, я один, как перст – ни учеников, ни соратников, никому не нужен. – Скорее всего для виду академик пустил слезу, еле слышным голосом проговорил: – Умоляю вас, дайте мне умереть хотя бы во дворе ХМИ...

Расчет его оправдался, директор института в конце концов не выдержал:

– Успокойтесь ради бога, Михаил Исакович, приму вас старшим научным сотрудником. Ваши обязанности – научные консультации... Но я прошу вас более не вмешиваться в дела молодежи, тем более, что среди них есть люди с горячей головой, которые вас не поймут, могут резко отшить вас и обидеть... Это – первое условие. Второе, если будете жаловаться наверх по старой привычке, предупреждаю вас, в тот же день отправлю на отдых, куда вам и действительно пора...

– Согласен. Конечно, согласен, буду служить вам честно и до конца жизни, дорогой Евней Арстанович. Я знал, вы поистине благородный человек!..

Академик М.И.Хайлов числился в штате ХМИ почти до конца 1972 года, то есть до ухода Евнея Арыстанулы из этого института. Скажем прямо, об его участии в исследованиях история умалчивает, во всяком случае мы не нашли его заметного следа в ХМИ...

(В августе 2003 года, когда подходила к концу подготовка рукописи настоящей книги-эссе на казахском языке, я задал профессору В.П.Малышеву, который оказывал мне помощь в разработке научных концепций, щекотливый вопрос, давно занимавший меня как писателя. Я знал, что М.И.Хайлов на Урале и в Темиртау так и не провел свой опыт, о котором столько лет всем талдычил, он так и остался на бумаге. Тем не менее созданный вокруг него ореол помогал ему оставаться в центре внимания научной общественности, он получал ежемесячно солидную заработную плату и даже награды. Ясно, что он жил бывшими и мнимыми заслугами в науке.

– Как можно было терпеть такого никчемного человека в науке и вдобавок интригана? Удивительный экземпляр выдающегося человека с отрицательным результатом!..

Виталий Павлович удивленно посмотрел на меня, будто бы желая знать, откуда я свалился на эту грешную землю, не с Луны ли...

– За рубежом такие люди ни одного дня не смогли бы удержаться ни в одном университете, ни в частной компании, но у нас все было наоборот. Медеу Сарсекеевич, мы с вами жили в такое время, когда над нами властвовали сплошные неучи. Вдумайтесь в такой факт: какое образование имели все наши «вожди». Тот же Сталин или Хрущев и иже с ними? У Сталина – незаконченная духовная семинария. У Хрущева – рабфак, еще какие-то высшие курсы, если он верно указал в своей биографии. Только у Брежнева – высшее образование металлурга. И то он мало работал по своей профессии. И эти люди царствовали над нами более шестидесяти лет... Мы верили этим людям. Верили в их пустые заявления, что нынешнее поко-

ление будет жить при коммунизме. А они безоговорочно верили тем, кто мог больше пообещать – «чародеям» науки. Вспомните, что происходило в биологической науке, которой безраздельно управлял при Сталине и Хрущеве знаменитый лжеученый-мичуринец Т.Д.Лысенко, на корню уничтоживший генетику, выводивший и так и не вырастивший чудо-пшеницу со ста колосками... – И Виталий Павлович, с горечью вздыхая, заключил: – И наша металлургия не была исключением, были такие – михайловы-хайловы, что поделаешь... В условиях насилия над личностью комфортно чувствовали себя лишь карьеристы, приспособленцы. Всевластие административно-принудительной системы привело к фатальным последствиям. Бюрократический аппарат приучил людей к пассивности, отбил охоту к инициативе, предприимчивости... Все ориентировались на указания сверху – нам, мол, думать нечего, если думают «вожди». Целые поколения выросли в обстановке, когда инициатива не только не поощрялась, но и наказывалась, это распространялось и на науку. А для показухи, которая всегда устраивала верхи, идеально подходил такой ученый, как Хайлов...)

Поздней осенью 1964 года Евней Арыстанулы, вызвав в кабинет Жанторе Абишева, сделал ему неожиданное предложение:

– Жанторе, наши судьбы связаны с этим институтом, и наше будущее зависит от внедрений наших научных разработок в производство. Мы постоянно страдаем от того, что не знаем, где и когда провести опыты и полупромышленые испытания, мы зависимы от всех. В результате многие наши научные наблюдения и выводы не можем проверить на практике... Для того, чтобы выйти из этого тупика, я решил открыть здесь, в ХМИ, постоянно действующее производство. Президент эту идею одобрил и обещал финансовую помощь. Понял, без этого у нас выхода нет. Скажем, вот ты, чтобы получить ванадий, мучаешься вот уже шесть-семь лет в бесплодных поисках подходящего производства, еще столько же времени будешь без толку ходить по разным инстанциям... Короче, батыр, на этом «заводе» я буду «директором», а тебе поручаю должность «главного инженера»! В порядке поощрения я разрешаю тебе первый опыт провести по своей теме! Договорились?

В конце концов так и сделали: финансы, нужные приборы, оборудование добывал директор, а их установку и запуск, и все остальное взял на себя Жанторе Абишев. Теперь они были сами себе хозяева и даже начали брать заказы от других институтов...

Спустя два года, зимой 1966 года, после изматывающих все нервы мытарств Жанторе Нурланулы Абишев отправился в Алматы, на научном совете политехнического института он успешно защитил кандидатскую диссертацию. Перед этим диплом кандидата технических наук получил Марк Залманович Угорец. И эти увенчавшие их лавры вызвали спортивный азарт у молодых коллег. Между ними началось негласное соревнование: «Чем я хуже Марка? И Жанторе, баловень института, также стал кандидатом наук, а мы что – рыжие?!..»

И соискатели один за другим пошли защищаться.

II

Еще будучи преподавателем КазГМИ, Евней Арыстанулы прорабатывал разные варианты извлечения из полиметаллических руд редких элементов, в частности, селена и теллура. Тому подтверждение – статья, опубликованная в журнале «Металлургическая и химическая промышленность Казахстана» (№ 1, 1959 год). Статья называется: «Исследование по обжигу медеэлектролитных шламов в смеси с содой в кипящем слое» (соавторы В.Д.Пономарев, В.З.Тарасенко, М.З.Угорец), где сказано, что опыт производился в 1957 году в лаборатории КазГМИ.

(Кстати, что автор этой книги тоже занимался извлечением селена из полиметаллической руды, где он присутствует в мизерном количестве. Я учился на четвертом курсе, как студент должен был выполнить обязательную курсовую работу по профилю будущей профессии. Было это, помнится, в 1957 году.

В том месте, где сейчас стоит высотная гостиница «Казахстан», находилось небольшое здание. Там размещалась кафедра легких и редких металлов, а на нижнем этаже была лаборатория.

Получив сырье, хранившееся в лаборатории, взвесив его на аналитических весах, я начал составлять шихту, внося в нее различные добавки. Затем долго толок ее ступой в фарфоровой чашке, пока она не превратилась в мелкий порошок. После чего залил ее дистиллированной водой. Когда шихта начала густеть, скатал из нее небольшие «шарики» (так называемые гранулы), высушил их на обыкновенной электроплите. Старшей лаборанткой в то время в лаборатории была пожилая, добродушная женщина, звали ее Мария Алексеевна. Видимо, она наблюдала за моими действиями, и когда я закончил свои приготовления, подошла ко мне и посоветовала: «Не спеши и внимательно следи: как только гранула затвердеет, сразу же снимай ее с огня, а то опять испортишь...» Дело в том, что это была моя третья попытка извлечь селен, первые две окончились неудачно. Конечно, я ее послушался и стал действовать осмотрительнее и спокойнее, не спеша. Ведь не зря говорят: поспешишь – людей насмешишь.

Подготовка шихты к обжигу продлилась несколько дней. И вот, наконец, настал день последней операции: твердую, как камень, гранулу я расположил на поддоне жаропрочной ступы с отверстиями, похожими на сито; горлышко ступы замазал обычной глиной и поставил замурованную посудину перед лаборанткой. Мария Алексеевна всплеснула руками: «Ой, так не пойдет. Ты все отверстия наглухо замазал, а откуда будет поступать кислород для окисления?» Тогда, соскоблив глину с горловины ступы, я показал ей картонные затычки. Она удивилась: «Оригинально! Сам придумал или кто-то подсказал? Все правильно: в печке бумага сгорит, и из всех отверстий в ступу пойдет воздух...»

Пришлось ждать еще двое суток, пока не высохла глина на горловине ступы. На третьи сутки, наконец, поместил ступу внутрь герметически закрытой электропечи. Не отходя от печи, я следил, чтобы температура ее не опускалась ниже 550 градусов. Мне нужно было, чтобы все гранулы полностью выгорели, это главное условие для успешного прохождения реакции. Через полчаса вынул ступу из печи, пришлось ждать еще столько, чтобы она остыла.

И вот с помощью молотка и долота открыв крышку ступы, вижу на самом дне ее еле заметный комочек красноватого цвета, величиной с воробьиное яйцо, вроде не напрасно жарился у печи. Достав его длинной ложкой, несу на весы. Вышло всего-навсего два грамма.

– Нет спора, что это – селенит. Можно считать, голубчик, ты своего достиг. На сегодня ты свободен... – душевно простилась со мной добрая Мария Алексеевна).

– Ну, батыр, для начала это неплохо. Можно было, конечно, добиться и большего выхода селенита... Тогда ты бы смог опубликовать статью в журнале о своем научном достижении, но что поделаешь, чуть не дотянул до рекорда, однако для курсового задания достаточно!.. – покровительственно похлопал меня по плечу Евней Арыстанулы, принимая мой отчет.

Реплику наставника я принял за его очередной юмор. Я же тогда не знал, что он в то время уже «болел» проблемой получения селена, добиваясь извлечения его до шестидесяти процентов.

– Во время опыта нельзя спешить, батыр. Состав шихты у тебя правильный, но объем гранул слишком большой... И все-таки ты в лабораторных условиях достиг сорокапроцентного выхода металла. А ты не знаешь, это же довоенный уровень советской промышленности по селену... Вот так, дорогой, для дилетанта, как ты, это – прямо большой скачок. Вообще, ты подумай об аспирантуре, через десять лет из тебя я сделаю классного специалиста по извлечению селена и теллура в Казахстане. Ты знаешь, откуда пошло название селен?

– Сначала стал известен теллур, а не селен. Теллур открыл немецкий ученый Рейхенштейн в 1782 году, название происходит от латинского слова «теллурис» – Земля, в соответствии с принятой тогда традицией давать вновь открытым элементам названия планет. А селен, если не ошибаюсь, открыл знаменитый шведский химик и минералог Иенс Берцелиус в 1817 году, до этого открывший ряд других новых химических элементов и определивший их атомные веса. По своим свойствам селен оказался очень похожим на теллур, потому его, уподобив спутнику Земли – Луне, назвали селеном... – отчеканил я, вспомнив страницы учебника химии для средней школы.

– Молодец, историю открытия редких металлов ты уже знаешь назубок. Это пригодится тебе в будущем. Словом, батыр, я готов тебя вести дальше по тропе науки... – заключил Евней Арыстанулы тот разговор со мной.

* * *

Как известно, вторая половина двадцатого века – это эпоха НТР, то есть эпоха научно-технической революции. В этот период труд и творческий гений ученых и изобретателей позволил реализовать самые смелые мечты человечества. Люди уверенно стали штурмовать космос, осваивать Луну, Марс, Венеру и другие планеты. Поистине они стали волшебниками. Они стали видеть и слышать за тысячи километров, создали новые источники энергии. Успешно продолжается преобразование природы. Люди научились управлять морскими и воздушными течениями. Химики создали такие материалы, которые даже не существуют в природе, а превосходят по своим качествам естественные – это полимеры, искусственные волокна.

Надо признать, что многие полезные вещи и явления были открыты и внедрены в жизнь с помощью редких и рассеянных элементов. (Кстати, редкое свойство селена до этого использовали лишь в стекольном производстве. Например, добавление 20-30 граммов селена в одну тонну жидкого стекла придавало ему исключительную прозрачность, не позволяя мутнеть под действием ультрафиолетовых лучей солнца, рентгеновского или гамма-излучения). Позднее химики установили: если всего один грамм селена добавить в сплав нержавеющей стали, он приобретает приятный, светлый оттенок, таким образом, варьируя его количество, стали получать никелированные, хромированные стали, которые идут на изготовление бытовых предметов – ложек, вилок, ножей, посуды. После добавления селена в некоторые виды красок они прекрасно выдерживают горячую и холодную температуру и совсем не поддаются окислению... А это дает художникам-дизайнерам широкую возможность применять эти краски в оформлении

интерьеров дворцов, спортивных сооружений. В общем, не только строительная, но и автомобильная, стекольная и еще множество отраслей промышленности, благодаря селену, начиная с конца прошлого века, имели отличные красители...

Однако самые удивительные открытия были еще впереди: в 60-е годы XX века в обиход человечества стали входить миниатюрные по объему предметы производства электроники, радиотехники на полупроводниках. Во всех их неизменно, кроме германия, присутствовал селен и другие редкие элементы. А теллур, близкий по свойству к селену, оказался одной из самых важных составляющих в новейших технических моделях. Короче говоря, выделяя из группы халькогенов (халько – по-гречески медь, значит, халькогены – общее название группы) «халькофильных элементов» – серы, сурьмы, висмута, мышьяка, селена, теллура и ряда тяжелых цветных металлов (медь, свинец, цинк и др.), общим числом 19 элементов, химики открыли неизвестные ранее редчайшие их свойства. Тем самым ученые одарили человечество качественно новыми вещами, без них наша жизнь стала бы скучной и бедной. Это, к примеру, современные широкоизвестные мобильные спутниковые телефоны, умещающиеся на ладони, позволяющие соединиться и выйти на связь с любой точкой на земле без проводов. По сути они открыли для нас новую эру технического прогресса.

В результате спрос на халькофильные элементы возрос в сотни раз. Естественно, во всех странах, обладающих высокоразвитой химико-металлургической промышленностью, начали добиваться их массового извлечения. К сожалению, не всем удалось осуществить эти намерения. Дело в том, что в природе не имелось их месторождений. Встречались они лишь в малых дозах в рудах цветных металлов, в виде сульфидов, селенидов, теллуридов, сульфасолей. Выделение их из состава руд не имело смысла из-за мизерности извлечения. Очевидным было то, что они не исчезали в процессе долгой обогатительной и металлургической обработки. Наоборот, по ходу переделки полностью переходили в отходы, притом более насыщенные этими элементами, чем руды. Например, и селен, и теллур накапливались в отработанных шламах при производ-

стве меди и золота, а содержание их в хвостах возрастало в сотни раз. Поэтому эти шламы-отходы в 60-е годы прошлого века являлись основным источником получения халькогенов, вдруг ставших ценным сырьем.

Именно потому Министерство цветной металлургии СССР в те годы, выделив средства на строительство вспомогательных цехов вторичного обогащения медных электролитных шламов на всех производствах цветных металлов Казахстана и Средней Азии, форсировало выпуск этих элементов. Но, увы, одного желания было мало. Ведь отлаженной технологии извлечения по существу еще не было. Она находилась в зачаточном состоянии, извлечение халькогенов не достигало даже пятидесяти процентов...

Евней Арыстанулы знал эти проблемы как никто другой. Впервые соприкоснувшись с ними во время учебы в аспирантуре, он горел желанием усовершенствовать эти допотопные технологии, зная о низком уровне извлечения редких элементов. Потому начатые в Алматы исследования он последовательно продолжал в Караганде, притом подходя к экспериментам более углубленно и всесторонне. На то были причины: он знал, что такие же попытки делаются в Москве и в Свердловске; в печати появлялись сведения о том, что его первый наставник по редким металлам, профессор В.В.Стендер, работавший на Украине, тоже экспериментировал в этом направлении, на Урале – настойчиво и целеустремленно действовал знакомый ему коллега, член-корреспондент АН КазССР, профессор В.И.Смирнов. Возглавляя группу энтуазистов, он добился определенных успехов и уже проводил полупромышленные испытания на заводе в г. Верхная Пышма. Результаты их были обнадеживающими. По словам Алексея Николаевича Полукарова, неплохие результаты, которые они получили в ходе тех опытов, из-за недооценки, скорее из-за недопонимания и близорукости руководителей предприятия, не захотевших возиться с нововведениями, не прижились на производстве. Печально, но как гласила молва, его группа была распущена. Один из энтуазистов, талантливый экспериментатор, читатель уже знает о нем, по воле случая оказался в ХМИ...

«Неужели и нас ждет такая неизбежная участь?.. – думал иной раз руководитель карагандинской группы исследовате-

лей. – Нет, у нас размах побольше, как-никак здесь целый НИИ и группа наша мощнее. Молодо и зелено, но зато мои ребята напористее, они не привыкли отступать. У нас все должно получиться, иначе быть не может!..»

– Разрабатываемая нами технология актуальна и для науки, и для промышленности, мы на верном пути и даже кое в чем уже близки к цели, почему бы нам не поспешить? – задавал вопрос Евней Арыстанулы в кругу своих соратников и сам же отвечал: – Да, надо поспешить, тем более то, что мы ищем, лежит горами в отходах везде и всюду на территории заводов цветной металлургии Казахстана. Скажем, в Жезказгане, в рудах медного сульфида видны явные «следы» селена и теллура, а это известно давно, они не используются, уходят в отвалы дорогостоящие рений, осмий, германий и еще множество редких, рассеянных элементов. А это достояние народа, пока недооцененный клад! Мы даже не задумываемся об их извлечении и теряем миллионные прибыли. Огромное количество жезказганской руды (в сутки один эшелон – значит три-четыре тысячи тонн) с 1941 года ежедневно отправляется на Балхашский медный гигант. Завод, который выпускает за год до 150 тысяч тонн черновой меди (это только проектная мощность, а сколько на самом деле – известно лишь узкому кругу людей), и там до 1960 года совсем не занимались вторичной обработкой медеэлектролитных шламов с целью получения халькогенов. Потом спохватились, но работали теми же дедовскими способами, кое-как, лишь бы выполнить задания Госплана. И по-прежнему нетронутым лежало колоссальное количество «сырья» – десятки тысяч тонн. Значит, при удаче можно извлечь селена и теллура не килограммы, а сотни центнеров – только сумей!..

* * *

Евней Арыстанулы с молодыми коллегами, взвесив все плюсы и минусы нового наступления на редкость неподатливые элементы таблицы Менделеева, запланировал вести исследования сразу двумя путями: во-первых, использовать пи-

рометаллургическую технологию, то есть произвести обжиг сырья в печи при невысокой температуре: во-вторых, испытать гидрометаллургический метод с применением растворов.

В целях параллельного и ускоренного исследования он создал две самостоятельные группы. Первую группу возглавил В.П.Малышев, вторую – М.З.Угорец.

Оба руководителя были молодыми, недавними выпускниками вузов. Оба они заметно выделялись из общей массы сверстников искренней увлеченностью наукой. Марка Залмановича Угорца он знал со студенческих лет, ценил его гибкий, аналитический ум, практичность. Читатель уже знает, что именно его Евней Арыстанулы пригласил в первый же день работы в ХМИ, в Караганду... А Виталий Павлович Малышев – питомец Свердловского политехнического института, приехал в ХМИ по рекомендации своего первого наставника по институту, профессора В.И.Смирнова. Василий Иванович почувствовал его тяготение к глубоким знаниям, к поиску, стремление до всего дойти своим умом. Его коллега Евней Арыстанулы, комплектуя свою лабораторию, также обратил внимание на способного, многообещающего молодого человека...

Облеченные высоким доверием директора В.Малышев и М.Угорец серьезно подошли к поручению. Правда, у обоих еще не было опыта в таких делах, но надо отдать им должное: они сразу постарались взять быка за рога. Смелость, говорят, города берет. У них не было ничего за собой, никаких научных званий и тем более изобретений. У них было лишь одно преимущество – молодость, самонадеянная и горячая, когда весь мир представлялся им в радужных красках и все казалось достижимым и готовым пасть к их ногам. Кстати, и самому научному руководителю было в то время всего-навсего тридцать шесть лет!..

По прошествии полсотни лет, когда все страсти уже улеглись, конечно, легко рассуждать и рассказывать о делах давно минувших дней. Но тогда рискованный шаг молодых исследователей так же был полон загадок и скрытых опасностей, как и первая посадка космонавтов на Луну. И там, и здесь впереди было много неизведанного... Сознаюсь, что мои герои, в

отличие от космонавтов, рисковали лишь репутацией в ученом мире в случае провала, ну а при удаче?..

Короче говоря, обе группы, созданные в 1961 году в стенах ХМИ, взяли на себя большую смелость, они как бы пошли по краю обрыва, крепко взявшись за руки... Их стратегической целью было – насытить отечественную промышленность халькогенами, без которых в наш бурный век уже нельзя было обойтись ни на земле, ни в космосе.

«...С самого начала исследования группе повезло: нам помогли химики-органики И.Н.Азербаев и И.В.Кирилюс. Они отдали вращающийся автоклав. По тем временам это уже было целое богатство. Я помню, как все мы радовались этому приобретению и в первую очередь сам Евней Арстанович. Ведь мы могли уже работать с растворами щелочей, с подачей любого газа, в том числе кислорода. Начались технологические опыты. Основные усилия мы направили на окислительное щелочное выщелачивание соединений селена и теллура с переводом их в раствор, – пишет М.З.Угорец в своих воспоминаниях «Евней Арстанович и халькогены». Речь идет о начале исследовательской работы, о событиях 1961 года. – *Здесь хотелось упомянуть два момента. Во-первых, отметить удивительную научную интуицию Евнея Арыстановича. Через два года... мы узнали, что одновременно с нами подобные работы велись и в Англии, США, Канаде. И второе – его черту бороться и искать, сомневаться и ошибаться, но не сдаваться. Приведу пример: мы обнаружили, что без подачи кислорода в раствор в окисленной форме переходит подавляющая часть теллура. И это было нам непонятно».*

Разумеется, такие прецеденты – закономерное явление в исследованиях. Они происходят со всеми, кто ищет и идет по новому пути. Вопрос в том, как их объяснить? Конкретно, в том случае с выпаданием в осадок части теллура, о чем вспоминает молодой руководитель группы, объяснение они нашли случайно. Как вспоминает Марк Залманович, во время одной из поездок с Е.А.Букетовым на Жезказганский горно-металлургический комбинат они встретили на производственной

площадке академика Андриана Лукьяновича Цефта, своего профессора из КазГМИ. Евней Арыстанулы, отбросив всякие предрассудки и ложную скромность, поделился с профессором своими заботами, поведал о том, в какой он оказался растерянности в связи с непонятным «поведением» теллура. Большой знаток медной технологии тут же высказал ему свое предположение: «Оксид меди, а также и его гидрооксид – очень сильные окислители, может быть, они стали помехой...»

Исследователи ХМИ ломали головы над досадной осечкой, до этого более года, по приезде в Караганду, тщательно проверив все этапы эксперимента, убедились, что на самом деле образовавшийся в ходе его оксид меди мешал им довести реакцию до желаемого результата. Таким образом процесс получил непредвиденное направление. Но что поделаешь, открытия делаются именно благодаря исследованию случаев, которые являются исключением из правил. Молодой соискатель К.М.Ахметов, которому поручили заняться этой загадкой, через три года, успешно разрешив ее, защитил кандидатскую диссертацию. А трое исследователей – Е.А.Букетов, тот же К.М.Ахметов и М.З.Угорец позднее опубликовали специальную монографию по этой проблеме. Таким образом, в отношении попутного явления, мешавшего полному извлечению теллура, была внесена полная ясность...

Конечно, на этом не закончились проблемы исследователей. Разрабатываемая ими технология по извлечению селена и теллура из шлама под действием щелочи из года в год усложнялась. К тому же на седьмом году исследований Евней Арыстанулы внес в технологию усовершенствование: предложил в автоклав вдувать чистый кислород, что должно было значительно ускорить окисление халькогенов... Испытав это, группа Угорца убедилась в правоте своего руководителя. Процесс извлечения пошел намного быстрее. А это послужило нескольким исследователям группы – Х.И.Байкенову, О.И.Семиной, З.Б.Сагындыкову темой для их диссертаций...

Другая группа из пяти человек с помощью автоклава из уже полученной окиси сумела наладить извлечение селена и теллура в чистом виде. И эта же группа, возглавляемая М.З.Угорцем, после десятилетних проб и ошибок, в конце

концов освоила извлечение халькогенов гидрометаллургическим путем, предложив производственникам совершенно новую технологию, позволяющую наиболее полно выделять из шлама селен и теллур. Дело далее оставалось только за заводчанами...

А сам исследователь, стоически преодолев все невзгоды и трудности, которые встречались ему на пути, стал доктором технических наук. Все его люди, помогавшие в этих разработках, успешно защитили свои диссертации, все они стали кандидатами технических наук, некоторые – и докторами.

В общей сложности эти опыты, продолжавшиеся более тридцати лет, закончились замечательным успехом (по этому методу в ХМИ проводились дополнительные исследования до конца прошлого века, над ними уже работали второе и третье поколение ученых). Государственный комитет по регистрации новых изобретений и открытий в 1973-1974 годах выдал карагандинским исследователям по этой теме несколько свидетельств. Группа Марка Залмановича под руководством Евнея Арыстанулы в 1974-1976 годах проверила эффективность своей технологии на медном заводе в Алмалыке. «Очень много усилий Евней Арстанович затратил на организацию полупромышленных испытаний в Узбекистане. Сам он, будучи ректором КарГУ, несмотря на огромную занятость, побывал с нами в Алмалыке на АГМК. Такие испытания мы провели там в 1975-1976 годы. Они были успешны, но аппарат – электролизер для выщелачивания был далек от совершенства. Лишь позже, в 1982 году, совместно со Свердловским конструкторским бюро Министерства цветной металлургии СССР, мы сами создали новый аппарат. Евней Арстанович увидел наяву первое удачное применение своего детища, предсказанного им за десяток лет до этого...» – вспоминает М.З. Угорец.

Идею извлечения редких элементов с использованием небольшого автоклава Е.А.Букетов впервые выдвинул в 1961 году. Значит, более двадцати лет он пробивал свою идею, а сколько при этом преград возникло перед ним – нам не сосчитать и не измерить никогда, отрадно то, что ученый не отказался от первоначального замысла и вел вперед группу

одержимых, таких как М.З.Угорец и его единомышленники, пока не достиг желанной цели.

Приходится с сожалением сообщить читателю и такой факт, о котором вспоминает его ученик Марк Залманович: «В целом все эти наши исследования были достаточно оригинальны, в Советском Союзе подобных работ не было и, можно сказать, они были признаны, например, попали в учебники по химии и технологии редких и рассеянных элементов. Но нам реализовать на практике автоклавные методы сразу не удалось. Из зарубежной литературы лишь в 1982 году нам стало известно, что автоклавное щелочное выщелачивание медеэлектролитных шламов в конце 70-х годов было осуществлено в ГДР на заводах Мансфельда, причем со ссылкой на наши работы. Узнав об этом, Евней Арстанович очень был обрадован. Когда я ему показал статью из научного журнала, он прямо возликовал: «Вот видишь, Марк, метод, который мы пробивали в науку, служит человечеству! Молодцы, деловой и хваткий ум у немцев!..»

Евней Арыстанулы занимался извлечением халькогенов из медного шлама с некоторыми перерывами более пяти лет в Алматы. А в Караганде он решил повторить эти опыты: тот же шлам он по-прежнему обжигал с содой, выход металлов при этом был намного больше, чем при использовании других способов, а процесс окисления в «кипящем слое» шел быстрее, но, к сожалению, за полчаса не только селен, но и большая часть теллура, улетучивались в виде пыли из трубы – с такой потерей нельзя было мириться... Для улавливания халькогенов из пыли надо было сооружать специальную сетку-уловитель, а это громоздкое и дорогостоящее сооружение, с ним не захотят возиться производственники. Причина же потерь была в слишком высокой температуре в печи «кипящего слоя», а при ее снижении пропадал «кипящий слой». В общем, как в пословице: нос вытащишь – хвост увязнет. И здесь ученого осенила спасительная мысль: обжиг произвести в обыкновенной шахтной печи...

«В начале 1961 года мы уже начали обжиг гранул в шахтных печах...» – писали Е.А.Букетов и В.П.Малышев в опубликованной в 1969 году монографии «Извлечение селена и

теллура из медеэлектролитных шламов» (этот труд в марте 1970 года Евней Арыстанулы подарил мне с таким автографом: «Уважаемому моему брату и ученику Медеу Сарсекееву – от чистого сердца»).

Свой метод обжига они тщательно проверяли более года и убедились в его абсолютной безотказности, кстати, в последних опытах они добились почти 90-процентного выхода селена в окиси, извлечение теллура также было на уровне расчетного. Фактически это было то, к чему карагандинские исследователи стремились. Между прочим, это был лучший результат в мире, своеобразный рекорд по извлечению халькогенов!.. Авторы новой технологии свои открытия представили в Госкомитет по делам изобретений и открытий. 1 февраля 1962 года Е.А.Букетову и В.П.Малышеву комитет выдал свидетельство под № 158416.

Виталий МАЛЫШЕВ,
«ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА»:

«Сложили модель этой печи в чемоданчик, привезли на уральский завод в Верхнюю Пышму, показали в действии – всем понравилось, анализы хорошие, культура! Но главный инженер изрек: «Дело это сложное, потребует реконструкции, отразится на себестоимости продукции, сорвет план. В общем, была обычная «государственная» песенка. Вернулись мы ни с чем, подавленные. Рассказали, что да как, но такой оборот ничуть не удивил Евнея Арстановича, только раззадорил: «Двинем-ка мы в Унипромедь, у них там своих свежих идей в этом деле нет, попробуем действовать в одной упряжке!» А что такое Унипромедь? Это головной проектный и исследовательский институт по медной промышленности не только Урала, но и других регионов бывшего Союза. Расположен в Свердловске, рядом с Верхней Пышмой, имеет свой опытный завод. Никого там лично не знаем».

Поездка в Свердловск Е.Букетова и В.Малышева в 1963 году принесла свои плоды: новая технология сначала прошла испытание в лаборатории Унипромеди, сразу же после этого на

Елизаветинском опытном заводе под Свердловском. Провели полупромышленное испытание. Результаты отличные, можно сказать, почти фантастические! Итоги испытаний совместных исследований были опубликованы в союзном журнале «Цветные металлы» в № 4 за 1965 год: «Шахтное опекание медеэлектролитных шламов» (Е.А.Букетов, Ю.Д.Бурдаков, Л.Д.Кирр и В.П.Малышев).

Но, увы, в который раз нам придется делать оговорки, ниже мы приводим подробный рассказ участника этих событий, он красноречиво характеризует ту систему, в которой мы жили, тяжелую на подъем и безответственную.

Из книги В.П.МАЛЫШЕВА «ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА»:

«Поехали через некоторое время в Пышму, оказывается, прежний главный инженер перешел в Министерство цветной металлургии, в Москву, а новый – бывший начальник шламового цеха, нам заявил: «Сейчас мы испытываем новую технологию по обжигу в печи «кипящего слоя», и пока ее не испытаем, к вашей приступать не будем. Завод – не полигон для проверки всяких идей, нам нужно заниматься производством». Потянулись долгие месяцы ожидания конца испытаний, которые шли хуже некуда, хотя цех был напичкан сложной управляющей аппаратурой, и там денно и нощно трудились представители известного института. Признаться им в несостоятельности своей технологии даже в те, уже потеплевшие времена было страшно. Обвинение в разбазаривании государственных средств, крах карьеры, падение научного авторитета, личная трагедия ученого – вот что стояло за этим. Испытания остановились, новый участок цеха напоминал какую-то вымершую цивилизацию. Никто не хотел ставить точку над i» – вспоминает эту грустную историю в своей книге ученик Е.Букетова. – *Мы совместно с Унипромедью не раз обращались в министерство с просьбой разрешить нам испытания нашей технологии, но неизменно получали короткий отказ с явно надуманной мотивировкой: – «Не спешите, как поступят положенные финансовые средства, так и приступим к испытанию...»*

Евней Арстанович ходил чернее тучи, не зная, что предпринять. Но вот однажды прямо с раннего утра вызывает меня к себе в кабинет, долго молчит, о чем-то сосредоточенно думает. Молчу и я, жду чего-то необычного, больно уж не похоже это на нашего лидера. И в самом деле: «Виталий Павлович, я думаю так: надо написать письмо Брежневу». Он помолчал. «Не от меня, как от директора, а от тебя, как от молодого специалиста и ученого. Что ты возмущен тем, с чем столкнулся при внедрении нового в производство, что потеряны годы и утрачивается вера в технический прогресс в нашей стране. Писем от директоров у него — пруд пруди, а от молодых, думаю, нет. До него письмо, конечно, не дойдет, но в аппарате, может, как-то сработает».

Я согласился и на следующее утро принес проект письма. Он взял его в руки, нахмурился. Стал читать — вижу, усмехнулся, потом начал хохотать, как обычно, до слез. Понравилось то, как я, чтобы быть доходчивым для генсека, сравнил размер нашей печи с местом, которое занимают три рядом стоящих и бесконечно спорящих директора: нашего института, Унипромеди и завода. Юмор же был в том, что все три директора были очень крупные — наш за 100 кг, да и те, если уступали по росту, то в диаметре явно превосходили. Облегченно вздохнув, махнул рукой: «Пойдет! Посылай! Может, это хоть их зацепит».

Письмо было отправлено, и буквально недели через две — звонок из Унипромеди: приезжайте, есть телеграмма из ЦК, приступаем к немедленному внедрению. Оказывается, в министерстве сидел соавтор печи «кипящего слоя», и все наши прежние письма оседали у него. Что и говорить, мы за три месяца спроектировали, поставили и внедрили на заводе шахтные печи, которые работают до сих пор...

Думаю вот о чем. Если бы Евней Арстанович держался традиционных путей «пробивания» или казенных служебных записок — ничего бы не получилось. Он нашел и поддержал единственно вероятный шанс, исходя из понимания человеческой психологии и реалий того времени — это и есть мудрость...»

Поверите ли, читатель, хотя мы уже знаем, что все закончилось удачно, исследователи ХМИ в содружестве с коллегами из Унипромеди потратили на это дело в общей сложности

семь лет, буквально своей кровью платя за каждый грамм добытых металлов. После всех трений, проволочек и мытарств технологию обжига медного шлама в шахтной печи начали применять в 1969 году на заводе Верхней Пышмы, а в 1974 году на новом Жезказганском медьзаводе. В 1977 году на Балхашском комбинате, изготовив из молибденсодержащих пылей гранулы, их стали обжигать в так называемых печах КС (в «кипящем слое»). Такие печи начали применять в 80-е годы на Новофосфорном заводе в Жамбуле и в Карагандинском производственном объединении «Карбид»...

Впоследствии эта технология была признана лучшей из всех существующих в мире, некоторые зарубежные страны закупили патент на нее и с успехом внедрили у себя. С тех пор она служит и будет служить, можно сказать, всему человечеству, поскольку нужда в халькогенах никогда не иссякнет...

И тут возникает закономерный вопрос: для чего и почему новшествам постоянно ставились искусственные заслоны на их пути внедрения в производство, хотя явная полезность была налицо. Также возникает вопрос: какое же наказание понес тот чиновник в министерстве, который все письменные запросы без рассмотрения прятал под сукно? Нет ответа на эти вопросы. И не может быть, потому что так тогда было заведено, никто ни за что не отвечал, никому не было дела до прогресса... И теперь, дорогой читатель, можете представить, в каком унизительном и бесправном положении находились все наши ученые и изобретатели. Хуже некуда, так что приходилось им терпеть скрепя сердце, высокомерие и пренебрежительное отношение к ним чванливых чинушей и бюрократов, державщих в своих руках бразды правления и ресурсы великой страны. Перед ними была стена. Наиболее упорные и талантливые иногда находили обходные пути, иные и напрямую добивались своих целей. А сколько людей надорвалось, истратило силы впустую, не достигнув желанной победы, преждевременно ушло из жизни?!..

* * *

Когда на уральском экспериментальном заводе проходило второе испытание, Евней Арыстанулы приступил к своей докторской диссертации на тему: «Извлечение селена и теллура из медеэлектролитных шламов». Над ней он просидел около двух лет. Надо заметить, фактическое начало ей было положено еще в 1957 году. И все исследования, которые были проведены в лабораториях ХМИ, предваряли диссертацию.

Виталий МАЛЫШЕВ,
«ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА»:

«В 1964 году, по горло загруженный директорскими делами, Евней Арстанович взялся за оформление докторской диссертации и попросил меня провести рутинные термодинамические расчеты для большой группы теллуритов и теллуратов разными методами... Все шло хорошо – бери из справочников данные, подставляй в формулу и считай, но на последнем методе вышла осечка. Не получаются прямые зависимости – и все тут. Причем, как-то интересно не получаются. Одной второй периодичностью не объяснить. Что делать? Оставить «на потом»? Так поначалу и решили. Но через некоторое время при очередном звонке Евнею Арстановичу докладываю о текущих результатах и слышу его возбужденный голос: «Ты посмотри работы Григоровича в трудах института металлургии АН СССР, у него там что-то оригинальное по выявлению третьих электронных оболочек». О докторской на время забыли, стали разбираться и нашли неожиданный аспект решения проблемы. Только после этого вернулись на грешную землю исполнять свои обязательные программы, после которых уже со вкусом занялись лакомым блюдом. Нам показалось тогда, да и сейчас нет особых сомнений, что найденная закономерность претендует на открытие. Во всяком случае, Михаил Христофорович Карапетьянц ответил на наше обращение по этому поводу, что он не сомневается в оригинальности нашего подхода, но требуются более широкая проверка и тщательное обоснование...

Мы дали один из аспектов проблемы на разработку нашей аспирантке Симбиновой К.Ж., которая успешно защитила диссертацию с ведущей организацией — Московским химико-технологическим институтом имени Д.И.Менделеева, где работают крупные ученые в области строения вещества. Теперь Кадиша Жантурсуновна — профессор физической химии. Работа над проблемой продолжается и сейчас в контакте со специалистами по квантовой химии».

Евней Букетов отличался чистой, беззаветной, рыцарской преданностью науке и служение науке считал своим священным долгом.

Подтверждение тому мы находим в статье российского ученого, ректора Уральского политехнического института С.С. Набойченко, озаглавленной «Самородок, мыслитель, труженик»: «В 1978 году я подготовил докторскую диссертацию, посвященную изучению и разработке автоклавных технологий в металургии меди. И при формировании «команды оппонентов» наш выбор с моим научным руководителем И.Ф.Худяковым остановился и на Евнее Арстановиче: «Компетентен, авторитетен, динамичен, но перегружен...» Поэтому любезное согласие его быть оппонентом моей работы было для меня, по мнению И.Ф.Худякова, и для нашего докторского совета, почетным и полезным. Все шло нормально, разослал автореферат, получены отзывы от двух оппонентов и передового предприятия, защита назначена на 7 февраля 1979 года. И вдруг за две недели до защиты Евней Арстанович приглашает меня в Караганду, показывает экземпляр диссертации с правками, дает прослушать диктофон с его замечаниями и обобщает: «Очень хорошая работа, но немало стилистических погрешностей, надо их исправить. Мне, казаху, неудобно делать вам, русскому ученому, замечания по стилю русского языка». Вполне понятно, я был огорчен, даже пошел на обострение: «Согласен защищать при любом вашем отзыве». Евней Арстанович остался непоколебим. Ни разъяснения, ни просьбы председателя докторского совета и его заместителя не повлияли на его решение. Пришлось защиту перенести на месяц; к моему не-

счастью, срок полномочий ученого совета к этому моменту истек. И только через год, в феврале 1980 года, состоялась защита. Е.А. Букетов дал хороший отзыв, голосование единогласное, через полгода пришло утверждение ВАК. Год не прошел для меня даром еще и потому, что я достал опубликованные художественные произведения Букетова Е.А., с удовольствием их прочитал, отмечая про себя живость языка и сочность образов. Признаюсь, я внимательно просмотрел еще раз ряд монографий под авторской редакцией Е.А.Букетова; стилистически они были написаны совершеннее, чем моя докторская диссертация.. Не скрою, было обидно, даже сгоряча непонятно; но, оценивая эти события по временному фактору, сознаю: «Урок я получил поучительный и незабываемый. Стараюсь максимально обдумывать построение и изложение фразы, мысли». Конечно, я благодарен за такую встряску. И однозначно так поступить мог не только сильный, но и убежденный в своей правоте человек».

Весной 1966 года Евней Арыстанулы отправился в Москву. Там без затруднений прошло обсуждение диссертации на московских кафедрах и в научных советах. Все единогласно констатировали, что диссертацию можно защищать перед любым самым взыскательным составом ученых. Много времени ушло на выбор места. В конце концов защиту включил в свой план ученый совет Московского института стали и сплавов, защита была назначена на 10 октября.

Из рассказа ИСАБАЕВА Сагинтая Макатулы, доктора технических наук (август, 2003 год):

«... Ебеке, поднявшись с места, энергично, гулко ступая по деревянному полу, быстро направился к трибуне. Сидящие в зале смотрели вслед ему с удивлением, будто бы спрашивая, что нужно этому степняку в научном мире, пас бы в своей степи табуны лошадей и отары овец, по виду как раз ему это подходит — истинный кочевник, огромный, неуклюжий, как верблюд, ходит аршинными шагами... Я почему-то сразу почувствовал открытую неприязнь незнакомой нам аудитории, очевидно, вызванной его богатырским ростом и угловатым движением по залу,

безусловно, эта неприязнь еще более усиливалась раздражающим скрипом деревянного пола под его ногами. Все это вызвало нездоровое оживление в зале, чувствовалось мелкое злорадство в предвкушении его неминуемого провала. К тому же диссертант не вмещался своими огромными габаритами в маленькую трибуну, сооруженную на сцене, потому, положив свои бумаги, Ебеке вышел оттуда наружу.

Ебеке начал спокойно, даже свой привычный грохочущий голос сдерживал. Но постепенно увлекся, начал говорить в быстром темпе, как всегда, остроумно, будто бы декламировал стихи. Можно сказать, через четверть часа он уже овладел вниманием присутствующих. После этого посыпались вопросы. Особенно усердствовали ученые с кафедры профессора Н.С.Грейвера. К счастью, Евней Арстанулы не стушевался, отвечал конкретно, точно, лишь изредка вытирая пот, часто выступавший на лбу...

И вот началось обсуждение. Четыре оратора один за другим поддержали диссертанта. После них в самом конце выступил крупный ученый, член-корреспондент АН СССР М.Н.Плаксин, он же председатель ученого совета. Маститый ученый сразу заметил, что разработка обсуждаемой темы и общий объем проведенных исследований тянут не на одну, а на три докторских диссертации, и особо подчеркнул, что нужно было соискателю защитить ученую степень еще несколько лет тому назад. Мнения всех выступивших сошлись как раз на том, что обсуждаемая работа достойна присвоения диссертанту ученой степени доктора технических наук, на этот счет не может быть никаких сомнений. Е.А.Букетов мог быть удостоен докторской степени и без защиты диссертации, за свои многочисленные опубликованные научные труды и авторские свидетельства, но сам соискатель не пожелал идти по этому пути, он проводил сложные исследования, на это он потратил долгие годы, и в результате создал новую технологию, которая должна принести экономике страны огромную прибыль, некоторые его разработки уже внедрены в производство, чем он доказал жизненность открытого им способа...

Когда объявили итоги голосования, стало известно, что все 12 членов ученого совета проголосовали за присуждение ему док-

торской степени, сидящие в зале ученые встретили это сообщение громкими аплодисментами. Кто-то с заднего ряда крикнул: «Молодец, степняк!» А я, разволновавшись и радуясь за своего наставника, помню лишь шептал: «Есть, оказывается, справедливость!» И не заметил, что нет уже рядом сидевшего Ебеке, увидел его только тогда, когда он поднимался на сцену, чтобы поблагодарить членов ученого совета...»

В начале следующего года ВАК без проволочек утвердил Е.А.Букетова в ученой степени доктора технических наук. Вслед за этим он получил звание профессора.

Известен извечный закон жизни: удачливому джигиту счастье само бежит навстречу. Так и случилось со всеми помыслами Евнея Арыстанулы, также и институтскими делами. Новоиспеченного доктора наук принимали везде без задержки, мало того, сами приглашали. Его участие на научных конференциях стало престижным, печатные издания сочли обязательным брать у него интервью, особенно в предпраздничные дни это превратилось в традицию. В 1967 году профессор Е.А.Букетов в составе делегации ученых Советского Союза посетил Канаду, целую неделю он был на выставке «ЭКСПО–67».

Разумеется, присуждение докторской степени руководителю института и выпавший на его долю особый успех при защите в Москве резко подняли научный уровень руководимого им ХМИ. Самое главное, как ни странно, сразу же повысилась значимость и возросло доверие производственников к исследованиям, которыми руководил доктор наук Е.А.Букетов. Его принимали на заводах с почтением, к его советам теперь прислушивались руководители области, и, конечно, старались его просьбы исполнять быстрее. Если кто-то раньше на Е.А.Букетова смотрел пренебрежительно, считая, что он – всего-навсего «кандидат наук, такой же, как и все другие...», теперь на него поглядывали как на знаменитость, исключительного человека, который в Москве держался на равных с корифеями науки. Ведь его единогласно признала высшая каста научного мира. Своей ученостью, мол, он прославил свой край. В условиях и настроениях тогдашней Караганды, где

докторов наук было пересчитать по пальцам, можно это представить и оценить, как перед ним преклонялись...

В знак особого уважения к нему на многочисленных торжествах Евнея Арыстанулы стали избирать в президиум, в те годы ученый три созыва подряд был депутатом областного Совета, он также входил в состав областного партийного комитета. Кстати, эти общественные поручения и обязанности были нелегкой ношей. Волей-неволей приходилось часами просиживать на пленумах, сессиях, собраниях, которые созывались в неделю несколько раз, отнимали дни, часы, которые были на счету. Что делать, как коммунист и народный депутат, он вынужден был присутствовать на всех сборах-курултаях, скучая и досадуя из-за напрасно потерянного драгоценного времени, которого ему было отпущено судьбой не так уж и много.

Возросший авторитет руководителя, естественно, благотворно повлиял и на учеников. Самое важное, результаты исследований стали быстрее, чем раньше, внедряться в производство. Увеличилось число лабораторий, возрос штат научных сотрудников...

Своевременная защита диссертации директором ХМИ неожиданно помогла сдвинуть с мертвой точки и еще одну проблему.

Когда он вернулся из Москвы, в Караганду позвонил президент АН Казахской ССР Ш.Ч.Чокин:

– Дорогой Евней, поздравляю тебя с успешной защитой, уже наслышан, что ты отличился там. С меня причитается подарок. Чего бы ты хотел? Скажи, не стесняйся, ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Евней Арыстанулы ответил, не задумываясь:

– Шаке, помогите нам с постройкой нового здания института. Тем более мы уже заслужили научными успехами такой солидный подарок с вашей стороны. Без типового и просторного здания наши дела в гору не пойдут. Это вы лучше меня знаете... – так воспользовался он моментом и поймал на слове руководителя республиканской АН, почувствовав доброе расположение к себе Шапыка Чокыулы.

Президент АН был несколько удивлен: «Е.А.Букетов ничего не просил за себя, хотя бы о включении его в список на бли-

жайшие выборы в академии, чтобы стать членом-корреспондентом или академиком, а ведь среди директоров академических институтов лишь он один не имел такого престижного звания... Его личная скромность не позволила ему просить об этом. В первую очередь он беспокоился не о себе, а о будущем своего института... – подумал Шапык Чокулы и сказал:

– Ладно, Евней, постараюсь на днях предпринять что-нибудь конкретное...

Хотя Казахстан был самостоятельной республикой, все важные вопросы, в том числе и хозяйственные, решались в Москве. Поэтому с письмом президента республиканской академии наук директор ХМИ вскоре отправился в Москву.

Ходатайство Ш.Ч.Чокина возымело действие. Президент АН СССР М.В.Келдыш принял приехавшего из далекого Казахстана Е.А.Букетова, подробно расспросил об исследованиях, проводимых в его институте. Его интересовало все: главные направления исследований, внедрение в производство разработанных новшеств, дальнейшие перспективы и, довольный услышанной информацией, воспринял как должное, что лаборатории ХМИ нужно оснащать новейшими приборами, был вполне согласен, что для всего этого требуется современное, непременно типовое здание. И дал добро на разработку специальным институтом строительства, который находился в ведении АН, индивидуального проекта для ХМИ. Таким образом, аудиенция у президента АН СССР благополучно завершилась. Евней Арыстанулы был доволен, то, о чем он мечтал все годы своего директорства, разрешилось в течение получаса. Он, поблагодарив Мстислава Всеволодовича, хотел уже попрощаться... «Но, дорогой, чтобы это дело окончательно довести до конца, вопрос надо согласовать с заместителем председателя Совмина СССР, председателем Комитета по науке и технике товарищем В.А.Кириллиным», – заметил Келдыш...

«...В это время в кабинет вошел подтянутый, одетый в прекрасно сшитый по его фигуре костюм, моложавый, красивый мужчина. Хозяин кабинета вышел из-за стола и уважительно

поздоровался с ним, – рассказывал мне Ебеке позднее об этом случае, с многозначительным и заговорщицким выражением на лице... – *Мне бы чуточку подождать, хотя бы узнать что-либо о вошедшем человеке. Ведь можно было догадаться, что он – не простой человек, раз заходит в кабинет президента АН СССР без звонка и доклада. Нет, мною, должно быть, уже овладела эйфория успеха. Словом, показал себя, как настоящий провинциал. Едва кивнув головой вошедшему, тут же повернулся к нему спиной и снова обратился к Келдышу: «Мстислав Всеволодович, наверное, такой высокий чин, как зампред Совмина СССР, вряд ли примет меня, рядового директора института из провинции, лучше я поеду в Алма-Ату, выйду на комитет через нашего президента...»*

И тут хозяин кабинета, прервав мою речь, улыбаясь, заметил:

– Дорогой казахстанец, зачем вам ехать в Алма-Ату, думаю, сегодня-завтра этот вопрос будет улажен. Потому что тот недоступный для вас высокий чин – ваш коллега, крупный физик и энергетик, академик Владимир Алексеевич Кириллин сидит за вашей спиной...

Я поздно узрел, какую допустил непоправимую оплошность, и оттого, не зная, как оправдаться, совсем растерялся. Из этого состояния меня вывел добрейший Мстислав Всеволодович, представив меня зампреду Совмина СССР и лестно отозвавшись об возглавляемом мной институте, сказав, что я директор того института, основу которого закладывали двое известных союзных академиков И.П.Бардин и К.И.Сатпаев. И шутливо закончил свое представление: «Скоро наши коллеги полностью обеспечат страну редкими металлами...»

У людей крупного масштаба не бывает в поступках мелочей, в любой ситуации они остаются в своем амплуа. Кириллин, с открытой улыбкой посмотрев на меня, сказал:

– Это доброе дело, дорогой товарищ. Вы думаете, дефицит селена решится в ближайшие годы? Я об этом немного информирован. Вы мне скажите правду: есть ли затруднения в этих вопросах?

Это тема была для меня привычной и я мог часами говорить об этом. Но, прикинув, что перед государственным деятелем

такого высокого ранга скоропалительных заявлений делать не стоит, ограничился скупой и скромной фразой:

— Владимир Алексеевич, технология, которую разработали наши специалисты, уже частично действует на Балхашском комбинате. Идет также подготовка к ее апробации и на Урале, в частности, на старом заводе в Верхней Пышме. Если удачно преодолеем некоторые преграды по внедрению, думаю, уже в этой пятилетке, во всяком случае, в следующей, страна получит столько селена, сколько потребуется...

Я никогда не думал, что зампред Совмина СССР знает проблему с селеном так же досконально, как и мы, профессионалы — до тонкостей.

Кириллин после моих слов, поднявшись с места, вплотную подошел ко мне.

— Коллега, ваше заявление мне по душе... — сказал он, прямо глядя мне в лицо. — Теперь скажите, как смотрят специалисты вашего института на проблему обезвреживания от мышьяка полиметаллических руд? Мне известно, что это очень сложное дело. Но, ссылаясь на то, что это очень трудно, сидеть сложа руки тоже не годится...

В нашем ХМИ в свое время была создана группа, которая занималась мышьяком, года три она вела исследования. Но ощутимых результатов пока мы не достигли. Честно признавшись в этом, я тут же уточнил, что в годы сокрушительной атаки Н.С. Хрущева на науку наш институт лишился финансирования, сел на мель... Только теперь начали понемногу приходить в себя, если будет от союзных учреждений материальная поддержка и заинтересованность, мы готовы заняться не только селеном, теллуром и мышьяком, но и всеми 19-ю элементами из группы халькогенов, для этого у нас есть научные кадры и огромное желание решить эту проблему...

— Хорошо, товарищ Букетов, все ясно. Поскольку вы приехали издалека, сегодня вечером для вас найду четверть часа времени, подготовьте свои бумаги и приходите, — сказал В.А. Кириллин и назвал номер телефона своего помощника...»

III

Научно-исследовательский институт не только крепок добротным зданием и научными подразделениями, но еще и подбором сотрудников, особенно их качественным составом, ясно, что дальнейшее развитие и перспективы научного роста также в основном зависят от этого фактора.

Е.А.БУКЕТОВ, «НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЖИЗНЬ», «Простор», 1971 год, № 2:

«Сталь и чугун, как известно, это сплавы железа с углеродом: чугун – высокоуглеродистый сплав, сталь – малоуглеродистый. Следовательно, получение последней из чугуна сводится к выжиганию углерода для того, чтобы довести его содержание до определенных пределов, тогда чугун становится сталью. Эта операция и проделывается в конверторных и мартеновских печах металлургических заводов. Однако такое выжигание не обходится даром. В стальном расплаве накапливается избыток кислорода и поэтому вслед за «окислением» (выжигание углерода) следует обязательный процесс «раскисления» (удаления кислорода). Раскисление, как правило, осуществляется введением в стальной расплав таких добавок, которые, присоединив к себе кислород, всплывают на поверхность ванны, образуя шлаки. Наиболее распространенными раскислителями являются марганец, кремний, алюминий – элементы, активно реагирующие с кислородом с образованием всплывающих окислов. Марганец и кремний вводятся в расплав, как правило, в виде ферромарганца, ферросилиция – специально приготовленных сплавов с железом (ферросплавов) и лишь алюминий употребляется в виде металла технической чистоты.

...Для весьма ответственных марок стали такие комплексные раскислители составляются дорогим путем – плавлением ферросплавов и чистых металлов. Поиски более дешевого пути получения этих комплексных сплавов-раскислителей привели наших ученых к мысли о выплавке их непосредственно из марганцевых руд в электродуговых печах, ибо руды марганца в основном и состоят из природных окислов марганца, кремния,

алюминия и железа. Эта идея и лежала в основе предложения Г.В. Медведева, сотрудника ХМИ, который этим занимался основательно с 1960 года. Самое удивительное заключается в том, что его предложение было очень простым, особенно устраивало нас то, что в казахстанских условиях его можно было быстро ввести в производство...»

Евней БУКЕТОВ, «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»:

«Как-то иду в лабораторное здание, которое достраивается медленно (...) иду, потому что знаю, есть такой инженер Лапин (он и есть выше представленный автором Геннадий Васильевич Медведев – М.С.), *который на нижнем этаже недостроенного корпуса, соорудив себе опытную установку, трудится, не покладая рук. Впервые вижу в институте опытную установку, на которой ведется эксперимент, и радуюсь. Меня встречает высокий мужчина средних лет, представляется инженером Василием Гавриловичем Лапиным»* (имя и отчество тоже переиначены – М.С.).

– Я о вас наслышан и пришел познакомиться. Говорят, вы тут взялись доказать чуть ли недоказуемое и что у вас неплохо получается, но до меня доходили и насмешки некоторых ваших коллег. А теперь поделитесь, что у вас на уме...

– Это правда, уважаемый директор. У меня что-то наклевывается, да пока мало кто этому верит. Я ведь доказываю самое простое, как дважды два: на агрегатах, на которых все работают, можно из бросового материала получать ценнейший продукт, стоит только несколько изменить параметры... Вот этот самый сплав, металлурги мне не верят, пусть попробуют сами. Вы тоже не верите?.. Пожалуйста, сейчас я вам дам пробу из полученного мною сплава, проверьте его не у нас, а в лаборатории Кармета...

– Понял вас, я верю, – не стал я спорить. – А вы можете получить на этой печи ферросилиций?

– Почему бы и нет, но на это нужно время.

По его словам, марганцевое сырье, часто встречающееся в недрах Казахстана, из-за незначительного содержания мар-

ганца на металлургических заводах обычно не использовалось, между тем, если обжигать его дешевым топливом Экибастуза, можно получать ферросплавы. Самое главное, исследователь досконально изучил состав этих углей и рационально использовал их компоненты. Он выявил, что более шестидесяти процентов экибастузских углей не сгорают, безвозвратно уходят в золу, а они состоят из кремнезема (фактически это то же самое, что силиций – М.С.) и обыкновенного алюминия. Г.В.Лапин способом, который сам придумал, в своей электропечи получил готовые ферросоединения. «Легко улавливаю принцип, на основании которого Василий Гаврилович строит предлагаемую им технологию, очень нужную металлургам и с трудом верю в нее именно из-за ее чрезвычайной простоты...», – делится автор «Шести писем другу» своими сомнениями.

– Вот и вы повторяете сплетни моих недругов! – рассердился создатель новых сплавов. – У нас сейчас всезнаек и разных советчиков, которые в каждой бочке – затычки, стало очень много. Если предложишь что-то очень простое, сразу же начинают на голову показывать, мол, перегрев, из ума выжил. Скептики не верят мне, что ферросплавы нужного состава можно получать таким путем, что их можно запросто выплавлять из тех материалов, которые у нас под ногами... Короче, как бы вы ни отнеслись к моей затее, может быть, и вы посчитаете меня бесшабашным, а то и чокнутым, из Караганды я никуда не уеду, если будет нужно, костьми лягу возле своей печи. В этот город я приехал с далекого Урала по настойчивой просьбе вашего заместителя М.И.Хайлова. Приехал потому, что я знал: в Казахстане – горы такого бросового сырья. Однако с Михаилом Исаковичем мы не спелись, если выразиться точнее, мою идею он не признал, меня он хотел использовать, как подсобника, для своих экспериментов, да не на того напал... Рассорившись с ним, я поехал к вашему же наставнику, академику В.Д.Пономареву. Виктор Дмитриевич, несмотря на то, что он специалист по цветным металлам, отлично уловил мои мысли, хотя они касались черной металлургии... И повел меня к президенту Академии наук. Президент, как всем извест-

но, ученый-геолог, не металлург, но он видит дальше иных специалистов. Академик Сатпаев без колебаний поддержал меня и выделил средства для этой опытной печи и закупки необходимого оборудования. Вот видите, не имеющие никакого отношения к моей сугубо узкой специальности, но настоящие ученые помогли мне во всем. А вы? Если вы так уверены в себе, попробуйте опровергнуть их. Нет, не сможете. Потому что я уже сейчас, в первый же год получил эти сплавы. Вот, они перед вами...

Действительно, Г.В.Медведев из считающегося очень бедным по содержанию марганцевого сырья (18%), обжигая его вместе с экибастузским углем (кремнезема в нем было 45%, а алюминия всего 8%), получил новый сплав. Поскольку основой его были алюминий, марганец и силиций, исследователь назвал свою продукцию АМС. Получил на нее авторское свидетельство. Кстати, его АМС оказался нужным сплавом для металлургов, его можно было использовать как раскислитель при плавке качественной стали. Но чтобы окончательно это доказать, надо было провести полупромышленные испытания. В лаборатории ХМИ их не проведешь. А металлурги Карметкомбината по-прежнему использовали дорогостоящие ферросплавы, иначе говоря, не желали менять привычную технологию и варили сталь по старинке. Никто не хотел заниматься новым сплавом, найденным рядовым инженером. Вся загвоздка была в том, что за внедрение новшеств производственникам не платили, а свои кровные ежемесячные премиальные в случае просчета и брака они могли потерять. Фактически, это была порочная практика... Самое парадоксальное и трагикомическое заключалось в том, что никто не был против нововведения Медведева, но и претворять его в жизнь никто не брался. Словом, создавалась тупиковая ситуация...

Сам изобретатель, да и руководители ХМИ, тогда еще слишком уверенные в своей правоте и уповавшие на скорый успех, после первых удачных опытов в 1960 году начали обивать пороги в различных инстанциях. Надо отдать им должное, после двухгодичных хождений им удалось добиться специального постановления Совета Министров Казахской ССР, которым

испытание новой технологии возлагалось на Актюбинский ферросплавный завод. А там, к их удивлению, его провели без всяких препятствий и получили АМС отличного качества. Подсчеты показали, что экономическая выгода от применения новой добавки огромна. Инженер Медведев во всем оказался прав. Прирожденный прозводственник, до мозга костей экспериментатор, считавший, что ученые регалии ему ни к чему, добился выдающихся практических результатов, суливших Кармету многомиллионные прибыли. И главное, огромные неисчислимые запасы дешевого сырья могли быть задействованы в производстве.

Однако изобретателю не повезло, его новшество не было внедрено. Как говорят, тут не последнюю роль сыграл неуживчивый, скорее всего, болезненно-эгоистичный характер самого инженера (между прочим, это сугубо характерная черта всех талантливых людей), не пожелавшего иметь соавторов. Еще, думается, ему не повезло потому, что когда завершились производственные испытания в Актюбинске, в самом ХМИ начался известный читателю раскардаш 1963 года. Лабораторию черной металлургии, где работал Г.В.Медведев, отделили от ХМИ и вместе с ней автоматически всю группу создателей нового сплава перевели в филиал Центрального института черной металлургии СССР. А там изобретатель, уже на деле доказавший свою оригинальную идею, как ни странно, стал посмешищем своих же ученых коллег: поводом для этого послужила статья самого Г.В.Медведева о полученных результатах полупромышленного испытания на Актюбинском заводе, опубликованная во всесоюзном журнале «Сталь» (1962 год, № 2); публикуя научный отчет инженера-испытателя, редакция журнала сопроводила его противоречивым, даже отрицающим его ценность заключением: «Результаты проведенных опытов следует считать предварительными. Сплав указанного состава непригоден для раскисления...»; как видно, суть редакционной аннотации – убийственный и безаппеляционный по смыслу приговор, похожий на некролог... Кстати, в дальнейшем эта статья с бездоказательным, беспощадным резюме, послужила директору филиала ЦНИИ Чермет М.И. Хай-

лову поводом для сокращения исследовательской группы Г.В.Медведева «из-за невостребованности в производстве», а самого инженера, вышедшего из его повиновения, из-за его строптивого характера вовсе уволили.

И Медведев довольно долго, почти два года безрезультатно ходил по высоким кабинетам, везде и всюду доказывая свою правоту и требуя справедливости. Но ничего не мог доказать. Пройдя огонь и воду на этом пути, в конце 1964 года, когда стабилизировалась обстановка в ХМИ, он по приглашению Евнея Арыстанулы снова сюда вернулся, стал заведовать вновь открытой ферросплавной лабораторией. И, конечно, настырный по своей натуре исследователь, которого как ни гнули, но так и не сломали, опять приступил к своим бесконечным опытам (Евней Арыстанулы, давно раскусивший таких людей, искренне считал: «Если истинный ученый одарен неординарным, строптивым характером и талантом, то, за что он берется, думаю, в конце концов, у него получится, можно в этом не сомневаться: а от того, кто всем всегда угождает – нечего ждать путных результатов...» – сказано в одном из его научных трудов).

Для неистового изобретателя Г.В.Медведева вроде бы наступила полоса удач.

В статье «НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЖИЗНЬ» Е.А.БУКЕТОВ писал:

«Весь 1960 г. инженер Медведев Г.В. на свой страх и риск проводил лабораторные исследования и убедился, что сплав по задуманной им технологии получится. Требовались полупромышленные опыты. Они были проведены в 1962 году на Актюбинском заводе ферросплавов, в 1965 году на Зестафонском заводе ферросплавов и в 1968 году на Ермаковском (ныне Аксуский – М.С.) *заводе ферросплавов. Продолжительность собственно исследований составила год и 8 месяцев (год лабораторных опытов и 8 месяцев опытно-промышленных испытаний на трех заводах). Следовательно, восемь с лишним лет ушли на увязывание, обсуждение, убеждение, переписку...*

...За этой бесхозяйственной растратой государственных средств надо видеть и другой не менее отрицательный эффект

морально-психологического характера. За 10 лет исследований на одни командировки израсходовано более 17 тысяч рублей, написано около 300 писем, получено намного больше; имеются протоколы десятков совещаний, заседаний и др.; а сколько телефонных, устных переговоров, докладов, обсуждений, ожиданий в приемных... Здесь заключены не месяцы, а годы заведомо пустопорожнего труда самых ответственных, самых творческих работников института. Вот чем на самом деле оборачивается «экономия» на создании материальной базы научно-исследовательских учреждений.

За десять лет исследований на эту тему израсходовано около 600 тысяч рублей. Если бы институт имел надлежащую материальную базу, то те опытные данные, которые мы имеем сегодня, были бы представлены государству в течение максимум 1,5 лет. Между тем, поскольку институт не владеет лабораторной базой, соответствующей современному уровню техники, сами лабораторные опыты проводились в неприспособленных помещениях и печных устройствах слишком малой мощности. Опыты в более укрупненных масштабах мы уже не имели возможности проводить. Надо было выходить с такими, недостаточно «зрелыми» данными на широкую арену и убеждать соответствующие инстанции в необходимости продолжения исследований, в необходимости выделения опытных агрегатов предприятий. Все описанные выше сложные перипетии в ходе исследований и начинались с этого. Между тем, опытная печь со зданием и со всеми приспособлениями стоит около 60 тысяч рублей. Институт же на опытные плавки израсходовал 220 тысяч рублей, без учета расходов по подготовке, ремонту печей, которые предприятия принимали на себя.

...На Карагандинском металлургическом заводе готовится к пуску третья доменная печь, почти равная по мощности двум прежним печам вместе взятым. С пуском этой доменной печи завод будет выплавлять в год 4,0-4,5 млн. тонн чугуна. Недалеко то время, когда завод будет выдавать 10 млн. тонн чугуна в год. Это будет действительно Казахстанская Магнитка. Между тем, уже сейчас Каражальско-Атасуское месторождение, расположенное западнее Караганды, с трудом обеспечивает про-

жорливое чрево этого гиганта железными рудами. Завод поэтому собирается переходить на плавку руд Лисаковского месторождения, находящегося в Костанайской области, где строится горно-обогатительный комбинат, первая очередь которого будет перерабатывать 30 с лишним млн. тонн руды в железорудные концентраты.

...Однако, как это не парадоксально, завод ожидает получить из этой очень дешевой руды очень дорогой чугун. Дело в том, что свойства этой руды таковы, что принятые ныне на горно-обогатительных предприятиях рецепты обогащения руд и заложенные в проект Лисаковского комбината, не дают эффективного обогащения и поэтому концентраты получаются бедными по железу. Из таких концентратов при плавке в доменных печах будет получаться много шлака и мало чугуна. Между тем, нашим институтом при поддержке других научных учреждений предлагаются новые и более рациональные методы обогащения, а также плавки с учетом того, что в лисаковских рудах наряду с железом содержится глинозем (алюминиевое сырье), фосфор и ванадий. Детальные лабораторные опыты дают весьма хорошие результаты, но им никто не верит. Необходимы укрупненные и полупромышленные испытания. Республика подобными агрегатами не располагает. И остается воз и ныне там. «Экономия» одного или двух миллионов рублей на создание опытных установок и на соответствующие испытания завтра обернется для государству в десятки миллионов рублей потерь...»

* * *

Между прочим, в «ферросплавной эпопее», длившейся в стенах ХМИ тридцать с лишним лет, сражался с ветряными бюрократическими мельницами не один инженер Медведев, в бесславной, унизительной, безнадежной борьбе было много подобных участников. И жизненный путь каждого из них по-своему поучителен.

Летом 1960 года, когда Евней Арыстанулы перевелся в Караганду, он заинтересовался месторождениями, находящими-

ся в Каркаралинском районе. В Кентских горах он обнаружил железосодержащую руду, она лежала в нескольких местах близко к поверхности земли. Набрав несколько килограммов образцов руды, он повернул обратно, но его молодой водитель, хотевший лихо, с ветерком перескочить степную речушку, явно не рассчитал силы, и автомашина застряла в грязи. Время было позднее, уже наступали сумерки. Убедившись, что институтский старый «Газ-69» без помощи извне не выберется, Евней Арыстанулы поднялся на близлежащую сопку, стал осматривать окрестности. Вдруг он увидел дым, поднимавшийся вдали, за пологими холмами. Делать было нечего, он зашагал туда, через некоторое время ученый добрался до чабанской юрты... Хозяин очага оказался добродушным стариком, он тут же отправил своего помощника с нужной оснасткой на подмогу незадачливому шоферу, а гостя пригласил в юрту. Когда вытащили автомобиль, уже наступила ночь, пришлось путникам остаться здесь, хозяева угостили нежданных гостей мясом годовалого ягненка, специально зарезанного по этому случаю.

– Я рад, что вы погостили у нас... – сказал чабан за утренним чаем. – Убежден и вижу, многое вы лучше нас знаете, на то вы и ученый человек. А я своим куцым умом не могу одно дело уразуметь, с моей грамотой это трудно, известно, из воды масло не выжмешь. Может быть, вы, Ебеке, мне все растолкуете?

– Скажите, аксакал, что вас волнует...

– Я со своей старухой почти всю жизнь провел в степи, ухаживая за колхозным скотом, а теперь и совхозным. Мы довольны прожитой жизнью и лучшей не желаем. Немало перетерпели мы невзгод, и хотим, чтобы детей наших они миновали. Тем, кто из них имел тягу к учению, не стали поперек дороги, сделали все, чтобы они учились в хороших школах. Наш первенец Токен, можно сказать, гордость нашего рода, закончив Каркаралинскую школу с серебряной медалью, захотел дальше учиться в Алма-Ате... И вот, два года тому назад став инженером, устроился работать на Карагайлинском руднике, откуда вывозят руду, только не знаю куда, сам видел, ежедневно вагонами...

– Рад слышать такую приятную новость из ваших уст, аксакал! – оживился гость. – Однако, извините меня, я сразу не догадался, вас зовут Габдулла, а Токен – ваш сын... Я ведь хорошо знаю этого молодца... Ну, да, вот как получилось, мы ночевали у отца моего институтского питомца Токена Габдуллина!... А я не видел вашего первенца со дня окончания института, он же неплохо учился, джигит с головой!..

– Он здоров, женился, работает на руднике... – сказал чабан, почему-то глядя в сторону. – Наверное, мы виноваты – требовали, чтобы он жил поближе к нам, или это судьбой предначертано, не знаю, дорогой ученый гость... В общем, хваленый воспитанник ваш пока размахивает кувалдой... на кузнице. Только я этого не понимаю: неужели надо было учиться пятнадцать лет, чтобы стать молотобойцем...

Евней Арыстанулы растерялся, не зная, что ответить аксакалу.

– Не знаю, Габеке, как объяснить этот случай, но ваш намек понял. Ответ мой услышите от своего же первенца, – нашелся он, наконец.

Проселочная дорога, указанная чабаном, вскоре привела путников на автотрассу. Через десяток верст они оказались на развилке дорог, дорожный щит указывал: в одну сторону – Карагайлы, в другую – Каркаралы. Евней Арыстанулы, не раздумывая, скомандовал водителю:

– Сворачивай налево, заедем к сыну Габдолла аксакала...

Вскоре они оказались в рабочем поселке Карагайлы, где у подножия горы раскинулся горно-обогатительный комбинат, снабжавший свинцовые заводы республики дорогостоящим сырьем. Расспросив, где расположен ремонтно-механический цех, наши путники сразу направились в кузницу. Евней Арыстанулы сам пошел туда, в душе он не очень верил сообщению Габдолла аксакала. Мог же он специально придумать, чтобы устроить встречу сына с ученым человеком, такие нехитрые приемы степняков ему были знакомы. Однако все оказалось так, как чабан говорил: его прыткий питомец, с повязанным спереди фартуком стоял у наковальни с кувалдой в руках; а другой человек, наверное, он был кузнецом, переворачивал раскаленную, брызжущую искрами заготовку у огня...

– Эй, молотобоец, подойди сюда!

Человека, прикрывавшего своим огромным телом узкую железную дверь кузницы, молотобоец сразу узнал, растерявшись, не зная, куда деваться от стыда, суетливо вытирая почерневшие от угля руки об фартук, он медленно приблизился к двери.

– Ассалаумагалейкум,* агай!

– Уалик салам**. Как дела? Чем ты занимаешься здесь?

– Да сегодня заболел наш молотобоец... – смущенно ответил Токен Габдуллин, глядя вниз, – пришлось временно заменить его...

– Ясно, а когда же перерыв у вас?

– Скоро, через час...

– Снимай фартук и садись в машину! – приказал бывший наставник, тем самым не оставляя возможности джигиту и дальше врать. Заметно было, он не в шутку расстроен, кажется, и разгневан. Он даже не взглянул на своего воспитанника, хотя у него вертелся на языке вопрос: «Разве для того мы учили тебя на инженера, чтобы ты махал кувалдой в кузнице? Не понимаю, не хочу слушать твоих объяснений, до чего ты докатился?!..»

Приехав в контору рудоуправления, зашли к директору. И там Евнея Арыстанулы будто прорвало:

– Коллега, я возмущен вашим пренебрежительным отношением к молодым специалистам!.. Неужели у нас дипломированных инженеров развелось так много, что вы часть из них решили превратить в молотобойцев. Или это у вас такая практика, чтобы принизить местные кадры?!..

Директор стал бестолково оправдываться.

– Это только отговорки. Короче говоря, пишите приказ об освобождении инженера Габдуллина от его кузнечных обязанностей, я его забираю с собой... – перебил смущенного, ошарашенного происходящим директора Евней Арыстанулы.

Токен Габдуллин, по воле случая, вернее, благодаря участию в его судьбе своего бывшего наставника по институту попал в ХМИ, в лабораторию черной металлургии. Поскольку вакантных мест не было, пришлось вначале оформить его ла-

* Традиционное мусульманское приветствие.

** Ответ на приветствие.

борантом. Через год назначили инженером этой же лаборатории. Затем он поднялся еще на одну ступеньку – стал младшим научным сотрудником. Так проходили дни, недели, месяцы, год за годом. Эти годы стали временем его становления и закалки. Честно говоря, у него не хватало смелости сказать своему протеже, Евнею Арыстанулы (в этом он мне признался как близкий друг по институту однажды при встрече в Караганде), что мизерная зарплата лаборанта, младшего сотрудника его не устраивала, ведь на нее трудно было содержать семью, тем более у него завелись уже маленькие дети. В научной среде такие разговоры пресекались и тех, кто их поднимал, презирали, считая, разговоры о зарплате мелочными, шкурными, недостойными будущих ученых. В почете было незыблемое правило: раз выбрал себе этот путь – надо терпеть...

Дело в том, что когда Т.Г.Габдуллин попал в лабораторию черной металлургии, эта отрасль науки в Казахстане была еще в стадии формирования. В республике еще не было специальных учебных заведений по этой специальности, а производственным объектом оставался лишь единственный Кармет, и тот начал работать только в те годы. А лаборатория черной металлургии, открытая в 1958 году в стенах ХМИ, была единственным научным коллективом в республике, призванным вести исследовательские работы в этой отрасли.

Читателю уже известно, что приглашенный для развертывания в Караганде новой отрасли науки доктор технических наук М.И.Хайлов с этой задачей не справился, мало того, своей слишком амбициозной руководящей линией он мешал всем, кто мог его заменить... В результате попавшая в эту лабораторию молодежь, в том числе и Токен Габдуллин, фактически долгие годы вынуждена была топтаться на месте без всякой перспективы научного роста...

В начале 1965 года, когда положение в ХМИ стабилизировалось, Евней Арыстанулы пригласил Токена Габдуллина в свой кабинет:

– Меня постоянно тревожит твоя судьба, батыр, надо что-то предпринимать, иначе ты останешься младшим сотрудником до седой бороды. Придется научного руководителя тебе искать со стороны, а здесь, в Казахстане, ничего у тебя не

получится, у нас нет таких ученых. Итак ты потерял целых пять лет! Мне стыдно перед твоим отцом... Вообще-то, я давно думаю, пора нам ковать свои кадры – специалистов по черной металлургии и по ферросплавам, чтобы развернуть настоящие исследования. Иначе мы, как засидевшиеся в невестах девушки, напрасно будем ждать счастливого дня, у моря погоды, надежды же на приезжих из центра питать нечего. Не можем мы рассчитывать и на Медведева, он – не теоретик, а только лишь инженер-экспериментатор, и не организатор, потому плохо справляется с обязанностями заведующего лабораторией... Теперь-то тебе ясна задача? – с нажимом произнес Евней Арыстанулы и отправил своего питомца в научную командировку за пределы республики.

– Я пробыл в Тбилиси почти месяц, – рассказывал мне Токен, вспоминая те годы. – Это была фактически моя вторая поездка в этот город, в первый раз, в 1961 году, я познакомился с заместителем директора Металлургического института при АН Грузинской ССР, доктором технических наук, профессором Михаилом Алексеевичем Кекелидзе. И в этот раз специально ехал к нему: мне было известно, что он поддерживает научные связи с нашими ферросплавными заводами, готовит для них новую технологическую разработку... Словом, Михаил Алексеевич, идя навстречу моей просьбе быть научным руководителем, предложил несколько тем. «Казахстанские недра богаты не только железом, но и разнообразными компонентами для получения разных добавок, необходимых при плавках металлов. Поэтому, молодой человек, рекомендую вам заняться разработкой новых ферросплавов. Это будет не только престижное, но и очень полезное исследование и для вас и для дальнейшего развития вашей же промышленности...» – посоветовал он. Благожелательный, добросердечный от природы Михаил Алексеевич мне определил и пути, и направления поиска. Договорились, что теоретическую подготовку я буду проходить у него в институте, а лабораторные и производственные опыты проводить в Караганде, повторно-контрольные – в Грузии, на ферросплавном заводе в старинном городе Зестафони, в 180-ти километрах от Тбилиси...

Великий Абай учил: «В науке тот достигнет высот, кто сердце и разум ей отдает». Т.Габдуллин теперь ясно видел перед собой цель и ни при никаких обстоятельствах не собирался сворачивать с намеченного пути, трудился он день и ночь. Его поиски на первом этапе исследования, как я знаю, затянулись на целых четыре года. В конце 1969 года Токен Габдуллин стал кандидатом технических наук, а через двадцать четыре года, в 1993 году он успешно защитил и докторскую диссертацию.

Вступая на эту стезю, мой друг, как это известно мне с его слов, не думал, не гадал, что станет основоположником теории и технологии производства ферросплавов в Казахстане. Поначалу он стремился просто наверстать своих сверстников, которые ушли далеко вперед, скорее защитить кандидатскую диссертацию... От лаборатории ХМИ, которую возглавлял Токен Габдуллаулы в начале 70-х годов, жизнь требовала создания новых видов ферросплавов – добавок для выплавки качественных марок стали. И горсточка исследователей откликалась на эти насущные запросы производства. Ясно, с развитием, расширением производств, их переоснащением росли и масштабы исследований ученых. В результате за сравнительно короткий срок, за каких-то десять лет в стенах ХМИ родилась и окрепла своя научная школа. Основателем ее был Токен Габдуллин, первый доктор наук в этой отрасли. Его фундаментальные исследования легли в основу новых способов получения марганцевых и других комплексных ферросплавов, без которых невозможно получение качественных марок сталей. Под его научным руководством была разработана технология выплавки новых раскислителей – модификаторов ФАСК (ферроалюмосиликокальций) и ФАСКБа (ферроалюмосиликокальций с барием) с использованием отходов производства. С созданием этих сплавов Карметкомбинат уже смог быстро организовать выпуск новых марок – ланжеронных и судовых сталей.

Лаборатория ферросплавов института, набирая опыт, из года в год постоянно расширяла и углубляла тематику исследований, оперативно решая всевозрастающие проблемы черной металлургии в Казахстане. Тем более в институте уже были, как прогнозировал Е.А.Букетов, свои доморощенные научные кадры.

Рассказывает Сайлаубек БАЙСАНОВ, доктор технических наук:

«С Евнеем Арстановичем я впервые встретился через два года после окончания института, осенью 1976 года, когда поступал к нему в аспирантуру. Предварительно с руководителем лаборатории Т.Г.Габдуллиным были оговорены тема и объем работы. Работа нам виделась как технологическая, в основном она была направлена на решение проблемы одного месторождения марганцевых руд Казахстана. Но первая же встреча с Букетовым, если честно признаться, полностью разрушила мои представления о предстоящей работе. Теперь, конечно, можно представить, каково было тогда мое состояние. Помню лишь одно, что настроение было никудышным. Во-первых, вроде бы ясный план исследований был забракован, а, во-вторых, та задача, которая была предложена Евнеем Арстановичем (рекомендовал он изучить поведение марганца при высокотемпературной плавке и на этой основе подойти к решению проблем руд), представлялась совершенно туманно.

Тем не менее, через месяц пошел к нему с кое-как составленным планом, который должен был отразить этапы решения задачи. По всей видимости, и в этот раз вышла осечка. Евней Арстанович вернул мой план исследований: «Даю тебе полгода, разберись, как ведет себя марганец в условиях электроплавки, и выясни, какие трудности в этом вопросе, когда разберешься, тогда можно будет взяться и за план, и за работу».

Теперь, конечно, я понимаю, что так он хотел в первую очередь научить меня искать и исследовать. Евней Арстанович вникал в каждое уравнение, обоснованность каждого предложения и вывода. В итоге более двух лет мы затратили на обобщение полученных данных. Помню, несколько раз он мне говорил: «Ты, Сайлау, наверное, думаешь, почему меня этот старик держит, не выпускает, так дотошно вникает в детали. Но, поверь, все это потом тебе пригодится, спасибо мне скажешь». Работая с Букетовым, я понял, что такое наука и научный поиск, научился преодолевать трудности...»

Здесь надо отметить простейшую истину: присадка марганца позволяет получать сверхпрочную сталь (она применяется в машиностроении и оборонной промышленности – для литья брони танков, самолетов, пушек), а новизна исследований карагандинских ученых-металлургов состояла в том, что используя бедные по содержанию марганца руды, которые раньше уходили в отвалы пустых пород или пока вовсе не разрабатывались, например, таких месторождений, как Жайрем, Ушкатын, Жезды и Атасу, они добивались высокого выхода марганца, стало возможным ввести бедные руды всех вышеназванных месторождений в оборот экономики; между прочим, это был перспективный путь увеличения производства сверхпрочных сталей...

Ученые ферросплавщики из ХМИ не побоялись трудностей на этом пути. Они смело взялись за решение назревшей проблемы. Надо сказать, их многолетний труд был вознагражден. в результате были созданы новые сплавы. По их инициативе на Аксуском заводе были построены два новых цеха, а затем по их предложению – экспериментальный завод ферросплавов на Украине, в городе Никополе. Кстати, они успешно работают и поныне. Точно такое же производство введено в строй в начале XXI века в Экибастузе, где получают отличные добавки к стали.

В тяжелое время, из-за разрыва экономических связей между республиками бывшего СССР, Карметкомбинат и машиностроительные заводы Казахстана оказались отрезанными от производителей марганцевых сплавов. И тогда по рекомендации Т.Г.Габдуллина АО «Химпром» (г. Тараз) в 1993 году организовало производство углеродистого ферромарганца и силикомарганца из сырья Казахстана. Эти сплавы теперь используются Карметкомбинатом при получении высококачественных марок сталей. Под руководством Токена Габдуллаулы в Караганде были начаты опыты по налаживанию производства марганцевых ферросплавов и в ПО «Карбид», впоследствии на основе экспериментальных цехов родилась новая отрасль промышленности. Кстати, это позволило полностью удовлетворить потребности Республики Казахстан в марган-

цевых ферросплавах и даже экспортировать их в страны ближнего и дальнего зарубежья.

(За внедрение в производство безотходной технологии, отвечающей мировым стандартам, выпуск сплавов ферросиликоалюминия и серной кислоты семь ученых: Жанторе Нурланович Абишев (посмертно), Абдурасул Алдашевич Жарменов, Байсанов Сайлаубай, Светлана Ершуровна Дуйсебаева, Манат Жаксыбергенович Толымбеков, Алма Жолдасовна Терликбаева, Болат Пешатович Хасен в 2001 году удостоены звания лауреатов Госпремии Республики Казахстан. Между прочим, все они начали свои исследования в открытой по почину Е.А.Букетова лаборатории ферросплавов...

Т.Г.Габдулиин скончался в 1994 году от сердечного приступа в возрасте пятидесяти девяти лет, во время выборов в АН Казахской ССР (он баллотировался в члены-корреспонденты НАН, но не был избран). Наверное, явная несправедливость, проявленная учеными коллегами при закрытом голосовании, послужила смертельным ударом, которого не выдержало ослабленное в результате многолетних перенапряжений его сердце.

* * *

Напомним читателям, на конкретный вопрос председателя Комитета по науке и новой технике СССР В.А.Кириллина относительно исследования мышьяка, директор ХМИ ответил, что эта проблема ему известна, но для того, чтобы довести дело до конца, нужна поддержка со стороны государства...

Дело в том, что извлечение мышьяка оставалось многие годы вне внимания производственников и ученых. В составе почти всех полиметаллических руд он был в сульфидной форме (значит с серой), а в процессе отделения цветных металлов он вместе с бурыми облаками сернистого газа тоннами уходил в атмосферу. В довоенные годы, да и после все заводы Страны Советов, имевшие дело с данными рудами, на это закрывали глаза, не считаясь даже с тем, что ядовитые выбросы отравляли воздух, а при выпадении на землю в виде осадков – и почву.

Ведь мышьяк очень токсичен, об этом знали издавна при королевских дворах и с успехом им пользовались, когда хотели кого-то спровадить поскорее на тот свет. Самое удивительное, что санэпидстанции, экологические организации, призванные охранять атмосферу, окружающую среду от загрязнения, делали вид, как будто от мышьяка нет никакого вреда.

Положение резко изменилось к 60-м годам последнего столетия, когда в моду стала входить химизация полей. На заводах, где получали медь, никель, свинец, цинк, начали улавливать сернистый газ, раньше безудержно уходивший в небо, спешно понастроили дополнительные цеха, на заводских трубах установили уловители. Теперь газ стал источником добывания серного ангидрида, основы серной кислоты, а та, в свою очередь, шла на выпуск азотных удобрений. Вместе с сернистым газом фильтры улавливали и мышьяк. А куда девать его и где хранить сильный яд – никто не знал. Попадание его в удобрения, в почву, воду или воздух грозило экологической катастрофой. За этим строго следили международные организации, они могли наложить многомиллионные штрафы, устроить мировой скандал, что било по финансам и престижу Советского Союза. Короче говоря, вопрос отделения мышьяка от всей массы руды или улавливания его в горловине дымоотводов, а также хранения многих тысяч тонн яда – стал перед учеными во весь рост, решение его уже нельзя было откладывать на завтра...

Что это когда-нибудь произойдет, знали все ученые и специалисты, имевшие дело с полиметаллическими рудами. Предвидел это Евней Букетов. С опасным элементом он столкнулся, занимаясь выделением селена и теллура. Но в то время он имел дело с малыми объемами, соединения мышьяка хранил в сейфе. Он каждый год вносил исследования по мышьяку в тематический план института, но, увы, из-за ограниченных средств каждый раз переносил их на следующий год. Думается, напоминание академика В.А.Кириллина о мышьяке дало толчок его мыслям в этом направлении. Тем более, что отделение и последующая утилизация мышьяка становились задачей не только союзной, но и мировой науки. Удачное решение ее –

неизмеримо подняло бы авторитет любого НИИ. Почему бы не взяться за это в ХМИ?..

«Работая с медеэлектролитными шламами, мы, конечно, знали о проблемах электролитического рафинирования меди. И вот в 1969-1970 годы по инициативе Евнея Арстановича мы взялись за выведение примесей, в первую очередь мышьяка, сурьмы и никеля из электролита рафинирования. Определенные успехи и здесь были достигнуты, а в плане реализации существенно большие, чем с халькогенами. По этой теме под руководством Евнея Арстановича были защищены диссертации Е.Е.Дюсембаевой, С.Н.Новик, М.Ш.Шариповым, А.В.Стряпковым и А.А.Жарменовым. Это направление в ХМИ продолжает развиваться. В 1978 году академик В.И.Спицын на первом Всесоюзном совещании по халькогенам предложил мышьяк занести в число халькогенов...» – писал М.З.Угорец в воспоминаниях о своем наставнике...

Элемент, который прочно стоял в таблице Д.И. Менделеева на своем законном месте в течение почти ста лет, согласно своему атомному весу, был вдруг присоединен к группе халькогенов – событие для химиков далеко неординарное. Сенсацию среди ученых это сообщение вызвало еще и потому, что об этом официально заявил на Всесоюзном совещании ведущих химиков страны не докладчик, выступавший от имени коллектива ХМИ, где велись эти исследования, а москвич, известный авторитет в области химии, директор Всесоюзного института физической химии, академик В.И.Спицин. Его активно поддержала и другая докладчица, заведующая кафедрой МГУ, профессор МГУ, Герой труда, академик Александра Васильевна Новоселова.

Практически это была самая высокая оценка достижений группы Букетова, занимавшейся около двадцати лет мышьяком, в результате чего были решены проблемы выделения его из общей массы и хранения. Кто же эти первопроходцы? По свидетельству Марка Залмановича Угорца этими вопросами в ХМИ занималась целая группа молодых, в вышеприведенной части своих воспоминаний он поименно называет пяте-

рых исследователей. А мы к ним присоединим и шестого, притом главного «виновника» переворота в истории халькогенов.

В «Шести письмах другу» Евней Арыстанулы подробно рассказывает о своем ученике – Акылтае Игембаеве, ставшем правой рукой его в первые годы работы в ХМИ: «Акылтая... мы назначили ученым секретарем, польстившись на то, что он неплохо показал себя как младший научный сотрудник, отличаясь вдумчивостью и исполнительностью. Переводя на должность ученого секретаря, мы его предупреждали, чтобы он не забывал свои исследования, в которых имел заметный задел. Между тем Акылтай, очень аккуратно и усердно исполняя свои должностные обязанности, понемногу охладел к науке, и я это заметил сразу. Он оказался из тех, кто не может успешно заниматься двумя делами одновременно. Не отличаясь честолюбием, он со временем решил, по-видимому, довольствоваться тем, что есть... Все же мы решили перевести Акылтая на научную работу, где он продвигался спокойно и уверенно, благодаря своему усердию и аккуратности и был избран руководителем лаборатории, и, видимо, недалеко то время, когда он станет доктором наук».

Но, как видим, автор повествования не раскрывает, чем же он, Акылтай Игембаев, конкретно занимался. На то были причины – тема-то была строго секретной. Поэтому Е.Букетов намеренно умалчивает об объекте исследования – мышьяке. Сейчас, по прошествии десятков лет, об этом уже можно открыто писать.

Во-первых, сразу же раскроем секрет автора «Шести писем другу»: названный в книге Акылтай Игембаев – это в действительности Сагынтай Макатулы Исабаев. В ХМИ он начал работать с осени 1958 года, то есть со дня основания, вырос и, можно сказать, постарел вместе с этим коллективом (сейчас ему уже более 70 лет). Во-вторых, он учился в КазГМИ вместе со мной в течение пяти лет на одном факультете. Позднее, хотя мы жили в разных городах Казахстана, расположенных друг от друга в семистах с лишним километрах, постоянно общались, поэтому у моего друга никогда не было тайн от меня, я досконально знал, чем занимался Сагынтай Исабаев на науч-

ном поприще... Ниже приводится отрывок из письма мне доктора технических наук, профессора С.М.Исабаева, написанного в августе 2003 года:

«В 1972 году Евней Арстанович меня ориентировал на проблему очистки газовой серы от мышьяка. И с этого момента при постоянном и внимательном отношении Ебеке мне пришлось со своей группой изыскивать нетоксичные формы мышьяка, методы его вывода из состава руд и дальнейшего обезвреживания и утилизации...Наш поиск оптимальных путей решения этой сложной задачи длился долгие годы, о масштабности проводимой работы свидетельствует даже такой красноречивый факт: только в 1991 году, через двадцать лет после начала исследований, я смог защитить свою докторскую диссертацию в ученом совете Иркутского политехнического института; фактически она охватила все аспекты, касающиеся выделения мышьяка в цветной металлургии; а через год после защиты я получил звание профессора по специальности «Металлургия цветных и редких металлов»... Но зато я могу теперь уверенно заявить, что с честью выполнил поручение своего наставника. Проблему выделения мышьяка и его утилизации мы решили, в частности, по очистке от него всех руд цветных и благородных металлов.

Между прочим, в свое время наши исследования были приоритетными для Казахстана в рамках союзного министерства, особенно для многотысячного коллектива Главалмаззолото. Нашими изобретениями по этой проблеме заинтересовались зарубежные компании. Мне довелось по их приглашениям неоднократно выступать с докладами перед своими коллегами в Китае, Германии, США и Австралии... Ебеке радовался нашим успехам, как будто все это сам осуществил. Помню, когда я выезжал в загранкомандировки с научными докладами и на научные консультации в зарубежные фирмы и компании, то по приезде домой Ебеке дотошно, с жадным интересом, подробно расспрашивал меня об исследованиях у них, об уровне их науки. Когда я говорил, что они не совсем уж далеко ушли вперед, даже кое в чем отстают, Евней Арстанович, как мальчишка-школьник, ликуя, хлопал меня по плечу: «Вот видишь, батыр, мы вовре-

мя раскрутили это дело, значит, этот успех надо скорее закрепить. Тебя, Сагынтай, ждет мировая слава!..» Надо признать прямо, в таких вещах он, наш наставник, отличался удивительной проницательностью, и хотя мы уже были учеными со степенями, он глубже нас всех вникал в суть любой научной концепции. И, конечно, видел дальше нас. После неожиданной смерти учителя, мы, его ученики, осиротели и разом лишились этого дара...»

* * *

Не каждый день ученым, как Ньютону, подает яблоко к ногам. И не каждый день открывается закон всемирного тяготения или теория относительности. Немало бывает у ученых и зря потерянных дней. Они так же ошибаются, как и все смертные, и не все предположения и ожидания их сбываются. Но все-таки божья искра, которой они наделены, иногда вдруг по-новому осветит привычное и, казалось бы, незначительное явление и заставит задуматься. Научная интуиция порой подсказывает верный путь к открытиям.

Огромным, безошибочным чутьем в сложнейших вопросах науки обладал Евней Букетов. Основой этой интуиции были его фундаментальные знания. Он мыслил категориями термодинамики и кинетики, а точнее – законами самой синтетической науки – физической химии. Это позволяло ему, не вдаваясь в детали, которые он оставлял на разработку своим ученикам, определять стратегические направления исследований. Безусловно, широте и глубине мысли ученого помогало его раскованное художественное воображение и писательское видение, требующее отточенности, ясности и простоты выражения, приходящих на ум новых решений. И советы его, зачастую становились программой действий для молодых ученых. Невозможно вспомнить обо всех и рассказывать необязательно. Все же остановимся на некоторые из них...

Однажды Е.А. Букетов, пригласив кандидата физико-математических наук Нурахметова (в автобиографическом труде Евней Арыстанулы так называет ныне известного в РК академика НАН Зейноллу Молдахметова), в те годы работавше-

го в другом коллективе, попросил исследовать одно химическое соединение с помощью математического анализа. «Я предложил ему заглянуть в молекулярную природу соединения, которое мы синтезировали и свойства которого хотели досконально изучить. Работая с этим соединением, Нурахметов убедил меня, что необходимо приобрести дорогой, стоивший не один десяток тысяч рублей прибор, способный фиксировать энергетическую напряженность внутри вещества на молекулярном уровне. По показаниям этого прибора он вывел такие математические уравнения, суть которых мой неискушенный, теряющийся в лабиринтах математики ум, не мог постичь даже при самых предельных усилиях, хотя конечные выводы из этих уравнений были понятны и очень удовлетворяли – это он специально нас морочит и пишет «китайскими иероглифами», чтобы их никто из нас не мог прочитать – зубоскалили над Нурахметовым его товарищи...»

Любопытно, чем закончились математические умствования молодого физика: по совету директора ХМИ со своими уравнениями он поехал в Москву, показал их тамошним светилам. По правде говоря, попытка заглянуть «вовнутрь» химического элемента и объяснить все происходящее там языком математики была очень смелой и оригинальной. Молодой физик, сам того не ведая, вручил своим коллегам заветный ключ, мгновенно раскрывающий тайны химических соединений, до этого скрытые за семью замками. Словом, получилось так, что этот способ очень помог им, заодно и химической науке, и в будущем с помощью этого метода стало возможным более точно исследовать химические соединения.

Московские ученые, в том числе и все специалисты в этой отрасли науки на «ура» встретили нововведение молодого физика, они единогласно заявили, что ему можно за это сразу дать ученую степень доктора наук без защиты диссертации. З.М.Молдахметов вскоре стал доктором химических наук, возле него сгруппировались молодые ученые, его последователи. «Пришел...сегодня навестить меня спокойный, улыбающийся, красивый брюнет, молодой доктор химических наук

Нурахметов. Он – бывший кандидат физико-математических наук, и, тем не менее, он считает себя моим учеником, поскольку его, физика, мы удачно переделали в химика...» – заключает автор «Шести писем другу» свой рассказ о Зейнолле Молдахметулы.

Приятно читать такие строки, разве от такой информации не веет гордостью за своего ученика?! А из его талантливых учеников через годы выросли крупные деятели науки. Зейнолла Молдахметов впоследствии стал ректором Карагандинского университета, действительным членом АН Казахской ССР, директором вновь открытого академического института....

* * *

Обо всех, кого мы называли выше, можно с уверенностью сказать, что наука была их путеводной звездой, все они были не только энергичны, целеустремленны, но и талантливы. И безусловной заслугой Евнея Арыстанулы является то, что он сумел собрать вокруг себя исключительно способных, одаренных молодых людей, их было много, о каждом из них можно написать десятки страниц. И это был бы целостный рассказ о том, как под непосредственным руководством своего устаза-учителя они дружно покоряли один бастион науки за другим. Но есть ли необходимость заниматься такой беллетристикой? Лучше приведем такие впечатлящие факты: за 23-летнюю трудовую деятельность в Караганде под личным руководством Е.А.Букетова защитили кандидатские диссертации 60 человек, впоследствии из них 24 стали докторами наук, а 13 ученых из этой лидирующей когорты за последние десять лет удостоены Госпремии РК... Следует особо отметить, что все их труды посвящены конкретным исследованиям – все они без исключения вложили свою лепту в укрепление экономической мощи государства, заодно обогатив научную школу, основанную своим наставником, новыми блестящими изобретениями. И невольно возникает естественная мысль: как бы мы продвинулись вперед, если бы каждый доктор наук

после себя оставил такую плеяду талантливых учеников?!.. К сожалению, не всем это удается, не всем дано пожинать такие плоды. Наверное, поэтому из уст Евнея Арыстанулы я лично неоднократно слышал, что он счастлив своими учениками...

В чем секрет такого успеха или это просто везение? Здесь мы обратим внимание на одно важное обстоятельство, а вывод вправе делать сами читатели: Евней Арыстанулы был по духу интернационалистом, никогда не различал и не делил попавших под его непосредственное руководство молодых специалистов на жузы и кланы, он никогда не спрашивал, откуда родом и кто он по национальности (между прочим, в те годы в Казахстане процветал фактор землячества, тайный отбор приближенных по географическим приметам, что и привело к печальным последствиям – к кумовству и разобщению многих по родовым признакам); для него при отборе научных кадров главными факторами служили деловые качества, способности, склонность к научным исследованиям и еще трудолюбие и честность перед наукой!.. И поэтому в ХМИ с самого начала набирались молодые парни и девушки со всех концов Казахстана, в Караганду приезжала русская молодежь из России – с Урала, Новосибирска и Томска, в его институте работали и посланцы братского Кыргызстана, а, конечно, преобладающими были казахстанцы. Добавим к сказанному: от него не убегали в другие институты в поисках более выгодного местечка, а если были таковые – то единицы. Не случайно здесь укрепилось железное правило: кто попадал в коллектив ХМИ, тот обязательно приобретал научную степень.

И это кредо: «оценивать человека только по труду и умению» – помогло поднять на неизмеримую высоту престиж нового института, а его ученым в своих исследованиях достичь мирового уровня...

IV

Неустанные поиски ради насущных интересов производства и несомненные успехи на этом пути дали свои плоды. Об этом рассказано в «Шести письмах другу»:

«Приходилось прибегать ко всякого рода изобретательности, чтобы порой не столько убедить, сколько прорвать, пробить удивительное равнодушие инженеров-производственников и руководящего звена, не высказывавших как будто никаких принципиальных возражений, но не предпринимавших ничего, чтобы нам помочь. Это, конечно, приводило к неописуемым трудностям... Необходимо было, скажем, проводить испытание на месте, на самом предприятии, привлекались к делу заводские инженеры, которые сразу же попадали в ранг чуть ли не научных сотрудников нашего института и впоследствии, вначале под моим руководством, а затем под руководством моих учеников, продолжая научные изыскания, они становились кандидатами наук. Такими воспитанниками института мы очень гордились, на производстве они были активными проводниками наших идей, облегчали хлопоты по внедрению многих наших работ».

Наглядное свидетельство тому – продолжавшаяся много лет плодотворная совместная работа с Балхашским горно-металлургическим комбинатом, которая завершилась коренным изменением технологии в лучшую сторону, обернулась дополнительно извлеченными редкими элементами, за которые предприятие получило многомиллионный доход: за это новшество Е.А.Букетову и нескольким ведущим инженерам этого предприятия в 1969 году была присуждена Госпремия СССР.

* * *

Чуть раньше мы говорили о том, что группа М.З.Угорца, которая занималась извлечением халькогенов гидрометаллургическим методом, впервые в Советском Союзе применила автоклавы. Этот метод, хотя и не сразу получил широкое распространение, но все же постепенно вошел в практику производственников. И тут надо отметить заслугу двух исследователей ХМИ – Владислава Григорьевича Шкодина и Нуралы Султановича Бектурганова, которые стали инициаторами внедрения автоклавов в производство. В частности, большой эффект это дало на Жезказганском медном заводе. От нововве-

дений коллектив завода получил миллионы рублей прибыли. А затем тот же автоклав, который успешно прошел испытания на этом предприятии, стал незаменим на Джамбулском заводе фосфорных солей. Теперь можно говорить, что новое оборудование успешно пробивало себе путь на различных производствах...

* * *

ХМИ уже в 80-е годы имел в своем составе добрую сотню первоклассных научных сотрудников, им помогали столько же отлично подготовленных лаборантов, младших научных сотрудников, инженеров. Здесь проводились крупные исследования по разным направлениям металлургической науки, разработки ученых ХМИ не только в Казахстане, но и во всем Союзе, хотя и с задержками, все же стали внедряться в производство, везде и всюду они приносили огромные прибыли. Тем более с повышением спроса на ряд редких элементов, особенно на халькогены, слава ХМИ, как головного института в этой отрасли науки, далеко шагнула за пределы республики. В институте уже работали несколько докторов, кандидатов технических наук с каждым годом становилось все больше и больше. Что примечательно: все они выросли в стенах ХМИ... Потому ученому совету института дали право проводить защиту кандидатских диссертаций (впоследствии и докторских). Между прочим, директора института стали приглашать на научные совещания в Алматы, Свердловск, Новосибирск, Москву, а желающих, чтобы он стал оппонентом соискателей докторских степеней – тоже было немало...

В 1969 году Евней Арыстанулы впервые принял участие в выборах АН Казахской ССР. Видимо, у него не было сомнений, что он станет членом-корреспондентом по отделению технических наук. Ведь докторскую диссертацию свою он с блеском защитил в самой Москве; одна из главных его разработок внедрена в производство, за что он уже был включен в число претендентов на Госпремию СССР; по своему ученому авторитету он котировался на союзном уровне, кроме того, ученый почти десять лет возглавлял крупный академический инсти-

тут; под его руководством защитил диссертации добрый десяток аспирантов, он – ученый, фактически уже создавший свою научную школу; а с 1967 года наряду с научной работой он совмещал должности заведующего кафедрой общей химии и профессора Карагандинского политехнического института...

Но, увы! При голосовании недобрал два голоса. Е.А.Букетов уступил престижное членство в АН Казахской ССР своему шустрому коллеге, хотя тот во многом уступал ему. Что поделаешь, не сумел, значит, сам виноват. После сессии АН вернулся в Караганду. Своим коллегам и близким он так объяснил свой провал: «Получилось как во всем известной сказке, проиграл я эти выборы, подобно верблюду, который, понадеявшись на свой высокий рост, не предпринял никаких действий, думая, что победа ему достанется просто так... Но, ничего, от этого моя работа нисколько не пострадает...»

По правде сказать, заветы К.И.Сатпаева: «Развивать науку с чистым сердцем и благородными намерениями» понемногу стали забываться. Некоторые заинтересованные в этом лица вверху без зазрения совести стали протаскивать в академию своих земляков, сородичей и единомышленников, и последствия этих, по своей сути, пагубных нечестных поступков были уже нормой поведения ряда членов храма науки. Именно по этой причине кандидатура Евнея Букетова не прошла в тот год. Поэтому он не захотел вторично участвовать в выборах, дополнительно объявленных весной следующего года. Но верные ему друзья из Алматы, в том числе и один сочувствующий коллега из канцелярии президента АН, настоятельно ему советовали: «Ебеке, зря обиделись, в Казахстане ученых, таких как вы, лауреатов Госпремии СССР – считанные единицы. Попробуйте еще раз свое счастье, думается нам, что вы на этот раз, наверняка, пройдете. Между прочим, это предположение и президента Академии наук...» Скрепя сердце, пришлось еще раз сдать положенные документы. А президентом академии уже был его близкий друг студенческих лет – Шахмардан Есенов, которого избрали три года тому назад вместо академика Ш.Ч.Чокина, как говорил ученый мир, снятого из-за своего упрямого характера и тем самым

пришедшегося не ко двору и оказавшегося в немилости у первого лица в республике...

Со второй попытки знатный ученый-металлург был избран членом-корреспондентом АН Казахской ССР. А через пять лет Е.А.Букетов удостоился и престижного звания действительного члена АН Казахской ССР – академика.

V

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя».

Так начинается знаменитая поэма «Анна Снегина», вышедшая из-под пера самобытного поэта Сергея Есенина, которому суждено было стать достойным преемником пушкинской славы. Как известно, поэма была создана незадолго до его трагической кончины и явилась лебединой песней, исторгнутой из глубины истинно русской души, по своей поэтической мощи и чарующему лиризму она встала вровень с народным лиро-эпосом.

К сожалению, мои современники долгие годы не имели доступа к замечательным творениям легендарного поэта, обреченного на гонения и после смерти. Советская идеология не очень жаловала поэта, пряча многие его замечательные произведения, в том числе и «Анну Снегину» в запасниках. Лишь во второй половине прошлого столетия, после широко отмеченного в 1955 году шестидесятилетия со дня рождения поэта в стране вновь зазвучали чистые и нежные стихи златокудрого певца России, тайна поэзии которого – во всеобъемлющей любви к людям всех языков и наречий.

Одним из первых, кто заинтересовался в Казахстане наследием Сергея Есенина, как ни удивительно, был не профессиональный литератор, а Евней Букетов, который считал себя всего лишь любителем русской поэзии. Видимо, сказалось сходство натур и судеб. И находясь в 1962 году на отдыхе на берегу Черного моря, где родились под впечатлением Востока знаменитые есенинские «Персидские мотивы», ученый-металлург с упоением и нахлынувшим, как морской вал, вдохновением начал переводить «Анну Снегину». Мы уже говорили, что он еще в школьные годы увлекался стихами Есенина, которые ходили в списках, переписывались в тетради. Разумеется, не все. Выучив их наизусть, в кругу друзей он с восторгом читал полные неувядающей свежести стихи. И, конечно, и на этот раз взрослым джигитом безраздельно завладела полная страсти и муки неповторимая музыка есенинской лиры, он, забыв об отдыхе, писал ночью и утром, даже в часы досуга, и всего за две недели завершил перевод. Свою рукопись, как вспоминает Камзабай Арыстанулы, он по почте отправил в Караганду.

Трудно передать все нюансы перевода, сохранившего всю простоту, напевность, искренность произведения подлинно русского гения, все же нельзя не признать, что переложение его на казахский язык, на наш взгляд, сделано мастерски. Чтобы убедить читателя в этом, мне пришлось бы цитировать большие части оригинала и перевода, сравнивая отдельные строки, слова и доказывать их идентичность. Тогда получился бы целый филологический трактат. И это увело бы повествование в сторону от основной темы, поэтому отмечу лишь одну характерную особенность новой работы Евнея Букетова. Тщательно сличив перевод с оригиналом, я убедился, что он с первой и до последней строки сохраняет неповторимые интонации творения Есенина, точно, как истинный художник слова, описывая село, раздолье полей и переломное время в деревне, когда «брат на брата лез». Впечатление такое, как будто бы поэма писалась по-казахски. Вот четыре строки перевода первых строк поэмы.

«Радово атты селомыз,
Екі жүз түтін санасаң.
Сүйсіндірер даламыз,
Көз жіберіп қарасаң...»

Поверьте, читатель, что каждое слово этой цитаты по смыслу идентично с оригиналом, переводчик передал не только смысл, но и эпический, неторопливый ритм повествования. Сохранен и размер. Но внесен один штрих, делающий произведение более привычным и близким казахскому читателю. Расшифруем: обобщенное есенинское определение в 4-ой строке – «наши места» при переводе вдруг превращается в конкретное понятие – «даламыз», что буквально – «наши степи». Это сделано не просто ради рифмы, а сознательно. И такие слова, придающие поэме местный колорит, прослеживаются до конца перевода. Почему? Делалось это для того, чтобы наш читатель поэму воспринял так, как будто бы она написана автором на казахском языке. Такова творческая палитра Евнея Букетова.

Нашей читающей публике широко известно восьмистрочное стихотворение Иоганна Гете, написанное экспромтом в 1780 году на стене охотничьего домика в окрестностях г. Ильменау, у подножия горы Кикельхан, названное впоследствии «Wanderers Nachtlied» – «Ночная песня странника». В стихотворении описывается первозданная природа, философски осмысливаются царящие в ней мир и покой. Шедевр поэтического творчества Гете переведен почти на все языки мира. Переводили его и русские поэты, известны десятки вариантов. Самый совершенный принадлежит М.Ю.Лермонтову. А через него эти строки дошли и до казахских степей. В 1893 году их перевел классик казахской литературы Абай Кунанбаев. Поразительное заключается в том, что эти чудные восемь строк у Гете, Лермонтова и Абая звучат у каждого на родном языке по-разному, спящую природу каждый из них изображает по-своему. У Абая, например, чудным сном дремлют горы в казахской степи («Қараңғы түнде тау қалғып? Ұйқыға кетер балбырап»); а у Лермонтова – «Горные вершины спят во тьме

ночной...» У каждого поэта стихотворение воспринимается как истинно родное. Это и есть мастерство. И тут нельзя их обвинять в том, что они переиначили по-своему, исказили первоисточник. Нет, они передали его в соответствии со своим национальным восприятием, сделали это гениально и поэтому эти несравненные строки не умерли вместе со своими творцами, например, переводу Абая – уже более ста лет...

Разумеется, Евней Букетов, воспитанный на лучших образцах мировой и национальной поэзии, всемерно стремился следовать классическим примерам.

Поэт чуткого сердца и светлой печали, тоскующий о чуде и радости чистой любви, Сергей Есенин неразрывно, кровно связан с Русью. По определению М.Горького, он «сгусток всего русского характера, собравший в себе все его черты». Передать всю святую правду, горечь и трагизм стихов, созданных таким чародеем, как Есенин – очень сложно. Переводы его произведений на казахский язык по разным причинам откладывались на неопределенный срок. Что нужно, чтобы лирика такого поэта, как Есенин, глубоко национального по духу, зазвучала во всей своей мощи на казахском языке? Ясно, нужен талант переводчика, способного подняться на высоту поэта...

Казахские литераторы, в том числе симпатизировавшие Евнею Букетову, считали его большим ученым-химиком, но скептически относились к его литературным занятиям. Разумеется, они были очень удивлены, вдруг узнав и прочитав, что он от переводов русской прозы перешел к поэтическим переводам. Первая его проба на этом поприще прошла нормально: он неплохо справился с переводом известной комедии В.Маяковского «Клоп», впоследствии по ней были поставлены спектакли в некоторых казахских театрах... Кстати, увлечение Букетова Есениным не закончилось «Анной Снегиной», позднее он перевел его знаменитую «Русь Советскую», стихи, посвященные «Собаке Качалова», «Письмо к женщине». «Евней Букетов дивную поэзию Есенина превращает в истинно казахские стихи, нисколько не обедняя первозданную суть русской речи. Эти, присущие русскому языку черты, удивительно сохранены в переводе, потому что переводчик глубоко

постиг содержание и эмоциональность стихов русского поэта...» — писал известный критик Мухамеджан Каратаев о первых пробах ученого-химика в этом жанре.

Чтобы далее не возвращаться к его переводческой деятельности, сообщим читателю, что Евней Арыстанулы перевел редкие стихи А.К.Толстого, С.Надсона, широко известную поэму В.Маяковского «Хорошо!» Казахские зрители знали замечательный перевод Мухтара Ауэзова — «Укрощение строптивой» Вильяма Шекспира. Но после Ауэзова, скончавшегося в 1961 году, никто у нас не брался повторить своеобразный подвиг истинного мастера художественного слова. А в 70-е годы Евней Арыстанулы проявил смелость, он по заказу режиссеров казахских театров осуществил перевод с русского двух исторических драм великого английского драматурга В.Шекспира — «Макбет» и «Юлий Цезарь». Они были поставлены на сцене Карагандинского драматического театра, роль Цезаря великолепно сыграл замечательный актер казахской сцены, специально приглашенный из Алматы, народный артист Казахской ССР Нурмахан Жантурин. Эти драмы не сходили со сцены много лет, мне, автору строк, удалось видеть новую постановку «Юлия Цезаря» в 2005 году. Думается, успех шекспировских шедевров на сцене казахских театров объясняется не только мировым именем автора, но и великолепным переводом.

Однако вернемся к переводу «Анны Снегиной». Работа Е.Букетова впервые увидела свет в декабре 1962 года в карагандинской областной газете «Советтік Қарағанды». А республиканская литературная газета «Қазақ әдебиеті» опубликовала его перевод только через десять лет (?), в номере от 8 января 1971 года. Отдельной книжкой его переводы С.Есенина были изданы алматинским издательством «Жалын» лишь в 1978 году под названием «Моя любовь».

При чтении этих великолепных работ в те годы и сейчас каждый раз мне приходил на ум любопытный вопрос: «Почему Евней Арыстанулы, отбросив ранние увлечения в сторону, вдруг занялся Есениным, притом его самой сокровенной поэмой? В чем дело, что его заставило увлечься этой драматической историей?.. Притом он, наверняка, знал, что будут ослож-

нения с изданием», – недоумевал я. Чтобы ответить на этот вопрос, придется вкратце пересказать содержание поэмы...

Типичное русское село – Радово (кстати, читатель в нем угадывает Константиново – родное село поэта), средняя полоса России, конкретно – Рязанщина. В поэме описаны жители – крестьяне-труженики, деревенская беднота, есть единственный барский богатый дом на бугре, из его хозяев выделена молодая помещица Анна Снегина, «девушка в белой накидке». Время здесь идет медленно, согласно своим вековым устоям: сеют хлеб, убирают, каждый размеренно ведет свое хозяйство, иногда гуляют; заметен образ старика-мельника с доброй женой; выпукло показан крестьянин-бедняк Оглоблин Прон, постоянно мечтающий о лучшей доле в будущей жизни, рядом с ним живут бунтари-крикуны и бездельники такие, как вечно пьяный «герой» Ляояна Лабутя; часто сходятся и дерутся парни Радово с соперниками из соседнего села... И на этой глубоко древней русской земле родился светлоголовый, с копной кудрявых волос последний певец деревни Сергей Есенин. Сам он введен в поэму как поэт-рассказчик...

Грянул 1917 год. И вихрь революционных бурь за какие-то три-четыре года на корню разрушил старый уклад деревенской жизни: хозяйства крестьян пришли в упадок; барский дом отобран бунтарями-крикунами, и в пылу бестолковых и кровавых баталий бессмысленно сожжен, а хозяев дома судьба разбросала по белому свету; «девушка в белой накидке» – Анна Снегина – оказалась в Лондоне... Оглоблин Прон теперь носится с мечтой быстрее открыть коммуну, однако ему мешают «отсталые» мужики, те самые закоренелые собственники... Словом, все обитатели Радово от привычной жизни ушли далеко, что у них было – все разрушено, но и к новой жизни еще не прибились – нет согласия и организованности. Короче говоря, уже нет прежней русской деревни...

В душе поэта тяжелый осадок: мягкая, щемящая грусть о безвозвратно канувших в прошлое днях молодости, эту грусть не утопить в вине, не развеять никакими путешествиями ни по России, ни по заезженной всеми Европе, ни по хваленой Америке, и, устав от всего, он возвращается в родное Радово.

Здесь его ждет залежавшееся письмо к нему Анны из Лондона, которое передал ему добрый мельник. И происходит чудо: герой поэмы и его первая юношеская любовь – «девушка в белой накидке», через годы, после краха всего, разора и многолетней разлуки, теперь понимают друг друга, важную даму и знаменитого поэта объединяет страстная тоска по утерянной Родине; оба как бы на расстоянии мыслями и сердцами соединяются в единое целое. Это ярко выражено в признании Анны Снегиной, у нее настоящая ностальгия по родным местам – Радово и Руси:

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова».

У поэта-рассказчика такие же чувства, он готов отвечать ей взаимностью.

«Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были!..
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас...»

«Анна Снегина» – последняя крупная вещь Сергея Есенина, написанная с юношеским размахом, заканчивается этими проникновенными словами. Мы никогда не узнаем, получила ли героиня ответ поэта и что стало с ней далее. Но читателю ясно: ту Россию уже не вернуть, и он, и она потеряли ее и друг друга навсегда; потеряв бывшую, былинную Русь – герои разорвали связующую между собою нить. Хотя автор не говорит об этом открыто, но мы отчетливо осознаем, что во всем этом повинен пожар, разожженный революцией, гражданская война, потрясшая Россию...

Вот почему эта поэма не была широко растиражирована, ее старались не замечать, скорее старались замалчивать, публикуя, обязательно сопровождали послесловиями, относя произведение к заблуждениям «малограмотного» деревенского поэта, не понявшего «революционных преобразований...»

Теперь, читатель, вспомните, что случилось в те же и более поздние годы с казахской степью: те же разрушения старого уклада жизни кочевников-степняков, в результате чего массовые перемещения бывших животноводов в глубину России, в Китай и Монголию; исчезновение с лица земли казахских аулов; гибель от голода почти половины степного населения... Об этом мы говорили в первой главе настоящего повествования на примере мытарств трех семей Букетовых, которым был свидетель и шестилетний мальчик Евней...

Уловили схожесть событий, пережитых русской деревней и казахским аулом в годы так называемых «революционных бурь»? И у Евнея была, как у автора поэмы, неразделенная любовь. Личная драма и трагедия народов сближали поэта и переводчика.

...Мы сидели на берегу водохранилища, названного Сергеевским, перед нами сверкала на солнце водная гладь, простиравшаяся вдаль на много десятков километров. Два восьмидесятилетних старика – друзья детских лет Евнея Арыстанулы наперебой рассказывали мне о старом ауле Алыпкаш с тремя его разветвлениями, расположенными издавна в этих местах. Вспоминая свои аулы, они указывали место на поверхности водохранилища, где когда-то стояли родные дома, теперь все три аула исчезли насовсем, они остались на дне позднее появившегося здесь рукотворного озера. Правда, я видел только могильный курган предков этих стариков, и в том числе и Букетовых, который сохранился на берегу этого озера. Дальше, насколько видели глаза, простиралась широкая степь с лугами, березовой рощей – характерный пейзаж Северного Казахстана.

Мне было известно, что ранним летом 1962 года все Букетовы приезжали сюда, на родину, на этот старый могильный курган, чтобы похоронить скончавшуюся в Караганде мать

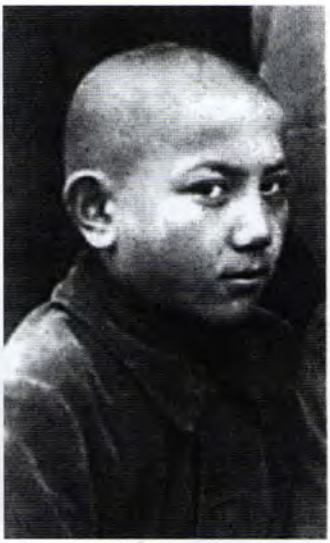
Бальтай. А через некоторое время Евней Арыстанулы оказался на берегу Черного моря, в Одессе. И тогда, думается мне, в эти дни еще не улегшейся скорби он, вдруг вспомнив отроческие годы и все пережитое им, своих аульчан-земляков, снова прочитав «Анну Снегину», стал по-казахски перекладывать разбередившую его сердце лиро-эпическую поэму русского гения. Вот и вся история появления этой вещи на казахском языке. Что получилось из этого, читателю известно...

Сознаюсь, все это мне открылось только тогда, когда я летом 2003 года посетил родные места Евнея Арыстанулы.

Мать ученого -
Бальтай (Умсун) Байжанкызы

Евней -
ученик 7 класса

Е. Букетов - учитель Городецкой неполной средней школы. 1945 г.

Ученые-наставники, профессора:
Х. К. Аветисян, В. В. Стендер, В. Д. Пономарев

Евней с другом Орынсеитом Нурекиным

Аспирант КазГМИ, 1952 г.

Проректор КазГМИ Е. А. Букетов со студентами и коллегами

Ученые
А. Машани и Е. Букетов,
снимок из студенческого
альбома автора

В дни выездной сессии АН Каз ССР в Жезказгане, слева направо:
В. И. Штифанов, У. А. Байконуров, К. И. Сатпаев, В. В. Гурба,
Ш. Е. Есенов и Е. А. Букетов, 1961 г.

Е. А. Букетов с жезказганцами, на снимке: Н. Канафина, Д. О. Ешпанов,
Ж. Ондасынов, К. Салыков, Ш. Абдраманов, К. Канафин

Верные соратники Е. А. Букетова из ХМИ:
М. Жамбеков, Ж. Н. Абишев, Г. Биркая, С. М. Исабаев

Со своим любимым учеником В. П. Малышевым

В редкие часы отдыха

На берегу Нуры,
справа карагандинский писатель Жаик Бектуров

В день торжественного открытия КарГУ, 14 марта 1972 г.

Через 26 лет, в день закладки памятника первому ректору университета: Акслу Евнейкызы и нынешний ректор КарГУ профессор Е. К. Кубеев

Во время встречи с писателем Сабитом Мукановым, у микрофона председатель Карагандинского облисполкома С. К. Досмаганбетов, рядом профессор Е. А. Букетов, 1972 г.

Во время отдыха в Каркаралинских горах, в шахтерском санатории: писатели Ахат Жаксыбаев, Евней Букетов, Габит Мусрепов и другие...

Во время посещения первым секретарем ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаевым Кармет в Темиртау: в переднем ряду секретарь обкома В. К. Акулинцев, секретарь парткома комбината Н. А. Назарбаев, за ними Е. А. Букетов

Доктора технических наук: Ж. Н. Абишев, Герой Труда, академик АН СССР (Москва) В. И. Спицын и Е. А. Букетов, 1978 г.

В кабинете ректора КарГУ: главный редактор журнала "Знамя", писатель В. Кожевников, М. Смагулов и Е. Букетов

Научная конференция, посвященная 80-летию Е. А. Букетова, ХМИ. На трибуне юбилейной конференции ХМИ президент Академии минеральных ресурсов РК Г. Р. Бекжанов и академик НАН РК А. А. Жарменов, 23 марта 2005 г.

Академик НАН РК, директор института фитохимии С. М. Адекенов выступает с докладом на научной конференции КарГУ, посвященной 80-летию Е. А. Букетова

Участники юбилейной научной конференции Северо-Казахстанского госуниверситета почтили память Е. А. Букетова вставанием. На снимке: президиум конференции - академик НАН РК З. М. Молдахметов, аким Северо-Казахстанской области Т. А. Мансуров, ректор СКГУ О. Б. Ашимов, поэт К. Салыков, писатель М. Сарсеке, Петропавловск, март 2005 г.

Портрет Е. А. Букетова, работа художника А. И. Осипенко

Евней Арыстанулы с женой Зубайрой Дуйсенкызы

Младшие братья Евнея Арыстанулы:
Камзабай, Жартас, Шабдан и Еслямбек

Е. А. Букетов со своими сыновьями Мажитом и Рашитом
посетили могилу Абая Кунанбаева в Жидебае,
в Семипалатинской области, лето 1977 г.

Евней Арыстанулы с дочерьми Акслу и Даляпраз

Через 27 лет, 12 декабря 2006 года он вернулся в свой родной университет, носящий его имя, теперь уже навсегда, правда в бронзе. Как сказал поэт: “заслужив признанье посмертно у народа своего...”

ГЛАВА
ДЕВЯТАЯ

ДРУЗЬЯ, ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ, ПУСТЬ КАЖДЫЙ ВСТРЕТИТ, КАК ЕВНЕЙ

«Студенческие годы – счастливейшее время. Каждый студент полон высоких помыслов и романтических мечтаний, в каждом сидит эдакий Васька Буслаев или Камбар батыр, готовые перешагнуть любые расстояния и свернуть любые горы. Сила-то у них по жилам так и переливается.

Долг университета, значит, и долг каждого преподователя направить эту силу по нужному руслу, никак не лишая молодость вечных ее качеств – восприимчивости, любопытства, задора».

Е.А.БУКЕТОВ, «ВТОРОЙ В РЕСПУБЛИКЕ»

I

В первых числах нового, 1972 года, директора ХМИ пригласил к себе первый секретарь Карагандинского обкома партии В.К.Акулинцев. Василий Кузьмич, по заведенной в те годы незыблемой традиции был посланцем Москвы. Первого руководителя этой огромной области, крупного центра угольной и металлургической промышленности всегда направляли из центра. Благо, в отличие от других он был знающим и компетентным человеком, хорошо разбирающимся в многоотраслевом хозяйстве области, кроме того, волевым, опытным организатором, умеющим повести за собой людей.

Василий Кузьмич приветливо встретил ученого посреди огромного кабинета. Это оказалось несколько неожиданным для Евнея Арыстанулы, так как, по мнению многих, секретарь был сухим и замкнутым человеком, сегодня он предстал совсем другим, простым, доступным, демократичным. Обойдя огромный стол, он вежливо поздоровался с ним, тут же предложил присесть. Сам же, устроившись в кресле, с добродушной улыбкой поздравил Е.Букетова с окончанием строительства нового корпуса ХМИ:

– В нашем регионе впервые построено такое великолепное типовое здание для научного учреждения, это не только для вас, ученых, но и для нас огромная радость!.. Хочу, уважаемый Евней Арстанович, специально поехать и поглядеть на него. Хороший подарок получили к Новому году!..

Директор ХМИ не остался в долгу, он, в свою очередь, поблагодарил первого руководителя области за его личное участие в

успешном завершении затянувшегося строительства здания института. Между прочим, взаимопонимание их облегчало то, что Акулинцев в год начала Великой Отечественной войны окончил Магнитогорский горно-металлургический институт, получив диплом инженера-металлурга, свою трудовую биографию он начал технологом на Златоустовском металлургическом заводе, потом работал начальником смены, в общем, боевое крещение прошел у доменной печи. Евней Арыстанулы узнал эти подробности из уст самого Василия Кузьмича в день знакомства. «Значит, он лучше поймет проблемы института...» – думал тогда он. Так и вышло. В.К.Акулинцев помог в завершении строительства института, «долгострой» был обычным явлением, и не вмешайся первый секретарь, руководители строительных организаций, привыкшие часто перебрасывать рабочих с объекта на объект, тянули бы строительство до окончания века.

– Евней Арстанович, – обратился к ученому первый секретарь, – вы, разумеется, в курсе, что в прошлом году Совет министров СССР принял постановление об открытии в Караганде государственного университета? Это будет второй университет в республике. Наверное, излишне будет объяснять вам значение этого события не только для нашего огромного Центрального Казахстана, но и для всей республики...

– Василий Кузьмич, – живо откликнулся Букетов, – я могу сказать одно. Страна, в которой есть хотя бы один университет – уже просвещенная страна, а если в стране несколько университетов – это уже страна высокой культуры и науки... Для нас открытие второго университета – историческое событие. Это седьмое высшее учебное заведение в Караганде, здесь уже действует академический институт, в перспективе откроются новые, в общем, закладывается мощный научный центр...

Акулинцев будто бы ждал такого патриотического всплеска чувств ученого:

– Рад, что вы с таким энтузиазмом восприняли это событие! Евней Арстанович, мы тут посоветовались и решили назначить вас ректором нового университета. На вас, можно сказать, возлагается историческая миссия!..

Евней Арыстанулы, приподняв голову, растерянно озирался вокруг, будто бы тесно стало ему в огромном кабинете первого руководителя области, поднял глаза к потолку, а затем на противоположную стену, где висел портрет В.И.Ленина, тут же перевел взгляд на кусок стального литья на столе секретаря и умоляюще посмотрел на Акулинцева:

– Василий Кузьмич, ваше предложение мне льстит, по сути обязанности ректора вуза мне знакомы. Я не боюсь трудностей, связанных со становлением нового университета на первых порах, но меня беспокоит другое, поймите меня правильно: сколько сил и труда я вложил в укрепление известного вам ХМИ, ведь наши исследования только-только начали давать ощутимые результаты, как же мне все это оставить в такой момент... Мне будет очень жаль, если развернутые опыты останутся незаконченными, потом за это я буду всю жизнь корить себя! Как ученый-металлург, я уже кое-что сделал, но, сколько еще намеченных планов. Да и, поверив мне, очень многие молодые люди пришли в институт. Десятки соискателей готовятся к защите своих кандидатских диссертаций, а некоторые – уже докторских!.. – Сбивчиво высказав первые пришедшие на ум мысли, директор ХМИ постепенно остыл и стал спокойнее аргументировать свои доводы и в конце концов наотрез отказался от почетного предложения. – Извините меня, Василий Кузьмич, не могу я расстаться со своей наукой. Наставником-педагогом молодых я уже был, знаю, не по мне это занятие!..

– Евней Арстанович, – настойчиво убеждал секретарь обкома, – посмотрите, сколько ученых в Москве, не отрываясь от науки, работают в вузах. Я понимаю вас: бросать своих учеников на полдороге не по-джентльменски. Но я же не заставляю вас совсем покидать стены ХМИ...

– Одно дело каждый день быть с ними в лаборатории и под своим присмотром проводить опыты, другое – давать советы из кабинета ректора университета, Василий Кузьмич, – парировал Букетов, – разница, как между небом и землей...

– И все-таки, уважаемый Евней Арстанович, подумайте о нашем предложении! Вы же сами говорите: если к шести ву-

зам и вашему ХМИ прибавится университет, то откроется прямой путь к созданию нового научного центра в Казахстане... И открытие университета – важное звено, а может быть, и главное в этом важном деле. Кому же его возглавить, если не вам?..

Последние слова первого секретаря, сказанные внушительно и раздельно, поколебали сопротивление Евнея Арыстанулы. Все, кто близко знал Акулинцева, за глаза утверждали, что он человек действия, если за что-то взялся, обязательно добьется своего, даже и без особого нажима, без применения власти.

«Кажется, он взялся за меня всерьез», – подумал Букетов, снова озираясь по сторонам кабинета и, поняв, что попусту тянет бесполезный разговор, поднялся с места.

– Я подумаю, товарищ секретарь.

II

В начале марта в здании педагогического института по улице Кирова, 16, в его конференц-зале собрался весь цвет интеллигенции Караганды – ректоры вузов, областное руководство во главе с В.К.Акулинцевым и С.К.Досмаганбетовым (председателем облисполкома), секретари горкома и горрайкомов партии, представители общественности, местные ученые. Заместитель министра высшего и среднего специального образования С.К.Кенжебаев зачитал постановление правительства об открытии Карагандинского госуниверситета и приказ о назначении академика Е.А.Букетова его ректором. Затем с поздравительной речью выступил первый секретарь обкома КП Казахстана...

Теперь-то можно было говорить, что долгожданное событие свершилось. Человек, как бы самой судьбой предназначенный для высокой мысли, Е.А.Букетов возглавил университет, 14 марта 1972 года заняв освободившийся кабинет бывшего ректора пединститута, он приступил к исполнению своих новых обязанностей. И, конечно, сразу же на новом посту проявился его беспокойный, деятельный характер: он вставал в шесть утра, придя на работу раньше всех, заканчивал свой

рабочий день зачастую к девяти часам вечера; все помыслы Евнея Арыстанулы были направлены на то, чтобы первого сентября этого года все восемь факультетов нового университета распахнули двери своих аудиторий...

Новый университет возник на базе педагогического института, который в свою очередь создавался на месте бывшего учительского. В начале 70-х годов на его шести факультетах обучались 5440 студентов, действовали 22 кафедры. По своему уровню Карагандинский пединститут был одним из ведущих высших учебных заведений республики, он имел первую категорию. Только лишь в последний год работы он выдал 890 выпускникам дипломы педагогов.

С сентября 1972 года Карагандинский пединститут должен был перейти на университетскую программу обучения, на 38 кафедрах (через несколько лет их будет уже 59), восьми факультетах планировалось готовить кадры по 15 специальностям. В первый же учебный год новый университет принял на первый курс 625 студентов, а когда будет увеличено количество факультетов, численность вновь поступающих приблизится к двум тысячам. Как отмечала газета «Правда» в своей передовице от 2 сентября: «Новому университету, который открылся в Караганде, предстояло стать не только учебным, но, прежде всего, научно-методическим центром». Для успешного осуществления такой важной государственной задачи университету требовались высококвалифицированные кадры. А в пединституте работали всего 277 преподавателей, из них только 59 были кандидатами наук и лишь двое наставников имели звания профессоров...

Вопрос о реорганизации Карагандинского пединститута поднимался давно, между прочим, еще в 1965 году правительство республики приняло постановление об открытии в Казахстане второго университета (КазГУ открылся еще в довоенные годы). И с тех пор в шахтерском городе вели подготовку к этому неординарному событию: Совет Министров Казахской ССР 14 апреля 1967 года утвердил технический проект будущего КарГУ; были построены два общежития на 1100 коек, столовая на 500 посадочных мест; освободившееся в центре

города старое здание площадью 2 тыс. кв. метров, принадлежавшее Министерству угольной промышленности по улице Ленина, было безвозмездно передано на баланс педагогического института... Но, увы, застарелая болезнь советской системы и здесь проявилась во всей полноте, строительство нового городка велось черепашьими темпами. Многие важные пункты того постановления не были выполнены, они остались на бумаге из-за расхлябанности и безответственности исполнителей. Проект «Университетского городка», разработанный московским проектным институтом «Гипровуз», был реализован лишь на одну десятую часть.

Что ж делать, Совмин Казахской ССР в феврале 1972 года вынужден был принять повторное постановление о срочных мерах по завершению этого «долгостроя» – нового «Университетского городка»...

Первым делом к осени обеспечивались оборудованием, учебно-методическими пособиями два новых факультета – юридический и экономический, заново переоснащались и перешедшие из пединститута факультеты: математический, физический, химический, биологический, филологический и исторический. Все восемь подразделений университета надо было укомплектовывать дополнительными преподавателями с научными степенями и званиями. Таких специалистов в Караганде было трудно найти, если даже они и были, то работали в других шести вузах города. Не так-то просто было уговорить прекрасно устроенных в Алматы и привыкших в солнечной столице республики к ее благодатному, теплому климату ученых людей.

Кстати, такое настроение Евней Букетов и сам испытал двенадцать лет тому назад...

Поэтому в первую очередь ректор дал задание деканам всех факультетов – подбирать талантливую молодежь, желающую повышать свои знания, и направлять в аспирантуру Московского университета и других крупных вузов России. Предварительно в верхах он добился увеличения в несколько раз численности аспирантов. Но, для того, чтобы аспиранты стали квалифицированными преподавателями, требовалось не ме-

нее пяти-шести лет. И все-таки ректор сознательно пошел на этот шаг: потому что посланцы КарГУ, пройдя подготовку в крупных научных центрах страны, стали бы золотым фондом университета, надежным залогом будущего.

А что делать до этого, с кем начать занятия в университете?..

Пришлось, собрав в кулак всю свою энергию и используя личный авторитет, обойти все учебные заведения Алматы, куда он был вхож.

Первыми учеными, которых Евней Арыстанулы «завербовал» переехать в Караганду, были его давние друзья, супруги Перевертуны (Алексей Иванович был физиком, а Мария Александровна вела высшую математику), оба работали доцентами в КазПТИ (бывший КазГМИ, ныне – Национальный технический университет им. К.И.Сатпаева). Он не скупился на заманчивые посулы, обещал, что при первых вакансиях они оба станут профессорами, получат в центре города просторную квартиру, какой во сне не видели (в этом амплуа Евней Арыстанулы был превосходным агитатором): «В Алма-Ате доцентами пруд пруди. А в Караганде вы станете важными учеными персонами. Так что не упускайте случая!..» Удалось-таки уговорить. И действительно, супруги Перевертуны сразу же после переезда получили неплохую квартиру в центре города, оба стали заведующими кафедрами. Впоследствии М.А.Перевертун долгие годы была деканом математического факультета...

Лидия ИЛЬИНА,
«ОТДАВШИЙ ЖИЗНЬ РАДИ ДРУГИХ»:

«В марте 1972 года мой коллега по работе Алексей Иванович Перевертун сказал мне, что со мной хочет поговорить ректор только что открытого в Караганде университета Евней Арстанович Букетов. Разговор состоялся в приемной заместителя министра высшего и среднего специального образования республики Софрония Платоновича Попова. Евней Арстанович предложил мне ехать в Караганду на должность заведующей кафедрой общей и теоретической физики. Я страшно испугалась. Новый незнакомый город, новые люди, новая очень ответ-

ственная работа. Ничего не получится! Так все и выложила. Евней Арстанович рассмеялся громко, раскатисто, от души — как мог смеяться только он, что я поняла позднее, и начал говорить. Он говорил о своей Сары-Арке, о своей Караганде, о том, каким будет университет, о том, что ему нужны молодые, энергичные, знающие специалисты, что все будет хорошо и посоветовал переговорить с родными. А потом мы разговаривали с ним вдвоем — мой муж и я были всецело покорены обаянием этого большого человека. Не верить ему, не соглашаться с ним было невозможно.

В июне я была в Караганде. Евней Арстанович прислал в аэропорт свою машину, позаботился о комнате в общежитии, а через 20 дней мы получили квартиру в самом зеленом уголке Караганды. Мне до сих пор не верят, что так может быть, вот так, вроде бы просто, пообещал и сделал. Таким он был во всем, жизнерадостный, жизнелюбивый, человечный, внимательный, даже в мелочах.

Не позже первого сентября нам предстояло начать учебный год в корпусе, где ранее располагался весь пединститут, в аудиториях, где ранее находились кафедры и кабинеты истории, марксистско-ленинской философии, политэкономии, которые мы должны были за два месяца превратить в оснащенные физические лаборатории.

Честное слово, если бы сейчас мне сказали, что такое можно сделать, я бы не поверила. Евней Арстанович всегда верил людям, он тогда сказал: «Все эти перегородки убрать! Зачем нам такие клетушки. Студенты Карагандинского университета будут учиться в просторных, светлых аудиториях». Он понимал, что это особенно важно для кафедры общей физики, которая должна была принять первокурсников первого университетского набора. Пройдите по третьему этажу физфака по Кирова, 16, и вы увидите, что ему отданы лучшие помещения. А оборудование? А его монтаж? Евней Арстанович говорил: «Делайте все, что считаете нужным». И мы делали все, потому что не делать было нельзя, ведь нам так верили, на нас так надеялись. Физический факультет начал занятия в просторных университетских лабораториях...»

Видимо, ректор-химик своими действиями показывал, что он серьезно относится к физикам. Для укрепления преподавательского состава этого факультета он пригласил физиков со всего Советского Союза: «Некоторые штрихи, характеризующие наш физический факультет, могут дать представление и об университете в целом. Его преподаватели – преимущественно молодые люди, кандидаты наук, только что начавшие путь. Они собирались с разных концов. Б.И.Минаев приехал к нам из Томского университета, А.И.Турмаганбетов и К.З.Альжанов из КазГУ. К.Т.Ермагамбетов до Караганды работал в Новосибирске, в Сибирском отделении АН СССР, Г.А.Кецле – в Московском университете, Л.И.Ильина – в Казахском политехническом институте. Среди физиков только доцент А.И.Перевертун обладал большим преподавательским и научным опытом. Деканом факультета стал у нас кандидат наук Ж.С.Акылбаев, воспитанник КазГУ, а заведование кафедрой радиоэлектроники возложили на кандидата наук Л.А.Краусса, перешедшего из Карагандинского политехнического института...» – пишет Е.А.Букетов в статье «Второй в республике», посвященной пятилетию университета. Этот список физиков мы, со своей стороны, дополним кандидатом физико-математических наук Т.А.Кокетаевым, блестяще закончившим аспирантуру Казахского политехнического института, талантливым физиком С.Д.Дарибековым, защитившим в то время диссертацию в Москве. Успешно закончила тогда аспирантуру Тартусского университета (основанного в 1632 году) в Эстонии Б.К.Кусаинова. Между прочим, добрая слава об этом старейшем учебном заведении шла в казахской степи еще до Октябрьской революции, в нем в далеком прошлом обучались несколько наших соотечественников-степняков. В поле зрения Евнея Арыстанулы окольными путями попала вышеназванная Кусаинова, по его приглашению молодая девушка тоже начала свою преподавательскую деятельность в КарГУ...

Молодые ученые нового учебного заведения, влюбленные в физику, придавали в своей оригинальной методике большое значение практическим занятиям, памятуя о том, что, как ска-

зал однажды академик Ландау, «верховным судьей всякой физической теории является опыт». Они жаждали скорее и полнее донести до своих питомцев все, чему научились в годы освоения этой древней и вечно обновляющейся науки. Чтобы не отстать от времени, сами преподаватели усиленно вели научные исследования. Разумеется, это находило горячую поддержку со стороны ректора университета. В частности, при его содействии к изысканиям университетских ученых были подключены Академии наук СССР и Казахской ССР.

«Вспоминаю, с какой настойчивостью просили меня Л.Краусс и Ж.Акылбаев приобрести так называемую гелиевую установку, – пишет Е.А.Букетов в вышеназванной своей статье. – И теперь, когда установка доставлена в университет, наши физики с помощью молодого специалиста В.Бурудуна, специально приглашенного из МГУ, с огромным увлечением ее осваивают. Это, в сущности, миниатюрный завод, сложное химическое предприятие. Многочисленные емкости, моторы, компрессоры, автоклавы соединены между собой переплетающимися трубами и трубками. Процессом управляет сложное электронное устройство. Когда установка будет пущена, а это произойдет в самом скором времени, впервые в республике мы начнем осваивать редкий, но надежный способ получения самой низкой, теоретически возможной на земле температуры в минус 273 градуса, т.е. абсолютного нуля. Это достигается при многократном сжатии газов до сжижения, при мгновенном расширении после каждого сжатия. В условиях такого холода многие вещества приобретают новые уникальные свойства, а изучение этих свойств представляет исключительный интерес для науки».

Для занятий физиков были созданы самые благоприятные условия. Этому факультету был предоставлен отдельный корпус, учебные аудитории и лаборатории были оснащены самыми современными приборами. После такой подготовки факультет уже мог приглашать для чтения лекций известных ученых-коллег из Москвы, Ленинграда, Томска и Новосибирска. На физическом факультете работали всего 45 преподавателей, но добрая половина их были уже кандидатами наук, а

через четыре-пять лет некоторые из них защитили докторские диссертации. И самое главное – все свои научные исследования они проводили здесь, в аудиториях КарГУ, совмещая педагогическую деятельность.

Темиргали КОКЕТАЕВ, профессор,
«СВЕТЛЫЙ ОБЛИК ЛИДЕРА»:

«Мне сказали, что меня разыскивает ректор. Когда я пришел, Ебеке выразил обиду:

– У тебя есть хоть какое-то уважение к старшим. Постоянно создаешь шумиху. Прибор, который заказал для себя, нахально забираешь, по какому праву? Немедленно верни!.. – так Ебеке нажимал на меня, не давая рта раскрыть.

Ректор есть ректор, хозяин-барин, к тому же это самоуверенный Букетов – попробуй с ним поспорить...

Я уже догадался, за кого он так сильно заступается. Это был его закадычный друг с аспирантских лет – Алексей Иванович Перевертун (царство ему небесное!), мой коллега по факультету, человек, приехавший по приглашению Ебеке в Караганду. Он, пользуясь какими-то знакомствами и связями, заказал на оптико-механическом заводе в Ленинграде типовой спектрофотометр СФ-4. Я этого не знал, видимо, он хотел получить прибор тайком от меня. Но я там же заказал такую же аппаратуру для своей кафедры. Услышав, что заказанная мною аппаратура поступила на склад, оформив нужные документы, я получил ее, стал устанавливать. Узнав про это, Алексей Иванович прибежал в лабораторию... А мои сотрудники позвонили мне домой, что наш спектрофотометр забирает Перевертун. Приехал на такси, вижу, Алексей Иванович со своими людьми укладывает аппаратуру в ящик. Началась перебранка, шум и гам, чуть не дошли до рукоприкладства. Аппаратуру не отдал, коллегу выставил из кабинета...

Взяв документы со склада, на следующий день пошел к ректору. Я доказал, что мой заказ на заводе выполнили раньше, а аппаратура для Перевертуна находится в пути (прибыла через неделю). «Ебеке, в чем моя вина? В паспорте аппаратуры ведь не написано, что надо отдать ее в первую очередь Перевертуну, как старшему по возрасту», – говорю, украдкой поглядывая на него.

Ректор вызвал Алексея Ивановича.

– Почему ты меня обманул? – тут же приструнил его Ебеке. – Кокетаев аппаратуру получил первым, значит, она останется у него. Больше так не делай, ясно!..

У нас имелись кристаллы для эксперимента, через несколько дней, подготовив аппаратуру к работе, пригласил Ебеке. Предварительно объяснив, что к чему, снял первые показания прибора. Ученый есть ученый, сразу понял. Был доволен, заулыбался.

– Ты, оказывается, шебутной, шумливый. Даже хуже меня. В тот раз я тебе много лишнего наговорил, не обижайся, у начальника такие срывы бывают, на то он и бастык!.. А вот в научных вопросах твое упрямство мне нравится, за свою идею надо биться до конца, иначе тебя живьем съедят неучи, ясно?! Только так добьешься результата!.. – сказал примирительно добрый в душе Ебеке.

Приглашенные из солидных университетов страны педагоги-физики показали себя молодцами и в преподавании, и в научно-исследовательской работе. Практически они задавали тон всем преподавателям других факультетов.

«Как-то ректор пригласил меня в свой кабинет, – вспоминает тот же Кокетаев в своих записях о Букетове. – *Тебе уже пора открывать аспирантуру,* – прямо заявил он. – *У тебя наука идет хорошо. Подготовь документы!» Я ему возразил: «В Москве такое предложение не пройдет, потому что есть жесткое правило: кандидат наук не может руководить аспирантурой».*

«Это только твои отговорки, – сердито поправил меня ректор университета. – *Составь план-проект научно-исследовательской работы, список опубликованных статей, перечисли научные достижения. Резюме я сам напишу. Вообще, не спорь со старшими, делай то, что я тебе говорю!»*

Через три-четыре месяца он снова меня вызвал и положил передо мной разрешение ВАК-а на открытие аспирантуры по специальности «Физика твердого тела» под моим руководством. Такого добивается только человек, который постоянно проявляет беспокойство о насущных делах, стараясь все делать луч-

ше и не откладывая на завтра. Это присуще только таким людям, как наш Ебеке, который предан науке, повседневно думает о ее проблемах, хочет все интересы подчинить только науке. Дальше все решают неустанный труд и поиски неизведанного. Из аспирантуры, которую мы открыли с помощью Евнея Арстанулы, вышло более десяти кандидатов наук, один доктор. И сейчас, продолжая эту традицию, ВАК разрешил мне открыть докторантуру. Эх, если бы все это видел незабвенный наш Ебеке, как он безмерно радовался бы!..»

* * *

Каждодневных трудностей в новом университете было не счесть...

Самым больным местом была нехватка учебных аудиторий. Первые четыре года работы восемь факультетов КарГУ, расмещенные в разных зданиях, притом удаленных друг от друга, проводили занятия со студентами в две смены. Начиналась учеба с восьми утра, продолжалась до восьми вечера. Не только ректор и профессорско-преподавательский состав, но и весь коллектив университета из года в год, испытывая неудобства и стесненность, жили одной надеждой на скорый переезд в новые корпуса «Университетского городка»...

Евней Арыстанулы, за которым уже закрепилась кличка «главный прораб», ежедневно, широко шагая, как Петр Первый на судостроительных верфях, вдоль и поперек прочесывал огромную территорию, не раз участвовал в планерках, созывавшихся на строительных площадках, часто приходилось ему там и выступать... Позднее ректор командировал туда своего представителя, который должен был контролировать от его имени ход строительства и информировать об этом руководство университета. Благодаря своему помощнику Букетов имел полное представление о происходящих событиях там, на строительной площадке, порою тотчас узнавал об очередных неувязках, о чрезвычайных происшествиях, вмешивался сам, сигнализировал наверх. Впрочем, он старался больше сам бывать в «Университетском городке», считая, что лучше один

раз увидеть, чем сто раз услышать. По свидетельствам очевидцев, он с величайшим удовольствием наблюдал, как растут ввысь этажи нового городка...

– Обо мне все говорят, что я ученый-металлург, это не так, это совершенно не соответствует тому, чем я занимаюсь в жизни... – признавался в иные дни Евней Арыстанулы близким коллегам в ХМИ, когда ему было особенно невмоготу. Поделившись сокровенными мыслями, он как бы испытывал облегчение, груз повседневных забот как бы уже не так давил. – Нет, наука для меня стала второстепенным занятием... Скорее всего, я строитель, это моя главная профессия. Когда я приступил к работе проректора в Алма-Ате, началась закладка нового здания КазГМИ, нынешнего политехнического. Учитывая мою цветущую, буйную молодость и напористость, ректор института Умирхан Байконуров, уважаемый мною аксакал, бросил меня контролером на этот участок. За два года, которые я там крутился, как белка в колесе, я многого поднабрался, узнал всю подноготную поведения, постиг все хитрости строителей. Праздновать окончание той стройки, разрезать красные ленточки мне не пришлось. Когда первые институтские корпуса уже были готовы к сдаче, я отправился в Караганду. В ХМИ провел двенадцать лет, из них половину я потратил на строительство: сначала ремонтировал старые здания, приспосабливая их под лаборатории; потом пробивал в верхах проект нового типового здания для ХМИ, началось строительство, и в течение последних пяти лет я вообще не знал покоя, постоянно пропадал на стройплощадке. Наконец, переехали в новое здание, я уже радовался и рассчитывал, отметив новоселье, спокойно почивать на лаврах. Но, увы! Не суждено мне было наслаждаться новыми прекрасными кабинетами и лабораториями родного ХМИ – перевели меня в университет, что я мог поделать?... И здесь я снова выполняю незавидную роль «пробивного прораба». Здание по улице Гоголя, 38, проектировали, как среднюю школу, а мы, построив над нею еще четвертый этаж, через пять месяцев торжественно открыли в школьном здании КарГУ. Мы уложились в предельно сжатый срок и вовремя начали занятия – такого в

истории Караганды еще не бывало!.. В 1974 году начали строительство «Университетского городка»... И опять я в самом пекле, на стройплощадке. Кто же я, как не строитель, притом не очень везучий. Запомните мои слова, как только «Университетский городок» сдадут, меня куда-нибудь снова выдвинут или задвинут, и кто-то из счастливчиков придет на все готовенькое, вальяжно рассядется в ректорском кабинете, вот посмотрите, так и будет...

На стройке давно уже примелькался человек богатырского телосложения, все рабочие знали, что это и есть ректор университета. К некоторым он сам подходил, здоровался за руку. Считая его человеком свойским, незаносчивым, трудяги задавали ему разные вопросы. Евней Арыстанулы таких непринужденных, доверительных бесед никогда не избегал. Однажды он с налету спросил строителя-каменщика:

– Сколько лет вашим детям?

Каменщик с гордостью ответил, что у него старший сын через два года окончит среднюю школу. И тогда ректор университета продолжал расспрос:

– Как у него с успеваемостью?

Рабочий бодро ответил:

– Порядок, товарищ ректор! У моего Бори оценок ниже четверки не бывает, а в основном – пятерки!

Евней Арыстанулы явно настроился благожелательно:

– Тогда я вам, дорогой, дам один дельный совет: почаще приводите своего старшего сюда, на стройку, покажите эти корпуса, которые вы возводите своими руками. Пусть он представит себя студентом этого университета в будущем. Поверьте мне, все-таки я отчасти педагог. Ваш сын, видя, какие чудеса творит его отец, какие сооружает по кирпичику дворцы для уже действующего Карагандинского университета, станет мечтать об учебе в этих прекрасных зданиях. И, конечно, еще сильнее подтянется в учебе. Приводите его сюда, не откладывайте...

Каменщик не знал верить или не верить:

– Ой, не знаю, сможет ли мой Боренька поступить в такое помпезное заведение?!.. Наверное, ему на роду написано, как

и мне, не расставаться со строительным мастерком... – засомневался каменщик. – Конечно, так и будет. Ведь моего заработка не хватит, чтобы насытить ваших жадных экзаменаторов, удовлетворить их неутолимые аппетиты? И еще надо знать, кому и как преподнести подарки...

– Куда гнете? – нахмурился ректор университета, – бросьте такие рассуждения... Как только ваш сын окончит школу, сами приведите его ко мне, если в аттестате будут одни четверки и пятерки, на вступительных экзаменах Боря пройдет без труда!..

Каменщик не знал, как благодарить ректора.

А «ректор-великан» (между собой строительные рабочие за глаза Евнея Арыстанулы так и называли) повел речь уже о стройке:

– Раз мы договорились, я ставлю тоже свои условия, дорогой. И вы их должны беспрекословно выполнить... Для того, чтобы ваш любимый сын в этом здании получил хорошие знания, вы тоже должны работать на совесть, аккуратно. Не замазывайте брак, трещины в стенах раствором, когда-то это вылезет наружу. В прошлом квартале наши контролеры во втором корпусе обнаружили перекосы в стене, месячную кладку пришлось разобрать и вести заново... А вы прекрасно знаете, во что это обходится...

Рабочий сокрушенно покачал головой:

– Я понял вас, товарищ ректор, наша бригада такого брака не допустит. Поверьте моему честному слову! – сняв рукавицу, он протянул ректору свою мозолистую руку. – Так что будем держаться нашего мужского договора!..

* * *

В 70-х годах XX века технический прогресс захлестнул мир. Тем не менее в советских вузах по традиции на всех факультетах без исключения студенты первых курсов корпели над трудами классиков марксизма-ленинизма, упорно изучали гуманитарные и общественные науки, приобщаясь к общечеловеческим ценностям, к мировой культуре. Кстати, это в ка-

кой-то мере поднимало общий интеллектуальный уровень обучающихся. Ведь всем было ясно, что знания, кругозор молодежи, окончившей сельские школы, прибывшей из дальних районов, были ниже, чем у питомцев городских кварталов. Вот и старались всех подравнять, подтянуть до общего уровня молодого строителя коммунизма.

А КарГУ по своему предназначению должен был стать ведущим вузом среди всех высших учебных заведений Центрального Казахстана, ему также отводилась роль своеобразного учебно-методического центра по переподготовке преподавателей высших учебных заведений ближайших пяти областей республики. По замыслу учредителей выпускник университета наряду с получением специальности должен был овладеть основами знаний по искусству, литературе и истории. «...Нашему студенчеству необходимо интенсивно и целеустремленно приобретать знания и подходить к этому творчески, то есть так, чтобы каждый из вас в будущем, а иногда и сейчас, к этим знаниям мог прибавить новые знания, новые истины, – так наставлял Е.Букетов первокурсников, посвящаемых в студенты, на ежегодном собрании, ставшем своеобразным ритуалом, говоря об их обязанностях и задачах на пять лет учебы, он давал им своего рода нравственные уроки. Впоследствии они были подытожены в его газетной статье под названием «Первый урок». – Я думаю, что творческое приобретение знаний должно стать самой интересной, самой увлекательной стороной вашей жизни. Организуйте и участвуйте в самодеятельности, в многочисленных культурных мероприятиях, раскрывающих ваши разнообразные способности в области искусства, музыки, литературы и так далее. Это будет способствовать вашему взаимопониманию и взаимовоспитанию, вашему интеллектуальному возвышению, здесь раскроются для вас удивительно красивые стороны человеческого бытия и человеческой души. Выпадет время, будут возможности – путешествуйте, узнавайте свою страну, земной шар, в обустройстве которого вы готовитесь стать активными участниками. И, наконец, в свободное время принимайте участие в производительном труде старших, это для страны ни-

когда нелишне, а для вас, студенты, это тоже ступень физического и нравственного воспитания. И тогда увидите, что у вас не останется времени и места для скуки».

Возглавив университет, Е.А.Букетов стремился в подготовке будущей смены полностью изжить характерные для вузовского образования того времени формализм, догматизм, казенщину. Учебный процесс он ориентировал не на средних студентов, думающих и действующих шаблонно, по стандарту, а на молодых людей, способных к самостоятельному мышлению и творческому поиску. Естественно, и в отношении к преподавателям он придерживался новых принципов: не ограничивать их в инициативе, а всемерно помогать им, не запрещать, а направлять, руководить, а не командовать.

В Карагандинском педагогическом институте общественные и гуманитарные науки преподавали педагоги с солидным стажем и опытом. Когда институт был реорганизован в университет, они все перешли в КарГУ. Притом состав преподавателей-общественников увеличился в два раза. На третьем году общая численность преподавателей университета достигла 410 человек, из них 125 имели ученые степени, а по прошествии семи лет уже насчитывалось 700 педагогов-наставников, из которых более одной трети имели ученые степени.

Одним из ведущих гуманитариев был профессор Д.А.Шаймуханов, воспитанник знаменитой школы казахстанских историков, основанной печально известным и несправедливо гонимым ученым Е.Бекмахановым. Будущий профессор начинал свою общественную деятельность секретарем Карагандинского обкома комсомола, потом несколько лет работал в областном комитете партии, даже в ранге секретаря, перейдя в высшее учебное заведение, занялся исследованием истории промышленных предприятий области.

Первым деканом исторического факультета стал Дуйсетай Аймагамбетулы, одновременно он исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории. Кафедру политэкономии возглавил доцент Талгат Абдразаков, бывший вожак казахстанского комсомола в 50-е годы, имевший богатый опыт работы в партийно-советском аппарате, хорошо

знавший административно-командную систему, человек-трибун и прекрасный оратор, не боявшийся острых тем и умевший разъяснять противоречия социализма законами политической экономии. Кафедрой марксистско-ленинской философии заведовала Р.А.Клещева. Она одной из первых в Казахстане исследовала сложные вопросы социального положения шахтеров Карагандинского угольного бассейна. А философ Т.И.Абжанов, сам из угольщиков, по своему научному багажу ничем не уступал алмаатинским коллегам, мог им составить достойную конкуренцию. Евней Арыстанулы в своей статье «Второй в республике», перечисляя ведущих ученых КарГУ, первым назвал имя доктора педагогических наук Г.А. Мейрамова. Профессор, замечательный лингвист Мейрамов в итоге многолетнего труда разработал первое методическое пособие для казахской молодежи по ускоренному овладению русским языком. На этом пути он собрал вокруг себя незаурядных педагогов, создал свою школу...

Таких авторитетных специалистов в университете был добрый десяток. В своей созидательной работе ректор целиком опирался на них. Это был практически здоровый костяк педагогического коллектива КарГУ.

Евней БУКЕТОВ, «ВТОРОЙ В РЕСПУБЛИКЕ»:

«Как-то не без удивления заметил я на своем рабочем столе изящные журнальные оттиски на немецком языке. Взглянул на первую страницу и прочитал знакомую фамилию – Скопин. Ну, конечно же, это наш доцент. Сразу припомнил, что я знаю о нем. Факультетские зоологи очень сдержанно отзывались о своем пожилом коллеге. Дескать, мало в чем себя проявил. К тому же ему скоро исполняется шестьдесят, и он как будто собирается на пенсию.

Но когда я увидел две научные статьи, напечатанные... в серьезном берлинском журнале, то посчитал необходимым ближе познакомиться с Николаем Георгиевичем Скопиным.

– Слышал я, Николай Георгиевич, вы на пенсию собираетесь, на отдых? – спрашиваю его.

– Да, Евней Арстанович, устал. Очень прошу вас пойти мне навстречу.

Благодарю Скопина за журнальные оттиски, понятно, что он передал их мне с какой-то целью, спрашиваю:

— Может быть, этими статьями вы мне что-нибудь хотели сказать?

— Да, нет... Никакой скрытой мысли не имел. Просто хотелось, чтобы перед моим уходом на пенсию обо мне подумали чуть лучше, чем раньше. Мол, все-таки старый доцент делает и такое, что находят интересным и за рубежом.

Я смеюсь. Он продолжает оставаться серьезным.

— Николай Георгиевич, может быть, вы мне расскажете о себе, своих занятиях.

— Отчего не рассказать, пожалуйста. Окончил Среднеазиатский государственный университет в 1938 году, а насекомыми стал интересоваться еще в студенческие годы. И не просто насекомыми — главным образом так называемыми жесткокрылыми жуками.

Я про себя подумал: надо быть большим энтузиастом, чтобы всю жизнь отдать жукам... И, словно подслушав мое невысказанное недоумение, Николай Георгиевич, преобразившись, утратив прежнюю скованность, увлеченно стал рассказывать о природе Центрального Казахстана и, конечно, о насекомых и прежде всего — о жуках. Негодовал, что люди порой неразумно вмешиваются в природу, нарушают в ней равновесие, злоупотребляя химикатами, применяя нерациональные агротехнические приемы.

Я решаюсь напрямик спросить его:

— А вы не думали стать доктором наук?

После некоторой паузы ответил:

— Когда-то думал, но упустил время. Ведь каждый год, выезжая со студентами на полевую практику, получал все новые и новые любопытные данные. Материал накапливался, а вот обобщить и систематизировать его так и не собрался, теперь, конечно, поздно...

И тут я перешел в наступление:

— Николай Георгиевич, вы уже настроились уходить на пенсию, а вам докторскую надо защищать, и продолжать учить молодежь. Охрана природы стала у нас государственным, об-

щенародным делом. А жуки разве не природа? Ваш опыт и знания не должны уйти с вами на пенсию. Будем считать, что вы о ней даже не заикались...

Он ответил не сразу. Можно было догадаться, что Николай Георгиевич принадлежит к тем людям, которые обдумывают свое решения медленно, а, приняв, не меняют их. Наконец, он произносит слова, которые меня, в общем, не приводят в восторг:

– Вам, вероятно, виднее. Что ж, могу и поработать.

...Прошло дней десять. Николай Георгиевич снова появился у меня в кабинете, на этот раз с огромной сумкой. Он извлек свыше шестидесяти оттисков своих научных работ и множество превосходно выполненных рисунков, изображавших в увеличенном виде части тел насекомых в соответствии с принятой в зоологии методикой. Его комментарии были интересными и обнаруживали глубокую эрудицию...

Мы с ним договорились, что в положенные шесть месяцев творческого отпуска он завершит и представит свою диссертацию, которая уже сейчас вырисовывалась достаточно убедительно.

...Кончилось все тем, что в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук СССР Николай Георгиевич с блеском защитил докторскую диссертацию. Его оппоненты заметили, что в монографии, представленной доцентом Скопиным, научного материала хватило бы на две диссертации, и ему надо было бы защищаться лет 10-15 назад. Так в университете появился еще один доктор наук. Николай Георгиевич без устали занимается со своими студентами, передает им свою увлеченность. Однако теперь и к ректору он стал предъявлять свои требования. Дескать, надо создавать условия будущим молодым специалистам. Заполучив нового доктора, я приобрел и дополнительные неотложные хлопоты...»

Так как основной специальностью ректора университета была химия, он старался укрепить и химический факультет. Не поступить так было бы стыдно перед всеми: вышло бы по пословице – сапожник оказался без сапог. Значит, это было делом его профессиональной чести. Ученый-химик, он же металлург – Евней Арыстанулы считал также своим святым

долгом поставить на новые, современные рельсы методику преподавания этой науки. Как профессор химии, он видел серьезные упущения в учебном процессе.

Начинать борьбу за глубокие знания надо было, во-первых, с подбора сильных, хорошо подготовленных преподавателей. Во-вторых, практические занятия, опыты в лабораториях необходимо было максимально приблизить к производству – металлургическим заводам и химической промышленности. Лично ректор готов был всецело поддержать такую практику, поднять преподавателей на уровень сотрудников научно-исследовательских институтов. Таким образом, сегодняшние ассистенты, старшие преподаватели химических кафедр через четыре-пять лет должны стать кандидатами наук, а кандидаты и доценты – докторами и профессорами. А пока на всем химическом факультете он сам, ректор – единственный профессор, читающий лекции по общей химии, своего рода «белая ворона»...

Цель, которую ректор поставил перед коллегами на своем факультете, к его огромному удовольствию, потихоньку, полегоньку стала осуществляться: в том же году, когда основался университет, было открыто три новых кафедры. Через три года он довел их количество до шести. Сам Евней Арыстанулы вел факультативные занятия по неорганической химии, заведовал новой кафедрой физической химии. Надо особо отметить одно обстоятельство: если во всех университетах Советского Союза кафедр квантовой химии было всего две, то одна из них была организована в КарГУ... Сам по себе этот красноречивый факт свидетельствует о том, что в новом университете была начата коренная реорганизация преподавания химии, чего, откровенно говоря, в других учебных заведениях практически еще не начинали. Нововведения производились с далеко идущими намерениями. В добрую традицию на факультете вошло приглашение молодых ученых-химиков из других вузов и НИИ, часто это делал сам ректор университета: так, из своего ХМИ Евней Арыстанулы пригласил несколько остепененных научных сотрудников, чтобы они совмещали практическую исследовательскую работу с

преподавательской деятельностью. Это были: М.З.Угорец (Марк Залманович до конца прошлого столетия работал профессором в КарГУ, фактически до переезда на историческую родину – в Израиль), В.Г.Шкодин, З.М.Молдахметов, В.П.Малышев, М.Л.Ли, а также ученые-металлурги второго поколения – А.Б.Баешов, Ш.Д.Досмаганбетов, М.Ш.Шарипов, С.И.Жамбеков. Видимо, под влиянием отца Акслу Евнейкызы тоже перевелась в КарГУ, она специализировалась по квантовой химии...

Надо отдать должное – упорный труд с утра до ночи, изо дня в день, из месяца в месяц, длившийся годами, все-таки дал результат: рождение и становление КарГУ стало реальным фактом действительности; и в этом была немалая заслуга беспокойного его ректора, сумевшего мобилизовать весь коллектив молодого университета на добрые дела... Его заслуги как руководителя и организатора, стоявшего у руля огромного учебного заведения, его созидательная деятельность были признаны всеми. Уже в 1972 году он был избран членом совета Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР. Это было высокое доверие, которого не удостаивался ни один ученый из Казахстана, кроме К.И.Сатпаева.

III

4 июля 1975 года газета «Лениншіл жас» опубликовала статью Евнея Букетова «Как дела, художественный перевод?» По признанию самого Е.Букетова, появление ее в печати было символичным: «После долгого молчания я вернулся к литературному творчеству, когда снова почувствовал, что появились свежие мысли, есть определенные идеи, которыми хотелось бы поделиться с читателями, выразить их художественно. А как это получилось, не мне судить...»

Между прочим, занятия литературой с юных лет для него были отдыхом души, своего рода страстью. Время от времени он писал стихи, переводил русских поэтов или записывал мысли о прочитанных книгах, свои жизненные наблюдения – все это позволяло как-то отвлечься от кабинетной рутины,

всяческих передряг. Свои творения он всегда писал от руки, четкими и красивыми буквами, добиваясь простоты и ясности, часто их переписывал, отшлифовывая каждую строку. Временами тулпар – крылатый пегас вдохновения возносил его к высотам поэзии. Например, так появился на свет оригинальный перевод «Анны Снегиной»...

«...Литература мне, ученому, дает почувствовать, если так можно выразиться, беспредельность человеческого разума. Передо мною распахиваются такие романтические дали, рождаются такие возвышенные и благородные устремления, что невольно обретаю крылья и пускаюсь в полет. Ну и еще: образованность без воспитанности – лишь грива скакуна, но не сам скакун. Воспитание чувства – от песен, литературы, живописи, от всего того, что составляет великолепное ощущение жизни. У поэтов и ученых в сущности одна задача – поиск красоты, совершенства. Все самое доброе и полезное на земле создается по законам красоты. И хочется всем этим делиться с окружающими, и поэтому я с душой занимаюсь литературой...» – делился сокровенными мыслями Евней Арыстанулы со своим другом, московским литератором Сергеем Исаковичем Никитиным.

В биобиблиографической справке Е.А.Букетова указано, что он был принят в 1971 году в члены Союза писателей СССР. Отметим и тот факт, что в это время у него не было собственных литературных произведений, хотя в общих сборниках или отдельными книгами издавались его переводы. Например, феерическая комедия «Клоп», поэма «Хорошо!» В.Маяковского. Между прочим, далеко не все, кто занимается переводами, становятся членами творческого союза. Значит, для Евнея Букетова было сделано исключение, возможно, учли и его ранние превосходные критические статьи...

В 1972 году исполнилось 50 лет со дня образования Союза ССР. Разумеется, это событие имело громадное политическое значение для всего человечества, и, конечно, идеологическая служба Компартии страны придала празднованию этого юбилея огромный размах: как-никак Советский Союз объединял более сотни наций, славу и мощь социалистической страны признал весь мир... Почему же не греметь литаврам, не быть

пышным торжествам, повсюду – «от Москвы до самых до окраин»?! Словом, сверху спустили указания о широкой пропаганде успехов всех народов, населяющих огромную страну...

В связи с этим главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Знамя» Вадим Кожевников, разыскав известного казахского писателя Габита Мусрепова, приехавшего в Москву на очередное заседание секретариата Союза писателей СССР, где он исполнял должность секретаря правления, попросил написать очерк об успехах Советского Казахстана за прошедшие пятьдесят лет... А Габит Махмудулы давно не писал такие заказные материалы, но, очевидно, желая помочь коллеге по литературному цеху, предложил обратиться к Евнею Букетову...

От заказа солидного московского журнала, выходившего в те годы тиражом в два миллиона экземпляров, Евней Арыстанулы не стал отказываться, ссылаясь на загруженность, хотя забот у него в связи с организацией КарГУ было по горло. Через несколько недель очерк был готов, он опубликован в восьмом номере журнала за 1972 год, под названием: «Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники».

Человеком, родившимся на верблюде, то есть во время откочевки казахского аула на джайляу, на летние пастбища был известный государственный и общественный деятель, долгие годы работавший министром здравоохранения Казахской ССР, член-корреспондент АН Казахстана и Медицинской академии СССР Ишанбай Каракулов. Автор очерка, взяв для завязки сюжета неординарное, но привычное для степняков событие, случившееся в 1909 году, далее повел неторопливый рассказ о жизненных вехах, перевалах и дорогах, пройденных Ишанбаем, сыном бедного пастуха. И было ясно, что биография широкоизвестного всем казахстанцам И.Каракулова – это и биография всей страны, путь, пройденный всем казахским народом за прошедшие 50 лет. Бывшим кочевым народом, ставшим равным среди равных в братской семье народов СССР.

Евней Арыстанулы, далее художественно обыгрывая в тексте аналогичные, экзотические ситуации, связанные с казах-

скими обычаями, переходит к другим известным людям, славными деяниями прославившим свой народ: это – ученый-историк, этнограф, путешественник Шокан Валиханов, первый просветитель и поэт Абай Кунанбаев, ставшие известными в советское время академики Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Габит Мусрепов, Алькей Маргулан, Абикен Бектуров, Найля Базанова... В очерке поименно названы десятки ученых, проявивших себя в разных отраслях науки, писателей и деятелей культуры. По мере углубления очерк приобретает все более яркую публицистическую страстность, на примерах из биографий лучших ученых казахского народа автор наглядно, убедительно показывает, как формировался передовой отряд казахской интеллигенции, элита нации, ее ум и совесть.

Публикация очерка в популярном журнале повсеместно вызвала горячие отклики. Все, кто прочитал его, восторженно отзывались об авторе, его мастерстве. Говорили, что он великолепно описал исторические события, выдающихся людей казахской степи, заодно современного индустриального Казахстана. Этой публикацией он еще раз наглядно показал своим соотечественникам, что он не только большой, одаренный ученый, глубоко разбирающийся в металлургии, но и еще талантливый литератор, у которого есть что сказать читателям. Интеллигенты, знавшие его много лет, гордились своим знакомством с вдумчивым, многообещающим писателем и известным ученым...

Евней Букетов все больше и больше пользовался в обществе популярностью, к нему наперебой обращались редакции газет и журналов, особенно накануне праздничных дат. Его статьи, интервью, очерки печатались в республиканских газетах – «Лениншіл жас», «Казахстанская правда», «Ленинская смена», «Социалистік Қазақстан», «Қазақ әдебиеті», в журналах «Жұлдыз», «Білім және еңбек» и в других. Орган ЦК КПСС – газета «Правда» – посвятила ему отдельный очерк.

Между тем, наиболее читающая и требовательная часть интеллигенции ждала от него более серьезных художественных произведений. Однако он сам не спешил публиковать свои

творения, даже готовые к изданию труды. Пролить свет на это обстоятельство мы, к сожалению, не можем. Что этому мешало – чувство ли высокой ответственности или желание довести вещь до совершенства? Что касается прогремевшего на всю страну очерка, то понятно: он был написан на русском языке, между тем как истинный казах Е.Букетов хотел, чтобы его произведения издавались и на родном языке...

И его чаяния сбылись: первая книга Евнея Букетова на казахском языке («Человек, родившийся на верблюде») была выпущена издательством «Жазушы» осенью 1975 года. В нее вошли шесть произведений писателя: известный читателям очерк; «Два великана поэзии» – очерк-исследование о поэзии А.Пушкина и В.Маяковского; критическая статья «О переводе произведений В.Маяковского на казахский язык»; совместно с К.Куандыковым опубликованный обзор «Звездная плеяда» – об известных деятелях казахского театрального искусства и о проблемах национальной драматургии; обзорный очерк о коллективе, в котором он сам работал, о перспективах роста второго университета в республике; и размышления ученого-педагога о молодых современниках...

Когда человек, как говорится, на коне, все ему удается. А когда ему не везет, то и на верблюде собака укусит. Евнею Букетову в этот период во всем сопутствовала удача. Первую книгу его, увидевшую свет на казахском языке, республиканское общество восприняло с явным одобрением... Республиканские, областные газеты откликнулись на нее благожелательными рецензиями, все они в один голос утверждали, что известный до этого своими критическими статьми, переводами ученый-металлург теперь блистнул в новом амплуа – как очеркист; это похвально и есть надежда, что этот успех он закрепит новыми произведениями...

Чтобы не заниматься голой беллетристикой, повторяя все сказанное печатно и устно по поводу первой книги Е.Букетова, приведем письмо главного ее героя – Ишанбая Каракулова, отправленное автору из Алматы 6 марта 1976 года, судя по содержанию, написанное на больничной койке. Письмо – на казахском языке, я перевел его, пропустив некоторые житейские подробности...

«Милый Ебеке!

Четыре года тому назад по мановению вашего чудного пера я как бы заново родился, притом вы заставили меня появиться на свет на горбу самого сильного, крупного, терпеливо переносящего все лишения, самого заметного издалека, как корабль в морской дали — славного верблюда. Многие с тех пор с завистью смотрят на меня. Что оставалось мне, я терпеливо выносил эти косые взгляды на меня...Конечно, родиться на верблюде — не такая уж невидаль, не такое уж приятное дело, тем более у нас вдоволь места в бескрайней степи. А я нисколько не обижаюсь на вас. Наоборот, горжусь, что родился не на земле, а чуть выше и ближе к Богу, при этом постоянно думаю: потому я такой сильный и выносливый, одинаково терплю и холод, и жару, как верблюд, размеренно шагающий по нашим степям. И горжусь, Ебеке, вашим замечательным талантом, кто, кроме вас, был способен возродить меня заново, достигшего почти семидесятилетнего возраста...

Вы заставили меня снова появиться на белый свет наверху сильного и крупного двугорбого животного — верблюда-атана. Тем самым вы снова вознесли меня...За что выражаю огромное спасибо! Однако, Ебеке, я боюсь другого, что вы, поднимая мой ранг еще выше, заставите меня возродиться на горбу более почетного, почитаемого казахами святого животного — верблюда-аруана**. Но вы хотя бы спросили бы меня, согласен ли я на такое перерождение, тем более, возраст мой скоро перевалит за черту седьмого десятка. Нет, Ебеке, я уже не хочу появляться на таком узком и неудобном месте, ведь аруана бывает и одногорбым. Лучше оставьте меня там, где я в последний раз родился. Для меня верблюд-атан — большая честь.*

Напоследок скажу честно, что читавшие ваш очерк при встречах, особенно на больших собраниях, приглашая меня к

---

* Кастрированный верблюд, способный нести тяжелые грузы во время кочевок. Автор письма тут иронизирует над тем, что книга Е.Букетова, первоначально названная «Человек, родившийся на верблюде», получила на казахском языке название «Атан қомында туған адам», буквально это значит: человек родился не просто на спине верблюда, а наверху верблюда-атана, приспособленного к дальним кочевкам.

** Верблюдица.

трибуне, уже не перечисляют мои ученые и другие регалии, а попросту говорят, что слово, мол, предоставляется необычному человеку, который родился на верблюде... Бывает еще хуже: давнишние знакомые, уважающие меня сверстники, если увидят издалека, пальцем указывают на меня: «вот идет человек, который родился выше всех нас от поверхности земли...» Короче говоря, Ебеке, из-за вашего чрезмерного восхваления в своем очерке я стал известным человеком. Но все же прошу вас, оставьте меня и мою покойную мать Аканай наверху того самого верблюда-атана. Нам этого достаточно, мы довольны этим!..

Я купил сразу 30 экземпляров вашей книги, как выйду из больницы, хочу раздать от вашего имени всем знакомым и друзьям. Если честно признаться, мне немного стыдно за то, что вы, уделив моей личности столько внимания, тем самым поставили меня в один ряд с нашими корифеями – Сатпаевым, Ауэзовым. Кто я по сравнению с ними? Разница ведь как между небом и землей. Они – вершины Гималаев, а я – маленькая сопка, на которую всяк может подняться...»

Вторая книга Евнея Букетова под названием «Грани творчества» на русском языке была опубликована алмаатинским издательством «Жалын» в 1977 году. Надо отдать должное издателям, они проявили завидную оперативность, скорее всего, спешили отдать дань моде – заполучить своим автором известного ученого-писателя, наверное, потому даже не считались с тем, что по содержанию эта книга повторяет ранее изданного «Человека, родившегося на верблюде»...

Факт сам по себе приятный и для автора, увидевшего свое выстраданное произведение изданным в виде книги – это всегда радость, и, конечно, она настраивает на новые литературные свершения.

По-видимому, результатом нового творческого подъема явилось исследование о преемственности в русской поэзии, о «героях своего времени» в произведениях А.Пушкина и В.Маяковского. Благоговевший перед гением А.Пушкина Е.Букетов отчетливо представлял, какую ответственность он берет на себя, пытаясь оценить его героя и сравнить его с героями

другого времени, отраженными в поэзии В.Маяковского. Сам Владимир Маяковский называл А.Пушкина в числе близких ему поэтов, и по сути перенял у него эстафету. Онегин – красив, благороден и полон возвышенных чувств, но обречен на бездействие – в этом его трагедия. В лирике же В.Маяковского мятущийся, страдающий «герой», наконец, находит себя, и отвергает отчужденность от происходящего вокруг, он настроен на обновление жизни, ему свойственна высокая гражданственность, пафос борьбы, созидания, глубочайшая вера в прекрасное будущее. Эта гуманистическая направленность и объединяет двух поэтов. Сопоставляя их «героев», Е.Букетов привел множество отрывков из поэтических произведений обоих поэтов, изложив это сначала на казахском языке, а потом и на русском под одним общим названием «Пушкин и Маяковский». Получился неплохой по сути и по объему научный трактат. Казахские издатели приняли новое исследование Букетова без помех, посчитав его оригинальным, во всяком случае, интересным. Трактат был опубликован в альманахе «Жалын», № 3 за 1974 год. А чуть позже, когда автор предложил этот же труд журналу «Простор», с которым сотрудничал давно и довольно часто, в редакции журнала нашлись люди, не согласившиеся со своеобразной концепцией Евнея Арыстанулы, объявившие исследование неприемлемым для издания.

Заведующий отделом критики Н.Ровенский 8 октября 1974 года отозвался вот таким коротким письмом: «Уважаемый товарищ Букетов! Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература. Ваша работа «Пушкин и Маяковский» не сообщает ничего нового, в литературном смысле она вторична. Публиковать ее не представляется целесообразным...»

Другой человек, скажем, даже из литературных кругов, возможно, сказал бы с досадой: «Ну, что же, восхваляющих титанов русской поэзии достаточно и без меня. Не хотят печатать, считая меня провинциальным критиком, ну и ладно, переживу как-нибудь...» – и на этом остановился бы. Нет, Букетов был другим человеком, ярым спорщиком, в научных спорах он стоял всегда до конца, если считал свои концепции верны-

ми. А в этом вопросе он сразу почувствовал пренебрежительное отношение к себе известного русского литературоведа. Наверное, писавшего не без задней мысли: «Какое вам дело, степнякам, до наших великих поэтов, вы только что сошли со своих верблюдов, и уже лезете со своими амбициями в литературные дебри, что вам вообще не по зубам, что вы можете открыть нового в их творчестве?» Ясно, самолюбивый Евней Букетов не мог молча стерпеть такое пренебрежение к себе, можно сказать, пощечину, и оставить письмо без ответа...

«Уважаемый товарищ Ровенский!

К сожалению, я не могу с Вами согласиться. «Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература» – это истина того же порядка, что и... « Волга впадает в Каспий». Я знаю эту истину (нужно ли этим гордиться?) и в своей статье пишу вовсе не об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина (хотя, думаю, что и эта тема пока не исчерпана). В данной работе, приводя самые известные места из поэзии Пушкина и Маяковского, я старался показать, что Маяковский являлся продолжением Пушкина, что их нельзя противопоставлять и что главный герой поэзии молодого Маяковского есть продолжение Онегина, продолжение плеяды лишних людей, характерных для дореволюционной русской общественной жизни и русской литературы. Мне показалось, что эта мысль нова, она мною давно лелеема, и я имел смелость ее представить на Ваш суд. Я полагал также, что эта связь, а также мысль, что даже Пушкин и Маяковский (а в нашей казахской поэзии, скажем, Абай и Сейфуллин) – ветви одного и того же могучего древа национальной поэзии...

Я не спорю, что эта мысль, да и сама статья, может оказаться несостоятельной. Но ведь необходимы доказательства, а не утверждения. Я – профессор, а Вы – известный литературовед и литературный критик, и мы хорошо знаем, как интерпретация одних и тех же фактов позволяет иногда находить связи, которые не улавливались до определенного времени. Это же зависит от диалектики мышления и от угла зрения, который выбирает исследователь. Иной, если он неглубок в диалек-

тике мышления, выбирает такой угол зрения, что дальше собственного носа не видит, а другой выбирает такой угол зрения, что, основываясь на одних и тех же фактах, видит связь явлений дальше и глубже. Если Ваше утверждение, что «работа... в литературном смысле вторична» относится к фактам, то, согласитесь, что подобное суждение опрометчиво...

Уважаемый товарищ Ровенский! Скажу прямо, мне не понравился тон Вашего письма. Если бы я не знал Вас лично... я бы мог подумать, что это – письмо молодого человека, случайно перескочившего потолок своей компетентности... Я хорошо знаю, что Вы по занимаемому положению и по уровню Ваших возможностей еще далеки от своего потолка компетентности и полагаю, что непозволительный тон Вашего письма есть не что иное, как... пленной мысли раздражение... ибо наша жизнь настолько стремительно урбанизируется и настолько полна стрессовых состояний, что любой из нас может оказаться временно в плену нежелательных эмоций. И почему-то думаю (может быть, нескромно? – но как нам, творческим работникам, жить без веры в собственное дело?), что статья «Пушкин и Маяковский» достойна более объективного обсуждения.

Уважаемый товарищ Ровенский! Я хорошо знаю Вас... знаю Ваше имя и отчество, но я нарочито выдерживаю заданный Вами тон, чтобы показать, насколько нежелательны черствость и казенщина в наших взаимоотношениях. Мир тесен, особенно когда люди работают в одной и той же республике, на одной и той же ниве науки и культуры, пути господни неисповедимы, неожиданно и часто перекрещиваются наши дороги и, ей богу, необходимо твердо сохранять доброжелательность всем нам друг к другу в нашем социалистическом общежитии.

С неизменным уважением к Вам Букетов».

Хлесткий тон ответного письма и занятая автором его принципиальная позиция не случайны. Со свойственным Евнею Арыстанулы мужеством он открыто и жестко выразил то, что у него накипело на душе, ответил зарвавшемуся критику с вызовом, сохраняя такт и достоинство – пусть не воображает, что он Бог и судья местных литераторов...

Чтобы понять и в полной мере оценить демарш Е.Букетова, надо знать нездоровую обстановку, сложившуюся в те годы в русскоязычных литературных кругах Алматы. Им свойственны были зазнайство и высокомерие, так как только благодаря переводам на русский язык лучшие казахские произведения становились известными в Союзе, а некоторые в дальнейшем и во всем мире. Справедливости ради, следует, однако, признать, что большинство русских литераторов, проживавших в Алматы, некоторые известные московские и ленинградские писатели-переводчики внесли немалую лепту в пропаганду казахской литературы за пределами Казахстана... Между прочим, в 60-70-е годы в самой Алматы появились мастера переводов, сумевшие адекватно донести до русскоязычного читателя лучшие творения второго, третьего поколения местных писателей и поэтов. Заполучить в качестве переводчиков таких профессионалов пера, как Алексей Белянинов, Юрий Домбровский, Морис Симашко, Юрий Герт... стало своеобразной проблемой. И тогда же в Алматы образовалась целая группа творчески активных литературных критиков, которые те же переводы расхваливали до небес или уничтожали на корню. А журнал «Простор», возглавлявшийся в те годы маститым русским писателем Иваном Петровичем Шуховым, был широко известен в Союзе (иногда читатели даже из Москвы и Ленинграда разыскивали этот журнал, чтобы прочитать острые вещи, которые не смели печатать московские издания из-за запрета цензуры).

Николай Степанович Ровенский долгие годы работал заведующим отделом критики этого журнала, как критик он был для нас недосягаем. Его хвалебные или уничтожающие рецензии на чьи-либо произведения на страницах «Простора» или в газете «Казахстанская правда» считались последним словом. С ним не спорили, старались быть в дружбе, особенно наши казахские литераторы. И он, человек по характеру мнительный, порой подверженный, как и все, человеческим слабостям, в те годы представлял себя вершителем судеб и чувствуя свое привилегированное положение, не будем скрывать, иной раз доходил до низости, требовал за услугу магарыч в

виде угощения... И вот этот столичный сноб, привыкший к заискиванию и угождению, получил отповедь, прямо-таки нагоняй от карагандинского ученого. Видимо, это подействовало на него отрезвляюще, как холодный душ и в дальнейшей переписке он стал мягче и деликатнее.

«Уважаемый Евней Арстанович!

Рад был получить Ваше умное, веселое и язвительное письмо. С удовольствием обращаюсь к Вам по имени-отчеству, которое узнал только из «Правды»... Боюсь, спор о Вашей статье в эпистолярной форме ни к чему не приведет, для установления истины необходима аудитория, которая могла бы определить степень убедительности аргументов полемизирующих сторон. А как ее соберешь, такую аудиторию?

Дорогой Евней Арстанович! Мы несколько раньше автора очерка в «Правде» знаем Вас как тонкого и точного критика, человека, любящего и понимающего литературу и искусство, их сложные и неисповедимые пути развития. Вы всегда хорошо чувствовали время в книгах, фильмах и спектаклях (не могу понять, что толкнуло Вас повернуть на скучные тропы академического литературоведения?!). Не согласитесь ли Вы отодвинуть наш неплодотворный спор на неопределенное время с тем, чтобы обратиться к вопросам более живым и актуальным. Сейчас у всех на устах – НТР. Не потому, что мода, а потому, что поджимает. Если Вы следите за выступлениями «Литгазеты», «Литобозрения» (посмотрите № 9 за этот год), Вам нетрудно вспомнить статьи, посвященные отражению НТР в литературе. Казахскую литературу Вы знаете не хуже иных профессионалов. Но Вы еще и большой ученый. Не смогли бы Вы написать статью, заметки, соображения о том, какое место занимает НТР в современной казахской литературе, и занимает ли, есть ли в ней правдивые образы ученых, инженеров, рабочих, есть ли в ней изображение современных промышленных предприятий, индустриальных коллективов. Такая статья насущно необходима. При Вашем умении писать остро, аргументированно, при Вашем научном авторитете статья могла оказать серьезное влияние на литпроцесс, освежить и динамизировать

его. Что Вы на это скажете? Не отбирайте хлеб у литературоведов, поскольку Вы имеете возможность предложить здоровую пищу писателям, родной литературе.

Искренне недоумеваю, что показалось Вам в моем ответе непозволительным, нежелательным, казенным и черствым. Ответ написан с учетом подготовленности адресата. Делить нам нечего и ссориться абсолютно не из-за чего. А мир, действительно, тесен.

Доброго здоровья и успешной работы над поименованной статьей (в последнем пожелании я, пожалуй, излишне самоуверен?) Ждем Вашего ответа.

Ровенский Н. 30 октября, 1974 г.»

На это письмо Евней Букетов ответил более пространно и так же неуступчиво. Николай Степанович тоже повторил свои аргументы. В общем, обе стороны стояли на своем, оба бесконечно доказывали свою правоту. Кто, в конце концов, оказался прав, мы узнали из письма, хранящегося в архиве Е.А. Букетова: «С тяжестью на душе вспоминаю Вашу статью о Маяковском (моем самом любимом поэте), которая мне с первого чтения понравилась, но... мы все-таки ее не напечатали. Грязную роль тут сыграл Ровенский – не понимаю только, с какой целью. В то время я не в силах был противостоять той ораве, которую он представлял...» – писал Евнею Арыстанулы 3 октября 1978 года новый главный редактор журнала «Простор», известный писатель В.И.Ларин.

Как видим, ученый-металлург, хотя и с некоторыми продолжительными перерывами в последние пятнадцать лет своей жизни (1969-1983 гг.), когда представлялась возможность, неизменно возвращался к литературе и, что мог создать, старался публиковать в печати. В биобиблиографической справке ученого мы насчитали более 80-ти литературных публикаций, в их числе – книги, эссе, статьи и очерки. В это же время он активно участвовал в общественной жизни республики, по просьбе местных редакций писал статьи, часто выходил в эфир, выступал по телевидению. Сейчас мало кто знает или помнит, что Евней Арыстанулы был ведущим и автором сценария до-

кументального телефильма «Южнее города Омска», снятого тележурналистами России и Казахстана, посвященного истории открытия, перспективам разработки гигантских угольных месторождений Караганды и Экибастуза, ускоренному развитию металлургической промышленности Центрального Казахстана?! А сколько научных трудов и статей он написал по химии и металлургии, бесконечно близким ему. Помимо этого с присущей ему неутомимостью он осуществлял научное руководство аспирантами и докторантами, выступал официальным оппонентом при защите диссертационных исследований. Никогда никому из своих подопечных Евней Арыстанулы не отказывал в помощи при подготовке к изданию научных трудов. При этом он не ограничивался беглым их просмотром, мол, ладно, и так сойдет, подписал – и с плеч долой. На полях рецензируемой книги или рукописи он оставлял свои замечания или пожелания, исправлял допущенные ошибки... И это не все: занимая высокую должность ректора университета, всегда до предела занятый лекциями, собраниями, заседаниями ученого совета, заваленный текущими делами многотысячного коллектива КарГУ, профессор и литератор Букетов никогда не отказывался от руководства дипломными работами студентов филологического и химического факультетов. Диву даешься, как он выкраивал время для занятий литературным творчеством?

Осенью 1979 года студенты филологического факультета пригласили ученого-литератора на встречу, заранее передав ему свои вопросы в письменном виде, на которые Евней Арыстанулы ответил подробно и искренне.

– Как вы стали писателем?

– Судьба, рок? Не будем манипулировать этими понятиями. Я, как и всякий, много читающий человек, в детстве пытался писать, переводить. В мои школьные годы был широко отмечен юбилей А.С.Пушкина, который оставил в моей памяти неизгладимый след. Мне удалось достать огромного формата его юбилейный однотомник. Ясно, что после я стал грешить стихами.

– Жалеете ли вы, что стали химиком-металлургом, ученым?

– Нет! Эта работа творческая, она позволила мне изнутри познать жизнь производства, заглянуть в тайны материи, строения веществ, плавки металлов и в конце концов стать ученым. Но первая любовь – любовь к поэзии, литературе осталась. В «Гранях творчества» я рассказал о далеком и близком мне учителе. В другом произведении «Время светлой судьбы» нашли воплощение мысли о развитии современной науки, о будущем Казахстана, путях развития моего народа.

– В чем особенности вашей творческой кухни?

– Не знаю, есть ли они. Прежде всего в том, чтобы держать себя в узде. Ежедневно с 6.00 до 8.00 – полных два часа работы. Я считаю это время наиболее плодотворным. Исписываю много, но окончательного текста получается не более одной страницы.

– И это все ваше время, которое отдано литературной деятельности?

– Конечно, нет. Этот процесс беспрерывен, он продолжается и во время прогулок или поездок. Поводом, сюжетом для очередного произведения может стать рассказ попутчика или разговор, беседа на тему злободневную, актуальную для общества. Если пишешь, нельзя не читать как современников, так и классиков. Перечитываю Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и других.

– Считаете ли вы себя дилетантом? Как вы относитесь к дилетантизму?

– Дилетант! Слово-то какое. А кого мы готовы окрестить так? Неужто это А.П.Чехов – врач по профессии и писатель по призванию, Л.Н.Толстой – недоучка в понимании чопорных ревнителей просвещения или А.М.Горький – все университеты которого состояли в скитаниях по Руси. И кого же из них назовем «дилетантом»? Вы читали прекрасные мемуары маршала Г.К.Жукова? Он мог бы написать второй роман «Война и мир», в 1941-1945 годах он организовал и провел не одно Бородинское сражение, материала у него больше, чем было у Л.Н.Толстого. И спасибо Жукову, что он не написал роман, а только мемуары (...) Тогда бы вы его тоже отнесли к разряду «дилетантов»?

Я не получил специального гуманитарного образования, но как писатель, как переводчик дилетантом себя не считаю. Уверен, что образованных бездарностей намного больше, чем плодовитых и вполне профессионально работающих людей без литературного образования. Последние вносят заметный вклад в науку, литературу. Это и С.Есенин – с его церковно-приходской школой, который по его по собственному признанию, по счастью, не поступил в учительский институт, и В.Маяковский, которого и до сих пор считают дилетантом...

IV

В начале 1975 года Евней Арыстанулы приблизился к полувековому своему возрасту. До этого он никогда не устраивал в дни рождения помпезные и шумные мероприятия. Когда приходили с поздравлениями братья, снохи, родственники, близкие друзья, он принимал всех за дастарханом, и на этом семейные торжества заканчивались. А сейчас, в преддверии по сути перевала в своей жизни ученый не знал, как поступить, колебался, нужно ли вообще устраивать шоу, чествование с обязательным приглашением гостей отовсюду? Не зная, что делать, он тянул с окончательным решением. Но близкие родственники, друзья постоянно напоминали, уговаривали его отметить эту дату... А он не очень-то жаловал юбилеи и чужие, и свои собственные.

Между тем, пока он пребывал в сомнениях, к 20-м числам марта начали поступать поздравительные письма и телеграммы со всех концов Союза.

«Дорогой Евней Арстанович! Сотрудники кафедры металлургии легких и редких металлов и проблемной лаборатории ЛГИ горячо поздравляют Вас со славным пятидесятилетием. Мы знаем Вас как блестящего ученого и организатора науки, создавшего школу, плодотворно работающую в различных областях химии и металлургии. Многие работы Вашей школы доведены до успешного промышленного внедрения и заслужили всеобщее признание. Ваша деятельность исключительно многогранна. Мы гордимся Вами – представителем метал-

лургов в Союзе писателей СССР. Желаем Вам крепкого здоровья, больших творческих успехов..» – телеграфировали коллеги из Ленинграда профессор Т.Н.Грейвер, М.Я.Остробород, В.М.Косовер, И.Г.Зайцева, А.М.Беленький.

Такие теплые поздравления от коллег, конечно, были очень приятны. Сюрпризом явилась неожиданная телеграмма, полученная по фототелеграфу из Москвы:

«Уважаемый Евней Арстанович!

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по казахской литературе поздравляют Вас с полувековым юбилеем. Мы, ваши коллеги по перу, знаем Вас не только как вдумчивого литературного критика и переводчика, страстного пропагандиста творений Владимира Маяковского и Сергея Есенина, но и как крупного ученого, внесшего большой вклад в развитие химико-металлургической науки Казахстана. Ваши деяния на этом поприще заслуженно отмечены Государственной премией СССР. Ваши художественные очерки «Человек, родившийся на верблюде», «В орбите кочевок», эссе о людях казахского театрального искусства сразу полюбились широкому кругу читателей. Дорогой Евней Арстанович, Вы, как лучший представитель технической интеллигенции, счастливо сочетающий в себе литературный талант с плодотворной научной деятельностью, безусловно, создадите еще много произведений о людях отечественной науки. Дорогой друг, от всей души желаем Вам доброго здоровья, новых свершений во имя расцвета науки и культуры нашей социалистической Родины.

Секретариат правления Союза писателей СССР»

Более сотни поздравлений хранится в архиве ученого. География поздравлений обширна – Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Баку, Казань, Фрунзе, Ташкент, Самарканд, Улан-Удэ и другие города нынешнего ближнего зарубежья. Разумеется, преобладающее число горячих поздравлений поступило из Алматы и из областей Казахстана, из сел и аулов, где знали Евнея Букетова лично, знали и уважали как большого ученого и замечательного человека. А некоторые близкие родственни-

ки с Северного Казахстана, земляки из Баганаты и других аулов с берегов Есиля, не ожидая приглашения, приехали, чтобы крепко по-родственному обнять юбиляра... Много друзей и доброжелателей прибыло из Алматы, Петропавловска, Павлодара и Чимкента. Среди них – бывший однокашник по институту, министр геологии Казахской ССР, академик Шахмардан Есенов, такой же закадычный друг со студенческих лет, известный ученый-филолог, писатель Зейнолла Кабдолов, поэт Какимбек Салыков из Жезказгана, коллеги, ученые-металлурги из бывшего КазГМИ... Возглавляла почетных гостей из Алматы семья Тажибаевых, хорошо знавшая юбиляра со студенческих лет. В актовом зале университета, где проводилось чествование Е.А.Букетова, выступил Абдильда Тажибаев, кстати, свои сердечные поздравления известный поэт позднее повторил в своей книге «Памятное»: «Я тогда сказал: «Евнейжан – оказывается, у тебя очень много друзей, значит, ты любим своими сверстниками. Кроме того, я знаю, что ты уважаем в народе, с радостью присоединяюсь к чествующим тебя! Многие твои сверстники ныне достигли пятидесятилетия, ты тоже подошел к этому возрасту, притом с гордой головой, с добрыми делами, свершениями на благо народа, оставайся же всегда таким!.. Теперь свои чувства к тебе выскажу стихами, которые по приезде в Караганду сочинил экспромтом: «Друзья, пятидесятилетний юбилей пусть каждый встретит, как Евней...». На твоем торжестве я познакомился со знатными учеными – химиками и геологами. Все они выступали с поздравлениями с этой трибуны: русские, украинцы, грузины, и стар, и млад... – подытожил свои поздравления Абдильда-ага, – и все говорили от чистого сердца, от души об Евнее, о моем горячо любимом брате, что он истинный ученый, друг, прекрасный товарищ, замечательный человек. Мне приятно было слышать эти слова о тебе, я горжусь тобой, Евнейжан! Оправдывай и впредь наше доверие и будь здоров!..»

Из воспоминаний Даляпраз Евнейкызы БУКЕТОВОЙ:

«В одно прекрасное лето, когда мне было 12 лет, отец взял отпуск на 10 дней, и мы поехали в его родной аул Баганаты на машине. Он давно обещал мне такую поездку, и это было здорово. Я хорошо запомнила ночевку в машине в каком-то попутном лесочке, горячий чай из термоса и неловкую заботливость отца. Он одерживал верх в научных баталиях, был невероятно остроумным собеседником, но не умел ухаживать за детьми.

...И вот, наконец, мы приехали. Я была разочарована. Оказалось, что родина отца — обычный казахский аул. А в его рассказах все было как-то по-другому. Потом я поняла, что это его чувства и переживания расцветили эти места всеми красками. Люди в ауле были плохо одеты. Но на столе всегда была сытная еда. У каждого дома был загон, в котором блеяли бараны и мычали коровы. Все тогда так жили: плохо одеты, зато сыты. А для отца, пережившего годы страшного голода, унесшего жизни близких, это было очень важно.

Но что действительно стоило внимания, на мой взгляд, это — березовая роща, речка и зеленые поляны между деревьями, где папа косил траву в юности, заготавливая сено к зиме. Отец сиял от счастья. Он гордо ходил по родным местам. Все его знали, любили и ждали. В ауле начался настоящий праздник. Зарезали кобылу и несколько баранов, устроили той на поляне. В огромных котлах варили плов и мясо, жарили баурсаки. Женщины наливали кумыс в большие пиалы всем желающим. Отец, естественно, сидел во главе дастархана, шутил, рассказывал о городской жизни. Заночевали мы в маленькой комнатке в доме папиного дяди, деда Маутая. Мне достался единственный топчан, а отцу постелили на полу. Он пошутил, что, мол, не всегда доведется увидеть академика на полу. И что, мол, избалованные городские девчонки никак не могут оценить прелести аульной жизни.

В то лето он учил меня ездить верхом на коне. К моей досаде, он выбрал самую смирную кобылу, и водил ее за собой, не отпуская поводьев, как я его ни упрашивала. А потом мы сидели у речки на поваленном стволе, отец был задумчив и грустен. Неподa-

леку загорелые мальчишки гарцевали на своих скакунах. Один из них помчался в нашу сторону и прямо перед нами поднял коня на дыбы. Отец встрепенулся и сказал, покачав головой, чтобы я все-таки хотя бы улыбнулась, потому что этот спектакль устроен явно не в честь академика, а для того, чтобы некоторые девчонки из города не очень-то задирали нос».

ГЛАВА
ДЕСЯТАЯ

НА ИЗВИЛИСТОЙ ТРОПЕ НЕ ПОСКОЛЬЗНИСЬ, СМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО, УВЕРЕННО ДЕРЖИСЬ

«Литература дает мне силу и энергию, чтобы заниматься научной работой. Если ученые не понимают музыку, литературу, они уподобляются птицам со сломанным крылом. Об ученом, не знающем литературу, не сказал бы, что он станет истинным ученым. Крупные ученые всегда были людьми высокой культуры, поклонниками литературы и искусства...»

Е.БУКЕТОВ,
«Лениншіл жас», 22 марта 1975 года

I

Диапазон интересов Е.А.Букетова, служебных и общественных обязанностей был огромен: с неослабевающим вниманием он следил за возведением университетского городка; формировал новые факультеты, тут же с ходу переводил на новую программу; обновлял и омолаживал преподавательский состав, строил новые планы – в общем, шагал вперед широко, без оглядки. По правде говоря, у него не было времени даже дух перевести, особенно в первые годы. Но все же жизненная закалка, полученная в Алматы, в стенах большого учебного заведения КазГМИ, а также двенадцатилетний опыт первого руководителя ХМИ помогли выдержать почти космические перегрузки. Помогло и то, что по всем вопросам, возникавшим ежедневно в процессе работы, ему оказывали постоянную поддержку и доверие руководители местных партийных и советских органов.

Однако все же были моменты, когда все валилось из рук, и всесильный, казалось бы, ректор не знал, к кому обратиться за помощью, попав в почти безвыходное положение...

Торежан ЖУНУСОВ, «ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ДУШИ»:

«Однажды Ебеке показал мне фотокопию с какой-то схемы. Сначала я не смог разобрать, что там такое, потому что весь текст был напечатан мелким шрифтом.

– Это произведение очень глупого человека, – пояснил Евней-ага. – Из-за таких глупцов наши казахи до сих пор делятся на роды, племена и жузы, постоянно враждуют, ставят под-

ножки друг другу. Если кто-то чего-то достигнет в жизни, смотрят на него с черной завистью. Если плохо кому-то, ничем не помогут, наоборот, столкнут в яму. Поэтому мы во многом отстали, позднее всех вступили на путь просвещения и не можем воспользоваться его плодами, до сих пор с умом не можем распорядиться щедрыми дарами нашей богатой природы. Вместо этого тратим свое драгоценное время на всякие споры, кляузы, подсиживания, из-за этого у нас нет согласия. И этот зловредный пережиток прошлого мы никак не можем изжить... — возмущенно продолжал Ебеке, наконец, я понял, почему мой научный наставник вдруг так расстроился, показывая мне злополучный листок.

Ебеке тут же открыл, что как только его утвердили на должность ректора университета, он получил эту генеалогическую родовую схему. Кто-то ее с пояснительной запиской, аккуратно отпечатанной на машинке, положил в его домашний почтовый ящик. В родовой схеме был показан его подрод и даже колено атыгайцев, из которого он произошел, затем были перечислены все руководители города и области, выходцы из казахов, по их родам, с примечаниями каких людей и чьих родственников они в основном опекают... Ясно, родовая схема была составлена и подброшена с целью воззвать к его родовым чувствам.

Излив все свое раздражения, Ебеке заключил, что надо кончать с делением народа на роды, жузы и выразил глубокое убеждение в том, что тот, кто думает достичь высоких чинов с помощью родовых и жузовых связей, в конце концов жестоко просчитается. К постам и званиям надо, особенно молодым людям, идти честным путем...»

О таких подводных камнях и течениях в общественно-политической жизни он даже не подозревал в годы работы в ХМИ. Но, увы, с такими грязными проявлениями пользучей кланови вости Евней Арыстанулы столкнулся с первых дней своего ректорства в университете: при любом удобном случае некоторые его помощники и почтенные люди в возрасте напоминали о родичах, просили о протекции.

– Ебеке, – урезонивали они его, – долго занимаясь чистой наукой, вы, оказывается, совсем оторвались от действительности. У вас должен быть надежный тыл, своих верных людей надо расставить на самых ключевых местах. И тогда ваше положение в университете намного облегчится.

Профессор Букетов поступил наперекор наказам своих «доброжелателей»: первым проректором назначил кандидата философских наук работавшую до него в пединституте Р.А. Клещеву; после нее эту весьма ответственную должность стал исполнять Николай Федорович Пивень, направленный на укрепление из Министерства высшего и среднего образования Казахской ССР; проректором вечернего и заочного отделения назначил историка, ветерана войны и труда, доцента Курмана Касымжанулы Ермагамбетова (он был, как говорят сослуживцы, воспитанным, учтивым, приятным человеком со спокойным характером, обязанности проректора Куреке с честью исполнял до последних дней, почти до кончины в 1982 году, и до конца оставался правой рукой ректора). А деканами восьми факультетов стали прежние люди, которые работали еще в пединституте, заведующие кафедрами также остались на своих местах. И лишь на вновь открытые 12 кафедр были приглашены ученые из других городов. Правда, бывшим руководителям пединститута, надеявшимся на высокие посты в университете, почему-то не были предложены имевшиеся вакансии. Но никто из них не остался без работы, тем не менее в лице их ректор нажил довольно многочисленную оппозицию против себя...

Камзабай БУКЕТОВ, «ДРУГ МОЙ, БРАТ МОЙ»:

«Обиженными оказались люди, занимавшие определенные руководящие посты в прежнем педагогическом институте. Они долго таили зло, а некоторые вредили, как могли. В том году был такой случай. Один молодой человек, наш земляк, окончивший медицинский институт, и дочь одного из бывших руководителей пединститута решили пожениться. Этот земляк попросил меня и еще нескольких близких людей пойти к ее родителям как свату. Когда мы появились, хозяева квартиры нас радушно при-

няли, помогли раздеться, провели в гостиную. Разговорились, стали знакомиться, и когда очередь дошла до меня и выяснилось, что я брат ректора университета, родители девушки, я заметил, изменились в лицах. Дальше разговор плохо клеился. Угостив традиционным чаем, хозяева проводили нас, пообещав, что свое решение о свадьбе объявят позже. Потом они категорически воспротивились, и этим молодым людям не суждено было соединить свои судьбы.

Причиной всему было одно: жених оказался земляком неуважаемого ими человека. Может быть, не так сложились бы их судьбы, не появись в качестве символического свата его родной брат, то есть я. Бывают же в жизни такие конфузы!..»

Быть заведующим кафедрой или деканом – очень хлопотно. Ведь им обоим вменяется организация учебного процесса, воспитательная работа среди студентов. В первые годы в КарГУ только на дневном отделении обучались около пяти тысяч студентов и надо было, чтобы все они не нарушали общественный порядок, соблюдали режим, не выпивали, не пропускали занятий и сдавали экзамены на зимних и летних сессиях – за всем этим должны были следить наставники...

В.А.БРЁННЕР, доктор технических наук, «ТАКИМ ОН БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ»:

«Он считал, что равноправие в получении знаний – основа нашего развития. Этой аксиомы он четко придерживался в своей деятельности на посту ректора. Мне приходилось неоднократно присутствовать при решении судьбы отдельных преподавателей и студентов, не отвечавших требованиям вуза. Звонки авторитетных лиц, национальный вопрос, запугивание, шантаж и другие воздействия не влияли на выработанную им линию на создание высококвалифицированного коллектива. Сколько такта и мужества проявлял при этом Евней Арстанович, но редко когда отходил от принципиальных позиций. И все это для него не прошло бесследно...»

«Бойся данайцев, дары приносящих» – говорили в древней Греции и неспроста. Благодетели, пытавшиеся залезть в душу ректора, были опасны. Подлинное свое обличье они показали на приеме первых же экзаменов в КарГУ. Для них период вступительных экзаменов оказался самым прибыльным сезоном года. Некоторые преподаватели, вошедшие в приемные комиссии, воспользовались представившимися возможностями пополнить свои кошельки выгодной торговлей: кто брал за положительную оценку, зачисление в вуз денежной купюрой, кто – зимним согымом*; словом, обирали родителей до нитки, как могли, этот месяц для них был всегда «урожайным».

Между прочим, мздоимство в вузах было поставлено на поток: какой-нибудь пронырливый и нечистоплотный городской делец собирал с родителей дань, обещая протолкнуть их чад, выпускников школ в любой вуз, набрав десяток подростков, он начинал торговаться с экзаменаторами... В результате были довольны все: как говорят в таких случаях, и овцы были целы и волки сыты; а явный кандидат на студента, имея неплохие знания, поскольку не сумел или не хотел «подмазать» экзаменатора или посредника – оставался с носом. Но тот «счастливчик» заваливал первую же сессию, бедные родители снова начинали бегать туда-сюда, чтобы отпетого лентяя и недоучку не выкинули из вуза. Опять на выручку приходили те же «спасатели», чтобы его вытянуть на экзамене хотя бы на жиденькую троечку. Для обеспокоенных родителей – это опять дополнительные расходы. Да и для экзаменатора был определенный риск, мог возникнуть каверзный вопрос: «Как же такой недотепа набрал высокий балл при поступлении?!..

Это продолжалось из года в год. А вечный «троечник» в конце концов получал заветный диплом об окончании вуза и возвращался в свой аул. Для того, чтобы он стал действительно стоящим специалистом, нужны были годы и годы жизненных университетов. Если он на беду детишек становился учителем, то ясно, не учил их, а калечил. Ведь сам учитель ничего не знал, а что он мог дать своим подопечным?

* Заготовка мяса на зиму, в основном из конины.

Евней Арыстанулы до прихода в университет понаслышке знал об этой «эпидемии», поразившей высшие учебные заведения. А теперь он в упор столкнулся со злоупотреблениями служебными обязанностями со стороны педагогов, с взяточничеством и жульничеством. Что делать, как бороться с этой напастью?

В объявлениях о приеме в КарГУ повсюду рекламировалось, что здесь в основном будут готовиться специалисты широкого профиля. И, конечно, жаждущих учиться в новом университете оказалось очень много: в среднем на одно место претендовали шесть абитурентов. На юридическом и экономическом факультетах – даже двадцать.

Евней Арыстанулы, обрадованный таким массовым наплывом желающих учиться, решил первый набор провести чисто и честно, без всяких закулисных хитростей, чтобы на первый курс в престижный вуз пришли действительно победившие в конкурсе. Поэтому ректор взял под свой контроль весь процесс приема: специально провел беседы с преподавателями, принимавшими вступительные экзамены; строго предупредил всех об их ответственности за честность и прозрачность приема, по каждому предмету назначил наблюдателей; кроме того, не допустил некоторых преподавателей к приему экзаменов...

...За месяц до начала экзаменов к ректору университета пришел пожилой преподаватель, который проработал в пединституте более двадцати лет, доцент гуманитарного факультета А.К. с жалобой на то, что его без объяснения причин отстранили от приема экзаменов.

– Вы принимали вступительные экзамены десять лет подряд, аксакал, – объяснил ректор. – Отдохните год, другой...

– Ебеке, вы сначала выслушайте мои аргументы. Студентов, которые завтра станут учителями, я должен отбирать сам. Это очень важно и принципиально. Молодые коллеги мои могут допустить ошибки...

– Партийное бюро университета приняло решение об ежегодном полном обновлении состава приемной комиссии. Это назрело, будет способствовать духовному очищению, оздоровлению коллектива преподавателей. Вы были долгие годы чле-

ном партбюро, как коммунист и заинтересованное лицо в поднятии имиджа нашего учебного заведения должны поддержать это решение.

– И поэтому, Ебеке, я специально пришел к вам. Я десять лет участвовал в приеме экзаменов, и меня вдруг отстранили, когда институт получил статус университета... Для меня это – наказание, получается, что ректорат мне не доверяет. А я – известный ученый, у меня немало наград и отличий...

– Если я вас включу в состав приемной комиссии, получится, что я не считаюсь с решением партбюро. В ваших же интересах отдохнуть от этих утомительных экзаменов, это мое окончательное слово...

– Ну, что ж, Ебеке, не обижайтесь, я этот вопрос доведу до вышестоящих партийных органов...

Ректор университета хорошо знал, что этот человек был известен в Караганде как большой скандалист. Бывших руководителей пединститута он своими бесконечными претензиями доводил до нервных срывов. Букетов понимал, отказав доценту А.К., заимел закаленного в склоках противника. Все же решил не уступать жалобщику, за ним ведь придут и другие...

Через неделю ему позвонил секретарь райкома партии:

– В вашем университете, Евней Арстанович, среди преподавательского состава не так уж много членов партии, а А.К. – известный активист, он всегда добросовестно выполняет задания райкома партии... Почему-то вы ему не доверяете? Непонятно. А мы ему верим на сто процентов!.. – сказал партийный вожак, открыто выразив свое недовольство самовольным решением ректора.

Ректор КарГУ тоже не остался в долгу:

– Товарищ секретарь, меня назначили руководить университетом, наделили определенными правами, наверное, не для того, чтобы я выслушивал несправедливые нагоняи от секретаря райкома. В конце концов, каких преподавателей поставить на приемные экзамены – это уж, извините, моя прерогатива. Я же не вмешиваюсь в ваши кадровые вопросы...

Через неделю ректора вызвали к заведующей отделом науки, образования и высших учебных заведений обкома партии.

Опять же был задан тот же вопрос: «Почему обижаете известного в области ученого? Вы что, не знаете его задиристый характер, для вас и для нас будет лучше, Ебеке, если бы вы с ним поладили...» – так примирительно началась там беседа.

С заведующей отделом, обаятельной женщиной, Евней Арыстанулы был в дружеских отношениях, она всегда говорила спокойно, мягко, и тем не менее добивалась своего. В служебных делах она помогала ему, поэтому Букетов не стал играть с ней в дипломатию, открыто изложил свою твердую позицию по существу конфликта.

– Знаете ли почему этот доцент, за которого заступаетесь, так рвется в группу экзаменаторов? – задал Букетов риторический вопрос и сам же на него ответил. – Если не знаете, я вам скажу, только в прошлом году он устроил в пединститут десять абитуриентов с юга. А почему он не тянет абитуриентов из наших районов, скажем, из Каркаралинского или Ульяновского районов, а постоянно предпочитает помогать выпускникам школ из Чимкента и Джамбула?.. Ведь он сам родом отсюда, стопроцентный карагандинец... На что я намекаю, вы, наверное, уже догадались? Тогда уж, извините меня, я этому доценту не только в этом, но и в следующем году не дам участвовать во вступительных экзаменах! И не только ему, но и всей спевшейся группе, всем, кто экзамены принимает по расчету и кумовству. Пусть они радуются, что еще пока сидят на своих теплых местах! Вообще, скажу вам, пора уже из высших учебных учреждений искоренить всех любителей брать «на лапу». Что мы хотим: дать молодым знания или превратить вузы в место торговли и обогащения алчных прихлебателей?! С этим злом, уважаемая, на сколько хватит сил, я буду бороться, если от вас будет поддержка...

– Боритесь, Ебеке. Лучше сразу, чем потом. Желаем вам успеха! – был ответ заведующей отделом обкома партии.

Как говорится, цыплят по осени считают. Все промахи августовского приема студентов в КарГУ вылезли наружу позднее: в ходе первой экзаменационной сессии из прошедших в вуз по конкурсу 625 студентов каждый пятый не смог сдать текущие экзамены; некоторые один и тот же предмет сдавали по

три раза и получали при этом неудовлетворительные оценки, часть из них к весне вовсе попрощалась с университетом. Кто виноват в случившемся?..

Этот вопрос Евней Арыстанулы поднимал не только на заседании ректората, но и на специально созванном по этому поводу партийном собрании с участием всех деканов и заведующих кафедрами. Пришлось поднимать с места всех преподавателей и ректорских контролеров, которые прошлым летом принимали вступительные экзамены. Но ни от кого ректор университета вразумительного ответа не получил. У всех были общие отговорки: что в высших учебных заведениях такие явления бывают часто, потому что уровень знаний, получаемых выпускниками в средних школах – весьма низкий, особенно в аульных и сельских школах; вузу остается поступивших слабых учеников доводить до среднего уровня, вообще будущих студентов надо готовить на подготовительных курсах, без этого, мол, не обойтись...

По убеждению ректора КарГУ, приемные экзамены были проведены нечестно, имели место кумовство, подачки, подарки. В результате в университет прошли слабые абитуриенты, которые в школах получили весьма посредственные знания, а наиболее сильные и лучшие претенденты не смогли пробиться в вуз, потому что им ставили явно заниженные оценки. Потому этих слабеньких придется переучивать по основным предметам заново...

Иногда он своих коллег нарочно спрашивал:

– Каким химиком вы меня считаете?

– Вы знали, конечно, химию на «отлично» и поэтому стали профессором...

Евнея Арыстанулы это всегда веселило:

– В аттестате зрелости у меня по химии четыре, а когда поступал в КазГМИ, кое-как получил тройку... – объяснял он далее смысл своего неожиданного вопроса. – Тайну этой науки я понял в годы учебы в институте с помощью прекрасных преподавателей по химии. Если сейчас я кое-что знаю по этому предмету, это – их заслуга и еще результат моего терпеливого труда, горячего стремления что-то знать и чего-то достичь... Не считайте это случайностью. В мои годы внимание

преподавателей к студенту и честность, добросовестность были несравнимы с нынешними. Поставить заведомо завышенную оценку студенту по чьей-либо просьбе тогда считалось позором, за такое предложение любой преподаватель мог оскорбиться. А в школах строгие, требовательные учителя оставляли недоучек-учеников на второй год – тогда это вовсе не считалось недопустимым, такая болезнь, как «процентомания» появилась только в 70-е годы, а завышать заведомо оценку, за это брать взятку – упаси боже, ни одному преподавателю высшего учебного заведения не только наяву, но и во сне такое не могло присниться...

Но как бы Евней Арыстанулы ни старался, проводя чистки, отстраняя замаранных преподавателей от работы, широко распространившиеся порочные тенденции – кумовство и поборы – за восемь лет своего ректорства так и не смог до конца искоренить. Разумеется, в какой-то степени умерил аппетиты наиболее наглых взяточников, теперь они чувствовали себя не так вольготно и безнаказанно, как до этого. Все же такие негативные факты, как поступление в КарГУ по знакомству или, как говорили, «по блату», и за вознаграждение имели место.

В воспоминаниях Камзабая Арыстанулы приводится такой случай:

«Люсе Тихой, соседской дочери, очень понравилась специальность эпидемиолога. После окончания десятилетки она подала документы в Карагандинский медицинский институт. Но не прошла по конкурсу, не хватило всего полбалла. После этого она сдавала еще пять раз. И всегда не хватало полбалла или одного балла. Жили они с Евнеем в одном подъезде. Отец ее, рядовой шахтер, проработавший на одной шахте около сорока лет, мама – счетный работник... После шестого раза Люся и мама со слезами на глазах шли к дому. Евней оказался во дворе. Увидев их расстроенные лица, он расспросил, в чем дело. Узнав подробности, успокоил их. На следующий день он пошел к ректору медицинского института и попросил поднять архив за пять лет. Оказалось, что действительно, Людмила Романовна Тихая шесть раз сдавала экзамены и, ни разу не провалив, не проходила

по конкурсу. Тогда Евней спросил своего коллегу: «Кого же мы будем учить, как не преданных избранному делу людей?» Люся Тихая была зачислена. Успешно закончив институт, работает сейчас в Актау, воспитывает сына, которого назвала Женей, думаю, не случайно....»

Евней Арыстанулы мечтал поднять на высокий уровень учебно-воспитательную работу в университете, и уже забрезжила надежда, что все его розовые мечты сбудутся. Уже спадало напряжение первых лет, легче дышалось, иногда даже хотелось петь.

Но в жизни не всегда бывают безоблачные, ясные дни. И в солнечный день налетают ветер и гроза. Его стремление делать добро постоянно отравляли явная ложь, ядовитая клевета коллег, и ему волей-неволей приходилось от них защищаться, как медведю от шавок. Не прекращались нападки обиженных на его действия людей, которых он лишил приварка к зарплате, и тех, кто претендовал на более высокую должность, не имея на это никаких данных – ни ученой степени, ни таланта, ни способностей, зато амбиций в них было с избытком. Они доносили о «грехах» крамольного ректора, грубо нарушающего, даже демонстративно попирающего принципы коллегиального руководства... Разумеется, эти жалобы писались с умом, били в уязвимые точки, так как авторы были в курсе всей университетской жизни и, конечно, напирали на недостатки и упущения, которые всегда случаются в любом коллективе. Но организаторы жалоб все валили на голову ректора и его ставленников, как указывалось в письмах, «на любимчиков ректора», которых «Букетов притащил из Алматы, чтобы с их помощью всех давить, угнетать и единолично властвовать». Ясно, все жалобы и доносы преследовали только одну цель: создать негативное мнение о нем; поэтому для ябедников хороши были все средства очернения известного ученого, человека с чистой совестью, которого невозможно было ни запугать, ни подкупить никакими подарками; капля за каплей вода и камень долбит, на это и надеялись противники Букетова, методично критикуя его действия и беспрерывно жалуясь,

подставляя подножки, распространяя всякие грязные сплетни о нем – они верили и знали, что когда-нибудь таким путем его свалят...

Между прочим, это был испытанный метод всех жалобщиков. Кляузничество, доносительство, внедренные в сознание людей партией коммунистов почти с первых дней своего правления, можно сказать, были хронической болезнью советского общества. Всем известно, что партийные органы брали на заметку любой донос, воспринимая его как критику снизу. Потому анонимщики распоясались вовсю. Ведь, не открывая своего имени, под грифом «Доброжелатель», «Активный коммунист», «Искатель правды», «Общественник», «Рабочий», «Колхозник»... можно было без риска для себя изрядно насолить, попортить кровь начальству, а то и свести счеты с кем угодно. Все анонимные письма с такими подписями отправлялись в райкомы, городские, областные, республиканские партийные комитеты, иной раз еще дальше – в Москву, в ЦК КПСС, в газету «Правда». Как правило, такие жалобы на действия ректора возвращались в университет, чтобы там, на месте разобрались, что к чему. Тяжбами занималось партбюро КарГУ под надзором райкома партии. Конечно, в действиях любого руководителя можно найти десятки ошибок, и в каждом коллективе бывают недовольные люди, от этого никто не застрахован. Тем более руководитель такого большого учебного заведения, как КарГУ, насчитывавшего более десяти тысяч преподавателей и студентов.

...Однажды Евней Арыстанулы пригласил к себе А.К.., того же доцента с гуманитарного факультета. Он вошел, вовсю улыбаясь, даже попытался по-братски обнять ректора, но хозяин кабинета уклонился от объятий и не очень приветливо предложил ему место перед собой. Когда он уселся, Букетов положил перед ним аккуратно отпечатанные на машинке семь-восемь страниц текста на казахском языке. Тот, бегло прочитав их, стал тут же возмущаться, всем своим видом показывая крайнее огорчение.

– Ебеке, кто же этот анонимщик? Кто бы ни был, это явная ложь, дело скандальное. И все, что здесь написано о вас –

вранье... Но как все складно сочинено. Ебеке, такой пасквиль нельзя оставить без последствий, надо найти автора и вывести его, отъявленного негодяя, на суд публики!..

– Говорите наказать? Можно и так... Ведь автор этой анонимки – вы сами, аксакал, вы доносили наверх обо мне и до этого. Неоднократно. Это ваша пятая жалоба за последние три года... И все они подшитые лежат в этой папке...

А.К. выразил наигранное удивление:

– Ебеке, если вы обо мне так думаете, то сильно ошибаетесь, я человек, привыкший открыто говорить обо всем, что меня не устраивает. Вы это знаете... Я о вашем стиле работы и недостатках не раз говорил с трибуны партийных собраний. А это, еще раз утверждаю, настоящая клевета на вас! Кто-то специально стравливает нас, немедленно попросите прощения за оскорбление чести и достоинства, если нет, то я вынужден буду обратиться в партбюро...

– Но, но, хватит, аксакал, играть в прятки... – Евней Арыстанулы достал из стола несколько страниц текста, это была статья того доцента, опубликованная в областной газете, небрежно бросил ему. – Это ваша статья?

А.К. свой собственный труд сразу же узнал.

– Моя.

– Теперь прочтите этот документ, – ректор университета положил перед ним отпечатанный листок, заверенный печатью и подписями. Это было официальное заключение научно-криминалистической лаборатории областного управления внутренних дел о том, что представленные руководством КарГУ пять «анонимок» и опубликованная статья в газете доцента А.К., отпечатаны на одной пишущей машинке, все в точности совпадает...

У А.К. не осталось доводов и возможностей отпираться. Он сразу пошел на попятную, признал свою вину. Стал говорить, что он очень сожалеет, просил прощения, клятвенно обещал, что больше никогда такое не повторится.

– Ваши обещания, аксакал, я уже от вас слышал много раз. Не верить вам имею полное основание... Ваши доносы меня доконали. Как увижу их – мне становится не по себе, честное

слово, стыдно за вас. Не в том дело, что мне тяжело перенести все это и отвечать на ваши кляузы, выдуманные вами, всю эту грязь, клевету я могу вовсе забыть и простить. Но я не за себя, а за вас, за наш народ переживаю, поймите меня правильно: мы ведь не молоды, оба перешагнули средний возраст, у нас есть научные звания и известность в обществе; и мы, солидные два казаха, не поделили что-то и ссоримся постоянно, нехорошо это, согласитесь, аксакал.... Теперь подумайте и скажите прямо сейчас: ваши новые и старые письма я взял у секретаря партбюро, а он намерен, приложив заключение экспертизы, обсудить ваше неприглядное поведение на общепартийном собрании университета. При обсуждении, конечно, коллектив разделится на две противоборствующие стороны: часть людей поддержит вас, думаю, большинство коммунистов будут заступаться за меня... Как бы то ни было, коллектив разделится на два лагеря, начнется перепалка. Самое обидное, пострадает наше общее дело – работа, которой мы с вами отдаем все силы. Для того, чтобы не было этого, я вам предлагаю: давайте расстанемся с миром. Потому что мир тесен, завтра же нам опять придется встречаться...

– Скажите, Ебеке, в чем конкретно заключается ваше предложение?

– Перед тем, как вас пригласить, я переговорил с ректором здешнего политехнического института Абылкасом Сагиновым. Высказал ему, как старшему, всю свою обиду на вас... – откровенно признался Евней Арыстанулы, кивком головы показывая на телефонный аппарат.– Абеке, человек мудрый и чуткий, я ведь, жалуясь на вас, просил у него совета. Он пожалел, видимо, и меня, и вас, короче, аксакал, он приглашает вас в свой институт... Перейдете туда доцентом, зарплата такая же, как у нас, никаких к вам претензий не будет, сохраняются все ваши регалии и звания. А дальнейшие ваши успехи целиком будут зависеть от вашего поведения. Я в этом деле вам не советчик...

– Я согласен, Ебеке, заявление вам сейчас писать? – Вынув из своей папки чистую бумагу, А.К. виновато улыбнулся: – Если два академика между собой решили мою судьбу, не

согласиться – с моей стороны будет глупо и вообще нетактично. Ебеке, то, что я перешел всякие границы и совсем запутался в своих действиях, я понял только сейчас. Честно говорю, вот сижу, стыдно мне. То, что вы, не помня зла, простили меня, я уже понял... – сказал он, подавая ректору свое заявление...

Люди всегда сопротивляются переменам. Инерция. Крутые меры, предпринятые Е.А.Букетовым по поднятию престижа и учебно-образовательного уровня Карагандинского госуниверситета не совсем пришлись по душе некоторым преподавателям, и, конечно, их противодействие не прекратилось с уходом одного доцента-кляузника. Сигналы «бдительных» анонимщиков наверх о якобы неуправляемом ректоре продолжались. Хотя ни один из них не подтверждался, тем не менее они рассматривались, что отнимало у ректора (не только у него, но и всего коллектива, в том числе и партбюро университета) много времени, необходимо было давать и письменные объяснения. Парадоксальным было то, что приходилось давать ответы неизвестному лицу, скрывавшемуся под вывеской «Честный коммунист». И, злясь на свою беспомощность, Евней Арыстанулы, иной раз пытался образумить чиновников вышестоящих органов, резко заявляя о том, что вообще пора прекратить вредную практику рассмотрения анонимок. «Если он человек честный и настоящий коммунист, пусть подписывается своим именем и фамилией, тогда уж я буду с ним разговоривать на равных правах и возможно сообща мы устраним те недостатки, о которых он сообщает в своих жалобах...» – писал ректор КарГУ.

Но, увы, противный обществу институт анонимщиков, как знаем, благополучно просуществовал почти до 90-годов прошлого столетия...

* * *

Как-то Евней Арыстанулы зашел в университет поздно вечером после собрания областного актива, чтобы взять свои бумаги, которые намеревался прочитать дома. Встретив в при-

емной миловидную казашку в годах, но еще не растерявшую былой красоты, одетую прилично, по-городскому, он кивком головы, ради приличия поздоровался с ней. Женщина обворожительно улыбнулась, блеск ее черных глаз Евнею кого-то напомнил, но он не стал разговаривать с незнакомкой, не задерживаясь в приемной, быстро прошел в свой кабинет.

Однако не успел разобрать нужные бумаги, следом вошла секретарь.

– Агай, эта женщина ждет вас. Пришла после обеда и не уходит... – несмело проговорила она. – Будто бы она вас хорошо знает. Но себя не называет...

– Ну, Сарочка, задачку мне задаешь... Я тоже будто бы где-то ее видел, только не могу вспомнить ни имени, ни города. Ладно, пригласи, сама представится.

Женщина вошла в кабинет раскованно. Быстро пройдя порядочное расстояние от двери до его стола, открыв в улыбке безукоризненно белые, красивые зубы, она подала ему руку, где на среднем пальце сверкнуло массивное золотое кольцо. Светские женщины первыми не подают руку мужчинам, с них достаточно кивка головы. А посетительница будто бы специально пренебрегла изящными манерами, в ее действиях был заметен преднамеренный вызов ему. Почувствовав ее вольность, ректор резко поднялся с места.

– Неужели не узнал меня, Евней, я удивлена! – проворковала она. – Наверное, виновата я, значит, уже годы взяли свое...

Голос ее был звонкий и знакомый Евнею до боли. Да и блеск ее черных глаз, все еще по-молодому жгучих, и кокетливая, мягкая улыбка вдруг пронзили его сердце. Он узнал ее. И быстрым движением отодвинув свое кресло в сторону, шагнул к ней навстречу.

– Бог ты мой, неужели ты, Карагоз, потерянная мною навсегда? Удивлен, не ждал, конечно, потому и не узнал. Сколько зим, сколько лет прошло с тех пор... Тридцать четыре, нет, тридцать три года, как мы не виделись. – Он все не выпускал ее пальцев из своих рук, говоря слова, что первыми пришли на ум, не отдавая отчета своим действиям, скорее подчиняясь порыву сердца, вдруг притянул ее к себе и заключил в объятия, сначала поцеловал в обе щеки, а потом осмелев, прильнул

к ее губам. Женщина вначале не отвечала взаимностью, но скоро и она поддалась охватившему ее чувству.

По сути это был счастливый миг встречи двух влюбленных, потерявших друг друга на дорогах жизни. О долгожданной этой встрече каждый из них грезил во сне и наяву, лелеял ее в своих мечтах, представляя по-разному. И вот она произошла в этот зимний вечер, и все былое как бы ожило. Встретились они, когда обоим уже было за пятьдесят, но в этот час они почувствовали себя снова молодыми, они с волнением вспоминали юные годы: маленький аул Баганаты, как с наступлением сумерек они в обнимку спускались с высокого обрыва к роднику, что бил внизу; и, взявшись за руки, долго гуляли среди берез; Евней вполголоса, проникновенно читал ей новые стихи, иногда и свои, посвященные ей, Карагоз. А потом полетели дни, месяцы, годы разлуки – она уехала в Алматы, училась в университете, а Евней остался учительствовать в сельских школах, чтобы спасти от нищеты своих братьев-сирот; и теперь только в письмах они говорили друг с другом, делясь в них своими пылкими и по-юному чистыми чувствами.

А теперь, они долго стояли, обнявшись и иступленно целуясь, будто бы им снова стало по семнадцать лет. В этот сладостный миг они забыли, что годы их осыпаются, как листья в саду золотой осени жизни. Вот так, не думая ни о чем, можно было стоять вечно. Но, увы!

Радость встречи прошла быстро, слишком быстро, как внезапно вспыхнувшее в ночи пламя и сразу погасшее. Они уселись в кресла, расположенные в углу кабинета. Евней, вызвав секретаря, заказал чай. Когда Сара занесла уже скипевший чайник с посудой, он сказал ей: «Можешь идти домой...»

– Ну, дорогая, рассказывай, откуда ты свалилась к нам, в Караганду? – неторопливо спросил Евней свою гостью. – Не буду тебя мучить долгими расспросами о том, куда ты пропала без вестей в тот год, когда я появился в Алматы. Не буду также рассказывать тебе, как я горевал, потеряв тебя, и как долго искал. Не буду и все. Все это пройдено, прожито и возврата к тому уже нет...И не будем друг друга винить. Договорились?.. Только я поведаю тебе об одном необыкновенном случае, произошедшем со мной, дорогая Карагоз: однажды пожилая

цыганка, поймав меня на улице, нагадала мне, что я, потерянную свою девушку обязательно встречу через долгие годы, когда у нее и у меня появятся на лице морщины и начнут седеть волосы, и тогда, сказала она мне, если я не буду мстить ей за доставленное мучение, прощу ее, то буду безмерно вознагражден и получу истинное удовольствие... Вот видишь, мы встретились, я никогда не верил всяким прорицателям, гадалкам и предсказателям судеб. А теперь начинаю верить, все получилось так, как эта цыганка наворожила... Ну, хватит об этом, слушаю тебя, красавица моя!..

– Что рассказывать, живу в Актюбинске. Там есть солидный пединститут, работаю старшим преподавателем на кафедре русского языка... О твоих успехах в науке и о том, что ты здесь, в университете за главного... прекрасно осведомлена. Ты многого добился, поздравляю от души!.. Кстати, что ты станешь известным человеком, я знала без предсказаний цыганки, у тебя были для этого задатки с молодых лет. О чем теперь жалеть, не суждено было нам жить под одной крышей, такое уж предначертание Аллаха. Впрочем, в этом есть и моя вина...

Евней, протестуя, замахал рукой.

– Судьбой своей я довольна. Живу в достатке. Тот фронтовик, из-за которого мне пришлось покинуть тебя, три года тому назад отошел в мир иной... Дети наши выросли, старшие уже живут отдельно, имею внуков. Как видишь, с семейной стороны я счастлива, можно сказать, нет проблем...

– Ну, что ж, Карагоз, я рад за тебя! Особенно за то, что ты счастлива с детьми, значит, ты, подобно ветвистому дереву, начинаешь обрастать большой семьей...

– Сегодня прилетела, прямо с аэропорта заехала сюда. В Караганде, кроме тебя, я никого не знаю, да и дело мое только к тебе, Евней... Секретарь твой оказалась на редкость добродушной девчонкой, спасибо ей, вдоволь напоила чаем. И вот тебя дождалась, значит, везучая. Я рада, что, наконец, с тобой встретилась!..

– Значит, тебе надо найти место на ночлег?

– К тебе домой напрашиваться не буду. Устрой меня в гостиницу, если туда трудно, найди мне койку на пару дней в общежитии университета...

Евней позвонил брату домой, трубку поднял сам хозяин.

– Камзабай, у меня сидит гостья, женщина издалека, наша общая знакомая. Ты должен знать ее, та самая наша красавица-кудаша*, след которой мы потеряли давным-давно. Теперь вот нашлась... Вспомнил?.. Тогда уж скажи Бикеше, чтобы ужин готовила. Про нее особо не распространяйся, может, она превратно понять... – Он говорил с братом по своей давней привычке в приказном тоне. И тот воспринял его деликатное поручение без возражений. – Через четверть часа я ее подвезу к дому, сам встречай...

Но гостья вдруг сказала с укоризной:

– Я, честно говоря, с братом твоим рада встретиться, но мне трудно предстать перед вашей матерью. Лучше я в гостиницу пойду, как-нибудь устроюсь до утра...

Евней положил ее теплые руки в свои и успокоил:

– Можешь не остерегаться, она давно лежит в сырой земле, рядом с нашим отцом...

– Разве? Прими мое соболезнование, пусть земля ей будет пухом...

– Чуть позже покажу тебе и свой очаг, Карагоз, будешь желанной гостьей. О наших юношеских шалостях супруга моя, кажется, информирована через моих ровесников из Баганаты. Но ты особо не стесняйся ее, она женщина добрая и понятливая, не будет ревновать, придираться к тебе... Ладно, не будем отвлекаться, меня уже занимает твой неожиданный приезд, что за этим кроется? Не зря ведь ты решила возобновить нашу связь спустя более тридцати лет. Значит, тебя привела ко мне какая-то нужда... Выкладывай, красавица, прямо сейчас.

Гостья, покраснев, опустила глаза.

– Если желаешь спать спокойно, расскажи сейчас. И мне тоже будет легче...

– Как твое здоровье, Евней? По лицу вижу, что тебе уже будто бы за шестьдесят, хотя знаю, что до этих лет тебе еще далеко... – начала гостья издалека. – Болеешь, что ли?..

– Не волнуйся, на красавицу вроде тебя, у меня еще сил хватит. Не забывай, что я прямой потомок батыра, непобедимо-

* Свояченица – сестра невесты брата.

го силача.. – заразительно, весело засмеялся хозяин кабинета. – Ты уж, Карагоз, не тяни, наверное, о своих детях беспокоишься?..

– Ты догадлив, спасибо, – согласилась женщина. – У меня единственный сын, младшенький, рожденный мною после трех дочерей, можно сказать, выпрошенный молитвами у Всевышнего... Парень он смышленый, не лишен здравого ума. Окончил неплохо среднюю школу, в аттестате у него нет вообще троек... В общем, желая стать ученым-химиком, как ты, сын мой два года подряд сдавал свои документы в КазГУ, на химический факультет, но, увы, постоянно не добирал нужного балла. По-моему, там ему не удастся добиться справедливости... Вот и приехала посоветоваться с тобой. Как мне быть? У него к лету уже будет два года рабочего стажа...

– Ты уже не хочешь отправлять парнишку в КазГУ в третий раз попытать свое счастье? Да и после школы он теперь кое-что подзабыл...

– В Алматы моему сыну отбили охоту поступать. Словом, я довольно долго раздумывала над этим, Евней. Ехать или не ехать, с какими глазами явлюсь к тебе, примешь ли меня?.. На днях решилась все-таки, как-никак мы старые друзья. Не помню, чьи слова, но смысл такой: «У кого большой размах – у того и тень надежнее для укрытия»...

– Это изречение принадлежит нашему мудрецу Абаю, правильно будет так: «У кого большой чин – к тому и за подмогой обратись...»

– Вот и я прошу тебя: будь опорой для моего сына. Я уже наслышана, что ты в основном подбираешь себе обездоленных, но талантливых молодых... Я также знаю, что к тебе идут со всех концов Казахстана и находят приют под твоей опекой. Сын мой – не совсем уж слабак, у него в школе был фанатически увлеченный химией учитель, он-то и пристрастил его к этой науке. Возьми его к себе в университет, понаблюдай за ним, на что он способен. Будет толк, оставь его при себе, под своим крылом, и мне будет спокойнее, Евней. Вот единственная просьба моя к тебе...

Вдруг требовательно и настойчиво зазвенел один из телефонных аппаратов, стоявших на журнальном столике. Пришлось поднять трубку.

– Сейчас, Зуке, минут через десять выхожу, – проговорил Евней и положил трубку. А потом с усмешкой на губах посмотрел на гостью, с трепетом ждавшую его ответа, и тихо заметил: – Звонок был от моей жены, беспокоится из-за моей задержки, кажется, догадывается, с кем я сижу в такой поздний час, у вас, женщин, тонкий нюх, никогда не обманешь... Ладно, Карагоз моя, если я способен делать добро – я готов, все сделаю так, как ты хочешь!.. Я благодарен судьбе, которая привела тебя ко мне за тридевять земель, считаю это подарком Всевышнего за долгие годы ожидания...

А.И.ПЕРЕВЕРТУН,
«Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ЗНАЛ БУКЕТОВА»:

«Женщины были неравнодушны к Евнею Арстановичу, – свидетельствует ученый, который дружил с ним и тридцать два года своей жизни провел вместе. – *Его деликатность, импозантность привлекали женщин. Они не понимали, что он однолюб. Хорошее отношение, легкость общения принимались за флирт, к чему он никогда не стремился. Были и нежные письма, и устные объяснения. Сколько они ему приносили неприятностей!..»*

II

Когда прощался с коллективом ХМИ, Евней Арыстанулы сказал своим коллегам:

– Все свои научные исследования я проводил вместе с вами, друзья. Поэтому я попросил, чтобы меня не разлучали со ставшим мне родным институтом... Словом, постараюсь не отрываться от вас, будем продолжать начатые исследования...

Через некоторое время он получил официальное разрешение, подписанное президентом Академии наук и министром образования Казахской ССР. В связи с этим у него появилась возможность хотя бы один день в неделю работать в своей лаборатории, всецело отдаваться любимой науке. Этим днем

была среда, по народному обычаю, самый удачный, благоприятный день недели.

Все восемь лет ректорства в КарГУ, как говорят очевидцы, Евней Арыстанулы каждую среду ждал с нетерпением. Устав от нескончаемых университетских дел, особенно от ежедневных утомительных заседаний, многочисленных, часто назойливых посетителей, постоянно просивших то квартиру, то должность, то творческий отпуск... словом, он, кое-как дождавшись среды, с раннего утра приходил в лабораторию редких и рассеянных элементов, заново укомплектованную в новом корпусе ХМИ, и сразу же подключался к делу. Его моментально окружали молодые исследователи, у которых накопилась к нему за неделю куча вопросов, да и самого руководителя переполняли свежие идеи, которые хотелось проверить на практике.

После обеденного перерыва ученый поднимался на второй этаж, где в просторном холле был установлен бильярд, купленный буквально в день переселения в новый корпус. В отдельном шкафу хранились личные кии Евнея Арыстанулы. Где-то шестым чувством или особым нюхом улавливал этот момент заядлый игрок Полукаров, он заранее поджидал ученого в вестибюле. Сражение шло с переменным успехом. По силе оба были равными игроками. Алексей Николаевич играл азартно, полностью отдаваясь игре (кстати, к бильярду он пристрастился здесь, когда окончательно завязал с «зеленым змием»). Проигрывать Алексей Николаевич не любил, но, разгорячившись, часто мазал, иногда посылал шары через борт. Евней Арыстанулы же держался хладнокровнее, бил расчетливее, точнее. Притом его выручали большой рост и длинные руки. Пользуясь своим преимуществом, он любой шар метко отправлял в лузу... Через час-другой ученый, хлопнув в ладоши, громогласно объявлял: «Хватит, пошли работать!»

И работа продолжалась до поздней ночи...

По признанию самого ученого, каждая среда, проведенная в кругу своих сослуживцев в ХМИ, давала такой же заряд энергии, бодрости, как отдых за городом, на природе, на берегу речки или степного озера. Здесь, в лаборатории, он отдыхал душой.

А воскресенье он отдавал домашним: играл с маленькими Букетовами, вывозил их по-прежнему за город, на озеро, раз-

лившееся вблизи университетского городка, на дне бывшего угольного карьера. Кстати, заполучив этот участок, он организовал там спортивную площадку для студентов, там был и пляж, и площадки для проведения водных соревнований...

* * *

Кузнец Баеш, коренной житель большого села Жанакорган, что в Кызылординской области, воспитал семерых детей. Средний сын Абдуали, закончив в 1964 году в городе Кентау среднюю школу с отличием, видимо, под влиянием старших братьев, которые здесь же преподавали химию, поступил в Чимкентский химико-технологический институт. Через пять лет он закончил это учебное заведение с красным дипломом. Интерес Абдуали Баешова к химии, кстати, проявился очень рано, будучи студентом третьего курса, он опубликовал статью в научном журнале, посвященную разгадке одной из проблем электрохимии. Несомненный, самобытный, природный талант студента был замечен его институтскими наставниками-химиками Равилем Вахидовым и Муратом Журиновым. Они намеревались способного молодого человека оставить в аспирантуре. Но не тут-то было. Ректор Чимкентского ХТИ смотрел на парня из далекого аула, сына рядового кузнеца по-другому, как на выскочку, которому не место в аспирантуре. Это привилегия белой кости, считал он, и отдал то место отпрыску одного из руководителей области, который учился весьма посредственно. А Абдуали Баешова, пришедшего к нему с обидой, с ходу обругал: «В аспирантуре тебе нечего делать, иди на производство!..» – и выставил из кабинета.

Прошел год.

Баешов, попав по направлению на Петропавловский машиностроительный завод, работал рядовым аналитиком в химлаборатории. Он уже привык к своему положению серого, незаметного, никому не нужного среднего специалиста. Но вдруг получил от своего институтского наставника, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР Р.С.Вахидова вот такое, взбудоражившее его письмо: «Дорогой мой Абдуали, оказывается, в этом мире изредка бывает и справедливость,

нашелся один человек из твоих казахов, который заинтересовался тобой. Найди время и съезди в Караганду. Там живет крупный ученый Евней Букетов, своим внешним видом он напоминает нашего башкирского легендарного богатыря Урала, и научный размах у него, можно сказать, поистине богатырский. Я недавно ему рассказал о твоих склонностях и способностях, и он сразу проникся к тебе сочувствием, как человек милосердный, да пошлет ему Аллах крепкое здоровье и удачу!.. Он твердо сказал мне: «Я ценю талантливых людей и ищу их повсюду... Отправьте ко мне вашего подающего надежды ученика, посмотрим, на что он годен...». Милый Абдуали, прошу тебя, съезди в Караганду, не сомневаюсь,что ты своих наставников не подведешь...»

Молодой специалист, получив письмо, уже не мог, как это было изо дня в день, делать скучные, однообразные анализы. Наскоро собравшись, отправился в путь.

– Пассажирский поезд, в который я сел, прибыл в Караганду поздно вечером. Знакомых в городе не было. В гостиницах висели характерные для тех лет вывески: «Мест нет». Пришлось переночевать в зале ожидания на вокзале. Как назло, следующий день оказался воскресеньем. Что делать, проведя еще сутки на вокзале, утром с горем пополам добрался до приемной директора ХМИ... – Об этих своих злоключениях Абдуали Баешов рассказывал автору этих строк в апреле 2004 года при встрече в Алматы. – Все так и получилось, как писал Равиль Самиевич. После непродолжительного разговора, Евней Арыстанулы распорядился: «Пиши заявление!». Вначале принял рядовым инженером, а через некоторое время я поступил в аспирантуру при институте...

Абдуали БАЕШОВ,
«НАШ НАСТАВНИК – ЛИДЕР ЭЛЕКТРОХИМИИ»:

«Несмотря на свою занятость административными и другими делами, Евней Арстанович всегда находил время для того, чтобы проконсультировать нас, молодых. Мы всегда восхищались тем, что он умел выкроить час-другой для беседы со всеми научными сотрудниками... Если нам не удавалось по какой-нибудь ува-

жительной причине встретиться с ним на работе, мы в любое время дня и ночи, когда он был свободен, могли к нему прийти домой. Дома встречала нас с доброй улыбкой его супруга, уважаемая Зубайра Дуйсеновна, которая хорошо знала не только в лицо, но даже по имени всех учеников Евнея Арстановича.

Наши научные рукописи никогда не залеживались у Евнея Арстановича. Стоило их ему отдать, он удивительно быстро их прочитывал, вносил поправки и делал замечания. Работал он очень много. Для беседы по научной работе он мог вызвать нас и в 7-8 часов утра, и в 10-11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье, когда, казалось бы, он должен был отдыхать. Он искренне радовался каждому авторскому свидетельству, полученному нами, каждой опубликованной статье своего ученика, зная, что это результат и признание большого труда, и каждый раз поощрял нас даже подарками, вдохновляя на новые дела.

...Одной из характерных черт Ебеке была справедливость. Мне запомнился один случай, который произошел в 1972 году. Мы обсуждали с ним результаты моих экспериментов. Как-то незаметно возник научный спор. По своей молодости и неопытности, наверное, я был слишком уверен в своей правоте, словом, я упорно отстаивал свою точку зрения и, конечно, обидел его. Только на следующий день я, поняв свою ошибку, пришел снова к нему, домой, попросил извинения. Выслушав меня, Евней Арстанович сказал: «Ты вообще молодец, что сам разобрался, более того, не побоялся спорить со мной, научным руководителем, отстаивать свою точку зрения. Помни, что в научном споре все равны, только в споре рождается истина, не надо бояться ни титулов, ни регалий». Затем добавил: не ошибается тот, кто не работает и не думает...»

Абдуали Баешов не заставил краснеть за себя своих наставников из Чимкента и Караганды, доказал, что он чего-то стоит. Более двадцати лет проработав в ХМИ, он заслужил всеобщее признание как ученый-электрохимик. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1977 году, а через четырнадцать лет – докторскую. Много лет заведовал химлабораторией этого НИИ, заодно вел курс общей химии в КарГУ. В своих воспоминаниях

о Е.А.Букетове профессор Абдуали Баешулы в знак большого уважения и истинной привязанности к своему покровителю многие свои научные достижения, большие и малые, связывает с именем Евнея Арыстанулы, как бы выполняя свой человеческий долг перед ним. «Только благодаря Е.А.Букетову, его железной воле и необыкновенной пробивной силе, – пишет он, – многие наши идеи были своевременно внедрены в производство». А таких новшеств мы насчитали только за годы руководства А.Б.Баешова химлабораторией ХМИ – 15. Одно из них стало полезным ноу-хау для Джамбулского новофосфорного завода. Кстати, оно зарегистрировано в Госкомитете по новой технике СССР, как «Метод Букетова-Баешова по определению фосфора в фосфорном шламе».

Напоследок расскажем еще об одном весьма интересном новшестве любимого ученика Евнея Букетова. Известно, что титан – тугоплавкий металл, температура плавления его 1725 градусов, только на 3227 градусе он доходит до точки кипения. Как легкий и очень твердый металл он вводится в специальные сплавы, предназначенные для космических кораблей, они используются также в аппаратах, применяемых в агрессивной среде (например, морской). Короче, иметь дело с титаном весьма хлопотно.

И вот супруги Баешовы – Ажар Коспанкызы и Абдуали Баешулы, оба профессора-химики, после десятилетних изнурительных экспериментов запатентовали свой ноу-хау: тугоплавкий и считавшийся до XXI века нерастворимым в кислотах, даже в так называемой «царской водке»* титан растворили в специальном растворе температурой ниже 100 градусов... А это уже вносит принципиальные изменения в технологию его извлечения из руд.

Ажар Коспанкызы была уроженкой аула Баганаты, родины ученого, к тому же она вышла из семьи одного из многочисленных потомков известного читателю Алыпкаша баты-

* Смесь концентрированных кислот – соляной и азотной (3:1 по объему), жидкость желтого цвета, растворяет все металлы, в том числе и золото. Отсюда и название «царская водка», данное алхимиками, которые считали золото «царем металлов».

ра. Она окончила Городецкую среднюю школу с золотой медалью, в которой в годы войны работал учителем молодой Евней Букетов. В 1974 году, закончив химический факультет КазГУ с красным дипломом, она была направлена на преподавательскую работу в КарГУ.

Здесь она попала в поле зрения Евнея Арыстанулы, просмотрев ее аттестат зрелости и приложение к диплому, где стояли одни лишь пятерки, он сказал: «Дорогая Ажарка, тебе надо учиться дальше, подавай заявление в нашу аспирантуру». Ажар прислушалась к пожеланию старшего, она успешно защитила кандидатскую диссертацию, а когда не стало покровителя, и докторскую. Начиная с 1974 года, она опубликовала по проблемам химии 230 научных и учебно-методических трудов (из них 12 с участием своего научного руководителя Е.А.Букетова).

В 2003 году супруги Баешовы за заслуги в науке и образовании удостоены Государственной премии Республики Казахстан. В разгар реформ и новых веяний в независимом Казахстане они внесли весомую лепту в организацию и становление Казахско-Турецкого университета в г. Туркестане. В настоящее время оба работают в Алматы, в НИИ химии и органического синтеза при АН РК. Между прочим, на научную стезю вступили и их дети... Три года назад республиканские газеты по поводу вручения супругам-химикам престижной Госпремии РК писали: «Баешовы повторили научный подвиг четы Кюри-Склодовской – Пьера и Марии, всемирно известных французских физиков, лауреатов Нобелевской премии, открывших явление радиоактивности, полоний и радий... – Газетчики выражали горячую надежду, – «что и наши химики-супруги еще порадуют нас новыми открытиями...» Конечно, такие панегирики газет ко многому обязывают. Пусть же им и впредь сопутствует удача!..

* * *

Поднимая и расширяя университет, академик Букетов ни на минуту не забывал и о своем ХМИ, питомцы которого все увереннее заявляли о себе на производственных объектах

Центрального Казахстана. Между тем, бюджетных ассигнований в то время на ХМИ отпускалось намного меньше, чем на университет, что ощутимо сказывалось на подготовке квалифицированных специалистов. Университет для ученых был предпочтительнее. Евней Арыстанулы приглашал в университет специалистов с научными степенями из ведущих вузов страны, не жалея денег на переезд, притом вне очереди обеспечивал их жильем (надо сказать, острый квартирный вопрос ректор постоянно использовал как главный козырь в таких делах). Конечно, не всегда удавалось пополнить ряды преподавателей такими подготовленными людьми. Тогда ректор изыскивал другие резервы. Одним из них было приглашение своих остепененных, с научными званиями питомцев из ХМИ... Это позволило значительно укрепить преподавательский состав химического факультета университета. Между прочим, именно в университете вновь принятые приступили к первым исследованиям, показав пример своим коллегам. Они там же основали лабораторию «Технологии халькогенов и халькогенидов». Первым ее заведующим был кандидат технических наук Б.К.Жакибаев (кстати, мой однокашник по КазГМИ), способный, перспективный ученик Евнея Арыстанулы. Он быстро наладил тесный контакт с крупными комбинатами, такими как Жезказганский ГОК, Уралэлектромедь, Центрказгеология, Балхашмедь, подключил к выполнению их заказов коллективы НИИ Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири и Средней Азии и начал в широком масштабе комплексные исследования по халькогенам.

Балтабай Жакибаев с молодых лет отличался среди своих сверстников деловитостью, гибкостью, мог, как говорится, в любую щель пролезть, иногда, правда, зарывался, брал на себя лишнее. Но тут, под руководством строгого руководителя, хорошо знавшего его замашки, его сильные и слабые стороны, он по-настоящему развернул исследовательскую работу в своей лаборатории. В первый же год здесь были разработаны методы более полного использования сырья борофосфата на производстве, дополнительного извлечения редких металлов из заводских шламов, переработки некоторых руд с небогатым

содержанием металлов. Под руководством заведующего кафедрой органической химии А.В.Казанцева в лаборатории из соединений фосфора и азота были получены активные биологические вещества и на их основе налажен выпуск новых видов лекарств. Кафедра коллоидной химии и экологии под руководством М.И.Жамбекова занялась оздоровлением условий труда и профилактикой производственных заболеваний на Карметкомбинате, в объединении Карагандаэнерго, в тресте Экибастузуголь и новом ГОК в Жайреме.

Ясно, творческий союз с производственниками оказался для преподавателей химического факультета полезен в научном и материальном плане и послужил примером для других факультетов.

* * *

Студент химического факультета Сергазы Адекенов стал первым обладателем Ленинской стипендии в университете и получал ее три года подряд до окончания. В 1978 году он успешно окончил КарГУ с отличием. Его сверстники, да и он сам ожидали, что отличнику учебы, молодому выпускнику университета откроется зеленая улица в аспирантуру Москвы или Алматы...

А у Евнея Арыстанулы было правило: обязательно и обстоятельно побеседовать с одаренными юношами наедине, чтобы узнать, чем они дышат.

– Сергазы батыр, вижу, ты торопишься стать сразу аспирантом... – заметил ректор университета. – А не лучше ли тебе сначала потянуть лямку лаборанта в нашем ХМИ. Ведь все теоретические знания, которые ты получил за пять лет учебы, а их у тебя в голове уже предостаточно, надо закрепить на практике. Если ты так поступишь, тебя потом уже на мякине не проведешь, будешь знать все тонкости будущей научной работы. А я или другой преподаватель за тебя думать не будем и выбирать тему для диссертации не станем. Лучше и вернее будет, чтобы ты сам натолкнулся на эту тему. Это, во-первых... – выдержав паузу, Евней Арыстанулы по своей неиз-

менной привычке начал говорить и дальше просто, по-мужски. – Я знаю, что ты старший в многодетной семье, у тебя еще пятеро братьев и сестер. А с отцом твоим, Мынжасаром, я знаком, он у тебя с головой на плечах, работая директором крупного совхоза, сумел защитить кандидатскую диссертацию. Это редкий случай среди нас, казахов, ведь многие из наших братьев изо всех сил стараются удержаться за свои кресла бастыков, а он потянулся к науке... Так вот к чему я завел этот разговор. Я думаю, твои родители, люди сознательные и образованные, с пониманием отнесутся к твоему выбору. Пойдешь в ХМИ – не пожалеешь, там тебе откроется прямой путь в науку. Используй эту возможность, айналайын*, даже с женитьбой пока повремени... У семейного человека, Сергазы батыр, возникает множество житейских проблем – это закон жизни. Так что, дорогой, мой второй совет: сначала найди свое место в науке, я верю: у тебя – большое будущее!..

Сергазы Адекенов в то же лето стал лаборантом в ХМИ. В следующем году уже исполнял обязанности инженера, а потом работал младшим научным сотрудником...

В конце благодатного августа и в первых числах сентября 1980 года, когда все травы в степи высыхают, в окрестностях Каркаралы, Егинды-Булака и на Абралинской стороне широкой долины, на холмистых предгорьях можно было увидеть бродивших молодых людей с мешками за плечами, временами они останавливались и своими маленькими лопатками выкапывали полынь и другие травы с корнями. Кто встречал их за таким занятием, удивленно спрашивали:

– Эй, джигиты, вы что не могли найти этой дрянной полыни в окрестностях Караганды?

Какой казах пройдет мимо без расспроса, каждого встречного съедало любопытство. Все встречные дотошно расспрашивали странных путников: кто они, откуда родом? И когда узнавали, что один из них – синеглазый, миловидный паренек – сын знатного человека этих мест, лет десять тому назад работавшего в этих двух районах первым секретарем райкома, а в другом – председателем райисполкома Мынжасара Адекено-

* Милый.

ва, его первенец – Сергазы, недоумевали еще больше и настойчиво приглашали их погостить в своем ауле и как следует отдохнуть. Даже, потешаясь, говорили, что этой полыни и других трав, которые они выискивают целыми днями так рьяно в безлюдной степи, во дворах у них навалом. Но, увы, молодые люди отказывались, продолжали свои нехитрые поиски, все дальше и дальше углубляясь в бескрайнюю степь...

Эти сборы степных трав под предводительством Сергазы Адекенова (он уже стал руководителем научной группы в ХМИ) продолжались в течение семнадцати лет. Старожилы этих мест уже привыкли к непонятным действиям ученых и даже старались им помочь верховыми лошадьми. Некоторые так и не могли угомониться: «Эй, Сергазы, что это за наука дергать траву, чему тебя учили в университете пять лет? – вопрошали они и с досадой добавляли. – Будет ли толк и польза от этого?..»

Между тем, охотники за растениями, не страшась усталости, в жару и непогоду упорно продвигались вперед, преодолевая степные овраги и речки, карабкаясь по обрывам и кручам гор. Собираемые образцы растений были им нужны для исследования их химических свойств. На основе полыни (жусана – по-казахски) и других трав богатой флоры казахской степи позднее стали создаваться лекарственные препараты. Исследователи также ставили перед собой задачу – определить масштабы вредного воздействия на природу минеральных удобрений и ядохимикатов, применяемых для уничтожения сорняков и насекомых на полях. В результате долгих и изнурительных исследований в лаборатории фитохимии* в ХМИ с учетом опыта народных целителей и последних достижений науки были синтезированы лекарства, не имеющие аналогов в мировой медицине, а также ряд препаратов сельскохозяйственного назначения.

Перспективность нового направления в науке к 90-годам прошлого столетия стала очевидной, и руководство АН Казахской ССР пошло в связи с этим на создание самостоятельно-

* От греческого слова: phyton – растение, отрасль науки, занимающаяся химическим воздействием на растения с определенной научной целью.

го научно-исследовательского института Фитохимии. Сергазы Мынжасарулы Адекенов по праву первопроходца этого направления науки в Казахстане стал его директором. Возглавив институт, он сгруппировал вокруг себя настоящих единомышленников, истинных фанатов, верящих в чудодейственную силу фитохимии, во все возрастающую ее роль в обеспечении здоровья и долголетия народа. Их усилия принесли ощутимые плоды. За годы неустанных поисков коллективом института из растущих в степи 150 видов растений получено 205 лекарственных препаратов (из них 42 – новых, до этого не известных врачам), помимо этого в распоряжение казахстанских провизоров поступило 360 соединений, из которых можно было создать новые лекарства.

Лично С.М.Адекенов за эти годы опубликовал более 800 научных трудов, получил 71 патент за свои новшества. Он является автором известного в мире «Арглабина», ставшего одним из эффективных средств при лечении некоторых видов онкозаболеваний (это лекарство сейчас применяется для лечения в таких странах, как США, Великобритания, Япония, Швейцария, Франция, Австрия, Италия, Нидерланды, Швеция, Германия, Пакистан, Китай, Индия, Турция, Россия, Узбекистан и Кыргызстан). Кстати, потребность в «Арглабине» растет из года в год, притом заказы уже измеряются миллионами ампул, десятками миллионов таблеток. В этом же институте созданы также эффективные средства, применяющиеся для быстрого заживления открытых ран – «Биалм» и «Калиор», оригинальный препарат «Цепсеудин» и другие...

С крушением СССР ушел в небытие прежний приток субсидий науке. В условиях внезапно провозглашенной рыночной экономики, все НИИ РК и стран СНГ как бы повисли в воздухе, никому не было до них дела, поэтому многие институты самораспустились, другие сидели без средств существования. Перестройка, как говорили тогда острословы, заставила затянуть пояса потуже. И тогда Сергазы Адекенов, обсудив со своими коллегами катастрофическое положение, в которое они попали, в начале 1995 года предложил руководству Национальной АН РК перевести институт фитохимии на самофинанси-

рование. Это был довольно смелый, одновременно рискованный шаг. Но весь расчет строился на том, что препараты, созданные в институте, должны окупить расходы на содержание НИИ. Оставалось поставить выпуск лекарств на поток...

Ученые института фитохимии просчитали все варианты, учли все свои возможности и силы, даже то, что основные виды диких растений, как основного сырья для производства, придется выращивать на собственных плантациях. Детально разработанный бизнес-проект был представлен в НАН РК. Инициатива НИИ была поддержана правительством республики: в центре Караганды институту выделили 44 гектара земли, из них 3 гектара – под опытное поле; а в пригороде было организовано подсобное хозяйство на площади 600 гектаров для искусственного выращивания лекарственных растений. На территории института был срочно возведен новый корпус (сейчас, в связи увеличением заказов на «Арглабин» из России и из других стран, строится более просторный, четырехэтажный производственный комплекс, где будут размещены новые мощности), а в Астане был открыт филиал института со своей аптекой, как и в Караганде, где реализуются лекарства с маркой фитоинститута... Кстати, в Караганде уже несколько лет действует Российско-Казахстанский фармацевтический институт, который также работает под эгидой этого НИИ...

Из приведенных фактов видно, что фитоинститут интенсивно набирает обороты. Ценность выпускаемых им лекарств в том, что они состоят из компонентов, созданных самой природой и не оказывают побочных воздействий. Естественно, тут же возникает вопрос: «А как обстоит дело с научной стороной»? Посудите сами: в 1999-2001 годах институт фитохимии провел две международные конференции, в них приняли участие 185 ученых с шести континентов земли; тем самым было подтверждено лидерство в этой отрасли науки казахстанских фитохимиков... В институте в настоящее время занято около трехсот научных работников, в 16 лабораториях ведут исследования 6 докторов, 33 кандидата наук... Сам С.М.Адекенов в 1992 году стал доктором химических наук, через три года был избран членом-корреспондентом НАН, а в 2003 году – акаде-

миком. За выдающиеся успехи Сергазы Мынжасарулы награжден серебряной медалью имени Аль-Фараби НАН РК и отличительным знаком «За особые заслуги перед наукой РК». Кстати, признание в своем Отечестве ученый получил после того, как его по достоинству оценили за рубежом. Оказывается, казахский ученый еще в 1994 году (значит, за девять лет до членства в НАН) был избран членом Нью-Йоркской академии наук, а в 2001 году Кембриджский (Великобритания) Международный научный центр присвоил ему звание «Лучший ученый 2001 года» и наградил «Золотой медалью».

Нам остается напомнить читателю, что Евней Арыстанулы, направляя выпускника-отличника КарГУ Сергазы Адекенова простым лаборантом в ХМИ, нисколько не ошибся, черновая работа, как видим, пошла ему на пользу, закалила его характер, вывела на широкий простор.

* * *

В конце 70-х годов казахстанские химики в лабораторных условиях выделили редко встречающийся в природе и очень ценный элемент рений. Присутствие рения в медных рудах Жезказгана впервые обнаружили в 1958 году ученые НИИ геологических наук АН Казахской ССР: Т.А.Сатпаева – супруга Каныша Имантайулы и ее коллеги С.К.Калинин и Э.К.Файн. Извлечен рений из этих руд исследовательской группой ХМИ. А идею заняться им подсказал опять же Евней Арыстанулы. Научное предвидение и чутье его и на этот раз не подвели, его ученики с блеском выполнили поставленную задачу. Это был феноменальный успех для того времени! Между прочим, тогда же впервые в Казахстане и во всем мире стали форсировать производство этого драгоценного и очень дорогого элемента.

Такое бывает в жизни ученых очень редко, можно сказать, карагандинские химики попали в струю. В те годы прошлого столетия началась настоящая рениевая лихорадка: один грамм его стоил десятки тысяч долларов США. Но, как ни странно, история с удачным выделением одного из редких элементов на этом не закончилась. Ниже мы расскажем о счастливом продолжении ее на примере другого, еще более дорогого элемента...

Когда я писал эту книгу, в начале 2004 года почти все казахстанские газеты сообщили сенсационную новость: специалисты Национального центра комплексного использования минерального сырья (этот центр основал Ж.Н.Абишев, кстати, туда же в 90-е годы был передан ХМИ) получили самый чистый в мире 187-й изотоп осмия в промышленных условиях. Все заметки сопровождались интригующей информацией о том, что один грамм его стоит более 27 тысяч $ США и что первая партия осмия уже продана в Чехию за 40 миллионов $ США; а также, что предприятие «Жезказганредмет», работающее в составе Национального центра, получило заказы на этот изотоп осмия из пяти государств мира – Англии, США, Китая, Германии и России...

Я навел справки у знающих специалистов и дополнительно узнал такие подробности: оказывается, этот элемент научились извлекать и в США, но чистота полученного там изотопа значительно ниже – 70 %. У нашего осмия она выражается четырьмя девятками – 99,99 %. Однако казахстанцы не зная истинной цены этого металла, продали первую его партию почти в три раза дешевле и это при том, что чешские провизоры-химики из него изготавливают дефицитные лекарства и продают их втридорога...

Организатор извлечения осмия на предприятии «Жезказганредмет» академик Абдрасул Алдашулы Жарменов, ученик Е.А.Букетова и Ж.Н.Абишева, в беседе со мной сказал: «В природе много тайн, одна из них – наличие рения и осмия в рудах Жезказгана; нигде больше пока таких руд нет, потому мы занялись их переработкой, затратили много времени и не зря».

Таких побед в повседневной жизни ХМИ было много, фактически они начались с 70-х годов, одерживаются и поныне. Кстати, краеугольный камень в фундамент этих успехов заложил Евней Арыстанулы, открывший наиболее оптимальные и экономически выгодные условия извлечения халькогенов из отходов полиметаллических руд еще в 1960 году, когда он пришел в руководство НИИ. Читатель уже знаком со всеми перипетиями той поры, радостями и огорчениями, взлетами и падениями, успехами и неудачами... В конце концов оба

метода выделения редких элементов, предложенные научным руководителем – пирометаллургический и гидрометаллургический – себя оправдали. Последнее слово – за металлургами и все теперь зависит от уровня оснащения производств...

Вот как резюмирует это доктор технических наук, профессор В.П.Малышев в своем труде «Поступью командора и пророка»: «Мы делили себя на «мышьячников» и «селенщиков», на «гидриков» и «пириков», на химиков и металлургов, теоретиков и практиков, технологов и аналитиков. Евней Арстанович был един во всех этих лицах. Именно он объединил все эти достаточно самостоятельные направления в одно мощное, дав ему по-менделеевски глубокое имя «Химия и технология халькогенов и халькогенидов».

В 28-м томе БСЭ, увидевшей свет в 1975 году, на 179-й странице дана краткая характеристка халькофильным элементам. Там же приведены данные о содержании всех этих 19 элементов в рудах тяжелых цветных металлов. Сказано даже о том, что их в теоретическом плане можно извлечь в чистом виде... Авторы энциклопедической статьи подробно описывают их химические и физические свойства, но не дают ответа на вопрос: как их извлечь? Ясно, что в то время этого еще не знали...

Теперь обратимся к официальным документам, раскрывающим историю того, как постепенно менялись представления о халькогенах. Начиная с 80-х годов прошлого столетия и до конца века элементам халькогенной группы и методам их извлечения были посвящены пять научных конференций ученых-химиков Советского Союза, и все они проходили только в Караганде (самая первая – в 1978, вторая – в 1982 году, в обеих конференциях академик Е.А.Букетов был председателем организационного комитета и вел общие заседания). Такой чести, как правило, удостаивался руководитель коллектива, лидирующего в данной области знаний. Значит, ХМИ АН Казахской ССР своей двадцатилетней плодотворной деятельностью доказал, что он впереди всех. В этих достижениях львиная доля принадлежала самому Е.А.Букетову. О его заслугах с трибуны конференций говорили многочисленные ученые-химики, приехавшие из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новоси-

бирска, Киева, Алматы, Чимкента, Усть-Каменогорска. Тон в этом задавали его московские коллеги, маститые ученые, посвятившие всю свою жизнь проблемам создания технологии извлечения редких металлов: Герои труда академик Виктор Иванович Спицын и заведующая кафедрой МГУ, профессор Александра Васильевна Новоселова. Следует подчеркнуть их подлинную человечность, способность понять и оценить труд собрата-ученого и воздать ему должное, что присуще настоящим подвижникам и всегда было в традиции русских корифеев наук. Как ни странно, это не заведено среди наших казахских ученых, наоборот, у нас часто из-за тайной зависти или открытой злобы стараются принизить, не заметить, предать забвению заслуги своих коллег, даже оклеветать их, как это позднее и случилось с академиками Сатпаевым и Букетовым.

Третья конференция прошла в 1986 году, а последняя, пятая – в 1997 году, таким образом, талантливые последователи Е.А. Букетова держали пальму первенства в этом направлении до конца прошлого века. Научный мир независимого Казахстана может гордиться мировыми достижениями своих химиков!..

Все говорит о том, что родиной новой отрасли «Химия и технология халькогенов и халькогенидов» стал Центральный Казахстан, точнее ХМИ. С 1972 года по почину Е.А.Букетова новое направление в несколько измененном виде начало обретать послелователей и в Карагандинском университете. Здесь в течен ле тридцати лет не только готовили специалистов по этому профилю, но и занимались комплексными исследованиями, все больше расширяя и приближая их к современному производству. Поскольку и университет, и ХМИ курировал один научный руководитель, содружество коллективов оказалось плодотворным.

Сам Евней Арыстанулы, с его способностями активно и решительно действовать, с присущей ему целеустремленностью и неиссякаемой энергией пропагандировал в научных изданиях идею объединения новых методов обработки материалов – металлургического и химического, и внедрения комплексной технологии.

Этот период ознаменовался тремя важными ноу-хау:

Первое: термомагнитное обогащение пиритосодержащих материалов; при новом методе ненужный в цветной металлургии пирит – соединения железа и серы сразу выводился в начальной стадии обогащения, чем обеспечивалась последующая облегченная переработка громадной массы сырья; после нее малопригодные, бедные полиметаллические концентраты становились богаче по основным металлам, намного уменьшались их потери.

Второе: из бедного рудного сырья выводился ненужный кварц путем растворения его в щелочном растворе при повышенных температуре и давлении, для чего применялись автоклавы, чего вообще не было до этого в металлургической практике.

Третье: плавка бедных марганцевых руд в смеси с высокозольным коксом; в результате такого совмещения в электропечах получался сплав железа, кремния, алюминия; в шлам же ничто не переходило, все компоненты шли в дело, почти как при предварительном обескремнивании медных концентратов; целесообразность метода была налицо.

Все три новшества Е.А.Букетов свел к общему знаменателю и назвал «Термохимическим обогащением полезных ископаемых». Этому процессу он дал глубокое теоретическое обоснование, тем самым наглядно показав, что он не только смелый, пытливый экспериментатор, но и бесспорно превосходный теоретик.

В обогащение руд Е.А.Букетов намечал позднее внести еще одно принципиальное изменение: путем гидротермальной обработки окисленных руд цветных металлов он намеревался сразу получить сульфиды, а дальше бы все пошло по знакомой цепочке. К сожалению, эту задумку довести до конца ему уже не удалось. После кончины ученого его питомцы провели соответствующие опыты, разработали оптимальные условия обогащения. И все получилось так, как он предсказал. Кстати, выгоду первыми от этого извлекли в России. Там, на Дальнем Востоке благодаря использованию метода Е.А.Букетова было запущено производство на месте давно разведанного,

богатейшего Удоканского месторождения окисленных руд цветных металлов...

А теперь, читатель, вернемся к началу 1960 года. Мы тогда вскользь упомянули о задачах, поставленных президентом АН Казахской ССР К.И.Сатпаевым перед молодым ученым, кандидатом технических наук Е.А.Букетовым, согласившимся поехать в Караганду, чтобы там в перспективе организовать новый научно-исследовательский центр. Смысл всего сказанного в тот день главой казахстанской науки сводился к тому, чтобы силами ученых в ХМИ внедрить в производство новейшие научные и технические достижения, позволяющие комплексно использовать природные кладовые Центрального Казахстана. Речь, таким образом, шла об экономически выгодных, по-современному говоря, безотходных технологиях извлечения всех полезных ископаемых без исключения. Задача по тому времени – трудная. И она, несмотря на свою сложность, была полностью выполнена, благодаря личным уникальным, разносторонним талантам Евнея Букетова, потратившего почти четверть века своей жизни на ее выполнение. Программа модернизации металлургии, начатая претворяться в производство Евнеем Арыстанулы, успешно реализована его верными учениками, новой технологией сейчас охвачены все металлургические мощности Республики Казахстан...

Нам известно, что на втором этапе своих поисков, условно это можно отвести к 1970-1983 годам, Букетов занялся геохимическим анализом всех имеющихся в составе казахстанских руд цветных, редких, легких и благородных металлов, его новые научные концепции в этом направлении в основном были одобрены ведущими учеными всего Союза, в итоге проблемы геологии и металлургии стали рассматриваться в одном аспекте. Кстати, это дает нам право сказать, что ученый-металлург Е.А.Букетов, развивая металлогеническую теорию своего великого учителя, основоположника этой науки К.И.Сатпаева, создал теоретические и практические предпосылки освоения безотходной технологии при извлечении всех металлов и элементов халькогенной группы. По мнению

научных коллег, находившихся всегда рядом все эти годы с Е.А.Букетовым, он как новатор и первопроходец, воплотил замечательную идею Сатпаева о комплексном использовании полезных ископаемых в жизнь...

«Обобщение геохимической классификации, с включением сюда металлургии, сделанное под руководством Е.А.Букетова и получившее всесоюзное признание, роднит геологию и металлургию, а значит и К.И.Сатпаева и Е.А.Букетова, – писал мне В.П.Малышев в своем ответе от 26 августа 2003 года на мои конкретные вопросы. – Если основная заслуга К.И. Сатпаева состоит в разработке металлогении на основе присутствия всех сопутствующих, так сказать, металлофильных элементов соответствующих месторождений, то заслуга Е.А.Букетова видится в разработке такой химии и технологии металлов, в которой равное внимание уделяется им каждому из металлов и элементов, прямо или косвенно связанных с основным «маркером» месторождений тяжелых цветных металлов – серой. Опять-таки здесь увязываются, обобщаются геологические и металлургические аспекты, идеи К.И.Сатпаева и идеи Е.А.Букетова. Металлогеническая концепция К.И.Сатпаева, конечно, шире чисто халькогенной концепции Е.А.Букетова, так как первая охватывает не только тяжелые цветные металлы. Но с дополнением по ферросплавам, причем именно комплексным ферросплавам, халькогенная концепция распространяется и на чисто оксидные соединения металлов, будь они в составе как промышленных месторождений, так и забалансовых и даже в виде пустой породы в угольных месторождениях.

Тем самым геологическая металлогения соединяется с технологической металлогенией, как и судьбы двух ученых... Самое главное, у обоих есть талантливые продолжатели. Тому свидетельство: в начале XXI века девять талантливых учеников Е.А.Букетова стали лауреатами Государственной премии Республики Казахстан...»

С великим удовольствием сообщаю, что этот список лауреатов через два года пополнился еще двумя его учениками. В частности, прежде называвшимся нами Н.С.Бектургановым и автором вышеприведенного письма В.П.Малышевым.

III

В результате многогранной деятельности Евнея Арыстанулы в течение первых двенадцати лет работы в ХМИ фактически были созданы все предпосылки для открытия отделения АН в Центральном Казахстане.

Но открытие его оттягивалось на неопределенные сроки.

На то были веские причины, не зависящие от директора ХМИ. Главной из них была частая сменяемость руководства самой АН. Президентами избирались вроде бы известные ученые, солидные мужи Ш.Ч.Чокин, Ш.Е.Есенов, каждый из них крепко брал в руки вожжи, старался идти в ногу со временем. Но, увы! Эти ученые пришлись не по нраву высшему начальству республики. Словом, не по своей воле они быстро покидали президентский пост. В 1974 году президентом АН Казахской ССР стал А.М.Кунаев.

Весной 1975 года Евней Арыстанулы был избран действительным членом Академии наук республики. К тому времени он уже три года был ректором КарГУ. Все больше втягиваясь в жизнь университета, Букетов не часто посещал АН. Но вскоре после вступления в ряды академиков, чем он очень гордился в то время, возможно, в эйфории нахлынувших радостных чувств, он напросился на прием к президенту. Тем более Аскар Минлиахмедулы был его коллегой, он уже несколько лет возглавлял институт Металлургии и обогащения, открытый в 1941 году и издавна считавшийся головным научным учреждением в системе АН.

– Асеке, – сразу завел неотложный разговор Е.А.Букетов, – открытие отделения Академии наук в Караганде было заветной мечтой Каныша Имантаевича Сатпаева. Ваши предшественники не успели это сделать. Видимо, осуществить это предначертано вам. Вы войдете в историю!.. – Евней Арыстанулы увлек президента захватывающими научными и экономическими перспективами этого нововведения в структуре академии... – Надо, Асеке, поставить этот вопрос перед правительством. А мы, если нужно будет, ваше предложение активно поддержим в Караганде...

Новый президент быстро уловил огромное значение предлагаемого структурного развития АН.

– Ебеке, спасибо вам! Превосходная идея! Безусловно, этот вопрос обязательно прозондируем в верхах. Только вы мне дайте немного времени. Ведь открытие нового отделения – это не моя прерогатива, надо заручиться поддержкой Союзной академии, может быть, и ЦК КПСС... В общем, я займусь. Я уже сделал себе пометку...

Евней Арыстанулы ушел из кабинета президента АН окрыленным, довольным тем, что ему удалось давно назревший вопрос сдвинуть с мертвой точки, он внутренне ликовал: теперь-то у них, наверняка, будет свое отделение АН со всеми научными подразделениями. Но он в то время не очень хорошо знал Аскара Минлиахмедулы, и даже не подозревал, что у него семь пятниц на неделе, что он больше горазд на обещания. Все кончилось тем, что из ХМИ забрали несколько лабораторий, и на базе их организовали три новых института. Никакой речи об открытии отделения АН даже не шло.

В повседневной жизни Евнея Букетова, разумеется, больше всего беспокоило строительство «Университетского городка». А оно шло ни шатко, ни валко. Этому препятствовали разные обстоятельства: те средства, которые каждый год выделялись для нового городка, строители осваивали не полностью; для них это было нормой, и областные руководители эту практику не могли изменить, хотя и привыкли ломать строителей через колено. В итоге из-за отсутствия помещений хромал учебный процесс на обе ноги... После бесконечных выяснений отношений, хождений по инстанциям, терпение ректора КарГУ лопнуло, и однажды он записался на прием к первому секретарю ЦК Компартии Казахстана...

Во время долгого ожидания приема у высокопоставленного государственного и партийного деятеля близкие друзья наперебой его поучали: «Разговор с секретарем начни с того, что открытие второго университета в республике и назначение тебя туда ректором – личная заслуга Димеке. Благодаря этому мы сегодня имеем в Центральном Казахстане современный университет. Если бы не вы, такого высшего учебного заведения

не было бы еще десять лет... Поблагодари секретаря и заверь, что потомки не забудут его деяний. После этого обязательно скажи, что ты думаешь, недалеко то время, когда многомиллионное население Сары-Арки обратится к правительству с просьбой присвоить КарГУ Ваше имя. И, пожалуйста, нисколько не стесняйся. Ничего в этих словах зазорного нет. Патриархи нашего ленинского Политбюро к таким дифирамбам давно привыкли. Как, например, превозносят дорогого Леонида Ильича руководители республик, какие помпезные приемы ему устраивают, как льстят, лицемерят и прогибаются перед ним. За одну встречу по 40-50 раз называют мудрейшим из мудрейших, и даже устраивают между собой соревнование, кто лучше скажет. Не веришь, возьми газету, просмотри отчеты о любом приезде Брежнева в Казахстан. Специально подсчитай, сколько раз сам Димеке его так безудержно восхвалял под долго несмолкающие аплодисменты. Когда «верный ленинец», награжденный 200-мя орденами, присвоивший себе звание Маршала Советского Союза и даже претендовавший на лавры классика литературы, выступал в Ташкенте, Шараф Рашидов его назвал мудрым 44 раза, а наш Димеке – 54 раза!. А ты колеблешься, вроде, неудобно. Ерунда!.. Такие соловьиные песни и наш не прочь слышать, он уже привык к ним... Ну, возможно, ради приличия или проверки твоей верности, он, нахмурившись, может ласково пожурить: «Да вы что, бросьте!..», а ты не отступай, продолжай в таком же духе... А затем, в конце своей долгой тирады скажи: «Я к вам пришел с большой просьбой, дорогой Димеке, помогите ускорить строительство КарГУ, без вас нам с этим не справиться...»

Слушая своих доброжелателей, ректор КарГУ не на шутку задумался. Совесть его не позволяла ему так унижаться, откровенно льстить и славословить, в лицо говорить такие несуразные, дешевые глупости. Ведь Д.А.Кунаев разбирается в людях, видит их насквозь и может с первых фраз остановить: «Бросьте, приписывать мне лишнее – КарГУ открылся, потому что он был жизненно необходим этому региону...» – что я ему тогда отвечу? Нет, не годится кривить душой...

И вот его пригласили в кабинет первого секретаря. После вежливого приветствия он сел в кресло напротив Динмухамеда Ахметулы и начал не спеша рассказывать о делах КарГУ: об укомплектованности профессорско-преподавательскими кадрами, учебном процессе, заметил, что занятия вынуждены вести в две-три смены, притом в восьми корпусах, расположенных далеко друг от друга, что все это мешает осуществлять учебный процесс и, наконец, дошел до наболевшей проблемы:

– Димеке, выход из этого только один. Необходимо как можно быстрее закончить строительство городка КарГУ. Средства для этого отпускаются в достатке, но они плохо осваиваются строителями, нужно ужесточить требования к ним со стороны министерства. В прошлом году, например, наши подрядчики освоили отпущенные средства только на сорок процентов... Как выправить положение, я не знаю, у меня нет таких полномочий, чтобы воздействовать на них. Словом, Димеке, вся надежда на Вас, если вы не поможете, не знаю, как дальше быть!?..

Динмухамед Ахметулы удивленно поднял голову:

– В республике строится множество обьектов, все они важны, притом все должны быть сданы в установленные сроки. Самое странное, я везде должен быть толкачом-прорабом, и непременно должен за всех разгильдяев, за вас устранять все перекосы и разгребать завалы. Нет, товарищ Букетов, ради этого могли бы не приходить. Проект «Университетского городка» давно утвержден, нужные средства выделены. Засучив рукава, не отвлекаясь на другие дела, говорят, вы и на это способны, вам надо заняться своими прямыми обязанностями. А если строительные организации подводят, Караганда – большой город, у него мощная база строительной индустрии, почаще бейте тревогу, идите к своим местным руководителям... – и еще добавил несколько неприятных и хлестких слов.

Видимо, это означало окончание аудиенции. Ясно, надежда на помощь могущественного Д.А.Кунаева потерпела крах. Евней Арыстанулы только сейчас почувствовал, что хозяин «Большого дома»* к нему отнесся недоброжелательно, чем-то

* Так окрестили в народе громоздкое здание ЦК Компартии Казахстана, выстроенное в 60-е годы на бывшей площади им.В.И.Ленина в Алматы.

был недоволен. Значит, следовало, не раздражая его далее, скорее уйти. А он не мог так просто встать с места и выйти из кабинета. Получив незаслуженную оплеуху, он хотел как-то ответить на удар, оправдаться, ведь кто-то его перед ним очернил...

Но вместо этого он произнес совсем другое:

– В Караганде и вообще в Центральном Казахстане плодотворно трудятся около тысячи научных работников. Среди них – десятки докторов, сотни кандидатов наук... Это большая сила, Димеке, и нам нужен объединяющий научный центр. Мне кажется, наступило время для открытия Центрально-Казахстанского отделения под эгидой АН республики... Если эту идею одобрит Центральный комитет, то... – как только Букетов это проговорил, секретарь, круто обернувшись к нему, неожиданно постучал карандашом по столу.

Евней Арыстанулы умолк, не зная, продолжать разговор или остановиться...

– Вообще вы, ученые, народ интересный, но и настырный... Если что-то пришло вам в голову, тут же стараетесь непременно довести до меня... Товарищ Букетов, вы действительный член Академии наук, у вас есть избранный вами президент. То, что вы предлагаете мне, сообщите Аскару Менлиахметовичу. Хотя я его старший брат, не стану присваивать себе его полномочия, как надо поступить в этом случае, ему виднее, так что идите к нему, во-первых... Во-вторых, когда есть республиканская академия, избранный вами президиум для руководства всеми делами, нужно ли в Казахстане открывать вторую академию наук, я не вижу необходимости в этой надуманной надстройке. Может быть, вам нужен самостоятельный научный центр под вашим руководством?.. В таком случае, я вынужден вас огорчить, опять же это ни к чему, нечего раздувать штаты АН, они и так раздутые.... Что еще у вас?

– Больше мне нечего сказать. Простите, что занял ваше драгоценное время!

Букетов поднялся с места, не дожидаясь разрешения секретаря.

* * *

Эти вопросы – о строительстве «Университетского городка» и открытии нового отделения АН в Караганде, которые Е.А.Букетов поднимал в личной беседе с первым секретарем ЦК КП Казахстана, были в то время самыми животрепещущими. Они возникли не случайно, и Евней Арыстанулы, беспокоясь за их благополучное и своевременное разрешение, вынужден был обратиться к Д.А.Кунаеву с самыми честными намерениями. Ничего предосудительного в этом не было, и если он не смог склонить на свою сторону первое лицо республики – значит, просто не сумел как следует разъяснить важность их. Скорее всего, он попал к нему в неудачный день, не под настроение, наверное, неправильно построив свой разговор, просто рассердил его. «Такое тоже бывает со всеми, ведь Димеке тоже человек, с присущими всем смертным слабостями... – думал Евней Арыстанулы позднее, не раз анализируя ход беседы в «Большом доме». – А теперь совесть моя чиста, я, как коммунист и ученый, открыто высказал ему все, что наболело. Как решать эти проблемы – ему виднее...»

Между тем, приехав в Караганду, о своем визите к первому секретарю он подробно доложил руководителям области. А тех, должно быть, насторожила сердитая реакция Д.А.Кунаева, как бы то ни было, ход строительства «Университетского городка» они взяли под свой контроль, в результате стал заметен кое-какой сдвиг на строительной площадке, во всяком случае, перестали срывать строителей оттуда на другие объекты...

А решение второго вопроса затянулось на восемь лет. Только весной 1983 года в Караганде, наконец, было создано Центрально-Казахстанское отделение АН Казахской ССР. В конце концов все получилось так, как предлагал Е.А.Букетов еще в 1975 году.

Однако тот день оставил в его душе тяжелый осадок, на торжественное открытие нового научного подразделения АН его «забыли» пригласить. Ни в обкоме, ни в оргкомиссии никто не додумался прислать ему пригласительное извещение (о причинах этого досадного случая мы расскажем в следующей главе

более подробно). И как потом передали мне очевидцы того торжества, академик Е.А.Букетов, проглотив обиду, сам пришел на торжественное собрание, сидел в зале вместе со всеми, с радостью аплодировал, когда огласили постановление правительства об открытии долгожданного центра науки в родном крае...

Евней Букетов был не последним человеком в республике, крупной личностью, широко известным ученым. С этим должен был посчитаться Динмухамед Кунаев как лидер нации, большой руководитель, целых двадцать пять лет возглавлявший Казахстан.... Мог же найти общий язык, с надлежащим уважением отнестись к нему, скажем, сев за стол, серьезно обговорить со всех сторон все, что волновало ученого. К сожалению, этого не произошло. Наверное, виноваты оба. В общем, эти видные представители своего времени не смогли понять друг друга, договориться между собой. Тем более предложение ученого, хотя и поздно, было осуществлено. Значит, он был абсолютно прав. И все-таки почему эти недоразумения имели место в жизни?..

Возможно, это объяснит отрывок из воспоминаний М.И. Есеналиева, человека, как сейчас говорят, «из его команды», проработавшего целых 12 лет заведующим отделом культуры ЦК КП Казахстана, то есть по времени это полностью совпадает с годами секретарства Динмухамеда Ахметовича в республике.

Михаил ЕСЕНАЛИЕВ, «ВЕЛИЧИЕ И СЛАБОСТЬ», «Қазақ әдебиеті», 7 февраля 1997 года:

«Димаш Ахметович из окружающих, особенно тех, кто поступал самостоятельно, кому было чуждо подхалимство, не очень жаловал, в этих случаях он становился необъективным. Во всяком случае, он выше всего ставил свои личные амбиции и завышенно оценивал себя. Если говорить прямо, он, как руководитель, начал пренебрегать жизненной мудростью, означающей: чем выше твое общественное положение, тем надо быть с окружающими тебя людьми доброжелательнее и вежливее... А преграды, возникавшие на его пути, постоянно убирал. После этого невольно задумываешься: где же провозглашенные им демократизм и интеллигентность?

Обидно то, что, уважая как личность покойного Димаша Ахметовича, нельзя умолчать о его любимчиках, доносчиках и «серых кардиналах» внутри дворца, к доносам которых, к сожалению, он часто прислушивался. А они, особенно в решении кадровой политики не ушли от местническо-трайболистской психологии. В 70-е годы наши некоторые языкастые, но в целом порядочные люди, о негативных явлениях, которые проникали в повседневную жизнь, придумали и пустили в оборот такую язвительную поговорку: «Если даже подходит биография, не подходит твоя география для служебного роста». Очень жаль! По этой же негласной установке некоторых быстро продвигали по служебной лестнице верх, а некоторых годами держали «на привязи», мешали их росту. А иным, зачастую непокорным, по пустякам устраивали разносы, организовывали за их спиной скандалы. Это, конечно, и нашей республике, и Димашу Ахметовичу было не на пользу, наоборот, снижало его рейтинг как руководителя, а в целом это очень вредило национальному единению...

Авторитет Каныша Имантаевича Сатпаева не только в мире науки, но и во всем обществе Казахстана был очень высок. Казалось бы, партийный лидер, государственный деятель, который четверть века был первым лицом в республике, такому славному ученому и общественному деятелю гигантского масштаба должен был воздать должное и вместе со всем народом гордиться им. Но, увы, этого не случилось, даже после кончины К.И.Сатпаева он, Кунаев, если говорить прямо, не проявил никакого стремления увековечить его имя в литературе, кино, изобразительном искусстве. А научные заслуги старался предать забвению. Документальный фильм, созданный в «Казахфильме», руководство республики после первого же просмотра запретило показывать, не потому, что фильм профессионально поставлен неудачно, а по причине, что в фильме, мол, чрезмерно восхваляется личность К.И.Сатпаева. По этой же причине книгу Медеу Сарсекеева «Сатпаев», выпущенную в серии «ЖЗЛ», в Москве, запретили издавать в Алма-Ате на казахском языке. На второго такого же талантливого ученого, академика, известного в обществе Е.А.Букетова, один из помощников Д.А.Кунаева организовал в печати грубый и грязный пасквиль...»

IV

Вначале приведем небольшой отрывок из записанной беседы на магнитофонную ленту в Караганде, на квартире Е.А. Букетова.

БУКЕТОВ: *Это было, значит, в июне 1931 года?*

КАРАСАРТОВ: *Ну, да, в июне. (...) Значит, мой отряд, состоявший из 13-15 человек, подъехал к Чингисским горам* (он прочесывал местность со стороны Тайланского аулсовета, примерно в 50 километрах севернее – М.С.), *я, вооружившись биноклем, стал осматривать окрестность. Обнаружив со стороны Караула* (районного центра – М.С.), *едущего к нам навстречу одинокого всадника, я распорядился всем спрятаться за сопкой, а сам, взяв с собой Абдраима Шарабаева, поскакал ему навстречу... Когда мы с Абдраимом приблизились к нему, мой подручный сказал: «Ой, это тот самый Шакарим!..»*

БУКЕТОВ: *Вы уже знали его произведения? Слышали, что он поэт?*

КАРАСАРТОВ: *Имя его мне было давно известно. Некоторые его стихи я еще маленьким знал наизусть, даже иные пел, сопровождая игрой на домбре. Ведь я сам с детства баловался стихами, была такая тяга к творчеству. А его, как поэта, я очень уважал...Потому, услышав, что одинокий всадник именно знаменитый Шакарим, я слез с коня, чтобы почтительно приветствовать его... Он был одет налегке, на голове – борик*. Длинную, красивую бороду его я сразу запомнил, рослый конь его был вороной масти. На седле с одной стороны была привязана огромная саба**, а с другой – бунчук***. Я ему сказал, что давно хотел с ним увидеться, навестить его шушалу-домик ****, но не удается, все время в разъездах...*

---

* Легкий головной убор.

** Кожаная емкость для кумыса, напитка из кобыльего молока.

*** Переметная сума..

**** Охотничий дом.

Представим участников беседы: ведущий – Евней Букетов; на его вопросы отвечал пенсионер Абзал Карасартов, кадровый работник бывшего ОГПУ; предмет разговора – трагическая гибель Шакарима Кудайбердиева, широко известного в степи ученого-историка, философа, выдающегося поэта, талантливого продолжателя поэтической школы классика казахской поэзии Абая Кунанбаева (к тому же двоюродного его брата).

Беседа была записана 20 апреля 1978 года, то есть по прошествии 47 лет с того рокового для Шакарима дня, когда по приказу того же Абзала Карасартова, «очень уважавшего и высоко ценившего, как поэта», тем менее Шакарим был безжалостно, зверски расстрелян 2 октября того же, 1931 года. Значит, от случайной встречи и знакомства в степи, как свидетельствует сам начальник политического сыска Чингистауского района, до уничтожения 73-летнего патриарха казахской поэзии оставалось всего-навсего три месяца...

Что же произошло за эти девяносто дней? Почему известный всему народу ученый, литератор, живший отшельником в отдаленном и безлюдном месте в горах, всецело отдавшись творчеству, был расстрелян без суда и следствия?

В диктофонной записи идет разговор об этих событиях, происходивших в основном во второй половине 1931 года в Чингисских горах. Читатель уже догадался, на какую редкую, драматическую историю напал Евней Арыстанулы: в смертельном поединке как бы вновь столкнулись, с одной стороны – опальный поэт, объявленный советской властью «ярым врагом народа», с другой стороны – его хладнокровный убийца, уничтоживший немало классовых врагов; а его собеседник – тактично, не совсем раскрывая истинную цель, ведет свой «допрос», как беспристрастный судья, постепенно выявляя подробности, скрытые детали всего, что так давно произошло, но историей не забыто.

Зубайра Дуйсенкызы приоткрыла завесу этой встречи лишь в 1989 году, когда наступили другие времена (решением бюро ЦК КП Казахстана опальный ученый, поэт Ш.Кудайбердиев весной 1988 года был полностью оправдан). Оказывается, Евней Арыстанулы случайно узнал в гостях, что Абзал

Карасартов здравствует и живет в Егиндыбулакском районе Карагандинской области, и добрые знакомые помогли ему встретиться с ним в Караганде. «Однажды он послал за ним свою машину, Карасартова привезли к нам домой, они проговорили наедине целый день. Беседа их продолжалось и на следующий день, уже с записью на магнитофон, – вспоминала она. – Старик был уже немощным, сгорбленным, плохо слышал, рассказывал он медленно, обдумывая подолгу свои ответы на конкретный вопрос, уставал быстро, часто отдыхал, тем не менее Евнею удалось вытащить из него много сведений...»

А встрече ученого с Карасартовым предшествовали и другие обстоятельства: за год до этого, летом 1977 года, Евней Арыстанулы, взяв с собой двух сыновей, школьников, совершил паломничество на родину Абая, находящуюся в шестистах километрах от Караганды на территории Семипалатинской области; там он лицезрел сиротливо выглядевшую могилу все еще опального поэта в ста метрах от величественного памятника, сооруженного над могилой Абая Кунанбаева, в отличие от него, на этой могиле была лишь скромная надпись, что здесь покоится прах Шакарима Кудайбердиева (в 1995 году, в год всенародного празднования 150-летнего юбилея со дня рождения великого поэта, здесь воздвигли величественный некрополь-мавзолей, разумеется, на этот раз не обделив и Шакарима Кудайбердиева. Таким образом подобающие почести выдающемуся поэту и ученому, наконец, были возданы)...

Евнею Букетову и раньше были отчасти знакомы замечательные творения Шакарима. А, побывав на родине поэта, поклонившись его праху, он стал все больше задумываться о несправедливом отношении к его памяти. А жестокий убийца все еще дышал, ходил по земле, обагренной кровью безвинного поэта...

Короче говоря, Е.А.Букетов, записав свою беседу с Абзалом Карасартовым, положил кассету в ящик стола, и там она пролежала полных 11 лет до публикации в 3-х номерах республиканской литературной газеты «Қазақ әдебиеті» за 10, 17, и 24 февраля 1989 года. Кстати, эта запись опубликована в собрании сочинений ученого.

Мы не будем пересказывать ее содержание, ставшее поистине изобличающим документом. Однако следует сказать о том, что Евней Арыстанулы, ведя беседу, не задавал собеседнику каверзных вопросов: «Неужели было так?» или вроде: «Вы не лжете?» В тексте нет ни одного слова, где были бы заметны одобрение или протест. Ведущий представляется просто внимательным слушателем, лишь изредка он задает наводящие вопросы, чтобы заговаривающийся от старости собеседник не уходил от основной темы. И такая тактика ведущего, сумевшего расположить к себе, усыпить бдительность бывшего красного палача, оправдала себя полностью. В итоге он выведал все, что до этого тщательно скрывалось...

Вот еще один весьма характерный отрывок из той беседы:

БУКЕТОВ: *«Вы не отзывались когда-нибудь в общественных местах плохо о Шакариме? Скажем, так: «Что и говорить, поэт-то он одаренный, но все же враг!?..»*

КАРАСАРТОВ: *«Нет, такого кощунства в отношении покойного я никогда не допускал. Ну, бывало иногда, когда любопытные спрашивали о нем, я рассказывал им, что он был трудолюбив, всегда собран, опрятно одет, располагал к себе. Был он мастером на все руки: сапожничал, мог сам сложить печь, приготовить себе горячую еду, бывая у него, я своими глазами видел письменный стол, который он сам смастерил из камня, в его доме было тепло и уютно. Словом, только хорошее я мог о нем сказать. Плохого я о нем никогда не говорил...»*

Правда о гордом и несломленном даже после смерти поэте все больше распространялась в народе. В ЦК КП Казахстана поступали сотни заявлений и запросов от трудящихся Семипалатинской области. В Абайском районе в 1963 году было собрано более 300 объяснений трагических событий, написанных земляками Шакарима. Во всех их звучало одно требование: реабилитировать опального поэта; справедливое требование народа поддержала комиссия Союза писателей Казахстана во главе со своим председателем, известным поэтом Хамитом Ергалиевым. Еще раньше, в 1959 году, литературная

газета «Қазақ әдебиеті» после оправдания Верховным судом Казахской ССР Ш.Кудайбердиева опубликовала на двух страницах целый разворот стихов поэта. Почитатели таланта поэта торжествовали, это был подлинный праздник, после многих лет запретов его стихи звучали повсюду. Не радовался только один человек, все тот же Абзал Карасартов. Он поднял шум и дойдя до секретаря ЦК КП Казахстана по идеологии Н.Жандильдина, прямо обвинил его: «Вы позволили оправдать ярого врага советской власти, если не дадите отбой, то я поеду в Москву, буду жаловаться самому Н.С.Хрущеву и на всех вас найду управу...» И комиссия ЦК, возглавленная партийным функционером и явным перестраховщиком, остерегавшимся «как бы чего не вышло», решив не рисковать, сразу же протрубила отбой. И о несчастном поэте снова не было произнесено ни слова целых тридцать лет. Разумеется, Е.А.Букетов знал об этом факте, в своем архиве он хранил тот газетный разворот. Потому он с подковыркой задал Карасартову вопрос об его отношении к Шакариму. По ответам его собеседника видно, как он бессовестно выкручивается и лжет.

Наверное, пора от недомолвок перейти к рассказу о том, как совершилось подлое злодеяние, в котором главным действующим лицом был Карасартов.

В сентябре 1931 года в Чингистауском (ныне Абайский), Абралинском и Чубартауском районах вспыхнуло восстание казахов, издавна населяющих эти места, против советской власти. Поводом послужила всеобщая коллективизация с насильственным изъятием в колхозы, в общее пользование всего наличного скота. Ясно, бунт нескольких сотен безоружных людей ни к чему не привел. Например, в Чингистауском районе они не смогли даже взять районный центр – Караул, разбежались после первых выстрелов отряда А.Карасартова. Однако при этом были зверски убиты супруги-учителя, открывшие начальную школу в колхозе «Байкошкар», и начальник районной рабоче-крестьянской инспекции. На подавление бунта из Семипалатинска прибыл отряд красноармейцев. Под предводительством того же А.Карасартова этот боевой отряд потопил в крови стихийно возникшее волнение, отдельные

участники его едва унесли ноги, попрятались по ущельям Чингизских гор. Вылавливание беглецов продолжалось почти месяц. Каратели никого не щадили. Даже не спрашивая, кто он, почему бродит по горам, пешего, верхового ли – всех брали на мушку и расстреливали на месте...

Кстати, в архиве сохранились письменные свидетельства многих очевидцев о том, что предводители восстания прежде, чем выступить, были у Шакарима-каджи и просили его возглавить народное сопротивление, наверное, хотели воспользоваться его высоким авторитетом. Но он сказал им: «Вы напрасно это затеяли. Советскую власть сейчас, на ее 14-ом году безраздельного правления, не одолеете. Погубите себя и ваших детей, много крови напрасно прольется. Лучше откажитесь от выступления!..» Но, увы, никто его не послушался. И получилось так, как он предостерегал.

...Злодеяние над поэтом свершилось ранним утром 2 октября 1931 года. День выдался пасмурным, видимость была плохая. И это тоже сыграло определенную роль. Семидесятитрехлетний поэт спустился с небольшой сопки в сопровождении среднего сына по имени Зият и еще одного аулчанина. Сам старик шел пешком, держа в поводу своего коня, а спутники были верхом на лошадях. Карасартов со своими людьми сидел в укрытии, по-видимому, это была своеобразная волчья тактика, так удавалось врасплох настигать беглецов, не подозревавших о засаде. И эти трое также сами шли навстречу ему. Когда они оказались ближе, Карасартов дал команду своему подопечному, начальнику районной милиции Халикову, сразить первым почему-то пешего. Грянул прицельный выстрел. И тот высокий, с тымаком на голове, вскрикнув «Ах!», опустился на колени, бывшие позади быстро развернулись, кони их были резвые, и следующие пули их не достали, да и густой туман помог им скрыться. А раненый человек остался на месте. Стрелявший начальник милиции, Карасартов и неизменный спутник его, рядовой милиционер Шарабаев Абдраим подошли к нему, все трое сразу узнали Шакарима. Он тоже узнал их и дрожащим голосом закричал: «Не стреляйте, вы же мусульмане! Прошу вас, отвезите меня к представите-

лям власти, за что же мне такое наказание?..» Те двое, услышав его отчаянную мольбу, растерялись, стояли как вкопанные, наверное, еще испугались последствий содеянного. А Карасартов не дрогнул. Должно быть, у него уже созрел коварный план. И он закричал: «Идиоты, чего вы стоите? Вот он, перед вами – главный бандит, вдохновитель всех этих бунтовщиков. Наконец, попался нам. Стреляйте, пора заткнуть ему глотку, стреляйте же!..» Не раздумывая, Халиков выстрелил в него в упор. Старый поэт вскрикнул в последний раз и сразу затих...

Так был убит Шакарим Кудайбердиев. Вдали от людских глаз, двумя выстрелами – сначала в ногу, а затем – и в самое сердце. Тело его было без всяких почестей и прочтения молитвы сброшено в старый колодец. Каратели думали, что тем самым они навсегда сотрут из памяти людей его имя и следы преступления. Но не получилось, нашелся смельчак, который, несмотря на угрозу быть пойманным и также расстрелянным, высмотрел, куда было спрятано тело покойного каджи. И когда через тридцать лет Ахат Шакаримулы в преклонных годах начал поиск останков своего отца, он-то ему и показал то место...

Как уже догадываетесь, хитрый и коварный начальник политического сыска сделал все, чтобы замести следы кровавой расправы над известным поэтом, представить убийство в другом свете. Спешно был составлен акт, ложно свидетельствовавший о том, что во время завязавшейся перестрелки с двух сторон был убит главарь антисоветского бунта, он же духовный вдохновитель сопротивления колхозному строю, бывший волостной, известный богослов исламист-каджи Шакарим Кудайбердиев. И это «клеймо» на светлом облике Шакарима по воле Абзала Карасартова оставалось много лет, вплоть до 1988 года. Кстати, все действия и отчаянные попытки оправдаться, угрозы, высказанные в адрес секретаря ЦК КП Казахстана – все это говорило о том, что Карасартов не хотел остаться в памяти народа беспощадным, зловещим убийцей выдающегося поэта и ученого...

«20 апреля 1978 года. Запомним эту дату, как историческую. Именно в этот весенний день наконец-то состоялся суд

совести над убийцей Шакарима Кудайбердиева, второго великого властителя дум после Абая. Хотя этот суд проходил в так называемый «период застоя», тем не менее он состоялся. От имени народа, взяв на себя полномочия судьи, следователя и обвинителя, выступил писатель-академик, доктор технических наук, профессор, лауреат Госпремии СССР Евней Арстанулы БУКЕТОВ. А преступник, он же исполнитель кары, державший ответ перед историей – бывший сотрудник ОГПУ 30-х годов, 78-летний Абзал КАРАСАРТОВ...– писал в послесловии к первой публикации этой беседы в газете «Қазақ әдебиеті» ученый-писатель Бейбут Сапаралы. – Как видим, всякое черное дело ничем не обелить, и за сотворенное когда-то преступление рано или поздно придется отвечать. И случилось то, что должно было случиться...»

Нам остается добавить к сказанному, что эта памятная запись, своего рода гражданский подвиг Е.А.Букетова, совершенный в 1978 году, явился прологом дальнейших событий, произошедших через одиннадцать лет, когда имя и творения Шакарима были возвращены своему народу. И мы с удовлетворением сообщаем читателю, что с 1988 года все сохраненные в архивах, в памяти людей поэтические, прозаические произведения, исторические, философские труды Шакарима Кудайбердиева неоднократно переизданы, некоторые из них уже переведены на русский язык. В 2008 году будет широко отпразднован 150-летний юбилей со дня его рождения. К этой дате Семипалатинский государственный педагогический институт имени Ш.Кудайбердиева, где создан научный центр по изучению творческого наследия великого поэта, готовит 10-томное собрание сочинений и научных трудов этого замечательного художника слова, поэта и мыслителя.

В последнем томе этого солидного юбилейного издания будет помещена запись беседы академика Е.А.Букетова с А.Карасартовым, озаглавленная «Суд истории».

ГЛАВА
ОДИННАДЦАТАЯ

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ, А ТАК...

«Да, высокий дар Аллаха для человека одновременно и наказание. Как бы низко не хотел он склонить голову, талант выдает его. Дар Аллаха сильнее слабого человека. В этом проклятие таланта...»

Из записной книжки Е.А.БУКЕТОВА

I

Автобиографическое повествование-исповедь «Время светлой судьбы» было названо Е.А.Букетовым проще и скромнее: «Записки научного работника», но в редакции «Простора» сочли заголовок маловыразительным и заменили его звонким, высокопарным штампом, оставив авторский в подтексте. Записки были опубликованы в номерах 8-9 за 1978 год. Сам Евней Арыстанулы предварил свое произведение вот таким вступлением: «Наша наука по возрасту, может быть, даже моложе меня. И, тем не менее, свершился тот удивительный взлет, который позволил нам войти в русло большой науки, счастливо включившись в тот великий авангард мировой культуры и мирового прогресса, каковым ныне является наша большая Родина. Можно полагать, что такой резкий скачок не мог не сказаться на всех нас, на нашей психологии, на наших взглядах на окружающее, на нашем быте и на многом другом. Ибо это была ломка с переоценкой многого устоявшегося; ломка, не обходившаяся без борьбы и потерь, – далее автор так объясняет причину рождения и публикации своего повествования. – ...Мне хотелось рассказать о времени, о себе. Теперь я вижу, что у меня не получилось ни то, ни другое. И все же я смею представить на суд читателя эти записки, ибо в них, несмотря на многие недостатки, в какой-то степени отражен опыт работника советской науки, которая сыграла великую и прекрасную роль в судьбе моего народа».

Ученый-труженик, находившийся на гребне волны научно-технической революции, просто и без прикрас расска-

зывает, начиная с босоногого детства в ауле, о своих жизненных путях-дорогах, приведших его в науку. Автор подробно описывает довоенное время, которое за каких-то пару десятков лет буквально перевернуло привычный уклад жизни в степи. До этого отцы, деды и прадеды казахов кочевали. Так было сто и тысячу лет назад. Умирая, предки завещали кочевать своим потомкам. Но теперь то время стремительно и безвозвратно уходило в прошлое. По степи, где прежде, вздымая пыль, шли верблюжьи караваны, пролегли стальные магистрали. В небе появились невиданные птицы-аэропланы. Ввысь взметнулись трубы фабрик и заводов. Появление крупных населенных пунктов – районных центров, рабочих поселков, очагов индустриализации заставило степняков круто изменить свои занятия: прежние скотоводы становились трактористами, шоферами, токарями, а их дети – уже механиками, агрономами, ветеринарами, иные учителями; ясно, это было интеллектуальное пробуждение... Над степью всходила новая заря. Перед одаренной, горячей, неистовой молодежью открывались заманчивые перспективы, путь в науку. Этот путь выбрал и юноша из бедной семьи, жившей в старом казахском ауле на берегу Есиля – Мажит Муканов. Как он учился в школе, институте, и дальше, как долго карабкался в гору, к холодным и неприступным вершинам науки, наконец, что получилось из этого – об этом и повесть.

Что можно сказать о содержании такой повести, кроме одобрения? Ясно, намерение – хорошее, идея – прекрасная! Остается только радоваться, что среди нас нашелся человек, который сумел отразить интеллектуальный рост своего народа в начале века, стал его своеобразным летописцем...

«Как я стал ученым? Этот вопрос часто приходит мне на ум... Перед глазами всплывают картины прошлого, которые отнюдь не давали повода к тому, чтобы мне предрекать стезю служителя науки...» – таким признанием начинается повествование. Рассказ ведется от первого лица, подростка Мажита.

Что здесь нескромного в описании тяжелого детства, неспокойной юности, научных поисков ученого, возраст которого уже перевалил за пятидесятилетний рубеж? Ведь это был типичный путь представителя нового поколения.

Не будем далее пересказывать содержание повести, написанной увлекательно, живым, сочным языком, между прочим, мы более чем достаточно использовали отрывки из нее. Думаю, читатель, уже получил необходимое представление об этом произведении Евнея Арыстанулы.

(Кстати, позднее сам автор решительно отбросил навязанный ему журналом «Простор» заголовок и назвал повесть «Шесть писем другу», поскольку весь рассказ был построен в виде писем-исповедей другу, живущему вдали от него и мало знакомому с жизнью казахов. Притом заново переписывая свое произведение, где-то добавил, где-то сократил. В итоге получилось около 16 печатных листов. К сожалению, последний вариант не был опубликован при жизни ученого, повесть вышла в свет через шесть лет после смерти автора (А., «Жалын», 1989), на казахском языке под названием «Алты хат» только в 1996 году).

Новую повесть Е.Букетова читатели встретили очень тепло, даже чересчур восторженно и, в конце концов неумеренные похвалы и шумные проявления восхищения, высказываемые публично в адрес автора, оказали ему медвежью услугу.

Одно из них было из Москвы и написано в начале 1979 года Владимиром Константиновичем Покровским (адрес: 6-ой Ростовский переулок, дом 4, кв.1): «Самый легкий литературный жанр – мемуары, ибо весь материал готов раньше, чем автор возьмется за перо. Самые бездарные мемуары, которые известны – актрисы Яблочкиной. Среди лучших – Ваш. Поздравляю, если Вы слышали много похвал напечатанному Вами... в «Просторе», все-таки Вы не осознаете изумительной высоты своего творения. По историческому значению «Былое и думы» А.Герцена выше, по блеску выше стоят мемуары И.Эренбурга, но Ваши можно сравнивать с такими эталонами. С первых страниц не только импонирует, но и озадачивает неимоверная простота. Она озадачивает своим высоким коэффициентом полезности... Ваши мемуары не только знакомят с пройденным жизненным путем одного из ученых, но дополнительно показывают развитие национальных культур. Меня, я старше Вас на 25 лет, а по национальности я русский,

раздражало открытие университетов в Элисте и Чебоксарах... В показе людей физического труда Вы сопоставимы с Шолоховым. А он выше мною названных Эренбурга и Герцена...»

В письме А.Меерович от 21 мая 1979 года, отправленного из Усть-Каменогорска, есть такие слова: «Не из желания польстить академику, а от души и чистого сердца, как старый товарищ, говорю: мне понравилось твое повествование в своей основе, как благодарная память о людях, с которыми тебе пришлось встретиться на жизненном пути, сыгравших определенную роль в научном становлении. С моей точки зрения в отдельных местах ты на себя напрасно роптал. Возможно это литературный прием, о котором мне трудно судить? И еще. Почему ты не довел рассказ до сегодняшней вершины твоего восхождения, как ученого? Я имею в виду все титулы по линии АН республики...»

Главный редактор «Простора» В.И.Ларин после завершения публикации «Время светлой судьбы» 3 октября того же, 1978 года также написал Евнею Арыстанулы благодарственное письмо: «Искренне рад – Вы написали очень интересную и талантливую книгу. Думаю, что это самое большое событие в литературе в последние годы. Больше того, Ваша повесть новаторская и по содержанию, и по манере письма, и даже по теме – и не только для казахской литературы.(...) Очень хотел бы, чтобы Вы продолжали свою связь с «Простором». Вы нас серьезно поддержали. Большое спасибо и за повесть, и за поддержку журнала! Счастья и творческих успехов Вам!» (Подчеркнуто нами – М.С.).

Все три письма, отрывки из которых мы привели выше, свидетельствуют о том, что новое произведение Евнея Букетова читатели журнала приняли доброжелательно. Ради справедливости, надо сказать, что в бочку меда кое-кто постарался бросить ложку дегтя. Были отклики и раздражительные от людей, которые в повествовании в какой-то мере задеты за живое, хотя все они были названы вымышленными именами. Назовем одного из них. Это знакомый читателю из предыдущих глав, пенсионер-карагандинец Жармак Тюленов (в повествовании – Жантак Бокенов).

Бокенов был показан как чистый прагматик, не видящий ничего дальше стен своей лаборатории, которому явно недоставало творческой мысли. Чтобы компенсировать это, он имитировал бурную общественную деятельность, старался представить себя ретивым администратором, лез ко всем с советами, показывая, что он во всем хорошо разбирается... Словом, автор увидел в нем типичный персонаж, часто встречающийся в среде исследователей. Видимо, дав свободу художественной фантазии, писатель слишком увлекся и создал собирательный образ исследователя, который наукой, как фиговым листком, прикрывает свою наготу.

Впрочем, это право каждого художника слова – создавать образы по своему хотению, ничего негативного в этом нет. А Жармак Тюленов, почему-то узнав в этом повествовании себя, обиделся не на шутку. Как-никак он внес в становление ХМИ свою лепту. И, конечно, ему не хотелось в свои преклонные годы играть роль персонажа-недоумка. Хотя между образом Жантака Бокенова, созданным автором, и истинным обликом Жармака Тюленова была огромная разница. Совпадало лишь название лаборатории. Но, что поделаешь, мы все наделены определенными чувствами, у каждого у нас свои понятия о чести и о заслугах... Так что обиду старого производственника, которому уже было за семьдесят лет, можно понять и простить...

Однако тут подозрительно другое: в майском номере журнала «Простор» за 1979 год, в обзоре писем под рубрикой «Читатель и журнал» вдруг ни с того, ни с сего был напечатан краткий отрывок из письма-отклика Ж.Т.Тюленова: «...Е.Букетов незаслуженно много и похвально говорит о себе, допускает неоправданные выпады против многих, с кем ему довелось работать. И хотя в повести не обозначено место действия, а фамилии реальных людей заменены псевдонимами – многим с первых же строк становится ясно, кого имеет в виду автор. Строгая документальность и партийная объективность – вот что должно характеризовать подобные произведения».

Почему на редакцию журнала напало такое запоздалое прозрение и доброе мнение о повести сменилось на прямо про-

тивоположное прежнему заявлению главного редактора «Простора»: «Вы нас серьезно поддержали... Что случилось? А теперь все эти благодарности, заверения в уважении отброшены и забыты. Невольно возникает странное ощущение, будто бы в редколлегии журнала совершен переворот, что всех там заменили другими людьми, но этого не произошло: и редактор, и сотрудники отдела прозы оставались на местах... Получается, что просторовцы подверглись нажиму сверху, и слабовольные по своей натуре Вениамин Иванович Ларин и Юрий Михайлович Герт, заведующий отделом прозы, не выдержав прессинга, опубликовали отрывок из письма-осуждения ученого коллеги автора. И все впечатление от повести было смазано. Не зря в аулах говорят: кусочек бараньего помета может испортить целый бурдюк масла.

А это были еще цветочки. Ягодок пришлось ждать недолго. И событие, внесшее ясность в противоречивые действия просторовцев, произошло в том же месяце. Молодежная газета «Ленинская смена», имевшая тираж в то время почти в полумиллион экземпляров, четверть века тому назад опубликовавшая первую критическую статью аспиранта Евнея Букетова, тем самым открывшую ему путь в мир литературы, да и после этого с большой охотой постоянно печатавшая все его статьи, иногда и написанные по заказу самой редакции, вдруг в номере от 19 мая 1979 года поместила пространный пасквиль на него под таким кричащим названием: «В соавторстве с... Хлестаковым». Строкой ниже броского заголовка, также набранного крупным шрифтом, было уточнено: «О записках научного работника Е.А.Букетова». В конце статьи указан автор – Ю.Рощин, кандидат исторических наук. А мы в свою очередь назовем и редактора газеты – Ф. Игнатов.

Цель пасквиля – принизить, развенчать перед общественностью академика, ученого, ректора Карагандинского госуниверситета, известного писателя не только в Казахстане, но и в Союзе. Опорочить его перед обществом, сведя на нет его новое произведение. Это заметно даже по названию статьи.

Всем известен главный герой бессмертной комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» Хлестаков, принятый в провинциальном рос-

сийском городишке за чиновника-ревизора. Хлестаков склонен к вранью, хвастовству, всякого рода надувательству. Чиновники захолустного городка, привыкшие к низкопоклонству, трепещут перед ним и, пользуясь этим, он беззастенчиво обирает и городничего и всех его подчиненных, которые и сами не пропустят того, что им плывет в руки.

И как можно было сравнивать пустого, лживого щеголя «без царя в голове» с профессором Е.А.Букетовым, лауреатом Госпремии СССР, широко известным в Казахстане новаторскими исследовательскими трудами, мало того, всю свою сознательную жизнь посвятившим воспитанию молодой смены и научных кадров, где же его схожесть со знаменитым персонажем Гоголя? Хлестаков – типичный пройдоха, вечный бессребреник, личность, можно сказать, совершенно никчемная. А Букетов – честный труженик, человек, влюбленный в науку, первый руководитель десятитысячного коллектива КарГУ, его заслуги отмечены орденами, он депутат Карагандинского облсовета, он известный писатель, пишущий на двух языках...

По мнению Ю.Рощина, академика Букетова с гоголевским Хлестаковым роднит одна черта их характера – бахвальство. Невероятно, но такой вывод навязывается читателям буквально с первых строк разоблачительной статьи. «А как и почему?» – спросит с неудоумением читатель. Да потому, разъясняет Ю.Рощин, что в своей опубликованной в «Просторе» автобиографической повести Е.А.Букетов сам себя расхваливает безудержно, повесть написана с целью рекламы его раздутых научных заслуг. Подробное описание взятых высот в науке, безграничного трудолюбия, ссылки на талант от Бога – все это, мол, подано простому и наивному читателю от первого лица и не что иное, как самовосхваление. «...Мне хотелось рассказать о времени, о себе. Теперь я вижу, что у меня не получилось ни то, ни другое», – имитируя естественность интонации, констатирует автор в предисловии, но все-таки от намерения «представить на суд читателя свои «записки» не отказывается... – заявляет Ю. Рощин. – Все-таки будем говорить правду. Между тем, о времени в них сказано мимоходом. Более всего в «Записках» – о себе...»

Время и окружение, в котором Е.А.Букетов жил, обрисовано в повествовании в каждой строке и на каждой странице. И вымышленный им герой жил не в безвоздушном пространстве. Его взрастили, открыли ему глаза на мир, сделали ученым окружавшие его люди. Этого мог не видеть только незрячий. А автор газетной статьи в повести ищет только негатив. Зачастую он вырывал из букетовского текста только половину фразы, выставляя автора в неприглядном, искаженном свете. И человек, не читавший повесть, мог легко поддаться на ложь критика. Если бы Рощин соблюдал хотя бы приличия, он не обрывал бы абзац на середине, а цитировал бы его до конца. Например, вот такие слова из текста: «К моему счастью, самодовольство не так долго длилось, если бы продолжалось, ни к чему хорошему не привело бы...» Автор статьи этого не сделал и не хотел, у него была задача любыми средствами облить грязью Букетова, потому и записал его собратом Хлестакова...

Доказательством явно предвзятого отношения к ученому-писателю является и то, что автор статьи не только высмеивает «Записки научного работника», его раздражают переводы Е.Букетова избранных произведений Пушкина, Маяковского, Надсона, Есенина и то, что он взялся довести до казахского зрителя драмы В.Шекспира: «Вряд ли правомерно браться за поэтический перевод с иностранного, если он сам без обиняков указывает в анкете, что владеет им слабо. Но это обстоятельство ничуть не смущает Е.А.Букетова, когда он «осуществляет» переводы из английской драматургии XVI-XVIII веков... Кто следующий окажется под прицелом творческого вдохновения Е.А.Букетова? Михайло Ломоносов? Бернард Шоу? Глеб Успенский?..»

Похоже, что автор скрупулезно изучил биографию Евнея Арыстанулы. Похвальное стремление. Но это сделано опять же для унижения, который, слабо зная английский язык, осмелился взяться за перевод классических драм великого Шекспира, притом имя драматурга критик вовсе не упоминает. Это тоже наглядный пример того, что Рощин по-своему подтасовывал любые факты...

(А мы, его коллеги по литературному цеху и режиссеры, работавшие с ним, знали, что перед тем как приступить к переводам «Макбета» и «Юлия Цезаря», Евней Арыстанулы тщательно изучил все переводы этих драм с английского на русский, и выбрал те, что прошли испытание временем. Например, драму «Макбет» он перевел по варианту, сделанному Б.Пастернаком.

Но Ю.Рощину было наплевать на муки слова, он зацепился за запись Е.Букетова в его автобиографии о том, что он «по-английски знает слабо», и этого оказалось достаточно, чтобы свести переводы одним росчерком пера на нет.

Думаю, нет необходимости далее опровергать каждое предложение или абзац пасквиля Ю.Рощина, занявшего три колонки на полную газетную полосу, местами набранного очень мелким, но жирным шрифтом, в котором все передернуто и искажено до неузнаваемости. В итоге критик без всяких доказательств выдал свое убийственное резюме: «Самоотверженность и верность общественному долгу, высокий порыв и чистота помыслов, умение быть в большом и малом кристально честным, слитым со всеми делами партии и народа, – все это, увы, во многом оказывается за пределами напечатанного. Идейно-воспитательный заряд «Записок» в лучшем случае равен нулю».

Ясно, что это был прицельный выстрел, тщательно рассчитанный с явным намерением свалить ректора КарГУ с его высокого поста. Такие операции так просто не делаются. Е.А.Букетов – известная личность в республике. Обычными методами, скажем, выискиванием недостатков в учебно-педагогической работе ректора солидного университета снять было непросто, хотя в принципе и такое было возможно, но это слишком рутинный путь. Тем более в университете он развернул кипучую деятельность и пользовался авторитетом. А если покопаться в его литературных трудах? Почему бы нет. Ведь в любом произведении, если поискать, можно найти изъяны. И публикация его «Записок» и ажиотаж вокруг них были очень кстати его противникам.

Статья нанесла глубокую рану, в самое сердце. Но Букетов не свалился, как ожидали организаторы провокации, продол-

жал трудиться, как и раньше. Не собирался сдаваться на милость победителя, а думал о наступлении... Он верил в справедливость. И решил добиваться ее там, где была сотворена эта пакость. Пришлось ехать в Алматы. Было у него намерение обратиться в ЦК КП Казахстана в отдел пропаганды и агитации, который ведал всеми печатными органами республики, попросить создать авторитетную комиссию, с ее помощью и доказать свою правоту. Это заняло бы всего лишь пару дней, достаточно было сравнить текст его «Записок» с критическим выступлением газеты, чтобы выявить явную нестыковку, натаскивание фактов. И еще – всего лишь полчаса времени, чтобы выслушать его самого. Но, увы, все двери «Большого дома» для ректора КарГУ, академика Букетова оказались наглухо закрытыми. И секретарь ЦК, ведавший идеологией, был вечно занят.

Здесь же Евней Арыстанулы узнал, что Ю.Рощин – вовсе не казахстанец, он проживал в Москве, лишь иногда залетал в Алматы. У него была репутация весьма посредственного историка и скандального литератора. Самое удивительное было в том, что он свой пасквиль написал в начале года и тогда же предложил газете «Казахстанская правда», но ее главный редактор Ф.Михайлов, человек принципиальный и честный, к тому же опытный журналист, продержав у себя статью пару месяцев, вернул автору со словами: «Тут вы много несправедливо нагородили и в целом напортачили. А ректора большого университета сравнивать с Хлестаковым – вообще нонсенс. Тем более академик Букетов – уважаемый автор нашей газеты...» А молодой редактор «Ленинской смены» Федор Игнатов не мог отказать залетному столичному критику, хотя тоже не горел желанием печатать очередный опус Ю.Рощина, пользовавшегося дурной славой. Но тогда ему кто-то из партийных боссов многозначительно изрек: «Ты, Федя, гляди на потолок и смекай что к чему!» – тот не устоял...

По прошествии восьми лет, летом 1987 года, Камзабай Букетов приехал в Алматы с последним отредактированным автором вариантом рукописи «Записки научного работника»,

чтобы лично вручить его директору издательства «Жалын», который вознамерился выпустить в свет в прошлом заклейменную, ошельмованную повесть в виде книги, явно почуяв ветер перемен. Обрадованный таким вниманием к труду покойного брата Камзабай Арыстанулы решился еще на один шаг. Сдав рукопись в издательство, он, как на крыльях, помчался к главному редактору «Казахстанской правды», тому же Федору Игнатову (видимо, за безукоризненное выполнение указаний из «Большого дома» его повысили в должности, но он там недолго удержался). В приемной редакции он назвал свою фамилию и сказал, что он специально приехал из Караганды и просит, чтобы его принял самый главный...

– Секретарь зашла в кабинет редактора, – вспоминал позднее Камзабай Букетов, – а я задумался, как ему сказать в лицо: что он погубил моего брата, именно его поступок смертельно ранил больное сердце. Хотелось спросить: мучают ли его угрызения совести по ночам и есть ли у него намерение публично попросить прощения у аруаха* покойного или же я буду искать восстановления справедливости в ЦК партии... Не успел я настроиться на волну мщения, вдруг широко распахнулась дверь кабинета, оттуда стремительно выбежал сам редактор, стал меня тянуть за руку к себе.

– Пожалуйста, проходите, Камзабай Арстанович! Очень рад, что вы сами пожаловали ко мне... И это примета нового времени. Настали другие времена, и политическая обстановка изменилась! Старое теперь – на свалке истории!.. Все труды незабвенного и дорогого Евнея Арстановича, его научное и литературное наследие – бесценны, настало время опубликовать их, все подряд! Да, да, пришло его время, дорогой Камза-еке, поздравляю вас от души!.. – Ф.Игнатов воскурил запоздалый фимиам в честь Евнея. – Да, Ебеке был неординарной личностью, он намного опережал свое время, – ораторствовал он. – Мы этого, к сожалению, в то время не поняли. Мешали узость мышления, закостенелость и клановые распри. Сейчас мне юлить нечего,

* Дух.

были в нападках на него очень заинтересованные люди, один из них – я, бедный малый, который сидит перед вами – Федор Игнатов... Виноват, очень виноват, я совершил глупость, которую уже нельзя исправить. Я в вечном долгу перед памятью такого большого ученого, которым гордится весь Казахстан...

Он не давал мне рта раскрыть. Игнатов сидел передо мной, жалкий, пришибленный и виноватый, и все продолжал оправдываться. Мой визит оказался для него неожиданным, он никак не мог успокоиться, говорил часто невпопад, что подворачивалось на язык, не щадя себя. Я понял, что у него, как сейчас говорят, крыша поехала. Перед этим же некоторые верные друзья мне советовали, как войду в его кабинет, схватить Игнатова за шиворот и плюнуть ему прямо в лицо, сопроводив это крепким мужским ругательством. Но после его отчаянного, безжалостного самобичевания я совсем забыл те слова, которые приготовил заранее. Он умолял простить его грехи и этим меня полностью обезоружил – что я мог после этого ему сказать? У нас, у Букетовых, не было такого в роду, чтобы кому-то мстить или держать на кого-то зло...

Игнатов пристал ко мне, как смола:

– Вы что-нибудь привезли? Опубликую на этой же неделе. У Евнея Арстановича не было слабых произведений, давайте любое, Камза-еке...

Вижу, что он человек без своего «Я». Такие всегда плывут по течению. Притом всегда оказываются в выигрыше. И у меня прошло по отношению к нему все зло, не стал дальше его мучить. Да что с него взять-то? Он же несчастный стрелочник. А мне уже не оживить моего брата!

– Ладно, товарищ Игнатов, я поверил вам, наконец, вы поняли свою ошибку... – сказал я примирительно. – Опубликовав ту скверную статью, вы сильно навредили моему брату, теперь вам же предстоит исправить допущенную оплошность. Больше мне нечего сказать, и мы будем квиты....

– Кто из друзей вашего брата может выступить в газете? Было бы хорошо, если бы это был кто-нибудь из видных наших литераторов. Это было бы возвращением имени Евнея Арстановича народу...

– Алексей Брагин, Юрий Герт, Леонид Кривощеков, Галина Черноголовина... – я начал перечислять сразу пришедшие на ум фамилии его приятелей.

Игнатов, сняв телефонную трубку, начал их обзванивать. На удачу, нашел писателя Брагина, объяснил ему ситуацию. Добрейший Алексей Иванович сразу же согласился подготовить статью, так как он и Герт часто общались и переписывались с братом, они были настоящими его друзьями.

И вот 19 июля 1987 года «Казахстанская правда» опубликовала большое воспоминание-эссе А.Брагина под названием «И все-таки он победил». Эта вещь обрадовала многих его друзей, а некоторых, скажу прямо, даже испугала. А для всех Букетовых – это был настоящий праздник. Ведь в течение долгих восьми лет, с того печально известного мая 1979 года, когда увидел свет тот самый пасквиль, его имя было под запретом. А теперь официальный орган ЦК Компартии Казахстана как бы снял с него негласную опалу. Между прочим, печатая замечательное эссе о нем, редакция сопроводила его такой аннотацией: *«В республике осуществляются мероприятия по увековечению памяти этого известного деятеля культуры и науки, готовятся к изданию его научные труды и литературные работы. В Союзе писателей Казахстана создана комиссия по литературному наследию Е.А.Букетова...»*

Алексей БРАГИН, «И ВСЕ-ТАКИ ОН ПОБЕДИЛ»:

«...Он был человеком не только широкой, но и распахнутой души. И эта распахнутость, эта откровенность едва ли не яснее всего выразились в его «Записках научного работника».

Публикация этого произведения сыграла трагическую роль в жизни Евнея Арстановича Букетова.(...) Ю.Рощин появлялся на страницах многих алма-атинских газет. И если ему начисто было отказано судьбой стать властителем дум, то многие чужие судьбы ему удалось поломать. Кто из нас, поеживаясь, не думал: а вдруг моя повесть (рассказы, стихи, критические строки) не приглянутся всесильному Рощину и он вынесет свой безапелляционный приговор... Он увидел в «Записках...» «скособоченную общественно-политическую картину», произвел Букетова

в «прямые родственники» горьковскому Климу Самгину и леоновскому Грацианскому (а ведь это не просто сравнение, а политическое обвинение!), заявил, «что мифологический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могучим коллективистом», обвинил Евнея Арстановича во всех смертных грехах, в том числе во лжи, зазнайстве, хвастливости, фальсификации. В фельетоне обдуманно подчеркнута и должность Букетова — ректора Карагандинского государственного университета. Словом, ракета взвилась: начинайте травлю. И начали.

С болью и гневом значительная часть литературной и научной общественности восприняла фельетон Ю. Рощина, в котором явственно прослушивалось: «Ату его! Но те, кто и мог бы защитить, молчали, ибо догадывались — сигнал к травле исходил из «Большого дома», как тогда принято было говорить. Молчали, ибо знали, что такая неординарная личность, как Букетов, невыгодно оттеняет тогдашнего бесцветного президента Академии наук республики и должна быть во что бы то ни стало развенчана...»

Однако вернемся к лету 1979 года...

Некоторые единомышленники Евнею горячо доказывали, что «есть в твоем университете заинтересованные люди, которые завидуют твоим достижениям, стараются тебя опорочить, и организаторы этого опуса они...», а другие убеждали: «Ебеке, за этим стоит кто-то из сильных мира сего». И они же, сокрушенно покачав головами, загадочно умолкали. Никто из них не сказал: «Как же мы все будем терпеть такое, когда средь белого дня происходит публичное избиение нашего товарища? Нет, не отдадим тебя на растерзание заезжему прохиндею, притом из-за чего? Это позор для нас, нашей национальной интеллигенции!..» Хотя бы один такой смельчак нашелся, встал бы на собрании и с трибуны публично выразил бы свое возмущение совершаемым произволом. А не шептался бы об этом на кухне. Кто его там мог услышать? Разве только жена и то, если она была не далеко, а близко. Но, увы, не нашлось такого пламенного трибуна, второго Марата, известного разоблачениями своих противников в революционной Франции. Друзья, товарищи, коллеги, которые всегда его

горячо поддерживали, клялись в любви и гордились им, теперь смущенно отводили глаза. Конечно, страх перед власть предержавшими сковывал. Народная мудрость по такому поводу гласит: «Пуганый заяц и пенька, не только живого волка, боится». Один из почитателей его, аксакал Ишанбай Каракулов в своих воспоминаниях о Букетове, озаглавленных «Дружба, продолжавшаяся годы», писал: «Однажды мне Евней сказал, что наука в застое, и не только наука. Мораль, правда, справедливость, честность, гордость – все попрано. До каких пор это будет продолжаться? – говоря так, он сильно переживал. Видя его очень подавленное настроение, я насильно потащил его к нашим старым друзьям, старался отвлечь от тяжелых дум». Похоже, что ветеран труда и партии вспоминает как раз те черные дни, когда Евней Арыстанулы оставался один на один со своей бедой... Никто из них не попросился на прием к высшим партократам, чтобы бросить им в лицо: «Почему вы позволяете такое, почему молодежная газета печатает подобные опусы, бессовестно унижает одного из лучших представителей казахской интеллигенции. Ведь такие же газетчики также безнаказанно шельмовали цвет нации, первых борцов за свободу, навешивая им ярлык «иностранных агентов», подставляя всех подряд под пресловутую 58-ю статью, таким образом, целенаправленно уничтожая всех мыслящих не по установленному порядку и уставу. Это было в проклятом 37-м году. А сейчас, слава богу, время другое, на календаре 1979 год...» И ничего не случилось бы с ними, с этими ходоками, не отвалился бы у них язык. Из почтения к тому же Ишанбаю Каракулову или известному поэту Абдильде Тажибаеву им бы сказали: «Уважаемые аксакалы, мы разделяем ваше недовольство. Подумаем, примем меры...» И тот же партийный чиновник, проводив их, может быть, задумался бы и, возможно, впредь не допустил бы таких пакостей, кто знает? Однако не нашлось никого, кто бы заступился за него, кто четыре года тому назад, в день его пятидесятилетия возносил его до небес, теперь отрешенно молчал. Никто не хотел высовываться.

Между прочим, эта была распространенная тогда «болезнь» среди нашей интеллигенции (интеллигенты ли они? Лично я

сомневаюсь). Рассуждения: «моя хата с краю» или же «своя рубашка ближе к телу», – определяли все поведение ученых, писателей, деятелей культуры. Это было горьким плодом долгого служения власти, низкопоклонства и раболепства перед ней. Тем, кто угождал, пресмыкался перед властью, доставались награды, почетные звания, у них издавались избранные сочинения... А власть имущие, убедившись в покорности своих подданных, совсем распоясались. Раз за разом они все больше наглели, чувствуя свою безнаказанность.

Теперь вот настала очередь академика Е.А.Букетова.

Свои мысли по этому поводу Евней Арыстанулы поведал в 1978 году своему старому другу, поэту Музафару Алимбаеву, отдыхавшему вместе с ним в санатории «Алатау»: «Сергей Есенин, Владимир Маяковский никогда не молчали, не таились, а, подчиняясь разуму и велению сердца, всегда резали правду-матку. Кто может сравниться с нашим Махамбетом*, который даже перед обнаженным мечом палача не страшился говорить правду! А мы все, писатели и поэты, поголовно стали осторожными. В последнее время не слышно ни ярких выступлений, ни острых стихотворений... Я не для того говорю, чтобы только прослыть правдолюбцем. Просто не могу молчать, молчание – это тоже непростительный грех. Слыша беззастенчивое вранье, не замечая его, мы делаем вид, что всем довольны и даже улыбаемся... Что это? Это же подлость. Мы не останавливаем лжеца, не сгоняем его с трибуны, а потом начинаем верить ему сами, мало того, еще стараемся убедить в этом и других. Позор всем нам!..» Евней был отчаянным, честным человеком. Душа его давно истосковалось по истине! Это свойственно мыслящим, страдающим за народ людям!..»

Летом того же, 1979 года, вышло в свет совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». В связи с этим в июле в Алматы состоялось совещание с участием всех руководителей вузов и учеб-

---

* Махамбет Утемисов – поэт-бунтарь, участник восстания Исатая Тайманова против ханской власти, он погиб в первой половине XIX века.

ных заведений среднего и специального образования, а также ведущих ученых-педагогов. На нем выступил секретарь ЦК КП Казахстана С.Н.Имашев, критически перечисляя ряд неприглядных фактов, он отметил: «Некоторые ректоры, вместо того, чтобы добросовестно выполнять ответственное поручение партии и правительства, ежедневно заниматься улучшением учебного процесса и в результате поднять на высокий уровень воспитание молодежи – зачастую увлекаются второстепенными делами, и свое дорогое время тратят на написание мемуаров, в которых притом непомерно превозносят самих себя. Например, ректор второго в республике Карагандинского госуниверситета коммунист Е.А.Букетов, к сожалению, в последнее время увлекся именно таким творчеством...»

Таким образом, и секретарь ЦК КП Казахстана практически полностью одобрил выступление молодежной газеты, это уже считалось официальным мнением Центрального Комитета. Всем стало понятно, откуда ноги растут, кто благословил газету. Одновременно стало ясно и то, что вопрос о снятии Е.А.Букетова с поста ректора КарГУ уже предрешен...

В свою очередь, это придало храбрости всем тем, кто раньше исподтишка пытался нагадить руководителю университета, оклеветать его, создать о нем отрицательное мнение, но эти наскоки прежде тормозились местным начальством, после выступления секретаря ЦК жалобщики воспряли духом, поняв, что теперь можно действовать без оглядки, более нахраписто. И они кинулись строчить доносы, не гнушаясь сплетнями и домыслами. Все они, кстати, отправлялись в ЦК КП Казахстана...

«Без сомнения, объективную оценку событий, роли отдельных личностей даст время. Не дело нам, уральцам, со стороны пытаться разобраться во взаимоотношениях, сложившихся между учеными северных и южных провинций Казахстана. Но если спросить мнение уральцев, знавших и участвовавших в развитии и становлении научной мысли на казахской земле, без сомнения, имя академика Букетова Е.А. они бы назвали в ряду талантливых сынов Казахстана К.Сатпаева, М.Ауэзова» – так

однозначно выразил свое мнение о подвергнутом преследованиям Евнее Арыстанулы хорошо знавший его ректор Уральского политехнического института, профессор Станислав Набойченко в своих воспоминаниях.

Впрочем, и в Казахстане нашлись горячие головы, которые пытались развеять наветы на Е.А.Букетова, разогнать сгустившиеся над ним тучи. В архиве ученого хранится шестистраничное письмо-протест, написанное в мае того же года кандидатом экономических наук Б.Кажыкаримовым. Оно адресовано ЦК КП Казахстана и Карагандинскому обкому партии и озаглавлено: «Когда искажается истина». В письме приводятся красноречивые факты, начисто опровергающие все домыслы и измышления автора фельетона в газете Ю.Рощина. Не оставив камня на камне от статьи-пасквиля, автор с возмущением требует, чтобы автор этого опуса и редактор газеты за нарушение 36-й статьи Конституции Казахской ССР (в ней было сказано о праве гражданина на литературное творчество) должны предстать перед судом и понести ответственность перед партийными органами...

Нам известно, что такие же письма готовились и в коллективах КарГУ и ХМИ: В.П.Малышев, Ж.Н.Абишев, Т.К.Кокетаев и другие собрали подписи сотен людей в защиту Е.А.Букетова. Они хотели свои протесты направить в ЦК КПСС, были горячие патриоты, готовые ехать в Москву, в редакцию «Правды» за справедливостью... Но сам Евней Арыстанулы, узнав об этом, не дал ходу коллективному заявлению (видимо, и вышеуказанному письму тоже), он строго-настрого запретил отправлять эти письма-протесты, заявив всем: «Литература – мое личное дело, и за свои творения я буду отвечать сам, более никто...»

И все-таки настоящим утешением для опального ученого в те дни стали письма-отклики, присылаемые его почитателями. Они поступали в редакции, в партийные органы, большинство – в ректорат КарГУ.

«Здравствуйте, тов. Букетов!

Хочу сказать Вам, что возмущен неприличной рецензией на Ваши записки. Выступление «Лен.смены» напомнило мне чер-

ные дни 1950-51 гг., когда в печати топтали ногами представителей казахской интеллигенции только за то, что они позволили себе иметь свою точку зрения. Я внимательно и с интересом читал «Записки научного работника» («Время светлой судьбы» — заголовок елейный и не совсем грамотный) и думал выступить с их критическим разбором, но решил подождать отдельного издания, так как показалось, что в журнальном варианте не обошлось без сокращений. В ваших воспоминаниях многое мне понравилось. Я не знаю другой такой попытки рассказать о том, как мальчишка из аула поднялся к вершинам науки и при этом остался в чем-то мальчишкой — живо мыслящим человеком, свободным от той ложной этики, которая подчас рядит в академическую тогу надменную лень и сытую тупость.

По-настоящему обаятельны образы трудовых людей из аула, Ваших учителей, рассказывая о них, Вы углубляете и расширяете представления, с которыми пришел в советскую литературу Чингиз Айтматов. Да, пишите Вы художественно слабее, нет селекции фактов. Но не было на Вашу прозу жесткого и любящего редактора. Это особенно сказалось в той части записок, где Вы говорите о научной деятельности, об атмосфере исследовательских институтов. Здесь есть и аульное самолюбование — вот, дескать, как высоко Евней взлетел! Есть и слишком лобовые характеристики коллег...

Помните, Станиславский учил своих актеров: «Изображая лжеца, ищите, в чем он все-таки правдив; рисуя скупца, старайтесь выявить, в чем он щедр». Вам же в изображении ряда научных работников не хватает как раз доказательств и мотивировок, дающих объемность образов. Зато есть начало горькой правды, зато есть смелость, зато Вы там и здесь срываете эту самую академическую тогу с научной недобросовестности и безнравственности. Ах, как это необходимо нашей казахстанской науке! В общем, хочу, чтобы в эти неприятные для Вас дни Вы знали, что у Вас есть не только противники, но и сторонники. Верю, что Ваша работа над «Записками» будет продолжена. Сочетая способности «физика» и «лирика», Вы сможете рассказать о пережитом, о научных проблемах увлекательно и доступно. Верю: Вы можете представить веские доказатель-

ства того, что Ваш родной народ умеет рождать настоящих ученых, простых, веселых, неутомимых тружеников науки, не перестающих думать с получением первой же научной степени.

Возможно, Вы меня помните. В дни Вашего студенчества я заведовал отделом литературы в «Ленинской смене» и готовил к печати Ваши отзывы о книгах и театре. Вы тогда были просто — Женя. Желаю Вам бодрости и рабочего состояния.

А. Розанов, Усть-Каменогорск, 22 мая 1979 г.»

Автором этого послания был Андриан Сергеевич Розанов, сотрудник газеты «Ленинская смена» (в то время он работал собственным корреспондент молодежной газеты по Восточно-Казахстанской области), он был известен как смелый борец за справедливость, как бескорыстный и правдивый журналист. И на этот раз он остался верен себе, видя явную гнусность, хотя должен был по долгу службы выражать солидарность с родной газетой, отстаивать «честь мундира», но он не опустился до этого, сохранил свое лицо, отправив письмо в Караганду на третий день после публикации статьи Ю.Рощина...

Таких теплых, дружеских писем было немало. Беспрерывным потоком шли они все лето, осенью, а некоторые находили адресата даже и в следующем году.

* * *

После того совещания работников высших учебных заведений, где устроили Евнею Арыстанулы публичный разнос, старый приятель К.*, дождавшись его у выхода Дворца имени Ленина, пригласил в гости. Евней не хотел никуда идти, но

---

* «Медеу-жан, я не возражаю, чтобы ты написал про нашу беседу без утайки обо всем, что я тебе расскажу сегодня, но прошу тебя не называть моего имени. Люди могут судачить, что я столько лет молчал, а когда дожил до старческого возраста, стал, мол, соловьем заливаться... Некоторые могут понять мою откровенность превратно. А я рассказываю тебе об этом только для того, чтобы ты правду знал. Да еще светлая память моего старого друга Евнея обязывает...Словом, договорились? Тогда включай свою аппаратуру...» — после такого уговора имя рассказчика я вынужден не упоминать, хотя этого человека уже и нет среди нас.

этому человеку не мог отказать, тем более, приглашал тот на дачу в горах, приютившуюся среди вечнозеленых тяньшанских елей, где воздух был чист и прозрачен и царили такой покой и тишина, каких ему давно недоставало.

Они взяли такси, через полчаса добрались до дачи. Хозяин, включив электрочайник в розетку, обратился к гостю:

– Байбише* моя сейчас больше беспокоится о внуках и внучках, чем обо мне. Подготовив все, что необходимо для ужина, как видишь, отправилась в город... Наверное, хотела, чтобы мы поговорили наедине, умница она, – улыбнулся К., и чуть повременив, спросил: – Что ты предпочитаешь из спиртного? Я склонен к коньяку, тем более это знаменитый КВК**...

– Ну, тогда я присоединяюсь к тебе, – ответил гость.

Он уже понял, что друг студенческих лет хочет рассказать о чем-то давно лежавшем на сердце. Для того и пригласил в дачный домик. Ряд лет они не встречались вот так один на один, встречи-то были, но всегда в окружении знакомых. А вот так посидеть по-мужски, как в молодые годы, давно не приходилось, хотя они к друг другу тянулись. Но, что поделаешь, постоянно не хватало времени. А сейчас все было для такой задушевной беседы: первозданная тишина гор, наступавшие сумерки, простой и от души предложенный хозяином дастархан...

– Устал я сегодня от этой пустой говорильни, что от нее толку. Давай, Евней, воздадим должное этому благородному напитку! – поднял стопку хозяин.

– Давай.

Выпили залпом. Закусили.

– Как твои дела? Ты что-нибудь предпринимаешь для самообороны? Этот, как его, наш идеолог-секретарь сегодня тебя поддел, конечно, напрасно. Я заметил, что сидящие в зале отнеслись к его критике безучастно, аплодисментов он не дождался. И поделом ему! Эх, если бы кто-то еще выкрикнул: «Товарищ секретарь, это же клевета!», – вот вышла бы хохма, но, естественно, такого камикадзе не нашлось. Ему бы потом не сносить головы...

---

* Жена, здесь в смысле хозяйка очага.

** Коньяк высшего качества.

– О чем горевать? – встряхнулся Евней. – Придется слагать ректорские полномочия, но я об этом ни капли не жалею. Сброшу эту обузу и сразу полностью переключусь на науку, литературу. Я никогда не стремился к высоким чинам, наградам. Многие лопаются от гордости, удостоенные их. Прав был Гавриил Державин: « Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами». Перо мое, думаю, никто из моих рук вырвать не сможет, и я не отдам! А наука – для меня родная стихия. Ты когда-нибудь слышал, чтобы академик остался без работы? Ну, если не дадут снова директорствовать в ХМИ, тоже не обижусь, вернусь в свою лабораторию. Если в тридцать лет я мог многое стерпеть, то уж, наверное, в пятьдесят не потеряю рассудка. Так что, друг мой, я уже давно перешагнул юношеский возраст. Мысли и знания остаются при мне, и я остаюсь все тем же Евнеем...

– Силен ты, молодец, гордый ты человек! Необузданный у тебя характер, ты как строптивый конь в степи, привыкший к воле, – давний друг пришел в приподнятое настроение, аж похлопал в ладоши. – Иншалла*, я рад, значит, та дурацкая статья тебя не загнала в угол. Я искренне горжусь тобою! – Быстро наполнив рюмки, он бодро воскликнул: – Пью за твою несгибаемость, и хотя великий физик Паскаль сравнивал человека со слабым тростником, тебя, я вижу, не сломят никакие бури!..

– «Не пугай меня грозою, Весел грохот вешних бурь! После бури над землею, Светит радостней лазурь». – Евней вдруг громко продекламировал начало известного всем стихотворения. – А, ну-ка, скажи, чьи это стихи? Только быстро!..

– «После бури, молодея, В блеске новой красоты, Ароматней и пышнее Распускаются цветы!» – продолжил К. – Иван Бунин, перевод нашего Абая. Черт побери, крепкая у тебя память, сто тысяч строк помнишь не только казахских, но и русских поэтов... А я, хоть и профессор словесности, не могу с тобой состязаться. Феномен ты, ей богу! Между прочим, можешь свой хлеб зарабатывать декламацией мировой поэзии...

Гость только пригубил коньяк. «Значит, не пьется ему, – подумал друг. – То, что сейчас он хорохорится – это напуск-

* По-арабски приблизительно «Слава аллаху».

ное, а внутри у него по-прежнему кошки скребут. Легко ли быть битым ни за что? Как его вывести из этого состояния?..»

На какое-то время каждый предался своим думам.

– Что эта статья написана по заданию, нет сомнения. – прервал молчание хозяин дачи. – Истинный автор не Ю.Рощин – другой... Ты знаешь об этом? – Евней неопределенно развел руками. – Но сначала выпьем еще по одной рюмке, сейчас я тебе раскрою на все глаза, только не падай! – поднял рюмку К. и, не дожидаясь гостя, залпом выпил, возможно, тем самым желая погасить свое волнение. А затем, пристально посмотрев на Евнея, тихо сказал: – Это подстроил тебе помощник первого секретаря, русский писатель... Мой информатор – большой чин из «Большого дома». Он и тебе сочувствует, врать не будет. Помощник первого тебя совсем не знает, никогда и никаких дел ты с ним не имел. И как такой человек мог сделать такую подлость, не понимаю... Или было что-то между вами?

– Прошлой осенью, в конце года, мы с ним случайно встретились в вестибюле «Большого дома». Владислав Васильевич сам меня остановил, мы познакомились во время поездки Димеке в Караганду, тогда и немного побеседовали о литературных новостях...

– Что ты говоришь, значит, вы знакомы?

– «Как у вас дела?» – спросил тогда меня помощник. «Вроде неплохо, – начал я разговор, – кажется, мы с вами вместе подняли тираж «Простора», осенние номера журнала идут нарасхват» – пошутил я, может быть, мне не надо было говорить так. Дело в том, что его новая повесть «Закон Бернулли» была опубликована в том же 9-ом номере, где печаталась вторая часть моих «Записок». «Вам понравилось мое произведение?» – пристал ко мне Владимиров. Видимо, он ждал, что я скажу что-то лестное о нем. Наверное, ему нужен был сам факт, что Букетову понравилась его повесть. Но я не оправдал его надежды, отделавшись общими словами. А он уже ухватился за отдельные мои мысли: «Евней Арстанович, напишите рецензию. А куда поместить, я скажу вам позднее...» Мне надо было сказать «Подумаю», но, что поделаешь, я отказался напря-

мик: «Нет, Слава, я уже не пишу рецензий, давно отошел от жанра критики...»

– Эх ты, провинция, оказывается, сам же себе накаркал беду, – чуть ли не запричитал друг, выдав свое крайнее огорчение. – Он надеялся, что ты с радостью согласишься, ведь ему в Алматы никто ни в чем не отказывает, и Владимиров затаил на тебя обиду. О нем говорят, что он очень злопамятный...

– Нет, еще раз нет! Что я сделал такого, чтобы он так мстил? Неужели он не понимает, что сказанное мною – комплимент, у него, думаю, для этого ума достаточно. Нет, батыр, твоя версия неправдоподобна. Я вообще не верю в то, что задание устроить мне пакости исходило оттуда, притом что в этом замешан помощник Димеке. Нелогично. Димеке – большой человек, и он на такие мелкие козни не пойдет. Тем более, у меня к нему нет никакой ненависти...

(Восемь лет спустя, в начале 1987 года, этот вопрос в разгар всеобщей критики прежнего партийного руководства, стал предметом обсуждения на пленуме обкома КП Карагандинской области. Председатель ревизионной комиссии областной партийной организации М.Имашев с трибуны во всеуслышание заявил: «А что кунаевская компания сделала с академиком Е.Букетовым, крупным ученым, замечательным писателем, в котором они подозревали претендента на должность президента Академии наук? Это они ускорили его кончину, оклеветав, смешав с грязью руками помощника Кунаева – жулика Владимирова» (эти жестокие по сути слова мы взяли из отчета с пленума из газеты «Индустриальная Караганда».

Точно такое же обвинение предъявила ему через тринадцать лет (1992 год), поставив последнюю точку в этом спорном вопросе, республиканская газета «Кооперативные новости», опубликовав на своих страницах заметку «Это не «Записки». Это донос»: «Нам кажется, деликатность в таких принципиальных вопросах излишняя. Ведь автор этого доноса сделал все, чтобы талантливая поэтесса Тамара Мадзигон молодой ушла из жизни. Молодым умер Анатолий Тарасов. После гнусного фельетона всем хорошо известного анонима погиб

академик Е.Букетов...» И газета называет имя этого человека – Владислав Владимиров. А статья сопровождена вот такой редакционной аннотацией: «Как бы хотелось, чтобы В. Владимиров подал на «КН» в суд за клевету. Мы готовы отчислить любую сумму за экспертизу авторства доноса. Мы готовы выслушать показания множества свидетелей. Замечательный должен бы получиться процесс. Это был бы процесс над теми, кто пока ушел от заслуженного ответа...»)

– Ладно, Евней. Веришь, не веришь – дело твое... В чем ты провинился, я тебе выложу откровенно, только слушай меня, не перебивая... – решительно продолжал хозяин. – Я недавно заново прочел твой очерк «Человек, родившийся на верблюде», тот самый первый вариант, опубликованный в московском журнале «Знамя». На это меня подтолкнули слова нашего доброжелателя из «Большого дома»... Все твои нынешние беды начались именно из-за этого очерка. Даже сегодняшние наскоки секретаря ЦК на тебя – тот же отзвук. Это только начало, самое плохое еще впереди. Ты уже уловил, как они ловко срежиссировали свои действия: сначала фельетон в массовой газете; теперь вот такая критика с трибуны республиканского совещания вузовских работников, а потом пойдут письма-доносы...

Евней хотел возразить, но друг, подняв руку, попросил жестом не перебивать.

– Дорогой Евнейжан, неужели ты такой наивный, не понимаешь, что ты натворил? Я знаю, что ты прямой потомок легендарного батыра, теперь-то я убедился окончательно: только настоящие батыры идут как ты, напролом... – И взяв с полки тот самый номер «Знамени», открыл страницу с очерком Евнея. – Вот, прочитал твой очерк с карандашом в руках, ты назвал здесь 72 казахстанских ученых, среди них – русские, казахи, татары, украинцы, евреи... Начал перечень с Абая и Чокана, заканчиваешь Шапыком Чокиным, Шахмарданом Есеновым. Конечно, Сатпаева и Ауэзова особо выделил, я бы сказал, с любовью описал их. Даже ученых среднего поколения, таких как Байконуров, Дарканбаев, Толыбеков, никого не забыл. Всем им даешь отличные характеристики,

кое-кого вообще сочно описал, например, Ишанбая Каракулова... Однако в твоем очерке нет имен двух ученых. Кого же? Нет обоих братьев Кунаевых! Ты, наверное, их не считаешь настоящими учеными, раз не отметил среди светил казахстанской науки...

Евней, прокашлялся, давая знать, что хочет привести свои аргументы. Но хозяин дачи уже не мог остановиться.

– Вчера я снова перелистал подаренные тобою книги на казахском и русском языках. Где напечатан «Человек, родившийся на верблюде», изданные в 1975 и 1977 годах, надеялся, что ты свою «политическую» ошибку, допущенную пять лет тому назад, уже исправил... Нет, никого из них, ни старшего, ни младшего Кунаева – в твоих книжках не нашел. Значит, твоя «забывчивость» по этому щепетильному вопросу не случайна, это уже выглядит как открытый вызов им. «Не хочу говорить о вас. И все. В конце концов, кто мне нравится, а кто нет, и как о них писать – мое писательское право» – так, дружище, получается...

– Ты хоть пожалел бы меня...

– Это и есть тот случай, Евней, когда истинный друг говорит неприкрашенную правду тебе в глаза, какой бы она ни была беспощадной, – выпалил он, резко жестикулируя.

– Возможно, приближенные подхалимы из окружения первого секретаря, ты не считай их ротозеями, они все умные. Может быть, не в рабочем кабинете, а во время отдыха, держа твои две книги в руках, могли, как сексоты, сказать такое: «Димеке, странно, но у нас издают такие книги, как эти. Посмотрите, это книги известного вам Евнея Букетова, которого все возвеличивают. Все его считают истинным ученым, непревзойденным литератором. Он так высоко вознесся, что, перечисляя ученых Казахстана в своем очерке, вас, как уважаемого и старшего по возрасту и Аскара, как младшего его собрата, ученого-коллегу, он вообще не упоминает. Всех известных ученых Казахстана, даже серепьких, и то называет. Только не удосужился упомянуть вас, двух Кунаевых. Почему? Не понимаю, видимо, это делается с умыслом, специально. Это по существу неприкрытая наглость, как можно так? Что

ваш род сделал ему, непонятно?.. Димеке, надо его хорошенько одернуть, а то он вообще сядет на голову, надо дать ему такого пинка, чтобы запомнил, да и другим, чтобы неповадно было». Подумай, Евней, могли же так предподнести достопочтенному Димеке твою маленькую оплошность? Вполне могли!..

– Остановись, батыр, я согласен: Аскар Менлиахметович – человек наивный, может легко поддаться наушничеству мнимых его друзей. А Димеке – крупная личность, его-то не втянешь в такие мелкие склоки. Как ты можешь утверждать, что большой государственный деятель такого масштаба мог обидеться за очерк, за то, что я не упомянул их, братьев. Ведь эта публикация – однодневка, сегодня прочитают, а завтра уже забудут. Нет, не убеждай меня, хоть убей, ни за что тебе не поверю...

Евней не стал дальше спорить.

– Мысль-то правильная, – проявил К. покладистость. – Димеке высоко парит. Он на мелочь не разменивается. Говорят, если он захочет кого-то наказать, скажем, убрать с поста, никогда он сам этим не будет заниматься. Такие манипуляции он проделывает чужими руками. Но ты не забывай, что он тоже человек из плоти и крови. И, конечно, кто-то из его приближенных, имея на тебя зуб, а возможно просто, чтобы выслужиться, мог его убедить в твоем неприятии их клана. И он заподозрил, что ты держишь камень за пазухой... Конечно, все это предположительно. Но я не сомневаюсь: кто-то накапал на тебя Д· меке, и он выразил недовольство тобой. А рядом с ним всегда находятся проверенные и преданные служаки. Такие, как Саттар Имашев, которые держат ухо остро, сразу поймут, что к чему и начинают думать, как тебя наказать...

– Подожди, друг мой. А что разве народ вечно будет безмолвствовать? Ведь все видят, что это организованная травля. Когда-то все выйдет наружу. Время все расставит по своим местам. Не знаю, как отнесутся потомки к моим литературным опытам, но научный вклад они должны признать и оценить.

– Правильно рассуждаешь, Евнейжан! Научное наследие твое переживет тебя! Даже «Записки» твои!.. Но ты – умный человек, о том, что я сейчас тебе сказал, подумай хорошенько, крепко подумай! – И он, разволновавшись, придвинулся к

нему вплотную. – В том очерке, не спорь со мной, не знаю, как тебе доказать, ты допустил много проколов... Ну, я понимаю, что достойно показал историческую роль и заслуги Канеке в открытии Академии наук, но тут же ты мог пару теплых абзацев посвятить и Димеке. Тем более он принял храм науки из рук Сатпаева в такое тяжелое время, когда в Казахстане свирепствовали репрессии 50-х годов, санкционированные Москвой. Надо было хотя бы отметить достойно его трехгодичный труд во главе академии, там же подчеркнуть, что он вернул АН в целости и даже обогатившейся новыми кадрами и институтами своему наставнику К.И.Сатпаеву... Нет, об этом ты ни словом не обмолвился, как будто Динмухамеда Кунаева не было в анналах науки. А младший Кунаев, твой бастык и ученый-металлург, вот уже пять лет как президент АН. Ты его тоже не жалуешь. Почему бы не сказать несколько ласковых слов в его адрес, тебя бы от этого не убыло. Между тем, он уже избран членом-корреспондентом Союзной академии. Удостоен Госпремии СССР. Наград, вопреки твоему желанию, у него также хватает...

– Еще получит.

– Правильно. Наша казахская пословица гласит: «У кого брат надежный покровитель, тот легко пойдет в гору». Всем известно, и это уже не тайна, что Димеке, чтобы своего младшего брата посадить в кресло президента АН, заблаговременно убрал с его дороги таких крупных ученых, как Чокин и Есенов. А в своем очерке ты вовсю расхваливаешь их обоих. Вчера я, прочитав, подумал, что ты это делаешь назло братьям Кунаевым, в пику им превозносишь до небес своего друга Шахмардана. С удовольствием читал. Но?.. Тебе и об этом надо было подумать. Ан нет, в итоге тем, кто искал у тебя изъяны, чтобы хулить тебя – ты сам дал в руки камчу. Это во-первых. Во-вторых, среди ученых-коллег за твоей спиной распространяется мнение об Аскаре, как человеке недальновидном, а приписывается это тебе, и ты в этом случае не сможешь оправдаться – потому что в своем очерке Аскара вообще не назвал... А он единственный и любимый брат Димеке, продолжатель их рода. Так что ты и в этом плане допустил непоправимую, непрости-

тельную ошибку! А я слышал, что он ради защиты чести и имени Аскара любому свернет шею, ни считаясь ни с чем и ни с кем...

Из-за того, что К. говорил слишком громко, запальчиво, он даже охрип и вспотел. Подойдя к холодильнику, он достал воду и жадно выпил целый стакан.

– Да, да, я тебе всю правду выложил, в которой был убежден. Этим я не собирался тебя совсем вышибить из седла, я просто хотел тебе раскрыть на все глаза. У тебя есть противники и завистники твоей славы, они-то и хотят тебя живьем закопать в землю. Начали они с твоего хобби, литературных произведений, теперь возьмутся за университет, а потом и за научные занятия начнут тебя трясти...

В какой-то миг вспомнив, что он хозяин этого очага, К., будто почувствовав угрызнения совести, взял бутылку, глубоко вздохнул и наполнил рюмки коньяком. Затем посмотрел на гостя с прищуром:

– Сейчас, Евней, каждый наш шаг, каждое слово, даже идти или не идти в гости – уже политика. Где ты сидишь, о чем говоришь, все приобретает особое значение... В гостях сидишь и только и думаешь, как бы что-нибудь лишнее не ляпнуть... Тут нас только двое. И опасаться нам некого по этой части. Давай, еще раз выпьем...

Гость будто бы только этого и ждал. Громко хохотнув, поднял свою рюмку.

– Ты что это – вместо того, чтобы плакать, смеешься?

– А что прикажешь теперь делать? Что наломал дров – это я уже понял, так уж получилось. Вначале хотел чуть-чуть и о них написать, в первую очередь, о старшем Кунаеве. Но потом подумал, что это будет выглядеть, так, будто я перед ним угодничаю, считал это неудобным в моем положении. Исправить теперь это трудно, просить прощения уже поздно, – заключил Евней, поглаживая волосы. И сразу, как-то машинально, не замечая, что делает, осушил единым махом свою рюмку.

– Я хочу тебе дать два совета, – вдруг воодушевился К. – Напиши большой очерк о братьях, как они росли, как достигли научных высот, что мне учить тебя, сам знаешь, как это

делать. Назови свой очерк «Династия ученых». Редактор «Простора», который провинился, напечатав твое очередное, притом сильное произведение, и за это получил уже взбучку от Имашева, сразу же его напечатает, сняв любую повесть или роман. Этим ты возьмешь реванш.

– Наверное, не смогу. Если что не по душе – и пишется плохо.

– А ты сначала взвесь свое нынешнее положение, прежде чем сказать нет. Наш общий друг Жубан Молдагалиев, помнишь, однажды обидевшись на старшего Кунаева, написал обличительное стихотворение «Письмо секретарю», там были примерно такие строки: «Вы сегодня – секретарь партийный – царь и бог в одном лице. А я поэт – уважаемый и читаемый, мы оба смертны – это закон жизни. Завтра нас не будет, вас совсем забудет народ, а меня и мои стихи – будут помнить...» И что же? Редактора журнала «Жұлдыз» скинули с поста. А Жубан ходил пару лет безработным, но он, умник, сыграл отступную, написал целую поэму, назвав ее «Сель», где главным героем – спасителем Алматы от грозной стихии выведен Димеке. И сразу стал хорошим человеком для власти, его избрали членом ЦК, он теперь в фаворе... От этого он не переломился, и живет теперь нормально, и преуспевает и процветает...

– Ладно уж, выкладывай второй совет!

– То, что я предложу, не так уж сложно, сразу согласишься, – улыбнулся друг. – В твоем университете много нерешенных проблем. Подумай, выбери самую горячую и под этим предлогом попросись на прием к первому секретарю ЦК, а истинную цель не раскрывай никому. Когда попадешь к первому, сразу покайся, поплачь от чистого сердца: «Димеке, я виноват перед вами, я согрешил относительно вас и Аскара. Ну, с Аскаром я сам объяснюсь, как-никак он младше меня и коллега. Вы для меня – как старший брат, прошу вас, выслушайте меня... – начнешь так и, как провинившийся, нагрешивший человек, униженно начни свое печальное повествование: – Вы меня так высоко подняли, назначив ректором КарГУ, а Аскар помог мне стать действительным членом нашей Академии наук. А я возомнил, что всего этого достиг сво-

им трудом и ходил, высоко подняв голову, малость зазнался. Виноват я перед вами... Теперь я снял камень с души, что хотите, то делайте со мной, столкнете вниз или, поверив мне снова, поддержите – ваша воля. Моя судьба в ваших руках, дорогой Димеке...» – так с дрожью в голосе и со слезой на глазах закончишь. Ничего с тобой не случится. А он тоже человек – не железный, если сумеешь затронуть его слабые струны, уверяю тебя, ей-богу, Димеке не выдержит и скажет: «Ой, дорогой Евней, подними голову, у меня нет ни малейшей обиды на тебя, это все нагородили сплетники...» Конечно, он при тебе не признается в своей оплошности... Но едва ты выйдешь из кабинета, он позвонит по вертушке Имашеву: «Оу, Саттар, этот Букетов, оказывается, неплохой джигит, он только что вышел от меня. Ты посмотри там, мне кажется, эти газетчики, да и анонимщики наговаривают на него лишнее. Он же ученый с перспективой...» На этом разом закончатся все твои беды, в ближайшие пять лет тебя никто пальцем не тронет, дорогой...

Евней непрерывно смотрел в темную ночь за окном и не проронил ни звука в течение всей тирады друга.

– Я закончил, дружище незабвенный, – сказал тот. – Как быть, решай сам, как хочешь, тому и быть. Обдумай, посоветуйся с друзьями, есть же у тебя верные люди...

– Ладно, ты меня основательно просветил. Благодарю за сердечное отношение ко мне. Подумаю, буду делать так, как мне совесть подскажет... – сказал Евней, поднимаясь из-за стола.

* * *

Представьте себе, читатель, что бывает с человеком, когда он попадает в зону девятибалльного землетрясения, когда все, что под ногами, проваливается с грохотом в бездну.

Почти подобное случилось с Евнеем Арыстанулы, с лета 1979 года, после злополучной статьи в газете несчастья обрушились на его голову. Все пошло кувырком, как при настоящем землетрясении. Как бы он ни старался не думать о неприятных для него событиях, идя на работу или во время привыч-

ной утренней пробежки, ложась вечером спать, воспоминания о них нет-нет и оживали вновь в каких-то уголках мозга, и тут же начинало щемить сердце. После всего этого уже не было ему покоя. До утра сверлили мозг раздумья: «За что, кому я навредил, что я плохого сделал власть имущим?..»

Постоянное переутомление, сильный эмоциональный стресс сделали свое дело. Нарушился сон. Временами в области сердца возникала острая боль, распространявшаяся по всей груди, возникало ужасное ощущение подавленности и смертельной тоски, на лбу выступал холодный пот. Ночью порой на грудь наваливалась какая-то огромная тяжесть, ему казалось, что сердце его останавливается и жизнь вот-вот погаснет.

После завершения очередных приемных экзаменов пришлось обратиться к своему лечащему врачу. А он сразу же, взяв за руку, не отпуская никуда, повел его в палату. Может быть, тем самым на время спас от опасного кризиса.

II

Нерботрепка, начавшаяся весной, продолжалась до глубокой осени, но уже в другом аспекте.

Неожиданно в Караганду приехала комиссия, организованная отделом науки ЦК КП Казахстана. В составе комиссии были профессора, доценты крупных алматинских вузов. Они начали скрупулезно и дотошно исследовать учебно-педагогический процесс в университете (в это время на дневном отделении обучались 7,5 тысяч студентов, вместе с заочными факультетами число обучающихся превышало десять тысяч, преподавателей было около семисот), по-прежнему функционировали восемь факультетов, более пятидесяти кафедр. Члены комиссии по своему выбору посещали лекции некоторых профессоров, доцентов, ходили на практические занятия, которые вели ассистенты. Ничего крамольного не раскопали. Но разве бывают люди без грехов? Святые, как известно, только в Мекке и Иерусалиме. Однако у членов комиссии было конкретное задание, и они должны были костьми лечь, но найти недостатки. И, конечно, нашли упущения...

Проверявший кафедру высшей математики профессор Тайцман, прослушав лекции старшего преподавателя А., на кафедре заявил о низком уровне прочитанного курса. Но в конце своего выступления он заметил: «Молодой человек, мы застали вас врасплох. То, что вы лекцию прочитали не совсем на уровне, я это могу понять и простить. Но вы свой предмет знаете, только вам надо готовиться к лекциям более тщательно...» На следующий день профессор Тайцман снова посетил лекцию А., притом вместе с заведующим кафедрой Т.Г.Мустафиным. К чести преподавателя, на этот раз А. оказался на высоте, и комиссия, снова собрав членов этой кафедры, вынесла благодарность молодому преподавателю... «Вывод здесь можно сделать один – А.. достаточно квалифицированный специалист, но не всегда тщательно готовится к лекциям. Здесь есть и моя вина – надо было почаще контролировать. Но есть и объективная причина – он перегружен учебной и общественной работой. В связи с этим хочу отметить, что вот уже третий год члены нашей кафедры выполняют нагрузку в среднем по 1100 часов – это, конечно, не способствует повышению качества чтения лекций» – сказал Т.Г.Мустафин на ученом совете КарГУ, посвященном обсуждению результатов проверки.

Заведующая кафедрой физики Л.Ф.Ильина на том же ученом совете отметила, что комиссия ЦК проверяла ее кафедру с не меньшим усердием, чем активисты 30-х годов. Проверяли их два раза и в обоих случаях внезапно, в 8 часов утра, чтобы удостовериться – на месте ли преподаватели-физики и сотрудники лаборатории; в результате было выявлено, что почти половина физиков на работу приходила с опозданием. «...Проверка осуществлялась днем, но ведь надо же было иметь в виду, что на многих кафедрах, в том числе и на нашей, в это время преподаватели находились в школах на педпрактике, а занятия велись на вечернем факультете. Кто об этом знает? Только заведующая кафедрой знает, где находится рабочее место любого преподавателя, любого сотрудника. Но ведь меня об этом даже не спросили. И потом пришлось некоторым товарищам доказывать, что они не могли в указанное время находиться на кафедре, потому что вместе со студентами собирали

картошку. Или второй пример – еще одна проверка, которая была проведена перед ноябрьскими праздниками. Проверка велась на физическом факультете по расписанию физического факультета, а, например, наша кафедра работает по восьми расписаниям, а с декабря будет работать по девяти, притом в пяти учебных корпусах. Для того, чтобы во всем разобраться, достаточно было лишь зайти на кафедру, посмотреть расписание кафедры, переговорить с заведующей кафедрой и опять это не было сделано, – было сказано Л.Ф.Ильиной на том же ученом совете (ее слова, как и других, которые цитируем здесь выборочно и со значительными сокращениями, мы взяли из протокола заседания, состоявшегося 17 ноября 1979 года. – ...На научно-методическом совещании заведующих кафедрами общей физики вузов республик Средней Азии и Казахстана, которое состоялось в октябре 1979 года в Ташкенте, о структурно-логических схемах и технологических картах говорили несколько докладчиков. Мы можем сделать такой вывод, что в этой работе физический факультет КарГУ идет на уровне республик Средней Азии и Казахстана, а в некоторых вопросах даже впереди, – продолжала Лидия Федоровна. – Вот протокол того заседания, из чего можно понять: комиссия ЦК сделала вывод, что у нас нет дисциплины.., а среди союзных республик преподавание физики в КарГУ признано лучшим. Я вам напоминаю, что между двумя проверками прошел всего один месяц...»

Из многочисленных письменных протоколов, отчетов, различных справок и объяснений, увидевших свет осенью того же года, отчетливо видно, что члены комиссии ЦК работали очень старательно и въедливо. Все же учебно-педагогическая работа, проводимая ректоратом КарГУ и деканатами факультетов, особенно подразделениями точных наук, не могла быть сведена к нулю. Чувствовалось, что в общем дела идут неплохо, занятия проводятся на уровне и успеваемость студентов тоже в порядке. Мало того, они еще занимаются научно-исследовательскими изысканиями. Высокая комиссия в этом существенных недостатков не нашла, наоборот, проверяющие

отметили, что академик Е.А.Букетов уделял этим факультетам особое внимание, в результате кафедры высшей математики, физики, химии укомплектованы крупными учеными, тем самым фактически это и позволяло поднять ведение учебного процесса на современный уровень.

На том заседании ученого совета первый проректор Н.Ф. Пивень сказал: «Мне, как преподавателю, как доценту, как ученому комиссией никаких замечаний высказано не было, наоборот, отозвались о моей работе весьма положительно. Что же касается служебной стороны, то тут мне заслуженно досталось, потому что очень многие серьезные вопросы у нас в университете не решаются, а нести персональную ответственность должен, прежде всего, проректор по учебной работе, потому что в университете учебная работа стоит на первом месте...»

В ходе проверки выявилось, что на гуманитарных факультетах было очень мало преподавателей с учеными степенями. По этой причине успеваемость на этих факультетах была низкой, предостаточно было и нарушителей дисциплины. Комиссия также констатировала, что в университете нет системы в воспитательной работе. Из всех поступивших заканчивают университет только 78,3 процента. На каждом экзамене из десяти студентов двое получают неудовлетворительные оценки, много пересдач на экзаменационных сессиях. «А это результат некачественного проведения вступительных экзаменов...» – было записано в протоколе.

Особенно много недостатков было выявлено на юридическом факультете. Об этом с сожалением говорил на том ученом совете декан факультета Мажит Имашев: «Не секрет, что те недостатки, которые отметила комиссия, были известны нам давно, но, тем не менее, они у нас были. Анализируя эти недостатки, я обнаружил, что в них есть и объективные факторы и субъективные. Я буду говорить об объективных факторах. Прежде всего – это материально-техническая база. Как всем известно, наш факультет в течение шести лет скитался по различным уголкам нашего города, и, наконец, мы получили новый корпус университета, на эту сторону члены комиссии почему-то не захотели обратить внимание. Далее, относитель-

но ТСО. Наши студенты своими силами изготовили большое количество слайдов для факультета, а где их демонстрировать? Строительные организации города до сих пор не сдали в эксплуатацию поточные аудитории, которые должны быть оснащены всеми приспособлениями для использования ТСО – технических средств обучения. И опять об этом ни слова. Кадры на нашем факультете, который начал с нуля – это вообще проблема. Минвуз за семь лет к нам не направил ни одного человека для укрепления факультета...»

После отъезда комиссии состоялось заседание ученого совета университета, как мы отмечали выше, с повесткой дня: «О мерах по устранению недостатков, отмеченных комиссией ЦК КП Казахстана». С докладом выступил ректор университета Е.А.Букетов. Соблюдая узаконенную традицию и партийную этику, все выступавшие, в том числе ректор и секретарь парткома А.Ф.Лепешкин, признавали замечания, сделанные комиссией, заверяя о своей готовности устранить недочеты и поправить положение в университете.

Из беседы автора с доктором философских наук Садуакасом ТЕМИРБЕКОВЫМ (23 апреля 2004 года):

«Осенью 1979 года меня пригласил к себе секретарь ЦК КП Казахстана С.Н.Имашев. Я тогда уже более года работал заместителем заведующего отделом науки, высшего образования и школ ЦК.

– Беспрерывно идут жалобы на ректора Карагандинского университета: в своем кабинете он, мол, бывает только два-три дня в неделю; часто болеет; не выполняет свои прямые обязанности, больше занят литературным творчеством; руководство университетом полностью переложил на своего друга Н.Ф.Пивеня, которого перетянул из Алматы; а этот человек пренебрежительно и высокомерно относится к местным кадрам... Короче говоря, придется тебе ехать в Караганду с группой людей. То, что пишут в жалобах на Букетова, проверь тщательно на месте, – сказал секретарь. – А в комиссию включи представителей разных специальностей из институтов, чтобы состав был солидным. Не забывай, это щепетильное дело,

многие смотрят на проверяющих с недоверием, если найдете вопиющие нарушения – надо их подкрепить доказательствами, чтобы ни у кого не возникло сомнений...

Я сразу понял, что поручение ответственное. А с Евнеем Арыстанулы я был не только хорошо знаком, он был с давних пор для меня близким, уважаемым человеком. Но есть служебный и партийный долг. Пришлось обдуманно формировать состав комиссии... Через неделю, когда она полностью включилась в работу, приехал в Караганду. До переезда в Алматы я был ректором Чимкентского института культуры, так что вузовская работа мне была знакома... Супруга Ебеке родом из Туркестана, и поэтому я его называл жезде, а он меня балдыз. Он обрадовался, что именно я возглавляю эту, не совсем приятную комиссию, нежданно нагрянувшую с проверкой.... Если не считать того, что он давал нам кое-какие разъяснения, в ход проверки ректор не вмешивался. Человек он высококультурный, строго соблюдал этикет.*

Но однажды он пошутил:

– Оу, балдыз, сестра твоя на тебя сердита, ты не заходишь даже поздороваться.

– Она права. Если поможете добраться до нее, готов приехать...– ответил я.

В тот же день поехали к ней. Оказалось, она уже приготовила угощение. Сели за стол, втроем, без свидетелей, поговорили по душам. О делах университета ни он, ни я не заводили разговор. Хозяин дома проявил светскую деликатность. Что я заметил, лекарства он глотал целыми пригоршнями...

– Ебеке, что вы делаете? – проявил я тревогу.

– Да, вот такое состояние здоровья.

Я убедился в том, о чем мне говорил секретарь ЦК. Видимо, Ебеке почувствовал по выражению лица о промелькнувших у меня мыслях:

– Ты, балдыз, в поте лица ищешь недостатки в моей работе и зря... А ты знаешь, я уже думаю, чтобы вас далее не мучить, написать заявление об уходе с поста ректора по собственному

---

* Зять.

желанию, — неожиданно заявил Ебеке. — Вот и сестра твоя каждый день пристает ко мне: написал ли я заявление...

На это я ему ответил так:

— Как вам поступить — решайте сами. Вы старше меня, ума, знаний у вас больше, чем у меня.

Разговор за дастарханом на этом закончился...

— Говорят, Ебеке в том году на вас очень обиделся. Как писателю, исследующему его жизненный путь, многие обстоятельства его жизни мне известны, и все, что его касается, я не пропускаю мимо ушей, поймите мой вопрос правильно... — заметил я.

— То, что вы слышали, Медеке, правда, — сказал Садуакас Темирбеков простодушно. — Он обиделся за то, что я по-дружески не раскрыл ему главную цель проверки. Надо было мне сказать об этом, когда я был у него дома... Вы, наверное, знаете, в партийных делах не должно быть никаких родственных отношений. То, что тебе поручил вышестоящий начальник, не положено разглашать никому. Видимо, я не смог переступить эту этику. Но Ебеке, добрейший, большой души человек, через два года, на одном из совещаний в Академии наук, случайно встретив меня, сказал: «Твоей вины в том деле нет, потому я прощаю твой грех!..» — и тут же заключил меня в свои объятия. С меня как будто сняли тяжелый груз после его признания...

— Саке, еще один момент, — осмелев, что разговор идет в открытую, задал я собеседнику следующий вопрос: — Когда вы отправились в Караганду, вы знали, что задание поступило от Димеке?..

— Нет, в партийной работе было так называемое правило субординации. Имашев никогда бы не скажет никому, что это задание «Большого человека». И мы не спрашивали, как он, Димеке, к этому отнесется... Я понял ваши мысли, Медеке. Как некоторые сплетничали тогда, проблемы Букетова вы хотите связать с именем Кунаева. По-моему, пора отбросить эти домыслы и всякие догадки. Сколько лет прошло. И в Коране говорится, что нельзя плохо говорить о покойном, если даже были ошибки у покойного, то надо их простить... Зачем вам это все снова ворошить?

— Но тогда как я объясню сегодняшнему обществу, что Ебеке мы сами сократили жизнь. Первый секретарь очень хорошо знал

Букетова, его труды, его достоинства и славу. Зная все это, он не защитил его от несправедливых нападок?

– Между прочим, на ситуацию, в которую он попал, я смотрю и философски: ему предначертана была Всевышним такая судьба...»

Коренных перемен в университете не произошло. Все остались на своих местах: ректор, проректор, деканы, заведующие кафедрами. Ясно, кто ждал больших перетрясок, остались недовольными...

* * *

Как раз в это время, когда положение у Евнея Арыстанулы было неопределенным и, как говорится, каждый день он ждал новых ударов из-за угла, вдруг нежданно-негаданно в его доме случилось событие, которое взбудоражило не только его семью, но и всех Букетовых.

Это случилось во второй половине ноября, в субботу. Ближе к вечеру к нему на квартиру без приглашения и звонка заявились трое незнакомых людей, по виду было заметно, что они приехали издалека. Пришлось раздеть незнакомцев и пригласить в гостиную комнату. Когда они уселись, один из них, мужчина почти в возрасте хозяина дома, с заметным волнением в голосе начал:

– Уважаемые Ебеке и Зуке! Вы, наверное, удивлены, что за люди ввалились к вам без приглашения. Не будем скрывать, мы приехали к вам из Алматы специально, по очень важному делу. Этот молодой человек, что сидит с краю, мой старший сын, зовут его Нурлан. И он, и ваша дочь Акслу полюбили друг друга, решили, если на то будет ваше благословение, соединить свои жизни и быть отныне вместе. Короче говоря, дорогие Ебеке и Зуке, если Аллаху будет угодно, мы приехали познакомиться с вами, меня зовут Садык, если вы одобрите, готовы с вами породниться...

Нежданный гость, разом выложив все, с чем приехал, умолк. Он вел себя достойно и свою мысль донес до сознания

хозяев вполне вразумительно. И в просторной квартире Букетовых на какое-то мгновение наступила напряженная, благоговейная тишина. Добрая весть, услышанная из уст гостя, будто лишила хозяев голоса, они просто растерялись.

Зубайра Дуйсенкызы не смогла сдержать себя. Из ее глаз покатились слезы. Евней, едва придя в себя, проговорил: «Неужели моя Акслушка уже стала невестой, не верится! Недавно ведь она еще бегала с бантиком в косичках. Когда же и как она выросла? Да, да, похоже так, она давно уж студентка, учится в том же институте, где я был студентом, даже на том же металлургическом факультете, должна нынче закончить. Ей уже двадцать один год. Да, она уже выросла, как быстро. Она была первенцем в нашей семье, солнышко мое! И вы приехали издалека просить ее руки?..» – вдруг поднявшись с места, он подошел к тому человеку, кто хотел с ним породниться. – Что мне сказать вам, дорогой Саке, если уж вы ворвались в мой шанырак и сидите здесь как гость, значит, такова воля Всевышнего. Пусть будет добрым, счастливым ваш приезд! Наши предки по такому случаю обычно говорили: «Пусть сопутствует счастье сначала вам, а потом и нам! Раз наши дети хотят этого, что нам остается, только пожать друг другу руки и благословить своих детей!..» Мы рады вашему приезду!..

Евней и Садык по казахскому обычаю крепко обнялись..

Волнение хозяина дома передалось теперь и гостям. Они ведь, как вошли в этот дом, чувствовали себя не в своей тарелке, как-никак их угнетало сомнение: примут ли их с достоинством, все-таки хозяева – люди знатные, занимают высокое положение; а гости – простые труженики, живущие в районе под Алматы... Но все оказалось очень просто. И они почувствовали себя так, как будто век были знакомы друг с другом. Евней Арыстанулы подошел к Нурлану, обнял его и поцеловал в лоб: «Будь счастлив с моей Акслушкой, пусть она станет тебе верной спутницей в жизни!» Затем ритуал приветствия сватов повторила Зубайра Дуйсенкызы. Потом она спешно стала обзванивать всех Букетовых, живших в Караганде, приглашая их немедленно приехать. Первыми прибыли Бикен и Камзабай, затем и другие. И тут уже пошел пир горой в честь приезда сватов...

Ниже приводим письмо Евнея Арыстанулы (начало и конец письма, первый и последний абзацы были написаны на казахском языке) от 19 ноября 1979 года бывшей супруге Алме Бекжанкызы, кстати, письмо это в чем-то передает душевное состояние автора в ту тяжелую осень...

«Дорогая Алма!

Приехали сваты. И сват, и Нурлан очень понравились нам. Видно, спокойные характером, простые, трудовые люди. Со сватом нашим довольно долго беседовал. В разговоре он пересказал мне твои слова: «У дочери есть отец, съездите к нему, хотя я воспитывала и вырастила дочь, — она, мол, поистине, дочь своего отца...» Спасибо тебе, эти слова много значили для меня...

Теперь буду писать на русском.

Я тебя очень благодарю, это было с твоей стороны благородно. Ты показала себя дочерью своего отца Бекжана, которого я видел и чувствовал, что это человек, наделенный человечностью и большим благородством.

Еще хочу сказать. Приезжает Акслушка ко мне редко, да и во время приездов мы не успеваем как-то поговорить, потому что, как ты сама знаешь, я вечно занят. Но все же я оценивающе приглядываюсь к ее поступкам и не нахожу никаких таких недостатков, в чем я мог бы упрекнуть тебя. Выросла она скромной, умной и вдумчивой. Может быть, со мной она могла бы вырасти и не такой. Ты знаешь, как я ее безмерно баловал, а это ведь не всегда дает положительные результаты.

Теперь недоразумения молодости прошли, и мы должны трезво смотреть на вещи, чтобы будущее детей было счастливым. Считаю, что Аканок и Нурлан будут жить во взаимопонимании и любви. И еще хочу у тебя просить прощения за то, что не смогу присутствовать на свадьбе. На это много причин. Главная из них — состояние здоровья, усугубляемое служебным беспокойством, которое, как ты знаешь, в этом году по известным причинам особенно усилилось. Иногда хочется бросить к черту все и сидеть в лаборатории, где бы я делал серьезное научное дело. Недавно была проверка ЦК и теперь интенсивно готовлюсь к отчету, хотя врачи настаивают немедленно лечь в

больницу (к аритмии прибавилось давление, резкое повышение сахара в крови). Но, может быть, самое опасное – какой-нибудь негодяй обязательно напишет анонимку, припишет мне, что будто бы я провожу свадьбу за счет родителей своих студентов. Пока докажешь, что ты ни при чем, знаешь сколько нервов и здоровья это будет стоить.

И поэтому, дорогая Алма, на меня не обижайся. Передай от меня приветствие Калтаю и Фариде и мое им пожелание, они всегда помогали и на этот раз на свадьбе нашей дочери пусть помогут, заменив меня как близкие родственники.

С уважением Евней».

На свадьбу Нурлана и Акслу собралось много друзей-товарищей, родственников с двух сторон. Из Караганды приехала большая группа родственников во главе с Камзабаем и Бикен, они присутствовали на всех свадебных церемониях и остались очень довольны. Евней Арыстанулы, как писал в своем письме, не смог приехать. И, конечно, его мучили угрызения совести, ведь добровольно отсутствовать на свадьбе родной и любимой дочери – наказание тяжелое, и ему, как бы ни было трудно, пришлось пережить и это...

(Акслу Евнейкызы сейчас живет в Алматы. Она выбрала себе нелегкую стезю научного работника, пока кандидат технических наук. Тем самым продолжает дело родного отца. У нее в семье растут двое сыновей – Адил и Акан. По словам Алмы Бекжанкызы, внешними чертами, высоким ростом и крупным телосложением, даже и характерами в какой-то мере они очень напоминают дедушку Евнея).

В начале студеной зимы, когда уже в Караганде выпал глубокий снег, по «беспроволочному телеграфу» дошла-таки до карагандинцев удручающая, скверная весть, что в Алматы, в «Большом доме» пересмотрели выводы комиссии, которые были объявлены месяц тому назад в коллективе КарГУ и повернули их в противоположную сторону. 18 декабря 1979

года ЦК КП Казахстана принял специальное постановление «О работе ректората и парткома Карагандинского госуниверситета по идейно-политическому воспитанию студентов и по совершенствованию подготовки специалистов в свете требований XXV съезда КПСС»...

События теперь стали развиваться стремительно. Один из секретарей обкома партии, пригласив Евнея Арыстанулы, ознакомил его с постановлением Центрального Комитета. Пятистраничный документ состоял из девяти пунктов и почти в каждом абзаце сквозило сплошное отрицание восьмилетней созидательной работы ректора. Персонально указывалось: «не смог организовать», «недостаточно занимался», «не придавал должного значения воспитательной работе среди молодежи, «пустил на самотек подготовку научных кадров»... Не забыто затянувшееся строительство «Университетского городка». В частности, там было записано, что «из отпущенных в 1979 году на строительство 990 тысяч рублей освоено только 295 тысяч»...

Прочитав текст постановления, Букетов понял, что его судьба уже предрешена высоким начальством в Центральном Комитете. У него пропало желание спорить, что-то доказывать. Евнея Арыстанулы совершенно выбил из колеи последний пункт партийного документа об отставании в строительстве, где его, ректора КарГУ, прямо обвиняли в бездействии, хотя он лично информировал об этом первого секретаря ЦК КП Казахстана, а теперь виноватом оказался сам.

Букетов попросил листок чистой бумаги, вынул из кармана свою авторучку и тут же написал заявление на имя первого секретаря обкома партии А.Г.Коркина и министра высшего и среднего специального образования республики Т.И.Катаева: «Прошу вас освободить от обязанностей ректора КарГУ в связи с ухудшением здоровья...», подписав, поставил дату, попросил разрешения покинуть кабинет. И секретарь, тоже без единого вопроса приняв его заявление, поднялся с места, чтобы по-человечески попрощаться с известным ученым, к которому питал глубокое уважение.

Между прочим, молчание обоих в эти минуты значило очень многое, так как оба хорошо понимали, что и ректор, и секре-

тарь обкома в этой ситуации бессильны и искать виноватого не стоит. Оба они были лишь винтиками давно устоявшейся и уже отживавшей свой срок системы...

В начале нового 1980 года, где-то в 20-х числах января, Евней Арыстанулы, придя утром в университет, собрал свои бумаги и записи, что были на столе и в шкафу, затем пригласил к себе в кабинет всех деканов, некоторых коллег и соратников с кафедр, бывших с ним в добрых отношениях.

– Дорогие друзья, я хочу с вами попрощаться, – обратился он к ним. – Почти восемь лет бок о бок мы с вами камень за камнем строили здание КарГУ, сплачивали коллектив, растили кадры, вместе преодолевали препятствия, непонимание, инерцию, даже сопротивление недругов и вражду. В совместной работе нашей всякое бывало, может быть, кого-то сгоряча и обидел зря, поймите, это не со зла, сказывалась повседневная напряженка, поэтому прошу вас всех по-братски простить меня и принять мою благодарность за вашу солидарность во всех моих действиях... Восемь лет я не щадил себя, заслужил награду за это – орден Трудового Красного Знамени. Это мое единственное личное приобретение! Придет время, восстановится справедливость, и тогда снова вспомнят наши имена: и первого ректора КарГУ, и всех, кто закладывал его надежный фундамент, чтобы стоял наш университет крепко и несокрушимо годы и десятилетия. Мои перспективы на будущее: я потерял очень многое, самое главное – здоровье, и несколько отстал от современной науки, чему я прежде целиком себя посвящал, даже литературные задумки и кое-какие планы пришлось отложить... Может быть, мой уход с поста ректора станет для меня благом, как говорят, нет худа без добра. Вернувшись в свою лабораторию, начну новые исследования. Если удастся, завершу незаконченные литературные труды. Вообще, планов у меня много, словом, без дела не останусь... Надеюсь на лучшее, я все-таки оптимист! До свидания, дорогие друзья, трудитесь, дерзайте во имя светлого будущего нашего общего детища КарГУ!..

III

Такой удар, какой был нанесен Е.А.Букетову, всякого бы уложил на лопатки. В ту пору человек, оказавшийся в немилости ЦК, сразу становился как бы отверженным, неполноценным, терял свой вес в обществе, стремительно катился вниз по служебной лестнице. Резко сужался круг его друзей и знакомых. Трудно было в такой момент остаться самим собой. Евней Арыстанулы не смирился со своим поражением. «Все к лучшему в этом худшем из миров», – писал Жан Жак Руссо. И действительно, часто мы просто не знаем, где потеряем, где найдем.

В общем, освободившись от повседневной суеты, он сразу почувствовал, как будто спали сковывавшие его цепи: «Вот теперь хоть месяц-другой вдоволь высплюсь; а потом возьмусь за документальное повествование о Сатпаеве; одновременно буду готовить новую редакцию «Записок», название теперь будет такое: «Шесть писем другу» – кажется, неплохое, во всяком случае, без претензий; затем надо собрать все написанное для «Избранного», хотя бы в двух томах... Должно получиться! Кто теперь мне будет препятствовать? Кто мне будет мешать заниматься литературным творчеством, как хочу, так и ворочу. Просто прекрасно, что я написал это заявление! Вообще-то, это надо было сделать намного раньше...»

Но получилось почти так, как говорил известный марксист Г.В. Плеханов: «Человек предполагает, а тайная полиция располагает». Буквально через месяц после ухода Е.А.Букетова с ректорского поста две рукописи, находившиеся в алматинских издательствах «Жазушы» и «Жалын», уже включенные в планы выпуска 1980 года, были возвращены назад. Издательства сопроводили их краткими письмами почти одинакового содержания: «Пока у нас нет возможности опубликовать ваше произведение в ближайшее обозримое время...»; хотя бы написали, что не годны по такой-то причине – нет, таких объяснений не было...

Эти двусмысленные ответы Евней Арыстанулы понял в прямом смысле: пока не рассеется туман над его головой, из-

тельства не станут рисковать своей репутацией и не осмелятся публиковать его произведения... Если дело обстоит так, стоит ли уподобляться незадачливому садовнику, который поливает песок и ждет, когда на голом месте появится цветущий сад? Какой смысл заниматься бесполезным трудом, от которого не видишь результата? А когда проблеснет свет в конце тоннеля – совершенно неизвестно.

Самым обидным было то, что труды, предложенные научным изданиям, тоже придержали, мотивируя тем, что направили их рецензентам, или находили в них сомнительные места, что требовало проверки... «Это было тяжелейшим ударом для него. Его лишили общения с массовым читателем как литературных, так и научных трудов... – писал Камзабай Арыстанулы в главе «Тернии» своих воспоминаний «Друг мой, брат мой»: – Евней не унывал, хотя иногда мы заставали его задумчивым, а однажды он воскликнул: «Не век же жить хану Кене, придет время, и над нами прояснится небо», – как я узнал позднее, это были слова русского офицера, безуспешно участвовавшего в многолетней погоне за мятежным ханом Кенесары Касымовым, – произнеся эти слова, Евней громко захохотал. Когда душа у меня разрывалась от обиды, я брату говорил: «Может быть, тебе надо съездить в ЦК, попроситься на прием к Кунаеву, объясниться с ним». «Но ведь я абсолютно ничего плохого не сделал ни одному из Кунаевых, о чем же буду говорить, зачем я буду унижаться и оправдываться?..» – возразил Евней».

Писатель А.Брагин в своем эссе «И все-таки он победил» позднее воспроизвел эту безвыходную обстановку: «Директор уважаемого издательства, в котором должны были выйти в свет «Записки...», не без грусти сказал мне, рецензенту книги: «Я сам за ее издание. Но вы же понимаете...» Молчал он. Молчал я. Молчали мы. Молчал и Букетов, понимая, что силы не равные...»

Последние отказы издательств совсем подкосили его. Мысли путались, перо, которое раньше легко скользило по бумаге, теперь валилось из рук. Понапрасну промучавшись за письменным столом целый час, зря исписав несколько страниц, уходил на прогулку. И это продолжалось изо дня в день...

В такие минуты собственного бессилия он с болью в душе перечитывал свои «Записки научного работника», ставшие для него «дитем незаконнорожденным», думая внести какие-то поправки, но тоже не мог. Чтобы просто убить время, взялся делать новый вариант «Записок» на казахском языке...

В один из таких бессмысленных и опустошенных дней его навестил директор ХМИ Жанторе Абишев.

– Что случилось, батыр? Зачем пришел?

– Ебеке, то, что вы безвылазно сидите дома, нам всем действует на нервы. Особенно мне. Куда бы ни пошел, везде мне с укором говорят: «Почему ты не освобождаешь директорское кресло для своего учителя? Кто сделал ХМИ – институтом, а тебя – ученым? Всем ты обязан Букетову, он же для тебя больше, чем родной брат!..» Ебеке, давайте вместе поедем к президенту академии, там я напишу заявление и уступлю директорство в ХМИ вам, законному его основателю... – заявил Жанторе.

– Батыр, зря не кипятись и не переживай, ты здесь ни при чем. Сейчас мне не дадут не только руководство институтом, даже мою лабораторию. Да и я уже наруководился, сыт по горло. Понял мое состояние? Если понял, никуда меня не тяни. Ты уже неплохо руководишь ХМИ, продолжай дальше. Вот только затянул с защитой докторской диссертации, без этого ж у тебя не будет продвижения вперед...

– А как мне терпеть презрение сослуживцев? – заупрямился и директор института. – Короче, я пришел вас пригласить на работу в ХМИ и все ваши ученики тоже просят вас об этом. Хватит вам бездельничать!..

– Если оставишь меня старшим научным сотрудником, я не буду в претензиии...

– А я хочу вас видеть своим заместителем по научной работе.

– Нет, не буду. Дай мне небольшой отдельный кабинет. И все. Ясно тебе, сын аксакала Нурлана?

– Ну, тогда берите на себя заведование своей же лабораторией, от чего вы еще в 1969 году сами отказались в пользу Виталия Малышева. Вы академик, не гоже вам быть в подчинении своего ученика... Кстати, и Виталий не против такой рокировки, он острее всех нас переживает за вас... – снова завел Абишев ту же пластинку.

– Ты о своих проблемах думай, уважаемый директор, а мои оставь мне. – Лицо наставника стало серьезным и, нахмурив брови, он сердито остановил Жанторе. – Во-первых, просить работу и согласовывать ее с кем-то в АН я не намерен, принципиально не хочу, и ты это должен понять... Во-вторых, мне как раз будет на руку, то, что именно ты возглавляешь ХМИ, будем продолжать исследования. Все лавры, награды, премии достанутся тебе, а вкалывать буду я... В конце концов, от этого выиграет наука, и окончательная победа будет за нами. Вот так-то, батыр, так что действуй!

Он вернулся в родной ХМИ. И это оказалось кстати. Находиться целый день одному и без настоящего дела в огромном доме было тяжело, он привык трудиться всегда на виду у людей. И окунувшись в привычную атмосферу, Букетов на время забыл о подстерегших его напастях.

Год назад семья академика переехала в дом-особняк по улице Дзержинского, 65–2, (ныне Ермекова) в квартиру № 1. Это был двухэтажный коттедж, по сравнению с бывшей трехкомнатной квартирой в то время дом воспринимался как дворец: на нижнем этаже находились большая прихожая, кухня, огромный зал – гостиная и его небольшой кабинет; лично я постоянно беседовал с ним в этой уютной комнате, на второй этаж никогда не поднимался – сколько комнат там, я не знаю до сих пор...

Лечащий врач из клиники партактива, когда Е.А.Букетов совсем освободился от своих прежних обременительных служебных обязанностей, сделал заключение: «Работа в лаборатории как раз теперь для вас, она поможет вам прийти в себя, поправить здоровье лучше всяких лекарств»... И действительно, привычная обстановка помогла преодолеть хандру, он весь преобразился, стал, как прежде, весело-добродушным, общительным. В какую бы лабораторию или кабинет он не заходил, с радостью его встречали, вскакивая с мест, увлеченно рассказывали о своей работе, советовались... И все готовы были ему услужить, теперь уже не из чинопочитания, а из уважения. Порою, забывшись или решив тряхнуть молодостью, он с прежним жаром принимался руководить новыми исследованиями...

Придя снова в ХМИ, он взялся и за своих учеников-соратников – Жанторе Абишева, Сагынтая Исабаева, Токена Габдуллина, Кадишу Сембинову, упрекнув их в том, что они, накопив богатейший исследовательский материал, непростительно затянули с защитой докторских диссертаций и предложил немедленно ехать в Москву, Ленинград, Свердловск и защищаться.

– Никто вам не принесет на блюдечке с голубой каемочкой ученые звания, – пожурил он их. – Привыкли, что я вас водил, как маленьких, за руку. Почему вы не берете пример с ваших товарищей Малышева, Угорца, которые начинали вместе с вами?! Они уже доктора наук! А вы? Так не пойдет, друзья! Товарищ директор, ты первым садись за диссертацию. И ты, Сагынтай... Я не дам всем вам покоя, пока не станете докторами. Благодарите того, кто постарался вернуть меня снова в ХМИ...

Со стороны казалось, что он уже снова на своем любимом коньке. Он начал гонять своих учеников, как прежде, не давая им прохлаждаться. В общем, стал прежним боевым и требовательным Евнеем-ага. Посторонний человек мог подумать, что директор института – не Жанторе Абишев, а тот же Евней Букетов, который, как и раньше, говорил в приказном тоне, строго спрашивал за выполнение поручений.

(Положа руку на сердце, скажу: лично я, пишущий эти строки, неоднократно наблюдал эту неправдоподобную картину, когда по творческим делам приезжал в Караганду, удивляясь, спрашивал самого Ебеке с подковыркой: « Кто здесь директор – вы или Жанторе?» А он серьезно отвечал: «Не завидуй, сглазишь! Я же тебе говорил, что счастлив своими учениками. И сейчас остаюсь при этом убеждении, я здесь директор без портфеля и печати...»

Даляпраз Евнейкызы БУКЕТОВА, «ПРО ПРЕМЬЕРУ»:

«Отец специально прилетел на премьеру в Алма-Ату.(...) В это время уже начались годы его опалы, а спектакль поставили. Один из ляпов наших властей. Что называется – не уследили!

Отец давно говорил об этой премьере и хотел, чтобы я посмотрела ее. Я не любила общественных мероприятий, потому что когда он прилетал в наш город, люди уже толпились в его

гостиничном номере. Весь день у него был расписан. Все хотели его видеть, беседовать и мы, дочери, обычно не могли к нему пробиться. И побыть с ним наедине практически не удавалось, так он всем был нужен. Писатели, ученые, аспиранты, журналисты... Он щедро дарил себя людям.

Когда мы подошли к театру, нас никто не встретил ни в вестибюле, ни в холле, ни в зале для гостей. В театре было полно народу, но никто с нами не заговорил. Я удивилась, что мы с отцом одни, а ведь это его праздник, и люди пришли сюда благодаря его таланту. Там было много знакомых и известных людей... Самые смелые из них подбегали, быстро здоровались и убегали. А потом мы пошли в зал. Оказалось, что в первом ряду сидим только мы с отцом. Никто к нам не присоединился, как будто мы были прокаженными. Тогда я вдруг поняла, что мы одни в толпе, что нас разглядывают.

Мы с отцом посмотрели весь спектакль. Честно говоря, я не понимала, что происходит на сцене, но не отрывала глаз от нее. Мне казалось, что артисты были ярко раскрашены и слишком все утрировали, но, пожалуй, они были единственными настоящими друзьями одинокого автора в тот вечер. Отец был спокоен и даже что-то мне говорил, а я все это время тихо умирала. Я знала, что у него большие неприятности, но не знала, что все так плохо. Я до сих пор не могу понять, как он все это выдержал. Эта выдержка и разрушала его сердце. Он был спокоен, но очень бледен, и я физически чувствовала, как ему больно. Я и сейчас помню эту боль. Потом мы вернулись в его гостиницу, он собрал вещи и поехал в аэропорт. В тот вечер мы говорили с ним о судьбе Маяковского, о моей сессии, о том, как развлекается нынешнее студенчество, но только не о том, что никто не пришел его поздравить.

Он был очень сильным человеком. Он знал, что так будет, и пошел на это. До последнего надеялся... Давал шанс этим людям».

Спектакль «Кандала» (перевод комедии В.В.Маяковского «Клоп» на казахский язык, сделанный Е.А.Букетовым еще в 1957 г.), который смотрели отец и дочь, ставили не столичные театры, а гастролировавший летом 1980 года в Алматы Гурь-

евский (ныне Атырауский) областной казахский театр. Постановка режиссера Мен Дон Ука, главную роль, говорят, очень хорошо сыграл заслуженный деятель культуры РК Шапай Зулкашев...

* * *

Прошлогодние стрессы не прошли бесследно для его и без того надорванного здоровья. Сердечный приступ настиг его в конце лета 1980 года, когда все думали, что все позади. Одно спасло: случилось это дома, в своей постели. Врач «Скорой помощи», прослушав его сердце, вызвал специализированную бригаду, выезжавшую в экстренных случаях, которую сами медики называли «инфарктной группой».

Музафар АЛИМБАЕВ, поэт, «ПРОСТОТА В СОЧЕТАНИИ С ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ»:

«Сердце у него начало болеть очень рано. К этому еще добавился сахарный диабет. Но он старался вести активный образ жизни, в этом я убедился, когда мы были вместе в санатории «Алматы»; несмотря на слабое сердце, он ежедневно поднимался с постели раньше всех, выходил в сад и бегал трусцой. Притом бегал так долго и усердно, что, придя в комнату, всегда выжимал обильный пот из своего нательного белья. И так каждый день. «Для тебя это большая нагрузка, ведь ты перетруждаешь свое без того слабое сердце», – предупреждал я. «Это рекомендация одного знаменитого профессора-медика, у меня аритмия, нажитая из-за чрезмерно большого веса... Да еще донимает меня и так называемая экстрасистола», – пояснил мой друг. Наивность, говорят, характерная черта богатырей, Евнею, обладавшему истинно богатырским телосложением, она была также присуща... Сейчас я думаю: не утренний ли бег стал причиной нарушения нормальной работы его сердца?..»

Сказалась ли вовремя оказанная медицинская помощь или помогли отлично знающие свое дело специалисты-кардиологи, как бы то ни было, пролежав на больничной койке целых два месяца, глубокой осенью на своих ногах он вернулся домой.

В архиве ученого мы нашли письмо, написанное, очевидно, из дома, когда недуг уже начал его отпускать: «Глубокоуважаемый, дорогой Вениамин Иванович! В этом году не повезло: два месяца пролежал с модным инфарктом и еще два-три месяца положено... выздоравливать. Болезнь, хотя и интересная, по-настоящему дает чувствовать цену жизни, но друзьям своим и Вам в том числе, этой болезнью болеть не пожелаю...» Евней Арыстанулы в этом письме редактору «Простора» В.И. Ларину сообщал, что он в скором времени закончит статью об угле и нефти, которую заказывала сама редакция журнала. Видимо, этим сообщением он хотел дать знать просторовцам, что он жив и по-прежнему готов выполнять их заказы. А известный перестраховщик Ларин уже целый год норовил держаться от него подальше. Сотрудники журнала тоже знали, что впредь ни одно произведение Е.Букетова редактор не пропустит в номер. Этого не знал только сам Евней Арыстанулы. Догадался об этом он лишь через год, когда, предложив свое новое произведение «Святое дело Чокана», получил из отдела прозы очередную отписку.

Был у него приятель, журналист из газеты «Известия» Павел Новокшонов, который из Караганды переехал на север России, в Вологду. В одном из писем Е.А. Букетов просил у друга найти издательство в Москве, где бы смогли напечатать это произведение. «Святое дело Чокана», по своему художественному уровню превосходило все ранее созданное Евнеем Букетовым. Впрочем, дадим слово тому же П.А. Новокшонову:

«Произведение крупное, цельное, своеобразное, – писал он в своем ответном письме Евнею Арыстанулы в июне 1981 года. *– В нем нет дилетантизма русских авторов и безоглядно-приторного восхваления героя, как это, наверняка, сделали бы многие авторы-земляки. Это серьезное, почти беспристрастное исследование. Характеры поданы объемно, зримо. Нечто большее, чем обычное жизнеописание выдающегося человека, сделано Вами. Вторым планом просматривается мысль о благотворном слиянии разных культур и отнюдь не разноуровневых, как автор скромно оговаривается (европейской цивилизации и дикой*

степной), а древней казахской и через нее вообще восточной и западной. И не только Валиханов был счастливым продуктом слияния. Целый ряд фигур можно выстроить, вам хорошо известных. И я посмел бы включить в этот ряд и Вас самого. Такие чоканы и впредь будут рождаться на стыках культур... И честное слово, по сравнению с тем, что уже читал прежде, этим Вы поднялись сразу на несколько ступеней. В общем, получился Чокан!

Но и на солнце есть пятна. И кое за что должен Вас покритиковать... Предложения таковы: а) Показываю в «Дружбе народов» или в «Современнике» так, как есть; б) Правлю начало и конец (12-15 страниц растянуты, много лишних экскурсов), но прежде копии правки высылаю Вам... Ну, что еще? Словно вновь вдохнул аромат степи, посидел за бесбармаком. И даже пожалел, что в Казахстане мало пробыл... Вспоминаю наши поездки по степи. Все же здорово, что судьба подкинула мне встречу с Вами, дорогой киргиз-кайсак!...»*

У современного читателя могут возникнуть мысли: «Почему писатель должен был замыкаться на одном журнале «Простор»? В то время в Казахстане ведь издавалось множество газет и журналов, особенно на казахском языке?..» Вопрос резонный и вполне понятный. Просто нынешний читатель не знает ситуацию тех лет, когда в любой республике царил и правил балом один человек. От него и вели все нити, поступали негласные указания, при той административно-командной системе господствовало так называемое «телефонное право», оно всегда действовало безотказано. Звонок от первого лица, сверху считался законом, ослушаешься – сам загремишь вниз. Потому, когда была дана команда на публичное избиение Е.А.Букетова, все издательства, газеты и журналы, как по уговору, от него шарахались в сторону, никто не осмелился нарушать табу!.. Все редакции разом вернули ему рукописи, даже ранее заказанные статьи, очерки спрятали под сукно. Перестали, как прежде, брать у него интервью, словно не он недавно так много и плодотворно писал.

---

*Мясо по-казахски.

Поверить трудно, но мы говорим о действительном и беспрецедентном факте в многострадальной жизни нашего героя.

Вот вам характерный случай, относящийся к тому же «застойному времени». Это было на пятом году игнорирования его имени. Евней Арыстанулы, заработав второй инфаркт, лежал в больнице. И когда стало ему немного лучше, он написал вот такое письмо заместителю редактора областной газеты «Орталық Қазақстан» Сулейменову: «Милейший Рымкул! Когда долго лежишь прикованным к больничной койке, начинаешь сочинять всякую ерунду. Это тоже образец всякой всячины. Прочти, если понравится, прошу опубликовать под псевдонимом Арыстанов Кабиден (отца звали Арыстан, мое настоящее имя – Ибн-Кабиден). Если же невозможно опубликовать, то знаете, что я все понимаю, обиды не будет. С приветом ваш брат Евней, 28 января 1983 года».

То была рукопись его небольшого рассказа «Червь зависти». И он также пролежал в ящике стола «милейшего Рымкула» полных восемь месяцев, только благодаря смелости редактора этой газеты Рамазана Сагынбекова (ныне покойного) был опубликован 24 сентября 1983 года (фактически за два месяца до кончины автора) под псевдонимом Кабыкен Арыстанов. В настоящее время тот номер газеты экспонируется в мемориальном музее ученого с таким шокирующим посетителей пояснением: «Последняя прижизненная публикация Е.А.Букетова. Редакция не смогла указать настоящее имя автора».

Между прочим, это единственный рассказ, опубликованный и то в областной газете за последние одиннадцать лет (с весны 1979 года по осень 1989 года).

И тут уместен вопрос: за что, за какие грехи такое наказание?

В 1976 году Евней Арыстанулы в интервью писателю Оралхану Бокееву («Сокровенное», 1-я книга, стр. 126. «Содружество науки и литературы», на казахском языке) так объяснял похожую ситуацию: «Сейчас не время словесных баталий, споров до хрипоты, неприличных перепалок, а время психологических противостояний, значит, и наука, и люди

науки стали намного сложнее, и это положение с каждым годом усугубляется, становится труднее, мы живем в такое время...»

Словом, с тем, что он четыре года тому назад предполагал интуитивно, пришлось столкнуться самому. Зная все это, он не видел выхода из тупика, в который его загнали. В годы политических репрессий, развязанных власть имущими, все было ясно: гонимому навешивался ярлык иностранного шпиона или космополита, а в республиках – буржуазного националиста, и он, горемыка, подчиняясь своей тяжелой судьбе, молча переносил свою трагическую участь в холодных краях или в тюрьме... А за что наказывали академика Е.А.Букетова: ведь никто его – ни власть, ни репрессивные органы ни в чем не обвиняли; с ректорского поста он ушел по собственному желанию; у него не было ни одного замечания и выговора по партийной линии... Тогда почему и по какому праву его лишили (ведь письменных распоряжений по этому поводу тоже не было) общения с читателями, за что был наложен строгий запрет на упоминание его имени и трудов в печати?

К сожалению, у нас нет ответа на этот щепетильный, по своей сути странный вопрос. Остается признать, что он нес это наказание без причины и явных поводов. Фактически это было возмездием, изощренной местью за упрямство, за нежелание раболепствовать перед партийной элитой. А разве за такое наказывают, есть ли в кодексе такая статья? Нет, конечно. Тогда спрашивается, за что?

Да, однажды в своем очерке он случайно или преднамеренно не упомянул братьев Кунаевых в числе известных ученых республики, но разве это повод для того, чтобы систематически, долгие годы преследовать ученого-писателя? А ведь он был гордостью всего народа! Между тем этим фактом гонители его отбросили прочь расхваленную ими же коммунистическую мораль, сами втоптали ее в грязь. Они попрали и традиционные национальные добродетели, законы Степи о милосердии, сострадании, любви к ближнему. Но есть глас народа, есть суд истории! К сожалению, приговор его тогда так и не свершился. Главный организатор и исполнитель травли – Саттар

Нурмашулы Имашев, успешно завершив свое зловещее дело, пошел на повышение, в 1980 году он был избран Председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР. А новый секретарь ЦК по идеологии Закаш Камалиденов к этому делу не имел никакого отношения. Разумеется, и желания исправить несправедливость, допущенную предшественником. Значит, остается лишь одно лицо?..

Динмухамед Ахметулы Кунаев в своих мемуарах «О моем времени» и «От Сталина до Горбачева» не прошел мимо этого вопроса:

«В 1988 году в № 9 журнала «Простор» была опубликована статья К.Букетова «Мой брат». Приведенные в ней данные абсолютно далеки от истины. Автор выносит на страницы журнала ложные сведения и на их основании делает свои выводы. Переходя конкретно к указанным в статье обвинениям, хочу заявить, что никакой неприязни к Евнею Букетову не испытывал. С ним вообще я лично знаком не был и никогда не беседовал. На приеме у меня он никогда не был. Ссылка на мой разговор с Букетовым – это сплошная выдумка автора. Букетова я заочно знал по его работе в должности ректора Карагандинского университета. Ради объективности надо отметить, что когда он баллотировался в академики в 1972 году, в то время, когда президентом был Есенов, Букетов на выборах не был избран. Академиком Букетов стал, когда президентом был Аскар Кунаев – в 1975 году, который на выборах оказывал ему всестороннюю поддержку. О какой в данном случае неприязни, гонениях и преследовании может идти речь?..»

После прочтения этой выдержки у читателя может возникнуть сомнение в правдивости утверждений Камзабая Букетова, якобы огульно обвинившего бывшего первого руководителя республики в неблаговидных делах. Динмухамедом Ахметулы приведены как будто убедительные факты. Кунаев признает, что лишь заочно знал, кем был и чем занимался академик Букетов, по его словам, с Евнеем Арыстанулы они в жизни вообще не встречались. Таким образом, отказавшись

от всего, он и в этой весьма неприятной ситуации хочет выйти сухим из воды.

Однако не спешите, читатель, делать преждевременные выводы.

Дело в том, что в его мемуарах прослеживается типичная несуразность, когда Димеке поневоле приходится признать свое прямое вмешательство в события, он, не думая о последствиях, необдуманно и запросто пишет явную нелепицу. Например, так он поступил, объясняя мотивы освобождения от своих обязанностей президентов АН академиков Чокина и Есенова. «Ш.Чокин проработал небольшой срок и был освобожден от обязанностей президента по его просьбе», – писал он в своей книге «О моем времени» (стр.189). «Спустя семь лет в связи с назначением Есенова министром геологии ученые освободили его от обязанностей президента. Впоследствии он перешел на педагогическую работу...» (там же) – так он по-своему трактует «перемещение» двух соратников К.И.Сатпаева. В этих его заявлениях нет ни капли правды – об этом знают все казахстанцы. Оба были им фактически изгнаны с президентского поста, чтобы туда выдвинуть своего родного брата, между прочим, об этом уже написаны книги, в том числе мемуары самого Ш.Ч.Чокина, где приведены совершенно противоположные утверждениям Димеке факты.

Так что мы вправе с недоверием отнестись к высказываниям почтенного пенсионера. Читая вышеприведенные строки из мемуаров Димеке, мы задались вопросом: почему же Динмухамед Ахметулы, зная Букетова, не препятствовал грубому отстранению его от науки, наложению вето на публикациии его литературных произведений, не запретил людям из своего окружения подло и низко мстить ему – неизвестно за что? Кстати, об этих гнусных вещах автор мемуаров совершенно умалчивает. «Возможно, Димеке не знал о них? Ведь руководитель большой республики не обязан знать обо всем, тем более многое могло твориться за его спиной...» – возразят иные. Но, увы, он знал, у нас есть на это письменные свидетельства...

Байкен АШИМОВ, бывший председатель Совета Министров Казахской ССР (из его книги воспоминаний «ДОВЕРИЕ НАРОДА – САМОЕ ДОРОГОЕ», 158 стр.):

«Когда я приезжал в Москву по служебным делам или во время отдыха часто встречался и подолгу беседовал с Нуреке (речь идет о Нуртасе Дандибайулы Ондасынове, в 1938-1951 годы он был председателем Совнаркома Казахской ССР – М.С.). *Однажды, когда мы снова встретились на отдыхе в санатории Барвиха, он, расспрашивая о делах на родине, вдруг начал разговор об академике Евнее Букетове, говорил, что он подвергается незаслуженным гонениям. Я сказал, что Евней Арстанович – крупный ученый, человек с многосторонними знаниями, высокими человеческими качествами, и я его очень уважаю. Когда он был назначен ректором нового университета в Караганде, как руководитель правительства я помогал ему в укреплении материально-технической базы, создании условий для преподавателей и студентов. А насчет его преследований сказал, что это делают завистливые люди, доносчики и сплетники. Узнав об этих происках, я решил, что это надо остановить, говорил Димеке несколько раз. Он всегда вроде бы со мною соглашался, но потом шел на поводу у своего окружения. Я об этом ему также откровенно сказал.*

– Когда вы были главой казахстанского правительства, Кунаев около десяти лет был вашим заместителем, можно сказать, что он ваш воспитанник. Вы, Нуреке, сами разъяснили бы ему, что происходит явная несправедливость по этому вопросу... – подсказал я, желая поправить положение Букетова.

Нуреке с досадой ответил мне:

– Я его несколько раз убеждал, что эти преследования надо остановить, но поддержки и понимания с его стороны не получил...»

На тяжелые обвинения Д.А.Кунаева в свой адрес Камзабай Арыстанулы ответил в воспоминаниях «Друг мой, брат мой», в главе «Возвращение»:

«Я написал в своей статье то, что слышал из уст брата. Разумеется, у меня сейчас нет документальных доказательств:

ни телевизионных съемок, ни протокольных записей, свидетельствующих о том, что он встречался с ним и беседовал о делах КарГУ. Но в одном я уверен, что из уст брата никогда, ни разу не слышал неправды. Это во-первых.

Во-вторых, в Караганде и сейчас еще живы очевидцы-свидетели, которые присутствовали при беседах Д.А.Кунаева и Е.А.Букетова, когда Димаш Ахметулы посещал Карагандинский университет. У нас в музее хранятся фотографии, часть из них экспонируется на стендах, где запечатлены Д.А.Кунаев, Н.А.Назарбаев, Е.А.Букетов и руководители области все вместе. Кстати, некоторые из них в свое время были опубликованы в республиканских и областных газетах. После такого утверждения Димеке, что он никогда не встречался с Евнеем Букетовым, что нам делать с ними, этими фотографиями, они-то не врут, не могу же я убрать оттуда лицо брата или куда-то их спрятать, чтобы не подвести уважаемого в народе человека? Как быть?»

Теперь об этом запутанном деле приведем мнение не рядового человека, а самого Президента РК Н.А.Назарбаева, высказанное на страницах печати, когда он был первым секретарем ЦК КП Казахстана. В интервью корреспонденту «Правды» Г.Дильдяеву, опубликованном в номере главного партийного органа 23 февраля 1990 года: **«...Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каныша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди – наша национальная гордость – долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы с любовью и чувством неизбывной вины возвращаем народу имена репрессированных, оболганных... Да, поздно, надо было раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...»**

Ясно, Нурсултан Абишулы в этом интервью впервые за долгие годы открыто заявил о том, что никто в Казахстане не мог прежде сказать так громко. Читая эти замечательные слова, прозвучавшие на весь Союз, люди воздавали Н.А.Назарбаеву должное. Это стало началом возвращения имени Евнея Букетова родному народу...

Придется признать очевидное, как бы ни оправдывался задним числом почтенный Димеке, во всем случившемся с его коллегой и знаменитым современником Евнеем Арыстанулы Букетовым основная вина все-таки ложится на него. К сожалению, он слишком хорошо знал, в каком трудном положении находился опальный ученый, но для того, чтобы исправить допущенный произвол, негласно санкционированный им же, ничего не предпринял. Обидно и прискорбно и то, что эти преследования продолжались и после кончины Е.А.Букетова, вплоть до того времени, пока он, Д.А.Кунаев, находился у власти. А то, что он пишет в мемуарах – далеко от истины...

ГЛАВА
ДВЕНАДЦАТАЯ

ОН НЕМНОГО НА ЗЕМЛЕ ПРОЖИЛ, НО ПАМЯТНИК ВЕЧНЫЙ ЗАСЛУЖИЛ

«Книга о Каныше Имантаевиче – это моя отрада и мое мучение... Не знаю, что получится. Пока движется плохо. Верю в просветление. Главное в моих думах – многосторонний глубочайший дух, магический кристалл, через которой можно просветить всю нашу жизнь...

Чем больше вживаюсь в образ этого человека, тем больше сознание всей сложности проблемы, от которой кружится голова...»

Из письма Е.А.БУКЕТОВА к М.К.САТПАЕВОЙ,
24 июля 1981 года

I

Многие его современники знали, что Евней Арыстанулы в течение многих лет лелеял мечту написать документально-художественную книгу о жизни и деятельности академика К.И.Сатпаева, которого боготворил. Почему он поставил перед собой такую тяжелую задачу, как осенила его эта голубая мечта?

Я об этом подробно рассказал в своих воспоминаниях-эссе «Через тернии», увидевших свет в 1994 году на казахском, а в 2002-2003 годы дважды – и на русском языке. Теперь же возникла необходимость кое-что снова повторить, дополнив повествование новыми данными, обнаруженными в архиве ученого.

* * *

Таисия Алексеевна, спутница жизни Каныша Имантайулы Сатпаева, после его кончины задумывалась о создании достоверного повествования о жизни и многогранной деятельности выдающегося ученого, однажды она напросилась на прием к первому секретарю Союза писателей Казахстана, замечательному художнику слова Габиту Махмудовичу Мусрепову...

– Она попыталась уговорить меня взяться за книгу о жизни Канеке, – рассказывал Габеке позднее. – Но я постарался убедить ее, что мне в моем возрасте это уже не по силам. – «Уважаемая Таисия Алексеевна, – обратился я к ней как можно мягче, – по моему глубокому убеждению, Канеке – это высочайшая вершина в мире науки, человек необыкновенного ума, неукротимой энергии и смелого размаха, он много испы-

тал на своем веку, многого достиг. Чтобы воссоздать образ такой исполинской личности, нужно, как минимум, затратить 15-20 лет, а есть ли у меня, уже шагнувшего за шестьдесят лет, в запасе столько времени? Сомневаюсь...» – Этот довод на нее подействовал безотказно. Кстати и тебе скажу, внук старика Сарсеке, описать Сатпаева во всех проявлениях его научных, гражданских и человеческих качеств – задача очень ответственная, – делился со мною своими мыслями наш патриарх литературы в минуты откровения, что бывало с этим признанным мастером слова весьма редко.

– Супруга Канеке согласилась со мной, задумалась, а потом попросила: «Уважаемый Габит Махмудович, тогда назовите мне того «писателя-альпиниста», у которого не закружилась бы голова от восхождения на такую высоту. Разумеется, я надеюсь, вы уговорите его, если у него самого не хватит смелости на этот шаг...» Ей, почтенной вдове дорогого для всех нас Канеке, трудно было отказать в чем-либо, собираясь ко мне на встречу, она знала об этом, – продолжал свой рассказ Габит-ага. – После такого дипломатического ее хода пришлось задуматься... Честно признаюсь, я не назвал ей твое имя, хотя знал, что ты уже находишься на подступах к этой теме... Прикинув так и эдак, я решил, что автором должен быть ученый человек, обязательно из круга Канеке, притом он должен быть и литературно одаренным. Потому я назвал Евнея Букетова, коротко охарактеризовав сферу его деятельности, заодно отметив, что он пишет одинаково на двух языках... Таисия Алексеевна сразу заинтересовалась его кандидатурой, высказала лишь опасения, что не помешает ли ему его чрезмерная занятость в университете. Словом, мне пришлось звонить в Караганду, к моей радости Евней тоже загорелся этой идеей...

С Ебеке я встретился во время приезда в Алматы, это было, кажется, зимой 1973 года, несказанно обрадовавшись, он пригласил меня в свой номер в гостинице «Алматы». Там он поведал мне о своей договоренности с Таисией Алексеевной, о том, что по ее настоянию уже приступил к изучению биографии Канеке.

– Я в курсе твоих поисков, что ты к этой теме давно прицеливаешься, Медеу, – успокоил меня Ебеке, – не переживай,

батыр, мы друг другу не будем мешать. Перед нами такой простор, что не только нам двоим, но и другим писателям не будет тесно. Дело в том, что у каждого будет свой Сатпаев, по его разумению и видению, это – вечный закон литературы... Кроме того, у меня, Медеу, постоянный дефицит времени, потому я прошу тебя: поделись со мной собранными тобой материалами о нем...

Таким образом, мы оказались как бы двумя пахарями на одном поле. Мало того, в журнале «Простор» уже была опубликована документальная повесть Алексея Брагина «Сокровище медного купола», опять же о деятельности геолога Сатпаева, а полный текст ее готовился к выпуску в свет издательством «Жазушы». Я знал, что Алексей Иванович года два тому назад плодотворно работал в Жезказгане, там он заимел крепкие связи с сатпаевцами, особенно с начальником Жезказганской ГРЭ, Героем труда В.И.Штифановым. А еще прошлым летом с такой же целью известный ученый-литератор, академик Кажым Жумалиев объездил все сатпаевские места – Баянаул, Караганду, Улутау. Я же с 1963 года, по настоятельной рекомендации академика и близкого человека Каныш-ага (его зятя и земляка) ученого-археолога, академика Алькея Хаканулы Маргулана начал свои поиски. С тех пор прошло десять лет, я побывал в спецархивах Геолкома в Ленинграде, в архивах СНХ в Москве, добрался даже до фонда Г.К.Орджоникидзе в ИМЛ, ездил в Томск, четыре года (и летом и зимою) подряд бывал в Жезказгане, каждый раз более месяца мотаясь по всем сатпаевским тропам, не говоря уж об архивах Павлодара, Семипалатинска, Караганды и Алматы. Словом, за эти годы я собрал огромный материал. Но основную свою творческую задумку пока держал при себе, это должен был роман-дилогия под условным названием «Большой Жезказган». А пока готовил и документальную книгу об ученом...

Теперь увидел, что к нашей троице сатпаевцев, желавших по-своему разработать эту интересную тему, присоединился Евней Букетов, человек безусловно талантливый и большой знаток научного наследия Каныша Имантайулы, притом близко с ним общавшийся...

– Ебеке, желания ваши мне понятны, – осторожно повел я речь во время нашего уединения в гостинице, – но вы должны себе ясно представить весь огромный объем работы, необходимой для всестороннего освещения жизни ученого, притом во многих случаях скрытой от посторонних глаз, одни выписки из его биографии вам не помогут. В архивах много таких тайн, истинную цену которых может уяснить только сам автор повествования. Это одна сторона медали, Ебеке... – Видя, что учитель мой призадумался, я решил открыть ему все свои карты: – Поделиться всеми собранными в архивах материалами я не могу... Дело в том, что многие мои записи сделаны в тетрадях и блокнотах, это как бы для памяти, чтобы ими воспользоваться в нужный момент. Например, у меня записаны воспоминания более четырехсот его соратников, сделанные мною во время встреч с ними. А как поделиться с вами? Это значит месяцами переписывать их...

– Ясно, но ты нашел какой-то документ, то ли письмо, адресованное Канеке, то ли его письмо другим. Эти вещи иногда многое открывают, поэтому биографу полагается их знать. Вот такими редкими материалами ты можешь со мною поделиться. А я обязательно укажу, что материалы нашел ты, если их использую.

– Хорошо, это я обещаю, – согласился я. – Но я хочу предупредить вас, Ебеке... Вы не рядовой писатель, как я, вас в республике знают, вы академик, мало того, у вас высокая должность... Поднимать на щит Сатпаева сейчас – для вас чревато личными неприятностями, это может плохо отразиться на вашей научной и творческой карьере... – Когда я это проговорил, хозяин гостиничного полулюкса неодобрительно вскинул на меня глаза. Мне бы остановиться на этом, нет, я решил до конца высказать свои опасения по этому поводу. – Подлинную причину я не знаю, но твердо уверен, что в данный момент документальная книга, повесть или романы о Сатпаеве будут встречены нашими верхами в штыки...

– Перестань чушь нести! – по-настоящему рассердился Евней Арыстанулы. – Если о Сатпаеве не писать, то о ком же?!.. Кто это может нам, тебе, мне и другим это запретить, кто

и зачем? Только уж, дай Бог, сможем ли написать так, как надо?.. Странный, несуразный по сути затеял ты разговор. Какие-то сплетни собрал в кулуарах Академии наук и Союза писателей. Это завистники распространяют всякую чепуху, которые сами ни на что не способны, болтают, что им вздумается...

– Агай, воля ваша, исследуйте, пишите. Все-таки мой совет вам: до окончания своего труда никому его не показывайте и не говорите о нем. Даже то, что пишете о Канеке, не разглашайте.

– Странный совет, зачем мне скрывать свое занятие?..

– Ебеке, я все вам сказал. Дай Бог, чтобы я ошибся!..

Что поделаешь, всему, что я говорил в тот вечер Евнею Арыстанулы от доброго сердца, он не придал значения.

* * *

Рукописные материалы, хранящиеся в архиве ученого, свидетельствуют о том, что он не сразу взялся за жизнеописание Сатпаева, долго к этому готовился. Мне было известно, что он ездил в Баянаул, посещал родственников, проживавших близ Караганды, вел с ними долгие беседы, знакомился с материалами в Геологическом институте, собрал кое-что о детских годах Каныша Имантайулы, все это, по своему обыкновению, он долго изучал...

Между прочим, первый очерк Е.А.Букетова «Промелькнувший метеор в Млечном пути», посвященный 70-летнему юбилею К.И.Сатпаева, был опубликован в газете «Орталык Казахстан» за 3 апреля 1969 года. Очерк, охватывавший всю жизнь замечательного ученого, он завершил такими словами: «Академик Веселовский, восхищаясь тем, что сделал за свою короткую жизнь на стезе науки Чокан Валиханов, добившийся огромных успехов, сравнивает его с промелькнувшим метеором. Каныш Сатпаев оказался намного счастливее Чокана. Канеке не промелькнул быстро в небе своей страны, он превратился в большую звезду на небосклоне, которая и сегодня светит нам. А вокруг нее уже скопилось много малых звезд. Символически можно сказать, что целая плеяда ученых казахстанцев, окружая Канеке, уже стала млечным путем».

К прославлению деяний своего кумира Евней Арыстанулы вновь возвратился в своем нашумевшем на весь Союз очерке «Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники». Значит, с образом Каныша Сатпаева он никогда не расставался.

Между тем, были люди, которые ему об этом изредка напоминали...

А.Х. МАРГУЛАН, 7 апреля 1973 г. – **Е.А. БУКЕТОВУ** (перевод с казахского мой – М.С.):

«Дорогой Евке! (...) Конечно, не так-то просто писать о Каныше, однако писать надо. Не всякому это удается, а писатель, который хорошо знает инженерное ремесло, тем более, как вы, человек, владеющий техническими знаниями, может взяться за эту тему. А другой, не представляющий эту сторону его жизни, может сделать общеописательную вещь, где в тени могут остаться самые главные занятия героя. Для вас инженерная деятельность Каныша вполне понятна, вы увидите и найдете там много интересного, я даже думаю, ни у кого не будете спрашивать, будете писать свободно и с интересом – только было бы у вас время, и, конечно, берясь за этот период, надо писать обдуманно и не спеша. Но Вам не очень известен период – детство Каныша, прошедшее в ауле: в каком окружении он вырос, какое воспитание получил?.. По моему понятию, писать о Каныше – это равноценно тому, что писать в целом о казахском народе. «Путь Абая», который создал Мухтар (Ауэзов – М.С.)*– не просто повествование о жизни одного Абая, мудрого поэта, это картина жизни всего казахского народа – быт, социально-политическое положение, история... – все там есть. Я не думаю, что когда вы будете писать о Каныше, то все это тоже надо охватывать, повторять в новом времени, но все же в какой-то мере это должно отразиться.*

Геологи, друзья-товарищи Каныша всегда удивлялись его глубоким знаниям, удивительному общительному характеру, природной вежливости и искренности, многим его чертам, редко встречающимся даже в цивилизованных странах. На одной встрече, посвященной его памяти, профессор И.И.Бок спросил меня: «Разве из такого дикого, во многом невежественного ко-

чевого народа мог выйти такой выдающийся человек?» Ясно, он говорил так, следуя устоявшемуся стереотипу в обществе, не понимая ни сути, ни натуры казахского народа, тем более, не зная отца Каныша. Все добрые черты его характера, знания, вежливость ведь Канышу достались от отца. Он и я с юных лет выросли под опекой этого мудрого и глубоко образованного человека. Каждый день он, Имеке увлекательно рассказывал о прошлом. Он прекрасно и глубоко знал географию, исторические легенды своего народа. Его рассказы о времени правления Есима и Тауке ханов (XV-XVII вв.) были для нас ничуть ни хуже, чем написанные исторические книги.

Имантай Сатпаев, отец Каныша, по своему уровню знаний мог бы учить многих профессоров, которые сейчас преподают в университетах. Он-то со своими огромными материалами оказал большую помощь Г.Н.Потанину. Об этом удивительном человеке, хранителе старины, как я в студенческие годы впитывал его знания в себя, я подробно писал в своих воспоминаниях, озаглавленных «Светлая личность». Там же мною рассказано и о юношеских годах Каныша, подробности можете узнать оттуда.

...Прежде чем начать писать о Каныше, правильнее будет прочитать вам множество книг из серии «Жизнь замечательных людей». Считаю, самой полезной из них для вас будет – «Александр Гумбольдт». Его жизнь, дела, взгляды очень близки Канышу. О Каныше, Мухтаре, Шокане пишут многие, но таких, кто бы показал всю глубину их мировоззрения, пока не встречал ни одного. Вся надежда на Вас. Всей душой желаю, чтобы вы написали хорошую вещь. Если будут какие-то вопросы, обращайтесь, готов служить вам».

Нет на свете мук сильнее муки слова. Настоящий писатель всегда недоволен собой. То, что сегодня ему кажется удачно написанным, завтра уже может не понравиться, и труд нескольких дней идет насмарку, такое для писателя – в порядке вещей. Приступив к своему повествованию о Сатпаеве, Ебеке тоже менял свои задумки, планы, даже готовые страницы переписывал множество раз. Похоже, что мучился, перечеркивал уже написанное и заново принимался за это же ...

Т.А.САТПАЕВА, Алматы, 21 января 1973 г. – Караганда, **Е.А.БУКТОВУ:**

«При первой встрече Вы говорили, что ранних лет касаться не будете, а начнете с образа ученого и организатора, что так совпадало с моими желаниями. (...) А в последнее свое посещение Вы уже сообщили, что подробно будете отражать ранний период Кан. Им., начиная с его рода и племени, Чормановых и т.д., (...) что и расстроило меня...»

Через пятнадцать дней, в письме от 6 февраля Таисия Алексеевна рассматривает этот период в другом ракурсе:

«Конечно, творческий период Кан. Им... является самым трудным для авторов. Я Вас вполне понимаю при многообразных Ваших обязанностях. В это надо вжиться и посвятить специальное время, чтобы не урывками от разных дел заниматься такой темой. Это уже Ваше личное дело, которое Вы и можете только решать сами. Желаю Вам всяческих успехов!..»

В архиве ученого хранятся письма, которые Ебеке получал со всего Союза, они все в целости сохранены, однако его собственные письма не всегда удается отыскать... в том числе те, что отправлены им вдове К.И.Сатпаева. Поэтому мы не можем судить о всех нюансах в их переписке. Приблизительно лишь догадываемся, о чем шла речь. Например, в письме, отправленном 18 августа 1973 года, Таисия Алексеевна сообщает ему любопытную новость, притом для меня, будущего автора этой серии, совершенно неожиданную: «В связи с Вашей поездкой в Москву и предстоящим изданием книги о Каныше Имантаевиче, я мечтаю, чтобы она была опубликована в «Молодой гвардии», о чем договаривался с главным редактором наш Шафик Чокинович. Вам надо заранее «застолбить» себя там...»

Т.А. САТПАЕВА, 26 ноября 1973 года – **Е.А.БУКЕТОВУ:**

«Глубокоуважаемый Евней Арстанович!

Получила Ваше письмо и «Вместо предисловия». Меня порадовало, что Вы как будто решительно, наконец, собрались писать о Каныше Имантаевиче. Ведь когда «вживешься» во

что-либо, то тебя уже тянет к этому. По Вашему «Вместо предисловия» видно, что Вы уже глубоко в это вникли.

«Марию Кюри» я Вам давала совсем не для подражания в написании, а как чудесную книгу, чтение которой доставляет истинное наслаждение. Данина я не очень люблю, какой-то у него тяжеловесный стиль. Но таких людей описывает, что приходится читать. Чего стоит фраза Евы Кюри: «Она не умела быть знаменитой». Так много здесь сказано о ее знаменитой, поистине великой, ученой матери. В то же время сама Мария Кюри написала о своем супруге — Пьере, где только перечислены научные идеи, над которыми он работал, а самого человека-то и нет. Очевидно, ее мозг был всецело поглощен вопросами науки, над которыми она трудилась...

Вы, конечно, напишите как-то по-своему. Хотелось бы, чтобы книга была интересна и доступна широкому кругу читателей и отображала его всесторонне. Леонид Ильич (Брежнев – М.С.) *сказал о нем, как о выдающемся геологе, а он был и крупнейший организатор, государственный деятель и обаятельный человек. Ну, а слово «великий» — придержите. Одно, о чем буду Вас очень просить, не упоминайте меня и немного переделайте свое «Вместо предисловия», подайте его не в виде письма ко мне, а просто как ваши размышления... Желаю творческого вдохновения!»*

Как видим, Евней Арыстанулы, собрав необходимый для разбега материал, уже пробовал свое перо в этом направлении.

Евней БУКЕТОВ, «ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ»:

«Глубокоуважаемая шешей Таисия Алексеевна!*

Прошло более двух лет с тех пор, как Вы убедили меня, что я (и никто другой!) должен написать биографию академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Правда, Вы тогда не говорили буквально: «должны, обязаны», но из всего Вами сказанного я сделал такой вывод.

...Прежде всего, как писать? Самое опасное заключается в том, что, имея исключительно добрые намерения, можно отой-

* Мать.

ти от истины. Легкое, недостаточно взвешенное отношение к памяти людей, деяния которых стали достоянием народов, часто, как мы знаем, приводит авторов к заблуждению: будто их собственное примитивное мышление отражает мысли и соображения большого человека. Вы говорили мне о том, что такие примеры имеются в нашей казахской литературе. Очень не хотелось бы, чтобы к подобным писаниям прибавились и мои.

...Особенно объективно необходимо, на мой взгляд, писать об академике Сатпаеве, первом великом человеке из нашего народа, поднявшемся во весь рост. Может быть, написать чисто научную биографию, год за годом прослеживая, как у Каныша Имантаевича зарождались те или иные идеи и как они находили теоретическое, научное и практическое воплощение. Это было бы очень интересно. Однако я не специалист в той отрасли знаний, в которую дальше и глубже других заглядывал академик Сатпаев, поэтому не могу претендовать на достаточно верное и в то же время достаточно доступное для широкого круга читателей изложение его идей и замыслов. Для этого необходимо быть специалистом высокого класса в данной области знаний.

...Вы дали мне прочитать книгу о Марии Кюри, написанную ее дочерью Евой. Слов нет, написана биография хорошо и читается с интересом. Однако здесь многое связано с колоритом личных взаимоотношений — матери и дочери. И в этом неповторимом колорите заключены лиризм и привлекательность повествования. Естественно, это для меня невозможно, ибо я имел с Канышем Имантаевичем чисто деловые взаимоотношения, да и то в последние годы его жизни. Кроме того, очень рискованно проводить какую-то параллель и делать сравнения на основе данных жизни и деятельности этих двух ученых. У этого ученого с мировым именем вся деятельность могла проходить и проходила буквально на глазах рядом находящегося человека. Попробуйте представить себе таким академика Сатпаева! Вы же сами мне рассказывали, как Вам легко было вести повествование (я имею в виду Ваши записи-воспоминания) до перевода Каныша Имантаевича на работу в Алма-Ату. Это понятно, в Джезказгане Вы оба, страстно преданные любимому делу геологии, работали постоянно рядом, непрерывно делясь трудовы-

ми и жизненными впечатлениями. Но после переезда в Алма-Ату резко расширился диапазон научной и научно-организационной деятельности ученого, стало трудно следить близким, даже Вам, за всеми деталями его работы, так как постепенно изменялась обстановка, позволяющая вам ежедневно охватывать всю деятельность Каныша Имантаевича. И здесь Ваши записки, основанные на личных впечатлениях, естественно, не могли сохранить тот колорит, полноту, которая характерна для доалматинского периода. Отсюда следует, что для написания биографии ученого-организатора и общественного деятеля, который мог, благодаря нашему строю, авторитетно ставить вопросы о решении научных и научно-хозяйственных проблем на самых высоких уровнях в стране и претворять свои идеи в жизнь в колоссальных масштабах, по-видимому, совершенно не подходит повествование с позиции человека, лично связанного с ним.

...Я уже говорил о том, насколько опасна погоня за занимательностью и излишняя беллетризация. Однако элементы художественного осмысления отдельных фактов из жизни большого человека, наверное, необходимы, ибо все же надо стараться представить читателю зримый облик человека, а это можно сделать, описав его деяния динамично и объемно. Надо стараться, чтобы жизнеописание было по возможности нескучным, особенно когда речь идет о таком жизнерадостном и оптимистичном человеке, каким был Каныш Имантаевич. Один из специалистов в этой области недавно назвал биографии, публикуемые под рубрикой «ЖЗЛ», художественным жанром, чем изрядно расстроил меня. Я совершенно не уверен в том, что мне удастся эта сторона при выполнении поставленной задачи. Но мне кажется, право автора на элементы художественной интерпретации в некоторой степени облегчает дело, так как он получает определенную свободу действия для предположений и гипотез, для отображения в тех или иных случаях действий и поступков, которые, возможно, на самом деле не имели места, но могли быть с точки зрения исторической верности и жизненной правды. Словом, трудностей предвидится довольно много. Наш первый академик, слава нашего народа, в устах дореволюционного акына, поэта-импровизатора, выглядел бы былин-

ным богатырем, ибо он поистине достоин монументальных и эпических произведений. Ныне на это, вероятно, необходимо время. Произведения непреходящего значения не создаются вдруг. А наша молодежь, наш читатель хочет знать об академике подробно и больше сегодня, сейчас. В связи с этим постараемся выполнить эту задачу в чрезвычайно скромных пределах, стараясь хотя бы отдаленно приблизиться к его сложной и неисчерпаемой духовной сути, опираясь на документы и факты. Будем стараться отбирать то, что будет казаться, на наш взгляд, самым характерным, самым ключевым и строить на этом наши суждения».

Как видно из этого своеобразного вступления к повествованию (следует учесть, что мы его представили в более сжатом виде, сохраняя лишь главные мысли автора), Евней Арыстанулы довольно подробно пояснил свою основную цель, исходя из вопроса: «Как воссоздать в книге необъятную фигуру Сатпаева?», он продумал всесторонние подходы к осуществлению этой задачи, заодно показал, с каким багажом подступает к теме, тем самым ясно представил фабулу – стержень, на котором будет строиться повествование. Внимательному читателю понятно, что это предисловие написано в особом ключе, оно в корне отличается от привычных документальных произведений. Автор не скрывает от Таисии Алексеевны, что хочет показать богатую событиями совместную, счастливую и содержательную жизнь ученых-геологов, проживших тридцать восемь лет под одной крышей. Ориентируясь на главные вехи в биографии своего героя, он предполагал описать личную жизнь Канеке в тесной связи с его научной и производственной деятельностью. Это желание автора. А как получится? Покажет время.

Первые главы повествования шли не так уж легко и просто, как ему хотелось. Основной помехой была его вечная занятость. Но это лишь для самооправдания. Просто тема не давалась с первого наскока. Все же после многомесячных терзаний ему удалось войти в ритм произведения. Стояла золотая осень 1973 года – пора трудов и вдохновения.

Об этом опять мы узнаем из письма Таисии Алексеевны от 12 октября: «Спасибо за поздравление с праздником. Более того, меня порадовала приписка к поздравлению, что Вы начали писать о Каныше Имантаевиче. Пословица говорит: «Лиха беда начало». Может быть, это начало вдохновит вас и вы будете находить время для этой работы. А я буду об этом молиться Аллаху, так как здоровье мое разрушается на глазах и хочется быть уверенной, что это дело не замрет...»

Работа его набирала все большую стремительность. Рука просилась к перу, перо – к бумаге. Даже во время утренних пробежек он искал новые слова, сравнения, складывая в фразы, произнося и проверяя их на слух. Придя домой, быстро приняв душ, он сразу садился за письменный стол. Память у него по-прежнему была крепкой: ни одно слово, ни одну фразу, сложенную на бегу, он не забывал. Утренняя свежесть, бег на чистом воздухе всегда прекрасно действовали на него, бодрили, и мозг также хорошо работал в эти минуты, мысли текли легко, обгоняя одна другую, и за утро рождалось три-четыре страницы текста...

Супруга Зубайра в такие счастливые мгновения старалась вообще его не беспокоить, не приглашала к телефону, к утренним визитерам, даже и на завтрак. Ждала, пока он, выполнив утреннюю «норму», сам не выйдет из кабинета. Из-за полуоткрытой двери она лишь наблюдала за ним, склонившимся над столом, стараясь не шуметь и не греметь посудой при приготовлении завтрака, чтобы не отвлекать его внимания.

Акселеу СЕЙДИМБЕК, писатель, из дневника:

03.12.1973 год. *«Был дома у Ебеке. Он мне прочитал первые главы своего нового произведения о Каныше Сатпаеве. Основательно описана среда и окружение великого человека, аул, где он родился и вырос. Без лишнего художественного вымысла нарисована картина старого аула. По этому поводу сам Ебеке высказал такую мысль:*

– Долг тех, кто в жизни встречался с Канеке, получил от него наставления – запечатлеть это, как было, и оставить потомкам. Это фундамент будущих художественных произведений.

Далее он завел разговор о своих писательских муках. Оказывается, из того, что уже изложил на бумаге, он многое перечеркивает, убирает, заново переписывает. После этого говорили о том, что надо уметь выбрать из множества источников самые нужные. Он мне показал пять или шесть папок материалов, собранных о Канеке».

***11.10.1974 год.** «Сходил на работу к Евнею Арыстанулы. (...) Он сказал, что в прошлые субботу и воскресенье съездил в Баянаул, посетил места, где проходили юношеские годы Каныша».*

Осень и зима 1973 года для Евнея Арыстанулы оказались весьма плодотворными, он написал о детских годах Каныша (об овладении мусульманской грамотой, обучении в русско-казахской школе в ауле Чормановых). Две главы будущей книги, условно назвав их «В орбите кочевок», зачитывал знакомым, несколько раз от руки переписывал, окончательно подчистив, отдал машинистке. Получилось 120 страниц (из них 12 страниц «Вместо предисловия») и все это в нескольких экземплярах отвез в Алматы.

Т.А.САТПАЕВА, 13 апреля 1974 года – **Е.А.БУКЕТОВУ**:

«Глубокоуважаемый Евней Арстанович! Прочитала оставленную Вами рукопись будущего большого произведения о Каныше Имантаевиче. Очень интересно написано. Прочитала два раза «с чувством, толком и расстановкой». Много таких особенностей, характеризующих национальные черты быта народа. Прекрасен образ отца, врожденный такт его и влияние на детей. Конечно, ни один русский автор этого совершенно не знает и не отразит в своих «домыслах». Я думаю, Вы уже одержимы этой работой и я спокойна за дальнейшую ее судьбу.

Каныш Имантаевич о себе не очень распространялся. Кое-что хотелось бы при личной встрече обсудить с Вами. В письме получится многословно, да можно и не совсем правильно понять. Только будьте уверены в моей доброжелательности.

Родственники читают Вашу рукопись, им она также нравится. Кемаль Акишев – сын сестры Каныша Имантаевича что-то пишет о своем детстве, о матери...»

11 апреля 1974 года в газете «Ленинская смена» был опубликован очерк Евнея Букетова «Первый академик», посвященный 75-летию со дня рождения К.И.Сатпаева. Для Таисии Алексеевны, которая каждый месяц посылала по нескольку писем в Караганду, беспокоилась и постоянно напоминала, что она «полезная старуха» (эти слова она писала по-казахски: «кара кемпирь») — новая публикация Е.Букетова была радостным событием, видимо, то письмо, которое мы предлагаем вниманию читателей, яркое свидетельство того, что она снова решила напомнить о своем сокровенном желании ускорить процесс написания произведения...

«Глубокоуважаемый и дорогой мой писатель Евней Арстанович!

...Хотела бы лично поблагодарить Вас за чудесную статью, опубликованную в «Ленинской смене». Очень хорошо вы подобрали фактический материал и с большой выразительностью показали нашего героя. Прекрасный его портрет, сопровождающий статью, вижу впервые, ни в личном его архиве, ни в домашнем этого портрета нет. Пожалуйста, сообщите, где нам достать негатив или копию фото. Буду очень Вам благодарна.

Радуюсь Вашей смелости в изложении материала, принципиальности и непоколебимости в наше «смутное время» в АН. Такое поведение людей всегда импонировало Канышу Имантаевичу. Я надеюсь на Вашу одаренность и чувство долга перед светлой памятью этого редкостного человека, а это Вас должно привести к «одержимости» в работе над его образом и большому успеху для Вас. Те «крылья», которыми так щедро одаривал Каныш Имантаевич своих сподвижников, понесут Вас высоко и далеко...

Признательная Т. Сатпаева, 16 апреля 1974 г.»

Уже приблизившаяся к своему семидесятипятилетию, всю свою вдовствующую жизнь без остатка посвятившая систематизации огромного научного наследия ученого супруга Т.А.Сатпаева готовила его «Избранные научные труды» к изданию в пяти томах, преодолевая на этом пути яростное сопротивление тайных и открытых противников, беря все пре-

грады с боем. Изрядно уставшая от всего этого, но не унывающая Таисия Алексеевна, разумеется, радовалась каждой строке, вышедшей из-под пера талантливого писателя Евнея Букетова, она уже за него болела всей душой. Письмо ее к Е.А.Букетову имеет свой подтекст. Ее особая признательность ему объясняется тем, что в очерке «Первый академик» автором высказана веская и принципиальная мысль о приоритетной роли К.И.Сатпаева в развитии науки в республике, притом, «несмотря на «неустойчивое время», Е.А.Букетов смело, без оглядки провозгласил в своей статье историческую правду. Кто-кто, а Таисия Алексеевна хорошо знала все подводные течения, истинную подоплеку искусственно созданной вокруг имени Каныша Имантайулы «проблемы»...

«Свой экземпляр я передала Сакену Чакабаеву (любимый ученик К.И.Сатпаева, в 70-е годы он работал министром геологии и охраны недр – М.С.) по его просьбе, а Ханиса (старшая дочь Канеке, доктор медицинских наук – М.С.) академику, химику, нашему родственнику А.Б.Бектурову. Они, в свою очередь, передали кому-то, и где теперь искать, даже не знаю. Но вообще-то все высказывают похвалу Вам, так что будьте спокойны, да и пишите, когда есть время и вдохновение... – писала Таисия Алексеевна в своем очередном послании в Караганду от 25 августа того же года, далее в этом письме есть такое существенное замечание: – Не надо, по-моему, так широко собирать мнения людей о своей работе, не все ведь доброжелательны. А «ложка дегтя» может многое испортить...»

Эти слова спутница по жизни Каныша Имантайулы писала неспроста. Фактически Таисия Алекссевна то же самое говорит, правда, в тактичной форме, о чем я предупреждал Ебеке в начале его поиска. Но Евней Арыстанулы, наверное, считал, что на литературном поприще ему никаких преград не будет, тем более если произведение написано на основе документальных материалов, неопровержимых фактов и посвящено национальной гордости Казахстана – Канеке. Кто мог противостоять или помешать публикации его произведения? Ясно же, никто.

Святая наивность ученого, она и привела его впоследствии к поражению, даже сокрушительному разгрому всех его планов.

Накануне пятидесятилетия со дня рождения Е.А.Букетова литературная газета «Қазақ әдебиеті» обратилась к профессору, его другу Зейнолле Кабдолову с просьбой написать статью об ученом под названием «Селен и стихи». Заполучив рукопись этой своеобразной, интересной статьи, главный редактор газеты, известный поэт Сырбай Мауленов (он также был другом Ебеке) позвонил в Караганду и попросил его срочно выслать какое-либо ранее не публиковавшееся, небольшое по объему произведение. И Евней Арыстанулы, видимо, не очень раздумывая о последствиях, отправил окончательный вариант 12-страничного «Вместо предисловия». Этот материал вместе со статьей профессора З.Кабдолова был опубликован в номере газеты за 21 марта 1975 года на двух внутренних полосах.

Естественно, он появился на свет из добрых побуждений друзей, которые очень старались достойно отметить полувековой юбилей Евнея Букетова. И стотысячная читающая публика тоже восприняла его дружелюбно и с одобрением. Оно и понятно: замечательный ученый и талантливый литератор, несмотря на огромную занятость в университете, по-прежнему не оставляет свое любимое занятие литературой и готовит большое эпическое полотно о Каныше Сатпаеве. Как не восхищаться таким талантом?!. Конечно, восхищались, поздравляли! «Молодец, Евней! Это прекрасно, только быстрее заканчивай, порадуй нас, заодно и свой народ!..» – говорили друзья. Если до публикации «Вместо предисловия» о его занятии знали только несколько человек из его ближайшего окружения, да семья Каныша Имантайулы, а теперь через газету – узнал весь Казахстан.

На имя писателя теперь шли потоки писем, в которых одобрялся его новый литературный труд, ниже мы приводим одно из них, в нем, кстати, было и дельное предложение, заставившее автора «В орбите кочевок» кое-что пересмотреть. Перед вами письмо-исповедь в сжатом виде, написанное на казахском языке. Судя по тексту, с рукописью «В орбите кочевок» автора письма ознакомил сам Евней Арыстанулы.

Турсунбек КАКИШЕВ, доктор филологических наук, 6 апреля 1975 года:

Дорогой Ебеке!

Рукопись прочитал полностью. Во-первых, хочу Вас поздравить с тем, что Вы взялись за это дело, засучив рукава. За жизнеописание такого Человека-гиганта, как Каныш, должен был взяться именно такой же, подобный ему человек, со своим «Я», как Вы. Во-вторых, автор должен владеть в совершенстве казахским и русским языками и отлично знать психологию этих двух народов. В-третьих, он должен знать не только науку Канеке, но и быть ученым, который может проследить и понять пути развития науки, культуры страны в целом. Об этом же Вы вскользь упоминаете в своем открытом письме Таисии Алексеевне. Я считаю правильным, что этим человеком оказались Вы.

В письме-предисловии вы превосходно продемонстрировали свой уровень знаний. И читатели тоже чувствуют это, что имеют «дело» с автором широкого диапазона. Но все-таки не помешает эту часть чуть-чуть сократить и вместо многословных объяснений, почему вы так разогнались, лучше признаться, что к этому вас обязывает убедительная просьба Таисии Алексеевны и ваш «долг» перед Канеке. Для этого нужна ваша искренняя любовь к Канеке. Это у Вас имеется. Поэтому Вы и взялись за перо. Но надо так сказать, чтобы все читатели почувствовали эту святую обязанность и верность памяти великого современника своего. Через Вас, через Вашу любовь должно быть ясно видно, что это — любовь к нему всего народа и страны. А Ваше заявление о том, что Вы приступили к этому повествованию только по просьбе Таисии Алексеевны, по-моему, как-то легковесно.

Вы хорошо, уверенно, с широким размахом пишете по-русски. Поздравляю! Но все-таки, думаю, надо обратить внимание на одно деликатное обстоятельство. Истинно русские свою мысль выражают точно и кратко. Конечно, у таких художников слова, как Толстой, Леонов, мы встречаем и длинные, витиеватые предложения... А наши казахи, евреи...и другие писатели разных народов, как правило, стараются писать по-русски пространно... Отголоски этого есть и у Вас... Я думаю, чтобы пред-

ложение было ясным и художественным, не обязательно загромождать текст потоком пустых слов. Погоня за красивостью слога – один из отрицательных моментов у наших казахских писателей, это Вы сами хорошо знаете...

«В орбите кочевок» – 12 страниц предисловия, а всего 120 страниц текста. Здесь ваша главная цель – показать кочевой образ жизни казахского народа. Потому там очень много этнографических картин, местами они романтизированы. Каждый может задать вам вопрос: для чего и кому все это нужно? И этот вопрос меня также заставил задуматься. И вразумительного ответа не нахожу. Описывая эту сторону жизни довольно пространно и красочно, вы мальчика Каныша, его детство, характерное только для него отрочество не выделили, это осталось в тени. Я боюсь, Ебеке, такие подробные описания – как кочевье, зимовка-джайляу, осеневка-зимовка, достаточно известны по эпопее «Путь Абая» М.Ауэзова и роману «Пробужденный край» Г.Мусрепова. Описания эпизодов обучения ловчих птиц, рыбалки, сева, уборки урожая очень подробны и длинны. На уборке урожая вы показываете Андрея, «тамыра» Имантая – это не ново и не нужно... Такие же лишние детали есть и в описании ловчих птиц. Эпизод с щукой и сомом тоже не реален. Случай с огромным сомом, который, пропахав брюхом, выскакивает на прибрежный ил, неправдоподобен. Сюжет этого рассказа затмевает главную цель повествования. Думаю, надо говорить о роде Чормановых, Садвакасе, но они не должны оставлять в тени Имантая и Каныша. Следует как-то ненавязчиво показать, что среди казахов были такие по-русски образованные люди. (...) Наши ретивые «активисты» могут поднять шумиху, что Вы изрядно перехваливаете род Чормановых, так что подумайте...

Мои мысли могут Вас в чем-то заставить засомневаться: продолжать ли дальше писать или остановиться – такие беспочвенные мысли и сомнения могут возникнуть. Решительно заявляю: надо писать! И это будет правильно, если именно Вы будете писать. Только Вы можете это осилить. Эти слова не для того, чтобы вас успокоить... Вы только что приступили к благородной и ответственной работе. Окончание ее должно

стать Вашей главной целью. Потому что любящее ваше сердце, Ваша преданность памяти дорогого всем нам Канеке обязывают Вас к этому.

...Вы описываете один год жизни Канеке, период поступления его в начальную школу Вы растянули на 110 страниц. Жизненный путь ученого не короток, впереди у него – учительская семинария, мир знаний, полученных в Томске, долгие поиски полезных ископаемых в недрах казахской степи, все это описать не так-то просто. У каждого периода его большой жизни есть свои нюансы. (...) После всего начинается пора президентства Канеке. И вы знаете, и здесь были разные эпизоды, были годы счастливые и трагические. Его вклад в развитие новых отраслей науки надо особо подчеркнуть, необходимо также показать его громадное содействие культуре и литературе. Моя особая заинтересованность и придирчивость вызвана недостатками Вашего труда. В таком виде, Ебеке, первая глава у вас не получилась, она чересчур разбавлена этнографическими этюдами. (...) Начать с детства и довести описание до конца жизни – это путь давно протоптанный до вас, так можно легко написать книгу. А если попытаться передать мысли мудрого Каныша Имантайулы в лирических отступлениях в разные периоды его жизни?..

Ваш труд заставил меня сильно призадуматься. В нем есть рациональное зерно. Его надо выпестовать, как мать пестует своего дитя. Я не стал расхваливать вами созданное, думаю, этим никакой помощи Вам бы не оказал, а специально и откровенно говорю о недостатках, копая глубже. Если от этого будет польза – буду очень рад, а если не прислушаетесь к советам – не обижусь...»

Жизнь течет, словно вода, быстро несущаяся с гор. Евней Арыстанулы переступил пятидесятилетний рубеж, считай, половина пути уже позади. Все ближе он к преклонному возрасту. Единственное утешение: болезнь сердца вдруг стала отступать, правда, ради этого долгими месяцами пришлось лежать прикованным к больничной койке, но зато появилась возможность писать... После поневоле затянувшегося перерыва он снова взялся за продолжение главы «В орбите коче-

вок», теперь уж более пристально и зорче вглядываясь в прошлое, далекие годы юности Каныша. И уже не мог остановиться. «Раз начал, всему народу объявил, что пишу, вроде похвастался еще не сшитыми сапогами – значит, надо довести дело до конца» – так он решил...

«Узнала на днях от Бекена Кульджанова (геолог, старший научный сотрудник Института геологических наук им. К.И. Сатпаева – М.С.), *что вы лежите в больнице из-за своей аллергии. Вот навязалась же гадость. Сейчас это почти поголовное заболевание. (...) Я страдаю ею уже 18 лет... Но вы ведь могучий дуб и победите эту дрянь, в чем я не сомневаюсь. (...) Дорогой мой, поправляйтесь скорее, дел-то у Вас полно и надо их делать. Желаю скорее поправиться и чтобы никакие неприятности не заглядывали под Ваш шанрак...»* – пишет Таисия Алексеевна в письме от 1 февраля 1974 года.

Из этого письма Т.А.Сатпаевой к нему следует, что он закончил главы о детстве Каныша уже в 1974 году. Это не совсем точно. Что это не так, он сам хорошо знал. Вроде бы все известные ему детали из автобиографии ученого, по-своему, литературно обыгрыв, он перенес на бумагу. Но по-прежнему не был уверен, что это получилось правдоподобно и убедительно, поэтому дал для прочтения свою рукопись тем, кто соприкасался с Сатпаевым и знал его с детских лет. Их мнение для него было решающим, так как у него еще не рассеялись сомнения: осилит ли он вообще эту тему или нет?..

Чтобы получить ответ на этот волнующий вопрос, Евней Арыстанулы послал свою рукопись Таисии Алексеевне и еще множеству людей. С тех пор прошло несколько месяцев. Он был готов к беспощадной критике, к нелицеприятному разговору. Но в полемику с ним никто не вступил, никаких подсказок он не дождался.

Верьте, не верьте, дорогие читатели: в архиве писателя за период 1974-1979 гг. я не смог найти ни одной рецензии или короткого отзыва на его труд, кроме вышеприведенного разбора, сделанного профессором Т. Какишевым. В письмах суп-

руги Каныша Имантайулы часто говорилось о том, что «рукопись все родственники, друзья читают, всем очень нравится», но самих откликов в них также не встречалось. К удивительному безразличию этих добровольных читателей вдруг добавилось то, что 40 страниц рукописи куда-то бесследно исчезли. Почему такая косность и черствость, такое вопиющее равнодушие к своей собственной истории?

Между прочим, первые же сотни страниц рукописи «В орбите кочевок» (позднее «Детские годы Каныша») не могли не задеть чувствительные струны души благосклонного читателя: на них воспроизведена своеобразная атмосфера, окружавшая маленького Каныша, характерными, яркими мазками очерчены облик и быт кочевого аула, духовный мир его предков, живших в начале XX века далеко от крупных очагов цивилизации и российских городов. Все это та среда, где родился и вырос будущий первый казахский академик. В рукописи как бы снова зазвучали песни, сказания, былины, сложенные народом о своих батырах, защитниках родной земли – это был тот самый чистый, животворный родник народного творчества, откуда черпал свои силы одаренный от рождения мальчик, младший сын волостного бия Имантая...

Евней Букетов решительно отступил от укоренившихся идеологических установок, действовавших долгие десятилетия, в соответствии с которыми сами факты рождения и становления ученых искусственно приписывались советской власти. Разумеется, читавший эти страницы в какой-то мере был шокирован, возможно, в душе и торжествовал, что, наконец-то, нашелся писатель, который отважился сказать, что в Степи и до советской власти было немало широко образованных людей, существовала древняя культура, что у казахов был довольно хороший уровень знаний, передававшихся из поколения в поколение. Это и было питательной средой, сформировавшей будущего академика.

Читатели не могли упрекнуть автора в отсутствии собственной позиции и оригинальности. Но, выражая одобрение, они не могли не считаться с тем, как это отразится на их собственном служебном положении. Власть имущим из «Большого до-

ма» это вряд ли могло понравиться. И те же люди, ученые, хотя в душе оставались сатпаевцами, подстраховывались, делали вид, что ничего не знают и не читали...

Кстати, об этом же сообщает Таисия Алексеевна своему автору в письме от 9 января 1975 года: «Ваш проект о широком обсуждении написанного... Никто Вам ничего не написал, а попадет в руки какого-нибудь писателя вроде Брагина и Ваши данные будут без зазрения совести присвоены...» Это была та самая горькая правда того времени, таким образом, оправдывалась пословица: «Джигита молчать и лгать нужда заставляет». Многим приходилось тогда жить не по совести, приспосабливаться, прогибаться перед власть имущими.

(Мы не можем категорически утверждать, что все, кто читал рукопись Евнея Букетова, поголовно затаились и струсили. Может быть, некоторые свое мнение автору выразили в устной форме. Но многие все-таки ссылаясь на нехватку времени, просто отказывались с нею знакомиться. Между прочим, и мою рукопись о Сатпаеве, в том же 1974 году некоторые солидные ученые, бывшие сподвижники президента АН Казахской ССР, тоже отказались читать. Их имена мною названы в эссе «Через тернии»).

Но следует отдать должное мужеству Евнея Арыстанулы, который, несмотря на такое прохладное отношение к произведению, не отказался от своего намерения. Он по-прежнему видел в К.И.Сатпаеве не ученого минувших безвозвратно дней другой эпохи, а своего современника, устремленного в будущее, истинную оценку научного подвига которого дадут благодарные потомки. В общем, он не отступил от задуманного...

В этом его поддерживала и Таисия Алексеевна. В коротком письме в Караганду от 14 ноября 1974 года читаем: *«Вы хотели описать один день Каныша Имантаевича. Я занялась этим, когда позволяло здоровье... О Вашем Каныш-ага пишу буквально, что вспоминаю. По его записям стараюсь восстановить заботы одного дня. Надо еще материал дорабатывать. Надеюсь, к 1 декабря 74-го года закончу...»* Через три месяца Таисия Алексеевна снова вспоминала об обещанном в своем послании от 5 марта 1975 года: *«Что касается одного дня Каныша Иманта-*

евича, то ведь для Вас я об этом писала, где правда перемешивается с абстрактностью. Прочитает Ваш Шафик-ага (академик Шокин – М.С.) *и скажет мне, как Миза* (дочь К.И.Сатпаева – М.С.) *– «Не так это все было». А мне хотелось показать большую занятость Кан. Им. И его, как организатора...»*

Судя по письму, Ебеке, раздав людям первую часть своего повествования для чтения, не сидел сложа руки. Похоже, он прикидывал, как развернуть его дальше. Но, как видно из нового письма из Алматы, работа шла не так, как надо.

«А вы пока что начинайте учить подрастающего Каныша в аульной школе, в Павлодаре и в Семипалатинске, – советовала Таисия Алексеевна 5 сентября того же года. – *Прочитала вчера в «Казправде» Вашу прекрасную статью «Стремиться к идеалу» и поразилась, сколь же разнообразны и сложны пути Вашей деятельности. А я, глядя на развитие науки в Казахстане после ухода нашего Канеке, часто думаю, начать бы Вам деятельность не с создания нового университета, а хотя бы с вице-президента АН КазССР...»*

«А вы пишите, пишите, дорогой, у Вас ведь хорошо получается. Да ниспошлет Вам Аллах вдохновение, свободное время и крепкое здоровье...» – такими пожеланиями Евнею Арыстанулы Таисия Алексеевна заканчивает свое письмо от 12 января 1976 года. Значит, между Карагандой и Алматы шла беспрерывная переписка двух единомышленников, понимавших друг друга с полуслова. В одном из писем говорится о найденном Ебеке новом документе, копию которого он выслал Таисии Алексеевне: *«Спасибо за копию прошения отца Каныша Имантаевича директору семинарии. Несомненно, это прошение писал и подписывал не сам Имантай-ата. Скорее всего, оно написано Абикеем Зеиновичем Сатпаевым, учившимся в свое время в этой же семинарии. (...) Посылаю Вам фото для вашего произведения. Оно прислано Сарсекеевым М.С. по нашей просьбе. Задержка отправки Вам обещанных материалов произошла из-за меня. Я предполагала, что в 1-х числах марта Вы сами приедете в Алма-Ату и я их передам Вам лично...Желаю Вам творческого вдохновения!*

Т. Сатпаева, 26 февраля 1976 г.»

Продолжая повесть, Евней Арыстанулы «отправил» своего героя летом того же года в областной центр, в Семипалатинск на шесть лет для продолжения учебы (Каныш Сатпаев, как известно, четыре года подряд учился здесь в учительской семинарии, затем полтора года преподавал на 2-годичных курсах учителей аульных школ. Таким образом, он прожил в этом городе с 1914 по 1919 год). Евней Букетов собрал все необходимые материалы об этих годах жизни своего героя (наибольшую часть из них он получил от меня, кроме того, он собирался сам приехать в Семипалатинск, чтобы воочию увидеть город юности Каныша, как говорил при разговоре Ебеке: «Подышать воздухом Семея на берегу Иртыша и походить по местам учебы семинариста Сатпаева». Но поездка ему в том году не удалась). Ебеке не терпелось скорее перейти от описания юности Каныша к главным этапам его деятельности. В частности, Каныша-инженера, создателя нового города в Улутауской степи...

ПРИМЕЧАНИЕ: Я был ознакомлен всего с 31 письмом Т.А.Сатпаевой к Евнею Арыстанулы Букетову (все они написаны рукой Таисии Алексеевны в 1971-1976 годы, общий объем – 70 страниц, хранятся они в Карагандинском областном архиве). Самое последнее датировано 26 января 1976 года. Для сведения читателей сообщаем: Таисия Алексеевна, в девичестве Кошкина, с Канышем Имантаевичем познакомилась в 1919-1920 годы в Семипалатинске, когда она работала лаборанткой в учительской семинарии. А вновь они встретились в аудитории Томского (Сибирского) технологического института, когда учились там в 1921-1926 годах. Создав с Канеке семью, они жили под одним шаныраком с 1926 года. Таисия Алексеевна Сатпаева ушла из жизни весной 1976 года.

II

Теперь придется, как бы тяжело ни было, подробней рассказать о том прискорбном случае, когда не только мне, но и Евнею Арыстанулы поневоле пришлось на время прекратить свои писательские занятия...

В начале 1974 года я завершил свою документальную книгу «Каныш Сатпаев», заказанную мне издательством «Жазушы». Более года рукопись ее проверялась во многих инстанциях, тем не менее, она успешно прошла научную и литературную экспертизу, и потому была включена в тематический план выпуска 1975 года в объеме 20 печатных листов. Затем рукопись с успехом прошла и редактирование, издательство готовило ее выпуск в новой серии, предназначенной для молодежи – «Замечательные люди». Как помнится, в июле того же года она была отправлена в типографию. А я, изрядно уставший после наряженной работы, продолжавшейся более десяти лет, но чрезмерно счастливый успешным ее завершением, отправился с семьей в полном составе, с детьми отдыхать на Рижское взморье, в город Дубулты, где имелся Дом творчества писателей. В общем, оставалось пожинать плоды долгого труда – подписывать сотни экземпляров книг для друзей и близких, в том числе и всех сатпаевцев, помогавших мне в поисках.

Но моему благому намерению не суждено было осуществиться. В сентябре того же года по письменному приказу председателя Казгоскомиздата набор моего «Каныша Сатпаева» был остановлен без объяснения причин. Тогда же мне стало известно, что такое указание ему дал сам секретарь ЦК КП Казахстана С.Н.Имашев. Таким образом, мои худшие опасения, ранее высказанные мною Евнею Арыстанулы, полностью подтвердились. Притом первым пострадавшим оказался я сам...

Моя борьба за своего «Сатпаева» с власть имущими в родном Казахстане продолжалась два года. Я просился на прием к первому секретарю ЦК, дважды писал официальные заявления на его имя, но допущен к нему не был. В конце концов, после настоятельной просьбы первого секретаря Семипалатинского обкома КП Казахстана Н.Е.Морозова, это было уже на втором году моих мытарств и хождений по кабинетам «Большого дома», автора «арестованной» рукописи милостиво соизволил принять С.Н.Имашев (в книге моих воспоминаний-эссе «Через тернии» эти «приключения» и сама аудиенция у секретаря ЦК подробно описаны, и поэтому я здесь не буду повторять весь разговор).

Буду краток: о причине запрета на мою книгу Саттар Нурмашулы, человек умный и наделенный огромной властью, не мог сказать ничего вразумительного, и в качестве довода привел смехотворные объяснения. Вот его слова: «Алексей Брагин, Евней Букетов, и ты, Медеу, являясь членами Коммунистической партии, до небес возносите заслуги Сатпаева, тогда как XX съезд КПСС политически осудил и развенчал вредный по сути «культ личности», вы же своими произведениями тянете нас назад. Культ крайне опасен для нас. Это отступление от марксизма-ленинизма. Мы не допустим такого безыдейного сползания к ревизионизму!..»

В этот день я был настроен решительно, притом вел себя очень агрессивно, потому что был в отчаянии от явной несправедливости, допущенной по отношению к памяти К.И.Сатпаева и ко мне лично. Я не собирался легко сдаваться и обрушился на секретаря ЦК с обвинениями:

– Саттар Нурмашевич, вы меня нисколько не убедили. Каныш Сатпаев – большой патриот Советской страны, он отдал все свои знания и силы укреплению экономической мощи Советского Союза, его имя известно во всем мире. Но среди вас есть люди, которые завидуют его заслуженной посмертной славе, хотят принизить его роль и значение в развитии науки Казахстана. Вы тоже льете воду на мельницу этих завистников... Но учтите, это вам никогда не простят ни народ, ни история. Слава Канеке вечна, она перешагнет через головы партийных секретарей и правительств, через стены Вашего высокого кабинета и выйдет на широкий простор! Как вы тогда посмотрите людям в глаза, как вы тогда объясните свое нелепое указание о запрете документальной книги о нем, а также и документального фильма о Сатпаеве? Ведь запретами вы не искорените его имя из памяти народа! Свет, зажженый им, будет всегда светить людям...

Когда я произнес эту тираду, точнее, выплеснул все накопившееся во мне зло, секретарь ЦК вскочил с места и стал нервно ходить из угла в угол по кабинету. А я уже умолк. И тут, к моему великому изумлению, Имашев наклонился ко мне и как-то покаянно, стараясь меня утешить, тихо произнес:

– Братишка Медеу, почему ты обвиняешь только меня? Есть в этом доме и другие чины, повыше меня, а я лишь стрелочник в этой заварушке...

Услышав такое признание, я растерялся. Значит, то, о чем смутно догадывался, оказалось жестокой правдой. Между тем, до этой минуты я считал, что хозяин «Большого дома» Динмухамед Ахметулы Кунаев стоит выше мелких и грязных интриг, наивно веря, что он не способен на всякие козни против своего же наставника по науке, незабвенного Канеке.

Пока я по-своему переваривал то, что неожиданно услышал, хозяин кабинета уже опомнился, поняв, что ляпнул лишнего:

– Давай, Медеу, так договоримся. Ты прекрати свои хождения по кабинетам... Подожди годика два, и мы вернемся к твоему вопросу. Постараемся решить... Вижу, тебе только сорок лет, еще напишешь много книг, надо потерпеть, зачем ты спешишь издать эту книгу?!..

В тот час во мне рухнули вера в партию и высокие идеалы вместе с надеждой на лучшее. Я сделал для себя неутешительный вывод, что пока верховодят в «Большом доме» Кунаев и его приспешники, как этот Имашев, справедливости здесь не найти и мне не дадут издать ни романа, ни документальной книги о Сатпаеве.

– Нет, Саке, – возразил я, – отсрочка меня не устраивает, вот вам мое заявление, дайте, пожалуйста, письменный ответ: почему мне отказано в издании «Сатпаева»?

Кстати, ту главу «Через тернии» о безуспешном визите к секретарю ЦК по идеологии впоследствии я закончил такими словами: «Погас слабый лучик надежды. Я расстался с последними иллюзиями и решил не искать больше правды и справедливости в Алматы».

Думаю, и Евнею Арыстанулы через «узун кулак» стало известно, что набор моей книги насильственно остановлен (об этом факте я не очень-то распространялся вслух, тем более 1975-1976 годы для меня были самыми тяжелыми, фактически я один на один остался со своей бедой). Наверное, только тогда Евней Арыстанулы, наконец, почувствовал все коварство власть имущих. И начал уже колебаться: стоит ли изо

дня в день перенапрягаться, тянуть из себя жилы, не зная, чем это кончится... Думаю, про себя он размышлял: «Если всеми одобренный труд Медеу запретили издавать без всяких объяснений, то и мой ждет та же участь. Проблема не в том, кто и как написал о жизни Канеке, вся загвоздка – в скрытой неприязни первого лица республики к личности героя... Стоит ли мне так фанатично заниматься этой темой? Может быть, подождать, как дальше будут разворачиваться события?..»

К тому же с лета 1976 года у него начались осложнения со здоровьем, усилия местных врачей уже не помогали. Пришлось ехать в Москву, начинать интенсивное лечение в московской клинике. Сердечные приступы и после этого не прекращались, ему стало легче только на Кавказе, к зиме. Тут, как говорится, было не до жиру, быть бы живу.

Начиная с 1977 года до весны следующего года, то есть в течение полутора лет, Евней Арыстанулы все свое свободное время был занят автобиографической повестью «Записки научного работника». Еще раз напомним читателю, что «Записки» были опубликованы в 1978 году в осенних номерах «Простора», а весна следующего года уже стала предвестницей грозы, надвигавшейся на автора; грома еще не было, но он уже попал под обстрел неуемных критиков, били сверху и снизу... Можно ли было спокойно в этих условиях продолжать писать о Сатпаеве? Вряд ли, лично я сомневаюсь.

И все же действительные факты убеждают нас, что, несмотря на гнетущую, безрадостную обстановку, он постоянно возвращался к написанному, редактировал, шлифовал «Детские годы Каныша», особенно казахский вариант. Удивительно, но это так: он постоянно держал оба варианта рукописи на своем письменном столе, ежедневно вычитывал текст, исправлял, улучшал содержание...

Африкан БАЛЬБУРОВ, бурятский писатель, Алматы, сентябрь 1979 года:

«Дорогой Евней Арстанович!

Рукопись о Сатпаеве прочитал до конца, прочитал с неослабевающим интересом. Совершенно ясно одно: Вы на абсолютно

правильном пути! Если уберете, как мы говорили, отступления-переносы во времени, почистите построже язык — то читатель получит прекрасную книгу о детстве Каныша, будущего Сатпаева. Думаю, что Вы очень хорошо сделаете, если рукопись перепишите заново или внимательнейше передиктуете — само собой устранятся все композиционные разрывы, многие небрежности, мелкие смысловые огрехи. Все это в рукописи есть. Да это и естественно — работа ведь в черновом виде.

В чем, на мой взгляд, сила Вашего произведения?

Во-первых, в том, что Вы превосходно знаете казахский аул прошлого, быт этого аула и знаете не в виде общего темного фона, а в подробностях, в деталях. Когда-то, кажется, Бальзак сказал: «Талант — это подробности». Именно они, употребляемые Вами обильно, но не навязчиво, целесообразно, придают вещи самое нужное любому художественному произведению свойство — абсолютную достоверность. Это свойство особенно важно, когда речь идет об исторической личности, избранной в герои художественного произведения. Тут надо, чтобы читатель верил автору во всем и точно так же, как паломник, идущий в Мекку, верит в существование пророка!

Во-вторых, у Вас есть несомненный дар художника, которому доступна портретная живопись словом. Это, как известно, дело труднейшее и для живописца, работающего кистью, а для писателя, в чьем распоряжении такое приблизительное средство, как слово, тем более. Этот дар — удел редких (если не сказать «редчайших») писателей. Им обладали все великие и особенно Толстой. Можно сказать: обладание именно этим даром определяет ту незаурядность таланта, которая позволяет писателю вырваться из ряда средних в ведущие. (...) Вам удалось в рукописи о Сатпаеве, так же, как и в автобиографической вещи, неудачно названной «Время светлой судьбы», без натуги, непринужденно, очень естественно вывести перед читателем целую галерею живых фигур из казахского аула прошлого... Старый и мудрый Имантай Ваш не однолинеен, не однозначен — именно этим замечательно удался Вам этот сочный и интереснейший образ. Он мудр, но и житейски хитер, он — обладатель неисчерпаемого кладезя доброты к близким, а в особенности к своему

Канышу, но в то же время он властен и проводит довольно резкую грань между «лично своими» и «не совсем своими». Образы маленького Каныша, также Нурум, Бокеша, промелькнувшей добрым видением Алимы, улыбчивой и ласковой – все у Вас живет полнокровно, истинно, сочно! Хороши и эпизодические персонажи, и даже мимолетные фигуры, введенные в произведение – такие, как Андрей и его жена Маруся.

В-третьих, Вы владеете в хорошей степени искусством рассказчика, умеете естественно и непринужденно развертывать сюжет – он у Вас как бы раскрывается, развертывается сам по себе, ниток, которыми сюжет сшит, у Вас не видно нигде. По мере развертывания сюжета Вам удаются картины, среди которых такие яркие, как выезд аула Имантая из кыстау на джайляу. Многие подобные картины выписаны у Вас превосходно.

В-четвертых, авторскую главную идею умеете проводить в своем сочинении ненавязчиво, не грубо-оголенно, а незаметно, но настойчиво, упорно... Это – большое умение и его надо Вам беречь, развивать, совершенствовать.

Есть ли слабости в Вашем творчестве и в чем они и как выражаются? Мне показалось, что этих слабостей у Вас немало.

Первая и серьезная слабость – это неровность языка. Он у Вас сложился, он у Вас есть – текучий, местами яркий, богатый и сочный. С таким языком писателю можно жить! Но если обнаруживаете умение создавать такие языковые образчики, то Вы обязаны сделать так, чтобы хороший язык не местами проявлялся, а стал нормой для всего развертываемого полотна... У Вас есть в языковом отношении два опаснейших врага – это повторы и употребление (довольно обильное!) книжных слов и выражений, штампованных сочетаний. Повторов особенно много в местоимениях «я» и «он».

...Вы не должны ни на минуту забывать, что Вы казах и, хотя Вы и обязаны владеть русским литературным языком не хуже, а порой даже лучше русского, Вы должны пропускать отбираемые Вами русские слова через свое казахское сито – и штампы будут отсеиваться, а язык Ваш будет приобретать неуловимо казахскую национальную окраску, дышать неповторимой прелестью, оригинальностью. Таков язык прозы Чингиза Айтматова, таков поэтический язык Олжаса Сулейменова.

...Хочу повторить: рукописи я прочитал не только с неослабевающим читательским интересом, а с наслаждением! Они хорошо написаны, они несут столько информации, что я радуюсь заранее за того человека, который возьмет в руки Вашу будущую книгу».

«Глубокоуважаемый, дорогой Африкан Андреевич!

...Благодарю за высокую оценку моих писаний и за точные, конкретные замечания. Теперь задача состоит в том, чтобы как-то постараться писать получше. Это, конечно, очень трудно, но Ваш покорный слуга, поверьте, приложит все силы и старания. Надо быть на уровне Вашей похвалы, в которой я не могу не видеть некоторый аванс...» – ответил Евней Арыстанулы 2 октября 1979 года на разностороннюю обстоятельную рецензию А.А.Бальбурова.

Народный писатель Бурятии, лауреат Государственной премии Бурятской республики Африкан Андреевич Бальбуров как раз в это время попал в полосу неудач, став неугодным местной власти (разумеется, из-за своего неуправляемого, своенравного характера, не желая поступать по принципу: «Чего изволите?»), он вынужден был покинуть Бурятию и переселиться в Алматы. Но, к сожалению, и здесь он не благоденствовал, жил с семьей на случайные заработки. Тем не менее этот гордый человек продолжал писать давно начатую им повесть «Черная пасть». При каких обстоятельствах он познакомился с Евнеем Букетовым – нам неведомо. Судя по письму, они сразу нашли общий язык, ведь их преследовали схожие напасти, Бальбуров наступал на те же грабли, что и Букетов. Летом 1979 года Африкан Бальбуров с семьей приехал в Караганду, много дней гостил в доме Евнея Арыстанулы. А в дальнейшем они поддерживали связь через почту. По свидетельству близких людей Е.А.Букетов оказывал гонимому писателю и материальную помощь...

К сожалению, дружба их, так удачно и плодотворно начавшаяся почти со дня приезда бурятского писателя в Казахстан, оказалась недолговечной. В начале 1980 года Африкан Анд-

реевич Бальбуров скоропостижно скончался в Алматы. «Слишком многое Вас связывало с Африканом Андреевичем. Ваша переписка – самая постоянная из последних связей писателя Бальбурова. (...) Я болела долго и не могла Вам писать, приехать. И в настоящее время не вполне здорова. И это сейчас, когда надо работать, действовать! Спасибо Вам, глубокоуважаемый Евней Арстанович, за то, что живете на этом свете. Берегите себя!...Перед тем, как окончательно решусь покинуть Алма-Ату, то есть перед встречей с Вами, позвоню непременно», – писала Эржена Бальбурова, супруга писателя в письме от 24 марта 1980 года, посланном из Алматы.

* * *

Африкан Бальбуров был профессионалом и по своему уровню стоял значительно выше многих его казахстанских коллег, пишущих на русском языке. В своем письме он высказал Евнею Арыстанулы все, что думал о его произведении, без всякой лести. Под свежим впечатлением от этого письма Е.Букетов снова пересмотрел, переосмыслил свои записи. «Детские годы Кашыша» по объему уже разрослись до двухсот страниц. Набело перепечатанную рукопись автор отослал в редакцию журнала «Простор».

Почему он так поступил? Ведь было известно, что редакция журнала с лета 1979 года от него отвернулась. Может быть, он надеялся, что все-таки просторовцев заинтересуют детские годы прославленного ученого, тем более они раньше с удовольствием печатали повесть Алексея Брагина об его взрослых годах. Что поделаешь, ожидания его не оправдались. Заведующий отделом прозы Юрий Герт, всегда благожелательно относившийся к его литературным трудам, на этот раз на официальном бланке прислал ему такую отписку: «...И все-таки, несмотря на все достоинства, напечатать в «Просторе» повесть мы не сможем. Она скорее предназначена для отдельной книги, чем для публикации в журнальном варианте. Другое дело, если бы Вы рассказали о Сатпаеве в период расцвета его деятельности, более интересном для широкого читателя «Простора»...

Таково, глубокоуважаемый Евней Арстанович, мнение всей редакции»...»

Витиеватый, скользкий ответ с отказом печатать «Детские годы Каныша» под благовидным предлогом не удивил автора. Значит, «грех» его еще не прощен. По справедливости он должен был написать сердитое письмо в журнал, но Евней Арыстанулы сдержал себя и, как ни странно, направил Ю.И.Герту письмо вполне джентльменского содержания. Хотя мы не видели и не читали этого письма, но настрой его становится нам ясным из ответного письма того же Ю.Герта от 28 сентября, отправленного с Западной Украины, из санатория «Трускавец», в Карпатах, где он принимал лечение: «Евней Арстанович, мне было приятно получить Ваше письмо – приятно по многим причинам, в том числе и потому, что, как я убедился, Вы не обижены, Вам все ясно, и роль «черного вестника», выпавшая на мою долю, не осложнила и не оборвала наши отношения. Ведь она так горька, эта роль...» – Эти слова сразу же выдают автора и то, что первое письмо им было написано вынужденно, по заданию главного редактора. Далее он переходит к тому вопросу, который особенно волновал автора повести. – Вы задумали, судя по письму, труд колоссальный, и Вам необходимо знать, удачен ли разбег? Это серьезное дело, тут нужны не общие слова... притом объективные, дельные... Короче говоря, в деталях свое мнение я выскажу при повторном, более внимательном чтении...» – Юрий Герт попросил выслать ему самый последний вариант рукописи «Детские годы Каныша» на его домашний адрес в Алматы.

Жизнь – не математическое уравнение, где известен всегда ответ. Мы знаем то, что было. Но не знаем, что нас ждет. В это самое время произошло своего рода ЧП, неординарное по своей сути событие, которое взволновало и даже встряхнуло автора повести «Детские годы Каныша», приведя его в неописуемый восторг...

Получив в 1976 году от ворот поворот в «Большом доме», несколько опомнившись от удара, чуть позднее я сел за перевод на русский язык своего «Сатпаева». Тем самым мне очень хотелось дать понять власть имущим, что их грязные действия

меня не обескуражили и никак не парализовали. Благо, я тогда же догадался, что ходить по инстанциям, жаловаться на действия сильных мира сего, как они себя представляли — мартышкин труд. Поэтому я выбрал обходной путь, чтобы добиться издания своего труда в московских издательствах...

Летом 1977 года готовый подстрочный перевод я повез в Москву, он был принят редакцией популярной серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Редакция «ЖЗЛ» без проволочек и оттяжек приняв мой труд, проверку его научных и литературных достоинств поручила авторитетным рецензентам. Его прочитали в АН СССР, в Московском геологическом институте, литераторы. К моей радости, мнение всех рецензентов было единым: предложенное произведение достойно напечатания. Спасибо всем, поистине благородным и интеллигентным людям, сказавшим свои веские, добрые слова о моем скромном труде!.. Словом, в начале 1979 года меня пригласили в издательство, прикрепили ко мне в качестве переводчика молодого писателя Сергея Николаевича Плеханова, с которым мы должны были вместе подготовить «Сатпаева» для издания. Напряженная работа с переводчиком началась в марте там же, в Москве, а закончилась в конце сентября в Семипалатинске.

Здесь должен сделать одну оговорку: со дня подготовки подстрочника и до сдачи готового перевода, значит, в течение почти четырех лет я держал все мои приготовления в тайне, опасаясь, чтобы никто в Казахстане о моей авантюрной операции не узнал. Если бы просочились об этом хоть какие-то сведения, я уверен, не миновать бы беды: противники славы К.И.Сатпаева нашли бы управу и на руководство «Молодой гвардии», чтобы и там задержать выход в свет моей книги. Но мне здорово повезло на этот раз: в редакции «ЖЗЛ» меня приняли с первого дня доброжелательно; мало того, достойно оценили мой многолетний труд; и главное, никто на родине не ведал, чем я занимался там, в Москве. Издательство выпустило книгу тиражом в 100 000 экземпляров.

Мой «Сатпаев» увидел свет в 1980 году. Сигнальный экземпляр мне доставили, хорошо помню, в последних числах ноября. Я был беспримерно счастлив, держа отлично издан-

ное свое детище в руках. Помню радость всех друзей, когда они пришли ко мне домой, ведь от них я тоже скрывал, что готовлю такой сюрприз... Диким это кажется сейчас и не верится, что такое святое дело надо было скрывать от всех, даже от друзей, делать подготовку к изданию книги тайной за семью печатями. Но обстоятельства вынуждали идти и на это. В такое уж время жили, приходилось по всякому выворачиваться – обидно и прискорбно!..

Ю. ГЕРТ, Алматы, 18 декабря 1980 года – Караганда, **Е.А.БУКЕТОВУ**:

«Три дня назад я вернулся из командировки в Талдыкурган, там бригада наших писателей проводила совещание молодых литераторов трех областей. Первым, кого я увидел в Талдыкурганской гостинице, был Медеу Сарсекеев, он привозил своих питомцев на это совещание. Медеу с вполне понятным торжеством показал мне своего «Сатпаева» в издании ЖЗЛ, и я одновременно обрадован был – и за Сатпаева, и за Медеу (в целом эта книга стоила ему 13 лет работы и жизни!) и – за Вас, Евней Арстанович. Мне кажется, во-первых, что рано или поздно, а истина восторжествует: появление книги о Сатпаеве – восстановление справедливости, радостное для всех нас; книга не только хорошо переведена, хорошо издана, – в ней сохранено многое из периода гонений 50-х гг., как мне показалось при беглом просмотре – это честная книга.

Медеу рассказал, что был Вашим студентом; он очень Вас чтит. Выходу его книги, без сомнения, вы тоже рады. Помимо всего остального, она очистит атмосферу и облегчит – в пределах республики – появление Вашей повести – спустя некоторое время, разумеется, когда приугаснут страсти, вызванные книгой Медеу.

Теперь о не менее важном – о Вашей книге.

На этот раз я прочитал Вашу повесть, не торопясь, вникая в каждую фразу – прочел с большим удовольствием. Спасибо за доставленную мне радость, Евней Арстанович! Для меня очень важен ее дух: взаимосвязь и взаимопроникновение национального и общечеловеческого. В этом отношении Вы не декларируете

(чем любят — и совершенно впустую у нас занимаются), а идете в след Абаю, если говорить о казахской литературе, и, прежде всего — Толстому — в русской и мировой. Мне понравилось, как просто, экономными средствами Вы достигаете художественного эффекта.

...Мне глубоко симпатично то, как Вы изображаете детство Каныша; Вы не реставрируете то, что не поддается реставрации — т.е. жизнь души, внутренний облик Сатпаева; Вы откровенно предлагаете свой вариант — и мягко, без настойчивых ссылок и доказательств... В этой тактичности больше убедительности, чем в настойчивом стремлении доказать, что вся истина — здесь и только здесь, в правом кармане автора!

Местами Ваше повествование чуть-чуть кажется перегруженным этнографией — но это, видимо, для нас, казахстанцев; для не казахстанского читателя описание обычаев Степи, с таким вкусом, такой сочностью — увлекательное чтение само по себе. По большей части превосходны стыки между прошлым и будущим, вход Сатпаева в страну своего детства; в двух местах это, на мой взгляд, не вполне удалось — там есть пометки... Мне очень нравится Ваш язык. В нем много пластики, фраза вроде бы лишена судорожного фатализма нынешней прозы, но — мягка, мускулиста, упруга. В ней — классичность, не бьющая на дешевый эффект, — и уверенность в своей значительности и силе. В нескольких местах есть мои пометки — это во мне начинал играть редактор.

Меня вполне удовлетворяет тот вариант, который Вы прислали; его можно (и нужно!) печатать. Но необходимо, вероятно, немного переждать — посмотрим, какой будет реакция на книгу Медеу. При этом... на Вашем месте, Евней Арстанович, я бы послал повесть — как она есть! — в «Дружбу народов», сопроводив ее небольшим письмом Сергею Баруздину... А сейчас — пока! — мне хочется искренне поздравить Вас: повесть получилась отличная, она будет жить — и долго! Мы с женой поздравляем Вас и Ваших родных с Новым годом, пусть принесет он всем Вам здоровье, удачу, исполнение самого заветного!..»

В архиве ученого хранятся копии его писем, написанных в 1980–1981 годы, главным редакторам союзных журналов «Знамя», «Дружба народов», директору издательства «Советский писатель» В.Н.Еременко с просьбой опубликовать в периодической печати и издать отдельными книгами «Детство ученого», а также «Шесть писем другу». Из архивных источников нам стало известно, что поэт М.Д.Львов, он же председатель Совета казахской литературы в Союзе писателей СССР, а также старший редактор издательства «Советский писатель», писатель Ямиль Мустафин активно подключились к этому делу, стараясь выручить своего приятеля. Но, увы, и у них ничего не получилось (может быть, и в Москве стало известно негативное отношениие к автору на родине?). В архиве ученого хранится копия личного письма (довольно длинного и задушевного по содержанию) Евнея Арыстанулы, отправленного 23 апреля 1981 года Ямилю Мустафину, где есть такие слова: «от судьбы не уйдешь, подробности расскажу при встрече...».

Значит, сколько бы преград ни возникало перед ним, он не отступал от сатпаевской темы. Можно сказать, что стоял на своем до конца...

А вакханалия вокруг имени Сатпаева не ослабевала. Издание запрещенного в Казахстане «Сатпаева» аж в Москве, в престижной серии – никого не образумило. Ее объявили в Казахстане «персоной нон грата»: газеты, журналы, телевидение и радиовещание делали вид, что такой книги нет на свете, хотя многие тысячи экземпляров ее через книготоргующие организации были распроданы за неделю. А на «черном рынке» ее цена возросла в десятки раз...

Надо сказать особо и о том, что выход «Сатпаева» в знаменитой серии «ЖЗЛ», притом в годы негласного запрета на эту книгу в Казахстане – стал настоящим праздником для всех истинных сатпаевцев! Я получил сотни писем, телеграмм с поздравлениями почти со всех концов республики.

Само собой подразумевалось, что теперь-то выход ее на казахском языке не за горами. Но, увы?!.. Издательство «Жазушы», где готовилось первое ее издание еще в 1975 году, в 1981–1982 годы дважды включало моего «Сатпаева» в тема-

тический план, но Госкомиздат (председателем его в то время был известный литературовед, доктор филологических наук Ш.Р.Елеукенов) оба раза его снимал. Ясно, все делалось по указке «Большого дома». Не вытерпев этих издевательств, я попросил директора «Жазушы» Абильмажина Жумабаева более не включать мою книгу в план. «Я дождусь, Абеке, когда наступит оттепель. Это должно быть скоро», – сказал я своему издателю.

III

В начале нового года от своего наставника Евнея Арыстанулы я получил вот такое письмо-поздравление, привожу его в своем переводе на русский язык: «Медеу! Мне написали Герт и Брагин, что вышла твоя книга. Я говорю о книге про Канеке. Не было у меня давно такой радости на душе. Молодец, ты настоящий батыр-джигит, волевой же ты парень, спасибо! У нас пока еще нет этой книги. Если отправишь один экземпляр и вообще теперь будешь мне помогать и продвигать мою книгу – буду только благодарен, потому что, думаю, я еще долго буду мыкаться с нею... С уважением твой брат Букетов. 18 января 1981 год, Караганда».

Что удивительно, считайте это интуицией или передачей мысли на расстояние, как раз в тот же день, 18 января, я, еще не зная, что меня поздравляет Ебеке таким сердечным письмом, отправил в Караганду по почте три книги, одна из них предназначалась ему. Прошел месяц. Я получил от Евнея Арыстанулы еще одно письмо, но его привожу с некоторыми сокращениями, опуская высокопарные эпитеты, сказанные в мой адрес:

«...Медеу, я чувствую ты вроде бы желаешь, чтобы я высказал свое мнение о твоей книге. Я имею в виду публично высказанное мнение. Конечно, это было бы очень кстати, я и написал бы, но кто это будет печатать? Подумай сам – куда направить. Если ты меня выбираешь для этого, я готов. Во всяком деле бывают недостатки и достижения, и каждый вправе высказы-

вать свое мнение, я не претендую на то, что мое мнение самое правильное. В конце концов, проблема не в этом, а в том, как всему миру показать великий труд Канеке на благо народа, чтобы на него равнялись и брали пример. А кто может твой труд о нем вовсе перечеркнуть? Ведь об этом надо говорить всем, и о Канеке тоже надо веско сказать. Он жил ради людей, им отдал все богатство своей души и могучего ума, и мы помним о нем сейчас и не забудем завтра... Твоя книга, Медеу — своевременна, она выйдет и на родном языке и не один раз, и ты каждый раз будешь ее исправлять, дополнять... Мне хотелось тебя поддержать именно сейчас, но, увы, для этого у меня нет пока возможности, не силен я! Такая уж обстановка, айналайын.

Самую полную из своих рукописей, которая не подвергалась сокращению, вручи мне. Я готов только хвалить твой труд и не посмею нигде и никогда его принизить. Мои намерения далеко идущие, но одолею ли, не знаю. Издательства пока от меня шарахаются, как от прокаженного, но надеюсь, что это временно. И все-таки, думаю, победа будет за мною. Не обращая внимания на временные неудачи, я полон решимости продолжать свою работу, как говорится, смело идти по «проторенному пути хана Касыма...». Отразить великую личность Канеке — вот мои думы и чаяния, что и составляет содержание и смысл всей моей жизни. Я сейчас на это дело смотрю именно так. И поэтому твоя толстая рукопись нужна мне и ты сам тоже, надеюсь, притом не один раз окажешь мне услугу...*

На этом заканчиваю. Передай привет снохе моей и детям твоим. Желаю тебе доброго здоровья!..

Евней Букетов, 22 февраля 1981 года, Караганда».

Возобновленная переписка между нами продолжалась теперь уже более оживленно. В первомайской поздравительной открытке в том же году Евней Арыстанулы напомнил мне: «Когда же ты собираешься приехать к нам, в Караганду, ведь

---

* Первая часть старинной пословицы нашего народа. Полностью она звучит так: «Лучше идти по проторенному пути хана Касыма, не уходя в сторону от традиции и времен хана Есима».

прошло немало времени после последней встречи с тобой, у меня есть вопросы, которые надо бы с тобой обсудить...»

В тот год меня приглашали во многие города Казахстана: настойчиво звали друзья из Жезказгана, весной же захотели увидеть меня у себя книголюбы шахтерского города. Я позвонил Евнею Арыстанулы и сообщил ему, что на днях собираюсь приехать в Караганду.

– Это похвально, что собираешься, – сказал Ебеке. – Но ты можешь отложить поездку к нам на неделю. Дело в том, что я завтра с группой своих сотрудников собираюсь выехать в научную командировку в город Балхаш. А откладывать поездку уже поздно, билеты на руках, да и там нас ждут... А ты, батыр, мне нужен не на один день, словом, я прошу тебя, приезжай к нам через неделю...

– А если я полечу в Балхаш? Меня приглашает в гости генеральный директор Балхашского горно-металлургического комбината Далабай Ешпанов.

– Тогда это еще лучше, давай встретимся в Балхаше. Сообщи свой рейс...

Через пару дней я прилетел в Балхаш. Ебеке поручил встретить меня своему научному сотруднику Марку Угорцу. Я его в то время близко не знал, а он оказался деловым человеком. Устроив меня в люксе гостиницы комбината, он сказал:

– Вы здесь располагайтесь. Вторая койка – для Евнея Арстановича. Он сейчас на заводе, приедет к вечеру. И директора комбината тоже встретите здесь же. А сейчас отдыхайте, знакомьтесь с городом, обед вам подадут сюда, в номер, уже заказан, а мне разрешите откланяться...

В гостинице комбината мы прожили полную неделю. Днем Ебеке вместе со своими сотрудниками уходил на завод, первые дни я тоже вместе с ними ходил туда, посмотреть цеха знаменитого медного гиганта. Но потом, посчитав, что мешаю ученым, занимавшимся серьезной научной разработкой, я нашел себе другое времяпревождение... Через много лет я случайно услышал от того же Далабая Оспанулы (ныне покойного), дружившего с Ебеке со студенческих лет, что, зная шаткое положение Евнея Арыстанулы, он выделил для его группы

крупные финансовые средства, создав благоприятные условия для новых научных исследований. Кстати, это была конкретная, существенная поддержка в той тяжелой ситуации. Далабай Ешпанов буквально спасал своего опального друга, пострадавшего и морально, и материально по милости тогдашнего руководства АН Казахской ССР.

В один из вечеров в Балхаше, это было, кажется, на третий или четвертый день нашего пребывания, когда мы уже выключили свет и легли спать, я заметил, что Ебеке долго ворочался в постели. А поскольку на обыкновенной деревянной кровати без конца ворочался такой тяжеловес, как Ебеке, кровать не просто скрипела, а, можно сказать, стонала, готовая в каждую секунду рассыпаться на куски. В конце концов я не выдержал:

– Что с вами, Ебеке, не спится?

– А, ты тоже не спишь? – Ебеке с шумом и громыханием повернулся ко мне лицом. – Да, что-то сегодня сон не идет. Почему-то вспомнилось мне твое давнее предостережение...

– Неужели я вас чем-то огорчил?

– Нет, конечно. Но помнишь, мы с тобой однажды встретились в гостинице?

– Помню, – сказал я, зевая.

– Хочешь спать? – спросил Ебеке. – А я твоему беспечному сну завидую белой завистью, видимо, на душе у тебя сейчас спокойно. Свою многострадальную, вымученную книгу выпустил, да еще вон где?!.. А у меня нет сна, совсем не могу спать. Иногда всю ночь напролет в голове – круговерть, шайтан меня дернул заняться литературой. Сидеть надо было в лаборатории – ни клят, ни мят.

Я приподнялся с подушки:

– Теперь уж от этого вы не сможете отказаться! А с другой стороны, это к лучшему – раз вы и во сне думаете о своем сочинении, Ебеке. Когда вся книга в голове у вас полностью созреет, легко пойдут страница за страницей... Мне кажется, вы напрасно себя терзаете разными сомнениями: «Смогу ли я поднять эту тему? Да еще, моя ли это тема?» Я тоже первоначально робел. Но однажды подумал: «Будь, что будет! Убьюсь – сделаю, я должен это сделать!» И наутро решительно сел за стол...

– Вишь, ты уже как пророк заговорил, батыр, – Ебеке, приподнявшись, сел на кровати. – Давай, не будем зажигать лампочку. Побудем на время шакирдами, которых на Востоке перед посвящением в суфии оставляют на 40 дней в темном подземелье, подвергая этому испытанию, их готовят к тому, чтобы они стойко переносили все будущие невзгоды, став суфистами, презрели все земные радости и блага. Так что давай, хотя бы на миг уподобимся древним суфиям, чтобы в темноте ночи высказаться обо всех наших потаенных мыслях. Пусть это будет нашим очищением перед совестью! Как говорится, только ночь и луна будут свидетелями нашего уединения... Так вот, напомню, тогда ты меня предупреждал, что о Сатпаеве нужно писать, не афишируя своих истинных замыслов...

– Я уже в то время был на подозрении, как говорят, на крючке, разве вы не знали?

– Я знал, но мне превратно все преподносили, будто у тебя не все клеилось с книгой. Значит, меня опять провоцировали, а все оказалось совсем по-другому... – глубоко вздохнул Ебеке. – Поэтому твоему предупреждению я не придал значения. А теперь понял: это была сермяжная правда... Меня начали особенно зажимать и третировать, когда я опубликовал в периодической печати ряд статей о Сатпаеве, отличающихся независимостью суждений, которые не понравились руководству... Ладно, оставим эту тему, кому о чем писать – в конце концов, право каждого. Ты лучше мне скажи вот о чем, почему наш Большой человек, я говорю о Димеке, так враждебно относится к Канеке? Почему он, прекрасно зная о выдающемся вкладе его в развитие промышленности и науки Казахстана, несмотря на его громкую славу и популярность в народе, даже после его смерти не оставляет в покое, делает все, чтобы вычеркнуть его имя из истории? На всех официальных собраниях, юбилейных заседаниях, даже посвященных круглым датам, он ни разу не упомянул имени Канеке, многие мне говорили, что Кунаев нарочно «забывает» называть его фамилию. А самый последний его непростительный поступок – запрещение издания твоего «Сатпаева» в Казахстане...

Это была тема, которая всегда лишала меня сна, и в вечерние часы я вовсе избегал говорить об этом. Поэтому ответил Ебеке кратко:

– По-моему, Кунаев просто завидовал славе Канеке, ведь он был любим в народе, о нем складывали легенды...

– Резонно. Но он же умный человек! Должен был сознавать, что на необъятной казахской земле остается место и для него?

– Вы абсолютно правы, Ебеке. Но вы, учтите, перед ним были заразительные примеры других партийных мужей: после смерти Ленина Сталин правдами и неправдами уничтожив всю ленинскую гвардию, стал единственным продолжателем его дела; то же сделал Никита Хрущев после кончины Иосифа Виссарионовича; самым тщеславным из них оказался Леонид Ильич Брежнев – он четырежды Герой, Маршал Советского Союза, всех затмил собой. У него было 200 орденов (а Н.С.Хрущев имел 66 наград)... А почему нашему Димеке не быть единственным и неповторимым в истории Казахстана? Трижды Герой труда, четверть века правит Казахстаном, стал членом Политбюро!.. А соперников у него уже нет – одни были смещены, другие уничтожены в годы репрессий и ушли из жизни. Ему мешала только посмертная слава Каныша Сатпаева. Вот к такому выводу, Ебеке, я пришел...

– Ты, Медеу, на историю нажимаешь, – заметил мой собеседник. – А, может быть, они при жизни в чем-то не поладили? Бывают же разногласия. Канеке был президентом АН, а Димеке – председателем Совмина. Не все же у них шло, как по маслу...

– Если возникали размолвки, они были служебного порядка. У меня есть немало таких фактов, я знаю, как Димеке, став президентом АН, разгонял сатпаевские кадры, а восемь человек из его близкого окружения, включая помощника и управделами академии, по его инициативе были отданы под суд. Он приказал выбросить на улицу все бумаги, книги и часть личного архива, которые Каныш-ага держал в летнем домике в Ботаническом саду... Я думаю, став первым секретарем ЦК КП Казахстана, Динмухамед Ахметулы должен был отрешиться от прежних своих взглядов и изменить свое отношение ко всем, в том числе к Сатпаеву, отбросив все личное и мелкое. Однако мы с вами видим совсем другое...

– Да, с точки зрения формальной логики ты прав. Притом ведет себя он в этом деле грубо, совершенно не задумываясь о

последствиях. Ведь пройдет десять лет, и все встанет на место, каждому будет воздано по заслугам...

– Канеке при жизни ни о ком никогда не отзывался в оскорбительном тоне, всегда был благожелателен. Я располагаю копией прекрасной характеристики Динмухамеда Кунаева, написанной Канеке 9 апреля 1952 года в Ленинграде, когда его мнение запросили из ЦК ВКП(б). Между прочим, ее зачитывали вслух на общем собрании нашей академии, когда Д.Кунаева избирали президентом АН Казахской ССР...

– Ты не сочиняешь, батыр? Это невероятно! – удивился Ебеке.

– Полный текст этой характеристики сейчас находится у меня в портфеле, там же и самый первый вариант рукописи, не подвергавшийся цензуре и редакторской правке. Это я, как и обещал, привез вам. В ней вы найдете много такого, о чем говорить сейчас не стоит, там, Ебеке, не пугайтесь, 830 машинописных страниц...

Мое заявление, кажется, сильно подействовало на него. Он долго молчал. Мне показалось, что он не мог поверить в это. Посчитав, что наш затянувшийся разговор закончен, я собрался опять прилечь, но вдруг снова услышал голос Ебеке:

– Опять же удивляет меня наш Канеке, какой он добрый и бескорыстный. Удивительно гуманный человек, а!.. Если так, Медеу, браток, то отношение Димаша к памяти Канеке – вообще кощунство, это не укладывается в моей голове. Это переходит всякие границы порядочности и приличия!.. Надо же такое совершить, даже нужных слов не могу подобрать: это же такая черная неблагодарность, и он после этого еще хочет остаться лидером нации?!..

– Да успокойтесь! Никто, даже член Политбюро не сможет уничтожить памятник, который сам себе воздвиг Каныш-ага своими свершениями, все наветы на него забудутся, все нападки на него утихнут, пронесутся, как ветер в степи. А он останется истинным Человеком на все времена!..

Учитель хлопнул в ладоши:

– Ну, ты уже завелся! Да, наш Канеке был благородным, редким человеком, как жаль, что он мало прожил!.. Конечно, и у Кунаева – огромные заслуги, славу и почет у Димеке никто

не отнимет. Но он мог быть снисходительнее и почтительнее к своему старшему брату. Но что поделаешь?! В последние годы он не стал ни с кем считаться, собрал вокруг себя постоянно поддакивающих подхалимов, а людей, которые говорили ему правду в лицо, начал отдалять от себя. Пользуясь безграничной дружбой с Брежневым, на свои действия перестал смотреть критически... Ну, братишка, давай прекратим этот разговор. Своей ночной дискуссией мы ничего не поправим. Только боюсь, все это плохо кончится для него....

* * *

В Караганде меня ожидали встречи с читателями в КарГУ, политехническом институте, в областной, городской и даже в шахтерской библиотеках, потому в течение недели я не мог встретиться с Евнеем Арыстанулы. Оказывается, он имел полную информацию о моих выступлениях, словом, не терял меня из виду. В тот день, когда состоялась встреча со студентами филологического факультета КарГУ в новом корпусе, расположенном на юге-востоке Караганды, ко мне подошел один из моих друзей студенческих лет и сообщил, что меня дома ждет Ебеке. Мне было известно, что в последние годы он редко ходил в гости, да и сам почти прекратил приглашать к себе. Это было связано с обострением болезни сердца. Но на этот раз он нарушил заведенный у себя порядок: кроме меня, были приглашены все мои друзья, ученые-металлурги – Жанторе Абишев, Токен Габдуллин, Сагынтай Исабаев и, конечно, вечер был посвящен, как он выразился, «неординарному событию» – то есть выходу моего «Сатпаева» в Москве. Разумеется, надлежащее настроение нам создавал сам хозяин дома, мы говорили о многом, волновавшем тогда нас, но все же, помня о его состоянии здоровья, не очень-то увлекались...

И когда я, сославшись на усталость от напряженного дня, стал собираться в гостиницу, наставник мой остановил меня:

– Медеу, я хотел, чтобы ты почитал мои некоторые работы. Читай их с карандашом в руках. Притом я прошу, ты не бери пример со своих друзей, которые, как ты заметил сегодня, меня оберегают, как младенца, от всяких волнений...

– О чем разговор, Ебеке, я готов помочь вам! Хоть сейчас загружайте меня...

– Тогда начни с меньшего, – из стола он вытащил небольшую папку.

Раскрыв ее, я прочитал название: «Святое дело Чокана», эссе о Чокане Валиханове, 146 машинописных страниц. Мне и раньше были знакомы все труды Ч.Валиханова, нашего талантливого ученого-историка, путешественника, этнографа, прорубившего окно в Европу. В своей домашней библиотеке я имел оба издания его научных трудов – и 4-томник и последнее издание в пяти томах. Эти тома я часто перелистывал, перечитывая их, я получал истинное наслаждение – настолько они оригинальны и постоянно будят мысль. Кроме того, я давно прочитал все ранее написанное о Чокане Сергеем Марковым, Сабитом Мукановым, Алькеем Маргуланом, Сапаргали Бегалиным. Не буду скрывать, что, когда я положил перед собой эссе о Чокане, непроизвольно подумал: «А что же Ебеке нашел нового в наследии Чокана, ведь давно о нем все сказано?..»

Но меня неожиданно захватила эта вещь, написанная на русском языке. Начав перед сном, я потом продолжил чтение с утра в гостинице. Перевернув последнюю страницу эссе, я позвонил Ебеке домой:

– Ебеке, я вашу рукопись уже проглотил одним махом. Пока свежее впечатление, хочу им поделиться с вами, в какое время вам будет удобно встретиться?

– Медеу, подожди чуточку, – положив трубку, он куда-то вышел. Вернувшись через некоторое время, он спросил: – Ты уже обедал?

– Нет еще.

– А у нас обед будет готов минут через двадцать. Откуда ты звонишь? Я направлю тебе машину из института, – коротко закончил Ебеке почти в приказном тоне.

– Не беспокойтесь, закрепленная за мной машина стоит у подъезда гостиницы...

Зубайра Дуйсенкызы на сей раз дастархан накрыла в кабинете ученого. Наверное, была предупреждена, выставив на стол все, что было, она покинула нас, плотно закрыв дверь. Не

нами заведено правило: когда я ем, я глух и нем. У меня разыгрался аппетит, я молча расправился с вкусными кушаниями.

– Что случилось, батыр, сегодня тебя будто бы подменили? – спросил Ебеке, наконец, не выдержав долгого моего молчания.

– Просто, Ебеке, – улыбнулся я, – меня переполняют чувства после прочтения вашего эссе. Я разволнован, не знаю, как начать...

– Ну, давай, я тебя слушаю.

– Прежде всего, Ебеке, один вопрос: где вы нашли столько фактов?

– О, батыр, их не надо было искать в архивах, все они – в трудах Чокана.

– Сколько раз я их перечитывал, но почему-то не заметил многих моментов, которые вы так опоэтизировали здесь!..

– Знаешь, Медеу, каждый читает его труды по-своему... Кроме того, батыр, я как ученый, мог что-то увидеть не так, как ты, уловить между строк какие-то невысказанные им мысли. Вот и весь сказ.

– Понятно, Ебеке, я считаю, что ваш этот труд превосходит все ранее написанное о Чокане. Вы открыли и показали Чокана совершенно с другой и неожиданной стороны, при этом ваше эссе читается с интересом. Словом, я поздравляю вас, вы выдали произведение высокого уровня!..

– Неужели? Что-то ты говоришь слишком высокопарно! Неужели в нем – ни сучка, ни задоринки?

– Почему же, есть у меня и одно замечание... Вчера вы сами требовали от меня, чтобы я не скрывал от вас ничего...

Это уже было время чаепития по-казахски.

– Ну, выкладывай, а то ты перехвалишь меня... – засмеялся хозяин дома.

– Нужно сократить начало эссе. Вы начинаете его издалека, с рассказа о Федоре Михайловиче Достоевском, как он пришел в литературу, перечисляете его произведения излишне подробно, далее переключаетесь на его ссылку. А это общеизвестно. Лучше начать с того, что Федор Михайлович видит во сне Чокана, а проснувшись, упирается взглядом в сундучок, подарок друга... В таком случае ваш труд сократится на двадцать страниц и станет только лучше!

С моим предложением автор эссе не согласился. Мы немного поспорили, но я не смог его переубедить, каждый остался при своем мнении.

– Каким бы ни было произведение, повесть или рассказ, я не могу начинать его с ходу, как ты предлагаешь. Для того, чтобы приступить к основной теме, я должен себя и читателя подвести к ней постепенно. Иначе не могу.

– Вам этот разгон может быть и нужен, но зачем это навязывать читателю?

– Ладно, я подумаю... – вроде бы согласился Ебеке. – Ты теперь подскажи мне: куда послать это эссе? Об Алма-Ате даже не упоминай – туда мне хода нет...Ты, кажется, в Москве заимел кунаков в литературных кругах, помоги мне выйти с ними на связь.

Это была трудная, почти неосуществимая задача, особенно для писателя, живущего в таком периферийном городе, как Семипалатинск. А если рискнуть?..

– Ебеке, будем действовать так! – воскликнул я, осененный неожиданно возникшей идеей. – Я вас сведу с солидным издательством «Советский писатель», вернее, с хорошим и сильным писателем, имеющим авторитет в этом издательстве. Каждые два года это издательство массовым тиражом выпускает замечательный, очень популярный альманах «Пути в незнаемое». Авторы его – известные писатели, ученые. Там же публикуются материалы о последних научных открытиях, об ученых, не отказываются они и от интересных исторических исследований... Ваше «Святое дело Чокана» как раз по содержанию подходит для альманаха. К тому же, вы, наверное, знаете, что к научному наследию и имени Чокана русская интеллигенция всегда относилась с большим уважением...

– Да, это замечательная мысль!.. А кто там за главного? – загорелся Ебеке.

– Председателем редакционной коллегии альманаха и постоянным составителем является известный вам писатель и ученый-физик Даниил Данин. Я с ним немного знаком, имел контакт. Год назад я хотел напечатать отрывок из своего «Сатпаева» в этом альманахе, Даниил Семенович мне тогда ска-

зал: «Давай, сам же выбери, что поставить». Но я подумал, предпочел не раскрывать себя раньше времени – вдруг в Алма-Ате догадаются, что я готовлю издание «Сатпаева» в Москве... А теперь я могу предложить вашего «Чокана».

– Ты говоришь об авторе известных книг «Резерфорд», «Нильс Бор»? – оживившись, спросил Ебеке. – О, он – сильный писатель! Я его книги перечитывал по нескольку раз. Он, можно сказать, мой кумир!..

– Он не только знаменитый писатель, но и замечательный человек, на которого можно положиться. К вам он должен отнестись по-свойски: вы академик, доктор технических наук, к тому же член Союза писателей. Так что прямо на него и выйдем...

– Согласен, если не получится, никто с нас головы не снимет...

Сели за стол и сразу же написали два письма в Москву, каждый от себя. Копия письма Ебеке, сохранившаяся в архиве ученого, датирована 27 мая 1981 года. Значит, наш разговор об эссе Ебеке происходил примерно в то же время.

Через два месяца я получил из Москвы короткое письмо-открытку, в котором исключительно учтивый Даниил Семенович тепло поблагодарил меня за найденного мною для альманаха автора-ученого и там было еще написано, что он попросил Е.А.Букетова войти в состав редколлегии альманаха «Пути в незнаемое». Несказанно обрадованный этим сообщением, в тот же день я позвонил в Караганду.

– Оу, батыр! – возбужденно отозвался Ебеке на мое приветствие, – твой Даниил Семенович – мужик, что надо, без всяких реверансов принял «Святое дело Чокана», и обещал включить его в очередной, 18-й сборник... Но я виноват перед тобой, Медеу, не послушавшись тебя, отправил эссе без сокращений. Однако Данин тоже настаивает на том, чтобы снять двадцать страниц о Достоевском, остальное его устраивает... – Ебеке также сообщил мне, что он уже дал свое согласие на членство в редколлегии альманаха...

– Поздравляю, Ебеке! Лед тронулся! Будем теперь ждать выхода очередного сборника «Пути в незнаемое»! Это станет сенсацией для ваших друзей, а для противников ваших это будет горше полыни... Только вы пока об этом никому ни слова, агай! Не забудьте: у вас много завистников, держите язык за зубами!..

– Эх, дружище, то же самое твердят мне Камзабай и Зубайра. Они настаивают, чтобы я придерживался в этом деле твоей тактики, когда ты тайком от всех издал «Сатпаева».

– Агай, так я поступил не от хорошей жизни. Это была вынужденная мера – скрываться от недоброжелателей. А теперь дело сделано. Победителей не судят. Так что и вы не пренебрегайте советом моей женеше*!

– Ладно, пусть будет так, дорогой. Недавно я перевел стихотворение одного великолепного русского поэта, прожившего всего двадцать пять лет, умершего в конце XIX века. В нем звучит скорбь и обреченность. Это созвучно моему настроению в последнее время. Прочту тебе лишь один куплет: «Нет, я бы рад сойтись лицом к лицу с грозою, Но жизнь вокруг меня так буднична и зла. Что даже нет врагов, могущих вызвать к бою, И только клевета шипит из-за угла»**. И он, бедный поэт, заканчивает свое стихотворение такой строкой: «Оставшуюся жизнь прожить хватило бы терпения...» Так и я говорю, дорогой мой брат: «Бог распорядился, и я подчинился». Поэтому я уже соглашаюсь с тобой, будь здоров, батыр...

Что поделаешь, превратностей судьбы никому не избежать, Евнею Арыстанулы не суждено было увидеть 18-ю книгу «Пути в незнаемое».

(Конец весны 1984 года я провел под Москвой, в Доме творчества писателей в Переделкино. Там же я получил от Камзабая Арыстанулы письмо с просьбой узнать, как идет подготовка к печати «Святого дела Чокана». Когда я пришел в редакцию прозы издательства «Советский писатель», редактор этого сборника И.Ю.Ковалева собиралась отправлять в Караганду для читки набранные страницы.

– Поздно, автора уже нет в живых, – сказал я ей, – дайте набор мне, через пару дней я вам его принесу обратно, материал мне известен, можете справиться у Даниила Семеновича.

Таким образом я стал первым читателем последнего произведения своего учителя).

---

* Сноха.

** Семен Надсон: «Только утро любви хорошо...»

А 18-й сборник «Пути в незнаемое» вышел в свет в следующем году, в составе редколлегии альманаха имя, отчество и фамилия Ебеке были помещены в траурной рамке).

Когда закончили обсуждение рукописи эссе, Ебеке пристально взглянул на меня:

– Медеу, теперь у меня к тебе другая просьба. Вот рукопись моего «Сатпаева», – и он пододвинул ко мне довольно увесистую папку, там было не менее двухсот страниц. – Прочти. Первоначальный вариант этой вещи я написал пять-шесть лет тому назад. А это самый последний. Ты на это взгляни глазами биографа Сатпаева, досконально знающего его жизнь и, конечно, как писатель. Я намерен переделать некоторые главы, уточнить имена людей-очевидцев, чтобы не было расхождений с твоим «Сатпаевым»... Ты тут обошел меня, я тебя не осуждаю, просто ты работал быстрее меня. Чтобы избежать противоречий и повторов, мне нужно посоветоваться с тобой – в каком ракурсе я должен показать Канеке, в общем, как быть дальше...

Эту рукопись я забрал с собой в Жезказган, где меня ждали встречи со своими читателями, и, конечно, там же в часы досуга не спеша, притом несколько раз возвращаясь к началу повествования, аккуратно ее прочитал, на каждой странице карандашом делая свои замечания и пометки, на обратном пути снова заехал к Ебеке.

Он, внимательно слушая меня, включил свой диктофон. Эта запись, мне кажется, не сохранилась, но хорошо помню, что мои замечания совпадали с приведенными в этой книге мнениями Т.Какишева, Ю.Герта, А.Бальбурова. Потом я перевел разговор на общее построение произведения.

– Вы, Ебеке, собираетесь пересмотреть структуру своего повествования, – заметил я. – Делая это, вам лучше отойти от хронологии. Возьмите какое-либо неординарное событие, а таких в жизни Канеке очень много, и через него покажите, как он стал корифеем науки. Думаю, надо увлечь читателя острым сюжетом. Например, книгу можно составить и из отдельных новелл. Такие примеры есть в литературе. Возьмите новеллы Стефана Цвейга. Разумеется, в каждой новелле бу-

дут разные и реальные события и годы... Именно в таком ключе вы писали «Святое дело Чокана», отлично получилось. Попробуйте так действовать и на этот раз. Конечно, я не навязываю вам эту форму, все же пораскиньте умом...

На мое предложение я получил неопределенный ответ:

– Хорошо, батыр, надо все как следует взвесить...

IV

Летом 1982 года, в погожие дни конца июля или в начале августа я вернулся домой откуда-то из поездки в аул, и тут раздался телефонный звонок моего приятеля по охоте, начальника Семипалатинского управления связи Нуралы Омарова. Он сообщил, что пару дней назад приезжал в Семипалатинск Евней Букетов, искал меня, на обратном пути из Усть-Каменогорска заедет снова.

– А когда он будет возвращаться?

– На следующей неделе.

– Нуреке, держите меня в курсе...

На следующей неделе снова позвонил Нуреке и сообщил, что гость, которого я жду, приехал рано утром и сейчас находится в доме отдыха связистов на берегу Иртыша.

– Ты наш дом отдыха не найдешь, – по праву старшего предупреждал Нуреке. – Поэтому пусть твоя жена готовит дастархан к обеду, а сам жди мою машину у подъезда. Учти, гость очень спешит, сегодня же собирается назад ехать...

Через час я уже был в доме отдыха связистов. Во время чаепития я поинтересовался у моих знакомых, где побывал гость (со мной тогда сидел ныне покойный, бывший партийный работник Махмет Турсунов, он с Ебеке был не только земляком, но и еще родственником по материнской линии, о нем мы упоминали в главах, посвященных студенческим годам нашего героя). Узнав, что Ебеке увидел в Семипалатинске, я во всеуслышание заявил:

– Встречавшие вас, Ебеке, два моих старших брата не показали вам самые главные достопримечательности нашего города, чем он славится. Поэтому я предлагаю сразу же после

чая всем ехать в Семипалатинск. После этого решайте как быть: уедете от нас сегодня или нет...

Так и сделали. Мы начали знакомство с городом с дома Аныяра Молдабаева, где подолгу останавливался Абай Кунанбаев (бывший музей поэта, где сейчас находится музей деятелей национальной Алашской партии). После этого посетили дом-музей Ф.М.Достоевского на бывшей Крепостной улице. В этом доме часто встречались два друга – Чокан Валиханов и Федор Достоевский. Ебеке здесь обстоятельно побеседовал с директором музея...

– Ну, как, батыр, закончим на этом? – спросил ученый гость.

– Нет, Ебеке, вы еще не дошли до того дома, где хранятся самые большие сокровища нашего города. Если не устали, то поедем сейчас же или пообедаем, потом посмотрите, – заговорщески подмигнул я. – Выбор за вами.

– Ну тогда веди сейчас же.

Следующим местом, куда мы поехали, был историко-краеведческий музей.

Просторное здание, бывшее некогда резиденцией генерал-губернатора Семипалатинской губернии, было передано музею год тому назад, там еще шел капитальный ремонт, и все залы музея были пока закрыты. Я показал гостю здание музея снаружи. А потом попросил директора музея Балташа Ерсалимова ознакомить нас с основными фондами.

– В библиотеке музея когда-то хранилось около тридцати тысяч старых книг, газет, журналов. В последние годы часть их передали в музеи Абая и Достоевского, в областную библиотеку. А потом по приказу из министерства многие книги вывезли в Алма-Ату, в научную библиотеку Академии наук, конечно, были и пропажи книг... После всего осталось около десяти тысяч книг, – просветил нас директор музея.

– На этих полках – книги дореволюционного издания, дальше – краевые газеты и статистические отчеты, – сказал я гостю. – Мы мешать не будем, посмотрите не спеша...

Когда я вернулся туда через два часа, то застал Ебеке в огромном завале подшивок старых газет. А его спутник по поезд-

ке М.З.Угорец с огромным интересом рассматривал отдельный том энциклопедии братьев Гранат, посвященный еврейской нации.

– Ну как, Ебеке, мы все уже проголодались. И у вашего сына Рашида терпение лопнуло, давно хныкает, – заявил я, посмеиваясь. – Как быть дальше, эти газеты вы сегодня вряд ли одолеете?

– Медеу, перед всеми присутствующими хочу тебе сказать правду: твой Семипалатинск меня полонил! Твой город оказывается нельзя сравнить ни с Усть-Каменогорском, ни с Павлодаром, ни с Карагандой, даже с моим старым Петропавловском. Настоящий духовный и культурный центр. Теперь-то я понимаю, как Канеке с юношеских лет приобрел такие обширные знания. В молодости человек впитывает в себя знания, как губка, наверное, и Канеке целыми неделями просиживал в библиотеке музея. И, конечно, много чего набрался. Марк Залманович, ты знаешь, когда основался этот музей? – внезапно спросил он. – В 1883 году! В те годы вряд ли были в Алма-Ате музеи или библиотеки... Короче, ты прав, Медеу, верны твои слова. Я сейчас понял, что в Семипалатинск заезжать попутно и пробыть тут пару дней – несерьезно... В общем, мы с директором музея уже договорились, что когда окончательно закончится реконструкция музея, через пять-шесть месяцев, в конце зимы я вернусь сюда и Балташ-батыр обещает меня около десяти дней здесь держать взаперти...

– Агай, так и сделаем, вы будете довольны! – подтвердил Ерсалимов.

– А теперь пора уж обедать, Медеу, веди нас домой. И перед снохой моей Кларой неудобно, целый день заставляем ждать, – спохватился Ебеке, поднимаясь с места.

* * *

Мне известно, что Евней Арыстанулы в 1972-1983 гг. несколько раз брался переделывать свое повествование о Каныше Сатпаеве, таким образом было создано около пяти, если не

больше вариантов рукописи. Ему мешали сосредоточиться разные обстоятельства и чинимые его завистниками неурядицы, подводило и здоровье. В итоге литературный труд, ставший мечтой его жизни, остался незаконченным. А завершенные главы до конца прошлого века пролежали в архиве ученого без движения. И это тоже один из парадоксов того времени.

Только в 2001 году была издана книга «Детские годы Каныша» на русском языке в Караганде, на казахском языке она выпущена в 1999 году, накануне 100-летнего юбилея К.И.Сатпаева, книга отпечатана в издательстве «Казахстан». Оба труда Е.А.Букетова трудно переоценить – это действительно произведения зрелого, настоящего мастера слова. Жаль, но эпопея оборвалась, как и его жизнь, на середине. Тут уже ничего не поделаешь, судьба?!..

ГЛАВА
ТРИНАДЦАТАЯ

КАКОЙ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА УГАС, КАКОЕ СЕРДЦЕ БИТЬСЯ ПЕРЕСТАЛО

«Дорогой Анатолий Сергеевич!

Воспомоществуй Христа ради насосами

Высокого давления (хотя бы одним) для будущих бензиновых рек из угольного бассейна.

Премногим обязанный Твоему вниманию».

Е.А.БУКЕТОВ, 10 декабря 1983 года

I

Когда в Караганде проходила первая Всесоюзная научная конференция по проблемам халькогенов и халькогенидов (осень 1978 года), с ее трибуны прозвучало немало деловых предложений. По сути все они были высказаны в надежде на то, что местные ученые учтут их в своих будущих исследованиях. Это было и проявлением доверия к ним. А когда на трибуну поднялся директор Института физической химии АН СССР, академик, Герой труда В.И.Спицын, уже убеленный сединами, все участники конференции встрепенулись, ясно, ожидая от него чего-то важного, неординарного. И московский ученый действительно заговорил о проблеме, имеющей большое научное и народнохозяйственное значение. «Дорогие коллеги, – сказал он. – Караганда испокон веков стоит на громадной толще угольных пластов, и вас сама природа обязывает заняться ожижением угля. Вы сидите на золотом кладе и почему-то не задумываетесь об этом. Конечно, ожижение угля сложно развернуть сразу, но и терять время тоже нельзя....» Ему дружно поаплодировали, а между собой вполголоса перешептывались: «Этой программы нам хватит на ближайшие пятьдесят лет, если не больше?!» Разумеется, поиронизировав, тут же забыли.

Но были ученые, которым это запало в душу. Одним из них был Евней Арыстанулы.

Проблема получения из угля бензина и множества других продуктов его увлекла всерьез. В своем письме, отправленном в 1979 году В.И.Спицыну (на втором экземпляре дата не проставлена, скорее всего, это было в начале года), он писал:

«...Ввиду того, что на это направление исследований раньше не обращалось внимание, у нас отсутствуют необходимые для этого кадры. В ХМИ ныне работает по этой теме Л.А.Кричевский, ему помогает одна женщина – кандидат наук. Рядом с ними пока не видно энтузиастов, подающих какие-то надежды. В дальнейшем мы имеющимися у нас средствами все же будем развивать это дело, но это при малых наших возможностях ни в коей мере не будет соответствовать нашим запросам. В частности, я буду теперь постоянно вести беседу и по этому вопросу с нашими сотрудниками, может быть, кого-либо из них заинтересую. Это мне, пожалуй, нелегко будет делать, поскольку я не специалист в этой области, а, возможно, настанет час, когда мы сможем ходатайствовать о создании проблемной лаборатории в университете, если рано или поздно сумеем выступить с каким-то достаточно весомым начинанием. Но у нас пока нет направляющей сильной идеи, нет свежей мысли, чтобы начать это дело. А как быть без них, в том и суть проблемы...»

На ловца, говорят, и зверь бежит. Вскоре появился первый энтузиаст. Молодой парень-казах, кандидат наук А.Г. с радостью принял предложение ректора КарГУ, и в один момент собрался и поехал на научную стажировку в Москву, в Институт горючих ископаемых (ИГИ), издавна занимавшийся этой проблемой.

В своем обстоятельном трактате «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике», вероятно написанном для того, чтобы обобщить всю историю использования этих источников энергии и полезных веществ, Е.А.Букетов подробно рассказал, как человечество из века в век стало все шире применять эти природные богатства, дал прогноз запасов на ближайшие два-три столетия вперед и того, что придет на смену нефти, когда ее ресурсы иссякнут. Разумеется, все это подано интересно, доходчиво в расчете на широкий круг читателей. С научной стороны трактат также не вызывал никаких сомнений. Все его выводы были абсолютно точны и бесспорны, словом, здесь Е.А.Букетов поработал на совесть, на уровне своего же академического звания.

В этом популярном научном труде говорится и о способах получения из угля жидкого топлива, описан мировой опыт. Готовя свой трактат объемом всего лишь в три печатных листа, он переворошил массу научной литературы, проштудировал переводы иностранной печати, систематизировал все публикации по этой проблеме, даже подготовил методическое пособие для начинающих исследователей. Видно, что он рассчитывал с присущим ему размахом опубликовать свой труд не только на страницах журнала «Простора», но и издать его отдельной брошюрой и тем самым привлечь внимание общественности к этой важной отрасли углехимии, в частности, к получению из угля дешевого бензина...

Но, увы, опять, выражаясь на современном сленге, случился облом. Снова сработала бюрократическая машина. И великолепный труд, созданный ценой неимоверных усилий, на больничной койке, между приступами тяжелой болезни, стал в ту пору никому не нужным и пробился к читателям лишь в 1994 году, через 11 лет после его кончины.

Тем не менее, медленно, но верно дело пошло, опыты по ожижению угля стали налаживаться. Для своих экспериментов группа Букетова избрала высокозольный бурый уголь, нетронутые запасы которого в казахстанских недрах исчислялись несколькими десятками миллиардов тонн. Эти угли плохо сгорали в топках обычных котлов, их редко использовали в городских ТЭЦ. Как раз эти низкокалорийные угли, не востребованные производством, его группа и намеревалась использовать для получения дешевого бензина путем их органического синтеза. Как видим, задача ставилась прямо «наполеоновская», – получить ценнейшее топливо для миллионов автомашин, являющееся той же кровью для транспорта – молниеносным натиском. Это был несколько авантюрный путь. И почему-то уже немолодой, не раз битый ученый избрал его...

Карагандинский уголь легко коксуется и при плавке чугуна и стали ему нет пока адекватной замены. Экибастузский тоже хорош, от сжигания его в топках паровозов и ТЭЦ отдача тепла намного больше, чем от бурых углей. Исследователям

было ясно, что этих углей им не видать. Можно было рассчитывать только на бурые угли, слава богу, во всем Советском Союзе, в частности, в недрах Казахстана имелись их огромные залежи. Только на Майкубинском месторождении, по прогнозам, их было более 5 миллиардов тонн! Хватало этого добра и в Тургайской низменности, притом почти на поверхности земли, по прикидкам геологов, их было в два раза больше, чем во всем Экибастузском бассейне, считавшемся по мировым масштабам огромным. Значит, углем обеспечены на 4-5 веков, даже еще больше. Лишь бы опыты с получением дешевого бензина дали желаемый результат...

* * *

Идея получения жидкого топлива из твердых углей давно занимала умы ученых-химиков, пожалуй, она возникла одновременно с изобретением двигателя внутреннего сгорания (то есть с конца XIX века), который стал основной движущей силой, заменившей тягловых животных – для автомобилей, тракторов, паровозов, пароходов и самолетов. Разнообразное жидкое топливо – бензин, керосин, солярка – получалось путем крекинга нефти. Скважины, из которых била нефть, уходили уже на многие километры в глубь земли и дно морей и цена добычи ее росла из года в год. В обозримом будущем нефтяные реки обмелеют и совсем высохнут. Что же делать тогда? Снова переходить на лошадиную, верблюжью тягу? А резерв рядом – это уголь...

Тайну превращения угля ученые открыли еще в первой половине XX века, тогда же родилась специальная наука – углехимия. Все достаточно просто: и уголь, и нефть состоят из углерода и водорода. Разница лишь в атомарной структуре. Академик Букетов в своем трактате разъяснил, в чем суть: в угле соотношение водорода и углерода – 1 : 1, правда, атомный вес водорода – 1, а углерода – 12; и поэтому углерода больше, чем водорода, в 12 раз; в нефти соотношение этих двух элементов 1 : 2, то есть 2 атома водорода приходятся на один атом углерода, по этой причине нефть в два раза легче угля и встречается только в жидком состоянии...

Теперь всякому ясно, что если в угле увеличить число атомов водорода в два раза, он чудесным образом превращается в нефть. Химики давно нашли заветный «ключик», научились «химичить» с углем. Чтобы не путать с природной нефтью, конечный продукт они назвали «синтетической нефтью». А процесс обогащения угля водородом назвали «гидрогенизацией угля» (гидроген – греческое название водорода), иначе говоря, «ожижением угля».

Химики всего мира освоили несколько способов «ожижения угля». Один из них, пожалуй, самый совершенный, предложил немецкий химик Бергиус еще в 1912 году. Заключается он в следующем: в герметически закрытой печи уголь в присутствии водорода нагревают до 400-500 градусов без доступа воздуха, не давая ему гореть, под давлением 500-700 атмосфер; для ускорения процесса в качестве катализаторов реакции в уголь добавляют железо, никель, кобальт, молибден и некоторые соли редких элементов и еще – тонко измельченный уголь разбавляется жидкой нефтью; и в конце нефть начинает течь по трубам в виде жидкой массы... Можно сказать, азбука химии, если не считать, что при этом велики затраты электроэнергии на нагрев и приходится сооружать очень дорогое оборудование. И все-таки за рубежом еще до начала второй мировой войны было построено 48 заводов, из которых почти половина работала по «методу Бергиуса»...

Уважаемый читатель, если вы выросли в частном доме, то, наверное, видели, как мелкий уголь смачивают водой для того, чтобы он лучше горел в печке. Кстати, и на производстве постоянно пользуются этим простым крестьянским способом. Этому есть и научное объяснение: в присутствии воды в процессе горения в топке образуется «оксид углерода» (то есть, обыкновенный угарный газ) и атомы водорода, находящиеся в газообразном состоянии, намного усиливают теплоотдачу. Зарубежные ученые Фишер и Тропш, неоднократно наблюдая за процессом обжига угля, догадались получить жидкое вещество, прогнав эти «угарные» и водородные газы через катализаторы. При этом чем больше был объем газов, тем больше получалось жидкости. А жидкость, вы уже догадались –

«синтетическая нефть». Евней Арыстанулы в своем трактате этот способ отмечал, как большой успех: «В настоящее время существует большой завод в ЮАР, производящий синтетическое жидкое топливо по этому методу...»

Из всего сказанного можно сделать утешительный вывод: что из угля не так уж сложно выработать жидкую нефть; а из остающихся отходов можно дополнительно получить парфюмерию, синтетические материалы и множество других вещей; а из той же нефти выделить бензин, керосин, моторные масла... Словом, дело испытанное и весьма полезное! Не перевозя миллионы тонны угля на дальние расстояния, можно там же, где они добываются, синтезировать жидкое топливо и другие продукты химии. Почти шестьдесят процентов ожиженного угля дает чистый бензин, а также другие виды топлива. А оставшиеся отходы пригодятся при укладке асфальтовых дорог. Значит, появляется возможность полностью избавиться от ГРЭС, ТЭЦ, от всех тепловых котельных, которые загрязняют воздух, делают черным чистое, голубое небо. В процессе сгорания жидкого топлива, как установлено, вовсе не выделяются ядовитые вещества, значит, ранее наносимый окружающей среде вред будет в сотни раз меньше. Да, это здорово! Нужен лишь оптимальный способ получения дешевого жидкого топлива.

Эта проблема в начале XX века завладела умами зарубежных ученых, и породила сотни исследователей-фанатиков, посвятивших ее решению всю свою жизнь. Самых удачливых, закрепивших свои способы изобретения патентами, мы уже отметили. Но, к всеобщему огорчению, предложенные ими методы получения жидкого топлива не получили должного распространения, так как при этом бензин и другие виды топлива обходились в три раза дороже, чем при перегонке природной нефти. Себе в убыток за рубежом никто этим заниматься не стал...

Ожижение угля производилось только при крайней необходимости. Например, по прямому указанию Адольфа Гитлера во время второй мировой войны немецкие химики, используя бурый уголь Рурского бассейна, из-за нехватки нефте-

продуктов вынуждены были производить более 4,5 миллиона тонн бензина на заводах, срочно построенных возле Мюнхена. Специалисты подсчитали, что в годы войны немецкие танки, самоходные установки и военные автомобили обеспечивались на 75 процентов жидким топливом, полученным с этих заводов... В брошюре «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике» мы вычитали, что в 1940-1943 годах такие же заводы действовали в Японии, Италии, Англии, Франции, они произвели 7–8 миллионов тонн «синтетической нефти».

Вот еще один красноречивый пример, когда острая нужда заставляет предпринимателей, образно говоря, сесть задом на ежа. Во время экономической блокады Южно-Африканской республики ее власти тайно доставили туда тех же немецких инженеров, которые работали на заводах Мюнхена. И они в течение нескольких месяцев сумели наладить производство жидкого топлива из местного угля. Между прочим, гигантский завод, построенный ими в те годы, оказывается, работает по сей день.

Кстати, и советские химики тоже не спали, убаюканные тем, что в стране пока хватает запасов нефти, они тоже разработали пригодную технологию получения жидкого топлива из углей. По их проекту в середине 80-х годов в Подмосковье был построен небольшой завод, где ожижалось 5 тонн местных бурых углей в сутки...

* * *

Приведенные нами факты, естественно, порождают у читателя недоуменный вопрос: почему же тогда академик Е.А.Букетов так увлекся давно решенной проблемой получения из угля бензина?

Когда мы встретились в Балхаше, между нами завязался разговор и на эту тему:

– Медеу, более года прошло, как я начал новые исследования по извлечению бензина из угля, – признался мне он тогда.

– Это же область органической химии и вообще, разве мало у нас нефти?

– Так рассуждают многие, не только ты, – парировал он. – Действительно, мы еще имеем огромные запасы нефти Эмбы и Мангистауского полуострова, зачем же нам возиться с углем, чтобы получать бензин в пробирках?.. Надо мной посмеиваются, называют меня «фантазером». Сейчас во всем Союзе проблемой ожижения угля занимаются всего несколько фанатов-исследователей вроде меня. Да, в настоящее время мы богаты. Но как придет нужда, гласит казахская пословица, и крупинка соли будет дорога, тогда и вспомнят меня...

Намеченные опыты с углем группа Букетова начала с опозданием. Причиной многомесячной задержки стал молодой исследователь, специально посланный в позапрошлом году в Москву на стажировку. Когда он вернулся через год оттуда, Евней Арыстанулы уже был руководителем без портфеля. Должно быть, А.Г. не захотел знаться с академиком, который потерял свой ректорский пост, да и кое-кто, наверное, посоветовал ему держаться от него подальше, в общем, работать с ним он отказался. Евней Арыстанулы тяжело переживал этот скверный случай, фактически им первый раз так открыто пренебрег ученик, получивший с его помощью кандидатскую степень. Что поделаешь, в жизни всякое бывает, он молча перенес этот удар, отпустив его на все четыре стороны (по свидетельству очевидцев, про таких скользких людей, которые ищут в науке сиюминутную выгоду, он всегда говорил: «Е, оставьте его в покое, где он пройдет, там трава не растет...») Осекшись на А.Г., Евней Арыстанулы начал подыскивать других помощников, теперь уж более обдуманно и осторожно (надо заметить, он в последние годы лично не занимался лабораторными экспериментами, такие работы поручал своим помощникам, а сам только направлял их работу, теоретически обосновывая пути поиска). Подбор и выучка новых помощников, конечно, потребовали определенного времени. Наконец, подобрав главного помощника Болата Тлеуханулы Ермаганбетова, он и его отправил в Москву. Ему он поставил задачу пройти стажировку не за год, а в течение шести месяцев. Когда, пройдя практику в солидных научных центрах, Б.Ермаганбетов вернулся, руководитель группы решил с ним серьезно побеседовать:

– То, что мы начинаем, Бокен-батыр, очень сложно, ты еще не совсем представляешь всех предстоящих трудностей. Но не бойся, будем тянуть лямку вместе. Только ответь мне сразу: выдержишь, не сбежишь от меня, как твой предшественник, учти, я человек очень требовательный...

– Агай, если бы я не был согласен – не поехал бы в Москву. Там мне удалось, как вы знаете, в свое время поработать в знаменитой лаборатории московского органика-синтетика Леонида Ивановича Закарина, под его руководством я защитился, готовился стать органиком, и тут вы вмешались, переориентировали меня на углехимию... Теперь-то куда я убегу от вас? – успокоил своего шефа Болат Ермаганбетов.

– Если так, дай руку, закрепим наш уговор! Коли ты настоящий мужчина, сдержишь свое слово. Вынесешь до конца – вся слава достанется тебе, а мне, как всегда – палки...

С опозданием почти на год группа Букетова-Ермаганбетова, наконец, приступила к исследованиям по ожижению угля. Все подобранные ими молодые химики, кроме лаборантов, имели высшее образование, правда, ни у кого не было научных степеней, но у всех было горячее желание сказать свое слово в науке. То, что им предстояло сделать, казалось им волшебством, таким же, как превращение любого металла в золото, чем грезили алхимики в средние века. А в их руках уголь должен был стать нефтью – тоже, как в сказке. Но они верили: так будет, они верили в своего руководителя; верили в его непререкаемый научный авторитет, в то, что он доведет начатое дело до победного конца...

Первоначально Евней Арыстанулы дал своим новым помощникам несложные задания: овладеть известными в мире старыми методами по ожижению угля, хотя бы в мизерном количестве получить бензин, а потом уже совершенствовать технологию, добиваться большей ее эффективности, рекомендовал для этого испытать новые виды катализаторов...

В начале 1980 года эта группа из Майкубинского бурого угля впервые получила несколько сот граммов бензина. Это был первый успех молодых энтуазистов, обрадованные удачей, они удвоили свои усилия. Но внезапный инфаркт сердца,

который свалил их руководителя в середине лета, и другие непредвиденные препятствия, искусственно созданные на их пути и возникшие по «закону подлости», именно в момент подъема помешали завершить эти опыты. Вдобавок, не было своего помещения, не хватало оборудования и приборов. А без помощи именитого руководителя они остались как бы сиротами. Словом, на следующий год группа вышла с явным недовыполнением намеченных планов исследований...

Но все это были внешние и временные причины. Они были поправимы. А упущенное можно было со временем наверстать. Главной помехой в начатых исследованиях было отсутствие новых идей. Пока они применяли чуть-чуть измененные старые методы, шли давно проторенными дорожками, даже в опытах с Майкубинским углем. Это хорошо понимали и руководитель группы, и помощники. А нужна была свежая мысль...

Как известно из истории науки, знаменитый греческий математик и изобретатель Архимед днем и ночью думал о величине выталкивающей силы, действующей на тело, погруженное в жидкость, и, в конце концов, открыл закономерность во время купания в бассейне. И когда великий ученый догадался обо всем, говорят, он сильно обрадованный, выкрикнув: «Эврика, эврика, эврика!», будто бы побежал нагишом домой, чтобы скорее зафиксировать на табличке свое открытие...

Евней Арыстанулы, также подходя к проблеме ожижения угля с разных сторон, неожиданно нашел ее простое решение и, как Архимед, воскликнув: «Эврика!», поспешил в свой институт.

Б.Т. ЕРМАГАНБЕТОВ, доктор химических наук, Астана (26 июля 2004 г.):

«Однажды Ебеке пришел в институт спозаранку и, встретив меня во дворе, сказал:

– Пошли, батыр, зайдем в здание, я, кажется, поймал золотую рыбку, – глаза его блестели, лицо озарилось радостью, не давая опомниться, он потащил меня в лабораторию.

Зайдя в лабораторию, попросил лаборантку Дилю принести колбу с щелочным раствором, разбавленным водой, и алюмини-

евую ложку. Когда она принесла все это, он положил ложку в слабый щелочной раствор. Из раствора начали выделяться газы.

– Эта реакция пришла мне на ум во время утренней пробежки... Поднимающийся из раствора газ – это чистый водород. Если мы найдем способ использования этого водорода для ожижения угля – то, считай, что мы ищем месяцами, найдено. Водород произведет переворот при выделении жидкого топлива, реакция ускорится и процесс ожижения намного удешевится. Понял, батыр?

Я ничего одобрительного не сказал, хотя имел научную степень кандидата химических наук, все же не мог сразу поверить, что разгадка сложной проблемы, над которой мы уже бились более года, оказалась такой простой. Учитель понял, что я сомневаюсь, попросил Дилю пригласить своего любимца В.П.Малышева. В это время Виталий Павлович уже был доктором наук. Ему Ебеке снова продемонстрировал ту же реакцию.

– Прекрасная мысль! – одобрил Малышев, – но, Евней Арстанович, использование алюминия для получения водорода обойдется вам очень дорого. Вместо него надо использовать недорогие ферросплавы. Дайте задание своему ученику Токену – пусть займется этим...

Ебеке, не желая откладывать эксперимент на долгий срок, вызвал институтскую автомашину, и мы поехали в лабораторию ферросплавов, где руководителем был Токен Габдуллин. Короче, его лаборатория получила задание подготовить новый вид ферросиликоалюминиевого сплава, после получения его у нас дело пошло быстрее, по сути, это было совершенно новое направление в нашем исследовании...»

II

Е.А.БУКЕТОВ, Караганда, 12.04.1981 г., – Москва, академику **В.И.СПИЦЫНУ:**

«Глубокоуважаемый, дорогой Виктор Иванович!

Я хотел сообщить о порученных Вами делах при предполагавшейся встрече в Москве, поскольку такая встреча не состоялась, спешу сообщить письменно.

...За углехимические опыты я взялся нехотя, и, честно сказать, только из-за уважения к Вам. Теперь же хочу от души поблагодарить Вас, ибо чувствую, как расширился, хотя бы в малой степени, круг моих интересов. Недаром наш народ говорит: «Жақсыдан шарапат, жаманнан кесепат» — «От доброго человека — счастье, от недоброго — ненастье».

Речь же я хочу теперь повести о том, что, по-видимому, мы здесь нашли способ, который резко облегчит условия сжижения углей против тех, которые известны по литературе и по работам Вашего соседа — ИГИ. По способу последнего, который, по всей вероятности, теперь подготавливается к промышленному внедрению, к 40 процентам угольной массы прибавляется 60 процентов нефтепродуктов (чаще мазута), до 0,5 процента молибдена в виде соли и эта шихта подвергается автоклавной обработке с водородом при 425 градусах С и 100 атмосферах давления в течение двух часов. Уголь должен быть предварительно просушен в инертном газе (последнее во избежание окисления), естественно, азота. Без разжижителя-нефтепродукта, без молибденового катализатора процесс не идет.

Так вот, хотел бы Вам сообщить, что мы, кажется, нашли способ сжижения, который исключает введение в ожижаемую смесь нефтепродуктов, молибденового катализатора, не требует предварительной сушки угля и, кроме того, снижает температуру процесса, по крайней мере, на 100 градусов; причем достигаются те же результаты на углях, менее склонных к сжижению, чем те, которые применяют в ИГИ. Мы здесь готовим бумаги на приоритет и просили бы Вас, как зачинателя, подписаться под представлением.

...Реляцию я Вам здесь начертал, как Суворов после взятия Туртукая. Конечно, процесс, принципы которого мы установили, потребует тщательнейшего изучения во многих аспектах... Шуметь о победах, может быть, пока не стоит, но важно, что открывается свое направление работ и направление, как нам кажется, многообещающее. (...) Где-то в конце мая, в начале июня мы могли бы, пожалуй, доложить Вам о предварительных данных, которые мы получили и которые могут, как мы полагаем, стать надежной основой для дальнейшего конк-

ретного планирования исследования, а также для того доклада, о котором Вы говорили...»

В.И.СПИЦЫН, Москва, АН СССР, ИФХ. – Караганда, ХМИ, **Е.А.БУКЕТОВУ:**

«Глубокоуважаемый Евней Арстанович, дорогой Еке!

...Основная Ваша идея – применять для гидрогенизации угля связанный водород – мне нравится. Я советую Вам сосредоточить сейчас свое внимание на процессе гидрогенизации угля и характеристике получаемых жидких продуктов. Вероятно, нужно добиваться максимальной гидрогенизации угля.

В определении состава получаемых жидких углеводородов мы можем помочь. Наш масс-спектрометр определяет состав летучих жидкостей по массам за 5 минут. Накопите 10 проб и перешлите нам. Советую выбрать один из восстановителей, например – ферросилиций, и с ним уточнить условия гидрогенизации. Есть еще одна возможность: применить в качестве восстановителя металлические окатыши железа. Они содержат 90-95 процентов железа и получаются при прямом восстановлении руд Курской магнитной аномалии. Если у Вас нет такого материала, могу Вам выслать.

В своем описании Вы не пишите, сколько вводите воды в шихту. Или она имеется в виде влажности угля? В случае ферросилиция сырьем для получения водорода должны являться оба компонента. Напишите, какой у Вас автоклав. Мы имеем в Москве также опыт работы с автоклавами... Пишите о результатах.

26 мая 1981 г.»

Когда академик Е.А.Букетов лишился своей высокой должности и стал рядовым научным работником, изгоем для широкой общественности, это принесло ошутимый вред и его прежним начинаниям: специальная лаборатория, которая должна была открыться в университете – не открылась; но самым досадным было то, что новое здание, построенное десять лет тому назад им же и с таким неимоверным трудом, для экспериментов с углем оказалось совсем непригодным... Какое

бы место в этом обширном здании он ни выбирал для установки нового оборудования, ответ пожарных был один и тот же: «Уважаемый аксакал, здесь никак нельзя! Вы же горючий материал хотите нагревать до 500 градусов. Это на нашем языке называется «чрезвычайно взрывоопасной ситуацией»! Еще вы собираетесь при опытах использовать водород – это же настоящая бомба! Когда же вы получите бензин, как конечный продукт – это равносильно десятку бомб! И все это вы собираетесь устроить в здании, где работают пятьсот человек... Короче говоря, в таком взрывоопасном месте работать с углем мы вам не разрешим. Хоть мы вас очень уважаем, гордимся вами – но все же разрешение на проведение такого опасного опыта мы не можем дать. Его вы получите, если вам будет предоставлено отдельное здание, расположенное вдали от жилых районов. А пока этого не добьетесь – нас лучше не беспокойте!..»

Итак, ему опять надо было ломать голову: где найти подходящее здание? Поиск зашел в тупик, такого, строго соответствующего противопожарным требованиям здания не нашлось. Не сидеть же как на именинах. Решили строить сами. Вместе с помощниками набросали эскиз новой лаборатории, планируя построить ее на свободной площади, принадлежащей ХМИ. Подсчитали расходы на строительство. Урезав всевозможные излишки, сократив смету расходов до крайнего предела, довели их до пятидесяти тысяч рублей. Но помимо этого требовались специальные автоклавы, установка для обжига, насосы высокого давления для нагнетания газов в толщу угля, измерительные приборы и еще многое другое – на все это нужно было затратить не меньше средств, чем на строительство. Всего предполагаемые затраты подскакивали до ста тысяч рублей. А кто даст такие бешеные деньги? Знакомых производственников на перспективу получения дешевого бензина, которая еще вилами на воде писана, вряд ли купишь, а энтуазистов-патриотов днем с огнем не найдешь.

Что же делать, ему никак не хотелось ехать с такой просьбой в Алматы, однако, пересилив себя, стал собираться. Ведь арабы же говорят: «Если гора не идет к Мухаммеду, то сам Мухаммед идет к горе». Ученого коллегу-металлурга, президента

АН застать в рабочем кабинете было почти невозможно. В понедельник Е.А.Букетову сказали, что его сегодня не будет – личный творческий день. Во вторник знакомый помощник президента заверил, что он придет после обеда, хотя сам прекрасно знал, что Аскара Менлиахметулы искать во вторник бесполезно. Значит, оставалось ловить его в среду или в четверг. Так и сделал, в среду пришел с утра и встретил президента прямо в приемной. Благо, он не отказал в приеме, обещал принять после какого-то совещания. Итак, в условленный час Евней Арыстанулы оказался в знакомом ему еще со времен К.И.Сатпаева кабинете президента. Аскар Менлиахметулы, широко улыбаясь, внимательно выслушал просьбу академика Е.Букетова, специально приехавшего для этого из Караганды. Тут же пригласил вице-президента, курирующего технические науки.

– Ебеке просит на новое исследование сто тысяч рублей, притом половину из них хочет получить в этом году, он уже договорился со строителями, планирует построить отдельную лабораторию. А на оставшуюся сумму закажет дефицитное оборудование... – разъяснил президент просьбу Е.Букетова своему заместителю, кстати, не очень уверенно. Создавалось тягостное впечатление, что не он распоряжается средствами Академии наук, а его слишком шустрый заместитель. – Что скажем Ебеке? Найдете такую сумму?

– Асеке, в этом году ничего не получится. Все, что было, в прошлом месяце до последней копейки уже распределили. Ебеке желает получить половину запрашиваемой суммы в валюте. А это прерогатива правительства... Давайте оставим это на следующий год, пусть представит письменное обоснование. Да и вряд ли дадим сто тысяч – это очень много, если даже найдем половину, и то надо сказать «спасибо»...

– Хотя и всю сумму получу, никакой благодарности вы от меня не дождетесь!.. – вдруг взорвался Евней Арыстанулы. Он как облупленного знал своего коллегу, который был младше его на целых десять лет, его за глаза называли «обещалкиным», так как он никому ни в чем не отказывал, но и палец о палец не ударял, чтобы выполнить свое обещание. – Вы мне

уже обещали в прошлом году, что нужная сумма будет выделена через ХМИ. Кроме того, на вашем столе уже два года без движения лежат мои заявки на другие исследования. Их тоже вы обещали удовлетворить, что толку от ваших пустых обещаний... – оборвал коллегу Евней Арыстанулы и обратил свой взор на президента. – Асеке, я к вам специально напросился на прием: хотя бы на одну просьбу академика Букетова можно дать добро без волокиты? Я же не прошу средств на постройку собственного дома. Речь идет о крупном исследовании, которое, если все сложится удачно, непременно поднимет престиж казахстанской науки. Надо ставить вопрос перед правительством, просить дополнительные ассигнования – так поступали бывшие президенты. И они всегда находили средства!..

При этом президент академии заметно побледнел, он понял прозрачный намек Букетова не в его пользу и несколько смутился:

– Ебеке, мы постараемся вам помочь. Свои бумаги оставьте, я сам ими займусь...

Через месяц из канцелярии президента АН Букетову сообщили, что его заявку перенесли на следующий год, так как «из бюджета, все, что положено, распределено», однако заверили: «Президент дал задание помочь во что бы то ни стало, ждите...» Ебеке понял, что не видать ему средств, как своих ушей. Что делать? Сколько раз этот вопрос вставал перед ним? К кому идти жаловаться, у кого просить помощи?..

Может быть, правы те близкие, которые ему настоятельно советовали бросить эту канитель и вообще отказаться от всякой научно-исследовательской работы. Пойти на пенсию, заняться рыбалкой и потихоньку проявлять себя на литературном поприще. Некоторые друзья убеждали: «Всего, что ты внес в науку, наверное, хватит, как минимум, на сто лет! Довольствуйся достигнутым, Ебеке. Поправляй здоровье, если для личной «Волги» нужен бензин, обеспечим сполна, надо – целую цистерну привезем во двор. Зачем тебе сдался на старости лет этот уголь, и какой-то вонючий, притом синтетический бензин?...»

Душевная подавленность, вызванная бесконечными отказами, требовала разрядки, и он переключился на продолжение задуманного эссе. Но, увы, червь беспокойства не давал ему усидеть дома. После утреннего чая, взглянув из окна во двор ХМИ, он начинал одеваться, и ноги сами несли его в институт. Он знал, что на пути исследований угля будет еще много помех, но не в его характере было отступать, и его помощники ждали от него решительных поступков. Он не мог их разочаровать.

После долгих колебаний он позвонил помощнику первого секретаря Карагандинского обкома КП Казахстана, прося личной аудиенции. О Коркине говорили, что он человек слова, открытый и прямой, за что ни возьмется, все у него отлично получается. Ответ помощника успокоил ученого, Александр Гаврилович обещал принять его в конце недели.

И ученый сразу же воспрянул духом. Главное – надо убедить секретаря в том, что он задумал крупное дело и расходы оправдают себя в ближайшем будущем. «А убедить я смогу», – настраивал себя на оптимистический лад Евней Арыстанулы, готовясь к встрече. Он составил для себя памятку, велел лаборантке налить в пробирку 100 граммов синтетического бензина, полученного из Майкубинского угля, и положил пробирку в портфель. Прихватил также с собой все письма ученых, полученные за последние два года из Москвы, считая их весомым аргументом в свою пользу.

А.Г.КОРКИН, Москва, 5 июня 2004 г. – РК, Семипалатинск, **Медеу САРСЕКЕ**:

«...Прежде чем ответить на вопросы, поставленные в письме, хочу Вас заверить в том, что я лично относился с уважением к многогранной деятельности Евнея Арстановича Букетова как ученого, и восхищался его талантом писателя. О Букетове я знал за много лет раньше, до моего возвращения в Караганду в 1979 году.

...Помню, у нас с Евнеем Арстановичем была встреча после его освобождения с должности ректора. Он сказал мне, что устал от административной и хозяйственной работы в университете, и практически не имеет времени заниматься нау-

кой. И теперь он получил удовлетворение от того, что может посвятить себя полностью науке. Он рассказал, какими проблемами занимается. На одну из них (получение жидкого топлива из бурых углей) он обратил особое внимание. Мы с ним договорились, что я постараюсь организовать ему встречу с ведущими учеными Академии наук СССР. Я позвонил Президенту АН СССР Александрову Анатолию Петровичу и попросил его выслушать нашего ученого Е.А.Букетова по его теме: «Получение жидкого топлива из бурых углей», учитывая колоссальные запасы их в нашей стране, Александров А.П. проявил к этому большой интерес и пригласил Букетова Е.А. в Академию наук СССР. Букетов Е.А. сделал доклад в АН СССР. Там его разработки одобрили, и по прибытии из Москвы Евней Арстанович с хорошим настроением доложил о своей поездке и плодотворной встрече в Академии наук СССР.

Помню, после его приезда из Москвы мною были даны поручения по созданию лаборатории и необходимых условий для его научной деятельности».

В письме московскому профессору А.Л. Бучаченко от 18 декабря 1982 года Евней Арыстанулы писал: «Вы меня очень и очень обрадовали своим человечным, теплым письмом...», а затем перешел к рассказу о служебных делах. Кстати, в этом же письме он сообщает подробности о приеме его президентом АН СССР:

«В конце ноября 1981 г. звонит В(иктор) И(ванович) Спицын: «Не могли бы вы, Е.А., приехать к 30 ноября, вызывает президент Академии наук по проблемам сжижения углей» (...) Приехал. Явились к президенту к 10.00. В кабинете его – вице... Велихов, академики Эммануэль, Стырикович, Шейндлин и еще один товарищ. Докладывал проф. И.В.Калечиц (зав. отделом ГКНТ). В конце обсуждения президент обратился ко мне: «Что вы хотели сказать?» Вывесил схему, положил перед президентом... пробы нашей искусственной нефти и стал докладывать... Оглянулся, президент стоит возле меня и смотрит на схему: заинтересовал!.. Но тут невзрачный маленький академик в вя-

заной теплой кофте (это был, как я потом узнал, Стырикович), сидевший рядом с Эммануэлем, экспансивно и нервно стал задавать вопросы и тут же, не слушая меня, сам начал давать на свои же вопросы отрицательные ответы. Этим он сбил меня с толку, потому что не мог же я при президенте пререкаться, и., главное, пропал интерес у Анатолия Петровича к тому, что я говорил... Хотя потом президент сказал, что этим нужно заниматься, но надо обратить внимание на канцерогенность полученного бензина (запах проб, лежавших перед ним, давал себя знать!) (...) Запомнилась смешная и, может быть, даже поучительная концовка этой истории. Выходим и садимся в машину В.И. Настроение у меня неважнецкое, казалось, что недостаточно четко доложил. Говорю об этом академику. «Нет, – отвечает он, – доложили вы, как надо, но разве эти старики поймут нас!» – в густом басе его почувствовал такую грусть, что не посмел посмотреть ему в лицо: оно, наверное, выражало глубокое разочарование. Когда, оказавшись в гостинице, взглянул в академический справочник, поразился ... сам Спицын, упрекавший «этих стариков», был старше их всех!..»

В сказках золотые дворцы строились в одну ночь. Но то в сказках. А в жизни, конечно, все иначе. Строительство скромного одноэтажного здания для работы всего десяти научных работников и лаборантов, размещения автоклавов, насосов высокого давления и нескольких других установок почему-то задерживалось...

Е.А. БУКЕТОВ, Караганда, 03.07.1982 г., – Москва, **В.И.СПИЦЫНУ**:

*«Глубокоуважаемый, дорогой Виктор Иванович! Подвожу Вас, 23 апреля оказался в больнице и после двух с лишним месяцев лечения только позавчера оказался дома. Прескверный случай – инфаркт. Одно утешение – моден. Теперь под строгим контролем врачей должен сидеть дома чуть ли не до конца августа. Тяжело пережил свое отсутствие на Вашем юбилее (*в то лето академику Спицыну исполнилось 80 лет – М.С.*). Думаю, что к сентябрьской конференции по халькогенам буду на коне. Иначе нельзя.*

Работа по сжижению движется, но не с такой скоростью, как бы хотелось. Бумаги по сжижению застряли и, по-видимому, надолго в недрах канцелярии нашего президиума, хотя все формальности выполнены, и я сам лично обращался с просьбой к президенту. Словом, с открытием лаборатории, (...) не торопимся...

Тут, вероятно, в связи с моей болезнью будет задержка и с претворением в жизнь постановления нашего областного комитета КПК (копия его у Вас имеется). Я попросил бы Вас послать письмо А.Г. Коркину, нашему первому секретарю...

С Комитетом по изобретениям придется, наверное, еще поспорить, там не совсем понимают значение предложенного метода. Но это с Вашей помощью. Не в отпуске ли Вы теперь? Позавчера и вчера пробовал к Вам дозвониться, не удалось. Отсюда трудно...»

В.И.СПИЦЫН, Москва, ...август, 1982 год – Караганда, **А.Г.КОРКИНУ**:

«Глубокоуважаемый Александр Гаврилович!

Мне доставляет большую радость Ваше внимание к развитию исследований по сжижению углей у Вас в Караганде, знаменитом угольном центре страны... Постановление бюро ОК КПК от 09.03.1982 г. о строительстве базы по сжижению углей при ХМИ АН КазССР является примером оперативной помощи актуальному научному начинанию. К сожалению, академик АН КазССР Е.А. Букетов серьезно приболел и потребуется, по-видимому, еще 3-4 месяца, пока он сможет активно включиться в работу. Это вызывает у меня тревогу. Боюсь, что строительство базы задержится, поскольку оно еще не начато.

Я хотел обратить Ваше внимание на последнее обстоятельство. Научный совет по неорганической химии... проводит во второй половине сентября с.г. традиционное совещание по химии и технологии халькогенов... в г. Караганде и у меня будет возможность с Вашего разрешения доложить о наших научных планах по сжижению углей подробно...»

Евней Арыстанулы в своем письме В.И.Спицыну от 28 января 1983 года пишет: «Лабораторию (отдельный домик пло-

щадью 260 квадратных метров), слава богу, достраивают, идет внутренняя штукатурка. Ваш толчок сказался...»

После изрядных мучений группа Букетова-Ермаганбетова в первом квартале того же года в новом помещении лаборатории возобновила прерванные опыты. «Кроме принципиальной доказанности сжижаемости наших углей, мы проделали еще, правда, несистематические, но пробные опыты с гудроном-мазутом с Павлодарского нефтеперерабатывающего завода... Процесс идет легко...» – говорится в приложении к письму Е.А.Букетова в Москву.

В общем, дело сдвинулось с мертвой точки. Что отрадно, после переезда в новое здание исследователи избавились от дотошных, ежемесячных проверок пожарных. Исследователи, поднабравшиеся опыта в прошлом году, теперь действовали увереннее. У некоторых впереди уже маячила защита диссертаций. В целом было что показать скептикам, не веривших в рискованное начинание. На полках стояли десятки, сотни пробирок, наполненных бензином. Теперь его вонючий запах уже не так раздражал исследователей, ибо это был результат их кропотливого труда.

«Было начало 1983 года. Ебеке любил посидеть с нами в узком кругу в новой лаборатории. Как-то, будучи в мрачном настроении, он сказал мне: «Ау, Бокен, вы, конечно, продолжите это дело дальше, увидите замечательные плоды, меня уже на свете не будет, я буду спать вечным сном под тенью кустарников, что растут на могильном кургане. Если к тому времени не забудете, будете изредка вспоминать обо мне, я буду доволен и буду лежать спокойно...» Я не знаю, почему он так заговорил, сам я от этого сильно расстроился, не зная, что сказать своему наставнику... – написал в письме мне от 26 июля 2004 года Болат Ермаганбетов из Астаны. – *Впрочем, такая хандра накатывала на него редко. Чаще он рассуждал о выгоде начатого дела, в доказательство приводил экономические расчеты. А когда расчеты показывали обратное, он часто повторял: «Значит, природу не обманешь хитро поставленными опытами...»*

К лету 1983 года в исследования внесли существенные коррективы. Суть их заключалась в том, что водород стали вдувать в горячие пробы угля, и поэтому все подготовительные операции, предусмотренные старой технологией – то есть сушка угля, смешивание его с мазутом вовсе отпали. Экономия? Конечно, многократная! Им было уже известно, что жидкое топливо можно получать при 325 градусах. Это надо было доказать экспериментально, а потом уж разработать технологию, приближенную к производству. Самое главное – они научились в большом количестве вырабатывать водород, причем экономически выгодным путем. Теперь очередь встала за небольшим опытным заводом, где-нибудь за чертой города. Но для этого нужны были государственные субсидии.

Надежды на то, что ввод завода профинансируют в Казахстане, уже не было. Родная академия, в которой он был действительным членом, по-прежнему хранила молчание. А в то, что помогут угольщики, руководители самой богатой отрасли в казахстанской экономике, Евней Арыстанулы не верил. Для этого нужно было добиться специального постановления правительства республики. А это при его нынешнем положении было нереально. Значит, оставалась одна надежда – на Москву...

«Подготовил, как я уже говорил, доклад для любой инстанции, включая очень посвященных и не очень посвященных. Для первых – с целью квалифицированного обсуждения, для вторых – с целью ознакомления с сутью проблемы. Я доволен тем, что могу сказать: использование дешевых сплавов, получаемых электродуговой плавкой – простой и выгодный путь получения углеводородов из углей, как путем непосредственного сжижения, так и путем синтеза их, углеводородов, из оксида углерода и водорода, – сообщая об этом в Москву, Евней Арыстанулы делится и последней новостью со своим столичным покровителем,... *– Тут побывал в сентябре профессор А.Л.Бучаченко. Я ему рассказал, как мыслится наш новый подход к получению искусственных углеводородов из углей, и просил его посвятить в это академика В.А.Легасова, поскольку он занимается проблемами водорода. Академик В.А.Легасов, как сообщил профессор*

А.Л.Бучаченко, проявил интерес к идее, поэтому я ему отослал через Бучаченко копию доклада. Я там написал об истории вопроса и Вашей инициативе. Может быть, академик В.А.Легасов Вам об этом и скажет. Речь теперь идет о полной замене методов Бергиуса и Фишера-Тропша на новые методы, которые я объединил под одним заголовком: «Электродуговая восстановительная плавка минеральной части углей, как основа технологии будущего углехимического комбината». Необходимо, как мне кажется, рассмотреть эту проблему детально у Вас в институте (т.е. заслушать мой доклад и обсудить его с точки зрения исполнения, объединив силы Вашего института и ХМИ), а также обсудить среди ведущих специалистов (на каком уровне и как – решайте Вы)...»

Е.А.Букетов поставил в известность московских ученых о том, что в Караганде успешно испытывается новый метод ожижения угля, с расчетом, что вышестоящие коллеги из центра поддержат его инициативу, когда возникнет необходимость внедрения его в производство. Он понимал, что и в Москве есть специалисты по этой части, например, в Институте горючих ископаемых, которым покажется, что он хочет перебежать им дорогу. Возможны контрмеры, им разве охота, чтобы какой-то казахстанский испытатель оставил их позади. И поэтому руководитель группы ХМИ вышел на прямую связь с академиком В.А.Легасовым, одним из ведущих ученых, проектировавшим новые атомные станции, что важно – человеком из команды президента АН СССР Александрова А.П., тоже ядерщика. Видимо, Евней Арыстанулы делал главную ставку на него, одобрение академика В.А.Легасова давало зеленый свет в нужном Е.А.Букетову направлении.

Испытатели наращивали обороты, чтобы представить обнадеживающие результаты на обсуждение в АН СССР. Опыты велись с начала года, все лето, до поздней осени, без остановок и без отдыха. Причины такой спешки имели под собой почву: при прошлогоднем обсуждении в Москве исследования карагандинцев были признаны перспективными, им было рекомендовано опыты расширять, а о полученных результа-

тах предложено доложить на традиционном ежегодном ученом совете химиков 1984 года, после этого, при положительной их оценке, можно было выходить на президиум Академии наук СССР...

* * *

Передо мной – ксерокопии девяти сохранившихся писем переписки 1979-1983 г.г. между Е.А.Букетовым и В.И.Спицыным. Их невозможно перечитывать равнодушно – в них пульсирует живая творческая мысль, вызывающая чувство гордости за обоих. Я поражаюсь тому, как могла возникнуть между ними такая крепкая спайка, как родилось необыкновенное взаимное доверие. Ведь у них разница в возрасте – более двадцати лет (я выяснил, когда Виктор Иванович закончил Московский университет им. М.В.Ломоносова в 1922 году, Евнея Букетова еще не было на свете). Академик Спицын долгие годы занимался химией редких элементов, внес весомый вклад в атомную промышленность, его оригинальные работы по обогащению урановых соединений принесли ученому мировую известность, несмотря на восьмидесятилетний возраст, он по-прежнему был активен, принимал постоянное участие во Всесоюзных конференциях по халькогенам и халькогенидам, проходивших в Караганде. По-видимому, эти конференции и способствовали их сближению. И огромная разница в возрасте им нисколько не помешала поддерживать друг друга...

Теперь, читатель, вспомните нескончаемые и никчемные разборки Евнея Арыстанулы с профессором В.В.Михайловым в ХМИ, длившиеся около пятнадцати лет. Это было какое-то недоразумение. Ведь Е.А.Букетов легко сходился с людьми, мог ладить с ними. Неразрывная дружба связывала его с профессором В.В.Стендером из Ленинграда и В.Д.Пономаревым, уроженцем древнего Урала, с ними он был в прекрасных человеческих отношениях, оба они стали его наставниками, благодаря им он вошел в мир науки. Это была для молодого исследователя лучшая пора. Признанные ученые помогали ему быстрее встать в их ряды, расти. А теперь, когда приближа-

лась осень жизни, по воле судьбы, он нашел опору в лице добродушного русского ученого Виктора Ивановича, они были едины не только в научных исканиях, но и общались семьями. Кстати, в вышеприведенных отрывках писем мы выбирали сообщения только научного характера, опуская семейные подробности. А ведь в их отношениях это был немаловажный фактор...

«Глубокоуважаемый дорогой Вике! Мне было радостно слышать Ваш голос, и я постоянно нахожусь под впечатлением Вашего умения не забывать о работе и делах даже в воскресные дни, тогда как бездельники ждут этого воскресенья, будто они всю неделю горы ворочали, камни наверх таскали и уж, в крайнем случае, сено косили...» – вот так с задором как-то писал В.И.Спицыну Евней Арыстанулы. А московский ученый в ответ слал своему коллеге телеграмму такого содержания: *«Дорогой Ебеке, получив ваше письмо, начал сразу изучать образцы угля тчк определяем параметры аппаратуры, которую Вы просили тчк годен ли для опытов автоклав, который хотите применить зпт немедленно сообщите академик Спицын»*

Е.А.БУКЕТОВ: *«...Немного по-другому складываются дела по углехимии. К сожалению, скоро сказка сказывается, да нескоро (и не споро!) дело делается... Тот товарищ, который у Вас стажировался, по некоторым обстоятельствам отошел от этих дел, получилось не очень хорошо, но иногда обстоятельства бывают сильнее нас».*

Это отголосок раннего письма, отправленного в 1980 году. А когда группа Букетова овладела многими тайнами ожижения угля, когда работа развернулась вовсю, письма Евнея Арыстанулы В.И.Спицыну были уже сугубо конкретными...

«Словом, мы хотим идти, пусть не оригинальным, но своим путем, ибо вести ожижение угля тем способом, который применяется в Московском институте горючих ископаемых, – неблагодарное занятие: большой расход молибденового концентрата, регенерация которого чересчур проблематична...», –

приведя еще множество отрицательных сторон этого метода, Е.А.Букетов напоминает: – *«Конечно, нам в дальнейшем нужны будут и автоклавы, и многое другое. Об этом тоже скажем. (...)* – И добавляет: – *Очень просил бы Вас, если это возможно, поручить сделать перевод японской статьи, которую прилагаю».*

Еще в одном письме Евней Арыстанулы пишет: *«Я очень благодарен Вам за то, что нацеливаете меня на занятие углехимией. Я кое-что прочитал в этой области и почувствовал, что не боги горшки обжигают. Переговорил на месте. Интерес имеется...»* – Надо полагать, что в это время он уже получил искусственную нефть путем ожижения угля, что подтверждается его сообщением своему московскому адресату: – *«...Со временем, если найдете возможным выслушать, я доложу Вам данные о своей работе для совета и помощи. Есть и мелкие темы, которые вызывают интерес и которые, если ими заниматься, могут перерасти во что-то большее... Но, к сожалению, на все меня, по-видимому, не хватит, приходится смирять себя, становясь на горло собственной песне,* – заканчивает он свое письмо с некоторой грустью.

«Без Вас, даже, точнее говоря, без Вашей опеки мне здесь не обойтись. Если такая опека с Вашей стороны будет иметь место, то дело, наверняка, пойдет, если же не будет, то есть опасность, что захиреет или, в лучшем случае, будет только тлеть, а сама идея будет растаскана по частям, как это в жизни бывает. У таких больших людей, как Вы, дорогой Вике, есть талант заряжать окружающих энергией и беспокойством. Вы меня втравили в это занятие, так теперь спасайте, это необходимо в моем теперешнем положении, когда я <u>могу распоряжаться разве лишь собственными книгами...</u> Я совершенно уверен, что игра стоит свеч. Буду ждать Ваших соображений и решений...» – сообщал Евней Арыстанулы В.И.Спицыну в письме от 16 мая 1981 года.

Самое занятное в этих письмах то, что ученые обращаются друг к другу на казахский манер: «Еке», «Вике», тем самым выражая свое почтение. В данном случае пример показывал старший по возрасту Виктор Иванович, видимо, сразу уло-

вивший особенности национального этикета после первой поездки в Казахстан. Первое же письмо в Караганду он начал, как коренной казах, словами «уважаемый Еке». А Евней Арыстанулы тоже стал писать «Многоуважаемый Вике!»...

В архиве ученого сохранился проект письма, написанного Евнеем Арыстановичем собственноручно, по всей вероятности, он предполагал отправить его по адресу после одобрения В.И.Спицыным. Потому в письме не проставлена дата. Как нам думается, написано оно где-то осенью 1982 года, когда опыты по ожижению бурых углей в Караганде уже дали хорошие результаты.

«Заместителю председателя Совета Министров СССР
Академику Марчуку Г.И.

Глубокоуважаемый Гурий Иванович!

В Химико-металлургическом институте Академии наук Казахской ССР в г. Караганде совместно с Институтом физической химии СССР проведены поисковые исследования по ожижению бурых углей Казахстана по технологии, предложенной этими институтами. По этой технологии превращение угля в нефть осуществляется не свободным и инертным водородом, который в ныне известных способах производится отдельно и вводится в шихту для ожижения под принудительным давлением, а активным водородом, выделяющимся в самой шихте за счет разложения воды в щелочной среде дешевыми железистыми сплавами алюминия и кремния, выплавляемыми электродуговым способом из золы того же угля. По предварительным подсчетам производство синтетической нефти по этой технологии уменьшает расход энергии на 10-30 процентов, уменьшит также капитальные затраты.

Было бы весьма целесообразно, ввиду особой актуальности задачи получения жидкого топлива из углей, форсировать эти исследования, с этой целью необходимо было бы:

а) открыть проблемную лабораторию при Химико-металлургическом институте АН КазССР с персоналом в 30 единиц;

б) выделить специальные средства – в 500 тысяч руб. на приобретение оборудования в 1982-1983 годы;

в) создать в течение 1983-1984 гг. опытную установку при ХМИ АН КазССР для проведения укрупненных испытаний стоимостью в 1 млн. руб.;

г) предусмотреть к концу текущей пятилетки разработку проекта опытно-производственной установки производительностью в 5-10 тн. в сутки по углю в районе Майкубинского месторождения Казахской ССР.

Убедительно просим Вашего решения по изложенному вопросу.

Академик АН СССР *В.И.Спицын*
Академик АН КазССР *Е.А.Букетов»*

* * *

Миновало бабье лето, с деревьев облетели последние листья, земля Сары-Арки покрылась снежным покрывалом. Группа Букетова, забыв о сне и отдыхе, подводила годовые итоги. Еще и еще раз проверялись сомнительные данные, уточнялись характерные параметры химических реакций. Словом, все старались, чтобы не краснеть на предстоящем обсуждении, чтобы не осрамиться перед московскими химиками. Докладчиком на совете должен был выступать сам Евней Арыстанулы.

Совет был назначен на 27 января 1984 года.

Тезисы доклада были уже готовы. Ебеке зачитал их перед своей группой, пригласив, как экспертов, некоторых коллег из ведущих лабораторий ХМИ. Засекли время, требующееся для зачтения, уточнили цифры. Вроде бы получалось неплохо: за двадцать минут докладчик успевал разъяснить суть исследований; продемонстрировать образцы материалов, используемых в реакции ожижения, вплоть до первоначального сырья; и, конечно, пронумерованные пробирки с бензином и другими побочными нефтепродуктами – их, между прочим, набралось полных два ящика...

Когда все приготовления были закончены, Ебеке посетил поликлинику, где прошел основательный медосмотр, даже

принял кое-какие общеукрепляющие лекарства и процедуры, правда, отказавшись лечь в больницу.

– А теперь, друзья мои, Болат, Мырзабек, Володя, считайте, что вы уже едете в Москау... Все складывается нормально. Я тоже собираюсь с вами, уговорил своего лечащего врача, разрешил-таки мне поехать. Только советует ехать заблаговременно, на 10-15 дней раньше, чтобы пройти адаптацию перед обсуждением. Наверное, так и сделаю, возможно, устроюсь в кардиологический центр, чтобы поддержать сердце. А потом вы приедете со всеми образцами... Бог даст, все будет о·кей, чувствую, мы вернемся с победой!.. Напоследок попрошу вас, ребята, воздержитесь от обильных застолий и хождений по гостям. Даже Новый год советую встретить поскромнее... Нам надо быть в Москве в хорошей форме... Почему-то я очень многого жду от этого обсуждения. Эх, проскочить бы без заминок, тогда четыре-пять лет подряд у нас не будет никаких забот, как сейчас. И мы выйдем на финишную прямую, возьмем курс на промышленные испытания...

В конце первой декады декабря насос высокого давления, подающий на установку водород, неожиданно вышел из строя. Механик, вызванный из ХМИ, разобрал его и, вынув рассыпавшиеся детали, огорченно протянул:

– Все, Евней Арстанович, каюк насосу. Из него теперь ничего не выжмешь, самый главный узел полетел, это... как бы у человека сердце остановилось...

Академика словно кольнуло от нелепого сравнения рабочим парнем старого насоса с человеческим сердцем, он, тут же справившись с секундным замешательством, вытащил из нагрудного кармана авторучку и начал сочинять письмо.

Это коротенькое письмо, состоящее всего из четырех строк, которое сейчас демонстрируется в музее ученого (мы его привели в качестве эпиграфа в начале главы), стало последним в жизни Евнея Арыстанулы. По содержанию письма видно, что оно адресовано начальнику Карагандинского «Облтехснаба» Никонову А.С., который всегда оказывал ему посильную техническую помощь.

III

13 декабря Евней Арыстанулы проснулся рано. Еще не выходя из дома, он позвонил на квартиру Болата Ермаганбетова, трубку подняла его жена: «Дорогая Енлик, извини, что поднял тебя так рано, разбуди Болата. Сегодня мы собираемся пустить в эксплуатацию новый автоклав...» – объяснил он и вышел на улицу со своей собакой, внушительной и суровой на вид, пугавшей всех, кто видел ее даже издалека. Взяв ее за поводок, он стал прогуливаться. Дом, в котором жил ученый, находился на краю большого сада. Врачи его предостерегали: не ходить одному, в последнее время даже ограничивали продолжительность утренних прогулок, просили ходить только вокруг дома. Придерживаясь их рекомендаций, он выбрал короткую тропу, длиной около ста метров с асфальтовым покрытием. В тот день он не отклонился от проторенной тропы. Прогуливаясь, ученый встретил соседского парня-студента. Приветливо поздоровавшись, проводил его до калитки сада. После него встретился с его же братом, которого также проводил. Около восьми часов пошагал домой.

Не дойдя до первых ступенек своего коттеджа три-четыре шага, он неожиданно схватился за сердце и упал в снег...

Первая бригада «скорой помощи», прибывшая через несколько минут, а затем и вторая констатировали, что его больное сердце остановилось навсегда.

Траурная процессия и похороны академика, доктора технических наук, профессора, лауреата Госпремии СССР, писателя Евнея Арыстанулы Букетова состоялись 15 декабря 1983 года. Приехали его ученики из нескольких областей Казахстана, верные друзья, соратники из Алма-Аты, Петропавловска, Чимкента, Туркестана, Жезказгана, Балхаша, особенно много друзей и знакомых – из Каркаралинска и Карагайлы. В траурной процессии участвовали тысячи студентов и представителей интеллигенции Караганды и Темиртау. Разумеется, было сказано много трогательных слов прощания с выдающимся ученым-писателем и Человеком. Но никто из провожавших покойного в последний путь, пришедших на

траурный митинг, по-своему сильно горевавших, не сказал вслух: «Почему мы такого замечательного человека, как Евней Арыстанулы, когда он был жив, не поддержали, не сберегли, а преследовали его, унижали, в результате за последние три года он перенес три тяжелейших инфаркта и теперь, когда его не стало, мы запоздало плачем. Да, жаль!..»

Но никто из выступавших не сказал горькой правды о нем, все опасались за себя, ибо у всех перед глазами был наглядный и поучительный пример покойного ученого, осмелившего идти не в ногу с правящей партией, с ее верхушкой...

* * *

Когда трагическая весть о кончине Букетова дошла до В.И.Спицына, он, как говорят ученики Евнея Арыстанулы, не мог никак поверить в это известие. Его реакция была неадекватной: «А что мне делать без него, ведь 27 января на большом совещании химиков он должен был делать доклад. Кто может его заменить?», и настолько бедный Виктор Иванович растерялся, что не мог поверить, что его коллеги уже нет в живых. И повторял лишь: «А что нам делать без него?» И эта патетическая фраза, произносимая известным академиком в минуты безутешного горя, говорила о том, что без него, без лидерства Букетова, без его кипучего организаторского таланта программа ожижения угля в дальнейшем была обречена на провал. И этим отчаянным возгласом восьмидесятилетний ученый практически прощался с новым направлением в углехимии. Чувствуя, что скоро идея получения дешевого бензина из бурых углей будет похоронена.

Дальнейшие события полностью подтвердили предчувствие академика В.И.Спицына. Запланированные исследования без Е.А.Букетова тормозились во всех инстанциях. И, в конце концов, они вовсе прекратились...

«Когда не стало Ебеке, нашлось много советчиков, очень желавших подключиться к этому делу, а некоторые, наверное, из-за зависти тайно вредили нам. Иные открыто говорили:

«У вас ничего не выйдет. По сути, вы хотите заново изобрести велосипед...» Приходилось терпеть и понемногу продолжать опыты. Из преданных друзей Ебеке, которые нас морально поддержали, назову директора Карагандинского Института органического синтеза и углехимии Мурата Журинова. Он постоянно подбадривал меня: «Не бросай на полдороге эту работу, ваше терпение со временем оправдается, добьетесь результатов — все дрязги забудутся...» Но для того, чтобы продолжать дело — нужны были средства, они находились в руках вышестоящего начальства по науке, а у него доверия и интереса к этому исследованию не было с самого начала...Потому нам, горсточке энтуазистов, пришлось выкручиваться по-всякому самим...» — писал Болат Ермаганбетов автору этой книги.

Как видим, у группы Ермаганбетова теперь больше всего болела голова о том, как сохранить лабораторию, но и в этой отчаянной обстановке исследователи не опускали руки, старались довести испытания до создания полупромышленной установки, а там, рассуждали, уже будет видно, что делать...

«Через некоторое время В.И.Спицын меня пригласил в Москву, — писал Болат Ермаганбетов мне далее. — *«И сразу он начал с вопроса: «Почему затянул защиту докторской диссертации? Если нет среди вас вашего учителя, есть я, который остался верен заветам покойного Евнея Арстановича. До ста лет я не доживу. Поэтому, светоч мой, поторопись с защитой!.. Ради памяти дорогого Еке я для тебя все сделаю!» — так меня великодушно поддержал Виктор Иванович. Между прочим, сам он ходил с костылем, ему ампутировали одну ногу из-за тромбов сосудов. Эти слова благожелательного старца меня глубоко взволновали и заставили задуматься. Не только задуматься, но и активно сражаться за свое дело! Оказывается, проведенных нами опытов, давших положительные результаты, было достаточно, чтобы смело идти на защиту, что было и сделано мною...»*

Б.Т.Ермаганбетов лишь через десять лет после смерти своего наставника, в 1993 году, на ученом совете Московского Химико-технологического института им. Д.И.Менделеева защитил докторскую диссертацию по теме «Ожижение угля водородом». По его следам пошли и другие, кого Евней Арыстанулы привлек к этим исследованиям – Мырзабек Байкенов (через несколько лет он также стал доктором наук), Владимир Хрупов защитил кандидатскую диссертацию и таких было много. Таким образом, научный рост последователей Е.А.Букетова был налицо: кто стал доктором, кто кандидатом наук. В итоге ими за свои разработки по этой теме было получено 13 авторских свидетельств. А что касается самого получения дешевого бензина из бурых углей, приходится признать, что воз и ныне там*...

Удачно развернутые исследования по ожижению угля заглохли в начальной стадии. Почему так случилось? Кто виноват в том, что перспективное дело не пошло и не нашло истинных продолжателей после смерти академика Е.А.Букетова? Виноватых много, разбирать причины случившегося – долго и бесполезно, все же скажем: слабыми оказались его последователи, у них не хватило настойчивости и упорства, решимости идти до конца; кроме того, они попали в безжалостные жернова рыночной экономики; в конце 1994 года из 15 сотрудников, занимавшихся ожижением угля, осталось лишь 4 человека, и те по нескольку месяцев сидели без зарплаты. Можно ли было их обвинить в бездействии?..

IV

Осенью 1984 года мне домой позвонил из Караганды Камзабай Арыстанулы:

– Медеке, если вы будете дома, я бы хотел приехать к вам, у меня к вам есть большой разговор, хочу посоветоваться по некоторым вопросам ...

---

* Ради справедливости отметим: ученики Е.А.Букетова давно проектировали опытный завод для получения нефтепродуктов из Шубаркульского месторождения углей, но из-за отсутствия правительственной поддержки благие намерения остались на бумаге...

– Приезжайте, Камза-еке, буду ждать, – пригласил я.

Родной брат Ебеке прилетел в Семипалатинск в субботу. Встреча наша произошла в моей квартире. Поговорили от души.

– У Евнея осталось огромное наследие. Только литературные труды потянут на несколько томов. Что с ними делать? Может быть, вы дадите дельный совет?

Я не стал юлить и сказал напрямик:

– Камза-еке, рановато вы забеспокоились, время Ебеке еще не наступило. Но оно вот-вот придет, и тогда все проблемы, о которых вы сейчас говорили, решатся сами по себе. Мой совет вам: никуда не ходите, никто вам сейчас не поможет!.. Ничего не добьетесь, только напрасно будете трепать нервы, а вам надо жить да жить и за себя, и за Ебеке. Вам предстоит увековечить память о родном брате, дорогом всем нам человеке... Агай, те, кто преждевременно отправил его в сырую и холодную могилу, еще имеют силу и власть, они все еще не насладились мщением и время пока работает на них. Я их немного знаю, поэтому советую вам: поостерегитесь...

– Выходит: кто задницу прижал, тот и бай!.. Нет, это не по мне... -- распалился Камза-еке. – Как же мне сидеть сложа руки возле теплой печки?

– Другого выхода нет, Камза-еке. Вот вам наглядный и печальный пример: до сих пор не издан на казахском языке мой «Сатпаев». И я жду с нетерпением смены власти, такое тяготеет над нами проклятие... Но мы не будем тихо сидеть на печи: все наследие Ебеке надо систематизировать и готовить к переизданию. На это занятие уйдет примерно год. Все его литературные труды, отпечатанные на машинке, и список тех, что остались в рукописях, доставьте мне в Семипалатинск. Все это я приведу в порядок, это мой долг перед памятью учителя!.. А научные труды передайте его ученикам-ученым из ХМИ, пусть они тоже там поработают. В общем, все его наследие надо подготовить к изданию...

Вроде бы уговорил гостя, он улетел на следующий день.

По приезде он отправил увесистую посылку, в которой были упакованы все литературные труды покойного. И я сразу же начал их сортировать: в первую очередь отобрал «Шесть

писем другу», «Святое дело Чокана», «Человек, родившийся на верблюде и его сверстники», очерки – всего набралось примерно на три тома; во вторую стопку отложил художественные переводы произведений Маяковского, Есенина и других русских поэтов, также и драм Шекспира, литературно-критические статьи, публицистику и рассказы – на полных два тома; и, наконец, я собрал его незаконченные произведения – такие, как «Детские годы Каныша», казахский вариант «Жас Каныш», многое было написано от руки и нуждалось в редактировании – набирался почти полный том... Продержав рукописи в Семипалатинске полгода, составил перечень всех литературных трудов, на титульных листах каждого произведения указал: какие заново перепечатать на машинке, какие уже готовы для издания. Все это тем же путем отправил в Караганду.

К счастью, вскоре произошло одно необычное событие, которое всем дало понять, что недалек уже тот день, когда наступит праздник для всех букетовцев...

Виталий МАЛЫШЕВ, «ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА»:

«Стена молчания все-таки рухнула, и произошло это за месяц до всеобщей оттепели, а точнее сказать, ломки, названной перестройкой, после поворотного апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Правда, в Казахстане еще ничего не изменилось. В марте еще была зимняя стужа не только в климатическом, но и политическом отношении. Но именно в марте исполнилось 60 лет со дня рождения Е.А.Букетова, и пропустить это событие незамеченным было просто невозможно, тем более по прошествии уже полутора лет после его смерти – у нас (и в библейской старине) установился чуть ли не привычный порядок своеобразного воскрешения невинно погибших.

Видимо, в предчувствии серьезных перемен редакция «Индустриальной Караганды» решила заказать нашему институту статью о Е.А.Букетове. За два дня до юбилея меня вызвал директор института Ж.Н.Абишев и сказал об этом. Я всполошился – всего день-два на такое ответственное дело и после

стольких лет молчания, но и обрадовался, даже как-то воспарил мыслью. Наверное, это мне помогло успеть сделать к сроку, и, когда статья была готова, я принес ее Жанторе Нурлановичу, тем более что я подписал статью его и своей фамилиями. Он внимательно прочитал статью, по обыкновению немногословно сказал что-то одобрительное и добавил: «Может, не надо мою фамилию?» Я ответил, что статью написал от имени учеников, и тут одному быть просто неудобно, к тому же будем подписываться без титулов. Он согласился.

Газета вышла 22 марта, за день до юбилея, с двумя фотографиями Евнея Арстановича – одна на первой странице (анонс), вторая, более крупная – на третьей странице, с соответствующими по объему текстами. Статья получила большой резонанс, наверное, из-за неожиданности подобной публикации, а может быть, и из-за того, что этого долго ждали».

Нам осталось подчеркнуть громкое название этой первой ласточки: «Ученый, художник, гражданин». Но надо отметить, что через день, то есть в день рождения Евнея Арыстанулы, 23 марта 1985 года в областной казахской газете появилась еще одна статья, по объему ничуть не меньшая, чем предыдущая (авторы – профессор Д.А.Шаймуханов и историк З.Утемисов, оба преподаватели КарГУ). Между прочим, этой публикации предшествовало еще одно неординарное событие: на имя первого секретаря Карагандинского обкома КП Казахстана поступило групповое заявление, подписанное учеными-педагогами КарГУ, где они настоятельно требовали торжественно отметить 60-летний юбилей академика Е.А.Букетова; кроме того в те дни у А.Г.Коркина побывали известный государственный деятель Н.Д.Ундасынов, специально приехавший из Москвы к юбилею своего зятя и его брат К.А.Букетов, они тоже просили первого руководителя области дать соответствующее разрешение на проведение юбилея покойного ученого. К чести Александра Гавриловича, с присущей ему смелостью он не стал согласовывать этот щепетильный вопрос с ЦК КП Казахстана и четко заверил ходоков: «Академик Букетов вполне заслуживает такого торжества, все сде-

лаем, как подобает...» И закрутились юбилейные мероприятия. Однако конкретные организаторы их, видимо, решили, на всякий случай не сильно засвечиваться: торжественное собрание общественности провели в маленьком зале ХМИ, вмещавшем всего 250 человек, где в 1983 году было устроено прощание с телом покойного; ясно, что не все туда попали, кто хотел присутствовать на 60-летнем юбилее своего кумира...

Между тем, круг единомышленников и почитателей таланта Евнея Букетова уже не дремал, как в былые застойные времена. Отрадным фактом стало открытие на его могиле надгробного памятника из монолитного гранита (автор карагандинский скульптор Ю.В.Гуммель). Следует отметить, что большую долю расходов на памятник взял на себя Совет Министров Казахской ССР (документ об этом за подписью тогдашнего председателя Совета Министров Н.А.Назарбаева хранится в музее ученого), часть оплатил литературный фонд Союза писателей Казахстана. А недостающую сумму собрали его ученики из ХМИ, пустив шапку по кругу... Чуть раньше коллективы ученых и студентов ХМИ, КарГУ и Центрально-Казахстанского отделения АН Казахской ССР направили совместное обращение в ЦК КП Казахстана, там были предложения об увековечении памяти академика Е.А.Букетова, о присвоении его имени средней школе, где он учился и одной из улиц на родине – в Караганде и Петропавловске. В письме также поднимался вопрос об установлении мемориальной плиты на здании ХМИ. Предложения были очень скромными, сочинители обращения явно старались лишними просьбами не раздражать высокое начальство...

Обращение многотысячного коллектива, как следовало ожидать, осталось без ответа. Мало того, некий самодержец из «Большого дома» раздраженно и цинично высказался по поводу этого обращения: «Каждому академику или каждому члену Союза писателей, ушедшему из жизни, мы не можем раздавать по улице или школе. Вообще, не надо людей приучать к такого рода ходатайствам...», и областному начальству было указано спустить дело на тормозах... И всем стало понятно: отношение к имени и заслугам покойного Е.А.Буке-

това пока остается без изменений, надежды и радости его единомышленников были преждевременны.

«После этого опять наступила тишина на длительное время, я упорно трудился над приведением в порядок и подготовкой к изданию его литературных трудов, подготовив их с помощью знающих людей, начал ходить с толстыми папками по кабинетам, но поддержки ни у кого не нашел...» – рассказывает Камзабай Арыстанулы в своих воспоминаниях «Друг мой, брат мой».

Прошло два года. В декабре 1986 года сменилось политическое руководство республики. Смена произошла не гладко. В разных местах общественность Казахстана проявила неожиданную активность: накопившиеся за многие годы проблемы выплеснулись на улицы; народ пришел в движение, спрятанные в надежных хранилищах архивы приоткрылись, незаслуженно и несправедливо забытые национальные деятели были реабилитированы. Наступило время гласности, всеобщего прояснения памяти и пробуждения народа от долгого сна...

Одним из первых почувствовал явные приметы духовного возрождения автор этой книги. В феврале 1987 года я поехал в Алматы, взяв с собой рукопись своего «Сатпаева» на казахском языке, лежавшую в моем письменном столе с осени 1975 года, когда был рассыпан набор. Я пришел к директору издательства «Жалын» Сейдахмету Бердикулову, писателю, с которым был хорошо знаком и спросил его, что делать с моей отвергнутой книгой.

– После издания твоего «Сатпаева» в Москве прошло несколько лет, наверное, есть у тебя свежие факты, которыми ты хочешь дополнить книгу. Не откладывая, заново просмотри свою рукопись. Когда закончишь, вези ее ко мне. Медеу, я знаю твои мытарства и твою книгу без сокращений, в полном, обновленном объеме выпущу в свет в следующем году! – заявил издатель. – И не нужно тебе ходить по инстанциям, считай, время твое наступило...

Это были слова, которых я ждал целых тринадцать лет, если вести счет с 1975 года. Почувствовав ветер перемен, я сразу же завел речь о тяжелой судьбе книг Евнея Букетова.

– Медеу, хорошо, что ты вспомнил об этом необыкновенном человеке. Покойного Ебеке я знал, сколько он пережил в последние годы своей жизни... Есть ли у него готовые к публикации произведения? Приступим к изданию немедленно! – так Сейдахмет быстро отреагировал на мою просьбу, даже выразил чисто писательское нетерпение.

– Спасибо, Саке! Через три дня рукописи Ебеке будут на вашем столе. О, это будет нашумевшая в свое время и печально известная его повесть «Шесть писем другу»... – потом назвал еще три произведения покойного писателя, добавив, что все они давно отпечатаны на машинке, их хоть сейчас засылай в набор.

– Вот это конкретный разговор. Тогда действуй!

В тот же вечер я сообщил по телефону Камза-еке долгожданную весть:

– Пришел час Ебеке! Теперь действуйте смело! Все литературные труды его будут изданы... – Брат ученого, услышав такое сногсшибательное известие, сразу не поверил:

– Медеке, это правда? Если тот человек, о котором вы говорите, берется все напечатать – значит, он наш друг, крепкого здоровья ему! Я привезу ему все, что он просит... – Камзабай Арыстанулы повторял одни и те же слова по нескольку раз. Оказывается и радость тоже выбивает любого из равновесия, подумал я, положив трубку.

Что произошло в то лето, уже известно читателю. Об этом также подробно рассказано в книге воспоминаний К.А.Букетова «Друг мой, брат мой». Повторяться нет смысла. Но надо сказать, издание научных и литературных трудов Е.А.Букетова происходило гораздо медленнее, чем мы предполагали. Сказывалось и свойственное только нашему народу безразличное отношение к собственным «ньютонам». Вдобавок ко всему, на ключевых руководящих местах по-прежнему уютно сидели те же люди времен «застоя» или же их единомышленники, когда-то устраивавшие Евнею Арыстанулы всевозможные провокации. Они же, как могли, вредили и дальше.

Но у жизни своя диалектика: как реку не заставишь течь вспять, так и прошлое не вернешь обратно. Время идет только вперед, и оно уже работало на Букетова.

Во многих периодических изданиях появились воспоминания о нем. В них освещалась многогранная деятельность ученого, отмечались его особые заслуги в зарождении и развитии новой науки – химии халькогенов и халькогенидов, живо и задушевно рассказывалось о том, как создавались и при каких обстоятельствах его литературные произведения... Тем не менее, во всех публикациях о Букетове заметны были еще сдержанность, недосказанность, авторы воспоминаний обходили острые углы, не касались последних лет жизни, будто не было на него ни наветов, ни гонений, ни негласного запрета называть его имя.

Крутой перелом произошел лишь летом 1988 года. Авторы воспоминаний вдруг прозрели, да и редакторы изданий уже как бы соревновались между собой, ратуя за правду. Причины неожиданной открытости объяснялись просто: первый секретарь ЦК КП Казахстана Нурсултан Абишулы Назарбаев не единожды, а дважды, первый раз в газете «Казахстанская правда» за 5 июля 1988 года, а потом на страницах «Правды», главного печатного органа ЦК КПСС высказал свои думы об академике Букетове без оглядки и довольно резко. И его слова о том, что «с чувством неизбывной вины... дорогое имя Евнея Букетова возвращаем народу» (полный текст цитаты мы приводим во вступлении к этой книге), по нашему разумению, стали призывом ко всем, кто хотел выразить свое истинное отношение к Е.А.Букетову и его наследию...

Думается, эти взвешенные слова были произнесены Нурсултаном Абишулы не по наитию, не случайно, не ради красного словца и не ради только осуждения нелепых поступков бывшего руководства республики. Во время работы в Темиртау плавильщиком, в пору начала своей рабочей биографии он много слышал о необыкновенном ученом-металлурге из казахов. А потом, будучи секретарем парткома Кармета и Карагандинского обкома партии, он еще ближе узнал Букетова как крупного ученого, вносящего большой практический вклад в развитие металлургии Казахстана. Тем более, именно в те годы Евней Арыстанулы был вхож во все кабинеты областных руководителей, его ценили и как самобытного писателя. А ХМИ,

где он был первым руководителем, уже выходил на передовые позиции среди научно-исследовательских институтов страны. Ясно же, встретиться с известным академиком, к тому же умным, тонким писателем, поговорить с ним не только о производстве, науке и жизни, но и на отвлеченные темы – представляло немалый интерес для растущего, набирающего опыт молодого партийного вожака. Разумеется, эти встречи оставляли неизгладимое впечатление в душе у Нурсултана Абишулы (а мы знаем, каким был Евней Арыстанулы собеседником – знающим, живым и зажигательным)...

Именно потому Н.А.Назарбаев, зная тогдашнюю обстановку не понаслышке, назвал в своем интервью Е.А.Букетова в числе безвинно пострадавших, ему ведь хорошо были известны все нюансы грязных интриг, направленных против непокорного и гордого ученого, знавшего себе цену. И, конечно, стремился исправить допущенную не по его вине несправедливость.

Дальнейшие события: принятие без задержек решения об установлении надгробного памятника на могиле Е.А.Букетова и горячее одобрение последующих мероприятий, направленных на увековечение имени ученого, также объясняются этим обстоятельством. И в самом деле, почему не вознести его на пьедестал славы, не оценить, наконец, по достоинству его замечательный труд на благо республики? И почему одного из верных сыновей народа суверенного, свободного Казахстана не ставить в пример новому поколению? Нет, негоже не признавать его заслуг, тем более что прежнее руководство, как прикованного Прометея, бросившего вызов Богам, обрекло его на бесконечные мучения, не давая талантливому ученому развернуться во всю свою богатырскую силу...

В результате личного вмешательства и активной поддержки Н.А.Назарбаева, надо признать очевидное, взгляд казахстанской общественности на научное наследие Е.А.Букетова круто изменился – его признали истинным соратником, продолжателем великого дела К.И.Сатпаева, достойным быть внесенным навечно в нашу историю.

«Безусловно, эти высказывания первого руководителя республики Нурсултана Абишевича оказали неоценимую по-

мощь в деле возвращения доброго имени моего брата и восстановления его памяти в народе, и за это от имени родных и близких Евнея, за его справедливость и человечность хочу сказать ему огромное спасибо!» — пишет в последней главе воспоминаний «Друг мой, брат мой» Камзабай Арыстанулы.

31 января 1991 года было подписано постановление Кабинета Министров Казахской ССР о присвоении имени Е.А.Букетова средней школе № 2 Шалакинского района Северо-Казахстанской области и улице, где находится эта школа; и в том же году Петропавловский горсовет присвоил имя ученого-земляка областной технической библиотеке и одной из центральных улиц города. Карагандинцы также не остались в долгу перед памятью Евнея Арыстанулы: у входа в новый корпус ХМИ была установлена мемориальная доска с барельефом ученого (автор Ю.В.Гуммель), еще одна такая мемориальная плита закреплена на стене дома по улице Фурманова в Алматы, где проживала семья Букетовых...

А главные и более значительные мероприятия, которых с нетерпением ждала общественность республики, были впереди. В 90-е годы в республике образовалась группа энтузиастов, которые поставили себе цель: добиться присвоения имени ученого государственному университету, где Е.А.Букетов проявил себя как большой организатор и ученый-педагог. Настойчивые и последовательные обращения этой группы в вышестоящие инстанции поддержал 15-тысячный коллектив университета, они нашли горячий отклик в стенах Академии наук РК, в Союзе писателей Казахстана, Карагандинском облисполкоме, а в периодической печати республики, в передачах телевидения и радиовещания все чаще стали выступать ученые, писатели, общественные деятели, заслуженные пенсионеры, также одобряя эту инициативу. Эти выступления продолжались в течение полутора лет. И всем стало понятно, что такой вопрос явно назрел и постановка его является закономерной.

Постановлением правительства республики от 16 августа 1991 года Карагандинскому государственному университету было присвоено имя академика Е.А.Букетова, основателя этого высшего учебного заведения. В таких случаях в народе все-

го высшего учебного заведения. В таких случаях в народе всегда говорят: что должно было случиться – случилось, справедливость восторжествовала!..

Вслед за этим последовало и второе, немаловажное по своему значению событие: на втором этаже бывшего главного корпуса КарГУ, находящегося по улице Гоголя (дом 38), где был рабочий кабинет ректора, в котором Евней Арыстанулы проработал восемь лет, обширная приемная и комната отдыха с большой прихожей были переоборудованы, и там уже более 15 лет действует мемориальный музей ученого; немногочисленные сотрудники музея во главе с его братом К.А.Букетовым, человеком уже преклонного возраста, но все еще неугомонным и беспокойным, проводят огромную воспитательную работу. Народная тропа сюда, думается, никогда не зарастет.

Добрым знаком стало и проведение, начиная с 1995 года, мероприятий, посвященных 70-ти и 80-летию со дня рождения Е.А.Букетова. На них воздается должное памяти юбиляра, его научным заслугам. Эти мероприятия с успехом проводились в КарГУ и ХМИ, а также на родине Е.А.Букетова, в аудиториях Северо-Казахстанского госуниверситета в марте 2005 года. Я это подтверждаю как неизменный участник этих юбилейных собраний. Но признаюсь, во всех случаях в душе оставалась все-таки горечь: почему этого не говорили, не чествовали его, когда Евней Арыстанулы был жив, размашисто шагал рядом, почему же?.. Да, нечего нам в оправдание сказать: опоздали мы с его признанием!..

«Мы – не молчим,
Хоть нет нам оправданья...
Но прошлое таланта – не мертво:
Ты, как Сатпаев,
Заслужил признанье
Посмертно.
У народа своего...»

– было сказано в «Реквиеме Евнею Букетову» известного поэта Какимбека Салыкова.

Поэт, создавший этот «Реквием» в 1991 году, в дни присвоения Карагандинскому госуниверситету имени его основателя словно в воду глядел. Теперь же, когда писались последние главы этой книги, мы с Какимбеком Салыкулы вместе приехали в Караганду на открытие памятника покойному ученому. Это произошло 12 декабря 2006 года, в 12 часов дня. Находясь среди многих тысяч участников митинга, я размышлял: с той поры, как Евней Арыстанулы не по своей воле покинул территорию «Университетского городка», где сейчас высится первый корпус КарГУ и воздвигнут бронзовый монумент Е.А.Букетову местным скульптором А.Билыком, прошло ровно 27 лет. И теперь, по воле Всевышнего, на радость его соратникам и единомышленникам, тысячам поклонников его могучего таланта он снова вернулся сюда. Вернулся навсегда, как говорят у казахов в таких случаях, победителем на белом коне!.. Не парадокс ли? Да, парадокс, мало того, ирония судьбы! Хотелось бы спросить: где же его гонители, им-то не ставят памятников, даже не вспоминают об их днях рождения, не собираются отмечать их юбилеи. Тоже своего рода парадокс, только уж в обратном смысле...

И еще я подумал в те минуты ожидания у величественного монумента на университетской площади, что мы по сути приравняли Евнея Букетова к великому сыну и гордости земли казахской Канышу Сатпаеву. Слава тебе, мой наставник, незабвенный Ебеке! Быть тебе и стоять здесь вечно!..

И вот мы, Какимбек Салыков – автор «Реквиема» и я – автор документальной книги-эссе «Евней Букетов (Феномен личности)», под торжественную мелодию гимна РК сняли белое покрывало с памятника. Грянула музыка, рукоплескания не менее десяти тысяч людей ознаменовали исторический миг всенародного торжества.

Перед нами во всей красе и мощи, в полный рост предстала гигантская фигура знакомого всем нам Евнея Арыстанулы (высота памятника около семи метров, он установлен на небольшом пьедестале из красного мрамора. Сама фигура ученого возвышается на пять метров). В левой руке Евней Арыс-

танулы держит книгу, кажется, чьи-то стихи, а правой опирается на мраморную плиту, где изображена часть менделеевской таблицы элементов (отчетливо видны обозначения латынью галогенной группы – S, Se, Te, ...) Одет он в легкую накидку-пешмет, полностью распахнутый, видимо, это сделано для того, чтобы создать у зрителей ощущение стремительного движения вперед. Большая голова ученого открыта, слегка откинута назад. Взгляд задумчив и суров – все до боли знакомое, букетовское. В нем счастливо сочетались физическая мощь и мягкость, высокая нравственность и человечность, крайняя ранимость и беспредельное, несгибаемое мужество.

Скульптор сумел передать букетовский характер. В жизни Евней Арыстанулы был открытым, порою немного наивным, но по-своему упрямым и непокорным человеком. Он с презрением относился ко всякой лжи, никогда не терпел фальши в жизни, его всегдашняя готовность сражаться за справедливость, идти в бой ради науки – все это нашло воплощение в холодной бронзе памятника. Не знаю, как другим, но мне памятник понравился. Е.А.Букетов словно вернулся к нам, как живой, с живыми говоря. Спасибо Анатолию Петровичу Билыку, остановившему мгновение!

Этот час счастливой встречи с незабвенным Евнеем Арыстанулы для всех, приехавших из Астаны, Алматы, Павлодара, Петропавловска и Семипалатинска, стал поистине волнующим! Этот день для нас превратился в настоящий праздник, мы воочию видели торжество справедливости и победы правды над злом. Спасибо всем, кто принял участие в этом торжестве и кто оказал содействие в этом деле!..

* * *

Дело академика Е.А.Букетова живет в его учениках, научная школа, выпестованная им, шагнула в XXI век; литературные произведения Е.А.Букетова вошли в национальный золотой фонд. Они уже изданы в 6-ти томах, те, что еще не дошли до народа – в ближайшие годы станут его достоянием...

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Оглядываясь назад с высоты нынешних моих семидесяти с лишним лет, я отчетливо вижу начало своей жизни, когда я семнадцатилетним юношей из глухого казахского аула в 1953 году приехал в вечнозеленую красавицу Алма-Ату и поступил в КазГМИ (ныне КазНТУ, носящий имя К.И.Сатпаева, Казахский национальный технический университет), на металлургический факультет. В те студенческие годы состоялось мое знакомство с доцентом нашего факультета Евнеем Букетовым. Несмотря на разницу в возрасте в целых одиннадцать лет, а в молодые годы это особенно заметно, мы быстро сблизились. Сдружила нас, как ни странно, неодолимая тяга обоих к литературе. Блистательно начавший свою научную карьеру молодой, статный и красивый преподаватель, естественно стал моим кумиром. Оставаясь верным науке, Ебеке в те годы весь жар своего сердца отдавал поэзии, литературной критике. Как бескомпромиссного критика его ценили, боялись, мало того, за ним охотились многие маститые литераторы, чтобы именно он высказался об их произведениях на страницах периодической печати. А я, увлекающийся с литературой и начинающий писать студент, ясно же, чем-то старался походить на него...

Евней Арыстанулы стал большим ученым, а я — инженером-металлургом. Хотя мы жили в разных городах Казахстана, наши пути постоянно пересекались. Мы оба вступили на тернистый писательский путь, состояли в одном творческом союзе. Наши творческие замыслы в 70-е годы прошлого столетия по созданию в литературе образа легендарного народного академика К.И.Сатпаева уже неслучайно совпали. И мы оставались при

разработке этой сложной темы единомышленниками, помогали и советовались друг с другом, и, конечно, оба желали скорее завершить задуманное. Но, увы! Безжалостная система, которая управляла нами долгие годы, в лице отдельных власть предержащих не давала нам по-настоящему развернуться. Образно говоря, мы были связаны по рукам и ногам. В результате мы оба в самые плодотворные периоды своей творческой жизни вынуждены были, скрепя сердце, каждый по-своему искать способа, как вырваться из опутавшей нас паутины. В общем, мы оказались «друзьями по несчастью»...

Все перипетии нашей борьбы уже знакомы читателю. Но, скажу, здесь еще было и другое: общая беда, постигшая нас, способствовала росту взаимопонимания. Наши взгляды на многие явления в жизни совпали, и что важно, они выдержали трудные испытания, выпавшие на нашу долю. Именно этим объясняется мое активное участие в увековечении научных и литературных заслуг незабвенного, дорогого всем нам академика Евнея Арыстанулы Букетова, слишком рано покинувшего нас. К счастью, можно сказать, что почти все наши задумки уже осуществлены. В родном Казахстане признали Е.А.Букетова выдающимся ученым и оригинальным творцом художественного слова! Ему уже возданы подобающие почести.

И когда в начале 2003 года я получил предложение от его родного брата Камзабая Арыстанулы написать документальную книгу о моем наставнике-устазе, у меня не оказалось доводов, чтобы отказать уважаемому аксакалу. Я попросил его доставить в Семипалатинск весь архив ученого, особенно все его письма, воспоминания о нем, научные и литературные труды, даже рукописи неизданных трудов. Что было сделано незамедлительно.

Как только я приступил к первым главам документального повествования, определенного мною как роман-эссе, все события, пережитые мною в молодые годы, все встречи мои с Евнеем Арыстанулы предстали передо мною как наяву. В процессе работы пришлось отбирать факты, события, отсеивать самые важные. У меня не было проблем, трудностей, даже боязни, что я не справлюсь с поставленной задачей, как было это, скажем, во время работы с аналогичной сатпаевской темой.

Словом, «Евней Букетов» писался легко и быстро. Короче говоря, к 80-летнему юбилею со дня рождения Е.А.Букетова, который широко отмечался в Алматы, Караганде и Петропавловске в марте 2005 года, издательство «Казахстан» (владелец известный журналист Нурмахан Оразбек) сумело его издать. Все расходы по изданию книги оплатил Национальный центр по комплексной переработке минерального сырья РК (генеральный директор академик А.А.Жарменов, питомец Е.А.Букетова по ХМИ). Отрадно, что по обоюдному согласию все 2000 экземпляров 500-страничной книги мы раздали бесплатно участникам юбилейных мероприятий.

Жизнь тем и интересна, что она полна неожиданностей. Как бы в отместку за то, что живому герою моей книги, таланту-самородку Евнею Арыстанулы не давали в последние годы опубликовать ни одной строчки из его трудов, «Евнея Букетова» астанинское частное издательство «Фолиант» в 2005-2006 годы дважды выпустило в свет — в первый раз в своей серии «Нартұлға» («Прославленные личности»), во второй раз — включив в мои избранные сочинения в 6-ти томах. Ясно, последние издания осуществлялись с учетом спроса читателей. А он в настоящее время в пользу Евнея Букетова. Определяющим фактором явилось громкое имя Е.Букетова, уже возведенного средствами массовой информации в ранг выдающегося сына своего народа. Его жизнь предстала перед непосвященными читателями, да и молодым поколением казахстанцев в ореоле героя и мученика. Конечно, сказалось и то, что научная школа, созданная ученым, сегодня в расцвете сил, внедрямые ею в металлургию Казахстана новшества, между прочим, уже дают значительную прибыль, исчисляемую десятками миллионов долларов США... И все это в совокупности, так мне кажется, сделало популярными издания «Букетова» на казахском языке и родило идею перевести эссе на русский язык.

Таким образом, мне пришлось снова взяться за эту тяжелую работу. Хочу оговориться, что я не стал делать дословный перевод всего написанного ранее, как и при втором и третьем издании эссе, текст местами сокращен или дополнен новыми фактами из жизни Евнея Арыстанулы, ставшими мне извест-

ными после первой публикации. При переводе на русский язык я дал своему детищу новое название – «ЕВНЕЙ БУКЕТОВ (ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ)», что наиболее точно отражает облик и жизненный путь выдающегося ученого.

Теперь выскажу несколько своих суждений, которые обязательны для данного издания:

– первое, дотошный читатель здесь, безусловно, обнаружит разное написание отчества героя – Арыстанулы, впрочем, это слово так пишется по-казахски, исказить его при употреблении на русском языке я не мог (любое искажение воспринимается как неуважение к национальности). Но я, приняв во внимание замечания моих рецензентов и просьбу родного брата ученого, в диалогах, письмах и документах оставил отчество таким, каким оно было записано в паспорте – Арстанович;

– второе, мною в процессе написания эссе были использованы многие письменные свидетельства и воспоминания, все они были неотредактированными, в них зачастую повторялись факты, события. Мне пришлось при внесении их в текст книги редактировать, сокращать, конечно, сохраняя при этом основные мысли авторов. Тем не менее, я выражаю всем своим корреспондентам искреннюю благодарность за ценные сведения! Все они помогли мне постичь глубину натуры моего героя;

– третье, во время работы над казахским и русским текстами мне пришлось не раз выезжать в Караганду, Алматы, чтобы получить научные консультации у авторитетных ученых, соратников Е.А.Букетова. Всем им, особенно первым руководителям ХМИ и КарГУ – М.Ж.Толимбекову и Е.К.Кубееву, организаторам всех моих встреч, от души помогавшим в этом деле, я выражаю свою признательность и истинную благодарность, именно с их помощью я смог завершить эту работу. Особую симпатию и искреннюю благодарность хотел бы выразить профессорам Таисии Тимофеевне Савченко и Виталию Павловичу Малышеву, которые прочитали текст книги в рукописи и, конечно, высказали много дельных и ценных замечаний, которые были учтены мною и внесены в окончательный текст книги. Разумеется, самый низкий поклон – вдохновителю создания документального жизнеописания Евнея Арыстанулы, как на казах-

ском, так и на русском языке – Камзабаю Арыстанулы Букетову, хотя не во всех вопросах мы с ним были солидарны... Кстати, тут уж наши разногласия закономерны и понятны: Камза-еке требовал от меня абсолютной точности при описании любого события или факта: а я, как писатель, смотрел на это со своей позиции, отстаивая право на художественное отображение...

– и последнее, это касается заголовков глав: они необычны и зарифмованы, некоторые взяты из стихов Абая Кунанбаева, Абдильды Тажибаева, Какимбека Салыкова, Владимира Высоцкого и Николая Некрасова. Авторы всех цитат, приведенных в тексте, указаны там же, а другие сведения читатель найдет в источниках, перечисленных в конце этой книги – в библиографическом перечне использованных книг.

Медеу САРСЕКЕ
27 января 2007 г., Семипалатинск, РК

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Букетов Е.А. Литературные и научные труды: Грани творчества. Очерки. На русском языке. – А.: Жазушы, 1977; Святое дело Чокана. Эссе. Пути в незнаемое (Писатели рассказывают о науке), 18-сборник, сост. Д.С.Данин. – Москва: Советский писатель, 1985; Нефть, уголь и вода в химии и энергетике. – Караганда: Полиграфия, 1994; Шесть писем другу. – А.: Жалын, 1989; Детские годы Каныша. Документальная повесть. Публикация К.А.Букетова. – Караганда: ТОО «Арко», 2001; Фундаментальные труды академика Букетова Е.А. Под ред. д.т.н., профессора В.П.Малышева. – Қарағанды: Болашақ-баспа, 1999; Сокровенное. Критические статьи, воспоминания, путевые заметки, разные мысли и раздумья – на казахском и русском языках. В 2-х томах, составитель К.А.Букетов. Первая книга изд. – А.: Казахстан, 2000, вторая: – Караганда: ТОО «Арко», 2002; Собрания литературных сочинений и научных трудов в 6-ти томах. На казахском и русском языках. – Изд. КарГУ, 2005-2006 гг.

Букетов Е.А. Переводы на казахский язык: Василенко И. Артемка. Повесть (соавтор перевода С.Тлеубаев). – А.: КМКАБ, 1953; Эмиль Золя. Рассказы и статьи. – А.: КМКАБ, 1956; Маяковский В.В. Клоп. Сборник пьес на казахском языке. – А.: ҚМКӘБ, 1957; «Хорошо!», поэма, впервые в полном виде публикуется в 6-томном собр. соч.; Вазов И. Под игом (соавтор перевода С.Тлеубаев). – А.: КМКАБ, 1959; Есенин С. Моя любовь. Стихи и поэма «Анна Снегина». – А.: Жалын, 1978; Шекспир В. Макбет. Юлий Цезарь. Исторические драмы. Впервые опубликован в 6-томном собрании сочинений.

ЕВНЕЙ АРСТАНОВИЧ БУКЕТОВ. Биобиблиографический указатель. Составители – М.И. Жамбеков, К.Т. Рустембеков, З.М.Ким. – Караганда: Изд. КарГУ, 1992; Материалы к биобиблиографии. Сост.: Малышев В.П, Кулкыбаев Г.А., Адекенов С.М., Кубеев Е.К., Касенов Б.К. – Караганда, 2005; Казахский политехнический институт им. В.И.Ленина. – А.: Казахстан, 1992; Карагандинскому госуниверситету 20 лет. – Караганда, 1992; Карагандинский госуниверситет им. Е.А.Букетова. 1972-1997. – К.: Изд. КарГУ, 1997.

Воспоминания об академике Е.А.Букетове: Малышев Виталий. Поступью командора и пророка. – Караганда, 1994; Букетов Камзабай. Друг мой, брат мой. – Караганда, 1994; Дорога к истине. Книга воспоминаний. – Караганда: Изд. КарМУ, 2003; Есімі ел есінде. На казахском языке. Сост. Г.Кадыралин. – Петропавловск, 1996; Наш Букетов. На русском языке. – Караганда, 1997; Біртуар. На казахском языке. – К., 1998; Қыры – ғылым, өрі – өлең. – К.: Изд. КарГУ им. Е.А.Букетова, 2001; Евней бұлағы – Родник Евнея. Стихи Е.Букетова и стихи казахских поэтов, посвященные ему. Сост. К.А.Букетов. – Караганда: ТОО "Санат", 2000; Ашенов Е. Академик Букетов. Воспоминания. – Чимкент: Изд. ЖШС "Аскаралы", 2001; 80-летний юбилей академика Е.А.Букетова. Сост.: К.А.Букетов, Т.Ж.Кикимов, А.К.Искакова. – Астана: Изд. «Руна», 2005; Академик Е.А.Букетов. Ответств. за выпуск Заркын Тайшыбай. Сборник воспоминаний на казахском языке. – Изд. Северо-Казахстанского госуниверситета им. М.Козыбаева, 2005.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВНЕЯ БУКЕТОВА

1925, 23 марта – родился в ауле Баганаты Тонкерисского района Северо-Казахстанской области.

1931-1941 – учился в школах деревень Малый Кизяк, Макушино Мокроусовского района Курганской области РСФСР, затем продолжал учебу в Марьевской средней школе Октябрьского района СКО в Казахской ССР.

1941-1945 – учитель и завуч в начальных и неполных школах сел Соколовка, Ольгинка, Городец, Жалтыр и Двойники Октябрьского района Северо-Казахстанской обл.

1945 – сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Марьевской школе.

1945-1950 – студент Казахского горно-металлургического института, г. Алматы.

1950-1953 – аспирант того же института.

1954 – защита кандидатской диссертации на тему «Извлечение молибдена и его химанализ».

1954-1958 – ассистент, доцент кафедры металлургии легких и редких металлов в КазГМИ.

1958-1960 – заместитель директора по учебной работе КазГМИ, Алматы.

1960-1972 – директор научно-исследовательского Химико-металлургического института АН Казахской ССР, г. Караганда.

1966 – защита диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук на тему «Извлечение селена и теллура из медноэлектролитных шламов», г. Москва.

1968-1969 – профессор, заведующий кафедрой общей химии Карагандинского политехнического института (по совместительству).

1968-1970 – кандидат в члены Карагандинского обкома КП Казахстана.

1971-1981 – член Карагандинского обкома КП Казахстана.

1969, 1973-1980 – депутат областного совета Карагандинской области.

1969 – удостоен Государственной премией СССР в области науки и техники за разработку и внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

1970 – избран членом-корреспондентом АН Казахской ССР, награжден юбилейной медалью «За доблестный труд».

1971 – принят в члены Союза писателей СССР.

1972-1979 – ректор Карагандинского государственного университета.

1972 – член научного совета «Гидрометаллургия» Госкомитета по науке и технике при Совете Министров СССР

1975 – избран действительным членом АН Казахской ССР.

1976 – награжден орденом Трудового Красного Знамени, заведующий кафедрой физической химии КарГУ (по совместительству).

1978-1982 – организатор и председатель первой и второй Всесоюзных научных конференции по проблемам «Химия и технология халькогенов и халькогенидов», г. Караганда.

1978-1982 – организатор первой проблемной лаборатории в КарГУ и кафедры «Химия и технология халькогенов и халькогенидов».

1980 – профессор кафедры неорганической химии КарГУ (по совместительству).

1980-1983 – старший научный сотрудник ХМИ, г. Караганда.

1983, 13 декабря – скоропостижно скончался во время утренней прогулки, похоронен на Карагандинском городском кладбище.

СОДЕРЖАНИЕ

Уроки учителя 3
Первая глава
К УРАЛЬСКИМ ПРЕДГОРЬЯМ – С БЕРЕГОВ ЕСИЛЬ-РЕКИ,
КАТИЛСЯ ГОЛОДНЫЙ ЛЮД В НАДЕЖЕ СПАСТИ ДУШИ 9
Вторая глава
ВОЗВРАТИЛИСЬ К БЕРЕГАМ ЕСИЛЯ СНОВА
НЕТ МИЛЕЕ СЕРДЦУ БЕРЕГА РОДНОГО 53
Третья глава
В АЛАТАУ ОН ОТПРАВИЛСЯ... ТОГДА,
С ЮНОСТЬЮ ПРОСТИВШИСЬ НАВСЕГДА 85
Четвертая глава
О БОЖЕ, ГДЕ ЖЕ ЭТИ ГОДЫ,
ПОЛНЫЕ РАДОСТИ И ЛЮБВИ 115
Пятая глава
ПТИЦА МЕЧТЫ ПАРИТ В ВЫШИНЕ,
С НЕЮ ХОТЕЛ ОН БЫТЬ НАРАВНЕ 153
Шестая глава
ЧТО ДЕЛАТЬ – РАДИ НАУКИ
ПРИШЛОСЬ ЖИТЬ С СЕМЬЕЙ В РАЗЛУКЕ 195
Седьмая глава
В НАУКЕ ТОТ ДОСТИГНЕТ ВЫСОТ,
КТО СЕРДЦЕ И РАЗУМ ЕЙ ОТДАЕТ 261
Восьмая глава
УСПЕХ В НАУКЕ ПРИНЕСЕТ
БОГАТСТВО, СЧАСТЬЕ И ПОЧЕТ 299
Девятая глава
ДРУЗЬЯ, ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ
ПУСТЬ КАЖДЫЙ ВСТРЕТИТ, КАК ЕВНЕЙ 369
Десятая глава
НА ИЗВИЛИСТОЙ ТРОПЕ НЕ ПОСКОЛЬЗНИСЬ,
СМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО, УВЕРЕННО ДЕРЖИСЬ 413
Одиннадцатая глава
ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ
И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ, А ТАК... 471
Двенадцатая глава
ОН НЕМНОГО НА ЗЕМЛЕ ПРОЖИЛ,
НО ПАМЯТНИК ВЕЧНЫЙ ЗАСЛУЖИЛ 547
Тринадцатая глава
КАКОЙ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА УГАС
КАКОЕ СЕРДЦЕ БИТЬСЯ ПЕРЕСТАЛО! 591
Послесловие автора....638
Краткая библиография....643
Основные даты жизни
и деятельности Евнея Букетова....645

Серия «Нартұлға»

Выпуск №5

САРСЕКЕ МЕДЕУ

ЕВНЕЙ БУКЕТОВ
(Феномен личности)

Роман-эссе

(на русском языке)

Перевод с казахского
Медеу Сарсеке и Николая Алексеева

Редактор *Р.К.Турлынова*
Художественный редактор *Ж.Б.Казанкапов*
Технический редактор *Г.Т.Бектыбаева*
Компьютерная верстка *Е.Ашилова*

Подписано в печать 03.04.07. Формат 84/108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.п.л. 34,02.
Тираж 2000 экз. Заказ №73.

Издательство «Фолиант»
010000, г.Астана, ул.Ш.Айманова, 87/1

Отпечатано в типографии издательства «Фолиант»

ISBN 9965-35-145-7

993т
к/х

Медеу Сарсеке относится к поколению писателей, которое пришло в казахскую литературу в 60-е годы. Работая на производстве, молодой инженер в 1959-1965 годы одну за другой издает повести «Необыкновенный луч», «Тень невидимки», «От огня до атома», «Седьмая волна», увлекая юного читателя в мир научной фантастики.

В 1979 году М.Сарсеке знакомит своих читателей с остросюжетным произведением — романом «Взрыв», переведенным на русский язык и изданном дважды. Второй роман М.Сарсеке «Клад», рассказывающий о суровой и увлекательной жизни геологов-поисковиков, увидел свет в 1985 году, а на русском языке он появился в 1989 году.

В 1980 году в Москве в издательстве «Молодая гвардия» выходит его документальная книга «Сатпаев» в известной серии «ЖЗЛ». Над созданием биографического произведения о великом сыне казахского народа писатель работал более 40 лет. Оно переиздавалось 14 раз, общий тираж книги превысил 300 тыс. экз.

Писатель М.Сарсеке — фантаст, драматург, публицист-документалист — остается верен своему творческому кредо: живо откликаться на события и явления современности, исследовать жизненный материал глубоко и всесторонне, писать правдиво и остро. Всего писателем создано около 30 оригинальных книг, общий тираж которых на сегодня достиг 1 141 000 экземпляров.

Foliant